

Густав
ЭМАР

и
30 ЛОТЯ
КАСТИЛИИ

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается...

Библиотека

Приключений

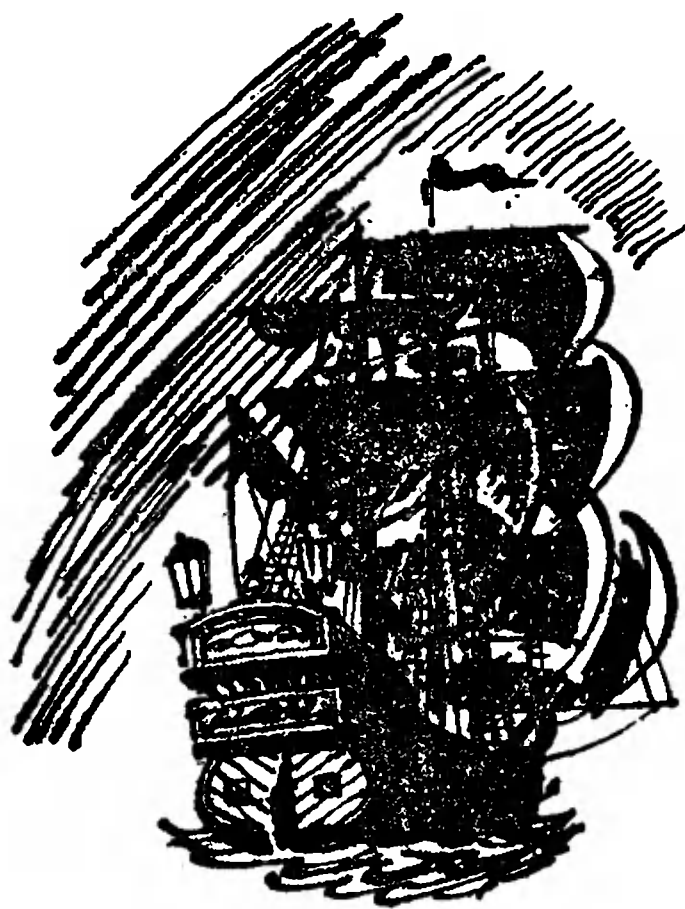
продолжается...

Scan Kreyder - 20.09.2015
STERLITAMAK

WNO
S

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается...

Густав
ЭМАР

АВАНТЮРИСТЫ
МОРСКИЕ
ЦЫГАНЕ
30 ДОША
РАСТУЩИЯ

МОСКВА
· ДИАМАНТ ·
1995

ББК 84.4Фр
Э54

Печатается по изданию:
«Г. Эмар. Собрание романов.
Спб., тип. Е. Ахматовой, 1870—1873 гг.»

*Оформление
Е. Соколова*

*В оформлении серии использованы
концепции художника С. М. Пожарского*

*Иллюстрации
М. Лисогорского*

**Выпуск издания осуществлен
ПКФ «Печатное дело»**

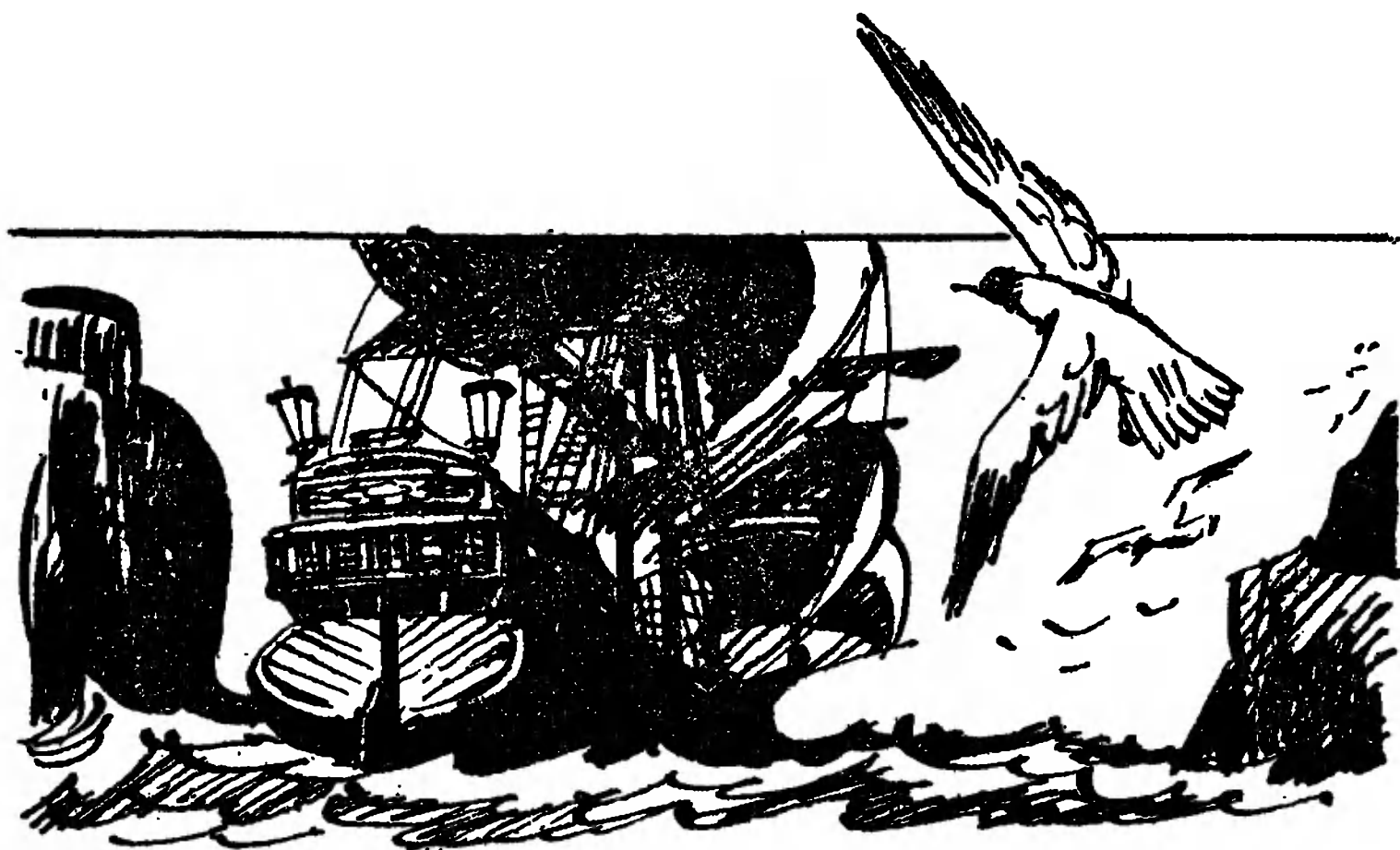
Э 4703010100-024
6Ф8(03)-95

ISBN 5-7356-0024-9

© Разработка серии, название,
состав, оформление
ПКФ «Печатное дело», 1995 г.
© Иллюстрации, -
М. Н. Лисогорский, 1995 г.

АВАНТЮРИСТЫ

I

ГОСТИНИЦА ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА

Хотя от Шансо, где начинается Сена, до Гавра, где она бросается в море, она заключает в себе не более восьмисот километров, однако, несмотря на это сравнительное протяжение, эта река одна из важнейших в целом свете, потому что от Юлия Цезаря до наших дней на берегах ее решались все великие общественные вопросы, волновавшие новейшие времена.

Туристы, живописцы, путешественники, отправляющиеся далеко отыскивать красивые местоположения, не могут найти ничего живописнее извилистых берегов этой реки, окаймленной торговыми городами и грациозными деревнями, кокетливо разбросанными направо и налево по зеленым долинам или исчезающими среди густого нашествия ее крутых берегов.

Наша история началась 26 марта 1641 года в одной из этих деревень, в нескольких лье от Парижа.

Деревня эта имела только одну улицу, длинную и узкую, спускавшуюся с вершины довольно крутой горы, шла вдоль небольшой речки и кончалась в нескольких шагах от Сены. Улица эта во всю свою длину была обрамлена низкими и безобразными домами, служившими большей частью гостиницами для извозчиков всякого рода, которые в

то время, когда еще не было больших дорог, постоянно проезжали эту деревню и останавливались в ней ночевать.

Верхний конец улицы был занят монастырем, очень богатым, возле которого возвышалось большое здание, скрытое в обширном саду и служившее гостиницей богатым людям, которых дела или удовольствия приводили в эту деревню, окруженную на десять миль вокруг роскошными жилищами знатных вельмож.

Ничто по наружности не могло заставить угадать в этом здании гостиницу; нижняя дверь вела в сад, и только пройдя его весь, можно было увидеть дом. Но у гостиницы был другой вход с дороги, тогда не многолюдной, в который въезжали лошади и экипажи, когда путешественник был принят трактирщиком.

Хотя этот дом был гостиницей, но его хозяин принимал не всех приезжих; напротив, он был очень разборчив, уверяя, что гостиница, удостоенная посещением короля и кардинала-министра, не должна была служить убежищем бродягам. Чтобы оправдать присвоенное себе право, трактирщик заказал вывеску, на которой был представлен французский герб с золотыми буквами, подписанными внизу:

«Гостиница Французского Двора».

Эта гостиница пользовалась большой известностью не только в окрестностях, но и в самом Париже, и поспешим прибавить, известностью заслуженной, потому что если трактирщик был разборчив относительно выбора своих посетителей, зато он ухаживал и за людьми, и за лошадьми с особенным почтением.

Несмотря на то, что наступили последние числа марта, холод был довольно силен; деревья, отягченные инеем, печально обрисовывали свои тощие силуэты на сером небе, и густой снег довольно толстым слоем покрывал землю. Хотя было около десяти часов вечера, ночь была светлая, и луна, плавающая в облаках, обильно проливала свои бледные лучи, позволявшие видеть, как днем.

Все спало в деревне, только из решетчатых окон гостиницы *Французского Двора* струились широкие полосы света, показывавшие, что, по крайней мере, там не спали.

Однако в гостинице путешественников не было. Всем приезжавшим днем и с наступлением ночи было отказано трактирщиком, толстяком с круглым лицом, с умными

чертами и с лукавой улыбкой, который ходил в эту минуту с озабоченным видом по своей огромной кухне, бросая иногда рассеянный взгляд на приготовления к ужину, которым занимался главный повар и его помощники.

Пожилая женщина, низенькая и кругленькая, вдруг вбежала в кухню и резко спросила трактирщика:

— Правда ли, мэтр Пильвоа, что вы приказали приготовить комнату с балдахином, как уверяет Мариетта?

— Что вам сказала Мариетта? — спросил трактирщик строгим тоном.

— Она велела мне приготовить лучшую комнату.

— Которая лучшая комната, мадам Тифена?

— Комната под балдахином, потому что в ней ее величество...

— Когда так, приготовьте комнату под балдахином, — перебил трактирщик.

— Однако, — осмелилась возразить мадам Тифена, которая пользовалась некоторым кредитом в доме, во-первых, как законная жена трактирщика, потом по милости некоторых довольно резких оттенков своего характера, — мне кажется, при всем моем к вам уважении...

— При всем моем к вам уважении, — закричал трактирщик, топнув ногою с гневом, — вы дура, моя милая; исполняйте мои приказания и перестаньте жужжать мне в уши...

Мадам Тифена поняла, что ее повелитель и властелин не был расположен в этот вечер переносить противоречия. Как женщина благоразумная, она ушла, предоставляя себе право впоследствии порядком отплатить за резкий выговор, полученный ею.

Довольный, без сомнения, своим повелительным поступком, мэтр Пильвоа, бросив торжествующий взгляд на своих подчиненных, удивленных, хотя они не смели этого показать, этим необычайным самовластием, направился к двери, которая вела в сад. Но в ту минуту, как он брался рукою за замок, эта дверь вдруг отворилась под носом у изумленного трактирщика, который отступил, шатаясь, на середину комнаты, и в кухню вошел мужчина.

— Наконец! — радостно вскрикнул незнакомец, бросив свою шляпу с пером на стол и сбрасывая плащ. — Ей-Богу! Я думал, что я в пустыне.

Прежде чем трактирщик, все более и более удивляясь бесцеремонности его обращения, успел воспротивиться, он взял стул и спокойно уселся на углу камина.

Пришедшему казалось на вид лет двадцать пять; длинные черные волосы в беспорядке падали на его плечи, резкие черты были благородны и умны, черные, пылкие глаза дышали мужеством и привычкою повелевать; физиономия имела отпечаток величия, умеряемого доброжелательной улыбкой, рот был большой, с ослепительными зубами, а красные и несколько толстые губы украшались, по моде того времени, усами, прекрасно завитыми; длинная бородка покрывала четырехугольный подбородок, знак упрямства.

Костюм его, не будучи богат, был, однако, опрятен, скроен со вкусом и несколько походил на военный, чему еще способствовали два пистолета, заткнутые за пояс, и длинная шпага с желтым эфесом, висевшая на боку. Высокий рост незнакомца, стройный и сильный, и вид отваги, распространенный во всей наружности, показывали одного из тех людей, которых было тогда много, людей с первого раза умевших требовать от тех, с которыми сводил их случай, уважения, полагая, что имеют на это право.

Между тем трактирщик, несколько оправившись от волнения и от удивления, сделал несколько шагов к незнакомцу и, поклонившись ниже, чем ему хотелось бы, и снимая бумажный колпак под влиянием блестящего взгляда, который незнакомец устремил на него, пролепетал не совсем твердым голосом:

— Милостивый государь...

Но незнакомец бесцеремонно перебил его, спросив:

— Вы трактирщик?

— Да,— проворчал мэтр Пильвоа, удивляясь, что принужден отвечать, когда приготовлялся расспрашивать.

— Хорошо! — продолжал незнакомец. — Сыщите мою лошадь, которую я бросил где-то в вашем саду; велите поставить ее в конюшню и вымыть загривок уксусом с водой; я боюсь, что содрана кожа.

Эти слова были произнесены так небрежно, что трактирщик от удивления не нашелся сказать ни слова.

— Ну! — продолжал незнакомец через минуту, слегка нахмутив брови. — Что ты стоишь, дурак, вместо того, чтобы исполнять мои приказания?

Мэтр Пильвоа, совершенно укрощенный, повернулся и вышел, шатаясь как пьяный. Незнакомец следовал за ним глазами с улыбкою и, обернувшись к слугам, шептавшимся между собой и смотревшим на него украдкой, сказал:

— Поставьте стол передо мной около огня и дайте мне ужинать. Поскорее, черт побери, я падаю от голода!

Слуги, внутренне радуясь сыграть шутку со своим хозяином, не заставили повторять два раза этого приказа: в одно мгновение стол был принесен, прибор поставлен, и трактирщик, воротившись, нашел путешественника разрывающим великолепную куропатку. Лицо Пильвоа приняло все оттенки радуги: сначала побледнело, потом покраснело, так что можно было бояться апоплексического удара.

— Уж это чересчур! — закричал он, топнув ногой с гневом.

— Что это с вами? — спросил незнакомец, поднимая голову и вытирая усы.

— Что со мной? — заворчал трактирщик.

— Да, кстати, что моя лошадь, в конюшне?

— Ваша лошадь, ваша лошадь, — бормотал Пильвоа, — до вашей ли теперь лошади!

— А что ж такое? Позвольте спросить, — сказал незнакомец, налив себе вина и разом выпивая рюмку, — гм! Это юрансонское! — прибавил он, поставив рюмку на стол с довольным видом, — Я его узнал!

Это равнодушие и эта бесцеремонность довели до крайней степени ярость трактирщика и заставили его забыть всякую осторожность.

— Какая дерзость, — вскричал он, хватая бутылку, — ворваться в дом честных людей без позволения хозяев! Убирайтесь-ка отсюда поскорее, если не хотите, чтобы вам худо пришлось. Ищите себе другого приюта, а я не могу и не хочу давать вам ночлег.

Незнакомец выслушал трактирщика без малейшего нетерпения, и когда мэтр Пильвоа наконец замолчал, он опрокинулся на спинку стула и посмотрел прямо в лицо трактирщика.

— Теперь вы выслушайте меня, — сказал он, — и впечатлейте мои слова хорошенько в вашей узкой голове. Ведь этот дом — гостиница, не так ли? Стало быть, он должен быть отперт каждому путешественнику, который за деньги ищет приюта и пищи. Я знаю, что вы присвоили себе право принимать людей по выбору. Если некоторые покоряются, это их дело, а не мое, я же не разделяю этого мнения и останусь здесь до тех пор, пока хочу. Я вам не запрещаю содрать с меня лишнее, это ваша трак-

тирская обязанность, я ничего не скажу против этого, но если мне не будут служить вежливо и проворно, если вы не дадите мне приличной комнаты, в которой я мог бы почивать — словом, если вы не выполните относительно меня все обязанности гостеприимства, я обещаю вам сорвать вашу вывеску, а вас повесить на ее место. Теперь вы поняли, хозяин? — прибавил незнакомец, так крепко сжав трактирщику руку, что бедный мэтр Пильвоа вскрикнул от боли, и оттолкнув его к самой стене кухни, так что трактирщик едва удержался на ногах, — служите мне и не спорьте.

Не занимаясь более трактирщиком, путешественник спокойно продолжал свой прерванный ужин.

Трактирщик чувствовал себя побежденным и не пытался продолжать борьбу, сделавшуюся невозможной. Пристыженный и униженный, он старался угодить странному посетителю, который насильно ворвался к нему в дом.

Путешественник не употребил во зло своей победы. Довольный результатом, которого он добивался, он этим не воспользовался. Так что мало-помалу и хозяин и посетитель скоро оказались в самых лучших отношениях и к концу ужина даже короткими друзьями.

Они стали разговаривать сначала о дожде и о хорошей погоде, о дороговизне съестных припасов, о болезни короля и кардинала, потом мэтр Пильвоа налил большой стакан вина своему непрошеному гостю и, вооружившись мужеством, сказал, качая головою:

— Знаете ли, что вы меня ужасно стесняете?

— Уж вы опять принимаетесь за старую историю? — отвечал незнакомец, выпивая стакан и пожимая плечами. — А я думал, что этот вопрос давно решен.

— Умоляю вас, не горячитесь, — боязливо сказал трактирщик, — я не имею ни малейшего намерения вас оскорблять.

— Так объяснитесь же откровенно, почему я так стесняю вас?

Трактирщик видел, что делать нечего, страх придал ему мужества.

— Поверьте, — сказал он смиренно, — я слишком хорошо знаю свет, чтобы осмелиться быть невежливым с таким знатным дворянином, как вы...

— Оставим это, — улыбаясь перебил незнакомец.

— Но моя гостиница нанята уже неделю тому назад

целым обществом дворян. Они должны приехать через час, а может быть и через полчаса. Эти дворяне желают быть одни в гостинице и взяли с меня клятву не принимать никаких других путешественников и заплатили мне за это.

— Очень хорошо,— сказал незнакомец с равнодушным видом.

— Как очень хорошо? — вскричал трактирщик.

— Что же мне больше сказать? Вы строго исполнили обязательства, и никто не может упрекнуть вас ни в чем.

— Как это?

— Разве только у вас здесь спрятался кто-нибудь,— с невозмутимым хладнокровием отвечал незнакомец,— что, признаюсь, было бы нечестно с вашей стороны.

— У меня нет никого.

— Ну так что ж?..

— А вы? — боязливо произнес трактирщик.

— О! Я — это другое дело,— смеясь, сказал незнакомец,— вы меня не приняли, напротив, я насильно к вам вошел. Ну, когда эти дворяне к вам явятся, вам останется только одно.

— Что такое?

— Рассказать в точности, что произошло между нами. Или я очень ошибаюсь, или это откровенное объяснение удовлетворит их, а если нет...

— А если нет, что я буду делать?

— Пришлите их ко мне, и я возьмусь их победить. Дворяне хорошего происхождения всегда понимают друг друга.

— Однако...

— Ни слова более об этом. Да вот, кажется, и они,— прибавил незнакомец, прислушиваясь и небрежно откидываясь на спинку стула.

На затвердевшем снегу слышался топот лошадей, потом несколько раз постучались в дверь.

— Это они! — прошептал трактирщик.

— Нет более причины заставлять их ждать, отворите, хозяин, сегодня очень холодно.

Трактирщик колебался с минуту, потом вышел, ничего не возразив.

Незнакомец старательно закутался в плащ, надвинул на глаза шляпу и ждал приезжих с равнодушным видом. Слуги, забившись в самый отдаленный угол кухни, дрожали, предвидя грозу.

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Между тем приезжие шумели на дороге и, по-видимому, теряли терпение от медлительности трактирщика. Он наконец решился отворить, хотя опасался последствий, какие могли иметь для него присутствие незнакомца в его доме.

Как только, по его приказанию, конюх отпер запор и отворились ворота, несколько всадников въехало во двор, а за ними карета, запряженная четверней. При свете фонаря, который держал слуга, трактирщик увидел, что путешественников семеро: три господина, три лакея и кучер на козлах. Все были закутаны в толстые плащи и вооружены с головы до ног.

Как только карета въехала во двор, всадники сошли с лошадей. Один из них, по-видимому имевший некоторую власть над своими спутниками, подошел к трактирщику, между тем как другие повернули карету в сад, где находился главный вход в дом, а лакеи затворяли ворота.

— Мои приказания исполнены буквально? — спросил путешественник с сильным иностранным выговором, хотя он очень правильно выражался по-французски.

При этом довольно затруднительном вопросе Пильвоа почесал в голове, потом отвечал хитро:

— На сколько было возможно.

— Что вы хотите сказать? — грубо спросил путешественник. — Однако инструкции были очень точны?

— Да, — смиренно отвечал трактирщик, — я даже скажу, что мне щедро заплатили вперед.

— Ну так что ж?

— Я сделал, что мог, — отвечал Пильвоа, все более смущаясь.

— Гм! То-есть у вас есть кто-нибудь?

— Увы! Есть, монсеньер, — отвечал трактирщик, поправив голову.

Путешественник с гневом топнул ногой, но тотчас же принял спокойный вид и спросил:

— Кто эти люди?

— Только один человек.

— А, только один, — сказал путешественник с доволь-

ным видом,— стало быть, ничего не может быть легче спровадить его.

— Я боюсь, что нет,— робко сказал трактирщик,— этот путешественник, которого я не знаю, кажется мне пре-грубым и я не думаю, чтобы он расположен был уйти.

— Хорошо, хорошо, я беру это на себя,— беззаботно сказал путешественник,— где он?

— Там, в кухне, греется у огня.

— Хорошо. Комната приготовлена?

— Да, монсеньер.

— Проводите сами этих господ. Никто из ваших людей не должен знать, что будет здесь происходить.

Трактирщик, обрадовавшись, что так дешево отделался, почтительно поклонился и поспешил уйти в сад, а путешественник, обменявшись несколькими словами с лакеем, оставшимся возле него, надвинул шляпу на глаза, отворил дверь и вошел в кухню.

Она была пуста, незнакомец исчез. Путешественник бросил вокруг озабоченный взгляд. Слуги, вероятно по приказаниям, прежде полученным от трактирщика, благо-разумно удалились. После минутной нерешимости путеше-ственник пошел в сад.

— Ну что, вы его видели, монсеньер? — спросил трак-тирщик.

— Нет, но это все равно,— отвечал путешественник,— ни слова о нем тем, кто приехал со мною. Он, верно, ушел, а если нет, смотрите, чтобы он не подходил к тем комна-там, которые вы нам отвели.

«Гм! Все это не совсем чисто»,— подумал трактирщик и, задумавшись, ушел.

Дело в том, что он боялся. Посетители его имели угрю-мые физиономии и резкие манеры, потом между деревьями его сада виднелись какие-то тени. Он остерегся исследовать это обстоятельство, но оно увеличило его тайные опасения.

Тифена с фонарем в руке ждала у дверей дома, чтобы посветить путешественникам и проводить их в их комна-ты. Когда карета остановилась у дверей, один из путеше-ственников подошел, отворил дверцу и помог даме выйти.

Эта дама, роскошно одетая, по-видимому, страдала и шла с трудом. Однако, несмотря на свою слабость, она от-толкнула руку, поданную ей одним из путешественников, и приблизилась к Тифене, которая, сострадательная, как все женщины, поспешила помочь ей зайти на лестницу, не-сколько крутую, которая вела в комнату с балдахином.

Путешественники оставили кучера и одного лакея стеречь карету, которую не откладывали, и молча пошли за больной дамой.

Комната с балдахином, самая красивая в гостинице, была велика и меблирована с роскошью. Яркий огонь горел в камине, и несколько свечей, расставленных на столах, разливали довольно большой свет. Дверь, закрытая обоями, сообщалась с небольшой комнаткой, имевшей выход в другие части дома.

Когда дама вошла в комнату с балдахином, она опустилась на стул и поблагодарила трактирщицу наклоном головы. Тифена скромно ушла, удивленная и почти испуганная при виде мрачных людей, среди которых она находилась.

— Господи Боже мой! Что здесь такое будет? — сказала она мужу, которого встретила в коридоре, где он прохаживался с озабоченным видом, — эти люди меня пугают. Эта бедная дама вся дрожит и, насколько я могла примечать ее лицо под маской, оно бело как снег.

— Я так же испуган, как и вы, душа моя, — отвечал со вздохом Пильвоа, — но мы ничего не можем сделать. Это слишком знатные господа, друзья кардинала. Они погубят нас. Нам остается только удалиться в нашу комнату, как нам приказано, до тех пор, пока потребуются наши услуги.

Трактирщик и жена его ушли в свою спальню и не только заперли дверь ключом, но еще загородили ее всем, что попало им под руку.

... Незнакомец, притворяясь равнодушным, следовал глазами за всеми движениями трактирщика, и как только тот вышел из кухни, чтобы отворить путешественникам, он встал, бросил кошель, полный золота, поварам, приложил палец к губам в знак молчания и, закутавшись в плащ, вышел из кухни.

Повара поняли, что незнакомец скрывает какие-нибудь планы, в которые им не следовало вмешиваться, разделили между собою деньги, так щедро им подаренные, и, припомнив приказания, полученные от хозяина, отправились спать.

Незнакомец, пока трактирщик принимал путешественников, углубился в сад. Дойдя до маленькой двери, о которой мы говорили, он тихо засвистел.

Тотчас два человека явились перед ним. У каждого была длинная рапира на боку, за поясом пистолеты и карабин в руке.

— Что нового? — спросил незнакомец, — вы видели что-нибудь, Мишель?

— Капитан, — отвечал тот, к которому относился этот вопрос, — я ничего не видал, но я опасаясь засады.

— Засады?

— Да, вот Тихий Ветерок приметил несколько человек подозрительной наружности, которые, кажется, хотят нас *абординовать*.

— Вы с ума сошли, Мишель! Вы видели путешественников, приехавших в гостиницу?

— Нет, капитан, они похожи, напротив, как две капли воды на тех, которые гонятся за нами с третьего дня. Я готов побиться об заклад, что это сыщики кардинала.

Незнакомец, по-видимому, размышлял.

— Далеко они? — спросил незнакомец.

— Говори, Тихий Ветерок, — обратился Мишель к своему товарищу.

— Я их *проведал* около пяти часов, — сказал Тихий Ветерок, бретонец, низенький и коренастый, с хитрой и лукавой физиономией, — *я шел под нижними парусами* только для того, чтобы перегнать их, и, кажется, оставил их в дрейфе позади.

— Стало быть, у нас в запасе целый час.

— Около того, капитан.

— Это более чем нам нужно. Послушайте, молодцы, поклянитесь вашей матросской честью, что вы будете повиняться мне.

— Непременно, — отвечали оба.

— Я полагаюсь на вас.

— Это известно, — сказал Мишель.

— Что ни случилось бы, предоставьте мне действовать одному, если я не дам вам особенного приказания помочь мне. Если, пока мы здесь, явятся сыщики кардинала, вы убежите.

— Мы убежим?! — воскликнули оба моряка.

— Это необходимо, дети! Кто меня освободит, если мы все трое будем в плену?

— Это справедливо, — заметил Мишель.

— Итак, это решено?

— Да, капитан, — отвечали оба.

— Ах, кстати, если меня возьмут, вам будут нужны деньги, чтобы освободить меня. Возьмите.

Он подал им тяжелый кошелек, который матросы взяли без всяких замечаний.

— Теперь ступайте за мной и глядите в оба.

— Будьте спокойны, капитан,— сказал Мишель,— мы станем смотреть.

Незнакомец пошел к дому, а за ним оба моряка. Они пришли в коридор, в конце которого находилась комната путешественников, в ту минуту, когда метр Пильвоа со своей супругой заперлись в своей спальне. Карета, которую стерегли кучер и слуга, все стояла перед главной дверью, но три человека прошли незамеченные никем.

Как только трактирщица вышла из комнаты с балдахином, путешественник, по-видимому, пользовавшийся некоторой властью над своими спутниками, отворил дверь в смежную комнату, чтобы удостовериться, не подслушивает ли там какой-нибудь шпион, потом сел около камина и сделал знак своим спутникам последовать его примеру; только два лакея остались на ногах у дверей, опираясь рукою на карабин.

Несколько секунд продолжалось молчание в комнате, где, однако, находились десять человек. Наконец путешественник решился заговорить с молодой дамой, которая лежала на стуле, склонив голову на грудь и свесив руки.

— Дочь моя,— сказал он серьезным тоном по-испански,— настала минута ясного и категоричного объяснения между нами, потому что нам остается только четыре мили до конца нашего продолжительного путешествия. Я намерен остаться сутки в этой гостинице, чтобы дать вам время собраться с силами и явиться в приличном виде перед тем, кого я назначаю вам.

Молодая женщина отвечала на эту сухую речь только глубоким стенанием. Отец ее продолжал, не подавая вида, что примечает ее унылый вид:

— Вспомните, дочь моя, что я только по просьбе ваших братьев согласился простить вам проступок ваш с непременным условием, что вы будете повиноваться моим приказаниям.

— Где дитя мое?.. — прошептала дама голосом, прерывавшимся от горести,— что вы сделали с моим ребенком?

Путешественник нахмурил брови, бледность разлилась по лицу его, но он тотчас оправился и сказал мрачным голосом:

— Опять этот вопрос! Не шутите моим гневом, напоминая мне ваше преступление и бесславие нашего дома.

При этих словах молодая дама вдруг выпрямилась и,

сорвав бархатную маску, прикрывавшую ее лицо, сказала голосом гордым и прямо смотря в лицо отцу:

— Я не виновата, и вы это знаете! Вы сами представили мне графа де Бармона, вы сами одобряли нашу любовь, по вашим же приказаниям мы были тайно обвенчаны. Осмельтесь опровергнуть это!

— Молчать! — закричал путешественник, вскочив.

— Батюшка! — вскрикнули два других путешественника, до сих пор остававшиеся неподвижны и как бы чужды этому бурному разговору, бросаясь к отцу.

— Хорошо, я обуздаю себя, — сказал он, садясь на прежнее место. — Я задам вам только один вопрос, донна Клара: будете вы повиноваться мне?

Она колебалась с минуту, потом, приняв решительное намерение, отвечала голосом резким и твердым:

— Выслушайте меня, батюшка. Вы сами сказали, что настала минута объяснения, объяснитесь же. Я ваша дочь и также забочусь о чести нашего дома, вот почему я требую, чтобы вы мне отвечали без обиняков и без изворотов.

Эта молодая женщина, говорившая с необыкновенной энергией, которую придавала ей горесть, была красоты необычайной. Откинувшись назад, гордо подняв голову с длинными и шелковистыми черными волосами, падавшими в беспорядке на плечи и составлявшими контраст с мраморной бледностью лица, с большими глазами, горевшими лихорадкой и наполненными слезами, которые медленно текли по ее щекам, она имела во всей своей наружности что-то роковое, как будто не принадлежавшее земле. Отец ее растрогался, несмотря на свою свирепую гордость, и отвечал голосом менее грубым:

— Я вас слушаю.

— Я вам сказала уже, что я не виновата, — продолжала она, — и повторяю, что была тайно обвенчана с графом де Бармоном в церкви Мерсед в Кадиксе по вашему приказанию. Вы это знаете, стало быть, мне нечего распространяться об этом, мой ребенок законный, и я имею право им гордиться. Каким же образом вы, герцог Пеннафлор, принадлежа к грандам испанским, не только в день нашей свадьбы похитили у меня супруга, вами же выбранного, но и вдруг прогнали его от себя и отняли у меня моего ребенка в час его рождения, да еще обвиняете меня в ужасном преступлении и намереваетесь, когда жив еще мой первый муж, выдать меня за другого. Отвечайте же мне, в чем состоит честь, о которой вы мне так часто говорите, и по ка-

кой причине вы поступаете так жестоко с несчастной, которая обязана вам жизнью, и с тех пор как существует, показывала к вам только любовь и уважение?

— Это уже слишком, непослушная дочь! — закричал герцог, вставая с гневом, — если вы не боитесь идти мне наперекор таким недостойным образом...

Но он вдруг замолчал и остался неподвижен, трепеща от ярости и испуга. Дверь комнаты внезапно отворилась, и на пороге явился человек, гордо выпрямившись, с пылающими глазами и положив руку на эфес своей шпаги.

— Людовик! — вскричала молодая женщина, бросаясь к нему.

Но братья удержали ее и принудили сесть.

— Граф де Бармон! — прошептал герцог.

— Я самый, герцог Пеннафлор, — отвечал незнакомец с чрезвычайной вежливостью, — вы меня, кажется, не ждали?

Сделав несколько шагов по комнате, между тем как матросы, следовавшие за ним, стерегли дверь, граф де Бармон гордо надел шляпу на голову и, скрестив руки, сказал надменно:

— Что здесь случилось? Кто смеет притеснять графиню де Бармон?

— Графиню де Бармон! — с презрением повторил герцог.

— Это правда, — возразил граф иронически, — я забыл, что вы с минуты на минуту ждете бумаги, которые уничтожат мой брак и позволят вам отдать вашу дочь за человека, влияние которого доставило вам место вице-короля Новой Испании.

— Милостивый государь! — закричал герцог.

— Как, разве я ошибся? Нет, нет, герцог, мои шпионы не хуже ваших, мне хорошо служат, поверьте, но этот недостойный поступок не будет совершен. Слава Богу, я поспел вовремя, чтобы помешать. Посторонитесь, — сказал он, оттолкнув сыновей герцога, не пускавших его пройти, — я ваш муж, графиня, следуйте за мною, я сумею вас защитить.

Молодые люди, бросив сестру, которая была почти без чувств, устремились к графу и оба ударили его в лицо перчаткою, обнажив шпагу. Граф при этом жестоком оскорблении страшно побледнел, заревел, как хищный зверь, и также обнажил шпагу. Лакеи, боясь матросов, не делали ни малейшего движения. Герцог бросился между тремя молодыми людьми, готовыми вступить в бой.

— Граф,— холодно сказал он своему младшему сыну,— предоставьте вашему брату наказать этого человека.

— Благодарю вас, батюшка,— отвечал старший, становясь в позицию, между тем как младший брат опустил шпагу и сделал шаг назад.

Донна Клара без чувств лежала на полу. Было что-то зловещее в зрелище, которое в эту минуту представляла эта комната: женщина хрипела на полу в страшном нервном припадке, и никто не думал ей помочь; старик с нахмуренными бровями, с чертами, сжатыми горестью, присутствовал бесстрастно по наружности при дуэли своего старшего сына со своим зятем, между тем как его младший сын кусал губы от гнева, что не может помочь своему брату. Эти матросы, приставившие пистолеты к горлу лакеев, бледных от страха, а среди комнаты, слабо освещенной несколькими дымящимися свечами, эти два человека со шпагою в руке готовы были зарезать друг друга.

Дуэль продолжалась недолго. Слишком сильная ненависть воодушевляла противников, для того, чтобы они стали понапрасну терять время. Сын герцога, бывший нетерпеливее графа, наносил ему удар за ударом, которые граф, несмотря на свое искусство, отражал с трудом, но вдруг молодой человек поскользнулся, и граф в это мгновение сделал движение быстрее мысли, и шпага его вся исчезла в груди его противника. Молодой человек протянул руки, выпустил шпагу и упал на пол, не произнеся ни одного слова. Он умер.

— Убийца! — закричал его брат, бросаясь на графа со шпагой в руке.

— Вероломный! — отвечал граф, отражая нанесенный ему удар и выбивая шпагу, которая полетела к потолку.

— Остановитесь! Остановитесь! — закричал герцог, обезумев от горя и бросаясь к двум противникам, которые схватились в рукопашный бой.

Но это позднее вмешательство было бесполезно: граф, одаренный необыкновенной силой, легко успел освободиться от молодого человека и, бросив его на пол, стал коленом на его грудь.

Вдруг раздался топот лошадей, послышался звук оружия и поспешные шаги нескольких человек, бежавших по лестнице.

— А! — закричал герцог со свирепой радостью,— вот и мщение, наконец!

Граф, не удостоивая ответом своего врага, обратился к матросам.

— Бегите! — закричал он громовым голосом.

Они не решались.

— Бегите, если хотите меня спасти, — прибавил он.

Оба матроса, схватив свои карабины за дуло, чтобы проложить себе путь, употребив их как палицы, бросились в коридор и исчезли.

Граф тревожно прислушался и услышал ругательства, шум ожесточенной борьбы, потом через минуту отдаленный крик, так хорошо известный морякам. Лицо его прояснилось, он вложил шпагу в ножны и холодно ждал, прошептав:

— Они спасены! Мне остается надежда!

III

АРЕСТ

Почти тотчас в комнату вбежало двенадцать человек. Шум, продолжавшийся извне, показывал, что на лестнице и в коридорах были люди, готовые в случае надобности поспеть на помощь к первым. Все эти люди были вооружены, впрочем, в них легко было узнать королевских или, лучше сказать, кардинальских гвардейцев. Только двое из них, с лукавой и кошачьей физиономией, с косыми взглядами и в черном платье, не имели оружия, но, по всей вероятности, их надо было опасаться более других, потому что под своей раболепной вежливостью они, без сомнения, скрывали неумолимую волю делать вред. Один из них держал в правой руке несколько бумаг. Он сделал вперед три шага, бросил вокруг подозрительный взгляд и сказал голосом резким и прерывистым:

— Именем короля, господа!

— Что вам нужно? — спросил граф де Бармон, решительно подходя к нему..

При этом движении, которое он принял за враждебную демонстрацию, человек в черном платье с живостью отступил, но тотчас возвратил хладнокровие и отвечал со зловещей улыбкой:

— Граф Людовик де Бармон, кажется?

— К делу, милостивый государь, к делу! — надменно возразил граф. — Я граф де Бармон.

— Капитан королевского корабля, — бесстрастно продолжал человек в черном, — командир фрегата его величества *Эригона*.

— Я вам сказал, что я тот, кого вы ищете, — отвечал граф.

— Я действительно к вам имею дело, граф. Вас не легко нагнать. Вот уже целую неделю я рыскаю за вами, я почти потерял надежду встретиться с вами.

Все это было сказано с раболепным видом, сладеньким голосом и с приторной улыбкой, которые могли бы взбесить и праведника, а тем более того, к которому обращался этот странный человек — граф был характера не очень терпеливого.

— Скоро ли вы кончите? — вскричал он, с гневом топнув ногой.

— Имейте терпение, граф, имейте терпение, — отвечал человек в черном тем же бесстрастным тоном. — Боже мой, как вы вспыльчивы! Так как вы по собственному вашему признанию граф Людовик де Бармон, командир фрегата его величества *Эригона*, — прибавил он, бросив взгляд на бумаги, которые держал в руках, — то в силу данных мне приказаний я вас арестую именем короля за дезертирство, за то, что вы без позволения бросили в чужих краях, то есть в Лиссабоне, в Португалии, ваш фрегат. Отдайте мне вашу шпагу, граф, — прибавил он, подняв голову и устремив на графа свои косые глаза.

Граф де Бармон презрительно пожал плечами.

— Шпага дворянина моей фамилии никогда не будет отдана такому негодяю, как ты, — с презрением сказал он и, обнажив шпагу, холодно сломал лезвие о колено, а куски бросил в окно, разбив стекла. Потом схватил из-за пояса два пистолета и зарядил их.

— Граф, граф! — закричал сбир, с испугом отступая. — Это бунт, подумайте, бунтовство против приказа его величества и его святейшества кардинала!

Граф презрительно улыбнулся и, подняв пистолеты, выстрелил в воздух. Пули засели в потолке, пистолеты граф вышвырнул в окно и, скрестив руки на груди, холодно сказал:

— Теперь делайте со мною, что хотите.

— Вы сдались, граф? — спросил сбир с плохо скрываемым страхом.

— Да, с этой минуты я ваш пленник.

Сбир свободно перевел дух, хотя граф еще пугал его.

— Только, — продолжал граф, — дайте мне сказать два слова этой даме.

Он указал на донну Клару, которая благодаря заботам трактирщицы, прибежавшей на шум, несмотря на просьбы и приказания мужа, начала приходить в себя.

— Нет, нет, ни слова! — закричал герцог, бросаясь между своей дочерью и графом. — Уведите этого негодяя, уведите его!

Но сбир, обрадовавшись легкости, с какой граф ему сдался, и не желая возбуждать его гнева, а в особенности для того, чтобы показать свою власть, не подвергаясь никакому риску, сказал:

— Позвольте, позвольте! Граф желает говорить с этой дамой.

— Но этот человек — убийца! — запальчиво закричал герцог. — Перед вами лежит тело моего несчастного сына, убитого им.

— Я сожалею, — отвечал сбир, — но ничего не могу сделать. Обратитесь, к кому следует. Однако, если вам может быть это приятно, я запишу ваше обвинение, но вы, наверно, столько же желаете освободиться от нас, сколько мы желаем уехать. Позвольте же графу спокойно проститься с молодой дамой. Я уверен, что это продолжится недолго.

Герцог бросил на сбира свирепый взгляд, но, не желая компрометировать себя с таким негодяем, ничего не отвечал и отступил с мрачным видом.

Граф присутствовал при этом споре, не показывая ни нетерпения, ни досады. С бледным лицом, с нахмуренными бровями, он ждал, готовый, без сомнения, решиться на какую-нибудь страшную крайность, если бы ему отказали.

Сбиру стоило бросить на него один взгляд, чтобы угадать, что происходило в его сердце. Не желая возобновления неприятностей, он благоразумно сказал:

— Говорите, никто вам не мешает.

— Благодарю, — глухо отвечал граф, приближаясь к донне Кларе, которая смотрела на него пылающим взглядом.

— Клара, — сказал граф голосом твердым и глубоко внятным, — вы любите меня?

Она колебалась с минуту и склонила голову, глубоко вздохнув.

— Вы любите меня? — повторил граф.

— Я вас люблю, Людовик, — отвечала она голосом слабым и дрожащим.

— Вы любите меня как вашего супруга перед Богом и людьми и как отца вашего ребенка?

Молодая женщина встала, ее черные глаза метнули молнию и, протянув руку вперед, она произнесла голосом, прерывающимся от волнения:

— В присутствии моего отца, готового проклясть меня, перед телом умершего моего брата, при людях, слушающих меня, я клянусь, Людовик, что я люблю вас как отца моего ребенка и что бы ни случилось, останусь вам верна.

— Хорошо, Клара, — сказал граф, — Господь принял вашу клятву, он поможет вам сдержать ее. Вспомните, что мертвая или живая вы принадлежите мне, так как я принадлежу вам, и никакое могущество в мире не может разорвать связь, соединяющую нас. Теперь прощайте и не теряйте мужества.

— Прощайте! — прошептала она, падая на стул и закрывая лицо руками.

— Пойдемте, господа! Делайте со мною, что хотите, — сказал граф, обращаясь к сбирам, тронутым невольно этой сценой.

Герцог бросился к своей дочери как тигр и, неистово схватив ее за правую руку, принудил поднять лицо, омоченное слезами, и, устремив на нее взгляд, сверкавший бешенством, которое раздирало его сердце, он закричал:

— Дочь моя! Приготовьтесь через два дня выйти за человека, которого я назначаю вам в супруги. А ребенка вашего вы не увидите никогда. Он для вас не существует.

Молодая женщина вскрикнула от отчаяния и упала без чувств на руки трактирщицы. Граф, в эту минуту выходивший из комнаты, обернулся к герцогу и, протянув к нему руку, закричал голосом, который оледенил ужасом присутствующих:

— Палач! Будь проклят! Клянусь честным словом дворянина, что я так страшно отомщу тебе, что воспоминание об этом мщении останется вечно, а если не смогу поразить тебя, вся нация, к которой ты принадлежишь, согнетя от страшной тяжести моей неумолимой ненависти. Между нами теперь война дикарей и хищных зверей, без пощады и без милосердия. Прощай!

Оставив гордого испанца в испуге от этого страшного

проклятия, граф вышел твердыми шагами, бросив последний взгляд любви на женщину, которую он любил и с которой он расстался может быть навсегда.

Коридоры, лестницы и сад гостиницы были наполнены вооруженными людьми. Очевидно, было чудом, что оба матроса успели убежать. Это придало графу надежду, и он сошел твердыми шагами под внимательным надзором сбиров, не терявших его из вида. Сбирам давно сказали, что они будут иметь дело с морским офицером страшно вспыльчивого характера, изумительной силы и неукротимого мужества, поэтому добровольная покорность пленника, которую они считали притворной, не внушала им доверия и они держались в оборонительной позиции.

Когда они вышли в сад, начальник сбиров приметил карету, все еще стоявшую перед дверью.

— Вот именно то, что нам нужно! — сказал он, потирая руки. — Мы так спешили сюда, что забыли взять карету. Прошу вас, садитесь, граф, — прибавил он, отворяя дверцу.

Граф сел, не заставляя себя просить. Сбир обратился к кучеру, сидевшему неподвижно на козлах.

— Сойди! — сказал он повелительным тоном. — Именем короля, я беру эту карету. Уступи место одному из моих подчиненных. Эвелье, — обратился он к высокому сбиру дерзкой наружности и такому худощавому, что тот, кто стоял возле него, всегда видел только его профиль, — садись на козлы вместо этого человека и поедем!

Кучер не сопротивлялся такому решительному приказанию, сошел с козел и на его место сел Эвелье, а начальник сбиров поместился в карете напротив своего пленника, запер дверцу, и лошади, подгоняемые сильными ударами бича, поскакали, таща за собою тяжелую карету, около которой ехало двадцать солдат.

Довольно долго ни одного слова не было произнесено между пленником и сбиром. Граф думал, сбир спал или, лучше сказать, притворялся спящим. В марте ночи уже коротки, и скоро широкие белые полосы начали показываться на горизонте. Граф, до сих пор остававшийся неподвижным, сделал легкое движение.

— Вы страдаете, граф? — спросил сбир.

Этот вопрос был сделан тоном совсем непохожим на тот, которым до сих пор говорил сбир. В голосе его слышалось такое сострадание, что граф невольно вздрогнул и пристально посмотрел на говорившего, но на сколько он мог приметить при слабом свете начинающегося дня, чело-

век, находившийся перед ним, имел все такую же невзрачную физиономию и ту же ироническую стереотипную улыбку на губах. Граф подумал, что ошибся и, откинувшись назад, отвечал сухим тоном, которым хотел прекратить всякое желание разговаривать с ним:

— Нет!

Но сбир, вероятно, был расположен говорить, потому что сделал вид, будто не замечает, каким образом приняли его предупредительность, и продолжал:

— Ночи еще холодные, воздух со всех сторон входит в эту карету, и я боялся, не озябли ли вы.

— Я привык переносить и холод и жару,— отвечал граф,— притом, если бы даже я привык не вполне, то скоро, вероятно, должен буду привыкнуть терпеть все безропотно.

— Почему знать, граф? — сказал сбир, качая головой.

— Как, разве я не осужден на продолжительный плен в крепости?

— Так значит в приказе, исполнение которого поручено мне.

Наступило минутное молчание. Граф рассеянно смотрел на окрестности, освещенные первыми лучами рассвета, наконец, он обратился к сбиру:

— Могу я вас спросить, куда вы меня везете?

— Почему же? — отвечал сбир.

— И вы будете отвечать на мои вопросы?

— Мне не запрещено.

— Итак, куда же мы едем?

— На острова Св. Маргариты.

Граф внутренне вздрогнул. Острова Лерен или Св. Маргариты уже в то время пользовались почти столь же ужасной известностью, какую приобрели они впоследствии, когда служили тюрьмою таинственной железной маске, на которую смотреть было запрещено под страхом смерти.

Сбир пристально смотрел на графа, не говоря ни слова.

Тот продолжал:

— Где мы теперь?

Сбир наклонился к окну, выглянул и сказал:

— Мы подъезжаем к Корбейлю. Будут менять лошадей. Если вы желаете отдохнуть, я могу приказать остановиться на час. Может быть, вам угодно закусить чего-нибудь?

Этот странный человек мало-помалу приобретал в глазах графа интерес.

— Хорошо,— сказал он.

Ничего не отвечая, сбир опустил стекла и закричал:

— Эвелье!

— Что? — спросил тот.

— Остановись в гостинице *Золотой Лев*.

— Хорошо!

Через десять минут карета остановилась на улице Сен-Спир перед дверью гостиницы. Сбир вышел из кареты, граф за ним, и оба вошли в гостиницу, часть конвоя осталась на улице, остальные сошли с лошадей и разместились в общей зале.

По знаку сбира, которого он, по-видимому, знал хорошо, трактирщик провел его в комнату на первом этаже, довольно хорошо меблированную, и где в камине горел большой огонь, потом ушел, не говоря ни слова, против обыкновения своих собратьев.

Граф машинально последовал за сбиром и сел на стул возле камина, слишком озабоченный своими собственными мыслями, для того, чтобы приписывать большое внимание тому, что происходило вокруг него. Когда трактирщик оставил их одних, сбир запер дверь и, сев напротив пленника, сказал:

— Теперь поговорим откровенно, граф.

Граф, удивленный этими словами, с живостью поднял голову.

— Мы не можем терять времени, ваше сиятельство, — продолжал сбир. — Выслушайте же меня не прерывая. Я Франсоа Бульо, младший брат мужа вашей кормилицы. Вы узнаете меня?

— Нет, — отвечал граф, с минуту пристально рассматривая сбира.

— Это меня не удивляет. Вам было только восемь лет, как я в последний раз имел честь вас видеть в замке Бармон, но все равно, я вам предан и хочу вас спасти.

— Кто меня удостоверит, что вы точно Франсоа Бульо, брат мужа моей кормилицы, и что вы не стараетесь меня обмануть? — отвечал граф подозрительным тоном.

Сбир пошарил в кармане, вынул оттуда несколько бумаг, которые подал графу. Тот машинально взглянул на них. Это было метрическое свидетельство, несколько писем, доказывавших личность брата мужа его кормилицы. Граф возвратил ему бумаги.

— Как же это вы меня арестовали так кстати, чтобы оказать помощь мне? — спросил он.

— Очень просто, граф. Голландское посольство просило кардинала-министра вас арестовать. Лаффема, приближенный кардинала и хорошо расположенный ко мне, выбрал меня для приведения в исполнение распоряжений кардинала.

Если бы дело шло о другом, я отказался бы, но я вспомнил о милостях вашего семейства ко мне и к моему брату, и, воспользовавшись случаем, который мне предоставила моя должность, я захотел из признательности вас спасти.

— Это мне кажется нелегко, мой бедный друг.

— Гораздо легче, чем вы думаете, ваше сиятельство. Я здесь оставлю половину нашего конвоя, человек двенадцать, с нами останется только десять.

— Гм, и это еще довольно порядочное количество,— отвечал граф, невольно заинтересовавшись.

— Это было бы слишком много, если бы в числе этих десяти человек не было семи, в которых я уверен, значит, мы должны опасаться только троих. Я давно гоняюсь за вами, ваше сиятельство,— прибавил сбир, смеясь,— и предосторожности мои приняты, как вы увидите, под предлогом, который придумать нетрудно, мы проедем через Тулон и там остановимся часа на два в известной нам гостинице. Вы переоденетесь монахом нищенствующего ордена и выйдете из гостиницы незаметно. Я постараюсь удалить тех конвойных, в которых я не уверен. Вы пойдете к пристани с бумагами, которые я вам отдам, отправитесь на очаровательном люгере под названием *Чайка*, который я нанял для вас и который ждет вас. Хозяин люгера узнает вас по паролю, который я вам скажу, и вы поедете куда хотите. Не прост ли этот план, ваше сиятельство и не забыл ли я что-нибудь? — прибавил сбир, радостно потирая руки.

— Нет, друг мой,— отвечал граф, с волнением протягивая ему руку,— вы не предусмотрели одного.

— Чего, граф? — спросил сбир с удивлением.

— Я не хочу бежать! — отвечал молодой человек, печально качая головой.

IV

ОСТРОВ СВ. МАРГАРИТЫ

При этом ответе, которого сбир совсем не ожидал, он посмотрел на графа с удивлением, как будто не понял. Граф кротко улыбнулся.

— Это вас удивляет? — спросил он.

— Признаюсь, граф,— отвечал сбир в замешательстве.

— Да,— продолжал граф,— я понимаю, что вам должен казаться странным отказ принять такое великодушное предложение. Это не часто бывает, что пленник, которому предлагают свободу, упорно остается в плену. Я должен вам объяснить такое странное поведение и я объясню его немедленно, чтобы вы не настаивали и предоставили мне действовать по моему усмотрению.

— Я не более как ваш покорный слуга, ваше сиятельство. Вы, конечно, лучше меня знаете, как вам следует поступить, стало быть, вы не имеете никакой надобности объяснять мне ваши поступки.

— Именно потому, что вы старый слуга моего семейства и даете мне в эту минуту доказательство безграничной преданности, я должен объяснить вам причины отказа, который так вас удивляет. Выслушайте же меня.

— Если вы непременно этого желаете, граф, я вам повинуюсь.

— Хорошо, садитесь возле меня, другие не должны знать, что я буду вам говорить.

Сбир взял табурет и сел возле графа, как тот приказал ему, сохраняя однако, почтительное расстояние.

— Во-первых, будьте убеждены,— продолжал граф,— что я отказываюсь от вашего предложения не по какому-нибудь предубеждению против вас: я имею к вам полное доверие; более двухсот лет ваша фамилия привязана к моей и мы всегда могли похвалиться вашей преданностью нашим интересам. Доказав этот важный пункт, я продолжаю. Положим, что план, придуманный вами, удастся, хотя, мне кажется, очень трудно привести его в исполнение и малейшая случайность может в самое последнее мгновение подвергнуть опасности успех. Что случится? Я вынужден бежать без всяких средств, без друзей, и не только не смогу отомстить своим врагам, как замышляю, но преданный, так сказать, на их произвол, я опять скоро попадусь к ним в руки и сделаюсь предметом посмешища тех, кого я ненавижу; я буду обесславлен, они станут меня презирать, и мне останется только один способ расстаться с жизнью, которая сделается для меня бесполезной, когда все мои планы будут разрушены,— застрелиться.

— Ах, ваше сиятельство! — вскричал Бульо, сложив руки.

— Я не хочу потерпеть неудачу,— невозмутимо продолжал граф,— в страшной борьбе, начинающейся между

мною и моими врагами, я дал клятву, эту клятву я должен сдерживать во что бы то ни стало. Я молод, мне только двадцать пять лет, до сих пор жизнь была для меня продолжительной улыбкой, мне все удавалось: и планы честолюбия, и богатство, и любовь. Ныне меня коснулась горесть, что ж, пусть приходит, тот, кто не страдал, тот не мужчина; горесть очищает душу и укрепляет сердце. Уединение — хороший советчик: оно заставляет понять ничтожество маловажных обстоятельств, расширяет идеи и подготавливает великие цели. Я должен закалить себя горестью, для того, чтобы возвратить моим врагам сторицей все, что я выстрадал из-за них. Думая о своей разбитой карьере, о моей погибшей будущности, я найду необходимые силы для мщения! Когда мое сердце умрет для всякого другого чувства, кроме ненависти, тогда, только тогда я сделаюсь неумолимым и смогу безжалостно затоптать ногами тех, кто теперь насмехается надо мною и думает, что уничтожили меня, потому что поразили. И тогда горе тем, кто осмелится помериться со мной! Вы дрожите от того, что я говорю вам, мой старый слуга, — прибавил граф более кротким голосом, — что же было бы, если бы вам позволено было читать в моем сердце весь гнев, всю ненависть, все бешенство, которые заключены в нем против тех, кто безжалостно похитил у меня счастье, чтобы удовлетворить жалкие расчеты мелкого и преступного честолюбия!

— О, граф! Позвольте старому служителю вашей фамилии, человеку, преданному вам, умолять вас отказаться от этих ужасных планов мщения. Ах! Вы станете первой жертвой своей ненависти.

— Разве вы не помните, Бульо, — с иронией отвечал граф, — что у нас говорят о характере членов той фамилии, к которой я имею честь принадлежать?

— Да, да, граф, — отвечал сбир, печально качая головой, — помню и даже повторю, если вы желаете.

— Повторите, друг мой.

— Вот, граф, эта поговорка:

Les Barmont-Senectaire

Haine de demon, coeur de pierre.

(У Бармонов-Сенектеров

Ненависть демонская, сердце каменное.)

Граф улыбнулся.

— Ну! Неужели вы предполагаете, что я выродок моих предков?

— Я ничего не предполагаю, сохрани меня, Бог! — отвечал сбир смиренно. — Только я со страхом вижу, что вы готовите себе страшную будущность.

— Я принимаю эту будущность во всем ее ужасе, только бы удалось исполнить мою клятву.

— Ах, граф! Как известно, человек предполагает, а Бог располагает. Вы теперь пленник кардинала. Подумайте, прошу вас, кто знает, выйдете ли вы когда-нибудь из тюрьмы, в которую я вас везу? Согласитесь быть свободным.

— Нет, перестаньте просить, кардинал не бессмертен. Если не до, то после его смерти, весьма недалеко, я надеюсь, моя свобода будет мне возвращена. А теперь запомните хорошенько вот это: мое намерение настолько неизменно, что если, несмотря на мое нежелание, вы оставите меня здесь, первое, что я сделаю на свободе, — это предам себя в руки кардинала; вы поняли, не правда ли?

Старый слуга склонил голову, ничего не отвечая и две слезы потекли по его щекам. Эта безмолвная горесть, столь истинная и столь трогательная, взволновала графа более, чем он думал. Он встал, взял за руку бедного сбира и пожал ее несколько раз.

— Не будем более говорить об этом, Бульо, — сказал он дружеским голосом, — хотя я и не хочу воспользоваться вашей преданностью, она меня очень тронула, и я сохраню к вам вечную признательность. Обнимите меня, мой старый друг, и не будем умиляться; мы мужчины, а не трусливые дети, черт побери!

— О ваше сиятельство! Я все-таки не стану унывать, — отвечал сбир, бросаясь в открытые объятия, — вы мне не помешаете заботиться о вас.

— Я этому и не противлюсь, друг мой, — отвечал граф смеясь. — Поступайте как хотите, притом, — добавил он серьезно, — признаюсь, я не прочь, когда буду вдали от света, знать, что там происходит. Может случиться такое непредвиденное обстоятельство, которое изменит мои намерения и заставит меня захотеть возвратить свободу.

— О будьте спокойны, ваше сиятельство! — вскричал сбир, почти обрадовавшись, этому условному обещанию. — Я устрою так, что вы будете знать все новости, я не даром шесть лет служу кардиналу, он хороший учитель, я воспользовался его уроками и познал многое. Вы увидите меня на деле.

— Итак, решено. Теперь, кажется, не худо бы позавт-

ракать, прежде чем мы продолжим путь, я чувствую аппетит, который надо удовлетворить.

— Я прикажу трактирщику подать вам завтрак.

— Вы будете завтракать со мной, Бульо,— сказал граф, дружески ударяя его по плечу,— и надеюсь, что до нашего приезда на остров Св. Маргариты всегда будет так.

— Конечно, это для меня большая честь, но...

— Я этого хочу, ведь вы составляете часть моего семейства.

Франсоа Бульо поклонился и вышел. Заказав обильный завтрак, он распорядился, чтобы часть конвойных возвратилась в Париж, потом вернулся к графу в сопровождении трактирщика, который за несколько минут накрыл стол и ушел, оставив своих посетителей за кушаньями, поставленными перед ними.

Путешествие продолжалось без всяких происшествий, о которых стоило бы упоминать. Разговор пленника со своим стражем был решительным, тот слишком хорошо знал характер человека, с которым он имел дело, для того, чтобы пытаться возвращаться к предмету, который с первого раза так резко был определен.

В ту эпоху, когда происходит наша история, Франция не была прорезана сетью железных дорог, малейший переезд требовал огромной траты времени; тяжелые экипажи с трудом выдерживали тряску и вязли в грязи. Таким образом, несмотря на скорость езды, семнадцать дней прошло, прежде чем пленник со своим конвоем приехал в Тулон.

Этот город был уже в ту эпоху одной из главных гаваней во Франции. Сердце графа сжалось при въезде в него. В этом городе началась его военная карьера! Тут в первый раз он поступил на корабль в качестве хранителя флага и вынес подготовительные испытания к трудному званию моряка, в котором он не замедлил, несмотря на свою молодость, заслужить огромную известность, почти знаменитость.

Карета остановилась на Сенной площади у дверей гостиницы *Мальтийский крест*, которая, быть может, является самой старой во всей Франции, она существует еще и ныне, хотя внутренне и наружно была подвергнута необходимым переменам.

Удобно поместив своего пленника в гостинице, Франсоа Бульо отправился в город. Если он и поставил часового у двери комнаты графа, то это только для того, чтобы исполнить полученное приказание, а не из опасения, что пленник убежит. Он даже не потрудился запереть эту

дверь, будучи убежденным, что его пленник и не подумает переступить за нее.

Его не было около двух часов.

— Вы долго отсутствовали, — сказал ему граф, когда он вернулся.

— Мне необходимо было завершить важные дела.

Граф, не прибавляя ни слова, опять начал ходить по комнате, как он это делал до прихода сбир. Наступило минутное молчание. Бульо очевидно находился в замешательстве; он суетился по комнате, делая вид, будто переставляет мебель, наконец, видя, что граф продолжает молчать и не хочет замечать его присутствия, он встал на его дороге и, пристально посмотрев на него, сказал шепотом:

— Вы меня не спрашиваете, где я был?

— К чему? — беззаботно ответил граф. — Вы, вероятно, занимались своими делами!

— Нет, ваше сиятельство, вашими.

— А!

— Да, вас ожидает *Чайка*.

Граф улыбнулся и слегка пожал плечами.

— А-а! Вы еще думаете об этом, а я думал, любезный Бульо, что мы уже решили не возвращаться к этому предмету. Вот для чего вы замедлили наш путь, направившись через Тулон; это меня удивляло, я не понимал странной дороги, избранной вами.

— Ваше сиятельство, — прошептал сбир, сложив руки в мольбе.

— Вы помешались, любезный Бульо. Вы, однако, должны знать, что если я принял решение, дурное или хорошее, то я не изменю его никогда. Пожалуйста, прекратите этот разговор, даю вам честное слово дворянина, что все будет бесполезно.

Старый слуга испустил стон, похожий на предсмертное хрипение.

— Да будет ваша воля, граф! — сказал он.

— Когда мы едем в Антиб?

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо, чем скорее, тем лучше.

Сбир поклонился и вышел, чтобы все приготовить к отъезду. Роли совершенно переменились, пленник распоряжался своим стражем. Через час граф выехал из Тулона. Всю дорогу граф и сбир пили и ели вместе и разговаривали о посторонних предметах. Бульо, наконец, убедился, что бесполезно настаивать, чтобы граф согласился на побег,

однако, он не отказался от своего намерения, а только отложил его, рассчитывая на действие скуки продолжительного заточения и жизни бездейственной и бесполезной, на пылкую натуру своего пленника.

Приехав в Антиб, Бульо по приказанию графа, который как будто находил удовольствие мучить его, стал отыскивать лодку для переезда на остров Св. Маргариты. Его поиски не были ни продолжительны, ни трудны; с приказом кардинала в руках он взял первую рыбацью лодку и переехал в ней со всеми своими людьми.

Оставляя твердую землю, граф обернулся, и странная улыбка искривила его губы. Бульо, обманутый этой улыбкой, тайного значения которой он не понял, наклонился к графу и прошептал:

— Если вы хотите, есть еще время.

Граф посмотрел на него, пожал плечами и ничего не ответил.

Острова Лерен составляют группу из нескольких скал и из двух островов, окруженных подводными камнями; первый назывался — остров Св. Маргариты, а второй — остров Св. Онора. В то время, когда происходила наша история, только один остров был укреплен, а на другом жили рыбаки и находились развалины монастыря, основанного Св. Онора в 400 году.

Остров Св. Маргариты был необитаем; плоский и представляющий во всей своей длине не совсем безопасную губу для пристани судов, и хотя он был чрезвычайно плодоносен — гранатовые, померанцевые, фиговые деревья росли здесь в изобилии, никто не думал поселиться там.

Крепость, довольно важная, которая впоследствии приобрела печальную известность как тюрьма, возвышалась над островом и занимала большую его часть. Эта крепость состояла из трех башен, связанных между собою террасами, которые время покрыло желтоватым мхом. Широкий и глубокий ров опоясывал эту крепость.

За несколько лет до начала нашего рассказа, в 1635, испанцы неожиданно овладели этой крепостью. Кардинал, во избежание повторения подобной катастрофы, приказал поместить в крепость гарнизона пятьдесят избранных солдат под начальством майора, исполнявшего должность губернатора — старого офицера, которому эта должность служила вместо пенсии и который вдали от забот света вел настоящую жизнь каноника по безмолвному соглашению с

контрабандистами, которые одни только и приставали к этому острову.

Офицер, командовавший крепостью, был высокий и худощавый старик, с жесткими чертами лица, без руки и без ноги. Его звали де л'Урсьер, он постоянно ворчал и бранил своих подчиненных. Тот день, когда он вышел из полка, где служил майором, праздновал весь полк — и офицеры и солдаты, до такой степени ненавидели они этого достойного человека.

Кардинал де Ришелье знал толк в людях. Выбрав майора де л'Урсьера губернатором острова Св. Маргариты и превратив его в тюремщика, он нашел именно такое место, которое подходило его сварливому характеру и злым инстинктам.

От этого «любезного» человека граф де Бармон должен был зависеть довольно долгое время, без сомнения, потому что если кардинал-министр легко сажал в государственную тюрьму дворянина, то он не торопился выпустить его, и пленник, кроме каких-нибудь необыкновенных происшествий, мог почти знать наверняка, что умрет, забытый в тюрьме, если только, как это случалось иногда, кардиналу не придет мысль приказать отрубить ему голову на площади.

После длинных переговоров и нескончаемых предосторожностей, показавших строгую дисциплину коменданта, пленника с его конвоем впустили, наконец, в крепость и привели к майору. Он заканчивал завтрак в ту минуту, когда ему доложили о прибытии посланного кардинала. Он застегнул мундир, надел шпагу и приказал впустить посланного. Франсоа Бульо поклонился и подал приказ. Губернатор пробежал бумагу глазами, потом обратился к графу, который стоял несколько позади, небрежно поклонился ему и сказал сухим и надменным тоном:

— Вы граф де Бармон, имя которого написано на этой бумаге?

— Да,— отвечал граф, кланяясь в свою очередь.

— Я в отчаянии, решительно в отчаянии,— продолжал майор.— Но я получил строгие приказания на ваш счет, однако, поверьте, гм! Гм! Что я постараюсь сочетать свое природное человеколюбие с предписанной мне строгостью, гм-гм! Будьте уверены, что я знаю обязанности дворянина по отношению друг к другу.

Комендант, довольный без сомнения своей речью, улыбнулся и грациозно выпрямился. Граф поклонился и ничего не ответил.

— Вас сейчас проводят в вашу комнату, граф,— продолжал комендант,— гм-гм! Мне хотелось бы, чтобы эта комната была лучше, но я вас не ждал. Этот поступок, несправедливо приписываемый разным буканьерам, действительно принадлежит Монбару. Гм-гм! Позже мы поместим вас лучше. Берлок,— обратился он к солдату, неподвижно стоявшему у двери,— проводи этого господина, гм-гм! В комнату под номером 8, во вторую башню. Гм-гм! Это, кажется, самая удобная. К вашим услугам, милостивый государь, к вашим услугам, гм-гм!

Майор ушел в другую комнату, а граф в сопровождении Бульо и конвойных пошел за солдатом, который провел его по нескольким коридорам, потом остановился перед дверью, запертой огромными запорами.

— Здесь,— сказал он.

Граф обернулся к Бульо и дружески протянул ему руку.

— Прощайте, мой старый друг,— сказал он голосом кротким, но твердым, между тем, как неопределенная улыбка мелькала на его губах.

— До свидания, ваше сиятельство,— выразительно сказал Бульо и удалился со слезами на глазах.

Дверь затворилась за пленником со зловещим шумом.

— Горе тому, кто осмелится помериться с графом де Бармоном,— шептал Бульо, задумчиво спускаясь с лестницы.— Если он выйдет из тюрьмы, а он выйдет, я в этом клянусь, даже если б мне пришлось подвергнуть опасности мою жизнь для спасения его!

V

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Фамилия графов де Бармон-Сенектер была одной из самых старинных и самых знатных в Лондоне; происхождение ее восходило к такой древности, что можно было утверждать без опасений, что оно терялось во мраке веков.

Один Бармон-Сенектер сражался в Бувине возле Филиппа-Августа. Жоанвильская хроника говорит о кавалере Бармон-Сенектере, умершем от чумы в Тунисе в 1270, во второй крестовый поход короля Людовика IX. Франциск I

при Мариньяне пожаловал титул графа на поле сражения Ангерране де Бармон-Сенектере, как вознаграждение за храбрость и за удары, которые он наносил на глазах короля все продолжение этой гигантской битвы. Мало благородных фамилий имеют столь прекрасные документы в своих хартиях. Графы де Бармоны всегда принадлежали к военному званию и дали Франции несколько знаменитых полководцев.

Но с течением времени могущество и богатство этой фамилии уменьшались; в царствование короля Генриха III она была доведена почти до бедности. Однако, гордясь безупречным прошлым, она продолжала высоко держать голову в провинции, и если для того, чтобы достойно поддержать свое имя, граф де Бармон налагал на себя жестокие лишения, никто никогда этого не знал.

Граф поступил на службу к королю Наваррскому, не столько, чтобы по случаю войны заслужить более лучшее положение, сколько из восторга к доблестным качествам этого государя, гениальность которого он угадал. Храбрый, молодой, пылкий, красавец граф имел много любовных приключений и, между прочим, одно в Кагоре с девицей, помолвленной за испанца очень богатого, которую он успел похитить накануне дня, назначенного для свадьбы. Испанец, очень щекотливый относительно чести, требовал удовлетворения от графа, который нанес ему две раны шпагой и оставил замертво на месте. Это наделало много шума и принесло графу большое уважение между утонченными молодыми людьми, однако, несмотря на общее ожидание, испанец оправился от ран. Они опять дрались, и на этот раз граф так отделал своего противника, что тот волей-неволей должен был отказаться от новой дуэли. Это приключение внушило графу отвращение к волокитству, но не из-за того, что он опасался последствий ненависти, в которой ему поклялся герцог Пеннафлор, ведь с тех пор он ничего о нем не слышал. Его мучила совесть за то, что он из пустой прихоти разрушил счастье честного человека.

Храбро сражаясь возле короля во всех его войнах, граф, наконец, удалился в свое поместье в 1610 году после смерти Генриха IV, чувствуя отвращение к французскому двору и потребность в отдыхе.

Там, лет через пять, устав от уединения, в котором он жил, а может быть в надежде прогнать докучливое воспоминание, которое несмотря на прошедшее время, продолжало его мучить, граф решился жениться на молодой де-

вушке, принадлежавшей к одной из лучших фамилий в провинции, кроткой и прелестной, но такой же бедной, как и он. Однако этот союз был счастливым: в 1616 году графиня родила сына, того самого графа Людовика, историю которого мы рассказываем.

Несмотря на свою нежность к ребенку, граф строго воспитывал его, желая сделать из него такого же сурового, храброго и честного дворянина, как он сам.

Молодой Людовик рано почувствовал, открыв, сколько тайной нищеты скрывается под наружной пышностью его фамилии, потребность в независимом положении, которое бы позволило ему не только не быть в тягость обожаемым родителям, жертвовавшим для него всеми своими доходами, но и возвысить помрачившийся блеск носимого им имени. Вопреки обычаю его предков которые служили королю только в сухопутных войсках, склонность влекла его к морской службе. Благодаря прилежным попечениям старого и достойного аббата, который из привязанности к его семейству сделался его наставником, он получил хорошее образование. Путешествия, бывшие любимым его чтением, воспламенили его воображение и все его мысли обратились к Америке, где, по словам моряков, золото было в изобилии. У него было только одно желание — тоже побывать на этой таинственной земле и взять свою долю в богатой жатве, которую каждый там собирал.

Отец его, а особенно мать, долго сопротивлялись его просьбам. Старик, воевавший столько лет, не понимал, как его сын мог предпочесть морскую службу военной. Графиня внутренне не желала видеть своего сына ни военным, ни моряком; обе эти профессии пугали ее. Она боялась неизвестных опасностей дальних странствий, и нежность ее пугалась разлуки, которая могла стать вечной.

Однако надо было решиться, и так как молодой человек упорно настаивал на своем желании, родители вынуждены были уступить и согласиться, каковы бы ни были последствия.

Граф сохранил при дворе нескольких друзей, и между прочими герцога де Белльгарда, пользовавшегося большим расположением короля Людовика XIII, прозванного при жизни *Справедливым*, потому что он родился под знаком созвездия Весы. Граф де Бармон был также дружен с герцогом д'Эперноном, произведенным в адмиралы в 1587 году. Но графу не хотелось обращаться к нему по причине слухов, распространившихся после убийства Генриха IV. Однако, при таких важных обстоятельствах, граф понял,

что для пользы сына он должен заставить умолкнуть свои чувства и одновременно с письмом к герцогу де Белльгарду он написал другое к герцогу д'Эпернону, который в то время был гвианским губернатором.

Оба ответа не заставили себя ждать. Оба старых друга графа де Бармона не забыли его и поспешили употребить свое влияние, чтобы помочь ему. Особенно герцог д'Эпернон, находившийся в лучшем положении быть полезным молодому человеку по своему адмиральскому званию, который писал, что он с радостью берется продвинуть его в свет.

Это было в начале 1631 года; Людовику де Бармону было тогда пятнадцать лет. Высокого роста, с гордым и надменным видом, одаренный редкой силой и большой ловкостью, молодой человек казался старше своих лет. С большой радостью узнал он, что его мечты сбылись и что нет никаких препятствий для поступления на службу во флот. В письме герцога д'Эпернона заключалась просьба к графу прислать его сына в Бордо как можно скорее, чтобы он, герцог, мог немедленно устроить его на военное судно, где он начнет учиться обязанностям моряка.

Через два дня после получения этого письма молодой человек с трудом вырвался из объятий матери, почтительно простился с отцом и на хорошей лошади в сопровождении преданного слуги поехал по дороге в Бордо.

Флот долго был в пренебрежении во Франции, и в средние века предоставлен частным лицам, а правительство и не думало поступать по примеру других континентальных государств, которые приобрели если не превосходство, то по крайней мере некоторое влияние в морях. Итак, мы видим, что в царствование Франциска I, который, однако, был одним из воинственных французских королей, арматор Анго, у которого в мирное время португальцы отняли судно, с позволения короля снарядил целый флот на свой счет и блокировал лиссабонский порт, вынудив португальцев послать посланников во Францию смиренно просить мира у короля.

Между тем, открытие Нового Света и не менее важное открытие мыса Доброй Надежды, придав мореплаванию большую деятельность и более обширную сферу, заставили почувствовать необходимость создать военный флот для защиты купеческих судов от нападения корсаров.

Только в царствование Людовика XIII эта мысль начала приводиться в исполнение. Кардинал де Ришелье, которого английский флот не раз заставлял трепетать во вре-

мя продолжительной и трудной осады Ла-Рошели, издал несколько указов по обустройству флота и основал школу навигации для воспитания молодых дворян, желавших служить во флоте.

Франция обязана этому великому министру первой мыслью о военном флоте, которому суждено было бороться с испанским и голландским флотом в царствование Людовика XIV, приобрести такое важное значение и поколебать на время могущество Англии.

В эту-то школу, основанную Решелье, и вступил виконт де Бармон благодаря влиянию герцога д'Эпернона. Старый герцог строго сдержал слово, данное своему бывшему товарищу по оружию. Он не переставал покровительствовать молодому человеку, что, впрочем, было для него легко, потому что виконт де Бармон показывал необыкновенные и очень редкие в то время способности к избранной им профессии.

В 1641 году он был уже капитаном и командиром двадцатишестипушечного фрегата.

К несчастью, ни старый граф де Бармон, ни жена его не могли насладиться успехами своего сына и новой эрой, открывавшейся для их дома: оба умерли вскоре один за другим, оставив молодого человека сиротой в двадцать два года.

Людовик, как почтительный сын, истинно любивший своих родителей, оплакал их, пожалев особенно о матери, которая всегда была так добра и нежна к нему, но так как он привык уже несколько лет жить один в продолжительных поездках по морю и полагаться только на самого себя, эта потеря была уже менее чувствительна и менее горестна для него, чем если бы он никогда не оставлял родительского крова.

Оставшись теперь единственным представителем своего рода, он стал серьезнее смотреть на жизнь и удвоил усилия, чтобы придать своему имени блеск, почти помраченный, и которое благодаря ему начинало уже сиять новым блеском.

Герцог д'Эпернон еще был жив, но забытый обломок поколения, почти совершенно исчезнувшего, болезненный старик, давно поссорившийся с кардиналом Ришелье, он не имел уже никакого влияния и уже ничего не мог сделать для того, кому он так горячо покровительствовал несколько лет тому назад. Но граф не терял бодрости. Морскую службу не любило дворянство, хорошие морские офицеры были редки; граф де Бармон думал, что, не вмешиваясь в политические интриги, он проложит себе хороший путь.

Случай, который невозможно было предвидеть, дол-

жен был разрушить его честолюбивые планы и навсегда испортить его карьеру. Вот как это случилось.

Граф де Бармон командовал *Эригоной*, двадцатишестипушечным фрегатом, и после продолжительного плаванья к алжирским берегам для защиты французских купеческих судов от пиратов вошел в Гибралтарский пролив, чтобы через океан вернуться в Брест. Но в ту минуту, когда он входил в пролив, его вдруг настиг встречный ветер, и после неслыханных усилий продолжать путь он был вынужден лавировать несколько часов и, наконец, укрыться в порту Алжезира на испанском берегу.

Зная по опыту, что пройдет дня три или четыре, прежде чем ветер позволит ему переплыть пролив, он приказал спустить свою лодку и отправился на берег. Хоть город Алжезира был очень старинный, он был мал, плохо выстроен и мало населен. Только с тех пор, как англичане овладели Гибралтаром, находящимся по другую сторону бухты, испанцы поняли важность Алжезира и сделали из него порт.

Граф не имел никакой другой причины ехать в Алжезир, кроме беспокойства, свойственного морякам, которое побуждает их оставлять свой корабль тотчас, как только они войдут в пристань.

Торговые отношения тогда еще не были установлены, правительства не посылали в иностранные порты консулов, чтобы защищать торговые операции своих соотечественников; военные суда, которых случай приводил в какое-нибудь место, брались заступаться за своих соотечественников, интересы которых подвергались опасности. Отдав приказание шлюпкам приехать за ним на закате солнца, капитан в сопровождении только одного матроса, по имени Мишель, к которому он был очень привязан и который сопровождал его повсюду, отправился по извилистым улицам Алжезира, с любопытством осматривая все вокруг.

Этот Мишель, о котором нам много придется говорить впоследствии, был огромного роста, лет тридцати, с умным лицом и имевший к своему начальнику неограниченную преданность с тех пор, как тот спас ему жизнь, рискуя своей собственной, бросившись в лодку в бурю, чтобы помочь Мишелю, когда он четыре года тому назад упал в воду с мачты, поправляя зацепившийся рангоут. С тех пор Мишель не расставался с графом. Родившись в окрестностях По, на родине Генриха IV, он был, подобно этому королю, своему соотечественнику, весел, насмешлив, даже скептичен. Превосходный матрос, отважный, необычно-

венной силы, Мишель олицетворял собой полный тип бискайца, породу сильную и грубую, но честную и верную.

Только одно существо разделяло в сердце Мишеля неограниченную дружбу, которую он питал к своему начальнику; это был бретонский матрос, мрачный и угрюмый, составлявший с Мишелем совершенную противоположность. По причине медлительности этого матроса экипаж прозвал его Тихий Ветерок, и тот так привык к этому имени, что почти забыл свое настоящее.

Услугу, которую граф оказал Мишелю, Мишель оказал Тихому Ветерку, и по причине этой услуги привязался к бретонцу, хотя насмеялся над ним и дразнил его с утра до вечера, имея к нему искреннюю дружбу.

Бретонец это понимал и, насколько позволяла его сосредоточенная и необщительная натура, при каждом удобном случае выказывал свою признательность бискайцу, подчиняясь ему совершенно во всех своих поступках и никогда не возмущаясь против требований, часто непомерных, своего ментора.

Если мы так долго говорили об этих двух людях, то потому, что им придется играть важную роль в этом рассказе и читателю необходимо их знать.

Граф и матрос продолжали прогуливаться по улицам. Один размышлял и наслаждался солнцем, другой, из уважения отстав на несколько шагов, отчаянно курил трубку с таким коротким чубуком, что огонь почти касался его губ. Они скоро дошли до конца города и отправились по тропинке, окаймленной аллеями, которая шла довольно круто на вершину холма, откуда была видна вся панорама залива, одного из прекраснейших на свете.

Было около двух часов после полудня, самое жаркое время дня, все скрылось в домах для сиесты, так что моряки не встретили ни одной живой души, и если бы *Тысяча Одна Ночь*, проведенная столетием позже, была известна тогда, граф без особых усилий воображения представил бы себя в этом городе арабских сказок, жителей которого усыпил злой волшебник — так вокруг него было тихо и пейзаж походил на пустыню. Для дополнения обманчивой мечты, ветер спал, в воздухе не было ни малейшего дуновения, и обширная водяная скатерть, расстилавшаяся у ног графа, была неподвижна, как будто ледяная.

Граф задумчиво остановился и рассеянно смотрел на свой фрегат, который издали казался не больше лодки.

Мишель все курил и, раздвинув ноги, закинув руки за спину, в любимой позе матросов, любовался окрестностями.

— Смотрите, смотрите! — сказал он вдруг.

— Что такое? — спросил граф, обернувшись.

— Сюда скачет дама галопом. Вот фантазия — скакать в такую жару!

— Где? — спросил граф.

— Вон там, капитан, — отвечал Мишель, протягивая руку.

Граф посмотрел в ту сторону, куда указывал Мишель.

— Это лошадь взбесилась! — вскричал он через минуту.

— Вы думаете, капитан? — спокойно спросил матрос.

— Я в этом уверен, посмотри, теперь она ближе. Амазонка отчаянно уцепилась за гриву. Несчастливая погибнет!

— Очень может быть, — философически ответил Мишель.

— Быстрее, быстрее, мой милый! — вскричал капитан, бросаясь в ту сторону, откуда неслась лошадь. — Надо спасти эту женщину, даже если бы нам пришлось погибнуть.

Матрос не отвечал, он только из предосторожности вынул трубку изо рта и, положив ее в карман, побежал за своим капитаном.

Лошадь мчалась как ураган; это была берберийская лошадь чистой арабской породы, с маленькой головой, с тонкими ногами. Она бешено скакала по узкой тропинке, в глазах ее сверкали молнии, а из расширенных ноздрей как будто пылал огонь. Амазонка, ухватившись обеими руками за длинную гриву, обезумев от страха, чувствовала себя погибшей и время от времени глухо вскрикивала. Далеко позади нее, почти не приметными точками на горизонте, несколько всадников скакали во весь опор. Тропинка, по которой мчалась лошадь, была узка, камениста и вела к пропасти страшной глубины, к которой лошадь скакала с головокружительной быстротой. Только безумец или очень мужественный человек мог пытаться спасти эту несчастную женщину. Однако оба моряка не рассуждали и, не колеблясь стали напротив друг друга по правую и левую стороны дороги и ждали, не говоря ни слова; они поняли друг друга.

Прошло две или три минуты, потом лошадь пролетела как вихрь, но граф и матрос устремились быстрее мысли, ухватились за поводья, и бешеная лошадь потащила их. С минуту продолжалась борьба разума над зверской силой, наконец лошадь была побеждена и, хрипя, повалилась на землю. Граф схватил на руки молодую женщину,

столь чудесно спасенную, и отнес ее на дорогу, где почтительно положил ее на землю. Амазонка от страха лишилась чувств.

Граф, угадывая, что подъезжавшие всадники были родственники или друзья той, которой он оказал такую важную услугу, поправил беспорядок своей одежды и ждал, с восторгом смотря на молодую женщину, распростертую у его ног.

Это была восхитительная семнадцатилетняя девушка, с тонкой и гибкой талией, с прелестнейшими чертами, черные волосы, длинные и шелковистые, выбились из-под сетки, удерживавшей их, и пушистыми локонами рассыпались по ее лицу, где легкий румянец показывал уже быстрое возвращение к жизни. Костюм этой молодой особы, чрезвычайно богатый, заставил бы угадать, что она высокого происхождения, если бы печать аристократии, разлитая по всей ее наружности, не уничтожала все сомнения на этот счет.

Мишель с хладнокровием, отличавшим его, и из которого ничто не могло его вывести, остался возле лошади, которая, успокоившись от падения и дрожа всеми членами, встала без сопротивления. Мишель снял с нее подпругу, сорвал горсть травы и начал обтирать лошадь, восхищаясь ею и бормоча:

— Какое благородное и прекрасное животное! Жаль, если бы оно упало в эту ужасную пропасть, я рад, что оно спаслось!

О молодой девушке достойный матрос вовсе не думал, весь его интерес сосредоточился на лошади. Обтерев ее травой, Мишель опять взнуздал ее и отвел к графу.

— Вот, — сказал он с довольным видом, — теперь она умирилась, ребенок может вести ее на веревке.

Между тем всадники быстро приближались и скоро подъехали к двум французским матросам.

VI

УВЛЕЧЕНИЕ

Всадников было четверо. Двое казались людьми важными, двое остальных были слуги. В нескольких шагах от графа двое первых сошли с лошадей, бросили узду слугам

и подошли с шляпой в руке к графу, который поклонился им с изящной вежливостью. Граф, отвечая им вежливым поклоном, украдкой рассматривал их. Первый был человек лет шестидесяти, высокого роста, походка его была благородна, физиономия казалась красива с первого взгляда, выражение было величественно, хотя кротко и даже доброжелательно, но, рассматривая его с большим вниманием, можно было заметить по мрачному огню глаз, которые иногда метали магнетическую молнию, что эта кротость была только маской, чтоб обманывать толпу, выдающиеся скулы, низенький, хотя широкий лоб, нос загнутый, как птичий клюв, квадратный подбородок показывали холодную злость, смешанную с сильной долей упрямства и гордости. На этом человеке был богатый охотничий костюм с вышивками, а тяжелая золотая цепь, называвшаяся тогда *фанфаронкой*, несколько раз обвивала его шляпу с султаном из страусовых перьев. Эту фанфаронку ввели в моду авантюристы, возвращавшиеся из Новой Испании, и, как ни была она смешна, горделивые кастильцы с восторгом принялись ее носить.

Спутник этого человека был гораздо моложе его, но одет так же богато. Черты его лица казались сначала такими обыкновенными и незначительными, что наблюдатель прошел бы мимо, не обратив на них внимания, но его маленькие, серые глазки сверкали хитростью, полузакрытые густыми бровями, а остроумная линия рта с тонкими и насмешливыми губами совершенно опровергнули бы предположение физиономиста, который подумал бы, что этот человек ума обыкновенного и посредственных способностей.

Старший из всадников поклонился во второй раз.

— Милостивый государь, — сказал он, — я герцог Пеннафлор, та, которой вы спасли жизнь, подвергаясь опасности сами лишиться жизни, моя дочь донна Клара Пеннафлор.

Граф был уроженец Лангедока и говорил по-испански так чисто как на родном языке.

— Я очень рад, — отвечал он с любезным поклоном, — что послужил оружием Провидению сохранить дочь отцу.

— Мне кажется, — заметил второй всадник, — что следовало бы подать помощь донне Кларе, моя милая кузина должно быть очень серьезно нездорова.

— Только одно волнение, — продолжал молодой человек, — было причиною этого обморока, который, если не ошибаюсь, начинает уже проходить.

— В самом деле, — сказал герцог, — я, кажется, видел,

что она сделала легкое движение. Лучше ее не мучить и дать ей опомниться, таким образом мы избегнем потрясения, последствия которого очень опасны для организации деликатных и нервных, как у моей милой дочери.

Все это было сказано холодным, сдержанным и мерным тоном, очень отдаленным от того, который должен был употребить отец, дочь которого таким чудом избежала смерти. Молодой офицер не знал, что думать об этом истинном или притворном равнодушии. Это была только испанская спесь. Герцог любил свою дочь, насколько ему позволяла его высокомерная и честолюбивая натура, но ему было стыдно выказать это при постороннем.

— Милостивый государь,— продолжал герцог после минутного молчания, посторонившись, чтобы представить провожавшего его господина,— имею честь рекомендовать вам моего родственника и друга, графа дон Стенио де Бехар-Суза.

Оба поклонились. Граф не имел никакой причины сохранять инкогнито, он понял, что настала минута сказать, кто он.

— Господа,— сказал он,— я граф Людовик де Бармон-Сенектер, капитан флота его величества французского короля и командир фрегата *Эригона*, в настоящее время стоящего на якоре в Алжезирайской бухте.

Услышав имя графа, герцог страшно побледнел, брови его нахмурились, и он бросил на графа взгляд странного выражения. Но это волнение продолжалось не более блеска молнии, с необыкновенным усилием воли испанец скрыл в глубине сердца чувства, взволновавшие его, придал своему лицу прежнее бесстрашие и поклонился с улыбкой. Лед был сломан между этими тремя людьми, они узнали друг в друге людей одного происхождения, обращение их тотчас переменилось, они сделались столько же любезны, сколько прежде были холодны и сдержанны. Герцог первый возобновил разговор самым дружеским тоном.

— Вы, вероятно, пользуетесь перемирием, которое было объявлено несколько времени тому назад между двумя народами, чтобы посетить наш край?

— Извините, герцог, я не знал, что неприязненные действия прекратились между обеими нашими армиями, я давно уже на море и не имею известий из Франции, один случай привел меня на этот берег, несколько часов тому назад я укрылся в Алжезирайской бухте, чтобы подождать, когда переменится ветер и позволит переплыть прслив.

— Я благословляю этот случай, граф, потому что я ему обязан спасением моей дочери.

Донна Клара раскрыла глаза и, хотя еще была очень слаба, начала понимать положение, в котором она находилась.

— О! — сказала она голосом кротким и дрожащим и с внутренним трепетом. — Без этого кабальеро я умерла бы.

Она старалась улыбнуться, устремив на молодого человека большие глаза, наполненные слезами, с выражением признательности, которое невозможно описать.

— Как вы чувствуете себя, дочь моя? — спросил герцог.

— Теперь я совершенно оправилась, благодарю вас, батюшка, — отвечала она. — Когда я почувствовала, что Морено не повинуется уздечке и мчит меня, я считала себя погибшей и от страха лишилась чувств, но где же этот бедный Морено? — прибавила она через минуту. — Не случилось ли с ним несчастья?

— Успокойтесь, сеньорита, — отвечал граф, улыбаясь и указывая на лошадь, — вот он: здоров, невредим и совершенно успокоился, вы можете даже, если вам угодно, воротиться на нем без опасения.

— Конечно, я поеду на этом добром Морено, — сказала донна Клара, — я нисколько не сержусь на его шалость, хотя она чуть было дорого не обошлась мне.

— Граф, — сказал тогда герцог, — смею надеяться, что мы не расстанемся таким образом и что вы удостоите принять дружелюбное гостеприимство, которое я предлагаю вам в моем замке.

— К несчастью, я не завишу от себя, герцог, — долг службы требует моего немедленного присутствия на фрегате. Будьте убеждены, что я очень сожалею, что не могу отвечать на ваше благосклонное предложение иначе как отказом.

— Неужели вы так скоро отправляетесь в море?

— Нет, напротив, я надеюсь, — отвечал граф, сделав ударение на эти слова, — остаться здесь еще некоторое время.

— Когда так, — возразил, улыбаясь, герцог, — я не принимаю вашего отказа и уверен, что мы скоро увидимся и познакомимся короче.

— Это мое живейшее желание, — отвечал молодой человек, бросив украдкой взгляд на донну Клару, которая покраснела, потупив глаза.

Граф простился и направился к Алжезирасу, между тем как всадники удалились шагом по направлению диаметрально противоположному. Капитан шел задумавшись, думая о странном приключении, которого так нео-

жиданно он сделался героем, вспоминая о малейших подробностях, восхищаясь великолепной красотой молодой девушки, которой он имел счастье спасти жизнь.

Постоянно занятый требованиями своей грубой профессии, почти всегда находясь в море, граф, хотя ему было уже около двадцати пяти лет, не любил никого, никогда даже не думал о любви. Женщины, которых он видел до сих пор, не произвели никакого действия на его сердце, мысли его всегда оставались свободны при них, и никакое серьезное чувство не возмутило еще спокойствие его души, поэтому с некоторым испугом, смешанным с удивлением, думал он о встрече, которая вдруг прервала его спокойную прогулку, и заметил, что красота донны Клары и ее кроткий разговор произвели на него сильное впечатление, что ее образ всегда присутствовал перед ним и память его напоминала ему до самых мельчайших подробностей короткий разговор, который он вел с нею.

— Полно, полно! — сказал он, несколько раз покачав головой, как бы для того, чтобы прогнать докучливую мысль, — я сошел с ума.

— Что вы говорите, капитан? — спросил Мишель, который воспользовался этим восклицанием, чтобы дать полную волю размышлениям, которые он горел нетерпением выразить вслух. — Надо признаться, что эта молодая девица очень счастлива, что мы к ней подоспели вовремя.

— Действительно, очень счастлива, Мишель, — отвечал граф, — без нас эта несчастная молодая девушка погибла бы.

— Это правда, бедняжка!

— Это было бы ужасно. Она так молода и хороша!

— Недурна, только я нахожу ее немножко худощавой и чересчур уж бледной.

Граф улыбнулся на эту оценку красоты. Ободренный матрос продолжал:

— Позвольте ли вы дать мне совет, капитан?

— Какой? Говори, не бойся.

— Бояться-то я не боюсь, черт меня побери, только мне бы не хотелось вас огорчить.

— Огорчить меня, Мишель, чем?

— Вот видите ли, капитан, когда вы сказали ваше имя старому герцогу...

— Ну что же случилось?

— Случилось то, что, услышав его, он вдруг побледнел как смерть, нахмурил брови да так страшно на вас по-

смотрел, что мне показалось, будто он хочет вас убить. Вам не кажется это странным капитан?

— То, что ты говоришь, невозможно, ты ошибаешься.

— Вы этого не заметили, потому что вы потупили голову, а я видел и знаю наверно то, что говорю.

— Подумай, Мишель, что я не знаю этого господина, что я не видел его никогда, каким же образом может он иметь ко мне ненависть? Ты говоришь вздор, друг мой.

— Нет, капитан, я знаю наверное то, что я говорю, знали вы его или нет, это не мое дело, а что он вас знает, и даже коротко, об этом я побьюсь об заклад. Впечатление, которое вы произвели на него, так сильно, что иначе не может быть.

— Согласен, если ты уж непременно утверждаешь, что он знает меня, по крайней мере, я знаю наверно, что никогда его не оскорблял.

— Этого никогда нельзя знать наверно, капитан, видите ли, я бискаец и давно знаю испанцев. Это странный народ, гордый как петухи и злопамятный как демоны, верьте мне, остерегайтесь всегда. Это повредить не может, притом у этого старика лицо такое хитрое, что оно вовсе мне не нравится.

— Во всем этом нет здравого смысла, Мишель, и я такой же сумасшедший, как и ты, оттого что слушаю тебя.

— Хорошо, хорошо,— сказал матрос, качая головой,— мы после увидим, ошибся ли я.

Разговор на том и кончился, однако слова Мишеля занимали капитана более, чем он хотел выказать, и он воротился на фрегат с озабоченным видом.

На другой день к десяти часам утра щегольская шлюпка подъехала к фрегату. В этой шлюпке сидели герцог Пеннафлор и граф Бехар-Суза, его молчаливый кузен.

— Право, любезный граф,— сказал герцог добродушным тоном после первых комплиментов,— вы найдете меня бесцеремонным и требовательным, я просто приехал вас увезти.

— Увезти? — с улыбкой отвечал молодой человек.

— Право так. Представьте себе, граф, что моя дочь непременно хочет вас видеть, она говорит только о вас, а так как делает из меня почти все, что хочет, чему, вероятно, вы не удивляетесь, она послала меня к вам, приказав мне непременно привезти вас в замок.

— Действительно,— сказал поклонившись дон Стецио,— сеньорита донна Клара непременно хочет видеть вас, капитан.

— Однако...— возразил граф.

— Я ничего не слушаю, — с живостью возразил герцог, — вы должны решиться, любезный граф, вам надо повиноваться, вы знаете, что дам ослушаться нельзя, поедемте же, но успокойтесь, я повезу вас недалеко, мой замок находится в двух милях отсюда.

Граф, тайно испытывавший сильное желание увидеть донну Клару, позволил упрашивать себя только для приличия, потом, отдав необходимые приказания своему лейтенанту, он поехал с герцогом Пеннафлором в сопровождении Мишеля, который казался тенью своего капитана.

Вот каким образом началось знакомство, которое почти тотчас перешло в любовь и потом имело такие ужасные последствия для несчастного офицера. Герцог и неразлучный с ним кузен осыпали графа уверениями в дружбе, оставляли ему полную свободу в замке и как будто не примечали склонности, возникшей между донной Кларой и молодым лейтенантом.

Тот, совершенно порабожденный своей страстью к молодой девушке, предавался любви с доверчивым и необузданным влечением сердца, любящего в первый раз. Донна Клара, простая и наивная молодая девушка, воспитанная с суровой строгостью испанских нравов, но андалузка с ног до головы, приняла с трепетом счастья признание в этой любви, которую она разделяла с первой минуты.

Итак, все казались счастливы в замке, только Мишель портил все своим нахмуренным лицом, которое не разглаживалось никогда. Чем быстрее дело приближалось к тому заключению, которого желали молодые люди, тем более он становился мрачен и озабочен.

* * *

Между тем фрегат ушел в Кадикс. Герцог, его дочь и дон Стенио отправились на этом фрегате. Герцогу Пеннафлору нужно было отправиться в Севилью, где у герцога было большое имение, он с большой радостью принял предложение, сделанное ему графом, отвезти его на фрегате до Кадикса, который отстоит только миль за двадцать с небольшим от Севильи.

На другой день прибытия фрегата в Кадикс капитан надел свой парадный мундир и отправился к герцогу Пеннафлору. Герцог, конечно, зная о его визите, принял его с улыбкой на губах и с самым дружеским видом. Ободренный этим приемом, граф, преодолевая свою робость, фор-

мально стал свататься за донну Клару. Герцог благопринято принял это предложение, сказав, что он этого ожидал, что оно удовлетворяет его искреннему желанию, потому что составит счастье обожаемой дочери. Только он заметил графу, что хотя между обеими нациями заключено перемирие, однако мир еще не подписан, хотя, по всей вероятности, это случится скоро, что он боится, чтобы известие об этом браке не повредило карьере графа, расположив дурно кардинала против него. Это размышление уже несколько раз приходило в голову молодому офицеру, поэтому он потупил голову, не смея отвечать, так как, к несчастью, он не имел никакого основательного довода, чтобы опровергнуть возражения герцога. Тот подоспел к нему на помощь, сказав, что он имеет очень простой способ устроить все ко всеобщему удовольствию и обойти это затруднение, внешне непреодолимое. Граф, трепеща от страха и надежды, спросил, какой это способ. Герцог объяснил ему тогда, что дело идет просто о секретном браке. Пока продолжается война, тишина будет сохраняться, но тотчас по заключении перемирия, когда посланник будет отправлен в Париж, брак будет объявлен кардиналу, которого, вероятно, уже не оскорбит этот союз.

Мечты о счастье молодого человека так были близки к разрушению, что он не сделал ни малейшего возражения на предложение герцога. Брак, хотя и тайный, тем не менее будет действителен, а до остального ему мало было дела, и потому он согласился на все условия, которые продиктовал ему герцог, потребовавший, чтобы брак совершился будто бы в тайне от него, на тот случай, если его враги постараются вооружить короля против него, то он мог бы сослаться на свое неведение и таким образом расстроить недоброжелательство тех, которые будут стараться погубить его.

Граф не совсем понял, какое дело испанскому королю до его брака, но так как герцог говорил тоном убеждения и, по-видимому, очень боялся неудовольствия короля, то граф согласился на все.

Через два дня, при наступлении ночи, молодые люди были обвенчаны в церкви Мерчед священником, согласившимся за большую сумму помочь этому не совсем законному поступку. Мишель, Бискаец и Тихий Ветерок были свидетелями у своего командира, который по настоятельной просьбе герцога не сообщил о своей тайне ни одному из своих офицеров, но он был уверен в молчании своих матросов. Тотчас после венчального обряда новобрачную

увели ее свидетели в одну сторону, между тем как ее муж, очень раздосадованный, воротился на свой фрегат.

Когда на другой день граф явился в отель герцога, тот сказал ему, что для того, чтобы отнять всякий предлог от недоброжелателей, он счел за лучшее удалить свою дочь на некоторое время и отослал ее к одной родственнице, жившей в Гренаде. Граф не выказал неудовольствия, а ушел, сделав вид, будто он доволен не совсем правдоподобными доводами своего тестя. Однако он начал находить очень странными поступки герцога и решил рассеять сомнения, возникавшие в его уме. Тихий Ветерок и Мишель Бискаец были отправлены разузнавать. Граф узнал от них не без удивления после двухдневных поисков, что донна Клара была не в Гренаде, а в очаровательном городке, расположенном напротив Кадикса, на противоположном берегу рейда. Как только капитан собрал сведения, нужные ему для успеха в замышляемом им плане, он послал с Мишелем, который говорил по-испански как севильский уроженец, письмо к донне Кларе, и при наступлении ночи, в сопровождении своих верных матросов, высадился на берег в Санта-Марии. Дом, в котором жила молодая девушка, стоял довольно уединенно. Граф поставил матросов караулить, а сам прямо пошел к дому.

Отворила дверь сама донна Клара. Радость супругов была безмерна, незадолго до восхода солнца граф ушел. К десяти часам он отправился, по обыкновению, сделать визит тестю, перед которым продолжал выказывать полнейшее неведение о местопребывании донны Клары. Герцог принял графа очень хорошо. Эти проделки продолжались около месяца. Однажды граф неожиданно получил известие о возобновлении неприязненных действий между Францией и Испанией, он был вынужден оставить Кадикс, но желая иметь последнее свидание с герцогом, чтобы потребовать от него откровенного объяснения его поведения, и в том случае, если это объяснение не удовлетворит его, он решил похитить жену и увезти ее с собою.

Когда граф пришел к герцогу, доверенный слуга герцога сказал ему, что господина его вдруг потребовал король и он уехал в Мадрид час тому назад, не имея даже времени, к своему величайшему сожалению, проститься с графом. При этом известии граф, предчувствуя несчастье, побледнел, но он успел преодолеть свое волнение и холодно спросил слугу, не оставил ли господин его письма или записки на его имя. Слуга отвечал утвердительно и подал

графу запечатанный конверт. Граф сорвал печать дрожащею рукою, пробежал это письмо глазами, но его волнение стало столь сильным при чтении того, что заключалось в этом письме, что он зашатался и, если бы слуга не бросился его поддержать, упал бы на пол.

— Ах! — прошептал он. — Мишель прав!

Он с бешенством смял письмо в руках. Но вдруг выпрямившись, он укрепился против горести и, дав слуге несколько луидоров, удалился поспешными шагами.

— Бедный молодой человек! — прошептал слуга, печально качая головою.

VII

ОТЧАЯНИЕ

В нескольких шагах от отеля герцога граф встретил Мишеля, который подходил к нему.

— Скорее, скорее шлюпку, мой добрый Мишель! — вскричал он, — дело идет о жизни и смерти.

Матрос, испуганный тем состоянием, в котором он видел своего командира, хотел у него спросить, что случилось, но тот заставил его молчать, повторив приказание сейчас же достать лодку. Мишель потупил голову.

— Увы! Я это предвидел, — прошептал он с горестным гневом и бросился бегом к гавани.

Лодку в Кадиксе найти не трудно, Мишелю оставалось только выбирать. Понимая, что граф торопится, он нанял лодку с десятью веслами. Граф почти тотчас же подошел.

— Десять луидоров вам и вашему экипажу, если вы будете в Пуэрто через двадцать минут! — вскричал он, бросаясь в лодку, которая чуть было не опрокинулась от сильного толчка. Матросы нагнулись над веслами, и лодка полетела по воде. Капитан, упорно устремив глаза на Санта-Марию, беспрестанно повторял задыхающимся голосом:

— Скорее, скорее!

Он пролетел как стрела перед фрегатом, который готовился сняться с якоря. Наконец доехали до Санта-Марины.

— Никто не должен идти за мной! — закричал капитан, выпрыгивая на берег.

Но Мишель не обратил никакого внимания на это приказание и пустился в погоню за графом, которого он не хотел бросить с таком ужасном положении. Хорошо, что он решился на это, потому что когда он дошел до того дома, в котором жила донна Клара, он увидел, что молодой человек лежит без чувств на земле. Дом был пуст, донна Клара исчезла. Матрос взвалил капитана на свои плечи и добежал до шлюпки, где уложил его так аккуратно, как только мог.

— Куда ехать? — спросил лодочник.

— К французскому фрегату и как можно скорее, — отвечал Мишель.

Когда лодка подъехала к фрегату, Мишель вручил лодочнику награду, и с помощью матросов перенес капитана в его каюту. Так как прежде всего следовало сохранить тайну графа и не возбудить подозрений, матрос в своем рапорте лейтенанту приписал падение с лошади состоянию, в котором находился капитан, потом, сделав знак Тихому Ветерку следовать за ним, сошел в каюту капитана. Граф де Бармон все еще лежал неподвижно, как мертвый. Главный хирург фрегата ухаживал за ним, но не мог пробудить в нем жизнь, которая как будто исчезла навсегда.

— Удалите ваших помощников, довольно будет нас с Тихим Ветерком, майор, — сказал Мишель доктору, сделав ему знак.

Хирург понял и отпустил своих помощников. Когда дверь затворилась за ними, матрос отвел доктора в сторону и сказал ему так тихо, что только один доктор мог слышать:

— Майор, командир узнал очень горестное известие, возбуждавшее страшный кризис, которому он подвергается в эту минуту. Я сообщаю это вам, майор, потому что доктор все равно что духовник.

— Можешь быть спокоен, мой милый, — отвечал хирург, — тайна командира попала в надежные уши.

— Я в этом убежден, майор. Пусть весь экипаж думает, будто командир упал с лошади, вы понимаете, я уже говорил об этом лейтенанту, подавая ему рапорт.

— Очень хорошо. Я подтверждаю твои слова.

— Благодарю, майор, теперь мне остается еще сделать вам один вопрос.

— Говори.

— Вы должны получить от лейтенанта позволение, чтобы из всего экипажа никто, кроме Тихого Ветерка и меня, не ухаживал за командиром. Видите ли, майор, мы ста-

рые его матросы, он все может говорить при нас не стесняясь, притом ему будет приятно видеть нас возле себя. Вы получите позволение от лейтенанта, майор?

— Да, мой друг, я знаю, что ты человек честный и очень привязанный к командиру, знаю также, что он имеет к тебе полное доверие, поэтому не тревожься, я устрою этой с лейтенантом, ты и твой товарищ будете входить сюда одни вместе со мной, пока граф болен.

— Благодарю, майор, если представится случай, я вам услужу. Говорю вам по чести, как бискаец, что вы предостойный человек.

Хирург расхохотался.

— Вернемся к нашему больному,— сказал он, чтобы прекратить разговор.

Несмотря на разумные попечения хирурга, обморок графа продолжался целый день.

— Потрясение было ужасно,— сказал он,— чуть было не сделалось воспаление в мозгу.

Только к вечеру, когда фрегат давно уже плыл под парусами и оставил далеко за собою кадикский рейд, наступил благоприятный кризис, и графу стало легче.

— Он сейчас придет в себя,— сказал доктор.

Действительно, несколько судорожных движений пробежало по телу графа, он раскрыл глаза, но взор его был мутным и как бы диким, он поворачивал глаза во все стороны, как бы стараясь узнать, где он находится и зачем лежит в постели. Три человека, устремив на него глаза, заботливо подстерегали это возвращение к жизни, не казавшееся им успокоительным. Особенно был встревожен хирург; лоб его нахмурился, брови сдвинулись от внутреннего волнения. Вдруг граф приподнялся и сказал резким и жестким голосом Мишелю, стоявшему возле него:

— Лейтенант, для чего вы не созвали экипаж к сражению? Ведь испанский корабль опять убежит от нас!

Хирург сделал Мишелю знак:

— Извините, командир,— отвечал матрос, потакая фантазии больного,— все готово к сражению.

— Очень хорошо,— сказал больной.

Потом вдруг мысли его переменились, и он прошептал:

— Она придет, она мне обещала! Нет, нет! она не придет; теперь она умерла для меня! Умерла! Умерла! — повторил он глухим голосом.

Потом вдруг громко вскрикнул:

— О! как я страдаю, Боже мой! — и потоки слез облили его лицо.

Граф закрыл голову руками и опять упал на постель. Оба матроса тревожно всматривались в бесстрастное лицо хирурга, стараясь прочесть на его лице, чего они должны опасаться или на что надеяться. Хирург вздохнул с облегчением, провел рукой по своему лбу, увлажненному потом, и, обернувшись к Мишелю сказал:

— Слава Богу! Он плачет, он спасен!

— Слава Богу! — повторили матросы, набожно перекрестившись.

— Не думаете ли вы, что он сошел с ума, майор? — спросил Мишель дрожащим голосом.

— Нет, это не сумасшествие, а бред; он скоро заснет, не оставляйте его. Проснувшись, он не будет помнить ничего. Если попросит пить, дайте ему лекарство, которое я приготовил и поставил на этот стол.

— Слушаю, мйор.

— Теперь я уйду, а если случится что-нибудь непредвиденное, дайте мне знать тотчас. Впрочем, я зайду еще ночью.

Хирург ушел. Его предсказания скоро оправдались: мало-помалу граф де Бармон заснул тихим и спокойным сном. Оба матроса стояли неподвижно возле его постели; никакая сиделка не могла ухаживать за больным с таким нежным попечением, как эти два человека, оболочка которых казалась жестка, а сердце было такое доброе.

Таким образом прошла вся ночь. Хирург приходил несколько раз, но всегда уходил через несколько секунд с довольным видом и приложив палец к губам. К утру, при первом луче солнца, ворвавшегося в его комнату, граф сделал движение, раскрыл глаза и, повернув несколько раз голову, сказал слабым голосом:

— Мой добрый Мишель, дай мне пить.

Матрос подал ему стакан.

— Я совсем разбит, — прошептал он, — стало быть, я был болен?

— Да, немножко, — отвечал матрос, — но теперь прошло, слава Богу. Надо только не терять терпения.

— Мне кажется, я чувствую, как фрегат идет; разве мы под парусами?

— Точно так, командир.

— Кто же приказал сниматься с якоря?

— Вы сами вчера вечером.

— А! — произнес граф, возвращая стакан.

Голова его тяжело упала на изголовье, и он замолчал. Однако он не спал, глаза его были открыты, взор с беспокойством блуждал вокруг.

— Вспомнил! — прошептал он, и слезы брызнули из его глаз. Потом вдруг обратившись к Мишелю, он прибавил:— это ты меня поднял и привез на фрегат?

— Я, капитан.

— Благодарю, однако, может быть, было бы лучше дать мне умереть.

Матрос презрительно пожал плечами.

— Вот богатая мысль! — заворчал он.

— О, если бы ты знал! — сказал граф с горечью.

— Я знаю все; не предупреждал ли я вас с первого дня?

— Это правда, мне следовало бы тебе поверить, увы!

Я уже любил ее.

— Знаю притом, она заслуживала этого.

— Неправда ли, она все еще меня любит?

— Кто в этом сомневается? Бедное, милое существо!

— Какой ты добрый, Мишель!

— Я справедлив.

Наступило новое молчание. Через несколько минут граф возобновил разговор.

— Ты нашел письмо? — спросил он.

— Нашел, капитан.

— Где оно?

— Вот здесь.

Граф с живостью схватил письмо.

— Ты прочел? — спросил он.

— Для чего? — отвечал Мишель.— Там должно быть все ложь да гадость, а я не любопытен на эти вещи.

— Вот, возьми.

— Что разорвать?

— Нет, чтобы прочесть.

— К чему?

— Ты должен знать, что заключается в этом письме, я так хочу.

— Это другое дело, дайте.

— Славное поручение даете вы мне, капитан! Но если вы хотите, я должен повиноваться вам.

— Я прошу тебя, Мишель.

— Довольно, капитан, начинаю.

Он начал читать вслух это странное послание. Оно было короткое, лаконичное, но действие, которое должно было произвести это письмо, было тем ужаснее, что каждое

слово было рассчитано для того, чтобы нанести удар. Вот содержание письма:

«Граф, вы не женились на моей дочери; я обманул вас ложным браком. Вы никогда ее не увидите... она умерла для вас. Уже много лет неумолимая ненависть существует между вашей фамилией и моей. Я вас не отыскивал, сам Господь свел вас со мною. Я повиновался Ему. Кажется, мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы имеете к моей дочери, искренна и глубока. Тем лучше, вы будете больше страдать. Прощайте, граф. Послушайте меня, не старайтесь увидеться со мной; на этот раз мое мщение будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого одного она любила всегда. *«Дон-Эстебан Сильва, герцог Пеннафлор.»*

Когда матрос кончил это чтение, он устремил на своего командира вопросительный взгляд. Тот несколько раз покачал головою и ничего не отвечал. Мишель возвратил ему письмо, которое капитан тотчас спрятал под изголовье.

— Что будете вы делать? — спросил матрос через минуту.

— После, — отвечал граф мрачным голосом, — после ты узнаешь, я не могу в эту минуту принять никакого решения, моя голова еще слаба, мне нужно подумать.

Мишель сделал знак одобрения. В эту минуту вошел доктор. Он, по-видимому, пришел в восторг, когда увидал, что его больной в таком хорошем положении, и обещал ему, весело потирая руки, что через неделю он встанет с постели.

Действительно, доктор не ошибся: граф быстро выздоравливал. Наконец, он мог встать, и через несколько дней, кроме мертвенной бледности, разлившейся по его лицу, бледности, которую он с тех пор сохранил навсегда, силы его воротились вновь. Граф де Бармон ввел свой фрегат в Таго, бросил якорь перед Лиссабоном и тотчас позвал лейтенанта в свою каюту, где имел с ним продолжительный разговор, вследствие которого капитан поехал на берег с Мишелем и Тихим Ветерком.

Фрегат остался под начальством первого лейтенанта; граф оставил его навсегда. Этот поступок мог почти назваться бегством, но граф де Бармон решился во что бы то ни стало воротиться в Кадикс. В те немногие дни, которые прошли после его разговора с Мишелем, граф обдумал все. Результатом его размышлений было, что донна Клара была так же, как и он, обманута герцогом, что она считала себя замужем. Все доказывало ему это в обращении моло-

дой девушки с ним. В желании осуществить свое мщение герцог перешел границы: донна Клара любила его, он был уверен в том. Она повиновалась отцу не иначе, как принужденная к тому насильем. Когда граф дошел до этого заключения, ему оставалось только одно — воротиться в Кадикс, собрать сведения, отыскать герцога и иметь с ним при дочери последнее объяснение. Остановившись на этом намерении, молодой человек немедленно исполнил его, поручив своему лейтенанту начальство над фрегатом, рискуя испортить свою карьеру, подвергнуться преследованию как изменник, так как война была во всей силе между Францией и Испанией. Он нанял прибрежное судно и в сопровождении двух матросов, которым он объяснил свои намерения, но которые не хотели оставить его, он воротился в Кадикс.

По милости глубоких познаний в испанском языке граф не возбудил никаких подозрений в этом городе, где ему легко было собрать желанные сведения. Герцог уехал в Мадрид. Граф тотчас направился туда же.

Такой знатный вельможа, как герцог Пеннафлор, испанский гранд первого разряда, не может путешествовать, не оставляя следов, так что граф без всякого труда узнал, по какой дороге он поехал: он приехал в Мадрид в убеждении, что скоро будет иметь с герцогом то объяснение, которого он так пламенно желал.

Но надежда его была обманута. Герцог был на аудиенции короля, а потом уехал в Барселону. Это походило на какой-то гибельный рок. Граф не унывал, верхом проехал он Испанию и добрался до Барселоны. Герцог накануне уехал в Неаполь. Эта погоня принимала размеры Одиссеи, точно будто герцог чувствовал, что его преследуют. Ничуть не бывало однако: он исполнял поручение, данное ему королем. Граф осведомился и узнал, что с герцогом едут оба сына и дочь. Через два дня граф де Бармон отправился в Неаполь на контрабандном судне. Мы не будем входить во все подробности этой упорной погони, которая продолжалась несколько месяцев; мы скажем только, что граф не застал герцога и в Неаполе, как не застал и в Мадриде и Барселоне, что он проехал всю Италию и въехал во Францию, все еще преследуя неуловимого врага, который исчезал пред ним.

Но хотя граф не подозревал, однако в этот промежуток роли значительно изменились. Вот каким образом: герцогу очень интересно было узнать, что сделает граф. Хотя он был уверен, что война принудит его оставить Испанию; однако он слишком хорошо знал решительный ха-

рактер молодого человека, для того, чтобы предполагать хоть одно мгновение, что он примет нанесенное ему оскорбление, не постаравшись блистательно отомстить. Вследствие этого он оставил в Кадиксе доверенного человека, которому поручил, если граф там появится, наблюдать за его поступками с величайшим старанием и уведомить его, герцога, что будет делать граф. Человек этот добросовестно и очень ловко исполнил трудное поручение, вверенное ему, и в то время как граф преследовал герцога, он преследовал графа, не теряя его из вида, останавливаясь, где останавливался он, и отправляясь за ним тотчас, как только тот отправлялся в путь. Когда, наконец, он удостоверился, что граф действительно преследует его господина, он перегнал графа, догнал герцога в окрестностях Пиньероля и передал ему все, что узнал. Герцог, хотя внутренне испугался настойчивой ненависти своего врага, притворился, будто приписывает очень мало важности этому известию, и презрительно улыбнулся, слушая донесение своего слуги. Но несмотря на это, он не пренебрег предосторожностями, и так как мир был почти подписан и испанский уполномоченный находился в Париже, он отправил к нему этого самого слугу с письмом. В письме этом заключался формальный донос на графа де Бармон-Сенектера. Кардинал Ришелье без всякого труда дал приказ арестовать графа, и полицейские агенты его преосвященства под командою Франсоа Бульо выехали из Парижа в погоню за несчастным офицером. Тот, в полном неведении того, что происходило, продолжал свой путь и даже обогнал герцога, который в убеждении, что ему нечего опасаться своего врага, ехал не торопясь.

Но расчет герцога был неверен; он не подумал, что агенты кардинала, не зная, где встретят того, кого им велено было арестовать, будут принуждены ехать наугад, тем более, что кроме Бульо никто из них не знал лично графа, а тот, как нам теперь известно, желал дать беглецу возможность убежать.

Мы рассказали выше, какое бурное объяснение произошло между тестем и зятем. Тот, наконец, был арестован и отвезен на остров Св. Маргариты и отдан в руки майора де л'Урсьера. А теперь, так как мы объяснили относительное положение каждого из наших действующих лиц, мы будем продолжать наш рассказ с того пункта, на котором остановились.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Мы сказали, что майор де л'Урсьера, комендант крепости, велел отвести графа де Бармон-Сенектера в ту комнату, которая должна была служить ему тюрьмой до тех пор, пока кардиналу будет угодно возвратить ему свободу.

Эта комната, довольно обширная и довольно высокая, была восьмиугольной формы, с выдолбленными стенами в пятнадцать футов толщиной, и освещалась двумя узкими бойницами с двойной железной решеткой, внутренней и наружной, которая пропускала тусклый свет сквозь свои частые отверстия и совершенно скрывала вид извне. Большой камин занимал один угол. Напротив стояла деревянная кровать с узким тюфяком, когда-то выкрашенная желтой краской, но совершенно побелевшая от времени. Стол, скамейка, стул, ночной столик, железный подсвечник дополняли меблировку более чем скромную. Комната эта находилась в самом верхнем этаже башни, платформа которой, где день и ночь прохаживался часовой, служила ей потолком. Солдат отпер запоры и замки двери, обитой железом, и граф вошел в комнату твердыми шагами. Бросив взгляд на эти холодные и печальные стены, в которых он должен был жить, он сел на стул, скрестил руки на груди, потупил голову и начал размышлять.

Солдат, или лучше сказать тюремщик, ушел и, воротясь через час, нашел графа в том же положении. Человек этот принес простыню, одеяло, дрова, а за ним два солдата несли чемодан с платьем и бельем заключенного, который они поставили в угол и ушли. Тюремщик тотчас сделал постель, потом вымел комнату и затопил камин. Исполнив это, он подошел к заключенному.

— Ваше сиятельство,— вежливо сказал он.

— Что вам угодно, друг мой? — отвечал граф, приподнимая голову и смотря на него с кротостью.

— Комендант желает говорить с вами. Он должен сообщить вам что-то важное.

— Я к услугам господина коменданта,— лаконично отвечал граф.

Тюремщик поклонился и вышел.

— Чего хочет от меня этот человек? — прошептал граф, оставшись один.

Ожидание его было непродолжительно, дверь снова отворилась, и явился комендант. Заключенный встал принять его, поклонился и молча ждал, чтобы он заговорил. Комендант сделал тюремщику знак уйти, потом после нового поклона сказал с холодной вежливостью:

— Граф, дворяне должны оказывать внимание друг другу. Хотя приказания, полученные мною от кардинала, очень строги, я желаю однако щадить вас, насколько мне позволяет моя обязанность; я прямо пришел к вам, чтобы поговорить с вами об этом.

Граф угадал, куда клонится эта речь, но не выказал этого и отвечал:

— Господин комендант, я должен быть признателен за такой шаг с вашей стороны; будьте же так добры, объясните мне, в чем состоят полученные вами приказания и каким образом возможно вам смягчить их. Но прежде всего, так как я нахожусь здесь у себя, — прибавил он с меланхолической улыбкой, — сделайте мне честь и сядьте.

Майор поклонился, но не сел.

— Это бесполезно, граф, — сказал он, — то, что я должен вам сказать, очень коротко, прежде всего прошу вас заметить, что я имел деликатность прислать к вам чемодан с вашими вещами, не осмотрев его, как имел на то право.

— Вижу и очень вас благодарю.

Майор поклонился.

— Вы сами служите, граф, — сказал он, — вы знаете, что его преосвященство кардинал, хотя и великий человек, не очень щедр к офицерам, которых старость или раны принуждают выйти в отставку.

— Это правда, — отвечал граф.

— В особенности коменданты крепости, хотя назначенные королем, принуждены покупать на наличные деньги места их предшественников и находятся в совершенной нищете, если не накопят себе денег заранее.

— Я этого не знал. Я думал, что начальство над крепостью служит наградой.

— Оно так и есть, граф; покупается место только в таких крепостях, которые, как эта, служат государственной тюрьмой.

— А! Очень хорошо.

— Вы понимаете, что это делается по причине таких

выгод, которые комендант имеет право извлекать из заключенных, вверенных ему.

— Понимаю как нельзя лучше. Много ли содержится несчастных в этом замке, подвергшихся немилости его преосвященства?

— Увы! Вы один! Вот по какой причине желал бы я дружелюбно уговориться с вами.

— Поверьте, что я сам очень этого желаю.

— Я в этом убежден и поэтому прямо приступлю к делу.

— Приступайте, приступайте; я слушаю вас с самым серьезным вниманием.

— Мне приказано не позволить вам иметь сообщения ни с кем, кроме вашего тюремщика, не давать вам ни книг, ни бумаги, ни перьев, ни чернил и никогда не позволять вам выходить из этой комнаты; кажется, очень опасаются, что вы убежите отсюда, а, должно быть, его преосвященство хочет вас удержать.

— Я очень признателен его преосвященству, но, к счастью для меня,— улыбнулся граф,— вместо того, чтобы дело иметь с тюремщиком, я завишу от храброго воина, который, строго исполняя свою обязанность, считает бесполезным мучить заключенного, уже несчастного и без того, потому что он заслужил немилость короля и кардинала-министра.

— Суждение ваше обо мне верно, граф. Как ни строги эти приказания, я один распоряжаюсь в этой крепости, где мне нечего опасаться контроля, и надеюсь, что я буду в состоянии смягчить относительно вас строгость, предписанную мне.

— Каково бы ни было ваше намерение на этот счет, позвольте мне поговорить с вами в свою очередь как откровенному и честному офицеру. Так как, без сомнения, я останусь в заключении очень долго, деньги мне совершенно бесполезны. Не будучи богат, я пользуюсь однако некоторым удовольствием и очень этому рад, потому что это удовольствие позволяет мне выразить вам признательность за то снисхождение, которое вы имеете ко мне: услуга за услугу, милостивый государь. Я буду давать вам десять тысяч в год вперед, а вы с вашей стороны позвольте мне иметь, разумеется на мой счет, все вещи, которые могут смягчить мое заключение.

У майора закружилась голова; старый офицер во всю свою жизнь не имел такой большой суммы.

Граф продолжал, не показывая, что он заметил, какое действие произвели его слова на коменданта:

— Итак, это решено; к той сумме, которую король назначил вам для моего содержания, мы будем прибавлять

двести ливров в месяц, то есть две тысячи четыреста в год, на бумагу, перья, книги и прочее, даже положим для круглой цифры три тысячи; вы согласны?

— Ах! Этого много, даже слишком много.

— Нет, потому что я помогаю благородному человеку, который останется мне признателен.

— Ах! Я останусь вам признателен вечно. Только не сердитесь на меня за мою откровенность, вы заставите меня желать, чтобы вы остались здесь как можно дольше.

— Как знать, майор, может быть, мой отъезд будет для вас еще выгоднее моего здесь пребывания,— сказал граф с лукавой улыбкой,— позвольте мне вашу записную книжку.

Майор подал. Граф вырвал листок, написал несколько слов карандашом и подал майору, говоря:

— Вот чек на тысячу шестьсот ливров, которые вы можете получить из банка Дюбоа, Лусталь и К. в Тулоне.

Комендант схватил бумагу с радостным трепетом.

— Но мне кажется, что на этой бумаге написано восемьсот ливров более той суммы, о которой мы условились.

— Правда, но эти восемьсот ливров назначены на покупку разных вещей, внесенных вот в этот список и которые я вас прошу достать для меня.

— Завтра вы их получите, граф.

Поклонившись очень низко, комендант вышел, пятясь задом.

— Я не ошибся,— весело прошептал граф, когда тяжелая дверь закрылась за майором,— я не ошибся, я верно оценил этого человека, в нем сосредоточились все пороки, но самый главный в нем порок — скупость. Кажется, я сделаю с ним что хочу, но я не должен спешить, мне надо действовать очень осторожно.

В той уверенности, что его не потревожат несколько часов, граф отпер чемодан, принесенный солдатами, чтобы удостовериться, правду ли сказал комендант и точно ли все вещи в целости. Действительно, чемодан был нетронут.

Предвидя вероятный арест, граф, когда пустился в погоню за герцогом Пеннафлором, купил несколько вещей, которые теперь нашел в чемодане с величайшим удовольствием. Кроме платья и белья, в чемодане лежала очень тонкая и крепкая веревка длиною во сто сажень, две пары пистолетов, кинжал, шпага, порох и пули; эти вещи, которыми граф запасся на всякий случай, комендант конфисковал бы без всякого зазрения совести, если бы видел их. Стало быть, чемодан раскрыт не был.

В чемодане лежали еще стальные и железные инструменты, в двойном дне, старательно скрытом, тяжелый кошелек с суммою в двадцать пять тысяч ливров золотом, не считая суммы, почти столь же значительной, испанскими квадруплями, зашитыми в широкий кожаный пояс.

Как только граф удостоверился, что комендант ему не солгал, он старательно запер чемодан, повесил ключ на шею на стальной цепочке и спокойно сел на углу камина.

Размышления его были прерваны тюремным сторожем. На этот раз тюремщик принес ему не только полный постельный прибор, гораздо лучше того, который он принес прежде, но прибавил к нему ковер, зеркало и даже туалетные принадлежности. Стол он накрыл скатертью и поставил довольно вкусный обед.

— Комендант просил у вас извинения, — сказал тюремщик, — завтра он пришлет вам все, что вы потребовали от него, а пока он присылает вам книги.

— Хорошо, друг мой, — отвечал граф, — как вас зовут?

— Ла-Гренад.

— Вас назначил комендант служить мне, Ла-Гренад?

— Меня.

— Друг мой, я нахожу, что вы человек хороший, вот вам три луидора. Если я буду вами доволен, то каждый месяц буду давать вам столько же.

— Если бы вы ничего не дали мне, — отвечал Ла-Гренад, взяв деньги, — это не помешало бы мне служить вам со всем усердием, к какому я способен. Я беру эти три луидора только потому, что такой бедняга как я не имеет права отказываться от подарка такого щедрого господина как вы. Но, повторяю вам, я готов служить вам, и вы можете распоряжаться мною как вам угодно.

— Однако я вас не знаю, Ла-Гренад, — с удивлением сказал граф, — откуда у вас явилась такая преданность ко мне?

— Я готов вам сказать, если это вас интересует, я дружен с господином Франсоа Бульо, которому я обязан; это он приказал мне вам служить и повиноваться во всем.

— Какой добрый этот Бульо! — сказал граф. — Хорошо, друг мой, я неблагодарным не буду. Ступайте, вы мне не нужны теперь.

Тюремщик подложил дров в камин, зажег лампу и ушел.

— Ах! — сказал граф, смеясь. — Прости, Господи! Мне кажется, что хотя я пленник по наружности, а такой же хозяин, как и комендант в этой крепости, и в тот день,

когда захочу, я выйду отсюда и этому не воспротивится никто. Что подумал бы кардинал, если бы знал, каким образом исполняются его приказания?

Он сел за стол, развернул салфетку и начал обедать с аппетитом.

Все случилось так, как заключенный условился с комендантом. Прибытие графа де Бармона в крепость было очень прибыльно для майора, который с тех пор, как получил начальство над этой крепостью, не имел еще случая извлечь какую-нибудь выгоду из положения, в которое его поставили. Поэтому он обещал себе извлечь всевозможные выгоды из своего единственного пленника, потому что остров Св. Маргариты, как мы уже заметили, не приобрел еще тогда той репутации, которую впоследствии он заслужил.

Комната графа была меблирована так прилично, как только это возможно было сделать. Ему дали, разумеется, за очень дорогую цену все книги, какие он спросил, ему даже позволили прогулку на платформе башни. Граф был счастлив, насколько позволяли обстоятельства, в которых он находился. Никто не предложил бы, видя как он усердно трудится над математикой и навигацией, потому что он чрезвычайно заботился об усовершенствовании своего морского образования, что человек этот питает в сердце мысль о неумолимом мщении и что эта мысль не оставляет его никогда.

С первого взгляда намерение графа допустить заключить себя в тюрьму, когда ему было так легко остаться на свободе, может показаться странным. Но граф принадлежал к числу тех гранитных людей, мысль которых остается неизменной и которые, как только приняли какое-нибудь намерение, как только с величайшим хладнокровием рассчитали все возможные успехи и неудачи, идут по пути, начертанному себе, все по прямой линии, не затрудняясь препятствиями, встречающимися им на каждом шагу, и преодолевают их, потому что они сначала решили, что должно быть так. Такие характеры возвеличиваются и дополняются в борьбе, достигая рано или поздно назначенной цели.

Граф понял, что всякое сопротивление кардиналу кончается для него верной гибелью. Много доказательств подтверждали эту мысль. Убежав от стражей, которые вели его в тюрьму, он оставался на свободе, это правда, но изгнанный, он принужден бы был оставить Францию и странствовать в чужих краях одиноко и без средств, вечно настороже, вечно остерегаясь, не имея никакой возможности собрать необходимые сведения для того, чтобы ото-

мстить человеку, который отнял у него любимую женщину, сразу разбил не только его карьеру, но и счастье. Граф был молод, он мог ждать, притом, как он сказал Бульо в минуту излияния, он хотел страдать для того, чтобы убить в себе всякое человеческое чувство, еще оставшееся в его сердце, и явиться перед своим врагом в полном вооружении.

И кардинал Ришелье, и Людовик XIII оба были серьезно больны. Смерть их должна была привести перемену царствования через два, три, четыре года, никак не позже, и катастрофа эта будет иметь последствием то, что все заключенные в тюрьму покойным министром будут выпущены на свободу. Графу было двадцать пять лет; следовательно, перед ним было много времени, тем более, что, воротившись на свободу, он вступит во все свои права и в качестве врага кардинала Ришелье будет хорошо принят при дворе, и таким образом будет иметь возможность воспользоваться всеми выгодами против своего врага.

Только люди энергичные, одаренные и уверенные в себе способны на такие расчеты, и эти люди, так решительно полагающиеся на случай, всегда успевают во всем, что хотят сделать, если смерть не оставит их.

Через Ла-Гренада и по безмолвному согласию коменданта, который закрывал глаза с очаровательной беспечностью, граф не только знал все, что происходило вне тюрьмы, но и получал письма от своих друзей и отвечал на них.

Однажды, прочитав письмо, которое Ла-Гренада подал ему, когда принес завтрак, — письмо от герцога де Белльгарда, доставленное Мицелем — добрый моряк не хотел удалиться от своего бывшего командира и сделался рыбаком в Антибе, а Тихий Ветерок определился к нему в матросы. Граф поручил Ла-Гренаду просить коменданта поговорить с ним несколько минут. Майор знал, что каждое посещение, которое он делал своему пленнику, приносит ему выгоды, и поспешил к нему в комнату.

— Вы знаете новость? — тотчас сказал ему граф.

— Какую новость, граф? — сказал майор с изумлением, потому что не знал ничего.

Действительно, находясь на крайней границе королевства, комендант случайно узнавал все новости.

— Кардинал-министр умер; я узнал это из достоверного источника.

— О! — сказал майор, сложив руки, эта смерть могла лишить его места.

— Его величество король Людовик XIII очень болен,— прибавил граф.

— Какое несчастье, Боже мой! — вскричал комендант.

— Это несчастье может быть счастливо для вас,— сказал граф.

— Счастливо! Когда у меня могут отнять мое место! Ах! Вам известно, граф, куда же я денусь, если меня прогонят отсюда?

— Это очень может случиться,— сказал граф.— Вы всегда были большим приятелем покойного кардинала.

— К несчастью! — прошептал майор, растерявшись и понимая справедливость этого замечания.

— А есть способ устроить это дело.

— Какой же это, граф? Скажите, умоляю вас.

— Вот этот способ: выслушайте меня хорошенько; то, что я вам скажу, очень для вас важно.

— Я слушаю, граф.

— Вот письмо к герцогу де Белльгарду. Поезжайте сейчас в Париж через Тулон, где вы получите по этому чеку две тысячи ливров на ваши дорожные издержки. Герцог очень меня любит. Из уважения ко мне он примет вас хорошо. Условьтесь с ним и повинуйтесь ему во всем, что он вам скажет.

— Да, да, граф.

— А если не позже как через месяц...

— Не позже как через месяц,— повторил комендант, едва переводя дух от нетерпения.

— Вы привезете мне сюда мое полное и совершенное помилование, подписанное его величеством Людовиком XIII...

— Как? — вскричал комендант с удивлением.

— Я немедленно отсчитаю вам,— холодно продолжал граф,— пятьдесят тысяч ливров, чтобы вознаградить вас за те неудобства, которые причинит вам мое освобождение.

— Пятьдесят тысяч ливров! — вскричал майор, и глаза его сверкнули алчностью.

— Пятьдесят тысяч ливров, да! — подтвердил граф.— Сверх того я обязуюсь, если вы желаете, оставить вас на этом месте. Решенное ли это дело?

— Но как же мне поступать в Париже, граф?

— По указанию, которое вы получите от герцога де Белльгарда.

— То, чего вы от меня требуете, очень затруднительно.

— Совсем не так, как вы думаете. Притом если это поручение для вас неудобно...

— Я этого не говорил.

— Как хотите, берите или нет.

— Беру, граф, беру пятьдесят тысяч!

— И едете?

— Завтра.

— Нет, сегодня вечером.

— Хорошо, сегодня.

— Вот письмо и вот чек. Да, кстати, постарайтесь войти в сношения с антибским рыбаком Мишелем.

— Я его знаю, — улыбаясь, сказал майор.

— А! — сказал граф. — Недурно было бы вам отыскать полицейского, который привез меня сюда, Франсоа Бульо.

— Я знаю, где его найти, — отвечал майор с той же хитрой улыбкой.

— Очень хорошо! Когда так, любезный комендант, мне нечего более прибавить, а остается только пожелать вам благополучного пути.

— Путь будет благополучен, граф, клянусь вам.

— Правда, сумма-то порядочная. Пятьдесят тысяч!..

— Я не забуду этой цифры.

С этими словами майор простился со своим пленником и ушел с низкими поклонами.

— Кажется, на этот раз я сделаюсь свободным! — вскричал граф, оставшись один. — Ах, герцог, мы наконец будем сражаться равным оружием!

IX

Де Л'Урсер

Если бы графу де Бармону было возможно сквозь толстые дубовые доски, обитые железом, приметить лицо коменданта, когда тот вышел из его комнаты, он не так громко провозгласил бы свою победу или считал бы себя так близко к освобождению.

Как только майору нечего было опасаться пронизательного взгляда его пленника, черты его приняли немедленно выражение цинической злости, которое невозможно

передать, глаза его засверкали мрачным огнем и ироническая улыбка мелькнула на бледных тонких губах.

Наступила ночь, и темнота покрывала все предметы мраком, увеличивавшимся каждую минуту. Майор воротился в свои комнаты, надел толстый плащ, надвинул шляпу на глаза и позвал своего помощника. Тот явился тотчас. Это был человек лет сорока, с умным лицом, черты которого были запечатлены кротостью, даже добротой.

— Я сейчас еду в Антиб, — сказал ему комендант, — куда меня призывают важные дела. Вероятно мое отсутствие продолжится несколько дней. На это время я поручаю вам начальство над крепостью; наблюдайте в особенности за тем, чтобы заключенный не мог, если он захочет, чего впрочем я не думаю, покуситься на побег. Эти попытки хоть и не удаются, зато роняют коменданта крепости.

— Буду наблюдать с величайшим старанием, господин майор.

— Есть у нас в гавани какая-нибудь рыбацья лодка? Я предпочел бы не брать лодок из крепости, так как гарнизон у нас очень слабый.

— Лодка рыбака Мишеля, в которой вы обыкновенно ездите, кажется находилась в гавани час тому назад, но может быть он поехал по своему обыкновению бросить невод.

— Гм! — сказал майор. — Если бы и так, я не хочу заставить терять время бедного человека. Эти рыбаки небогаты; каждая минута, отнимаемая у них, заставляет их лишиться прибыли, уже и без того ничтожной, которую может им доставить продолжительная и трудная ночь.

Офицер поклонился, по-видимому разделяя филантропические мысли своего начальника, хотя на лице его выразилось удивление, возбужденное в нем выражением подобных чувств от такого человека, как майор.

— Нет ли здесь других лодок? — сказал майор, выказывая равнодушный вид.

— Контрабандный люгер готовится в эту минуту выйти в море.

— Хорошо. Предупредите хозяина, что я желаю поехать на его судне, и, пожалуйста, поспешите, я тороплюсь.

Офицер ушел исполнить отданное ему приказание, майор взял несколько бумаг, вероятно важных, из железной шкатулки, крепко запертой, спрятал эти бумаги в карман, закутался в плащ и вышел из крепости, по дороге часовые отдавали ему честь.

— Ну что? — спросил он офицера, который шел к нему навстречу.

— Я говорил с хозяином, он ждет вас.

— Благодарю. Теперь воротитесь в крепость и внимательно наблюдайте за безопасностью до моего возвращения.

Офицер простился, а майор пошел к набережной, где его ждала шлюпка с люгера. Как только комендант вошел на люгер, распустили паруса и хозяин почтительно приблизился к майору.

— Куда нам ехать, господин комендант? — спросил он, снимая свою шерстяную шапку.

— А-а! Это вы, Нико? — спросил комендант, который часто имея дело с контрабандистами, знал большую часть из них по именам.

— Я самолично к вашим услугам, господин комендант, — вежливо отвечал хозяин.

— Скажите мне, — продолжал майор, — не хотите ли вы заработать десять луидоров?

Моряк расхохотался.

— Вы верно подсмеиваетесь надо мной, господин комендант, — сказал он.

— Вовсе нет, — отвечал майор, — и вот вам доказательство, — прибавил он, вынимая из кармана горсть золота, — я жду вашего ответа.

— Вам известно, господин комендант, что десять луидоров сумма очень порядочная для такого бедного человека как я. Я очень желаю заработать желтушки; что должен я сделать?

— О, Боже мой! Дело очень простое, отвезти меня в Сент-Онора, где мне хочется погулять.

— Ночью-то? — с удивлением спросил хозяин судна.

Майор закусил губы, сознавая, что он сказал глупость.

— Я большой любитель живописи и хочу полюбоваться эффектом монастырских развалин при лунном сиянии.

— У всякого свой вкус, — отвечал хозяин, — и так как вы мне платите, господин комендант, то мне до этого нет никакого дела.

— Это правда, везите же меня в Сент-Онора, пошлите меня на берег и ждите в море. Согласны вы?

— Вполне.

— Я очень люблю уединение и непременно желаю, чтобы никто из ваших людей не выходил на остров, пока я буду там.

— Весь экипаж останется на люгере, будьте спокойны.

— Хорошо, вот вам деньги.

— Благодарю.

Легкий люгер понесся по волнам к Сент-Онора, мрачные контуры которого чернели на горизонте. Переезд был непродолжителен на таком легком судне, как этот контрабандный люгер. Скоро легкое судно очутилось напротив острова. Хозяин велел лечь в дрейф и спустить шлюпку в море.

— Господин комендант, — сказал он, почтительно снимая шапку и останавливая майора, который ходил взад и вперед на корме, — шлюпка вас ждет.

— Уже? Тем лучше! — отвечал майор.

В ту минуту, как он спускался в шлюпку, хозяин люгера остановил его.

— Есть у вас пистолеты?

— Пистолеты! — повторил майор, обернувшись. — К чему? Ведь этот остров пуст.

— Совершенно.

— Стало быть я не подвергаюсь никакой опасности.

— Ни малейшей, я задал вам вопрос совсем не по этому.

— По какой же причине?

— Темно, луны нет, в десяти шагах невозможно ничего рассмотреть; как я узнаю, когда вы воротитесь на люгер, если вы не предупредите меня сигналом?

— Это правда; как же быть?

— Вот пистолет; он не заряжен, но на полке есть порох.

— Благодарю, — сказал майор, взяв пистолет и заткнув его за пояс.

Он спустился в шлюпку, которая прыгала по волнам, и четыре сильных матроса нагнулись над веслами.

— Счастливого пути! — сказал хозяин.

Майору показалось, что это желание было произнесено ироническим тоном, но он не приписал ему никакой важности и посмотрел на землю, которая все более и более приближалась. Скоро нос шлюпки заскрипел на песке. Приехали. Майор вышел на берег, и приказал матросам воротиться на люгер, закрыл лицо плащом, удалился большими шагами и скоро исчез в темноте.

Но вместо того, чтобы повиноваться отданному им приказанию, три матроса вышли на берег в свою очередь и пошли за майором, стараясь держаться так, чтобы он их не приметил, а четвертый остался караулить шлюпку, спрятав ее за узким рифом и прикрепив к обломку скалы. Потом он вышел на берег с ружьем в руке и стал на одно ко-

лено, устремив глаза на внутренность острова, в положении охотника, который сторожит дичь.

Между тем майор продолжал продвигаться большими шагами по направлению к развалинам, величественный силуэт которых начинал уже обрисовываться его глазам, заимствуя у окружающего мрака вид еще более таинственный. Майор, убежденный, что его приказание было буквально исполнено, потому что он не имел никаких причин недоверять хозяину люгера, который всегда старался ему угодить, шел не оборачиваясь, даже не принимал предосторожностей, которых он считал бесполезными, и вовсе не подозревал, что несколько человек следовали за ним и следили за его действиями. Легко было узнать по легкости, с какой он находил дорогу в темноте, что он не в первый раз находится в этом месте, как ни казалось оно уединенно и брошено.

Войдя в развалины, де л'Урсьер прошел монастырь, заваленный обломками, и, пробравшись сквозь камни и терновник, вступил в монастырскую церковь, великолепный образчик чистейшего римского стиля, купол которой обрушился и остались только хоры и клирос среди разбитых колонн.

Внимательно осмотрев окружавшие его предметы, как будто ожидая увидеть кого-нибудь, майор решился наконец три раза хлопнуть в ладоши. В эту самую минуту в двух шагах от него очутился человек. Появление его было так внезапно, что майор вздрогнул и сделал шаг назад, с живостью положив руку на шпагу.

— А-а! — сказал незнакомец насмешливым голосом. — Уж не принимаете ли вы меня за приведение, что так испугались?

Этот человек был закутан в толстый плащ, складки которого скрывали его стан, а шляпа с перьями и широкими полями лицо, так что его решительно нельзя было узнать; только плащ, приподнятый ножнами длинной рапиры, показывал, что, кто бы ни был этот человек, он пришел не безоружный на свидание.

— Я к вашим услугам, милостивый государь, — сказал майор, поднося руку к шляпе, но не снимая ее.

— И без сомнения готовы мне служить, — отвечал незнакомец.

— Это смотря по обстановке, — грубо отвечал майор, — времена переменились.

— А-а! — сказал незнакомец все с насмешкой. — Что нового? Я буду рад узнать от вас.

— Вы это знаете так же хорошо, как и я.

— Все равно, скажите мне, какая это важная новость вдруг изменила наши дружественные отношения?

— Бесполезно насмехаться таким образом. Я вам служил, вы мне платили, мы квиты.

— Может быть, но продолжайте. Вы мне предлагаете вероятно новое условие?

— Я ничего не хочу вам предлагать, я пришел, потому что вы изъявили желание меня видеть, вот и все.

— А вашим пленником вы все еще довольны?

— Больше прежнего; это очаровательный молодой человек, который конечно не заслуживает своей несчастной участи; я принимаю в нем искреннее участие.

— Черт побери! Стало быть обойдется дорого, я не считал этого участия, я ошибся, я это вижу.

— Что вы хотите сказать? — вскричал майор с обиженным видом.

— Именно то, что я говорю. Вы не обманете меня вашей совестливостью, вы хватаете обеими руками вот уже полтора года. Кардинал умер, и король при смерти, вот что вы хотите мне сообщить, неправда ли? Готовится новое царствование, и, вероятно, новое правительство пойдет наперекор предшествующему и первою его заботой будет раскрыть темницы; вы хотели мне сказать еще, что граф де Бармон, имеющий при дворе горячих друзей, скоро должен быть освобожден. Я знал все это так же хорошо, как вы, и даже лучше вас, но что мне за нужда!

— Как, что за нужда?

— А то, что через четыре дня вы получите приказ, подписанный самим Людовиком XIII.

— Что же будет заключаться в этом приказе?

— О, Боже мой! Безделица, а именно, что граф немедленно будет переведен с острова св. Маргариты в Бастилию, а те, кто попадают в Бастилию, — прибавил он мрачным голосом, заставившим майора невольно вздрогнуть, — навсегда вычеркиваются из числа живых и выходят оттуда только мертвыми или сумасшедшими. Понимаете ли вы меня теперь?

— Да, я вас понимаю; но почему вы можете знать, не убежит ли граф в эти четыре дня, о которых вы говорите?

— О! При таком коменданте как вы эта случайность кажется мне невероятной.

— Э! э! Рассказывают вещи очень необыкновенные о побеге пленника, но меня еще одно успокаивает относительно побега.

— Что же такое?

— Просто то, что граф сам объявил, что он не согласится никогда бежать и не хочет быть свободным.

— Вы ошибаетесь, он теперь передумал и хлопочет через своих друзей о своем освобождении.

— А! Вот оно что! — сказал незнакомец, бросив на майора взгляд, сверкнувший молнией в темноте.

Комендант поклонился. Наступило молчание, во время которого не слышалось другого шума, кроме полета ночных птиц в развалинах.

— Прекратим излишнюю болтовню, — сказал незнакомец твердым голосом, — сколько вы хотите за то, чтобы пленник не убежал до получения приказа короля?

— Двести тысяч, — грубо отвечал майор.

— Не правду ли я сказал, что обойдется дорого? — заметил незнакомец с насмешкой.

— Дорого или нет, а это моя цена и я ничего не сбавлю.

— Хорошо, вы получите эти деньги.

— Когда?

— Завтра.

— Это будет слишком поздно.

— Что? — надменно спросил незнакомец.

— Я сказал, что будет слишком поздно, невозмутимо повторил майор.

— Когда же вам их нужно?

— Сейчас.

— Неужели вы думаете, что я ношу при себе двести тысяч?

— Я этого не говорю, только я могу отправиться с вами в Антиб, где вы и отсчитаете мне эту сумму.

— Это средство было бы хорошо, если бы только не было помехи.

— Какой же?

— Если я вам назначил свидание здесь, если я прихожу сюда переодетый и один, то вероятно у меня есть цель.

— Цель остаться неизвестным.

— Вы очень проницательны. Но мы можем однако сойтись.

— Я не вижу, каким образом, если только вы не согласитесь на мое требование.

— Вы знаете толк в бриллиантах, ведь мы до сих пор иначе и не имели дело.

— Знаю немножко.

— Вот этот бриллиант стоит сто тысяч экю, возьмите его.

Он подал футляр из черной шагреновой кожи. Майор с живостью его схватил.

— Но каким образом я удостоверюсь, что вы не обманываете меня?

— Трогательное доверие,— смеясь сказал незнакомец.

— Дела должны остаться делами; я рискую моей душой, чтобы услужить вам.

— Насчет вашей души успокойтесь; с этой стороны вам нечего рисковать, но я исполню ваше желание.

Вынув глухой фонарь из-под плаща, он направил свет на бриллиант. Майору достаточно было одного взгляда, чтобы удостовериться в богатой награде, назначенной ему.

— Довольны ли вы? — спросил майор, спрятав футляр и подавая незнакомцу связку бумаг.

— Это что такое? — спросил незнакомец.

— Бумаги очень важные для вас в том отношении, что вы узнаете из них друзей графа и средства, которые они могут употребить, чтобы возвратить ему свободу.

— Право! — вскричал незнакомец, с живостью схватив бумаги.— Я не сожалею, что так дорого заплатил за ваше содействие. Теперь мы все сказали друг другу.

— Кажется.

— Прощайте же! Когда вы будете мне нужны, я вас предупрежу.

— Вы уже уходите?

— Что же еще делать в этом совином гнезде? Кажется, каждому из нас пора воротиться к тем, кто его ждет.

Сделав майору легкий поклон рукой, незнакомец повернулся и исчез за развалинами алтаря. В ту же минуту незнакомца схватило несколько человек, и так быстро, что не только он не мог покуситься на бесполезную защиту, но и очутился связанным и с кляпом во рту прежде чем опомнился от удивления, которое внушило ему это нападение. Его безмолвные враги бросили его таким образом, катающегося по земле с судорожными прыжками бессильной ярости, и исчезли в темноте, не занимаясь более им. Майор после некоторой нерешительности также собрался уйти и медленно направился к берегу. Там, по совету Нико, он выстрелил из пистолета, потом продолжал подвигаться медленными шагами. Шлюпка подъехала к нему навстречу, майор молча сел и через двадцать минут снова очутился на люгере, где Нико почтительно принял его с шапкой в руке. Шлюпку подняли, люгер распустил паруса и поплыл по попутному ветру.

Люгер Чайка

Люгер Чайка было судном в девяносто тонн, с четырьмя пушками, которые делали его более похожим на корсара, чем на мирное каботажное судно. Однако уже около года, как этот легкий люгер ездил вдоль берегов Прованса и Леринских островов и никогда не говорили о нем дурно; хозяин этого судна, Нико, слыл честным и добрым человеком, хотя немножко грубым и задорливым. Эти недостатки, впрочем принадлежащие почти всем морякам, нисколько не уменьшали доброй славы, которой пользовался командир Чайки.

Майор де л'Урсьер по прибытии на люгер тотчас отправился в каюту, и, войдя туда, с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления. В каюте находился человек, который сидел за столом и небрежно пил ром смешанный с водой, куря огромную трубку и распуская около себя огромное облако синеватого дыма, которое закрывало его, как ореол. В этом человеке майор узнал Мишеля Бискайца, рыбака. После минутной нерешимости майор вошел. Хотя присутствие этого человека на люгере было довольно странно, однако оно не могло испугать майора, который не имел никакой причины полагать, что Мишель неприязненно к нему расположен и что он должен его опасаться.

При шуме, сделанным майором при входе в комнату, матрос обернулся к нему, не вынимая трубки изо рта. Однако поднося к губам стакан, который он держал в правой руке, Мишель сказал насмешливым тоном:

— Э! Да это, если я не ошибаюсь, наш достойный комендант; очень рад вас видеть, майор.

— Скажите пожалуйста,— отвечал майор таким же тоном,— это наш Мишель. По какому случаю я нахожу вас здесь, когда я считал себя в праве предполагать вас занятым в эту минуту рыбной ловлей?

— Ба! — сказал Мишель с насмешкой.— Рыбу можно ловить везде, и здесь не хуже, чем в другом месте. Что же вы не садитесь, майор, или вы боитесь унизиться, сев возле такого человека, как я?

— Вы не можете этого думать,— отвечал майор, садясь на стул.

— А вы не курите? — спросил Мишель.

— Нет, это развлечение моряка.

— Это правда, майор, но вы пьете, я полагаю.

Майор подал свой стакан, который матрос наполнил до краев.

— За ваше здоровье, майор, уж вас то я не ожидал увидеть здесь.

— Неправда ли?

— Право так.

— Ну, говоря откровенно, и я не думал вас встретить.

— Знаю, вы с острова Сент-Онора.

— Вы не можете этого не знать, если я нашел вас здесь.

— Так это мы для вас потеряли два часа, лавируя между островами, рискуя наткнуться на какой-нибудь бурун, вместо того чтобы заниматься нашими делами?

— Как вашими делами? Разве вы теперь сделались контрабандистом?

— Я занимаюсь всем,— лаконично отвечал Мишель, наполняя свой стакан.

— Но за каким чертом вы здесь? — спросил майор.

— А вы? — сказал матрос, отвечая на вопрос другим вопросом.

— Я... я... — с замешательством начал майор.

— Вы колеблетесь,— с насмешкой продолжал Мишель,— хотите, я вам скажу?

— Вы, Мишель?

— Вы ездили в Сент-Онора любоваться природой, не так ли? — сказал Мишель с громким хохотом.

— Действительно, я всегда имел склонность к живописному; но теперь я вспомнил, что забыл сказать Нико, где желаю выйти на берег.

Он сделал движение, чтобы встать.

— Не нужно,— сказал матрос, принуждая его сесть.

— Как, не нужно! Напротив, надо не медлить...

— А я вам говорю, что вы еще поспеете, майор,— решительно перебил матрос,— мне нужно прежде поговорить с вами.

— Поговорить со мной! — с изумлением вскричал майор.

— Точно так, майор,— сказал Мишель тоном сарказма,— я должен вам сказать очень важные вещи, в вашей чертовой крепости это невозможно, там у вас множество солдат и тюремщиков, которые, как только вы нахмурите брови, схватят вашего собеседника и без церемоний бросят его в какую-нибудь яму, где и оставят гнить без всякого за-

зрения совести. Это очень неприятно, честное слово, здесь гораздо приятнее, я не боюсь, что вы заключите меня в тюрьму, поэтому и хочу воспользоваться представившимся случаем высказать вам то, что у меня на сердце.

Майор внутренне растревожился, еще не зная положительно чего он должен опасаться, до того обращение этого матроса, который всегда был с ним раболепно вежлив, казалось ему странным; однако он не обнаружил ничего и, небрежно облокотившись о стол, сказал:

— Хорошо, будем говорить, если вам так хочется, добрый Мишель; я посижу, мне ни к чему торопиться.

Матрос несколько повернул свой стул, так что очутился прямо напротив де л'Урсьера. Посмотрев на него с лукавым видом и прихлебывая ром, он вдруг сказал, стукнув пустым стаканом о стол:

— Премилая у вас страсть, майор, отправляться по ночам любоваться развалинами монастыря впотьмах, премилая страсть! Притом она вам приносит большие барыши, как я узнал.

— Что хотите вы сказать? — вскричал майор, побледнев.

— То, что говорю! Уж не верите ли вы случайности, майор?

— Но...

— Случайности, по которой вы встретили меня здесь и по которой нашли на пустынном острове бриллиант в триста тысяч? Ведь и та и другая случайность совершенно невозможны.

На этот раз майор и не пытался отвечать; он видел, что он попался. Мишель все продолжал насмешливым тоном:

— Конечно, действовать так как вы очень умно, можно скоро обогатиться, хватая обеими руками, только ремесло-то это очень ненадежное.

— Вы меня оскорбляете, негодяй! — пролепетал майор. — Берегитесь, если я позову...

— Полноте, — перебил матрос с громким смехом, — я не хочу обращать внимания на ваши оскорбления! Я занят другим в эту минуту, а если вы хотите позвать, попробуйте, вы увидите, что случится.

— Но это измена!

— Еще бы! Ведь мы все изменники более или менее! И вы изменник, и я изменник, это уже решено; поверьте мне, бесполезно будет разговаривать об этом предмете, гораздо лучше воротиться к нашему делу.

— Говорите, — пробормотал майор мрачным голосом.

— Послушайте, я хочу дать вам доказательство откровенности и показать вам раз и навсегда, как напрасно будете вы сохранять малейшую надежду относительно того, что случится здесь. Эй, Нико! — закричал он громким голосом, слегка ударив стаканом по столу. — Явись сюда, мой милый!

Тяжелые шаги раздались на ступенях лестницы и тотчас лукавое лицо Нико явилось в дверях.

— Чего ты хочешь от меня, Мишель? — спросил он, делая вид, будто не примечает присутствия майора.

— Очень немного, мой милый, — отвечал матрос, указывая на офицера, побледневшего от волнения, — одного простого вопроса, чтобы сделать личное удовольствие этому господину.

— Говори.

— Кто теперь командует люгером Чайка, в каюте которого мы находимся в эту минуту?

— Ты.

— И все на люгере, включая и тебя, обязаны мне повиноваться?

— Непременно, да еще без малейшего возражения.

— Очень хорошо, положим, Нико, я прикажу тебе захватить майора, привязать ему к ногам два ядра и бросить в море, что ты сделаешь, мой милый?

— Что я сделаю?

— Да.

— Я буду повиноваться.

— Без возражения.

Нико пожал плечами.

— Прикажешь? — сказал он, протянув свою широкую руку к майору, который задрожал.

— Пока еще нет, — ответил Мишель, — воротись на палубу, но не уходи далеко; вероятно, ты скоро мне понадобишься.

— Хорошо, — отвечал хозяин люгера и исчез.

— Теперь вы узнали, господин майор, — сказал Мишель, небрежно повернувшись к испуганному коменданту, — и начинаете вы понимать, что как я ничтожен в сравнении с вами, однако, по крайней мере, на время, вы находитесь в моей власти.

— Сознаюсь, — произнес майор слабым и прерывающимся голосом.

— Когда так, я думаю, что мы скоро поймем друг друга.

— Приступайте же к делу.

— Хорошо! — грубо вскричал Мишель. — Вот это мне

нравится.— Благоволите вручить мне бриллиант, который отдал вам ваш сообщник в развалинах.

— Грабеж! А я лучшее имел о вас мнение,— презрительно отвечал майор.

— Называйте это как хотите,— хладнокровно возразил матрос,— название ничего не значит, а бриллиант отдайте мне.

— Нет,— холодно отвечал майор,— этот бриллиант составляет мое богатство, и вы получите его только с моей жизнью.

— Это меня не остановит; я вас убью, если будет нужно, а после возьму бриллиант.

Он зарядил пистолеты; наступило молчание.

— Итак, вы непременно хотите отнять у меня этот бриллиант?

— И бриллиант и еще кое-что другое.

— Я вас не понимаю.

Матрос встал, приставил пистолет к груди майора и, нахмутив брови, сказал:

— Вы меня поймете.

Майор почувствовал, что он погиб и что этот человек убьет его.

— Остановитесь,— сказал он.

— Вы решаетесь?

— Да,— сказал майор голосом прерывавшимся от бешенства, и, вынув футляр из кармана, он прошептал,— возьми и будь проклят!

Мишель заткнул пистолет за пояс, раскрыл футляр и внимательно рассмотрел бриллиант.

— Тот самый! — сказал он, закрыв футляр и спрятав его в свой карман.

Несчастный комендант следовал за всеми его движениями тусклым взором. Мишель сел на свое место, налил себе стакан рому, опорожнил его одним глотком и, откинувшись назад, стал набивать свою трубку и сказал:

— Теперь поговорим.

— Как поговорим? — спросил майор.— Разве еще не кончено?

— Нет еще. Гм, как вы торопитесь. Мы еще ничего не сказали.

— Чего же еще вы хотите от меня?

— Это упрек, но я приписываю его вашей досаде и не сержусь на вас за это. Неприятно, когда человек, бывший бедным всю жизнь, вдруг лишен состояния, которого он на-

конец добился, и в одно мгновение. Выслушайте же меня, майор,— продолжала Мишель, приняв добродушный вид и положив локти на стол.— Состояние, которого вы лишились, вам легко будет воротить назад, это зависит от вас.

Майор вытаращил глаза, не зная, должен ли он верить словам матроса, но, так как он не рисковал ничем, позволив Мишелю объясниться, он приготовился слушать его с самым серьезным вниманием. Тот продолжал:

— Это все равно, как я узнал, но дело в том, что я знаю, чему служит неопровержимым доказательством и бриллиант, что между тем как, с одной стороны, вы притворились, будто принимаете величайшее участие в графе де Бармоне, у которого, не в упрек вам будет сказано, вы посредством этого притворного сострадания выманили значительные суммы, с другой стороны, вы изменяли ему без стыда, услуживая его врагам, от которых также получали большую плату. Это только для памяти, об этом бесполезно рассуждать,— сказал Мишель, останавливая движением руки майора, который хотел заговорить,— а я забрал себе в голову, что, несмотря на интриги его врагов, граф будет освобожден и освобожден мною. Вот мой план; выслушайте хорошенько, господин комендант, потому что дело это касается вас больше, чем вы по-видимому предполагаете. Граф узнал о смерти кардинала Ришелье. Это я передал ему это известие в письме герцога де Белльгарда. Вы видите, что я знаю все или почти все; он тотчас попросил вас к себе, вы исполнили его желание. О чем шел разговор? Говорите и в особенности будьте откровенны, я, в свою очередь, слушаю вас.

— Для чего мне пересказывать вам этот разговор? — иронически сказал майор.

— Для моего личного удовольствия,— отвечал Мишель,— и для ваших собственных выгод. Не спешите радоваться майор, вы не высвободились еще из моих рук, поверьте мне, согласитесь добровольно, этого требуют ваши выгоды.

— Мои выгоды? — спросил майор с удивлением.

— Будьте спокойны, когда наступит время, я дам вам объяснение, которого вы желаете.

Старый офицер подумал и, наконец, решился говорить, дав себе слово, если представится случай, заставить матроса дорого поплатиться за свое беспокойство и унижение.

— Граф,— начал комендант,— просил меня съездить в Париж для переговоров с герцогом де Белльгардом, что-

бы привезти ему приказ об его освобождении, который герцог должен был получить от короля.

— Хорошо. А когда же намеревались вы ехать в Париж?

— Я уехал.

— А-а! — сказал Мишель, смеясь. — Вы кажется остановились на дороге; но это ничего не значит. Все?

— Почти.

— Гм! Стало быть есть еще кое-что.

— Почти ничего.

— Все равно, говорите, я очень любопытен. Граф ничего вам не обещал?

— Обещал.

— Сколько?

— Пятьдесят тысяч, — неохотно сказал майор.

— Э-э! Сумма хорошая, а вы готовились заработать ее довольно странным образом, но я не хочу возвращаться к этому. Не желаете ли вы воротить ваш бриллиант и в то же время получить пятьдесят тысяч, обещанных вам графом? Говорите, это зависит от вас.

— Вы насмехаетесь надо мной, вы же не серьезно говорите.

— Напротив, я никогда не говорил серьезнее. По прибытии графа в крепость вы были бедным человеком, всю жизнь бились кое-как и, сидя как сова на старой стене, подвергались опасности умереть на вашем острове так, как вы и жили, то есть без копейки наличных денег. Вот уже года полтора ваши обстоятельства совершенно переменились. Из тех денег, которые вы выманили у графа, и из тех денег, которые его враги давали вам, вы успели составить себе довольно порядочную сумму. Положим, что вы получите пятьдесят тысяч от графа и что я возвращу вам бриллиант, а это составит вам состояние совершенно независимое, которое позволит вам кончить вашу жизнь в радости и изобилии. Согласны вы с этим?

— Конечно. Но пятьдесят тысяч я не получу, а бриллиант вы у меня взяли.

— Это правда, но я прибавил, что это зависит от вас, от вас самого, чтобы опять получить его.

— Что же я должен сделать для этого?

— Вот чего я ожидал от вас, майор; стало быть вы соглашаетесь вступить в переговоры.

— Я должен это сделать. Разве я пользуюсь свободой выбора в эту минуту.

— Свободой выбора можно пользоваться всегда, когда захочешь, майор, и вы это знаете так же хорошо, как и

я. Только, так как вы человек очень умный и понимаете, что когда составишь себе состояние более или менее честными средствами, то надо сохранить его во что бы то ни стало. Вы начинаете слушать предложения, которые, как вы угадываете, я приготовился сделать вам, гораздо внимательнее, оттого чтобы вы убедились наконец, что ваши выгоды требуют войти в соглашение со мной.

— Предполагайте, что хотите, для меня это все равно, но скажите мне, наконец, эти предложения, чтобы я узнал, предписывает ли мне честь принять их, или я должен отказаться.

Мишель бесцеремонно засмеялся на эту выходку, которой майор старался замаскировать свое согласие.

— Вместо того чтобы ехать в Париж, — сказал Мишель, — воротитесь просто на остров Св. Маргариты, ступайте к графу, скажите ему, что он свободен, и воротитесь с ним на люгер, который будет вас ждать. Когда вы с графом приедете на люгер, он распустит паруса, тогда я возвращу вам бриллиант, отсчитаю пятьдесят тысяч, а так как без сомнения вы не захотите после этого опять принять начальство над вашей крепостью, я перевезу вас и ваше богатство куда вам угодно будет удалиться, чтобы наслаждаться им без опасения.

— Но что я скажу графу, — заметил майор, — чтобы убедить его, будто он освобожден по приказу короля?

— Это меня не касается, это ваше дело, черт побери! Вы обижаете себя, любезный майор, заставляя меня сомневаться в силах вашего воображения. Теперь, что вы думаете о моем предложении, принимаете вы его?

— Кто меня уверит, что вы меня не обманываете и что, когда я исполню условие, которое вы предписываете мне, вы так же строго исполните и ваше?

— Слово честного человека, которое, хотя этот человек простой матрос, стоит слова дворянина.

— Я вам верю, — отвечал майор, потупив глаза от блеска сверкающего взгляда Мишеля.

— Итак, это решено?

— Да.

— Хорошо. Эй, Нико! — закричал Мишель.

Хозяин люгера явился с быстротою, доказывавшей, что он находился недалеко от собеседников.

— Я здесь, Мишель, чего ты от меня хочешь?

— Где мы находимся теперь? — спросил матрос.

— В пяти милях от острова Св. Маргариты.

— Хорошо, будем держаться здесь до рассвета; на восходе солнца мы подойдем к острову.

— Хорошо.

— Вот господин комендант, кажется, желает немножко отдохнуть. Не можешь ли ты поместить его где-нибудь, чтобы он мог соснуть часа три-четыре?

— Ничего не может быть легче, так как я не лягу спать нынешней ночью, и ты также, конечно, то моя комната в распоряжении господина майора, если ему будет угодно.

Старый офицер, действительно, был разбит, не только от усталости и продолжительной бессонницы, но и от волнения, которое он испытал в этот вечер. В уверенности, что ему нечего опасаться за свою безопасность, он без церемоний принял приглашение хозяина люгера и ушел в каюту, дверь которой Нико вежливо отворил ему.

Оба моряка воротились на палубу.

— На этот раз,— сказал Мишель,— кажется, мы придумали хорошо и наш план удастся.

— Начинаю соглашаться с тобою, а все-таки с этим старым бакланом трудно было справиться!

— Не слишком,— сказал Мишель, смеясь,— притом ему нельзя было выбирать; волею или неволею, а он должен был согласиться.

Как было решено, люгер лавировал всю ночь на расстоянии пяти миль от берега. На восходе солнца подъехали к острову. Ветер ослабел возле берегов, так что потребовалось довольно много времени для того, чтобы легкое судно дошло до небольшой пристани, находившейся перед крепостью. Люгер сидел в воде так глубоко, что он не мог подойти к самой набережной, поэтому он лег в дрейф на некотором расстоянии. Хозяин люгера Нико спустил шлюпку в море, а Мишель спустился в каюту предупредить майора.

Комендант уже проснулся. Освеженный сном, он сделался совсем другим человеком. Теперь он смотрел на свое положение с настоящей точки зрения и понимал, что способ, предложенный ему выйти из трудного положения, в которое он сам поставил себя по милости своей двойной измены, был более выгоден, чем неприятен для него. Почти с веселым видом поздоровался он с Мишелем и без всякого затруднения пожал руку, протянутую ему им.

— Где мы теперь, Мишель? — спросил он.

— Мы приехали, майор.

— Уже? Не боитесь ли вы, что немножко рано выходить на берег?

— Нет, уже девять часов утра.

— Так поздно? Черт побери! Кажется, я хорошо соснул, я чувствую себя совсем здоровым сегодня.

— Тем лучше, майор, это хороший знак, вы помните наши условия, неправда ли?

— Совершенно.

— И вы поступите с нами добросовестно?

— Добросовестно! Я, в свою очередь, даю вам честное слово, и что ни случилось бы, сдержу его.

— Мне приятно слышать от вас это, я начинаю думать о вас иначе.

— Ба! Ба! — Смеясь, сказал майор, — Вы меня еще не знаете.

— Вам известно, что шлюпка готова, она ждет только вас.

— Если так, я иду за вами, Мишель, теперь я так же тороплюсь кончить это дело, как и вы.

Майор вышел на палубу, сел в шлюпку, которая тотчас направилась к набережной. Сердце Мишеля сильно билось в то время, как он следил тревожным взором за легкой шлюпкой, быстро удалявшейся от люгера к берегу.

ХІ

ПРОЩАЙ, ФРАНЦИЯ

Как только майор де л'Урсьер вышел на остров Св. Маргариты, в крепости поднялась тревога. Накануне, оставляя остров, комендант объявил, что отсутствие его продолжится одну неделю, а может быть и две. Помощник его, капитан, которому он передал начальство над крепостью во время своего отсутствия, поспешно бросился к нему навстречу, любопытствуя узнать причину такого скорого возвращения. Майор отвечал сначала уклончиво, что известия, полученные им на дороге, заставили его немедленно воротиться. Разговаривая таким образом, он вошел в крепость и прямо отправился в свои комнаты в сопровождении своего помощника, которого он пригласил с собой.

— Милостивый государь, — сказал он, как только они остались одни, — выберите немедленно из гарнизона десять решительных человек, отправляйтесь с ними на ры-

бачьей лодке, которую по приезде я видел выброшенной на берег. Поручение, которое я даю вам, очень важно, и если вы исполните его хорошо, оно может доставить вам большие выгоды. Оно должно быть ведено в глубочайшем секрете, это государственная тайна.

Помощник коменданта поклонился с признательностью; ему, очевидно, было лестно доверие его начальника. Майор продолжал:

— Велите высадить себя на берег немножко пониже Антиба и удержите лодку, которая должна будет служить вам для возвращения. Устройте таким образом, чтобы войти в город ночью, не привлекая внимания на себя. Разместите ваших людей как можете, не возбуждая недоверия, и так, чтобы иметь их под рукою в одну минуту. Завтра, в десять часов утра, явитесь к губернатору, вручите ему письмо, которое я вам дам, и будьте готовы исполнить его распоряжения. Вы поняли меня?

— Совершенно, господин комендант.

— В особенности я прошу вас соблюдать величайшую осторожность; помните, что от успеха этого поручения зависит, вероятно, ваша карьера.

— Я буду вам повиноваться, господин комендант, я надеюсь, что, когда я возвращусь, я получу от вас только похвалы.

— Надеюсь, ступайте же, вам надо ехать через полчаса. Пока вы станете готовиться, я напишу письмо, оно будет готово, когда вы придете проститься со мною.

Помощник коменданта после почтительного поклона удалился с радостью в сердце, не имея ни малейшего подозрения об измене, замышляемой его начальником, и пошел наскоро готовиться к отъезду.

У майора был под начальством гарнизон из пятидесяти солдат, под командою трех офицеров, одного капитана и двух поручиков. Этот капитан, помощник его, стеснил бы его в исполнении того плана, который он замыслил, потому что коменданту пришлось бы придумывать предлог, чтобы прикрыть в глазах его неимение письменного приказа освободить графа. Удалив его, майор оставался с двумя офицерами, стоявшими так низко в военной иерархии, что они не могли позволить себе никаких замечаний и не смели не исполнить его приказаний, тем более, что де л'Урсьер, в течение десяти лет бывший комендантом крепости, не подавал ни малейшего повода к предположениям, оскорбительным для его чести.

Принужденный событиями изменить своей обязанности и навсегда удалиться из отечества, которое он не надеялся увидеть после своего смелого поступка, майор хотел извлечь из своего неприятного положения что только мог, и вследствие мер, принятых им, надеялся быть вне всякой опасности, когда измена его наконец откроется. Но по чувству справедливости, весьма похвальному, особенно со стороны такого человека, и при подобных обстоятельствах майор захотел один нести тяжесть своего гнусного поступка и не навлекать подозрения в сообщничестве на бедных офицеров, которые обязаны были повиноваться ему по служебному долгу.

Он написал губернатору Антиба письмо очень подробное, в котором рассказал про замышляемую им измену, которая будет уже исполнена, когда губернатор прочтет это странное послание. Он изложил причины, принуждавшие его действовать таким образом, присваивая себе всю ответственность за этот поступок и оправдывая совершенно своих офицеров и солдат не только от всякого соучастия, но и от знания, даже косвенно, его намерений. Исполнив эту обязанность, майор запечатал письмо и положил его на стол, в ожидании возвращения своего помощника. Теперь де л'Урсьеру уже нельзя было отступать назад, а надо было во что бы то ни стало продвигаться вперед и успеть. Уверенность в гибели, если план его не удастся, отняла у него последнее сомнение и возвратила ему все необходимое спокойствие для того, чтобы действовать с хладнокровием, требуемым странными обстоятельствами, в которых он находился. Капитан вошел.

— Ну что? — спросил майор.

— Я готов, господин комендант; мои солдаты находятся уже в рыбацкой лодке, через десять минут мы оставим остров.

— Вот письмо, которое вы должны отдать в собственные руки Антильскому губернатору. Помните мои инструкции.

— Я исполню их в точности.

— Итак, до свидания, да хранит вас Господь! — сказал майор, вставая.

Офицер поклонился и вышел. Майор следил за ним глазами в полуоткрытое окно своей комнаты, видел, как он вышел из крепости, направился к берегу, сел в рыбацкую лодку; лодка отчалила, подняла парус и, наконец, тихо удалилась по попутному ветру.

— Уф! — сказал майор, запирая окно со вздохом облегчения. — С одним кончено, теперь пойдем к другому.

Но прежде всего старый офицер заперся в своей комнате, сжег одни бумаги, взял с собою другие, положил кое-какие вещи в легкий чемодан, не желая брать с собою всего ему принадлежащего, из опасения возбудить подозрение, и, старательно спрятав под плащом небольшую железную шкатулку, очень тяжелую, в которой, без сомнения, лежали его наличные деньги, он отпер дверь и позвал солдата.

— Попроси сюда поручиков де Кастэ и де Мирсея, я желаю с ними поговорить, — сказал майор.

Поручики де Кастэ и де Мирсей скоро пришли, очень заинтересованные этой неожиданной аудиенцией, обыкновенно комендант мало разговаривал со своими офицерами.

— Господа, — сказал он, — отвечая на их поклон, — приказ короля заставил меня поспешно воротиться сюда. Я должен отвезти нашего заключенного, графа де Бармона, в Антиб, куда уже отправился ваш капитан с конвоем, достаточным для того, чтобы парализовать всякую попытку к побегу со стороны заключенного. Я действовал таким образом потому, что королю угодно, чтобы этот переезд графа из одного места в другое имел вид освобождения. Именно в таком смысле я и буду говорить с заключенным, чтобы он вовсе не подозревал новых приказаний, полученных мною. Во время моего отсутствия, которое продолжится не более двух дней, вы, господин де Кастэ, как старший по чину, должны принять начальство над крепостью. Мне приятно думать, господа, что я останусь вполне доволен исполнением ваших обязанностей во время моего отсутствия.

Офицеры поклонились, привыкнув к извилистой и таинственной политике кардинала, они несколько не были удивлены словами майора, потому что кардинал умер, король еще не мог в такое короткое время изменить мрачный образ своего правления.

— Отдайте же приказание, чтобы заключенного привели ко мне. Пока я буду объявлять ему об его освобождении, — прибавил майор с насмешливой улыбкой, странное значение которой офицеры не могли понять, — вы велите отнести все его вещи в шлюпку контрабандного люгера, на котором я вернулся. Ступайте, господа. — Офицеры ушли.

Граф очень удивился, когда Ла-Гренад отворил его тюрьму и просил следовать за ним говоря, что комендант желает с ним говорить. Он думал, что майор отправился в Париж, как он с ним условился накануне, и не понимал его присутствия в крепости после торжественного обещания, которое он дал накануне.

Еще одно очень удивило его: с тех пор, как он был в заключении, комендант никогда не требовал его к себе, а напротив, всегда сам приходил к нему. Но мысли его окончательно расстроились, когда Ла-Гренад сказал ему, чтобы он уложил все свои вещи в чемодан и запер его на ключ.

— Но для чего эти бесполезные предосторожности? — спросил граф.

— Неизвестно, что может случиться, — лукаво отвечал тюремщик, — предосторожности всегда следует принимать, на вашем месте я надел бы шляпу и взял бы плащ.

Говоря таким образом, солдат действительно помогал ему укладывать вещи в чемодан.

— Шляпу-то я возьму, — смеясь, сказал молодой человек, — а плащ-то к чему? Я не рискую простудиться по дороге из моей тюрьмы до комнаты коменданта.

— Вы не хотите взять ваш плащ?

— Конечно, нет.

— Ну так я его возьму, вы увидите, что он вам понадобится.

Молодой человек молча пожал плечами и вышел из комнаты, дверь которой тюремщик даже не потрудился затворить.

Майор ждал своего пленника, большими шагами расхаживая по комнате. Ла-Гренад ввел графа, положил плащ на стул и вышел.

— А-а! — смеясь сказал майор. — Я вижу, что вы догадались.

— О чем же я догадался, позвольте вас спросить, господин комендант?

— Ведь вы оделись по дорожному?

— Это дурак Ла-Гренад, не знаю, почему, принудил меня надеть шляпу и непременно захотел принести сюда мой плащ.

— Он был прав.

— Как это?

— Граф, имею честь сообщить вам, что вы свободны.

— Я свободен?! — вскричал граф, побледнев от радости и волнения.

— Король удостоил подписать приказ о вашем освобождении, который я получил по приезде в Антиб.

— Наконец-то! — вскричал граф со вспышкой радости. — Можете вы показать этот приказ?

— Извините, граф, мне это запрещено.

— По какой же причине?

— Это мера общая.

— Хорошо, я не настаиваю, можете ли вы, по крайней мере сказать мне, по чьей просьбе возвращена мне свобода?

— Я не вижу к этому никакого препятствия, вы освобождены по просьбе герцога де Белльгарда.

— Этот милый герцог — истинный друг! — с волнением вскричал граф.

Майор с величайшим хладнокровием подал графу перо и, указав на пустое место в какой-то книге, сказал:

— Угодно вам подписать?

Граф быстро пробежал глазами написанное свидетельство о том, как с ним обращались во время его заключения, и подписал.

— Теперь, — сказал он, — так как я свободен... ведь я свободен, неправда ли?

— Как воздух.

— Стало быть, я могу уйти, мне кажется, что эти мрачные стены душат, я вздохну свободно только когда почувствую себя на вольном воздухе.

— Я это понимаю, я приготовил все, мы поедем, когда вам будет угодно.

— Мы? — с удивлением спросил граф.

— Да, граф, я поеду с вами.

— Для чего?

— Чтобы оказать вам честь.

— Хорошо, — сказал граф с озабоченным видом, — поедемте, но у меня здесь есть кое-какие вещи.

— Они уже отправлены, поедемте.

Майор взял свой чемодан и шкатулку и вышел в сопровождении графа.

— Я ведь вам говорил, что вам понадобится ваш плащ, — сказал Ла-Гренад графу де Бармону, кланяясь ему, когда граф проходил мимо него, — благополучного пути и счастливого успеха!

Они подошли к берегу. Во время этого перехода, который был непродолжителен, лоб графа опять нахмурился, он заметил печаль на лице солдат и офицеров, смотревших на его отъезд. Они перешептывались между собой, указывая на него пальцем так, что это начало беспокоить графа. Он иногда украдкой взглядывал на майора, тот казался спокоен, на лице его была улыбка. Они дошли, наконец, до лодки; майор посторонился, чтобы пропустить графа, и сел за ним в шлюпку.

Во время переезда с берега на люгер граф и майор

молчали. Наконец они подъехали к люгеру, им бросили веревку, и они поднялись на трап. Шлюпку немедленно подняли, паруса распустили, и люгер полетел по волнам.

— А! — вскричал граф, заметив Мишеля. — Ты здесь, я спасен!

— Надеюсь, — весело отвечал тот, — но, пожалуйста, граф, мы должны поговорить.

Они спустились в каюту в сопровождении майора.

— Теперь мы можем говорить; капитан, нам надо свести счета.

— Счета? — с удивлением сказал граф де Бармон.

— Да, начнем по порядку. Вы обещали майору пятьдесят тысяч?

— Обещал.

— И позволяете мне их отдать?

— Конечно!

— Хорошо, он получит их. Вы сдержали ваше обещание, — обратился он к майору, — а мы так же честно сдержим наше. Вот возвращаю вам ваш бриллиант, деньги я сейчас вам отдам, кажется, вы так же, как и мы, не желаете возвращаться во Францию.

— Вовсе не желаю, — отвечал майор, радуясь, что ему возвратили бриллиант.

— Где вы хотите высадиться? Нравится вам Англия? Или вы предпочитаете Италию?

— Право, не знаю.

— Может быть, Испания? Для меня все равно.

— Почему же не Португалия?

— Хорошо, мы оставим вас в Португалии поездом.

Граф с возрастающим удивлением слушал этот разговор, непонятный для него.

— Что это значит? — сказал он, наконец.

— Это значит, капитан, — отвечал Мишель, — что король вашего помилования не подписывал, что вы пленник и, вероятно, остались бы в заключении всю жизнь, если бы, к счастью для вас, комендант не согласился отворить вам двери.

— Комендант! — вскричал граф, делая шаг к майору.

— Не спешите благодарить коменданта, — сказал он, — подождите, пока он вам расскажет, что случилось и каким образом он должен был освободить вас, когда, может быть, предпочел бы не делать этого.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал граф, с гневом топнув ногой, — объясните, я ничего не понимаю, я хочу знать все, все, слышите ли вы?

— Этот человек все расскажет вам, капитан, только он боится последствий своих признаний, вот почему он не решается начинать.

Граф де Бармон презрительно улыбнулся.

— Этот человек не стоит моего гнева, — сказал он, — что он ни рассказал бы, я не стану ему мстить, он прощен заранее, даю честное слово.

— Рассказывайте, майор, — сказал Мишель, — а я в это время ворочусь на палубу к хозяину люгера Нико, или, если вы предпочитаете, к Тихому Ветерку, который довольно хорошо разыграл свою роль во всем этом деле.

Мишель вышел, майор и граф остались одни. Майор понял, что лучше откровенно во всем сознаться, и рассказал графу о своей измене со всеми подробностями, и каким образом Мишель принудил его спасти графа, когда, напротив, он получил плату за то, чтобы погубить его. Хотя имя герцога Пеннафлора ни разу не было произнесено во время рассказа майора, граф угадал, однако, что один герцог наносил ему все удары. Несмотря на всю его решимость, эта глубина ненависти, это мстительный макиавелизм испугали его, но в этом подробном рассказе для него осталось темным одно обстоятельство: каким образом Мишель узнал о последней проделке его врага и как раз вовремя, чтобы расстроить ее?

На все вопросы графа майор ничего не мог ответить, он этого не знал.

— Что ж, теперь вы все узнали, капитан? — спросил матрос, вдруг входя в каюту.

— Да, — отвечал граф с некоторым оттенком грусти, — кроме одного обстоятельства.

— Какого, капитан?

— Мне хотелось бы узнать, каким образом вы открыли так искусно составленный заговор.

— Самым простым, капитан. Вот в двух словах, как все было: Тихий Ветерок и я, незаметно от майора, следили за ним, когда он вошел в развалины, и слышали весь разговор его с незнакомцем. Когда майора отдал ему бумаги, а незнакомец удалился, я бросился на него и схватил его за горло и с помощью Тихого Ветерка я отнял у него бумаги...

— Где же эти бумаги? — с живостью перебил граф.

— Я отдам их вам, граф.

— Благодарю, Мишель, теперь продолжай.

— Я уже кончил. Я связал его и вложил ему в рот кляп, чтобы помешать ему кричать, бросил его там и убежал.

— Как! Ты убежал, Мишель, бросив связанного человека на пустом острове?

— Что же я должен был сделать, капитан?

— О! Может быть, лучше бы его убить, чем оставить в таком ужасном положении.

— А он-то уж как нежно поступил с вами, капитан! Полноте, жалость к такому хищному зверю была бы глупостью с вашей стороны, притом, черт всегда протежирует своих помощников, будьте спокойны, я уверен, что он спасся.

— Как это?

— Ведь он не вплавь же добрался до острова Сент-Онора, верно, его люди были спрятаны где-нибудь. Соскучившись, что он не идет, они, верно, стали его искать, так что ему пришлось только поваляться часа два или три, может быть.

— Это возможно, Мишель, это даже вероятно. Куда ты нас везешь?

— Вы здесь распорядитесь, капитан, мы поедем, куда вы хотите.

— Я тебе скажу, но прежде высадим на берег майора, кажется, он столько же желает освободиться от нашего общества, как мы от его.

В эту минуту послышался голос Тихого Ветерка.

— Эй! Мишель,— сказал он,— к нам идет навстречу большое судно.

— Черт побери! — сказал Мишель.— А флаг поднят?

— Поднят. Это судно норвежское.

— Вот прекрасный для вас случай, майор,— сказал граф.

— Эй, матрос! — закричал Мишель, не дожидаясь ответа майора.— Правь на норвежца.

Майор счел бесполезным протестовать. Через два часа оба судна подошли друг к другу. Норвежское судно шло в Гельсинбор, и капитан согласился взять предлагаемого ему пассажира. Майора перевезли туда со всеми принадлежавшими ему вещами.

— Теперь, капитан,— сказал Мишель, когда шлюпка воротилась,— куда пойдём мы?

— Пойдем к островам,— печально отвечал граф,— там только мы найдем убежище,— и, бросив последний взгляд на берега Франции, очертания которых начинали утопать в синеватой дали горизонта, он прошептал, с горестным вздохом, закрывая голову обеими руками...— Прощай, Франция!

В этих двух последних словах вылилось все последнее человеческое чувство, оставшееся в глубине сердца этого

человека, столь испытанного злополучием, и который, побежденный отчаянием, отправлялся требовать от Нового Света мщения, в котором так упорно отказывал ему Старый Свет.

ХП

НАЧАЛО ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Семнадцатое столетие было переходной эпохой между средними веками, которые испускали последний вздох, и современной эрой, которую великие мыслители восемнадцатого столетия должны были так великолепно учредить.

Под ударами неумолимого кардинала де Ришелье в идеях произошла огромная реакция, реакция, скрытая, которая подтачивала в самом принципе дело министра, хотя ни причины, ни силы этой реакции он вовсе не подозревал. Особенно во второй половине семнадцатого столетия свет представлял странное зрелище.

В это время испанцы, обладая по праву сильного большей частью Америки, где они настроили колоний, были властелинами моря, которого знаменитая *Голландская Метла* еще не очистила. Английский флот едва начинал формироваться, и несмотря на постоянные усилия Ришелье, французский флот еще не существовал. Вдруг, неизвестно откуда, явились авантюристы, люди всех сословий, от самого высокого до самого ничтожного, всех наций, особенно французской, и, поселившись как коршуны на не приметном островке Атлантического океана, предприняли борьбу против кастильского могущества и сами от себя объявили ему беспощадную войну, нападая на испанский флот с неслыханной смелостью и, как слепень, вонзившись в бок льва, теснили испанский колосс, принуждая его вступать с ним и в переговоры без всякой другой помощи, кроме их мужества и энергичной воли.

Через несколько лет их невероятные подвиги, их смелые предприятия внушили такой страх испанцам и доставили им так справедливо заслуженную славу, что люди, преследуемые судьбой, искатели приключений стекались со всех уголков мира на остров, служивший им убежищем, и число их увеличивалось в таких размерах, что они почти

успели составить себе национальность одною силою воли и отваги.

Скажем в нескольких словах, кто были эти люди и как началась их странная карьера. Для этого нам надо воротиться к испанцам.

После своих огромных открытий в Новом Свете испанцы выпросили у папы Александра VI буллу, отдававшую им в исключительную собственность обе Америки. Опираясь на эту буллу и считая себя единственными обладателями Нового Света, испанцы захотели удалить оттуда все другие народы и начали обращаться, как с корсарами, со всеми судами, которых встречали под обоими тропиками. Их могущество на море и важная роль, которую они играли тогда на американском континенте, не давали возможности правительствам протестовать, как они желали бы, против этого гнусного тиранства. Тогда французские и английские арматоры, подстрекаемые приманкой барыша и не обращая никакого внимания на испанские притязания, вооружили суда и послали их к этим богатым странам, чтобы захватывать испанские конвои, грабить американские берега и сжигать города. Когда с ними стали обращаться, как с пиратами, эти смелые моряки прямо приняли то положение, в которое их поставили, делали гнусные поступки повсюду и, презирая права народов, не заботясь, в войне находятся испанцы или нет с той страной, к которой они принадлежали, они нападали на них повсюду, где встречались с ними.

Испанцы, занятые своими богатыми владениями в Мексике, в Перу и вообще всеми своими владениями на твердой земле, которая служила для них источником неисчерпаемого богатства, сделали ошибку, что пренебрегли Антильскими островами, простирающимися от залива Мексиканского до залива Маракарибского, и устроили колонии только на четырех больших островах этого архипелага. Скрываясь в небольших губах за извилинами берега, авантюристы вдруг насккивали на испанские суда, брали их на абордаж, потом возвращались на землю делить свою добычу. Испанцы, несмотря на большое число своих судов, на деятельный надзор, не могли более ездить по Антильскому морю, которое авантюристы избрали сценой своих подвигов, не рискуя вступить в ожесточенную битву против людей, которые сделались почти неуловимыми по милости небольшого объема и легкости их судов.

Странствующая жизнь имела столько очарования для этих авантюристов, что они сами дали себе характери-

ческое название *флибустьеров*, то есть вольных грабителей, и долго не приходила к ним мысль устроить прочное поселение среди этих островов, которые служили им временным приютом. Дела находились в таком положении, когда в 1625 году младший сын одного нормандского дворянина, по имени д'Эснамбюк, которому право старшинства не давало никакой надежды составить себе состояние кроме того, которое он мог приобрести своим трудолюбием или мужеством, снарядил в Дьепп бригантину в семьдесят тонн, на которую поставил четыре пушки и сорок решительных матросов, поехал гоняться за испанцами и постараться обогатиться какой-нибудь прибыльной добычей. Доехав до Кайманов, островков, находящихся между Кубой и Ямайкой, он нечаянно наткнулся на большой испанский корабль в тридцать пять пушек и с тремястами пятьюдесятью членами экипажа; положение корсаров было критическое. Д'Эснамбюк, не давая испанцам время опомниться, атаковал их. Битва продолжалась три часа с неслыханным ожесточением. Дьепцы защищались так хорошо, что испанцы отчаявшись их победить и лишившись половины экипажа, первые прекратили битву и постыдно бежали от маленькой бригантины. Однако она очень пострадала и едва могла держаться на воде, десять человек из экипажа были убиты, другие, покрытые ранами, тоже не годились никуда.

Остров св. Христофора был не очень далеко, д'Эснамбюк добрался до него с большим трудом и укрылся там, чтобы починить свое судно и вылечить раненых, потом, рассчитав, что для успеха его будущих набегов ему нужно надежное убежище, он решил поселиться на этом острове.

Остров св. Христофора, названный караибами *Лиамнига*, находится в двадцати трех милях от Антигоа и в тридцати милях от Гваделупы и составляет часть малых Антильских островов. Общий вид этого острова замечательно красив; на нем возвышается гора Мизер, потухший вулкан в три тысячи пятьсот футов высоты, занимающий всю северо-западную часть и постепенно спускающийся уступами до тех пор, пока теряется на юге в долинах Нижней Земли. Бесплодие гор составляет поразительный контраст с плодородьем равнин. Долины покрыты необыкновенно богатой растительностью, между тем как горы представляют глазам только смутный хаос разбитых скал, промежутки которых наполнены глинистым веществом, останавливающим всякую растительность. Воды мало и она дур-

ного качества, потому что источники, сбегаящие с горы Мизер, сильно пропитаны солеными частицами, к которым приезжие привыкают с трудом. Но для флибустьеров было важно то, что остров св. Христофора имеет две великолепные гавани, хорошо укрытые, легко защищаемые, а берега его иззубрены глубокими губами, где в случае опасности легкие суда флибустьеров легко могли находить убежище.

Д'Эснамбюк встретил, высадившись на берег, нескольких французов, живших в согласии с караибами. Эти французы не только приняли его с распростертыми объятиями, но даже присоединились к нему и выбрали его начальником. По странной случайности, в тот самый день, когда дьепцы пристали к острову св. Христофора, английские флибустьеры под командою капитана Уарнера, также пострадавшие в битве с испанцами, укрылись на острове с другой стороны. Корсары обеих наций, которых не разделяли никакие мысли о завоевании, земледелии или торговле и которые стремились к одной цели — сражаться с испанцами и найти себе убежище против общего врага, сговорились легко. Потом, разделив остров, поселились друг возле друга и жили в добром согласии, которого долго не нарушало ничто. Однажды даже они соединили свои силы против карайбов, которые, испугавшись успехов их нового поселения, пытались их прогнать. Флибустьеры разбили индейцев и заставили их просить пощады.

Через несколько месяцев Уарнер и д'Эснамбюк отправились первый в Лондон, второй в Париж, просить покровительства своих правительств для новой колонии. Как случается всегда, эти люди, которые вначале искали временного убежища, чувствовали теперь желание видеть развитие поселения, основанного ими, которое в непродолжительное время сделалось очень важным.

Кардинал Ришелье, всегда расположенный покровительствовать планам к увеличению могущества Франции извне, принял флибустьера с большим почетом, согласился на его просьбу и составил компанию, под названием «Компания Островов для разработки земель в колонии». Капитал общества состоял из сорока пяти тысяч ливров, а Ришелье, со своей стороны, подписался на десять тысяч. Д'Эснамбюк был сделан главным начальником.

Между пунктами, вмененными в обязанность его должности, мы должны упомянуть об одном по причине его странности. По этому пункту белые в Америке подверга-

лись временному рабству еще более жестокому, чем рабство негров. Вот этот пункт, гибельные последствия которого обнаружатся в продолжении этой истории:

«Никакой работник не будет принят в колонию, если не обяжется остаться три года на службе Компании, которая будет иметь право употреблять его на всех работах, каких заблагорассудится, и он не будет иметь права жаловаться или нарушать условие, заключенное им».

Этих работников называли обязанными, — приличное название для рабов.

Возвращение нового губернатора было несчастливым. Претерпевая непрерывный ряд бурь, он высадился на острове только с несколькими умирающими людьми, потому что болезни истребили почти весь его экипаж.

Капитану Уарнеру больше посчастливилось: он воротился со множеством колонистов. Однако доброе согласие еще некоторое время поддерживалось между двумя нациями, но англичане, которых было больше, воспользовались тем, что французы по своей малочисленности не могли им воспротивиться, и основали новое поселение на острове Ниев, соседнем с островом св. Христофора. Однако д'Эснамбюк не отчаивался в участи колонии и снова отправился во Францию просить у кардинала помощи людьми и деньгами, чтобы уничтожить предприятия его беспокойных соседей. Ришелье согласился на его просьбу. По приказанию кардинала начальник эскадры де Кюссак прибыл к острову Св. Христофора с шестью большими кораблями, сильно вооруженными; он застал на рейде десять английских судов, три захватил, три потопил, а остальных обратил в бегство. Испуганные англичане не старались более выходить из своих границ, и мир восстановился. Де-Кюссак, снабдив колонию людьми и съестными припасами, отправился основывать поселение на острове св. Евстафия, за четыре мили от острова св. Христофора.

Между тем испанцы после появления флибустьеров в американских морях, так страдавшие от их грабежа, с чрезвычайным беспокойством смотрели на их окончательное поселение на Антильских островах. Они поняли, как важно для них не позволять флибустьерам основывать прочные поселения в этих областях, если хотят, чтобы их колонии были уничтожены, а торговля разорена. Поэтому они решились принять сильные меры против тех, кого они считали пиратами, и навсегда уничтожить их притоны, которые

приняли уже грозные размеры. Вследствие чего адмирал дон Фернандо Толед, которого Мадридский двор сделал начальником сильного флота, отправленного в 1630 году в Бразилию сражаться с голландцами, получил приказ уничтожить мимоходом *гнезда ехидн*, основанные флибустьерами на острове св. Христофора.

Внезапное появление этих громадных сил перед островом привело жителей в испуг. Соединенных сил французских и английских авантюристов, их отчаянного мужества не было достаточно для того, чтобы отвратить опасность, угрожающую им, и отразить такое грозное нападение. После ожесточенной битвы, где множество флибустьеров, особенно французских, было убито, остальные сели в легкие пироги и укрылись на соседних островах. К несчастью, мы принуждены сказать, что англичане постыдно бежали при начале битвы и наконец предложили сдаться на капитуляцию. Половину отослали в Англию на испанских кораблях, остальные обязались очистить остров как можно скорее. Это обещание, естественно, было забыто тотчас после отъезда испанского флота. Впрочем, эта экспедиция была единственная, серьезно предпринятая испанцами против флибустьеров.

Французы оставили острова, на которых они укрылись, и воротились на остров св. Христофора, где снова поселились, подравшись прежде с англичанами, которые воспользовались случаем захватить их земли, но которых они принудили воротиться в прежние границы.

Замечание странное и доказывающее, что флибустьеры были не разбойники, как старались это разгласить — жители острова св. Христофорова отличались между всеми колонистами кротостью своих нравов и вежливостью своего обращения; предания о вежливости, оставленные первыми французами, поселившимися там, сохранились даже до нынешнего времени. В восемнадцатом столетии остров св. Христофора называли *кротким островом*, а на Антильских островах есть пословица, которая говорит: «На острове св. Христофора живут дворяне, на Гваделупе — мещане, в Мартинике — солдаты, в Гренаде — мужики».

Дела оставались довольно долго в том положении, которое мы описали; флибустьеры, делаясь все смелее и смелее перед трусостью испанской, расширили место своих подвигов и, сохраняя горькое воспоминание о грабеже на их острове, возненавидели еще больше испанцев, которые

заклеймили их прозвищем воров. Они вышли из всех переделок и на своих легких пирогах, составлявших весь их флот, подстерегали богатые корабли, плывшие из Мексики, решительно нападали на них и возвращались на остров св. Христофора с добычей.

Колония преуспевала, земли обрабатывались хорошо. Эти люди, которым в сердце не оставалось никакой надежды вернуться в отечество, совершали свои подвиги с лихорадочной горячностью людей, создающих себе новую национальность и приготавливающих себе новое убежище, так что через несколько лет после истребления колонии испанцами остров св. Христофора снова сделался цветущей колонией, по милости своего плодородия, энергии и смысленности его жителей, но в особенности от непрерывного труда обязанных работников компании.

Теперь настала пора рассказать, какой участи подвергались эти бедные люди у колонистов. Мы сказали выше, что колония посылала на острова людей, нанимаемых ею на три года. Все годились для нее: работники, даже хирурги, которые в убеждении, что их назначат заниматься их профессией в колониях, прельщались обещаниями, которые компания расточала им. Но как только они давали, то есть подписывали свое согласие, компания смотрела на них как на людей, принадлежащих ей телом и душой, а когда они приезжали в колонию, агенты ее продавали их плантаторам по тридцати и сорока экю с души, и это днем в присутствии губернатора. Таким образом они становились настоящими рабами колонистов, обреченными на самые трудные работы. Эти бедные, несчастные люди, так недостойно обманутые, подвергаясь побоям, изнемогая от усталости в убийственном климате, умирали по большей части прежде, чем достигали третьего года, который должен был возвратить им свободу. Притеснение зашло так далеко, что господа вздумали продлить трехлетнее рабство. В конце 1632 года колония на острове св. Христофора подверглась крайней опасности, потому что обязанные работники, срок которых кончился и которым господа отказывались возвратить свободу, взяли за оружие и приготовились атаковать колонистов с той энергией отчаяния, которую не изменит никакая сила. Д'Эснамбюк успел заставить их положить оружие и избежать пролития крови только исполнением их справедливых требований. Когда

во Франции узнали впоследствии печальное положение работников, нанимаемых агентами компании, почти невозможно было найти охотников, так что агенты были принуждены ходить по площадям и перекресткам набирать бродяг, которых они, напоив, заставляли подписывать обязательство, которое те не могли уже нарушить.

Мы не станем более распространяться об этом, так как в продолжении этого рассказа нам часто придется говорить об этих работниках; мы прибавим еще только одно слово о несчастных, которых Англия отправляла на острова с теми же самыми условиями. Если участь французских работников была ужасна, то доказано, что участь английских работников была просто отвратительна. С ними обращались с самым гнусным варварством, брали в рабство на семь лет, потом, когда наступала пора возвратить им свободу, их поили допьяна и, пользуясь их отупением, заставляли подписывать новое обязательство на столько же времени. Кромвель после разграбления Дрогиды продал более тридцати тысяч ирландцев в Ямайку и Барбаду.

Около двух тысяч этих несчастных успели спастись раз на корабле, который по своему неведению в мореплавании они пустили по воле ветра и волн, и течение прибило их к Сан-Доминго; эти бедные люди, не зная, где они находятся, будучи без провизии и без средств, все умерли от голода. Их кости, побелевшие от времени, долго оставались на мысе Тибюрон, в месте, которое было названо по причине этой ужасной катастрофы *губой Ибернойцев*, название сохранилось и до сих пор.

Читатель простит нам эти подробности о поселении флибустьеров на острове св. Христофора, но так как ужасное общество этих авантюристов основалось на этом уголке земли и так как мы взялись рассказывать их историю, нам необходимо было объяснить читателю эти события, чтобы к ним не возвращаться впоследствии. Теперь мы будем продолжать наш рассказ, которому предшествующая глава служит, так сказать, прологом, и, перескочив одним прыжком пространство между островом св. Маргариты и Антильским архипелагом, мы перенесемся на остров св. Христофора через несколько месяцев после побега — мы не смеем сказать освобождения — графа Людовика де Бармон-Сенектора.

СОВЕТ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Прошло несколько лет, не принеся значительных перемен в колонии. Флибустьеры все продолжали с тем же ожесточением набеги против испанцев, но так как экспедиции их были одиночны, так как между ними не было никакой организации, то потери испанцев, хотя и очень большие, были, однако, не так значительны, как можно было предполагать.

В один день люгер с четырьмя железными пушками и с экипажем из сорока человек бросили якорь у острова св. Христофора, гордо выкинув французский флаг. Это судно привезло колонистам новый контингент храбрых авантюристов. Они высадились, сошлись с жителями и изъявили желание поселиться на острове. Начальник их, которого товарищи называли де Монбаром и к которому они по-видимому имели неограниченную преданность, объявил колонистам, что он так же, как и они, питает глубокую ненависть к испанцам и что за ним идут два испанских корабля, захваченных им, и что капитанам этих кораблей он приказал бросить якорь у острова св. Христофора. Эти приятные известия были приняты жителями с радостными восклицаниями, и Монбара едва не отнесли на руках с триумфом.

Так как он и объявил, через четыре дня два испанских корабля бросили якорь у острова св. Христофора, над кастильским флагом, перевернутым в знак унижения, гордо развевался флаг французский. Только к ужасу, оледенившему даже самых храбрых, на бугсприте, на блиндзейме, на реях этих кораблей висели трупы: по приказанию Монбара экипаж этих кораблей был повешен, не пощадили даже ни одного юнги.

Начальник французских авантюристов великодушно подарил груз обоих кораблей колонистам, потребовав взамен только землю, на которой он мог бы построить себе жилище. На это требование тотчас последовало согласие. Приезжие разгрузили свой люгер, вышли на берег и принялись устраиваться.

Монбар был молодым человеком лет двадцати восьми, с мужественными и резкими чертами, с пристальным и проницательным взглядом. Выражение его физиономии бы-

ло печально, насмешливо и жестоко. Матовая бледность, разлитая по его лицу, еще увеличивала отпечаток странности во всей его наружности. Высокого роста, сильного сложения, но гибкий и грациозный, он отличался изящными и благородными движениями, кротким разговором и всегда употреблял отборные выражения. Он производил странное очарование на окружающих его, и даже на тех, кого случай с ним сводил. Все чувствовали какое-то и отвращение и влечение к этому странному человеку, который, как бы не заботясь о том, налагал на всех свою волю, заставлял себе повиноваться одним движением или просто нахмутив брови, и, по-видимому, жил только, когда находился среди битвы, когда трупы валялись около него, кровь текла под его ногами, пули свистели в ушах, смешиваясь с грохотом пушек, и когда он, опьянев от пороха и резни, бросался на палубу испанского корабля.

Вот что говорили о нем его товарищи, кого поражала его странная физиономия и которые старались его узнать. Но тем, кроме этого нравственного и физического портрета этого человека, невозможно было узнать ни малейших сведений о его прошлой жизни; ни один из моряков, приехавших с ним, не знал ни малейшего эпизода из его жизни, или, скорее, не хотел сказать. Когда колонисты узнали, что все их вопросы остаются без ответа, они перестали задавать их, тем более, что прошлая жизнь Монбара не только их не касалась, но и мало интересовала их.

Авантюрист оставался на острове только необходимое время для того, чтобы хорошо устроить свое помещение, потом, в один день, не предупредив никого, перебрался на свой люгер с людьми, которых он привез с собой, оставив человек шесть на острове, чтобы смотреть за его плантациями, и уехал.

Через месяц он воротился, ведя на буксире испанский корабль с богатым грузом и со всей командой, повешенной на реях.

Монбар продолжал жить таким образом целый год, никогда не оставаясь на острове более трех дней, уезжал и всегда возвращался с добычей и с командой, повешенной на реях.

Смелость отважного корсара увенчалась таким большим успехом, что слухи о том достигли Франции. Тогда дъепские авантюристы, понимая какую пользу они могут извлечь из контрабандной войны, снарядили суда и присоединились к Монбару на острове с намерением организовать набеги против испанцев и увеличить их.

Флибустьерство вступало во второй период и сдела-

лось правильным товариществом. Монбар построил свое жилище на том самом месте, где впоследствии англичане выстроили батарею. Эта позиция была выбрана очень хорошо, и в случае нападения было легко не только обороняться, но и отразить неприятеля со значительным уроном.

Жилище это, выстроенное из древесных стволов и покрытое пальмовыми листьями, возвышалось почти на краю мыса, откуда виднелась большая часть острова и море на большое расстояние справа и слева. До этого мыса, возвышавшегося отвесно на сорок метров над морем, можно было добраться не иначе, как по узкой и неровной тропинке, перерезываемой на известном расстоянии крепкими палисадами, широкими и глубокими рвами, через которые необходимо было проходить по доскам, небрежно переброшенным и которые легко было снять в случае тревоги. Две пушки, поставленные на вершине тропинки, защищали вход.

Дом разделялся на пять комнат, довольно больших, меблированных с роскошью и комфортом, довольно странным на таком отдаленном острове, но это вполне оправдывалось ремеслом хозяина, который выбрал для себя эту мебель из добыч, достаемых ему грабежом. На длинном шесте, вбитом в землю перед дверью дома, развевался белый флаг корсаров, который Монбар менял иногда на черный, в середине которого виднелась мертвая голова и две кости крест-накрест белого цвета, флаг зловещий, показывающий, что побежденные не должны были ждать пощады.

В один жаркий день в конце мая, через полтора года после прибытия Монбара на остров, несколько человек свирепого вида и с грубыми ухватками, вооруженные с ног до головы, шли, разговаривая между собой, по тропинке, которая из долины вела на платформу, где возвышался дом Монбара. Было около десяти часов вечера, ночь была прозрачная и светлая, миллионы звезд сверкали на небе, луна обильно проливала свой белый свет, атмосфера была так прозрачна, что самые маленькие предметы виднелись на самом далеком расстоянии. В воздухе не было ни малейшего дуновения, в листьях деревьев ни малейшего шелеста, море, спокойное, как зеркало, с тихим и таинственным шепотом плескалось на песчаном берегу. Светлячки летали без шума и иногда касались путников, которые небрежно отталкивали их рукой, не прерывая разговора, который, по-видимому, их очень интересовал.

Людей этих было пятеро, все находились в силе возраста, черты их были энергичны и резки, физиономия дыша-

ла смелостью и решимостью, доведенной до величайшей степени, плечи были несколько сгорблены, а по походке и по размахиванию рук в них с первого взгляда можно было узнать моряков, если бы костюм не обнаруживал этого достаточно. Они говорили по-английски.

— Ба! — говорил один из них в ту минуту, когда мы начинаем прислушиваться к их разговору, — надо посмотреть, не все то золото, что блестит, притом я был бы рад ошибиться.

— Ты по своей похвальной привычке, — отвечал другой, — начинаешь высказывать сомнение.

— Нет, — с живостью отвечал первый, — а только опасение.

— Наконец, мы узнаем, в чем дело, — сказал третий, — вот мы уже прошли половину тропинки, слава Богу!

— Этот демон Монбар, — продолжал первый, — отлично выбрал место — какой вид! Его дом неприступен.

— Да, не думаю, чтоб испанцы отважились на приступ. Только бы, — прибавил этот человек, вдруг остановившись, — нам не пришлось идти понапрасну, дома ли будет Монбар?

— Ручаюсь вам, Красный Чулок, что Монбар дома, будьте спокойны.

— Вы почему знаете? — сказал тот, кто носил странное наименование Красного Чулка.

— Разве вы не видите, что флаг его развевается?

— Это правда, я не заметил.

— Но теперь вы видите, я полагаю?

— Если только я не ослеп!

— А! — сказал один из флибустьеров, который до сих пор молчал, — мы все-таки не знаем, для чего созывают нас, вы знаете, брат?

— Ничего не знаю, — отвечал Красный Чулок, — верно, Монбар придумал какой-нибудь смелый план и хочет пригласить нас.

— Вы знаете, что он созвал не только нас; но и главных французских флибустьеров.

— Я не понимаю цели этого собрания, — продолжал Красный Чулок, — впрочем, это все равно, мы теперь скоро узнаем в чем дело.

— Это правда, вот мы и пришли.

Действительно они дошли в эту минуту до вершины тропинки и очутились на платформе прямо напротив дома, дверь которого была отперта, как бы приглашая их

войти. Довольно яркий свет виднелся в отпертую дверь и громкий говор голосов достаточно показывал, что в доме собралось большое общество. Англичане подошли и остановились у порога двери.

— Войдите, братья,— сказал тогда изнутри гармонически звучный голос Монбара,— войдите, вас ждут.

Семь или восемь человек находились в комнате, в которую вошли англичане; эти восемь человек были самыми знаменитыми начальниками флибустьеров. Между ними находились: Красивая Голова, тот свирепый дъепец, который убил более трехсот своих обязанных работников, сославшись потом на то, что они умерли от лени; Пьерр Высокий, бретонец, который шел на abordаж не иначе как переодевшись женщиной; Александр Железная Рука, молодой человек, слабый и деликатный по наружности, с женственными чертами, но одаренный силой поистине геркулесовской и впоследствии сделавшийся одним из героев флибустьерства. Рок, прозванный Бразильцем, хотя родился в Гронинге, городе восточной Фрисландии, потом двое из наших бывших знакомых, Тихий Ветерок и Мишель Бискаец, оба приехавшие на остров св. Христофора в одно время с Монбаром, и репутация которых между флибустьерами была уже очень велика.

Пятеро пришедших англичан назывались: Красный Чулок, имя которого уже было произнесено в предыдущем разговоре, Морган, молодой человек лет восемнадцати, с надменным лицом и с аристократическим общением, Жан Давид, голландский моряк, поселившийся в английской части острова, Бартеломи, португалец, также поселившийся в английской колонии, и, наконец, Уильям Дрэк, давший клятву нападать на испанцев не иначе как в то время, когда их будет пятнадцать против одного, так было велико презрение, которое он показывал к этой гордой нации.

Таким образом тут было избранное собрание всех знаменитых флибустьеров того времени.

— Добро пожаловать, братья,— сказал Монбар,— я очень рад вас видеть; я ждал вас с нетерпением; вот трубки, табак и водка; курите и пейте,— прибавил он, указывая на стол, стоявший посредине залы, и на котором лежали трубки, стояли стаканы, кружки с водой и горшок с табаком. Флибустьеры сели, закурили трубки и наполнили стаканы.

— Братья,— продолжал Монбар через минуту,— я просил вас к себе по двум причинам, очень важным, из которых одна происходит от другой. Вы расположены выслушать меня?

— Говори, Монбар,— отвечал Уильям Дрэк от имени всех,— тебя испанцы прозвали Истребителем; я завидую этому названию, брат, и ты можешь желать флибустьерству только пользы.

— Об этой-то пользе и идет дело,— отвечал Монбар.

— Я в этом уверен, брат, говори, мы слушаем тебя благоговейно.

Они внимательно прислушались; все эти люди, так энергически закаленные, не признававшие других законов, кроме тех, которые они сами создали себе, не знали зависти и готовы были рассуждать добросовестно о предложениях, которые Монбар желал им сделать.

Монбар собирался с мыслями несколько минут, потом заговорил громким голосом, симпатичный звук которого пленил его слушателей.

— Братья,— сказал он,— я не стану распространяться, потому что все вы люди избранные, с сердцем горячим и с твердой рукой, и с вами продолжительные речи не только бесполезны, но даже смешны. С самого приезда моего на остров св. Христофора я изучаю флибустьерство, его жизнь, его нравы, его стремления, и с огорчением узнал, что результаты не оправдывают усилий. Что мы делаем? Ничего или почти ничего, несмотря на наше неукротимое мужество. Испанцы насмежаются над нами, мы слишком слабы по милости нашего одиночества, для того, чтобы причинять им потери, напрасно мы тратим нашу энергию, проливаем нашу кровь, чтобы отнимать у испанцев какие-нибудь жалкие суда. Не так должны идти дела, это не то мщение, о котором каждый из нас мечтал. Какая причина нашей относительной слабости против нашего грозного врага? То одиночество, о котором я вам говорил, одиночество, которое всегда будет парализовать наши усилия.

— Это правда,— прошептал Красная Рука.

— Но что же мы можем сделать? — спросил Давид.

— К несчастью, помочь ничем невозможно,— сказал Уильям.

— Мы авантюристы, а не государство,— сказал Красивая Голова.

Монбар улыбнулся той бледной и зловещей улыбкой, которая была ему свойственна и холодила сердце.

— Вы ошибаетесь, братья,— сказал он,— средство найдено, если захотим, мы сделаемся государством.

— Говори! Говори, брат! — вскричали все авантюристы, вскочив со своих мест.

— Вот мой план, братья, — продолжал он, — нас здесь двенадцать человек. Мы принадлежим к разным нациям, но имеем одно сердце, мы составляем отборный цвет флибустьерства; я объявляю об этом громко, не опасаясь опровержения, потому что каждый из нас дал доказательства своей храбрости, и какие доказательства! Ну, соединимся же, составим одну семью. Из нашей доли в добыче выделим сумму на общую казну и, сохранив свободу, поклянемся организовать отдельные экспедиции, никогда не вредить, никогда не идти наперекор друг другу, оказывать помощь, когда будет необходимо, трудиться изо всех сил на погибель Испании и, не разглашая о нашем товариществе другим нашим братьям, соединять наши силы, когда наступит пора, чтобы раздавить разом нашего неумолимого врага. Вот, братья, мое первое предложение; я жду вашего решения.

Наступило минутное молчание. Флибустьеры понимали важность предложения их брата и силу, которую оно дает им в будущем; они переглянулись между собой, посоветовались шепотом, потом Уильям Дрэк от имени всех взялся отвечать.

— Брат, — сказал он, — ты в нескольких словах разъяснил вопрос, который до сих пор всегда оставался в темноте; ты прекрасно определил причину нашей слабости и в то же время нашел средство сделать товарищество, образовавшееся случайно и почти бесполезное до сих пор, действительно могущественным и полезным. Но это не все. Товариществу, о котором ты говоришь, потребна голова, которая управляла бы им и, когда наступит пора, обеспечила бы успех его усилий. Следовательно, необходимо не только то, чтобы наше товарищество оставалось тайным и чтобы во всем, не относящимся к главной цели, оно как бы не существовало, необходимо выбрать начальника, которому мы будем преданы и которому мы будем помогать трудиться для общего блага, сохраняя ему полнейшую тайну.

— Вы согласны с этим, братья? — спросил Монбар, — вы принимаете мое предложение и изменение, сделанное Уильямом Дрэком?

— Принимаем, — отвечали флибустьеры в один голос.

— Очень хорошо, только начальник, о котором вы говорите, должен быть выбран нами единогласно, а его власть должна быть отнята от него в собрании по большинству голосов, если он не будет строго исполнять условий, принятых им. А будучи хранителем казны товарищей,

он должен быть всегда готов отдать отчет, и его назначение, если оно не будет возобновлено, не может превышать пять лет.

— Все это справедливо, — сказал Красный Чулок, — нельзя лучше тебя понимать общие выгоды, брат.

— Итак, — заметил Давид, — мы будем *матросы*; никакие ссоры, никакие рассуждения не будут возможны между нами.

— Мы будем сохранять по наружности свободный произвол и полнейшую независимость, — подтвердил Красивая Голова.

— Да, — отвечал Монбар.

— Теперь, братья, — сказал Уильям Дрэк, вставая и снимая шапку, выслушайте меня, я, Уильям Дрэк, клянусь моей верой и моей честью в полной преданности товариществу *Двенадцати*, заранее обязуюсь подчиниться наказанию, какое братья мои захотят наложить на меня, даже смерти, если я изменю тайну товарищества и нарушу мою клятву. Да поможет мне Господь!

После Уильяма Дрэка каждый флибустьер твердым голосом произнес ту же клятву. Все опять сели на места.

— Братья, — начал Монбар, — то, что мы сделали до сих пор, ничего не значит, это только рассвет новой эры, счастливые дни флибустьерства едва начинаются; двенадцать человек, таких, как мы, соединенных одной мыслью, должны сделать чудеса.

— Мы сделаем их, будь спокоен, брат, — сказал Морган, беспечно чистивший зубы золотой булавкой.

— Теперь, братья, прежде чем я сделаю свое второе предложение, мне кажется, мы сделали бы хорошо, если бы выбрали президента.

— Еще одно слово, — сказал Мишель, выходя на середину кружка.

— Говори, брат.

— Я прошу добавить, что каждый член товарищества, который попадет в плен испанцев, должен быть освобожден другим членом, каким опасностям ни подвергались бы они.

— Клянемся! — с восторгом кричали флибустьеры.

— Если только это не будет невозможно, — сказал Морган.

— Для нас ничего нет невозможного, — резко ответил Уильям Дрэк.

— Это правда, брат, ты прав, я ошибался,— с улыбкой отвечал Морган.

— Общество будет называться обществом Двенадцати; смерть одного из членов позволит принять другого, который должен быть избран единогласно,— отвечал Мишель.

— Мы клянемся! — вскричали снова флибустьеры.

— Теперь, братья,— сказал Бартелеми,— займемся выборами секретно, чтобы сохранить свободу в подаче голосов.

— Вот на этом столе есть бумага, перья и чернила, братья,— сказал Монбар.

— А вот моя шапка,— смеясь сказал Красный Чулок,— бросайте в нее ваши бумажки, братья.

Сняв с головы шапку из бобровой шкуры, флибустьер поставил ее на землю посреди залы. Тогда авантюристы в полном порядке один за другим и поочередно, написав что-то на бумажке, свертывали ее и клали в шапку Красного Чулка. Потом все сели на свои места.

— Все подали голоса? — спросил Давид.

— Все,— ответили флибустьеры в один голос.

Давид вынул из шапки бумажки, сосчитал их; бумажек оказалось двенадцать.

— Теперь, брат,— сказал Уильям Дрэк Давиду,— так как у тебя в руке шапка, читай же имена.

Давид посмотрел на товарищей, они утвердительно кивнули головой. Тогда он взял первый попавшийся бюллетень, развернул его и прочел:

— Монбар Истребитель.

Потом он взял второй бюллетень и развернул:

— Монбар Истребитель,— прочел он опять.

На каждом бюллетене стояли слова «Монбар Истребитель»,— зловещий вызов, брошенный испанской нации, которой этот человек был самым ожесточенным врагом. Монбар встал, снял шапку и, любезно поклонившись своим товарищам, сказал:

— Братья, благодарю вас, вы не обманетесь в вашем доверии ко мне.

— Да здравствует Монбар Истребитель! — вскричали все флибустьеры.

Страшное общество Двенадцати было составлено. Флибустьерство, действительно, становилось грозным и могущественным.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Монбар дал время энтузиазму своих товарищей утихнуть, потом заговорил. Ничего не изменилось в его наружности, ничего не показывало в нем радости торжества или удовлетворенного самолюбия, но выбор его товарищей сделал его в одно мгновение человеком могущественным. Лицо оставалось также бесстрастно, голос также тверд.

— Братья,— сказал он,— я должен был сделать вам второе предложение, вы помните?

— Это правда,— сказал Уильям Дрэк,— говори же, брат, мы слушаем тебя.

— Вот это второе предложение, только я вас прошу зрело обдумать, прежде чем вы мне ответите. Наше мнение не должно быть высказано легкомысленно, потому что, повторяю вам еще нарочно для того, чтобы вы поняли меня хорошо, это предложение очень важно и серьезно; вот оно: я предлагаю вам оставить остров св. Христофора и выбрать другое место убежища, гораздо удобнее, а в особенности безопасное для нас.

Флибустьеры с удивлением смотрели на него.

— Я объяснюсь,— сказал он, протянув руку, как бы требуя молчания.— Выслушайте меня хорошенько, братья. То, что вы услышите, интересно для вас всех. Наше местопребывание дурно выбрано, оно слишком удалено от центра наших экспедиций. Затруднения, которые нам надо преодолевать, чтобы возвращаться сюда, по причине протоков, сносящих наши суда, и противных ветров, мешающих быстроте их хода, заставляют нас терять драгоценное время. Антильский архипелаг состоит более чем из тридцати островов, из которых, нам кажется, легко выбрать тот, который для нас удобнее; я давно уже думаю об этом. Мои поездки не ограничивались преследованием испанцев, я ездил также разузнавать местность, и, кажется, нашел землю, удобную для нас.

— О какой земле говоришь ты? — спросил Давид за всех своих товарищей.

— Я говорю об острове, который испанцы называют Испаньолой, а мы Сан-Доминго.

— Но брат,— сказал Бартелеми,— это остров огромный, с великолепными лесами, и на нем живут испанцы, мы буквально попадем в волчью пасть.

— Я сам так думал, прежде чем разузнал все, но теперь я уверился не только в том, что проклятые испанцы занимают не весь остров, но и в том, что и в той части острова, которую они не заняли, мы встретим помощников.

— Помощников? — с удивлением вскричали флибустьеры.

— Да, братья, и вот каким образом. Во время высадки адмирала дон Толедо на остров св. Христофора французы, успевшие спастись от резни, убежали, как вам известно, на соседние острова, а многие даже отправились дальше; они добрались до Сан-Доминго; это была большая смелость, не правда ли? Но повторяю вам, испанцы занимают только половину. В то время, когда они открыли этот остров, они оставили на острове несколько штук рогатого скота. Эти животные развелись, и теперь огромные саванны Сан-Доминго покрыты бесчисленными стадами диких волов, пасущихся на всей необитаемой части острова. Вам известно, что эти стада доставляют верный провиант для наших судов, и, кроме того, соседство испанских колонистов дает нам возможность утолять нашу ненависть против них; впрочем, те из наших товарищей, которые уже несколько лет поселились на этой земле, ведут с ними непрерывную и ожесточенную борьбу.

— Да, да,— сказал Красивая Голова с задумчивым видом,— я понимаю, что ты нам говоришь, брат, ты прав в некоторой степени, но будем рассуждать спокойно и хладнокровно, как люди серьезные.

Говори,— отвечал Монбар,— каждый из нас, когда дело идет об общих интересах, имеет право высказывать свое мнение.

— Как мы ни храбры, а мы можем этим смело похвалиться, потому что благодаря Богу наше мужество известно, мы, однако, не довольно сильны, чтобы сражаться на суше с испанцами. Захватить корабль или сражаться с целым народонаселением дело другое, ты сознаешься в этом, брат?

— Конечно, брат, сознаюсь.

— Хорошо, я продолжаю. Очевидно, что испанцы до сих пор не заметили, или по малочисленности и неважности авантюристов, поселившихся в пустой части острова,

пренебрегли ими, но когда они увидят, что население, которое они считали временным, становится постоянным и принимает грозные размеры колонии, и не захотят этого допустить, тогда что случится? Они соединят все свои силы, нападут на нас неожиданно и перережут всех нас после отчаянной обороны и разрушат одним разом не только нашу новую колонию, но и наши надежды на мщение.

Эти слова Красивой Головы, отличавшиеся сжатой логикой, произвели некоторое действие на флибустьеров, которые начали переглядываться между собой, но Монбар не дал времени распространиться этому духу оппозиции и тотчас сказал:

— Ты был бы прав, брат, если бы, как ты предполагаешь, мы основали наше главное поселение на Сан-Доминго, очевидно, мы были бы разбиты многочисленностью и принуждены постыдно оставить остров, но предполагать, что я, питающий неумолимую ненависть к этому гнусному народу, мог придумать подобный план, не удостоверившись сначала в его успехе и пользе, которые он нам доставит, значит дурно меня знать.

— Объяснись яснее, брат, — сказал Уильям Дрэк, — мы тебя слушаем с самым серьезным вниманием.

— На северо-западе Сан-Доминго находится остров длиною около восьми миль, отделенный от большой земли узким каналом и окруженный скалами, называющимися Железными берегами, которые делают невозможной высадку, кроме южной стороны, где находится довольно хорошая гавань, грунт которой составлен из очень мелкого песка и где суда укрыты от всех ветров, которые, впрочем, никогда не бывают сильны в тех местах; несколько песчаных губ встречается еще вдоль берегов, но к ним можно пристать только пирогам. Остров этот называется Черепаховым, по своей форме похожий на наружность этого земноводного животного. Вот, братья, где я намерен основать наше главное поселение, или, если вы предпочитаете это название, нашу главную квартиру. Гавань Мира и гавань Марго, находящиеся напротив острова Черепахи, доставят нам легкое сообщение с Сан-Доминго. Укрывшись на нашем острове, как в непроницаемой крепости, мы будем пренебрегать усилиями всего кастильского могущества. Но я не хочу вас обманывать, я должен все сказать вам: испанцы остерегаются, они предвидели, что если набег продолжится, то есть, если они не успеют нас уничтожить, превосходное положение этого острова от нас не укроется и что,

вероятно, мы постараемся завладеть им. Поэтому они заняли его отрядом в двадцать пять солдат под командой Альфереца, не улыбайтесь, братья, хотя этот гарнизон немногочисленен, его достаточно по милости того способа, которым он укрепил себя, и затруднений при высадке на берег, потом ему легко получить в весьма непродолжительное время подкрепление с Сан-Доминго. Я несколько раз был переодетым на Черепаше, я осматривал все очень внимательно, вы можете вполне верить сведениям, которые я сообщаю вам.

— Монбар прав, — сказал тогда Рок Бразилец, — я знаю Черепашу, я убежден так же, как и он, что этот остров предоставляет нам убежище гораздо надежном и гораздо выгодном чем остров св. Христофора.

— Теперь, братья, — продолжал Монбар, — подумайте и отвечайте да или нет. Если вы примете мое предложение, я постараюсь осуществить мой план, захватив остров; если вы откажете, об этом более не будет речи.

Для того, чтобы своим отсутствием дать более свободы обсудить его предложение, авантюрист вышел из комнаты на террасу, где начал прохаживаться взад и вперед, по наружности равнодушный ко всему, но внутренне очень тревожась о результате рассуждения.

Не прошло и нескольких минут как он прохаживался таким образом, когда послышался легкий свист не в дальнем расстоянии, свист до того тихий, что только такой тонкий слух, каким был одарен флибустьер, мог услышать его. Он сделал несколько шагов по направлению к сигналу, и в ту же минуту, человек, лежавший на земле и так слившийся с темнотой, что его невозможно было приметить, поднял голову и при беловатых отблесках лунных лучей показал смуглое лицо и тонкие, умные черты караиба.

— Омопуа? — сказал флибустьер.

— Я жду, — лаконично отвечал индеец, прямо становясь перед ним.

Омопуа, то есть *прыгун*, был молодой человек лет двадцати пяти, высокого и удивительно соразмерного роста; кожа его имела золотистый оттенок флорентинской бронзы, он был гол, за исключением легких холстинных панталонов, падавших немного ниже колен; длинные черные волосы, ровно разделенные на макушке, спускались с каждой стороны плеч; другого оружия у него не было, кроме длинного ножа и штывка, заткнутого за пояс из коровьей шкуры.

— Пришел тот человек? — спросил Монбар.

— Пришел.

— Прыгун его видел?

— Видел.

— Он считает себя узнанным?

— Только один глаз ожесточенного врага мог узнать его в таком переодевании.

— Хорошо, мой брат проводит меня к нему.

— Я провожу бледнолицего начальника.

— Хорошо! Где я найду Прыгуна через час после восхождения солнца?

— Прыгун будет в своем доме.

— Я приду туда.

Услышав, что его зовут из комнаты, Монбар прибавил: «Я полагаюсь на обещание индейца».

— Да, если начальник сдержит свое обещание.

— Сдержу.

Простившись с флибустьером, караиб проскользнул к утесу и исчез почти тотчас. Монбар оставался с минуту неподвижен, погружившись в глубокие размышления, потом, сделав резкое движение и проведя рукой по лбу, как бы для того, чтобы сгладить все следы волнения, воротился большими шагами в дом.

Рассуждения кончились, флибустьеры сели на свои места, Монбар также сел на свое место и ждал с притворным равнодушием, чтобы какой-нибудь из товарищей заговорил.

— Брат,— начал Давид,— мы зрело обдумали твое предложение, наши товарищи поручили мне сказать тебе, что они принимают его, только они желают знать, какие средства ты намерен употребить, чтобы доставить успех твоему плану.

— Братья, благодарю вас за ваше согласие,— отвечал Монбар.— А способы, которые я намерен употребить для того, чтобы захватить остров Черепакху, позвольте мне пока сохранить втайне. Успех экспедиции обязывает меня к этому, знайте только, что я не хочу компрометировать ничьих интересов и намерен один подвергнуться всякому риску.

— Ты не так меня понял, брат, или я дурно выразился,— возразил Давид.— Если я тебя спросил, каким образом ты намерен действовать, то меня побуждало не пустое любопытство, но в вопросе, таком важном и интересующем все наше общество, мы решились умереть или победить вместе с тобою, мы хотим разделить часть торжества или долю в поражении.

Монбар невольно был растроган этими великодушны-

ми словами, так благородно произнесенными, с внезапным движением сердца протянув руки флибустьерам, которые энергично пожали их, он сказал: «Вы правы, братья, мы все должны способствовать тому великому подвигу, который, как я надеюсь, позволит нам совершить благородные дела, мы все отправимся на Черепаху, только поверьте, я говорю вам не из честолюбия — предоставьте мне дирижировать экспедицией.

— Разве ты не начальник наш? — вскричали флибустьеры.

— Мы будем тебе повиноваться по законам флибустьерским, — сказал Давид, — кто задумал экспедицию, один имеет право начальствовать над нею, мы будем твоими солдатами.

— Это решено, братья. Сегодня же в одиннадцать часов утра я отправлюсь на продажу новых испанских работников, прибывших из Франции третьего дня, я пойду к губернатору предупредить его, что я готовлю новый набег, и набор начнется тотчас же.

— Все из нас непременно там будут, — сказал Красивая Голова — мне надо купить двух работников взамен двух лентяев, которые умерли от лени.

— Решено, — сказал Бертелеми, — в одиннадцать часов мы все будем на Нижней Земле.

Они встали и приготовились разойтись, потому что вся ночь прошла в этих рассуждениях, и солнце, хотя еще находившееся ниже горизонта, уже начинало оттенять его широкими перламутровыми полосами, которые мало-помалу переходили в пурпуровые оттенки и показывали, что солнце не замедлит появиться.

— Кстати, — сказал с равнодушным видом Монбар Моргану, который провожал его вместе с другими флибустьерами до начала тропинки, — если ты не очень дорожишь твоим караибом, не знаю, как его зовут...

— Прыгун.

— А! Очень хорошо, итак, я говорю, что если тебе все равно, то я был бы тебе очень обязан, если бы ты уступил мне его.

— Он тебе нужен?

— Да, я думаю, что он будет мне полезен.

— Когда так, возьми его, брат, я уступаю его тебе, хотя это хороший работник и я им доволен.

— Благодарю, брат, во сколько ты его ценишь?

— Боже мой! Я с тобой не стану торговаться, брат, я видел у тебя хорошее ружье, отдай его мне и возьми индийца, мы будем квиты.

— Подожди.

— Для чего?

— Для того, что я хочу сейчас отдать тебе это ружье; пришли ко мне индеец, или, если у меня будет время, я сам зайду за ним сегодня.

Флибустьер воротился в дом, снял со стены ружье и принес его Моргану, который набросил его на плечо с движением радости.

— Ну, это решено, — сказал он, — до свидания.

— До свидания, — отвечал Монбар, и они разошлись.

Монбар надел толстый плащ, шляпу с широкими полями, которые закрывали его лицо, и, обернувшись к Мишелю, сказал:

— Матрос, одно важное дело принуждает меня отправиться в Нижнюю Землю. Ступай к губернатору, кавалеру де Фонтенэ, и, не входя ни в какие подробности и не открывая нашей тайны, просто скажи ему, что я готовлю новую экспедицию.

— Хорошо, пойду, — отвечал Мишель.

— Потом пройди к лагерю и приготовь там все с Тихим Ветерком к выступлению в море.

Дав эти инструкции морякам, Монбар вышел и спустился с утеса.

* * *

Кавалер де Фонтенэ, так же, как и д'Эснамбюк, на место которого он заступил два года назад в звании губернатора острова св. Христофора, был младший сын нормандского дворянина, приехавшего на острова искать счастья. Но прежде чем он сделался губернатором, он долго занимался набегами с флибустьерами. Это был именно такой человек, какой им был нужен; он предоставлял им свободу действовать, как они хотят, и никогда не требовал от них отчета, понимал с полуслова и только брал десятую часть добычи, — добровольную дань, которую ему платили авантюристы в благодарность за покровительство, которое он им оказывал от имени короля.

Солнце взошло, свежий морской ветерок тихо шелестел листьями деревьев, птицы пели, спрятавшись на ветвях. Монбар шел большими шагами не смотря ни направо, ни налево, по-видимому, погруженный в глубокие размышления.

При входе в деревню в Нижней Земле, вместо того, чтобы пойти прямо, он пошел по узкой тропинке через плантацию табака к горе Мизер. После довольно продолжительной ходьбы флибустьер, наконец, остановился при входе в бесплодное ущелье, на косогоре которого возвы-

шалась жалкая хижина из древесных стволов, покрытая пальмовыми листьями. На пороге этой хижины стоял человек. Приметив Монбара, он вскрикнул от радости и бегом бросился к нему по скалам с быстротой и легкостью лани. Этот человек был караиб Прыгун; добежав до флибустьера, он бросился перед ним на колени.

— Встань,— сказал ему авантюрист,— к чему благодарить меня?

— Господин мой сказал мне час тому назад, что я теперь принадлежу не ему, а тебе.

— Ведь я тебе обещал?

Это правда, но белые всегда обещают, но никогда не держат обещания.

— Ты видишь доказательство, противное тому. Встань. Твой господин продал тебя мне, это правда, а я даю тебе свободу, у тебя теперь только один властелин— Бог.

Индиец встал, приложил руку к груди, зашатался, лицо его судорожно подергивалось, и с минуту он находился в сильном внутреннем волнении, которое, несмотря на всю его власть над собой, он не мог преодолеть. Монбар, спокойный и мрачный, внимательно рассматривал его, устремив на него проницательный взгляд. Наконец индийцу удалось заговорить, голос его свистя вырывался из горла.

— Прыгун был начальник знаменитый между своими,— сказал он,— испанец унизил его, сделав его рабом посредством измены и продав как вьючную скотину; ты возвращаешь Прыгуну то звание, из которого он никогда не должен был сходить. Хорошо, ты теряешь дурного раба, но приобретаешь преданного друга. Без тебя я умер бы, моя жизнь принадлежит тебе.

Монбар протянул ему руку, караиб почтительно поцеловал ее.

— Как ты хочешь: остаться здесь или воротиться в Гаити?

— Родные Прыгуна и остальной его народ блуждают в степях Богио,— отвечал индиец,— но куда ты пойдешь, туда пойду и я.

— Хорошо, ступай за мной и веди меня к тому человеку, знаешь?

— Сейчас.

— Ты уверен, что он испанец?

— Уверен.

— Ты не знаешь, по каким причинам приехал он на остров?

— Не знаю.

— В каком месте он остановился?

— У одного англичанина.

— Стало быть, в английской колонии?

— Нет, в Нижней Земле.

— Тем лучше. Как зовут этого англичанина?

— Капитан Уильям Дрэк.

— Капитан Дрэк?! — с удивлением вскричал Монбар, — это невозможно.

— Он там.

— Стало быть, капитан его не знает?

— Не знает, этот человек вошел к нему и попросил гостеприимства, капитан не мог ему отказать.

— Это правда; ступай ко мне в дом, возьми платье, ружье или какое оружие захочешь, и приходи ко мне; я буду у капитана Дрэка, а если меня там не будет, ты встретишь меня на пристани. Ступай.

Монбар вернулся тогда назад и направился к Нижней Земле, между тем, как карайб пошел прямо к дому Монбара.

Нижняя Земля была, так сказать, главной квартирой французской колонии. В то время, когда происходит наша история, это было жалкое селение, выстроенное без всякого порядка, сообразно прихоти или удобству каждого домовладельца, но издали оно производило самый живописный эффект по причине этого хаоса домов всякой формы и всякой величины, сгруппированных на берегу моря перед великолепным рейдом, наполненным кораблями, стоящими на якоре, и бесчисленным множеством пирог, постоянно ездивших взад и вперед. Батарея из шести пушек на узком мысе, выдавшемся в море, защищала вход в рейд. Но в этом городке, таком грязном, таком жалком, таком ничтожном по наружности, странные обитатели, единственные на свете, составлявшие разнородное народонаселение, вели жизнь, исполненную энергии. Узкие, темные улицы были наполнены людьми всякого сорта, которые ходили взад и вперед с озабоченным видом. Трактиры виднелись на углу всех площадей и всех перекрестков, странствующие купцы хриплым голосом расхваливали свой товар, а публичные глашатаи в сопровождении толпы, которую на каждом шагу увеличивали все праздношатающиеся, объявляли при звуке труб и барабанов о продаже в этот день новых обязанных работников, приехавших накануне на корабле компании.

Монбар прошел неприметно в толпе к дому Уильяма Дрэка. Дом этот, довольно красивой наружности и опрятный, возвышался на морском берегу, недалеко от дома губернатора. Флибустьер отворил дверь, которая, по тамошнему обычаю, не была заперта, и вошел.

ШПИОН

В первой комнате, которая могла называться и залой и кухней, находились два человека. Эти два человека были работник капитана Уильяма Дрэка и какой-то незнакомец. Самого капитана тут не было. Глаза флибустьера сверкнули при виде незнакомца, и злобная улыбка сжала его бледные губы.

Незнакомец сидел за столом, стоявшим посреди комнаты, и спокойно завтракал куском холодногоspeка, приправленного перцем, запивая бордоским, которое, скажем мимоходом, хотя сделалось известным в Париже только в царствование Людовика XV, по милости герцога Ришелье, воротившегося из Гиенны, где он был губернатором, уже давно ценилось в Америке. Незнакомец был человек довольно высокого роста, с бледным лицом, с чертами отшельника, худой, костлявый, угловатый, но его благородное обращение показывало высокое звание в обществе, а простой и даже более чем скромный костюм напрасно старался скрыть это звание.

При входе флибустьера, не поднимая головы, он искося бросил взгляд из-под своих бархатных ресниц и снова занялся вкусным завтраком, стоявшим перед ним.

У флибустьеров все было общее: каждый брал у другого, дома тот был или нет, все, что ему было нужно: оружие, порох, одежду, пищу, и тот, у кого делался этот заем, не имел права обижаться или делать самое легкое замечание — это не только допускалось и терпелось, но считалось даже правом, которым пользовались все без малейшего зазрения совести.

Монбар, осмотрев глазами комнату, взял стул и, бесцеремонно сев напротив незнакомца, сказал работнику: «Подай мне завтрак, я голоден!»

Работник, не позволяя себе ни малейшего замечания, тотчас повиновался. В одно мгновение с чрезвычайным проворством он подал флибустьеру обильный завтрак, потом стал позади его стула, чтобы ему служить.

— Друг мой, — небрежно сказал ему флибустьер, — благодарю, но я не люблю, чтобы кто-нибудь стоял позади меня, когда я ем. Ступай, стань перед дверью дома и не пускай сюда никого без моего приказанья, — прибавил он, бросив на работника взгляд со странным выражением. —

Никого! Ты слышишь? — прибавил он, делая ударение на эти слова, — если бы даже пришел сам твой господин, ты меня понял?

— Понял, Монбар, — ответил работник и ушел.

При имени Монбара незнакомец неприметно вздрогнул, бросив тревожный взгляд на флибустьера, но тотчас оправившись, он принялся есть с величайшим спокойствием, по крайней мере, по наружности. Монбар, со своей стороны, ел, по-видимому, не занимаясь состояльником, сидевшим напротив него. Это продолжалось несколько минут, в комнате не слышалось никакого шума, кроме брэнчания ножей и вилок, между тем как бушевали сильные внутренние страсти. Наконец, Монбар поднял голову и посмотрел на незнакомца.

— Вы очень молчаливы, — сказал он добродушным тоном человека, которому надоело продолжительное молчание и который желает начать разговор.

— Я? — сказал незнакомец самым спокойным голосом и приподняв голову, — кажется, нет...

— Однако я вам замечу, — продолжал флибустьер, — вот уже четверть часа как я имею честь находиться вместе с вами, вы не сказали мне еще ни слова, даже не поздоровались, когда я вошел.

— Извините меня, — сказал незнакомец, слегка наклонив голову, — это поступок совершенно невольный, притом, не имея удовольствия знать вас...

— Уверены ли в этом? — с иронией перебил авантюрист.

— По крайней мере я так думаю и, не имея ничего сказать вам, я предположил, что бесполезно начинать разговор, у которого нет никакой цели.

— Почему знать? — с насмешкой возразил флибустьер, — самые пустые разговоры при начале часто становятся очень интересными через несколько минут.

— Я сомневаюсь, чтобы это случилось с нашим разговором. Позвольте же мне прервать его на этих первых словах, притом завтрак мой кончен, — сказал незнакомец, вставая, — и серьезные дела требуют моего присутствия. Извините, что я так скоро оставляю вас, и верьте моим сожалениям.

Флибустьер не вставал с места, но, с грациозной небрежностью опрокинувшись на спинку стула и играя ножом, который он держал в руке, сказал голосом кротким и вкрадчивым: «Извините, только одно слово...»

— Говорите скорее, — отвечал незнакомец, останавливаясь, — уверяю вас, я очень тороплюсь.

— О! Вы останетесь со мной несколько минут,— продолжал авантюрист с насмешкой.

— Если вы так сильно этого желаете, я вам не откажу, но, уверяю вас, что я очень тороплюсь.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь, особенно вы торопитесь уйти из этого дома, неправда ли?

— Что вы хотите сказать? — надменно спросил незнакомец.

— Я хочу сказать,— отвечал флибустьер, вставая, подходя к нему и становясь перед дверью,— бесполезно притворяться, вы узнаны.

— Я узнан? Я вас не понимаю, что значат эти слова?

— Они значат,— грубо сказал Монбар,— что вы шпион и изменник и через несколько минут вы будете повешены!

— Я? — вскричал незнакомец с удивлением, очень хорошо разыгранным.— Вы сошли с ума или ошибаетесь. Прошу вас простить меня.

— Я не сошел с ума и не ошибаюсь, сеньор дон Антонио де ла-Ронда.

Незнакомец вздрогнул, смертельная бледность покрыла его лицо, но, тотчас оправившись, он сказал:

— О, это какое-то безумство!

— Милостивый государь,— прошептал Монбар все спокойно, но, остановившись, как бы пригвожденный к двери,— я утверждаю, вы опровергаете. Очевидно, один из нас лжет или ошибается. Я уверяю вас, что не лгу, стало быть, лжете вы, и, чтобы лишить вас последнего сомнения на этот счет, я прошу вас выслушать меня, но прежде не угодно ли вам сесть. Нам надо поговорить несколько минут, а я вам замечу, что не совсем прилично говорить стоя друг против друга, как двум боевым петухам, готовым наскочить на хохол друг к другу, когда возможно говорить сидя.

Невольно подчиняясь сверкающему взору незнакомца, упорно устремленному на него, и резкому повелительному тону, незнакомец сел на свое место, или лучше сказать не сел, а опустился на стул.

— Теперь,— продолжал флибустьер тем же спокойным тоном, садясь на свое прежнее место, опираясь локтями о стол и наклоняясь вперед,— чтобы разом рассеять все сомнения, которые вы могли сохранить, и доказать вам, что я знаю гораздо более чем вы желали бы, позвольте мне в двух словах рассказать вам нашу историю.

— Милостивый государь! — перебил незнакомец.

— О! Не бойтесь,— перебил флибустьер тоном холод-

ного и сухого сарказма,— я не стану распространяться, так же, как и вы, я не желаю терять время на пустые разговоры, но, заметьте мимоходом, каким образом наш пустой разговор, как я предвидел, скоро сделался интересным. Не правда ли, как это странно?

— Я жду, чтобы вы объяснились,— холодно отвечал незнакомец,— потому что до сих пор я не понял ни одного слова из всего, что вы рассказали мне.

— Ей Богу! Вы пришлись мне по сердцу. Я не ошибся на ваш счет. Храбрый, холодный, скрытный, вы достойны быть флибустьером и вести с нами жизнь, исполненную приключений.

— Вы делаете мне большую честь, но все это мне не объясняет...

— Потерпите несколько, как вы пылки! Остерегайтесь, ваше ремесло требует хладнокровия, а у вас его недостает в эту минуту.

— Вы очень остроумны,— сказал незнакомец, иронически поклонившись своему собеседнику.

Тот оскорбился этим внезапным нападением и, ударив кулаком по столу, сказал:

— Вот ваша история в двух словах: вы андалузец, родились в Малаге, младший сын, и, следовательно, были назначены в духовное звание. В один прекрасный день, не чувствуя никакой склонности к тонсуре, вы уехали на испанском корабле, отправлявшемся в Испаньолу. Вас зовут дон Антонио де ла-Ронда, вы видите, что до сих пор я знаю все хорошо.

— Продолжайте,— отвечал незнакомец, совершенно флегматически,— вы чрезвычайно меня интересуете.

Монбар пожал плечами и продолжал.

— Приехав в Испаньолу, вы успели в короткое время, по милости вашей красивой наружности, особенно вашего тонкого и развязного ума, найти себе могущественных покровителей, так что через три года по приезде из Европы вы возвысились так быстро, что теперь сделались одним из самых влиятельных людей в колонии, к несчастью...

— Вы сказали к несчастью? — перебил незнакомец с насмешливой улыбкой.

— Да,— невозмутимо отвечал авантюрист,— к несчастью фортуна повернулась к вам спиной, и до такой степени...

— До какой степени...

— Что, несмотря на ваших друзей, вас арестовали и угрожали судить за покражу двух миллионов пиастров;

цифра хорошая, поздравляю вас. Я сознаюсь, что всякий другой на вашем месте погиб бы, Совет обеих Индий не шутит, когда дело идет о деньгах.

— Позвольте мне вас прервать, милостивый государь,— сказал незнакомец с совершенной непринужденностью,— вы рассказываете эту историю чрезвычайно красноречиво, но если вы будете продолжать таким образом, она продлится нескончаемо. Если вы мне позволите, я кончу ее в нескольких словах.

— А-а! Вы теперь сознаетесь, что она справедлива?

— Еще бы,— отвечал незнакомец с удивительной самоуверенностью.

— Вы сознаетесь, что вы дон Антонио де ла-Ронда?

— Для чего мне отпираться, когда вы это знаете?

— Стало быть, вы сознаетесь, что вы обманом забрались в колонию с целью...

— Я сознаюсь во всем, что вам будет угодно,— с живостью сказал испанец.

— Стало быть, вы заслуживаете виселицу и будете повешены через несколько минут.

— Ну нет! — возразил испанец, не теряя хладнокровия,— вот в этом мы с вами не сходимся, милостивый государь. Ваше заключение вовсе нелогично.

— Что? — вскричал авантюрист, удивляясь этой внезапной перемене в тоне, который он не ожидал.

— Я сказал, что ваше заключение нелогично.

— Я это слышал.

— И докажу,— продолжал испанец.— Теперь ваша очередь выслушать меня.

— Хорошо, надо быть сострадательным к тем, кто скоро умрет.

— Вы очень добры, но по милости Божией я еще до этого не дошел. «От стакана до губ еще далеко», гласит очень мудрая пословица на моей родине.

— Продолжайте,— сказал флибустьер со зловещей улыбкой.

Но испанец не дрогнул.

— Для меня очевидно, милостивый государь, что вы желаете предложить мне какое-нибудь условие.

— Я?

— Конечно. Вот почему, узнав во мне шпиона, а — я должен сознаться, что я действительно шпион. Вы видите, что я откровенен в моих признаниях,— для вас ничего не

могло быть легче, как приказать повесить меня на первом дереве без всякого суда.

— Да, но я это сделаю сейчас.

— Нет, вы не сделаете этого теперь, и вот почему: вы думаете, по причинам, неизвестным мне, потому что я не хочу обижать вас предположением, будто вы почувствовали ко мне сострадание, когда мои соотечественники так справедливо называли вас *Истребителем*, вы думаете, говорю я, что я могу быть вам полезен для успеха вашего плана, и, следовательно, вместо того, чтобы велеть меня повесить, как вы сделали бы это при всяких других обстоятельствах, вы прямо пришли сюда, чтобы поговорить со мной, как друг с другом. Ну! Я сам этого желаю, говорите, я вас слушаю, о чем идет речь?

Произнеся эти слова с самым развязным видом, дон Антонио опрокинулся на спинку стула, вертя в пальцах сигарету. Флибустьер смотрел на него с минуту с удивлением, которое не старался скрыть, потом, расхохотавшись, сказал:

— Ну, я это предпочитаю, по крайней мере, между нами не будет недоразумений. Да, вы угадали, я хочу сделать вам предложение.

— Это не трудно было узнать, но оставим это; в чем состоит ваше предложение?

— Боже мой! Оно очень просто. Вам только надо переменить вашу роль.

— Очень хорошо. Я вас понимаю; то есть вместо того, чтобы изменять вам в пользу Испании, я буду изменять Испании в пользу вашу.

— Вы видите, что это легко.

— Действительно, очень легко, но чертовски опасно; и положим, что я соглашусь на вашу просьбу, какая же мне будет польза из того?

— Во-первых, вас не повесят.

— Быть повешенным, утопленным или расстрелянным почти одно и то же. Я желал бы выгоды посущественнее и повиднее.

— Черт побери! Вы прихотливы, разве не значит ничего спасти жизнь от петли?

— Когда так, если мне нечего терять, смерть скорее благодеяние, чем бедствие.

— Вы философ, как кажется.

— Нет, черт побери! Я только человек отчаянный.

— Это часто одно и то же, но воротимся к нашему делу.

— Да, воротимся, это гораздо лучше.

— Я предлагаю вам мою долю добычи с первого корабля, который я захвачу, на это вы согласны?

— Это уже лучше. К несчастью, корабль, о котором вы мне говорите, похож на медведя в басне, он еще в бегах. Я предпочел бы что-нибудь посущественнее.

— Я вижу, что вам надо уступить, служите мне хорошенько, и я награжу вас так щедро, что даже король испанский не мог бы сделать больше.

— Это решено, я рискну. Теперь скажите мне, каких услуг вы требуете от меня?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне захватить врасплох остров Черепаху, на котором вы долго жили и с которым вы кажется, сохранили отношения.

— Я не вижу к этому никакого препятствия, хотя прежде всего поставлю условие.

— Какое?

— Что я не могу ручаться вам за успех этого смелого предприятия.

— Это замечание справедливо, но будьте спокойны, если остров хорошо защищен, то он будет хорошо атакован.

— В этом я убежден, посмотрим, что далее.

— Я вам скажу после, когда наступит пора, сеньор, а теперь мы должны заняться другим.

— Как вам угодно.

— Теперь, так как я имел честь вам сказать при начале, знаю, что вы человек очень хитрый и очень способный проскользнуть, как змея, между пальцев без малейшего зазрения совести, а так как я хочу избежать этой возможности, сделайте мне удовольствие: отправляйтесь сейчас же на мой люгер.

— Пленником? — сказал испанец с досадой.

— Нет, не пленником, любезный дон Антонио, а как аманат, с которым будут обращаться со всем вниманием, совместным с нашей общей безопасностью.

— Но слово дворянина...

— Годится между дворянами, это правда, но с такими негодьями, как вы нас называете, оно, по-моему, не имеет никакой цены, вы даже, гидальго старой Испании, поставляете себе в обязанность нарушать ваше слово без малейшего зазрения совести, когда вас побуждают к этому ваши выгоды.

Дон Антонио потупил голову и ничего не отвечал, внутренне сознаваясь, хотя не хотел этого высказать, в справедливости слов флибустьера. Тот наслаждался с минуту смущением испанца, потом три раза ударил по столу рукояткой ножа. Работник капитана немедленно вошел.

— Что вам нужно, Монбар?

— Скажи мне, мой храбрый товарищ,— сказал авантюрист,— не видал ли ты краснокожего карайба, не бродит ли он вокруг этого дома?

— Монбар, краснокожий караиб спрашивал меня несколько минут тому назад, здесь ли вы; я отвечал утвердительно, но не хотел нарушить приказание, полученное от вас, и впустить его, как он этого желал.

— Очень хорошо. Человек этот не сказал, как его зовут?

— Напротив, он тотчас сказал, что его зовут Прыгун.

— Это тот человек, которого я ждал,пусти его, пожалуйста, он, должно быть, ждет у дверей, и войди сам вместе с ним.

Работник вышел.

— Чего вы хотите от этого человека? — спросил испанец с беспокойством, которое не укрылось от проницательных глаз авантюриста.

— Этот индеец просто назначен вам в караульные,— сказал Монбар.

— Стало быть, вы, действительно, хотите задержать меня?

— Чрезвычайно, сеньор.

В эту минуту работник вошел вместе с караибом, который ничего не сменил в своем первобытном костюме, но воспользовался позволением Монбара, чтобы вооружиться с ног до головы.

— Прыгун и ты, друг мой, выслушайте хорошенько, что я вам скажу. Видите ли вы этого человека? — сказал флибустьер, указывая на испанца, все еще бесстрастного.

— Видим,— отвечали они.

— Отведите его между вами обоими на люгер и отдайте моему матросу Мишелю Бискайцу, приказав ему от моего имени караулить его старательно; если во время перехода до люгера человек этот попытается бежать, прострелите ему голову беспощадно. Поняли вы меня?

— Поняли,— сказал работник,— положитесь на нас, мы ручаемся за него головой.

— Хорошо, полагаюсь на ваше слово, милостивый государь,— прибавил флибустьер, обратившись к дону Антонио,— прошу вас идти с этими людьми.

— Я повинуюсь силе.

— Очень хорошо, я сам понимаю это так, но успокойтесь, ваш плен будет непродолжителен и не жесток. Я сдер-

жу свое обещание, которое я вам дал, если вы, со своей стороны, сдержите ваше. Ступайте же, до свидания!

Испанец ничего не отвечал, сам встал между караульными и вышел вместе с ними.

XVI

ПРОДАЖА НЕВОЛЬНИКОВ

Через минуту Монбар встал, надел плащ, который при входе бросил на стул, и хотел выйти из дома. На пороге дома он очутился лицом к лицу с капитаном Дрэком.

— А! Ты здесь, брат? — сказал Дрэк.

— Да, я завтракал у тебя.

— Ты хорошо сделал.

— Пойдешь со мной на продажу?

— Мне не нужны работники.

— И мне не нужны, но ты знаешь, что тотчас после продажи начнется набор.

— Это правда; дай мне только сказать несколько слов моему работнику и я пойду с тобой.

— Твой работник вышел.

— А я велел ему не выходить.

— Я дал ему поручение.

— Это другое дело.

Оба флибустьера ушли.

— Ты меня не спрашиваешь, какое поручение я дал твоему работнику, — сказал Монбар через несколько минут.

— Для чего я стану спрашивать? Это меня не касается.

— Гораздо более, чем ты думаешь, брат.

— Это как?

— Ты дал гостеприимство одному незнакомцу, не так ли?

— Да. Но что же это имеет общего?..

— Ты увидишь; этот незнакомец, которого ты знаешь... ты ведь не знаешь его?

— Нет. Что мне за дело, кто он такой? В гостеприимстве отказывать нельзя.

— Это правда, но я узнал этого человека.

— Но! Кто же он?

— Ни более ни менее как испанский шпион.

— Вот тебе раз! — сказал капитан, остановившись.

— Что с тобой?

— Ничего! Ничего! Я только пойду прострелю ему голову, если ты уже этого не сделал.

— Нет, брат, я убежден, что этот человек нам будет очень полезен.

— Как это?

— Можно умеючи извлечь выгоды даже из испанского шпиона; пока я отправил его с твоим работником и моим человеком на люгер, где его будут караулить, так что он от нас не ускользнет.

— Полагаюсь на тебя, благодарю тебя, брат, что ты избавил меня от этого негодяя.

Разговаривая таким образом, оба флибустьера дошли до того места, где происходила продажа работников.

Направо находился большой навес из досок, открытый и ветру и дождю; посреди этого навеса поставили стол для секретарей компании, которые производили продажу и составляли контракты; для губернатора было приготовлено кресло возле довольно высокой эстрады, куда каждый работник или работница всходили поочередно для того, чтобы покупщики могли свободно их рассматривать. Эти несчастные, обманутые агентами компании в Европе, заключали обязательства, последствий которых они не понимали, и были убеждены, что по приезде в Америку, по истечении более или менее продолжительного срока, они сделаются свободны зарабатывать себе пропитание как захотят; по большей части это были плотники, каменщики, столяры, между ними находились также сыновья разорившихся родителей и кутилы, которым труд был антипатичен и которые воображали, будто в Америке, стране золота, богатство свалится на них во сне.

Несколько дней тому назад корабль компании привез полтораста работников, между которыми находилось несколько женщин, молодых и хорошеньких по большей части, но развратных, которых полиция задержала на улице и которые без всякого суда были отправлены в Америку. Женщины эти были также проданы колонистам, но не как невольницы, а как жены. Союзы эти, заключаемые по цыганскому обычаю, должны были длиться определенный промежуток времени, не более семи лет, если только не последует взаимного согласия супругов, но это не случалось почти никогда, а по окончании этого срока они расходились, и каждый имел право вступить в новый брак.

Работники были привезены с корабля на остров уже два дня. Эти два дня были им даны для того, чтобы они могли несколько оправиться от усталости продолжительного морского путешествия, погулять и подышать животворным воздухом земли, которого они были так долго лишены.

В ту минуту, когда подошли оба флибустьера, продажа уже началась полчасу тому назад, в сарае была целая толпа колонистов, желавших купить невольников — мы принуждены употребить это слово, потому что эти бедные обремененные работники были ни что иное как рабы. При появлении Монбара, имя которого было знаменито, ряды сжались направо и налево, толпа расступилась, и он довольно легко успел в сопровождении капитана стать возле губернатора кавалера де Фонтенэ, возле которого уже находились знаменитые авантюристы и между прочими Бискаец Мишель.

Кавалер де Фонтенэ учтиво принял Монбара, он даже встал со своего места и сделал два шага навстречу ему, что флибустьерам очень понравилось и за что они были очень признательны губернатору; эта почесть, оказанная самому знаменитому между ними, отражалась на них всех. Обменявшись несколькими учтивыми словами с губернатором, Монбар наклонился к Мишелю и спросил его: «Ну что, матрос?»

— Испанец на люгере, — отвечал Мишель, — под караулом Тихого Ветерка.

— Стало быть, я могу быть спокоен?

— Вполне.

Во время этого разговора продажа продолжалась. Все работники были проданы, кроме одного, который стоял в эту минуту на эстраде возле агента компании, исполнявшего должность оценщика и которому поручено было выхвалять достоинство человеческого товара, который он предлагал присутствующим. Человек этот был небольшого роста, коренастый, крепкого сложения, лет двадцати шести, с жесткими, энергичными, но умными чертами, и серые глаза которого дышали смелостью и веселостью.

— Пьерр Но, родившийся на Олонских песках, — сказал агент компании, — двадцати пяти лет, сильный и здоровый матрос. Сорок экю за олонца, сорок экю за три года, господа!

— Тот, кто меня купит, сделает выгодное дельце, — сказал Пьерр Но.

— Сорок экю, — продолжал агент, — сорок экю, господа! Монбар обернулся к работнику.

— Как, негодяй, ты матрос, и вместо того, чтобы при-

соединиться к нам, ты продал себя? Какой же ты малодушный.

Олонец засмеялся.

— Вы этого не понимаете, я продал себя потому, что это было необходимо,— отвечал он,— для того, чтобы моя мать могла жить во время моего отсутствия.

— Как это?

— Что вам за дело? Вы не господин мой пока, а если и сделаетесь моим господином, то не будете иметь права расспрашивать меня о моих частных делах.

— Ты мне кажешься отважным удальцом.

— И мне самому это кажется. Я хочу сделаться таким же флибустьером, как и все вы, а для этого мне необходимо поучиться ремеслу.

— Сорок экю! — кричал агент.

Монбар посмотрел с самым серьезным вниманием на работника, твердый взор которого медленно потупился пред его взором, потом, оставшись, без сомнения, доволен, он обернулся к агенту.

— Хорошо, замолчите,— сказал он,— я покупаю этого человека.

— Олонец присужден Монбару Истребителю за сорок экю,— сказал агент.

— Вот они,— отвечал флибустьер, бросая на стол горсть серебра,— пойдем,— приказал он Олонцу,— ты теперь мой работник.

Тот прыгнул с эстрады и с радостным видом подбежал к Монбару.

— Так это вы Монбар Истребитель? — с любопытством спросил он.

— Ты, кажется, меня допрашиваешь,— смеясь сказал флибустьер,— однако так как твой вопрос кажется мне довольно естественен, я на этот раз отвечу тебе: да, это я.

— Когда так, я благодарю, что вы купили меня, Монбар, с вами я, наверное, скоро сделаюсь человеком.

По знаку своего нового господина он почтительно стал позади него.

Начиналась самая любопытная часть продажи для авантюристов — продажа женщин. Эти бедные и несчастные женщины, молодые и хорошенькие по большей части, дрожа, поднимались на эстраду, и несмотря на свои усилия не теряться, краснели от стыда, и горячие слезы текли по их лицу при виде взглядов всех этих мужчин, пылкие глаза которых устремлялись на них. Компания получала боль-

шие барыши, особенно на женщинах, потому что она захватывала их даром и продавала как можно дороже. Мужчины обыкновенно продавались от тридцати до сорока экю и не могли продаваться дороже, женщины же продавались с аукциона; только губернатор имел право остановить продажу, когда цена казалась ему довольно высока. Женщины всегда присуждались покупателю среди криков и насмешек, весьма неприличных, над флибустьерами, которые не боялись пускаться по брачному океану, наполненному подводными камнями.

* * *

Красивая Голова, этот свирепый флибустьер, о котором мы уже говорили, купил, так как и намеревался, двух работников, взамен двух умерших, как он выражался, от лени, но в действительности от его ударов, потом вместо того, чтобы воротиться домой, он поручил своих работников своему надзирателю, потому что у флибустьеров, так же, как и у владельцев негров, были надзиратели, смотревшие за работой белых невольников, а Красивая Голова остался, следя с живейшим участием за продажей женщин. Друзья его подшучивали над ним, но он только пожимал плечами с видом презрения и стоял, скрестив руки на дуле своего длинного ружья и упорно устремив глаза на эстраду.

Там заняла место молодая женщина, нежная, деликатная, почти ребенок, с белокурыми кудрями, падавшими на ее белую и худощавую грудь; гладкий и задумчивый лоб, большие голубые глаза, наполненные слезами, свежие щеки, крошечный ротик заставляли ее казаться гораздо моложе, нежели она была в действительности; ей было восемнадцать лет, тонкий и гибкий стан, приличный вид, словом, все в ее восхитительной наружности имело обольстительное очарование, составлявшее полный контраст с решительными и пошлыми ухватками женщин, прежде нее появлявшихся на эстраде до и после нее.

— Луиза, родившаяся в Монмартре, восемнадцать лет, кто берет ее в жены на три года за пятнадцать экю? — сказал агент компании насмешливым голосом.

Бедная девушка закрыла голову руками и заплакала.

— Двадцать экю за Луизу! — сказал авантюрист, подходя.

— Двадцать пять, — сказал немедленно другой.

— Велите ей поднять голову, чтобы ее видели! — грубо закричал третий.

— Ну, малютка, будь мила,— сказал агент, принуждая Луизу отнять руки от лица,— дай посмотреть на себя, это для твоей же пользы, черт побери! Двадцать пять экю!

— Пятьдесят — сказал Красивая Голова, не трогаясь с места.

Взоры всех устремились на него. До сих пор Красивая Голова показывал глубокое презрение к женитьбе.

— Шестьдесят,— закричал один авантюрист, который вовсе не желал купить эту молодую девушку, а хотел только подзадорить своего товарища.

— Семьдесят! — сказал другой с тем же намерением.

— Сто! — закричал Красивая Голова с гневом.

— Сто экю, господа! Сто экю! Луизу на три года! — сказал бесстрашный агент.

— Полтараста.

— Двести!

— Двести пятьдесят!

— Триста,— закричали одновременно несколько авантюристов, которые все приближались к эстраде.

Красивая Голова был бледен от бешенства. Он боялся, чтобы Луиза не досталась кому-нибудь другому. Он вообразил, что ему непременно нужна женщина заниматься хозяйством. Он увидел Луизу, она ему понравилась, он захотел ее купить.

— Четыреста экю! — закричал он с видом вызова.

— Четыреста экю! — повторил агент компании своим монотонным голосом.

Наступило молчание. Четыреста экю составляют порядочную сумму. Красивая Голова восторжествовал.

— Пятьсот! — вдруг вскричал резкий и звучный голос.

Турнир опять начался. Противники остановились только для того, чтобы собраться с силами.

Агент компании потирал себе руки, с веселым видом повторяя:

— Шестьсот! Семьсот! Восемьсот! Девятьсот!

Зрителями овладело какое-то неистовство, каждый набавлял цену с гневом. Молодая девушка все плакала. Красивая Голова находился в бешенстве, похожем на помешательство. С гневом сжимая ружье между судорожно подергивающимися пальцами, он чувствовал безумное искушение послать пулю в самого решительного из соперников. Одно присутствие кавалера де Фонтенэ удерживало его.

— Тысячу! — закричал он хриплым голосом.

— Тысячу двести! — немедленно крикнул самый ожесточенный соперник.

Красивая Голова с бешенством топнул ногой, набросил ружье на плечо, надвинул шапку на лоб и медленными торжественными шагами, как шли бы статуи, если бы они умели ходить, подошел и стал рядом со своим докучливым противником и, тяжело стукнув о землю дулом ружья рядом с ногой этого человека, посмотрел на его с вызовом и закричал голосом, прерывающимся от волнения:

— Полторы тысячи!

Противник в свою очередь гордо посмотрел на него, отступил на шаг, взвел курок у своего ружья, потом сказал спокойным голосом:

— Две тысячи!

Перед этими двумя ожесточенными противниками другие благоразумно удалились. Борьба превратилась в ссору и угрожала сделаться кровавой. Мертвое молчание распространилось под навесом, раздражение этих двух людей уничтожило всякую веселость присутствующих, остановило все шутки. Губернатор с участием следил за различными изменениями этой борьбы и приготовился вмешаться. Авантюристы мало-помалу отступили и оставили большое пространство между обоими противниками. Красивая Голова также сделал несколько шагов назад, положил ружье на плечо и прицелился в своего противника.

— Три тысячи! — сказал он.

Другой состязающийся тоже положил ружье на плечо.

— Три тысячи пятьсот! — закричал он, спустив курок. Раздался выстрел.

Но губернатор быстрым как мысль движением отвел концом своей трости дуло ружья, и пуля вонзилась в крышу. Красивая Голова оставался неподвижен, только услышав выстрел, он опустил дуло ружья.

— Милостивый государь! — с негодованием обратился губернатор к выстрелившему флибустьеру, — вы поступили бессовестно, вы чуть не совершили убийство.

— Господин губернатор, — холодно отвечал флибустьер, — когда я выстрелил, в меня прицеливались, стало быть, это была дуэль.

Губернатор колебался, предлог был благовидным.

— Это все равно, — продолжал он через минуту, — законы о дуэли не были соблюдены. Чтобы наказать вас, я вас исключаю из числа конкурентов. Я приказываю, — об-

ратился он к агенту компании,— чтобы женщина, бывшая причиной этого неприятного спора, была присуждена господину Красивой Голове за три тысячи экю.

Агент поклонился с видом довольно угрюмым. Он надеялся достигнуть цифры гораздо более значительной, но возражать кавалеру де Фонтенэ было нельзя, необходимо было покориться.

— Луиза присуждена за три тысячи экю,— сказал агент со вздохом сожаления, не о женщине, а о деньгах,— Красивой Голове.

— Очень хорошо, господин губернатор,— сказал флибустьер со злой улыбкой,— я должен подчиниться вашему приговору, но с Красивой Головой мы еще увидимся.

— Надеюсь, Пикар! — холодно сказал дъенец,— и теперь между нами дело идет о пролитой крови.

В это время Луиза сошла с эстрады, где ее место заняла другая женщина, и вся в слезах стала возле Красивой Головы, теперь ее повелителя и властелина. Кавалер де Фонтенэ бросил взгляд сострадания на бедную женщину, для которой по всей вероятности начиналась жестокая жизнь с человеком такого характера, и сказал ей кротким голосом:

— Милостивая государыня, с нынешнего дня на три года вы делаетесь законной супругой Красивой Головы. Вы обязаны его любить, повиноваться ему и оставаться ему верной, таковы законы колонии. Через три года вы имеете право оставить его или продолжать жить с ним, если он на это будет согласен. Подпишите эту бумагу.

Несчастливая женщина, ослепленная слезами, вне себя от отчаяния, подписала бумагу, которую ей подал губернатор, потом бросила горестный взгляд на безмолвную и равнодушную толпу, в которой у нее не было ни одного друга.

— Теперь что я должна делать? — спросила она губернатора тихим и дрожащим голосом.

— Вы должны следовать за этим человеком, который на три года делается вашим мужем,— отвечал кавалер де Фонтенэ с состраданием, которого он не мог преодолеть.

Красивая Голова дотронулся до плеча молодой девушки, все тело которой задрожало и которая смотрела на него с видом отрешенности.

— Да,— сказал он,— ты должна следовать за мной. Тебе сказал господин губернатор, что я теперь твой муж на три года и до окончания этого срока у тебя нет другого господина, кроме меня. Слушай же и запомни хорошенько мои слова: то, что ты делала до сих пор и чем была до сих

пор, меня не касается,— прибавил он мрачным и свирепым голосом, который оледенил ужасом бедную молодую девушку,— но начиная с нынешнего дня и с этой минуты, ты зависишь от меня, от меня одного, я вверяю тебе мою честь, которая становится твоей честью, и если ты ее скомпрометируешь, если ты забудешь свою обязанность,— прибавил он, крепко стукнув своим ружьем, которое издало зловещий звук,— вот что напомним тебе о ней. Теперь ступай за мной.

— Будьте добры с ней, Красивая Голова,— сказал кавалер де Фонтенэ, не будучи в состоянии удержаться,— она так молода.

— Я буду справедлив, господин губернатор. Благодарю за ваше беспристрастие, мне пора идти. Пикар, мой старый приятель, ты знаешь, где меня найти.

— Я непременно являюсь к тебе, но не хочу мешать твоему медовому месяцу,— отвечал Пикар с насмешкой.

Красивая Голова ушел в сопровождении жены. Продажа не представляла ничего интересного. Оставшиеся женщины были присуждены за цену гораздо ниже той, за которую была присуждена Луиза, к великому сожалению агентов компании. Флибустьеры хотели уже уходить, но Монбар вышел на эстраду и обратился к толпе звучным голосом:

— Братья, остановитесь, я должен сообщить вам нечто важное.

Авантюристы оставались неподвижны.

XVII

НАБОР

Все флибустьеры столпились около эстрады, с нетерпением ожидая, что им скажет Монбар.

— Братья,— сказал он через минуту,— я готовлю новую экспедицию, для которой мне нужны триста решительных человек. Кто из вас хочет отправиться в набег с Монбаром Истребителем?

— Все! Все! — закричали флибустьеры с энтузиазмом. Губернатор сделал движение, чтобы уйти.

— Извините, кавалер де Фонтенэ,— сказал Монбар,—

я прошу вас остаться еще несколько минут. Я задумал очень ~~серьезную~~ экспедицию и продиктую договор о разделе ~~добычи~~, который я попрошу вас как губернатора колонии подписать ~~прежде~~ наших товарищей, притом я должен предложить вам условие.

— Я останусь, если вы желаете, Монбар,— отвечал губернатор, опять сядя на свое место,— теперь позвольте спросить, какое условие хотите вы мне предложить?

— Вы владеец двух бригантин, каждая в двадцать тонн?

— Действительно.

— Эти бригантины для вас бесполезны в эту минуту, потому что вы, кажется, отказались от набегов, а мне они будут очень полезны.

— Извольте, эти бригантины с этой же минуты в вашем распоряжении,— любезно отвечал губернатор.

— Благодарю вас за ваше одолжение, но в такой экспедиции никто не может предвидеть, что случится, и я предлагаю купить два корабля за четыре тысячи экю наличными.

— Хорошо, если вы этого желаете, я очень рад сделать вам приятное. Оба корабля принадлежат вам.

— Я буду иметь честь вручить вам четыре тысячи экю через час.

Они поклонились друг другу, потом флибустьер обернулся к авантюристам, которые ждали едва переводя дух от нетерпения. Покупка двух судов еще болес увеличила их любопытство.

— Братья,— сказал он своим звучным и красивым голосом,— вот уже два месяца мы не предпринимали никаких экспедиций, никакие суда не отправлялись в набеги. Разве вам не надоедает праздная жизнь, которую мы ведем? Разве вы не начинаете чувствовать недостаток в деньгах, разве ваш кошелек не начинает пустеть? Товарищи, поезжайте-ка со мною, и через две недели ваши карманы наполнятся испанскими пиастрами, и хорошенькие девушки, теперь к вам суровые, станут расточать вам очаровательные улыбки. Долой испанцев, братья! Пусть те из вас, которые хотят следовать за мною, скажут свои имена Мишелю Бискайцу, моему матросу. Только, так как добыча выгодна, то и опасности велики, я желаю имѣть людей, решившихся победить или храбро умереть, не прося пощады и сами не щадя врага. Я, Монбар Истребитель, не щажу испанцев и не требую пощады от них!

Трепет восторга вызвали эти слова, произнесенные тем тоном, который знаменитый флибустьер умел применять, когда хотел увлечь тех, к кому обращался.

Начался набор. Мишель Бискаец сел у стола, за которым прежде сидел агент компании, и записывал имена флибустьеров, которые толпились около него и которые все хотели участвовать в экспедиции, предвидя, что она будет очень прибыльна.

Но Мишель получил строгие инструкции от своего начальника: убежденный, что в людях у него не будет недостатка и что их всегда найдется больше, нежели нужно, Мишель был разборчив на выбор и безжалостно отказывал флибустьерам, репутация которых — мы не скажем храбрости, все были храбры, как львы — еще не утвердилась. Однако, несмотря на рассчитанную строгость Мишеля Бискайца, триста человек скоро были записаны. Разумеется, это были самые отборные флибустьеры, сделавшие невероятно отважные подвиги, такие люди, с которыми предпринять невозможное и исполнить невозможное было детской игрой.

Первыми записались, как было условлено накануне, члены Общества Двенадцати. Де Фонтенэ, сам бывший флибустьер и не только знавший по репутации, но и видевший на деле всех этих людей, не мог опомниться от удивления и ежеминутно повторял Монбару, который стоял спокойно улыбаясь, возле него:

— Но что же намерены вы делать? Уж не хотите ли вы захватить Испаньолу?

— А может быть, — с насмешкой сказал флибустьер.

— Однако мне кажется, что я имею право на ваше доверие, — сказал губернатор обиженным тоном.

— На самое полное доверие, только вам известно, что первое условие успеха подобной экспедиции — тайна.

— Это правда.

— Я ничего не могу вам сказать, но не мешаю вам угадывать.

— Угадывать? Но как?

— Может быть, договор о разделе добычи объяснит вам кое-что?

— Ну, составьте же этот договор.

— Потерпите еще немножко; но вот Мишель идет ко мне. Кончен наш набор?

— Еще бы! У меня записались триста пятьдесят человек.

— Черт побери, это много!

— Никак нельзя было не взять. Все хотят идти с Монбаром. Невозможно удержать.

— Ну, нечего делать,— улыбаясь сказал Монбар,— дай мне твой список.

Мишель подал. Флибустьер осмотрелся вокруг и приметил агента компании, которого удержало любопытство и который остался, чтобы присутствовать при наборе.

— Милостивый государь,— вежливо сказал ему Монбар,— вы, кажется, агент компании?

— Да,— отвечал агент, поклонившись,— я имею эту честь.

— Если так, позвольте мне попросить вас оказать мне услугу.

— Говорите, я буду очень рад сделать вам приятное.

— Милостивый государь, мы с моими товарищами люди не ученые, мы лучше умеем работать топором, чем пером. Не будете ли вы так любезны, чтобы на несколько минут стать моим секретарем и написать договор о разделе добычи, который я продиктую вам и который мои товарищи потом подпишут.

— Очень рад, что вы удостоиваете меня вашим доверием,— отвечал агент, поклонившись.

Он сел за стол, взял бумагу, приготовил перо и ждал.

— Молчите, господа,— сказал кавалер де Фонтенэ, который разменялся шепотом несколькими словами с Монбаром.

Отдельные разговоры тотчас прекратились, и немедленно водворилось глубокое молчание. Де Фонтенэ продолжал:

— Экспедиция флибустьеров, состоящая из трех кораблей, двух бригантин и одного люгера, выйдет с острова св. Христофора под командой Монбара, которого я назначаю именем его величества короля Людовика XIV адмиралом флота. Эта экспедиция, цель которой остается секретной, состоит из трехсот пятидесяти человек отборных флибустьеров. Командирами кораблей назначаются три капитана: Мишель Бискаец, Уильям Дрэк и Жан Давид. Они обязаны следовать во всем приказаниям, которые получают от адмирала. Каждый капитан сам назначит офицеров своего экипажа. Теперь, адмирал,— обратился губернатор к Монбару,— продиктуйте договор.

Флибустьер поклонился и, обратившись к агенту компании, который ждал, подняв голову и перо, спросил:

— Готовы вы?

— Я жду ваших приказаний.

— Пишите, я диктую.

Никогда экспедиция не выходила из гавани, не составив заранее договор о разделе добычи. Этот договор, где права каждого строго охраняются, служит законом этим людям, которые, хотя с ними трудно было справиться на суше, без ропота покорялись самым строгим требованиям флотской дисциплины. Как только они вступали ногой на корабль, вчерашний капитан, сделавшийся сегодня матросом, без ропота покорялся этой случайной подчиненности, продолжавшейся только во время компании и кончавшейся по возвращении, когда каждый член экспедиции становился наравне со всеми.

Мы буквально приводим странный договор о разделе добычи, потому что по этому подлинному акту читатель легче поймет важность и силу этой ассоциации. Монбар продиктовал что следует спокойным голосом, среди благоговейного молчания присутствующих, которое прерывали только изредка криками одобрения:

«Договор адмирала Монбара, капитанов Мишеля Бискайца, Уильяма Дрэка, Жана Давида с Береговыми Братьями, подчинившимися им с свободного согласия.

Адмирал будет иметь право, кроме своей доли, на одного человека из сотни.

Каждый капитан получит двенадцать долей.

Каждый брат четыре доли.

Эти доли будут считаться после того, как доля короля будет взята из всех других долей.

Хирурги, кроме своей доли, получают по двести пиастров в награду за свои лекарства.

Плотники, кроме своей доли, будут иметь право на вознаграждение за свой труд, каждый на сто пиастров.

Всякое неповиновение будет наказано смертью, несмотря на имя и звание того, кто окажется виновным.

Братья, отличившиеся во время экспедиции, будут награждены следующим образом:

тот, кто опрокинет неприятельский флаг с крепости и воткнет флаг французский, будет иметь право, кроме своей доли, на пятьдесят пиастров;

тот, кто возьмет в плен неприятеля, кроме своей доли, получит по сто пиастров за каждого;

гренадеры за каждую гранату, брошенную в крепость, получают по пяти пиастров;

кто захватит в сражении неприятельского офицера, будет вознагражден, если он рисковал своей жизнью, самым адмиралом.

Сверх того, даются премии, кроме доли, раненым и изувеченным:

за потерю обеих ног полторы тысячи экю или пятнадцать невольников, по выбору изувеченного, если невольников окажется довольно;

за потерю обеих рук тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать невольников, по выбору;

за одну ногу без различия, правую или левую, пятьсот пиастров или шесть невольников;

за потерю одного глаза пять пиастров или одного невольника;

за одну руку без различия, правую или левую, пятьсот пиастров или шесть невольников;

за оба глаза две тысячи пиастров или двадцать невольников;

за один палец сто пиастров или одного невольника;

если кто-нибудь будет опасно ранен в тело, тот получит пятьсот пиастров или пять невольников.

Разумеется, все эти награды будут вычтены из всей добычи прежде раздела долей.

Всякий неприятельский корабль, взятый в море или на стоянке, будет разделен между всеми членами экспедиции, если только он не будет оценен более двухсот тысяч экю, в этом случае тысяча экю будет вычтена и дана экипажу корабля, который первый подошел к нему. Экспедиция поднимет французский флаг, кроме того адмирал поднимет на большой мачте трехцветный флаг — синий, белый и красный.

Никакой офицер или моряк, участвующий в экспедиции, не может оставаться на берегу без разрешения адмирала, под угрозой быть объявленным беглецом и преследоваться за бегство.

Когда этот последний параграф, который так же, как и предшествующие, выслушали в глубоком молчании, был записан агентом компании, Монбар взял договор и прочел его весь громким, внятным и звучным голосом.

— Согласны вы на этот договор, братья? — спросил он флибустьеров.

— Да! Да! — закричали они, махая шапками, — Да здравствует Монбар! Да здравствует Монбар!

— И вы клянетесь, как мои офицеры и я, повиноваться без ропота и строго исполнить все пункты этого договора?

— Клянемся! — сказали они опять.

— Хорошо, — продолжал Монбар, — завтра на восхо-

де солнца корабли отправятся. Все должны быть на кораблях до десяти часов утра.

— Будем.

— Теперь, братья, позвольте мне напомнить вам, что каждый из вас должен быть вооружен ружьем и саблей, иметь мешок с пулями и, по крайней мере, три фунта пороха. Повторяю вам, что экспедиция, предпринимаемая нами, очень важна, для того, чтобы вы не забыли выбрать своих матросов, чтобы они помогали вам в случае болезни или ран и завещали в духовной ваши доли на добычу, которые без этой предосторожности достанутся королю. Поняли вы меня, братья? Воспользуйтесь как хотите несколькими часами свободы, которые еще остаются у вас, но не забудьте, что завтра на рассвете я жду вас на корабле.

Флибустьеры отвечали криками и вышли из-под навеса, где остался только губернатор. Монбар, его капитан и новый работник Олонсц, которого Монбар купил несколько часов тому назад и который вместо того, чтобы печалиться, казался напротив очень доволен тем, что происходило около него.

— Мне нечего более отдавать вам приказания, господа,— сказал Монбар,— вы знаете так же хорошо, как и я, что вы должны делать. Киньте между собой жребий, потом отправляйтесь на корабль, осмотрите все и приготовьтесь сняться с якоря по первому сигналу. Вот единственное приказание, которое я должен вам отдать... Ступайте.

Три капитана поклонились и тотчас ушли.

— Ах! — сказал тоном сожаления кавалер де Фонтенэ,— любезный Монбар, я никогда не вижу приготовлений к экспедиции без печали и почти без зависти.

— Вы сожалеете о жизни авантюристов?

— Я понимаю это чувство, хотя каждая экспедиция увеличивает ваше богатство.

— Что мне до этого? Не думайте, чтобы я рассчитывал из скупости. Мои мысли гораздо возвышеннее, впрочем, теперь не время разговаривать об этом с вами. Отправляйтесь и, если вы будете иметь успех, я в этом не сомневаюсь, мы может быть встретимся с вами и тогда вдвоем предпримем экспедицию, о которой долго будут говорить.

— Я очень рад,— отвечал флибустьер,— иметь вас товарищем. Ваше блистательное мужество и ваши необыкновенные заслуги ручаются мне за успех. Я буду иметь честь быть наготове исполнить ваше приказание, если Бо-

гу будет угодно, чтобы я и на этот раз имел счастье вернуться здоровым и невредимым из предпринимаемой мною экспедиции.

— Счастливого успеха и до свидания!

— Благодарю вас.

Они пожали друг другу руки и так как, разговаривая, вышли из сарая, то после последнего поклона разошлись в разные стороны. Флибустьер со своим работником пошел к своему дому. В ту минуту, как он выходил из города, к нему подошел и поклонился какой-то человек.

— Чего вы хотите от меня? — спросил авантюрист, бросив проницательный взгляд.

— Сказать вам одно слово.

— Какое?

— Вы капитан Монбар?

— Вы должно быть не здешний, если спрашиваете меня об этом.

— Это все равно, отвечайте.

— Я капитан Монбар.

— Так вот это письмо вам.

— Письмо ко мне? — спросил он с удивлением.

— Вот оно, — сказал незнакомец, подавая Монбару письмо.

— Дайте.

— Теперь данное мне поручение исполнено. Прощайте.

— Теперь моя очередь сказать вам одно слово.

— Говорите.

— От кого это письмо?

— Я не знаю, но, прочтя это письмо, вы вероятно узнаете.

— Это правда.

— Стало быть, я могу уйти?

— Никто вам не мешает.

Незнакомец поклонился и ушел. Монбар распечатал письмо, быстро пробежал его глазами и побледнел, потом прочел опять, но на этот раз медленно и как бы желая взвесить все выражения. Через минуту он как будто решился и, обернувшись к своему работнику, стоявшему неподвижно в нескольких шагах, сказал:

— Подойди. Ты матрос?

— Матрос и, я думаю, искусный.

— Хорошо, ступай за мной.

Флибустьер поспешно вернулся в город и направился к морю. Он как будто что-то искал, через минуту его мрач-

ное лицо прояснилось. Он заметил тонкую и легкую пирогу, выброшенную на берег.

— Помоги мне столкнуть эту пирогу в море,— сказал он работнику.

Тот повиновался. Как только пирога была на воде, Монбар прыгнул в нее в сопровождении своего работника и, схватив весла, они удалились от берега.

— Поставь мачту, чтобы мы могли распустить парус, как только выйдем в открытое море,— сказал Монбар.

Олонец, ничего не отвечая, сделал, что ему было приказано. В одно мгновение парус был распущен и легкая пирога полетела по волнам.

Долго ехали они, не обменявшись ни одним словом, и, оставив далеко за собою корабли, вышли из рейда.

— Ты говоришь по-испански? — вдруг спросил Монбар работника.

— Как уроженец Старой Кастильи,— отвечал тот.

— А-а! — сказал Монбар.

— Это легко понять,— продолжал Олонец,— я ездил с байонцами и бискайцами на ловлю китов и несколько лет занимался контрабандой на испанском берегу.

— Ты любишь испанцев?

— Нет,— отвечал Олонец, нахмутив брови.

— Ты имеешь верно причину на это?

— Имею.

— Хочешь мне сказать?

— Почему и не сказать?

— Говори.

— У меня было свое судно, на котором я занимался контрабандой. Я трудился шесть лет, чтобы скопить сумму, необходимую на покупку этого судна. В один день, когда я старался перевезти запрещенный товар, меня захватил испанский таможенный люгер. Судно мое пошло ко дну, брат мой был убит, я сам опасно ранен и попался в руки испанцев. Вместо того, чтобы перевязать мои раны, они отколотили меня палками и оставили полумертвого на месте. Думая, что они меня убили, без сомнения, они бросили меня, не занимаясь более мною. Мне пришлось перенести неопишуемые мучения, голод, холод, усталость и тому подобное, что было бы слишком долго перечислять. Смелостью и хитростью я пробрался, наконец, за границу и отдохнул на французской земле. Я был свободен, но

мой брат умер, я разорился, а мой старый отец чуть не умер с голода по милости испанцев. Вот моя история. Она коротка, как вам кажется?

— Печальна, мой милый. Стало быть, тебя привела к нам столько же ненависть, сколько и желание разбогатеть?

— В особенности ненависть.

— Хорошо! Возьми руль и сядь на мое место, пока я обдумаю кое-что. Мы едем в Ниев. Держи к тому мысу, выдающемуся к юго-востоку.

Олонец взял руль, Монбар закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, опустил голову на грудь и остался неподвижен, как статуя. Пирога все плыла, гонимая ветром.

XVIII

НИЕВ

Ниев отделен от острова Св. Христофора каналом только в полмили шириной. Этот очаровательный островок, плодородие которого замечательно, есть, по всей вероятности, произведение вулканического взрыва. Это доказывается кратером, содержащим источник горячей воды, очень пропитанной серой. Издали он представляет вид обширного конуса. В действительности весь остров не более как очень высокая гора, подножие которой орошается волнами. Бока этой горы, сначала отлогие, становятся мало-помалу крутыми, а вершина, покрытая снегом, теряется в облаках.

Во время высадки испанцев на остров Св. Христофора многие флибустьеры искали приюта на этом острове. Некоторые, прельщенные романтическим положением, окончательно поселились там и начали разводить плантации, немногочисленные и слишком отдаленные одна от другой, для того, чтобы обитатели могли помогать друг другу в случае нападения неприятеля. Но эти плантации преуспевали и скоро сделались довольно важными.

Хотя легкая пирога флибустьера шла попутным ветром, однако, он довольно долго добирался до острова, потому что ему необходимо было войти в пролив и про-

плыть его во всю длину, прежде чем он мог достигнуть того места, куда он ехал.

Солнце начинало садиться, когда, наконец, пирога въехала в небольшую песчаную бухту и остановилась.

— Прикрепи лодку к берегу, спрячь весла в траве, — сказал Монбар, — и ступай за мной.

Олонец повиновался с той точностью и понятливостью, которая отличала его во всем.

— Взять мне ружье? — спросил он своего господина.

— Возьми, это не повредит, — отвечал Монбар, — флибустьер никогда не должен ходить без оружия.

— Хорошо, буду помнить.

Они прошли по тропинке едва заметной, которая от берега шла покато и заканчивалась узкой эспланадой, посреди которой была раскинута легкая палатка недалеко от скалы. У входа в эту палатку сидел человек, читавший службник. На человеке этом был строгий костюм францисканцев, он был пожилых лет, бледен, худощав, со строгими отшельническими чертами, с умным лицом и с выражением кротости на лице. При шуме тяжелых шагов авантюристов он быстро поднял голову и печальная улыбка мелькнула на его губах. Поспешно закрыв книгу, он встал и сделал несколько шагов навстречу пришедшим.

— Господь да будет с вами, братья мои! — сказал он по-испански, — если вы пришли с чистыми намерениями, если нет, да внушит Он вам чистые мысли.

— Отец мой, — сказал флибустьер, отвечая на его поклон, — я тот, кого флибустьеры на острове Св. Христофора называют Монбаром. Намерения мои чисты, приехав сюда, я исполнил ваше желание видеть меня, если вы действительно Фрэй-Арсенио Мендоца, тот, кто несколько часов тому назад прислал мне письмо.

— Я, действительно тот, кто вам писал, брат мой, меня зовут Фрэй-Арсенио Мендоца.

— Если так, говорите, я готов выслушать вас.

— Брат мой, — отвечал монах, — то, что я хочу вам сообщить, чрезвычайно важно и касается только вас. Может быть, лучше было бы выслушать это вам одному.

— Я не знаю, какие важные вещи вы хотите мне сообщить, отец мой, во всяком случае знайте, что этот человек мой работник и обязан быть глухим и немым, когда я ему прикажу.

— Хорошо, я буду говорить при нем, если вы этого хотите, но, повторяю, нам лучше остаться одним.

— Пусть будет по-вашему. Удались отсюда, но стань

так, чтобы я мог тебя видеть,— обратился Монбар к работнику.

Олонец отошел на сто шагов и оперся на свое ружье.

— Неужели вы опасаетесь какой-нибудь измены от такого бедного монаха как я? — сказал францисканец с печальной улыбкой,— это значило бы предполагать во мне намерения очень далекие от моих мыслей.

— Я ничего не предполагаю, отец мой. Только я имею привычку,— отвечал флибустьер грубым голосом,— всегда остерегаться, когда нахожусь лицом к лицу с человеком вашей нации, духовным или светским.

— Да, да,— сказал монах печальным голосом,— вы выказываете неумолимую ненависть к моей несчастной родине, поэтому вас и называют Истребителем.

— Какие бы чувства я ни испытывал к вашим соотечественникам, какое бы имя ни дали они мне, я полагаю, вы не для того пригласили меня сюда, чтобы рассуждать со мною об этом.

— Действительно, не по этой причине, вы правы, сын мой, хотя, может быть, я и об этом мог бы сказать вам многое.

— Я замечу вам, отец мой, что время уходит, я не могу оставаться здесь долго и, если вы не поспешите объяснить, я к величайшему моему сожалению вынужден буду уехать.

— Вы будете сожалеть об этом всю жизнь, брат мой, будь она даже так продолжительна, как жизнь патриарха.

— Может быть, хотя я очень в этом сомневаюсь. Я могу только получить неприятные известия из Испании.

— Это возможно. Во всяком случае вот что я хочу вам сообщить...

— Я вас слушаю.

— Как вам показывает моя одежда, я монах францисканского ордена.

— По крайней мере по наружности,— сказал флибустьер с иронической улыбкой.

— Вы сомневаетесь в этом?

— Почему же мне не сомневаться? Разве вы первый испанец, который не побоялся осквернить святую одежду для того, чтобы удобнее подсматривать за нами.

— К несчастью, ваши слова справедливы, это случилось слишком часто, но я действительно монах.

— Я вам верю, пока не получу доказательств в противном. Продолжайте.

— Я духовник многих знатных дам на острове Испаньола. Между ними одна молодая и прекрасная дама,

недавно приехавшая на острова со своим мужем, по-видимому, погружена в глубокую печаль.

— А чем же я могу помочь, отец мой, позвольте вас спросить?

— Я не знаю, только вот что произошло между этой дамой и мною... Дама эта, как я вам уже говорил, молода и прекрасна, благотворительность и доброта которой неисчерпаемы, проводит большую часть времени в своей молельной на коленях перед образом Божьей Матери и молится со слезами и рыданиями. Невольно заинтересованный этой истинной и глубокой скорбью, я несколько раз, пользуясь правом, которое дает мне мое звание, старался проникнуть в это растерзанное сердце и возбудить в моей духовной дочери доверие, которое позволило бы мне дать ей утешение.

— И вам, конечно, это не удалось, отец мой?

— Нет, не удалось.

— Позвольте мне повторить вам, что до сих пор я не вижу в этой истории, очень печальной, но похожей на историю многих женщин, ничего интересного для меня.

— Подождите, брат мой.

— Продолжайте.

— В один из дней эта дама показалась мне печальнее обыкновенного. Я удвоил усилия, чтобы уговорить ее открыть мне свое сердце. Побежденная, без сомнения, моими просьбами, она сказала мне эти слова, которые я передаю вам буквально: «Отец мой, я несчастное существо, низкое и гнусное, страшное проклятие тяготеет надо мною. Один человек имеет право знать тайну, которую я напрасно стараюсь подавить в моем сердце. От этого человека зависит мое спасение, он может осудить меня или простить, но каков бы ни был приговор, который он произнесет, я без ропота покорюсь его воле и буду считать себя счастливою, если искуплю этой ценой преступление, в котором я была виновата».

Пока монах произносил эти слова, лицо флибустьера, и без того бледное, помертвело, судорожный трепет пробежал по его членам и, несмотря на его усилия казаться спокойным, он был вынужден прислониться к одному из кольев палатки, чтобы не упасть.

— Продолжайте,— сказал он хриплым голосом,— и эта женщина назвала вам этого человека?

— Назвала, брат мой. «Увы! — сказала она мне,— к несчастью человека, от которого зависит моя участь, самый непримиримый враг моего народа. Это один из главных начальников тех свирепых флибустьеров, которые по-

клялись вести против Испании беспощадную войну. Я с ним не встречусь никогда, разве в каком-нибудь сражении или в разграбленном городе, сожженном по его приказанию, словом, человек, о котором я вам говорю, никто иной как страшный Монбар Истребитель.»

— А! — прошептал флибустьер прерывающимся голосом и крепко прижимая руки к груди. — Она сказала это?

— Да, брат мой, она произнесла эти самые слова.

— И тогда?..

— Тогда, брат мой, я, бедный монах, обещал ей отыскать вас где бы вы ни были и повторить вам ее слова. Я должен был опасаться только смерти, стараясь увидаться с вами, а я давно уже принес Богу в жертву мою жизнь.

— Вы поступили как человек с сердцем, монах, и я благодарю вас за ваше доверие ко мне. Вы ничего более не хотите прибавить?

— Хочу, брат мой. Когда эта дама увидала, что я решился пренебречь всеми опасностями, чтобы отыскать вас, она прибавила: «Ступайте, отец мой, видимо, Бог сжалился надо мной и вдохновил вас в эту минуту. Если вы успеете добраться до Монбара, скажите ему, что я должна верить ему тайну, от которой зависит счастье его жизни, но пусть он поторопится, если захочет узнать. Я чувствую, что дни мои сочтены и что я скоро умру».

Наступило минутное молчание. Монбар с волнением ходил взад и вперед с потупленной головой, иногда останавливаясь и с гневом продолжая ходить, бормоча вполголоса бессвязные слова. Вдруг он остановился перед монахом и посмотрел ему в лицо.

— Вы сказали мне не все? — спросил он.

— Извините меня, брат мой, все от слова до слова.

— Однако есть одна важная подробность, которую вы, вероятно, забыли, потому что умолчали о ней.

— Я не понимаю, на что вы намекаете, брат мой, — отвечал монах.

— Вы забыли сказать мне имя и звание этой женщины, отец мой.

— Правда, но это не забывчивость с моей стороны. Действуя таким образом, я сообразовался с отданными мне приказаниями. Эта дама умоляла меня не говорить вам о ее имени и звании, она сама хочет открыть вам и то и другое. Я поклялся ей молчать об этом.

— А-а! — сказал флибустьер с гневом тем более ужасным, что он был сосредоточен, — вы дали клятву?

— Да, брат мой, и сдержу ее во что бы то ни стало,— с твердостью отвечал монах.

Флибустьер засмеялся нервным хохотом.

— Вам, вероятно, неизвестно,— сказал он,— что мы негодяи, как нас называют ваши соотечественники, знаем удивительные секреты, чтобы развязать самый непокорный язык, а вы находитесь в моей власти!

— Я нахожусь в руках Бога, брат мой. Попробуйте, я бедный, беззащитный человек, я не могу сопротивляться вам, пытайте же меня, если хотите, но знайте, что я умру, не изменив моей клятве.

Монбар устремил сверкающий взгляд на монаха, который оставался так спокоен перед ним, потом через минуту с гневом ударив себя по лбу, вскричал:

— Я с ума сошел! Что мне за нужда до этого имени, разве я его не знаю? Послушайте, отец мой, простите мне то, что я сказал. Гнев ослепил меня. Свободным вы пришли на этот остров, свободным и выйдете отсюда, я клянусь вам в этом и так же, как вы, я не имею привычки нарушать данные мною клятвы, каковы бы они ни были.

— Я знаю это, брат мой, мне не в чем вас упрекнуть, я вижу, что горе помрачило ваш рассудок, и сожалею, потому что предчувствую, что Господь выбрал меня для того, чтобы сообщить вам о несчастье.

— Да, вы говорите правду. Я не искал этой женщины, я старался ее забыть, она сама встречается со мною. Хорошо, Господь рассудит нас. Она требует, чтобы я увиделся с нею, хорошо! Я пойду к ней. Но пусть она обвиняет себя одну в ужасных последствиях нашего свидания. Однако, я соглашаюсь оставить ей еще путь к спасению. Когда вы вернетесь к ней, уговорите ее не стараться более видаться со мною. Вы видите, что у меня есть еще к ней в глубине сердца остаток сострадания, несмотря на то, что она заставила меня выстрадать. Но если несмотря на ваши просьбы она будет настойчиво желать встретиться со мною, тогда да будет ее воля, я отправлюсь на свидание, которое она назначит мне.

— Мне сегодня же поручено назначить вам это свидание, брат мой.

— А! — недоверчиво сказал флибустьер,— она ничего не забыла. Где же назначено это свидание?

— Вы знаете, что эта дама не может, если бы и желала, оставить остров.

— Стало быть, мы увидимся в Испаньоле?

— Да, брат мой.

— Какое же место выбрала она?

— Большую степь, отделяющую Мирбалэ от Сен-Хуан де Гоава.

— Это место прекрасно выбрано для засады, — с насмешкой сказал флибустьер. — Насколько мне известно, оно находится на испанской земле.

— Оно составляет границу этой земли, брат мой, но я могу постараться уговорить эту даму выбрать другое место, если вы боитесь за вашу безопасность.

Монбар пожал плечами с презрительным смехом.

— Стану ли я бояться, — сказал он, — полноте, монах, вы сошли с ума! Какое мне дело до испанцев! Если бы их сидело в засаде пятьсот, я и то сумел бы от них освободиться. Стало быть, решено, что если эта дама станет упорствовать в своем желании объясниться со мной, я отправлюсь в степь, расстилающуюся между Мирбалэ и Сан-Хуан-де Гоава у слияния Большой реки и Артибонита.

— Я исполню ваше желание, брат мой, но если эта дама потребует, несмотря на мои просьбы и увещевания, чтобы свидание произошло, как я вас уведомя?

— Если для вас было возможно приехать сюда, тем более вы можете, не навлекая подозрений, пробраться во французскую часть Сан-Доминго.

— По крайней мере постараюсь, брат мой, если это решительно необходимо.

— Разведите большой огонь на берегу около Марго, я буду знать, что это значит.

— Я буду повиноваться вам, брат мой, но когда же я должен развести этот огонь?

— Сколько времени вы пробудете здесь?

— Я намерен уехать тотчас после нашего свидания.

— Стало быть, сегодня же?

— Да, брат мой.

— Значит, в окрестностях есть испанское судно?

— Вероятно, брат мой, но если вы найдете его и захватите, как же я доберусь до Испаньолы?

— Правда. Эта причина спасает испанцев. По зрелому размышлению, я хочу дать вам совет.

— Каков бы он ни был, брат мой, от вас я с удовольствием приму его.

— Уезжайте сейчас, завтра для вас это место будет опасным. Я не ручаюсь за вашу безопасность и безопасность вашего корабля. Вы понимаете?

— Понимаю, брат мой. А сигнал?

— Сигнал зажгите через две недели, я постараюсь к тому времени добраться до Сан-Доминго.

— Хорошо, брат мой.

— А теперь, монах, прощайте, или, лучше сказать, до свидания, потому что мы, вероятно, скоро увидимся.

— Вероятно, брат мой. До свидания и да будет с вами милосердный Господь!

— Да будет! — с ироническим смехом сказал флибустьер. Он сделал последний прощальный знак рукою, набросил ружье на плечо и удалился. Через несколько минут он остановился и поспешно вернулся назад. Францисканец оставался неподвижен.

— Последнее слово, отец мой, — сказал он.

— Говорите, брат мой, я вас слушаю, — отвечал он.

— Послушайте меня, употребите все ваше влияние на эту даму, чтобы уговорить ее отказаться от этого свидания, последствия которого могут быть ужасны.

— Я употреблю все мои силы, брат мой, — отвечал монах, — я буду молить Бога, чтобы он позволил мне уговорить мою духовную дочь.

— Да, — продолжал Монбар мрачным голосом, — может быть, лучше для нее и для меня, чтобы мы не виделись никогда.

Повернувшись спиной к монаху, флибустьер большими шагами отправился по тропинке, где скоро исчез.

Когда Фрэй-Арсенио удостоверился на этот раз, что авантюрист ушел, он тихо приподнял полотно и вошел в палатку. Там на голой земле стояла на коленях женщина, закрыв голову обеими руками и молясь с заглушаемыми рыданиями.

— В точности ли исполнил я полученные от вас приказания, дочь моя? — сказал монах.

Женщина приподнялась, обратив к нему свое прекрасное лицо, орошенное слезами, и прошептала тихим и дрожащим голосом:

— Да, отец мой, — да благословит вас Бог за то, что вы не оставили меня в моем горе.

— Это тот самый человек, с которым вы желали говорить?

— Он самый, отец мой.

— И вы непременно желаете увидеться с ним?

Она колебалась с минуту, трепет пробежал по всему ее телу, и голосом, едва внятным, она прошептала:

— Это необходимо, отец мой.

— Надеюсь, что вы подумаете до тех пор, — продолжал монах.

— Нет, нет,— сказала она, печально качая головой,— если бы даже этот человек вонзил мне кинжал в сердце, я должна с ним объясниться.

— Да будет ваша воля! — сказал он.

В эту минуту послышался легкий шум. Монах вышел, но тотчас вернулся.

— Приготовьтесь,— сказал он,— за нами пришли с корабля. Вспомните последний совет, который дал вам этот разбойник. Поедем как можно скорее.

Ничего не отвечая, дама встала, закуталась в мантилью и вышла. Через час она оставила остров Ниев в сопровождении Фрэй-Арсенио Мендоцы.

Монбар давно уже доехал до острова Св. Христофора.

ХІХ

ЭКСПЕДИЦИЯ

Во все время переезда с острова Ниева до острова Св. Христофора Монбар находился в сильном волнении. Разговор с монахом пробудил в его сердце глубокую печаль, смягченную, но не излеченную временем, и которая после первых слов облилась кровью, как в первый день.

Каким образом эта женщина, которую он не хотел называть, присутствия которой в Америке он не знал, от которой он бежал, скрывшись между флибустьерами, успела в такое короткое время не только узнать о его присутствии на островах, но даже отыскала его? С какой целью отыскивала она его? Для чего она так сильно желала его видеть?

Все эти вопросы, которые Монбар задавал себе один за другим, конечно, оставались без ответа и поэтому увеличивали беспокойство флибустьера. Несколько минут он думал засечь в засаду в проливе между островами Ниевом и Св. Эвстафием, двумя островами, между которыми находился остров Св. Христофора, напасть на испанский корабль, захватить его и добиться с помощью пытки сведений, которые монах отказался ему сообщить. Но он почти тотчас отказался от этого плана, он дал честное слово и ни за что на свете не изменил бы ему. Между тем наступила

ночь, пирога все двигалась. Монбар направил ее на свой люгер, и, когда легкая лодочка подъехала к нему, флибустьер закричал громким голосом:

— Эй!

Тотчас человек, черный силуэт которого обрисовывался на темной синеве горизонта, наклонился вперед.

— Это ты, Тихий Ветерок? — спросил Монбар.

— Это я, — отвечал тот.

— Мишель на люгере?

— Да, адмирал.

— А! Ты меня узнал?

— Еще бы не узнать! — отвечал бретонец.

— Вы караулите моего пленника, неправда ли?

— Будьте спокойны, я ручаюсь за него.

— Только не делайте ему бесполезных притеснений.

— Хорошо, адмирал, мы будем ласковы.

— Прыгун на люгере?

— Я здесь, — тотчас отвечал второй голос.

— А-а! — с удовольствием сказал флибустьер, — тем лучше. Ты мне нужен, съезжай на берег.

— Нужно скоро?

— Очень скоро.

— Подождите.

Прежде чем флибустьер угадал намерение караиба, послышался шум падающего в воду тела, и минуты через три индеец ухватился обеими руками за край пироги.

— Я здесь, — сказал он.

Монбар не мог не улыбнуться, видя, с какой быстротой дикарь повинуетя его приказаниям. Он протянул ему руку и помог сесть в лодку.

— Для чего ты так торопишься? — сказал ему Монбар тоном дружеского упрека.

Индеец отряхнулся как мокрый пудель.

— Ба! — отвечал он, — вот я и готов.

— У вас индеец? — спросил Тихий Ветерок.

— Да. Теперь, прощайте, до завтра.

— До завтра.

— Отчаливай, — сказал флибустьер своему работнику.

Тот наклонился над веслами, и пирога продолжала путь. Через десять минут она вошла в то самое место, где Монбар захватил ее, отправляясь в Ниев. Три человека вышли на берег, толкнули пирогу в море и пошли к дому Монбара.

Они прошли город среди толпы флибустьеров, праздновавших пением, криками и возлияниями последние часы

свободы. Путь совершился в безмолвии. Когда эти три человека дошли до дома Монбара, флибустьер зажег резиновую свечу и осмотрел дом с большим вниманием, чтобы удостовериться, нет ли там посторонних, потом вернулся к своим спутникам, которые ждали его на эспланаде.

— Войдите,— сказал он.

Они вошли. Монбар сел на стул и, обратившись к караибу, сказал:

— Мне нужно поговорить с тобою, Прыгун.

— Хорошо,— сказал индеец,— стало быть, я нужен вам.

— Разве ты был бы этим доволен?

— Да, я был бы этим доволен.

— По какой причине?

— Потому что я нашел белого — доброго и великодушного, и хочу доказать вам, что не все караибы свирепы и неукротимы, они умеют быть признательными.

— Я обещал тебе, неправда ли, позволить вернуться к твоим?

— Да, вы мне это обещали.

— К несчастью, так как я назначен начальником важной экспедиции, которая, вероятно, будет продолжительна, мне невозможно теперь отправить тебя в Гаити.

Лоб индийца помрачился при этих словах.

— Не огорчайся и выслушай меня внимательно,— продолжал флибустьер, заметивший перемену в лице индийца.

— Я слушаю вас.

— Ты можешь сделать то, чего не могу сделать я, если я дам тебе такую возможность.

— Я не совсем понимаю то, что хочет сделать бледнолицый начальник. Я бедный индеец со слабым понятием. Мне нужно объяснить, чтобы я понял. Правда, когда я пойму, то не забываю.

— Ты караиб, стало быть, ты умеешь управлять пирогой?

— Умею,— отвечал индеец с гордой улыбкой.

— Если я дам тебе пирогу, как ты думаешь, дойдешь ты до Гаити?

— Большая земля очень далеко, сказал караиб печальным голосом,— путь очень далек для одного человека, как он ни храбр!

— Согласен, но если я положу в пирогу не только провизию, но и сабли, топоры, кинжалы и четыре ружья с порохом и пулями?

— Бледнолицый начальник сделает это? — вскричал

караиб с недоверчивым видом.— Когда Прыгун будет вооружен таким образом, кто может ему сопротивляться?

— А если я сделаю еще больше? — продолжал флибустьер с улыбкой.

— Начальник шутит, он очень весел. Он говорит себе: индейцы легковерны, я хочу посмеяться над Прыгуном.

— Я не шучу. Я, напротив, говорю очень серьезно. Я дам тебе все, о чем я упомянул, и для того, чтобы ты безопасно добрался к своим, я дам тебе товарища, человека храброго, который будет твоим братом и станет защищать тебя.

— Кто же этот товарищ?

— Вот он,— сказал Монбар, указав на своего работника, который стоял спокойно и неподвижно перед ним.

— Стало быть, я не пойду с тобой в экспедицию, Монбар? — сказал флибустьер печальным голосом и тоном упрека.

— Успокойся,— сказал Монбар, тихо ударив его по плечу.— Я даю тебе поручение гораздо опаснее предпринимаемой мною экспедиции. Мне был нужен преданный человек, другой я, и я выбрал тебя.

— Ты хорошо сделал в таком случае. Я тебе докажу, что ты не ошибся во мне.

— Я уже в этом убежден. Согласен ты взять с собою этого товарища, Прыгун? Он поможет тебе проехать мимо флибустьеров, которых ты встретишь на дороге, не подвергаясь их оскорблениям и нападениям.

— Хорошо, бледнолицый начальник действительно любит Прыгуна. Что же будет делать индеец, когда он приедет к своим?

— Братья Прыгуна, кажется, приютились в окрестностях Атрибонита?

— Да, в больших ежовковых степях, которые французы называют Мирбалэ.

— Хорошо. Прыгун отправится к своим, скажет им, каким образом флибустьеры обращаются с караибами. Он представит им своего товарища и будет ждать.

— Я буду ждать! Бледнолицый начальник приедет в Гаити?

— Вероятно,— сказал Монбар с улыбкой неопределенного выражения,— и доказательством служит то, что мой работник останется у твоего народа до моего прибытия.

— Хорошо, я буду ждать прибытия белого начальника. Но когда же я уеду?

— Нынешней ночью. Ступай на берег, сходи от моего имени к хозяину пироги, в которой мы приехали. Вот тебе

деньги,— он дал ему несколько пиастров,— скажи ему, что я покупаю эту лодку. Достань также провизии и жди твоего спутника, которому я должен сказать еще несколько слов. Он скоро придет к тебе.

— Иду, благодарность в моем сердце, а не на губах. В тот день, когда ты потребуешь от меня жизни, я отдаю ее тебе, потому что она принадлежит тебе и всем, кто меня любит. Прощай!

Он сделал движение, чтобы уйти.

— Куда ты идешь? — спросил Монбар.

— Ведь ты позволил мне уйти?

— Да, но ты забыл взять...

— Что такое?

— Обещанное тебе оружие. Возьми ружье для себя и еще четыре ружья, с которыми распорядись, как знаешь, шесть сабель, шесть кинжалов, шесть топоров. Когда ты выйдешь из гавани, проезжая мимо люгера, ты спросишь от моего имени два бочонка пороху и два бочонка пуль у Мишеля Бискайца. Он даст тебе их. Теперь ступай и благополучного пути!

Караиб, побежденный этой простотой и исполненной величия щедростью, стал на колени перед авантюристом и, схватив его ноги, поставил их себе на голову, вскричав голосом, глубоко взволнованным:

— Провозглашаю тебя лучшим из людей! Я и мой народ будем отныне преданными тебе невольниками.

Он приподнялся, положил на плечо оружие, которое подал ему работник, и вышел. Несколько минут слышались его шаги по тропинке, но шум, все ослабевавший, скоро прекратился, и все смолкло.

— Теперь мы остались вдвоем, Олонец! — обратился тогда Монбар к своему работнику.

Тот подошел.

— Я слушаю,— сказал он.

— Я видел тебя сегодня в первый раз, но ты мне понравился с первого взгляда,— продолжал авантюрист.— Я хороший физиономист. Твое чистосердечное и открытое лицо, глаза, смотрящие прямо в лицо, выражение смелости и ума, отраженные в твоих чертах, расположили меня в твою пользу, вот почему я купил тебя. Я надеюсь, что не ошибся, но хочу испытать тебя. Ты знаешь, что я имею право уменьшить твое обязательство и дать тебе, если захочу, свободу даже завтра. Подумай об этом и действуй в соответствии с этим.

— Невольник или свободный, я буду тебе предан, Монбар,— отвечал Олонец,— не говори же мне о награде, мне это не нужно. Испытай меня. Надеюсь, что я с честью выйду из этого испытания.

— Вот что значит говорить как следует человеку и авантюристу! Выслушай же меня, и, чтобы ни одно слово из того, что ты услышишь, не сорвалось с твоих губ.

— Я буду нем...

— Через десять дней я брошу якорь у гавани Марго в Сан-Доминго. Экспедиция, над которой начальствую я, должна напасть врасплох на остров Черепаху и захватить его, но не надо, чтоб, пока мы будем нападать на испанцев, они могли атаковать нас сзади и уничтожить наши поселения на Большой Земле.

— Я понимаю, караибы занимают испанскую границу, мы должны сделать их помощниками экспедиции.

— Именно. Ты меня прекрасно понял. Вот в чем состоит данное тебе поручение, только надо действовать чрезвычайно хитро и очень осторожно, чтобы не возбудить тревоги у испанцев, с одной стороны, и подозрений караибов, с другой. Индейцы обидчивы и недоверчивы, особенно к белым, на которых они имеют повод жаловаться. Роль, которую ты должен играть, довольно трудна, но я думаю, что с помощью влияния Прыгуна ты будешь иметь успех. Притом, через два дня после моего прибытия в гавань Марго, я отправлюсь в степи Артибонита, чтобы условиться вместе с тобою и сделать распоряжения, которые я сочту нужными. Ты видишь, что я действую с тобою откровенно и скорее как с братом, чем с работником.

— Благодарю тебя, ты не будешь раскаиваться!

— Надеюсь... И еще одно последнее приказание, второстепенной важности, правда, но все-таки серьезное.

— Какое?

— Часто испанцы отправляются на охоту или на прогулку в степи Артибонитские. Наблюдай за ними, но так, чтобы они не могли тебя заметить. Пусть они не подозревают того, что мы замышляем против них. Малейшая неосторожность может иметь последствия чрезвычайно серьезные для успеха наших планов.

— Я буду действовать осторожно, будь спокоен.

— Теперь, мой милый, мне остается только пожелать тебе благополучного пути и успеха.

— Позволь мне задать тебе один вопрос перед моим отъездом?

— Говори, я разрешаю.

— По какой причине, когда у тебя столько храбрых и преданных друзей, ты, вместо того, чтобы обратиться к кому-нибудь из них, выбрал неизвестного работника, которого совсем не знаешь, для такого трудного и секретного поручения?

— Ты непременно хочешь это знать? — смеясь спросил авантюрист.

— Да, если ты не находишь нескромным это желание?

— Вовсе нет, и я удовлетворю твое любопытство в двух словах. Я тебя выбрал, кроме моего доброго мнения о тебе, мнения чисто личного, потому что ты бедный работник, приехавший из Франции только два дня тому назад, которого не знает никто, никто не знает также, что я тебя купил, и по этой причине никто не станет тебя остерегаться, и, следовательно, ты будешь для меня агентом тем более драгоценным, что никто не догадается, что ты уполномочен мною и действуешь по моим приказаниям, понимаешь ли ты теперь?

— Вполне и благодарю тебя за объяснение. Прощай, не пройдет и часа как мы с караибом выйдем с острова Св. Христофора.

— Слушайся его во время твоего пути, этот индеец очень смывленный человек и, наверно, довезет тебя благополучно.

— Непременно, притом уважение, которое я покажу ему, расположит его в мою пользу и ускорит успех наших планов.

— Я вижу, что ты умен, — сказал флибустьер, — и теперь вполне надеюсь, что твое поручение будет иметь успех.

Олонец вооружился точно так, как караиб, потом простился со своим господином и ушел.

— Э! — прошептал Монбар, оставшись один, — кажется, мои планы начинают подвигаться к осуществлению, и я скоро буду в состоянии нанести сильный удар.

На другой день на восходе солнца необыкновенное волнение царствовало в городе, который и без того не бывал никогда спокоен. Флибустьеры, вооруженные с ног до головы, прощались со своими друзьями и приготавливались отправляться на те корабли, на которые они определились накануне.

По рейду сновало по всем направлениям бесчисленное множество пирог, перевозивших людей и провизию на уезжавшие корабли. Кавалер де Фонтенэ, окруженный главным штабом знаменитых флибустьеров и Монбаром, Давидом, Дрэком, Мишелем Бискайцем, стоял на краю дере-

вянной пристани, служившей дебаркадером, присутствуя при отъезде флибустьеров.

Эти люди с загорелыми лицами, с энергичными свирепыми чертами, с крепкими членами, в простых полотняных панталонах, в старых шапках, но вооруженные длинными ружьями, сделанными в Дьеппе нарочно для них, острыми длинными ножами, заткнутыми за пояс, и с сумками, наполненными порохом и пулями, имели странный и необыкновенно страшный вид, который делался еще поразительнее от выражения беззаботности и неукротимой смелости, отражавшихся на лице. При виде флибустьеров понятен становился ужас, который они внушали испанцам, и невероятные подвиги, которые они совершали почти шутя, не считая жизнь свою ни во что и видя только одну цель, то есть грабеж.

По мере того, как они проходили мимо губернатора и офицеров, выбранных в их начальники, они почтительно кланялись им, потому что этого требовала дисциплина, но в этом поклоне не было ничего низкого и раболепного, это был поклон людей вполне сознававших, что если ныне они матросы, то завтра, если захотят, могут быть капитанами.

К полудню экипажи всех судов оказались в полном комплекте, на берегу остались только адмирал и три капитана.

— Господа, — сказал Монбар своим офицерам, — как только мы выйдем из рейда, каждый может идти как хочет, у нас на судах мало провизии, испанские острова, которые попадутся нам на дороге, снабдят нас съестными припасами; не бойтесь грабить острова испанцев, это все-таки будет часть победы над врагами. Итак, решили, что каждый из нас со своей стороны должен спешить на общее место сближения. Осторожность принуждает нас не допустить неприятеля подорвать наши силы; пункт нашего соединения — остров Кейе. Первый прибывший туда должен ждать остальных, там я вам дам последние инструкции о цели экспедиции, часть которой вам уже известна.

— Итак, — сказал де Фонтенэ, — вы настойчиво желаете сохранить тайну?

— Если вы непременно требуете, господин губернатор, — отвечал Монбар, — я вам...

— Нет, нет, — смеясь, перебил кавалер де Фонтенэ, — для чего мне это знать, притом я ее почти угадал.

— Да! — сказал Монбар с недоверчивым видом.

— Или я очень ошибаюсь, или вы предпринимаете что-то против Сан-Доминго.

Авантюрист отвечал хитрой улыбкой и простился с гу-

бернатором, который весело потирал руки в том убеждении, что он действительно угадал тайну, которую скрывали от него.

Через час три легких судна снялись с якоря, распустили паруса и удалились, сделав прощальный салют земле, на который отвечала батарея с мыса. Скоро суда слились вдали с беловатым туманом на горизонте и исчезли.

— Вы увидите, что я не ошибся,— сказал де Фонтенэ своим офицерам, возвращаясь к губернаторскому дому,— вы увидите, что я не ошибся и что этот демон Монбар, действительно, идет на Сан-Доминго. Гм! Я жалею испанцев.

XX

ДЕЛЬ-РИНКОН

Оставим пока флот флибустьеров, к которому мы скоро вернемся, направимся по непроходимому лабиринту Антильского архипелага к Сан-Доминго, как его называют французы, к Испаньоле, как назвал его Колумб, или к Гаити, как называли его караибы и настоящие его владельцы.

Говоря о караибах, мы разумеем и негров, и краснокожих, потому что многим неизвестна та особенность, что некоторые караибы черны и так походят на африканскую породу негров, что когда французские плантаторы поселились на остров Сан-Винcente и привезли с собою черных невольников, черные караибы, негодуя на свое сходство с людьми, униженными рабством, и боясь, кроме того, чтобы и их не подвергнули той же участи, бежали в самые непроходимые леса, и, чтобы навсегда установить очевидное различие между своей породой и невольниками, перевезенными на остров, они стали сжимать лоб у новорожденных так, чтобы он был совершенно плоский, это составило как бы новую породу у нового поколения и потом сделалось знаком независимости. Прежде чем мы будем продолжать наш рассказ, мы попросим у читателя позволения заняться географией. Так как события в истории флибустьерства будут происходить в Сан-Доминго, то необходимо, чтобы этот остров сделался известен.

Остров Сан-Доминго, открытый 6 декабря 1492 года Христофором Колумбом, по общему мнению, самый красивый из всех Антильских островов; длина его семьсот километров, средняя ширина сто двадцать, диаметр — тысячу четыреста километров, не считая губ.

В центре острова находится цепь гор, возвышающихся одна над другой по трем различным направлениям. Самая длинная простирается к востоку и проходит посредине острова, разделяя его почти на две равные части. Вторая цепь направляется к северу. Третья, короче второй, идет сначала по тому же направлению, но, описывая изгиб к югу, канчается у мыса св. Марка.

Внутри острова встречаются несколько других цепей гор, но гораздо менее значительных. Такое множество гор было причиною, что сообщения, особенно в то время, когда происходит наша история, были чрезвычайно трудны между северной и южной частями острова.

У подножия всех этих гор находятся огромные равнины, покрытые роскошной растительностью, горы, перерезанные оврагами, поддерживающими постоянную и благотворную влажность, содержат в себе различные металлы, кроме горного хрусталя, каменного угля, серы, каменоломен порфира и мрамора, и покрыты лесами банановых и пальмовых деревьев.

Хотя рек много, к несчастью, даже самые значительные несудоходны. Главные называются Нейва, Макори, Юзак или Монте-Кристо, Отцам, Юна и Артибонит — самая большая из всех рек. С моря вид этого острова очарователен: точно огромный букет цветов вырос из недр моря. Мы не станем рассказывать историю Сан-Домингской колонии. Этот богатый и плодоносный остров по милости нерадения, жестокости и скупости испанцев через полтора-ста лет после его открытия дошел до такой степени нищеты и унижения, что испанское правительство было вынуждено послать в эту колонию, сделавшуюся не только непроизводительной, но и убыточной, фонды на жалование войскам и чиновникам.

Пока Сан-Доминго медленно приходил в упадок, новые колонисты, приведенные случаем, поселились на северо-западной стороне острова и завладели ею, несмотря на сопротивление испанцев. Эти новые колонисты были французские авантюристы, прогнанные с острова Св. Христофора во время высадки адмирала Толеда в эту колонию, искавшие приюта.

Во время открытия первые испанцы оставили на острове сорок штук быков и телок, животные эти быстро размножились и огромными стадами пробегали по внутренним степям острова. Французские авантюристы по прибытии нисколько не думали обрабатывать землю, но, увлеченные прелестью опасной охоты, исключительно занялись преследованием волов и кабанов, тоже очень многочисленных и особенно опасных.

Единственное занятие этих авантюристов составляла охота. Мясо убитых волов они коптили по индийскому обычаю. Отсюда происходит название *буканьеров*, потому что караибы называли *буканами* те места, где они коптили мясо пленников, захваченных на войне и которых они съедали, прежде откормив их хорошенько.

Мы часто будем иметь случай возвращаться к этому предмету и войдем в большие подробности об этих странных людях. Однако, несмотря на свою любовь к независимости, эти авантюристы поняли необходимость устроить сбыт для продажи кож и основали несколько контор в гаванях Марго и Мира, которые они считали столицами своих поселений. Но положение этих контор было очень ненадежно по причине соседства испанцев, до сих пор единственных обладателей острова, не желавших согласиться на такое близкое соседство, поэтому они вели постоянно ожесточенную войну, тем более жестокую, что ни с той стороны, ни с другой не было никакой пощады.

Вот каково было положение Сан-Доминго в ту минуту, когда мы опять будем продолжать рассказ, то есть через две недели после отъезда флота флибустьеров с острова Св. Христофора под начальством Монбара Истребителя.

Солнце, уже низко спустившееся за горизонт, непомерно удлиняло тень деревьев, поднимался вечерний ветерок, слегка шевеливший листьями и сгибавший высокую траву. Человек на сильной гнедой лошади, в костюме испанских кампезино, ехал по едва проложенной тропинке, извивавшейся среди обширной равнины, покрытой великолепными плантациями сахарного тростника и кофейных деревьев, и доходившей до щегольского домика, с кокетливой галереи которого далеко виднелись окрестности.

Человеку этому, казалось, было лет двадцать пять, черты его были красивы, но запечатлены выражением надменности и нестерпимого презрения; одежда очень простая, украшалась длинной рапирой с эфесом чеканного серебра, висевшей на его левом боку и по которой в нем

можно было узнать дворянина, потому что только одно дворянство имело право носить шпагу.

Четыре черных и полуобнаженных невольника, обливаясь потом, бежали за его лошадыю. Один нес ружье с богатой насечкой, второй охотничью сумку, двое других — мертвого кабана, связанные ноги которого были вдеты в бамбук, поддерживаемый плечами бедных негров.

Но всадник, казалось, был мало занят своими спутниками или невольниками, к которым он не удостоивал повернуть головы, даже разговаривая с ними, когда ему случалось заговаривать с ними смелым и презрительным тоном. Он держал в руке вышитый носовой платок, которым каждую минуту вытирал пот, орошавший его лоб, и бросал гневные взгляды около себя, подстрекая свою лошадь шпорами, к великому отчаянию невольников, принужденных удваивать усилия, чтобы следовать за ним.

— Неужели мы никогда не доберемся до этого проклятого дома? — сказал он с досадой.

— Еще через полчаса, — почтительно отвечал негр, — вы видите галерею?

— Что за чертовская мысль у сестры моей похоронить себя в этой страшной яме, вместо того, чтобы оставаться в своем палаццо в Сан-Доминго? Как сумасбродны женщины, клянусь честью! — пробормотал он сквозь зубы.

Он приправил это замечание бешеным ударом шпор, и лошадь его помчалась во весь опор.

Он быстро приближался к дому, который легко было рассмотреть. Это был очаровательный дом, довольно обширный, покрытый террасой, с бельведером и перистилем из четырех колонн, поддерживавших галерею. Густая изгородь окружала дом, к которому можно было пройти через сад, довольно обширный; позади него находились конюшни для лошадей и помещение для негров, нечто вроде жалких, низких хижин, полуразрушенных, выстроенных из древесных ветвей и прикрытых пальмовыми листьями. Этот домик, спокойный и уединенный среди этой равнины с роскошной растительностью, полузакрытый деревьями, составлявшими ему лиственный пояс, имел вид очаровательный, который, однако, произвел на путешественника только глубокую досаду и сильную скуку.

Вероятно, приезд путешественника был замечен часовым, поставленным в бельведере, чтобы наблюдать за окрестностями, потому что всадник выехал галопом из домика и направился к небольшой труппе, составленной из дво-

рянина, которого мы описали, и четырех невольников, которые все бежали за ним, показывая свои белые зубы и отдуваясь, как тюлени.

Приезжий был низенького роста, но его широкие плечи и соразмерные члены показывали необыкновенную мускульную силу, ему было лет сорок, черты жесткие и резкие, выражение физиономии мрачное и скрытное. Соломенная шляпа с широкими полями почти закрывала ему лицо, плащ, называемый пончо, сделанный из одного куска материи и с отверстием в середине, чтобы просунуть голову, покрывал его плечи. Рукоятка длинного ножа высовывалась из правого сапога, сабля висела на левом боку, а поперек седла лежало длинное ружье. Доехав до путешественника, он остановил свою лошадь, снял шляпу и почтительно поклонился.

— Добро пожаловать, сеньор дон Санчо,— сказал он раболепным голосом.

— А-а! Это ты, Бирбомоно,— промолвил молодой человек, слегка коснувшись своей шляпы,— что ты делаешь здесь? Я думал, что ты давно уже повешен.

— Ваше сиятельство изволите шутить,— отвечал путешественник со злобной гримасой,— я мажордом сеньоры.

— Поздравляю с этим и тебя и ее.

— Сеньора очень тревожится за ваше сиятельство, я приготовился по ее приказанию осмотреть окрестности; она будет очень рада, что вы приехали благополучно.

— Как благополучно,— продолжал молодой человек, выпустив узду своей лошади,— что ты хочешь сказать, негодяй? Чего я должен опасаться на дорогах?

— Вашему сиятельству известно, что негодяи испанцы разъезжают по степям.

Молодой человек расхохотался.

— Какую смешную сказку рассказываешь ты! Скачи доложить о моем приезде моей сестре и перестань болтать.

Мажордом не заставил повторить этого приказания, прищипорил лошадь и ускакал в галоп.

Через десять минут дон Санчо сходил с лошади перед крыльцом дома, где его ждала женщина редкой красоты, но страшно бледная, которая, по-видимому, едва держалась на ногах, так казалась она слаба и болезненна. Эта дама была сестра дон Санчо и хозяйка этого дома. Молодые люди долго стояли обнявшись, не произнося ни слова, потом дон Санчо предложил руку сестре и вошел с нею в комнаты, предоставив мажордому смотреть за лошадью и

поклажей. Молодой человек отвел сестру к креслу, пододвинув свое кресло к сестриному и сел.

— Наконец-то,— сказала она дружелюбным голосом и взяв руку молодого человека,— я вижу тебя опять, брат, ты здесь, возле меня, как я рада тебя видеть!

— Моя добрая Клара,— отвечал дон Санчо, целуя ее в лоб,— вот уже около года как мы расстались.

— Увы! — прошептала она.

— И в этот год случилось много такого, что ты, конечно, мне расскажешь.

— Моя жизнь в этот год может быть рассказана в двух словах: я страдала.

— Бедная сестра, как ты переменилась за такое короткое время! Тебя едва можно узнать, а я так весело приехал в Сан-Доминго и тотчас отправился к тебе. Твой муж, который не изменился и которого я нашел тяжелым и молчаливым, с лишней дозой важности, по милости его высокого положения, конечно, сказал мне, что ты не совсем здорова и что доктора предписали тебе деревенский воздух.

— Это правда,— сказала она с печальной улыбкой.

— Да, но я думал, что ты только не совсем здорова, а нахожу тебя умирающей.

— Не будем больше говорить об этом, Санчо, умоляю тебя, какая беда, что я больна. Ты получил мое письмо?

— Разве я был бы здесь без этого? Через два часа по получении его я был уже в дороге; вот уже три дня,— прибавил он улыбаясь,— скачу я по горам и по долам по ужасной дороге, чтобы поскорее быть возле тебя.

— Благодарю, благодарю, Санчо, твое присутствие делает меня счастливой; ты останешься несколько времени со мной, не правда ли?

— Сколько ты хочешь, милая сестра, ведь я свободен.

— Свободен? — спросила она, посмотрев на него с удивленным видом.

— Боже мой, да! Его светлость герцог Пеннафлор, мой и твой знатнейший родитель, вице-король Новой Испании, удостоил дать мне неограниченный отпуск.

При имени отца легкий трепет пробежал по членам молодой женщины и глаза ее наполнились слезами.

— А! — сказала она,— отец мой здоров?

— Здоровее прежнего.

— И он говорил тебе обо мне?

Молодой человек закусил губы.

— Он мало говорил со мной,— сказал он,— но зато я с ним много говорил, что восстановило равновесие, я думаю даже, что он дал мне отпуск для того, чтобы освободиться от моей болтовни.

Донна Клара потупила голову, брат смотрел на нее с нежным состраданием.

— Будем говорить о тебе, хочешь? — спросил он.

— Нет, нет, Санчо! Будем лучше говорить о *нем*,— отвечала она нерешительно.

— О *нем*? — сказал он глухим голосом и нахмутив брови,— ах, бедная сестра! Что могу я сказать тебе? Все мои усилия были напрасны, я ничего не узнал.

— Да, да,— прошептала донна Клара,— он принял хорошие меры, чтобы спрятать его. О, боже мой! Боже мой! — вскричала она, сложив руки,— неужели ты не сжалишься надо мной?

— Успокойся, умоляю тебя, сестра; я увижу, я поищу, я удвою усилия и, может быть, успею, наконец...

— Нет,— перебила она,— никогда, никогда мы не добьемся ничего, он осужден, осужден моим отцом; этот неумолимый человек никогда не отдаст его мне. О! Я лучше тебя знаю нашего отца. Ты, Санчо, мужчина, ты можешь пытаться бороться с ним, но меня он разбил, разбил одним ударом; сердце мое он раздавил, сделав меня невинной сообщницей адского мщения! Потом холодно упрекнул меня в бесславии, которого сам же он причиною, и вдруг навсегда уничтожил счастье трех существ, которые любили бы его и будущность которых он держал в руках.

— А ты, милая Клара, разве ты ничего не знаешь, ничего не узнала?

— Узнала,— отвечала донна Клара, пристально смотря на брата,— я сделала ужасное открытие.

— Ты меня пугаешь, Клара, что хочешь ты сказать? Объяснись.

— Не теперь, мой добрый Санчо, еще не время, потерпи, ты знаешь, что я никогда не имела от тебя тайн, ты один всегда меня любил. Я пригласила тебя для того, чтобы открыть тебе эту тайну, через три дня ты узнаешь все и тогда...

— Тогда? — сказал он, пристально смотря на сестру.

— Тогда ты измеришь глубину бездны, в которую я упала, но прошу тебя, довольно об этом, я очень больна, поговорим о другом, хочешь?

— Очень этого желаю, милая Клара, но о чем же будем мы говорить?

— Боже мой! О чем тебе угодно, друг мой, о дожде, о хорошей погоде, о твоём путешествии, мало ли еще о чем!

Дон Санчо понял, что его сестра находится в сильном нервном волнении и что он усилит ее болезненное состояние, если не исполнит ее желание, поэтому он не возражал, а охотно исполнил ее прихоть.

— Если так, милая Клара,— сказал он,— я воспользуюсь этим случаем, чтобы попросить у тебя одно сведение.

— Сведение? Какое же, брат мой? Я живу очень уединенно, как ты видишь, не думаю, чтобы я была в состоянии исполнить твоё желание, однако, все-таки скажи.

— Ты знаешь, сестра, что я приехал в Испаньолу только четыре дня тому назад и в первый раз.

— Это правда, ты ведь никогда не бывал на этом острове, как ты его находишь?

— И ужасным, и восхитительным; ужасным в отношении путей сообщения и восхитительным по местоположению.

— Действительно, дороги не очень удобны.

— Скажи, что их вовсе нет, и ты скажешь правду.

— Ты строг.

— Нет, я только справедлив, если бы ты видела, какие превосходные дороги у нас в Мексике, ты была бы согласна со мной, но речь идет не об этом сейчас.

— А о чем?

— О сведении, которое я хочу у тебя спросить.

— Это правда, я забыла; объяснись, я слушаю тебя.

— Представь себе, когда я отправился сюда из Веракруса, все, кому я говорил о моем отъезде, непременно отвечали мне: «А! Вы едете в Испаньолу, сеньор дон Санчо Пеннафлор, гм! Гм! Берегитесь!» На корабле, на котором я ехал, я постоянно слышал, как офицеры перешептывались между собой; будем остерегаться; наконец, я приехал в Сан-Доминго. Моим первым старанием было, как я уже сказал, отправиться к графу Бехару, твоему супругу. Он принял меня так хорошо, как только мог это сделать, но когда я объявил ему о моем намерении поехать к тебе сюда, брови его нахмурились, и первым словом было: «Черт побери! Черт побери! Вы хотите ехать туда, остерегайтесь, дон Санчо, остерегайтесь!» Это ужас как меня бесило, злое предостережение, всегда и везде раздававшееся в моих ушах, сводило меня с ума. Я не спрашивал объяснения

от твоего мужа, я ничего не добился бы от него, только мне хотелось разъяснить эту зловещую фразу, как только представится случай, и он, действительно представился, и я тебя прошу объяснить мне эту загадку.

— Я жду, чтобы ты объяснился прежде, потому что, признаюсь, я до сих пор решительно не понимаю, что ты рассказываешь.

— Хорошо, дай мне кончить. Как только я отправился в путь с невольниками, которых дал мне твой муж, я увидел, что эти негодяи постоянно повертывали голову направо и налево с испуганным видом. В первую минуту я не придавал этому значения, но сегодня утром я заметил великолепного кабана; мне пришло желание выстрелить в него, что, впрочем, я и сделал, я привез тебе этого кабана. Когда эти черти негры увидали, что я заряжаю ружье, они бросились на колена передо мной и с ужасом сложив руки, закричали самым плачевным голосом:

«Остерегайтесь, ваше сиятельство, остерегайтесь!»

«Чего я должен остерегаться,— вскричал я с раздражением.— Негодяев, ваше сиятельство, негодяев!» Я не мог от них добиться другого объяснения, но я надеюсь, сестра, что ты мне скажешь, какие это страшные негодяи.

Он наклонился к ней. Донна Клара, вытаращив глаза, протянув руки, устремила на него такой странный взгляд, что он отступил с испугом.

— Негодяи! Негодяи! — повторила она два раза шипящим голосом,— о! Сжался, брат мой!

Она встала, сделала несколько шагов вперед и без чувств упала на пол.

— Что это значит? — вскричал молодой человек, бросаясь к ней чтобы приподнять ее.

XXI

РАССКАЗ МАЖОРДОМА

Дон Санчо, очень встревоженный тем состоянием, в котором он видел сестру, поспешил позвать ее горничных, которые прибежали тотчас. Он вверил ее их попечениям и

ушел в комнату, приготовленную для него, приказав, чтобы его предупредили тотчас, как только донне Кларе делается лучше.

Дон Санчо Пеннафлор был очаровательный мужчина, веселый, беззаботный, отыскивая в жизни только удовольствия и отвергая с эгоизмом своего возраста и своего сословия всякую горесть и всякую скуку.

Принадлежа к одной из самых знатных фамилий испанской аристократии, имея надежду сделаться со временем обладателем семи или восьми миллионов, предназначенных по милости его имени, занимать впоследствии одну из лучших должностей и вступить в великолепный приличный брак, который делает счастливыми дипломатов, предоставляя им свободу ума для высоких политических соображений, он старался, насколько это было возможно, сдерживать биение своего сердца и не возмущать неуместной страстью спокойной лазури своего существования.

Будучи капитаном в армии, в ожидании лучшего и чтобы иметь какое-нибудь занятие, он поехал в качестве адъютанта с отцом в Мексику, когда герцог был назначен вице-королем Новой Испании. Но будучи еще слишком молод для того, чтобы серьезно смотреть на жизнь и быть честолюбивым, он занимался только игрой и любовными интригами, что очень сердило герцога, который, перейдя за возраст удовольствий, не допускал, чтобы молодые люди приносили жертву кумиру, которому он сам так долго курил фимиам. Впрочем, это была натура кроткая, уживчивая, но зараженная, как все испанцы, той, а может быть, еще и нынешней эпохи, предрассудками своей касты, считавшей негров и индейцев вьючным скотом, созданным для ее пользы, и не скрывавшая своего презрения и отвращения к этим несчастным породам.

Словом, дон Санчо по правилам своей фамилии всегда смотрел вверх, а не вниз, поддерживал себе равных, но поставил непреодолимую преграду высокомерия и пренебрежения между собою и теми, кто был ниже его.

Однако без его ведома, быть может, — мы не хотим поставить этого ему в заслугу — нежное чувство пробралось среди холодной атмосферы, в которой он принужден был жить, в его сердце и иногда угрожало уничтожить все теории эгоизма.

Чувство это было ничто иное, как дружба, которую он имел к своей сестре, которая могла быть принята за обожание, до того она была преданна, почтительна и нерасчетлива; чтобы угодить сестре, он готов был покуситься на

невозможное, одно ее слово делало его послушным, как невольника, выраженное ею желание делалось для него тотчас приказанием столько же, а может быть и более серьезным, чем если бы оно было дано испанским королем, хотя этот надменный монарх льстил себя гордой мыслью, что солнце никогда не закатывалось в его владениях. Первое слово графа, когда он остался один в своей комнате, покажет его характер лучше, чем можно его объяснить.

— Ну! — вскричал он, с отчаянием бросаясь на свое кресло, — я думал, что проведу здесь несколько приятных дней, а мне придется слушать жалобы Клары и утешать ее; черт побери всех несчастных! Они будто нарочно преследуют меня, нарушая мое спокойствие.

Через три четверти часа негрityнка-невольница пришла сказать ему, что донна Клара опомнилась, но что она чувствует себя слабой и разбитой, и просит извинения, что не может видеть его в этот вечер. Молодой человек был внутренне доволен свободой, которую давала ему сестра и которая избавляла его от необходимости возобновлять разговор, не имевший для него никакой привлекательности.

— Хорошо, — сказал он невольнице, — кланяйся сестре и вели подать мне ужинать: попроси также ко мне мажордома, мне нужно с ним поговорить.

Невольница вышла и оставила его одного. Тогда молодой граф опрокинулся на спинку своего кресла, протянул ноги и погрузился не в мечтательность, а в ту дремоту, которая не может назваться ни сном, ни бдением, во время которой душа как будто блуждает в неизвестных областях и которую испанцы называют сиестой. Пока он находился в таком положении, невольники накрывали на стол, остерегаясь, чтобы не разбудить его, и ставили на стол отборные кушанья. Но скоро запах блюд, поставленных перед ним, призвал молодого человека к действительности; он приподнялся и, подойдя к креслу, сел за стол.

— Почему не пришел мажордом? — спросил он, — разве ему не сказали?

— Сказали, ваше сиятельство, но мажордом находится в отсутствии, — почтительно отвечал один невольник.

— В отсутствии, по какой причине?

— Он каждый вечер обходит весь дом, но скоро воротится; если ваше сиятельство будете иметь терпение, вы скоро его увидите.

— Хорошо, хотя я не понимаю, для чего ему осматривать дом, ведь здесь нет хищных зверей.

— Слава богу! Нет, ваше сиятельство.

— Так к чему же эти предосторожности?

— Эти предосторожности принимаются против него-
дясв, ваше сиятельство.

— Да какие же это негодяи? — вскричал граф, под-
прыгнув на стуле, — видно, все здесь сговорились мистифи-
цировать меня, прости Господи!

В эту минуту послышалось бречание шпор.

— Вот идет мажордом, ваше сиятельство, — сказал
один из негров.

— Наконец! Пусть он войдет!

Бирбомоно вошел, снял шляпу, почтительно покло-
нился и ждал, чтобы граф с ним заговорил.

— Я жду вас уже больше часа, — сказал молодой человек.

— Я очень сожалею об этом, ваше сиятельство, но мне
сказали только сейчас.

— Знаю, знаю! Вы обедали?

— Нет еще, ваше сиятельство.

— Ну так садитесь напротив меня.

Мажордом, знавший надменный характер графа, коле-
бался, он не понимал такого снисхождения с его стороны.

— Садитесь же, — продолжал молодой человек, — мы
в деревне, следовательно это ничего не значит, притом я
должен поговорить с вами.

Мажордом поклонился и занял, не отнекиваясь более,
указанное ему место. Ужин был непродолжителен; граф ел,
не произнося ни слова. Когда ужин кончился, он оттолкнул
тарелку, выпил стакан воды, по испанскому обычаю, заку-
рил сигару и подал мажордому.

— Курите, я позволяю, — сказал он.

Бирбомоно принял это с признательностью, но все
более и более удивляясь, не мог не спросить себя внут-
ренне, по какой важной причине его молодой господин
был так любезен. Когда убрали со стола и невольники
ушли, заперев двери, граф и управитель остались одни.
Ночь была великолепна, атмосфера необыкновенно про-
зрачна, бесчисленное множество звезд сияло на небе,
приятный теплый воздух входил в открытые окна, остав-
ленные нарочно отворенными, глубокая тишина царст-
вовала в окрестностях, и с того места, где сидели оба со-
беседника, виднелась мрачная масса деревьев леса, за-
мыкавшего горизонт.

— Теперь, — сказал граф, выпустив синеватый ды-
мок, — будем говорить.

— Будем говорить, ваше сиятельство, — отвечал мажордом.

— Я должен многое у вас спросить, Бирбомоно; вы знаете меня, не так ли? Вы знаете, что я всегда исполняю свои обещания и угрозы?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Хорошо, я приступаю к делу без всяких предисловий, я должен спросить у вас очень важные сведения; отвечать на мои вопросы не значит изменять вашей госпоже, которая мне сестра и которую я люблю больше всего. Напротив, может быть, вы окажете ей косвенную услугу. Притом то, что вы мне скажете, я узнаю с другой стороны, и вы, следовательно, лишитесь в моих глазах выгод откровенности, вы меня понимаете, я полагаю?

— Вполне, ваше сиятельство.

— Что же намерены вы делать?

— Ваше сиятельство, я предан телом и душою вашей фамилии и, следовательно, поставлю себе за долг отвечать как умею на все вопросы, с которыми вы удостоите ко мне обратиться, в убеждении, что, расспрашивая меня, у нас нет другой причины кроме желания угодить моей госпоже.

— Лучше рассуждать нельзя, Бирбомоно, я всегда говорил, что вы человек умный, этот ответ мне доказывает, что я не ошибся. Я начинаю по порядку: во-первых, скажите мне, что происходило между моей сестрой и ее мужем перед ее приездом сюда и какие причины заставили ее уехать из Сан-Доминго?

— Вы знаете, ваше сиятельство, графа Бехар-Сузу, мужа вашей сестры и моего господина; это вельможа не очень разговорчивый по своему характеру, но добрый и искренно привязанный к своей жене. Он исполняет каждое ее желание и дает возможность жить как она хочет, никогда не позволяя себе ни малейшего замечания на этот счет. В Сан-Доминго графиня жила в совершенном уединении, постоянно удаляясь в свои комнаты, куда входили только ее горничные, духовник и доктор. Граф посещал ее каждое утро и каждый вечер, оставался с нею около получаса, разговаривая о посторонних предметах, потом уходил.

— Ой! Эта жизнь моей милой сестры кажется мне довольно однообразна, долго продолжалась она?

— Несколько месяцев, ваше сиятельство, и без сомнения продолжалась бы еще, если бы не одно происшествие, которого кроме меня никто не знает и которое побудило ее приехать сюда.

— Какое же это происшествие?

— А вот, ваше сиятельство, однажды наш испанский корабль пришел в Сан-Доминго, дорогою мимо островов на него напали негодяи, от которых он избавился как бы чудом и захватил многих из них.

— Постойте,— вскричал граф,— прежде чем будете рассказывать дальше, объясните мне, какие негодяи, о которых говорят беспрестанно и которых не знает никто? Вы знаете?

— Знаю, ваше сиятельство.

— Наконец-то,— продолжал граф весело,— я добьюсь, чего хочу; если вы знаете, вы мне объясните, не правда ли?

— Очень буду рад, ваше сиятельство.

— Говорите, я вас слушаю.

— О! Это будет недолго, ваше сиятельство.

— Тем хуже.

— Но я думаю, что это будет интересно.

— Тем лучше, говорите скорее.

— Эти негодяи, французские или английские авантюристы, мужество которых превосходит все, что можно было бы о нем сказать. Спрятавшись среди скал, когда проходят наши суда,— они подъезжают на плохих пирогах, наполненных до половины водой, к нашему кораблю, который они приметят, захватят его и уведут с собой. Вред, наносимый этими негодьями нашему флоту, громаден; всякий корабль, на который они нападут, с весьма редкими исключениями, можно считать погибшим.

— Черт побери! Черт побери! Это очень серьезно, и неужели ничего не предпринято для того, чтобы освободить море от этих дерзких пиратов?

— Извините, ваше сиятельство, адмирал дон Фернандо Толед опустошил по приказанию короля остров Св. Христофора, притон этих пиратов, захватил кого мог и не оставил камня на камне в основанной ими колонии.

— Да! — сказал граф, потирая руки,— кажется, это было сделано хорошо.

— Нет, ваше сиятельство, и вот по какой причине: прогнанные, но не уничтоженные, эти пираты разъехались по другим островам, некоторые воротились на остров Св. Христофора, но большая часть имела смелость найти себе приют в самой Испаньоле.

— Но, их прогнали, я надеюсь.

— Пытались, по крайней мере, ваше сиятельство, но безуспешно, после того они успели удержаться в той части острова, которую заняли, сопротивляясь всем силам, по-

сланным против них. Часто из осажденных они делаются осаждающими, даже доезжают до испанской границы, жгут, грабят, опустошают все, что встретится им на пути, тем легче, что они внушают такой страх нашим солдатам, что как только те их увидят или услышат, то бегут без оглядки. Это дошло до такой степени, что граф Бехар, наш губернатор, принужден был взять ружья от отрядов, называющихся *пятидесятками*, защищающих наши границы, и вооружил их копьями.

— Как, отнял у них ружья! Для чего же? Боже мой! Это мне кажется невероятно.

— Это, однако, очень понятно, ваше сиятельство, солдаты так боятся пиратов, что, опасаясь встречи с ними, нарочно стреляют из ружей, чтобы уведомить их о своем присутствии и убедить их удалиться, и пираты, узнав таким образом где находятся солдаты, отправляются грабить с другой стороны, в уверенности, что там никто им не помешает.

— Это просто невероятно. А здесь вы боитесь их посещения?

— Здесь они еще не были, однако все-таки надо остерегаться.

— Я одобряю вашу осторожность; но воротимся теперь к вашему рассказу, который я прервал, чтобы узнать от вас эти драгоценные сведения. Вы говорили, что испанский корабль пришел в Сан-Доминго и привез с собою нескольких пиратов, взятых им в плен.

— Да, ваше сиятельство, а надо вам знать, что пиратов, захваченных в плен, вешают.

— Это очень благоразумная мера.

— Этих пиратов посадили пока в тюрьму в ожидании казни, и Фрэй-Арсенио поручили примирить их с небом.

— Обязанность трудная. Но кто этот Фрэй-Арсенио?

— Фрэй-Арсенио — духовник графини.

— А! Очень хорошо, продолжайте.

— Представьте себе, ваше сиятельство, что эти пираты, люди очень набожные, они никогда не нападают на корабль — не помолившись прежде Богу, и бросаются на abordаж с церковным пением, следовательно, Фрэй-Арсенио не было никакого труда исполнять свои религиозные обязанности. Губернатор решил, что для примера другим этих пиратов повесят на испанской границе, и так их вывели из тюрьмы крепко связанных и провезли по городу на тележках под многочисленным конвоем мимо народонаселения, осыпавшего их проклятиями с криками гнева и уг-

розы. Но испанцы не обращали никакого внимания на это проявление народной ненависти, их было пятеро. Это были люди молодые и очень сильные по наружности; вдруг в ту минуту, когда тележки, которые ехали очень медленно вследствие стечения толпы, поравнялись с губернаторским дворцом, пираты все встали, громко вскрикнули и, спрыгнув с телеги, бросились во дворец, обезоружили караул, потом заперли за собой дверь; неизвестно, каким образом им удалось разорвать их оковы. Толпа оцепенела при виде такого безумного поступка, но скоро солдаты вооружились мужеством и решительно направились ко дворцу; пираты встретили их ружейными выстрелами. Битва началась тогда храбро с обеих сторон, только вся невыгода осталась на стороне наших, подвергавшихся беззащитно ударам невидимых врагов, известных своим искусством, все удары которых делали по несколько жертв каждый раз. Уже десятка два мертвых и столько же раненых валялось на месте, солдаты не решались продолжать эту убийственную битву, когда губернатор, предупрежденный о том, что происходило, наскоро явился в сопровождении своих офицеров. К счастью для него, графа не было дома, когда захватили его дворец, но графиня была дома, и граф дрожал, чтобы она не попала в руки этих негодяев; он приказывал им сдаться, они отвечали только залпом, убившим несколько человек около губернатора и слегка ранившим его самого.

— Дерзкие негодяи! — прошептал граф, — надеюсь, что их повесили.

— Нет, ваше сиятельство, два часа боролись они со всеми городскими силами и предложили капитуляцию, которая была принята.

— Как! — вскричал граф, — принята? О! Это уж чересчур!

— Однако это истинная правда, ваше сиятельство, они угрожали, если им не дадут свободно удалиться, взорвать себя вместе с дворцом, что повлекло бы за собой общую гибель города, зарезать пленников, находившихся в их власти, и первую графиню; губернатор рвал на себе волосы от бешенства, а пираты только смеялись.

— Но это не люди! — вскричал граф, с гневом топнув ногой.

— Я вам говорил, что это не люди, а демоны. Офицеры уговорили графа согласиться на капитуляцию, пираты потребовали, чтобы улицы были пусты, велели привести лошадей для себя, для графини и одной ее горничной, намереваясь держать их аманатами до тех пор, пока они бу-

дут в безопасности, и вышли хорошо вооруженные, ведя среди них мою бедную госпожу, дрожавшую от страха и походившую скорее на мертвую, чем на живую. Пираты не торопились, они шли шагом, смеялись и разговаривали между собой, оборачиваясь и даже останавливаясь иногда, чтобы бросить взгляд на толпу, которая следовала за ними на почтительном расстоянии. Таким образом вышли они из города, но добросовестно сдержали свое обещание; через два часа графиня, к которой они были чрезвычайно вежливы, воротилась в Сан-Доминго, провожаемая до дворца восклицаниями и радостными криками народонаселения, которое считало ее погибшей. Через день граф приказал мне проводить сюда мою госпожу, куда доктора предписали ей приехать на некоторое время отдохнуть от ужасных волнений, которые она, без сомнения, испытывала в то время, как находилась во власти разбойников.

— После вашего приезда здесь не случилось ничего необыкновенного, я полагаю.

— Случилось, ваше сиятельство, и вот почему я вам говорил вначале, что мне одному известно происшествие, изменившее образ жизни моей госпожи. Один из пиратов имел с нею очень продолжительный разговор. Я присутствовал при этом разговоре издалека, так что не мог слышать, что он ей сказал, это правда, но настолько близко, чтобы судить об участии, которое он имел к ней, и о впечатлении, которое он произвел на нее. Я последовал за моей госпожой, решившись не оставлять ее и помочь ей, если будет можно, с опасностью моей жизни.

— Вы добрый слуга Бирбомоно, я вас благодарю.

— Я исполнил только мою обязанность, ваше сиятельство; как только разбойники оставили ее одну, я приблизился к моей госпоже и проводил ее в город. Через несколько дней после нашего приезда сюда госпожа моя оделась по-мужски, вышла тайно из дома в сопровождении только меня и Фрэй-Арсенио, который не хотел ее оставить; она привела нас к одной бухте на берегу, где нас ждал один пират. Этот человек опять имел продолжительный разговор с моей госпожой, потом, посадив нас в пирогу, отвез на испанскую бригантину, лавировавшую около берега. После я узнал, что эта бригантина была нанята Фрэй-Арсенио по приказанию моей госпожи; как только мы вошли на это судно, оно вышло в открытое море, пират вернулся на берег в своей пироге.

— Какие сказки рассказываешь ты мне, Бирбомоно!

— Сеньор, я говорю вам правду, как вы спрашивали ее у меня, не прибавляя и не убавляя ничего.

— Хорошо, я тебе верю, но все это как-то невероятно.

— Перестать мне, ваше сиятельство, или продолжать мой рассказ?

— Продолжай, черт побери! Может быть, из всего хаоса блеснет какой-нибудь свет.

— Наша бригантина начала лавировать мимо островов, рискуя попасться в руки разбойников, но по непонятному чуду успела пройти неприметно, так что через неделю доехала до острова, имеющего форму горы, называющегося, кажется, Ниев и отделенного только узким каналом от острова Св. Христофора.

— Но вы сами мне сказали, что остров Св. Христофора притон пиратов?

— Точно так, ваше сиятельство, бригантина якорь не бросила, а только спустила шлюпку. Госпожу мою, монаха и меня посадили в эту шлюпку и высадили на остров; только поставив свою крошечную ножку на берег, графиня обернулась ко мне и взглядом приказала остаться мне в шлюпке, из которой я приготовился выйти. «Вот письмо,— сказала она, подавая мне бумагу: ты отвезешь это письмо на остров Св. Христофора, отыщешь там одного знаменитого пирата, которого зовут Монбар, и отдашь ему это письмо в собственные руки; ступай, я полагаюсь на твою верность». Что я должен был сделать? Повиноваться, не так ли, ваше сиятельство? Матросы на шлюпке, как будто зная, куда надо меня везти, привезли на остров Св. Христофора. Мне посчастливилось встретиться с Монбаром и отдать ему письмо, потом я убежал, шлюпка, ожидавшая меня, отвезла меня в Ниев, сеньора поблагодарила меня. На закате солнца Монбар приехал в Ниев и разговаривал около часа с монахом, пока донна Клара пряталась в палатке, потом он ушел через несколько минут, графиня и Фрэй-Арсенио воротились на бригантину, которая также благополучно отвезла нас в Испаньолу; монах остался во французской части острова, по какой причине, я не знаю, графиня и я воротились сюда и вот живем уже здесь десять дней.

— Дальше что? — сказал граф, видя, что мажордом молчит.

— Вот и все, ваше сиятельство,— отвечал Бирбомоно,— с тех пор донна Клара оставалась взаперти в своих комнатах и ничто не нарушало однообразия нашей жизни.

Граф не отвечал, встал и с волнением сделал два или

три шага по комнате, потом, обернувшись к Бирбомоно, сказал:

— Хорошо, мажордом, благодарю, молчите обо всем этом, ступайте и помните, что никто в доме не должен подозревать важности нашего разговора.

— Я буду нем, ваше сиятельство, — отвечал мажордом и ушел после почтительного поклона.

— Очевидно, что в этой истории есть какая-то ужасная тайна, — прошептал молодой человек, — и сестра, наверное, желает, чтобы я разделил половину этой тайны! Я боюсь, что я попал в засаду. Неужели Клара не могла оставить меня в покое в Сан-Доминго?

XXII

ПО ДОРОГАМ

На другой день донна Клара, по-видимому, если не совершенно оправилась от волнения, испытанного накануне, то по крайней мере, здоровье ее находилось в состоянии более удовлетворительном, чем брат ее осмеливался надеяться после обморока, которого он был свидетелем.

Но ни брат, ни сестра ни делали ни малейшего намёка на вчерашний разговор. Донна Клара, хотя очень бледная и в особенности очень слабая, выказывала веселость и даже, опираясь на руку графа, немного погуляла в саду. Но брат не был обманут этой проделкой, он понял, что сестра жалеет, зачем говорила с ним слишком откровенно, и старается обмануть его относительно ее положения, выказывая веселость, далекую от ее сердца; однако он не выказал этого, и когда спал сильный дневной жар, он выразил желание осмотреть окрестности, чтобы предоставить сестре более свободы; взяв ружье, он отправился верхом, в сопровождении мажордома, вызвавшегося служить ему проводником. Донна Клара не удерживала его, напротив, она была очень рада остаться одна на несколько часов.

Молодой человек поскакал с лихорадочным нетерпением, он находился в таком волнении, о котором сам не мог дать себе отчета. Несмотря на свой эгоизм, он прини-

мал участие в несчастье сестры. Такая кроткая безропотность невольно трогала его, он был бы рад вложить хоть сколько-нибудь радости в это сердце, разбитое горем. С другой стороны, странный рассказ мажордома беспрестанно приходил ему на ум и в высшей степени подстрекал его любопытство. Однако он ни за что на свете не хотел расспросить сестру о темных частях этого рассказа или хотя даже намекнуть ей, что ему известны ее сношения с флибустьерами острова Св. Христофора.

Граф ехал с мажордомом по степи, охотился и разговаривал о посторонних предметах, только как бы невольно граф не мог выкинуть из своих мыслей воспоминания о рассказе мажордома и вдруг обернулся к нему.

— Кстати,— сказал он вдруг,— я еще не видал духовника моей сестры, как вы его назвали?

— Фрэй-Арсенио, ваше сиятельство, францисканец.

— Для чего же он прячется?

— Я вчера уже объяснил вам причину, ваше сиятельство.

— Может быть, я не спорю, но все это так перемешалось в голове моей,— сказал граф с притворным равнодушием,— что я не помню, что вы сказали мне об этом, вы обяжете меня, если повторите.

— Это легко, ваше сиятельство. Фрэй-Арсенио оставил нас в ту минуту, как только мы приехали сюда, и с тех пор не показывался здесь.

— Это странно, а донну Клару, кажется, вовсе не тревожит это продолжительное отсутствие?

— Во все не тревожит, ваше сиятельство, сеньора ничего не говорит о Фрэй-Арсенио и не осведомляется даже, воротился ли он.

— Это странно,— пробормотал молодой человек,— что значит это таинственное отсутствие?

После этого граф быстро прервал разговор и опять занялся охотой. Уже прошло несколько часов, как они уехали из дома на большое расстояние, солнце склонялось к горизонту; граф приговариваясь повернуть назад, когда вдруг слышался шум сломанных ветвей на рубеже леса, от которого всадники были разделены только кустами, и несколько волов бросились в степь, преследуемые или, лучше сказать, погоняемые десятком ищеек, которые выли и кусали их с бешенством. Волы, в числе семи или восьми, промчались как ураган мимо лошади графа, которой это неожиданное появление причинило такой испуг, что она осталась с минуту неподвижна, не зная, что ей делать. Сви-

тые животные, все прследуемые собаками, вдруг воротились назад, как будто хотели убежать в лес в то самое место, откуда выбежали, но в эту минуту раздался выстрел, и один вол, пораженный в голову, упал на землю. В это мгновение из леса выскочил человек и бросился к волу, лежавшему неподвижно и полузакрытому высокой травой. Этот человек, по-видимому, не примечал испанцев, он шел большими шагами и опять заряжал свое длинное ружье, из которого сделал такой искусный выстрел. Этот охотничий эпизод совершился гораздо скорее, чем мы успели написать, так что дон Санчо еще не опомнился от удивления, когда мажордом наклонился к нему и тихим голосом, прерывавшимся от страха, шепнул:

— Ваше сиятельство, вы хотели видеть пирата. Рассмотрите же хорошенько этого человека, он пират.

Дон Санчо был одарен испытанной храбростью. Когда прошло первое удивление, он совершенно овладел собой, хладнокровно и медленно подъехал к незнакомцу и с любопытством стал его рассматривать.

Незнакомец был человек молодой, среднего роста, но очень стройный и сильного сложения. Его правильные, энергичные и довольно красивые черты дышали смелостью и умом; холод, зной, дождь и солнце, которым без сомнения он подвергался давно, придали его лицу очень резкий смуглый оттенок, хотя он носил бороду, однако она была довольно коротко обстрижена.

Костюм его отличался простотой, так сказать, первобытной: он состоял из двух рубаш, панталон и казакина из толстого полотна, до того покрытого пятнами крови и грязи, что невозможно было узнать первобытный цвет. На незнакомце был кожаный пояс, с которого висел с одной стороны футляр из крокодиловой шкуры, в котором находились четыре ножа и штык, а с другой стороны большая горлянка, заткнутая воском и наполненная порохом, и кожаный мешок с пулями, через плечо висела у него свернутая маленькая палатка из тонкого полотна. Обувь его состояла из сапог, сшитых из невыделанной воловьей шкуры. Длинные волосы его, связанные кожаным ремешком, выбивались из-под меховой фуражки с козырьком, покрывавшей его голову. Ружье его, дуло которого имело четыре фута с половиной длины, легко было узнать по его странной форме, что оно сделано в Дьеппе оружейным мастером Браши, который вместе с мастером Желеном в Нанте

пользовался монополией фабрики оружия для авантюристов.

Наружность этого человека, вооруженного и одетого таким образом, имела действительно что-то величественное и страшное. Инстинктивно чувствовалось, что находишься лицом к лицу с могучей натурой, с организацией избранной, привыкшей полагаться только на себя и которую никакая опасность, как бы ни была она велика, не должна была ни удивлять, ни волновать.

Продолжая подходить к волу, он искоса бросил взгляд на двух охотников, потом, не занимаясь ими, свистнул своим собакам, которые тотчас бросили преследовать волов, послушно воротились и встали около него. Вынув нож из футляра, он стал сдирать кожу с вола, лежавшего у его ног. В эту минуту граф подъехал к нему.

— Кто вы и что делаете тут? — спросил он резким голосом.

Буканьер поднял голову, с лукавым видом взглянул на человека, который спрашивал его таким повелительным тоном, и, презрительно пожав плечами, отвечал с насмешкой.

— Кто я? Вы видите, что я буканьер, что я делаю? Сдираю кожу с вола, которого я убил. Еще что?

— Но по какому праву вы позволяете себе охотиться на моих землях?

— Ах! Эти земли принадлежат вам? Очень рад. Ну! Я охочусь здесь потому, что мне так нравится, а если это не нравится вам, то мне очень жаль.

— Что это значит? — спросил граф надменно. — Каким тоном осмеливаетесь вы говорить со мной?

— Тоном, который, вероятно, мне нравится, — отвечал буканьер, приосанясь, — поезжайте своей дорогой и послушайте доброго совета: если вы хотите, чтобы через пять минут ваше богатое полукафтанье не обагрилось кровью, не занимайтесь больше мною, так как я не стану заниматься вами, и оставьте меня продолжать мои занятия.

— Этого не будет, — запальчиво отвечал молодой человек, — земля, на которой вы распоряжаетесь так дерзко, принадлежит моей сестре, донне Кларе Бехар, я не позволю, чтобы на ней распоряжались так своевольно такие негодяи как вы. Убирайтесь сию же минуту, а не то...

— А не то? — повторил буканьер, и глаза его сверкнули молнией, между тем как мажордом, предчувствуя катастрофу, благоразумно поместился позади своего господина.

Граф оставался холоден и бесстрашен перед буканье-

ром, решившись принять наступательную позицию, если увидит малейшее подозрительное движение. Против всякого ожидания грозный взгляд авантюриста почти тотчас уже сделался спокоен, черты приняли обычное беззаботное выражение, и он спросил тоном почти дружелюбным.

— Чье имя вы произнесли, позвольте вас спросить?

— Владетельницы этой земли.

— Это разумеется само собой,— смеясь сказал авантюрист,— но как ее зовут? Пожалуйста, повторите ее имя.

— Извольте,— отвечал молодой человек презрительно, потому что ему показалось, что его противник отступал перед ссорой, начавшейся между ними,— я произнес имя донны Клары Бехар-Суза...

— И прочее, прочее,— смеясь перебил авантюрист,— у этих чертей испанцев есть имена на каждый день в году. Ну, не сердитесь, молодой петушок,— прибавил он, приметив краску, которую вызвало выражение, употребленное им, на лице графа,— мы можем быть более близки к соглашению, чем вы полагаете. Что вы выигрываете в битве сомной? Ничего! А напротив, можете много потерять.— Я не понимаю ваших слов,— сухо отвечал молодой человек,— но надеюсь, что вы объясните мне их.

— Это сделать недолго, вы увидите,— продолжал незнакомец с усмешкой.

Обернувшись к лесу, он приложил руки ко рту и закричал:

— Эй! Олонец!

— Здесь,— тотчас отвечал человек из глубины леса.

— Поди сюда,— продолжал буканьер,— кажется, здесь найдется кое-что по твоему вкусу.

— А-а! — отвечал Олонец, все невидимый,— посмотрим.

Молодой граф не знал, что думать об этом новом происшествии, которое совершенно изменяло дело. Он опасался грубой шутки со стороны этих полудикарей; он не решался придаться ли гневу, который кипел внутри его, или терпеливо ждать последствий, но тайное предчувствие побуждало его сдерживаться и действовать осторожно с этим человеком, который, по-видимому, не был одушевлен никаким злым умыслом против него и обращение которого, хотя резкое и грубое, было, однако, дружелюбно.

В эту минуту показался Олонец в таком же костюме, как буканьер; он быстро подошел к нему и, не занимаясь испанцами, спросил, что ему нужно, бросив на траву шкуру дикого вола, которую он нес на плече.

— Кажется, ты мне говорил, что Тихий Ветерок при-

слал тебе с Прыгуном записку сегодня утром? — продолжал буканьер.

— Это правда, Польшэ, я тебе говорил об этом, — отвечал тот, — мы даже условились с тобой, что так как тебе известен здешний край, то ты отведешь меня к той особе, которой я должен вручить этот дьявольский лоскуток бумажки.

— Ну, если ты захочешь, ты можешь сейчас исполнить данное тебе поручение, — продолжал Польшэ, указывая на дон Санчо, — вот родной брат этой особы, по крайней мере он сам так говорит.

— Как! — сказал Олонец, устремив проницательный взгляд на молодого человека, — этот красивый щеголь?

— Да, по крайней мере, он так говорит, ты знаешь, эти испанцы такие лгуны, что на слово их никак нельзя положиться.

Дон Санчо покраснел от негодования.

— Что дало вам право сомневаться в моем слове? — вскричал он.

— До сих пор ничего, и потому я говорю не о вас, а о всех вообще.

— Итак, — спросил его Олонец, — вы брат донны Клары Бехар, владельницы дома дель-Ринкон?

— Еще раз повторяю, что я ее брат.

— А как вы мне это докажете?

Молодой человек пожал плечами.

— Мне все равно, верите ли вы мне или нет.

— Может быть, но для меня очень важно знать наверно; мне дали записку к этой даме и я должен верно исполнить поручение.

— Отдай же мне эту записку, я сам ей отвезу.

— Вот как вы решили, — сказал Олонец с насмешкой, — я так вам и отдам это письмо ни с того, ни с сего.

Он громко расхохотался, и Польшэ последовал его примеру.

— Так убирайтесь же к черту с вашей запиской! — вскричал с гневом молодой человек, — какое мне дело, что вы оставите ее у себя!

— Полно, полно, не сердитесь, черт побери! — примирительным тоном сказал Олонец, — может быть, есть способ все устроить к всеобщему удовольствию, я не так черен, как кажусь, и намерения у меня хорошие, только я не хочу быть обманут, вот и все.

Молодой человек, несмотря на очевидное отвращение, которое внушали ему авантюристы, не смел, однако, бросить их, письмо это могло быть очень важно, и сестра ни-

когда не простила бы ему, конечно, если бы он поступил в этом случае необдуманно.

— Ну говорите же, — сказал он, — только поскорее, становится поздно, я далеко от дома и хочу воротиться до заката солнца, чтобы не тревожить напрасно сестру.

— Какой добрый брат! — продолжал Олонец с иронической улыбкой, — вот что я вам предлагаю: скажите этой даме, что обязанному работнику Монбара поручено отдать ей письмо и что если она хочет получить его, то пусть придет сама.

— Как сама придет, куда?

— Сюда, конечно! Мы с Польшэ хотим устроить букан на этом месте и будем ждать эту даму целый завтрашний день, мне кажется, что я вам предлагаю очень простой и легкий способ.

— И вы думаете, — отвечал граф с иронией, — что моя сестра согласится на свидание, назначенное презренным авантюристом? Полноте, вы с ума сошли!

— Я ничего не думаю, я делаю предложение, которое вы можете принять или отвергнуть, вот и все. Что касается письма, то она получит его не иначе, как если сама за ним придет.

— Почему бы вам не пойти со мной к ней, это кажется было бы гораздо проще.

— Может быть, я сначала так и намеревался, но потом передумал, сами решайте же, что хотите вы делать.

— Моя сестра слишком уважает себя для того, чтобы решиться на подобный поступок, я заранее уверен, что она откажется с негодованием.

— А может быть, вы и ошибаетесь, господин щеголь, — сказал Олонец с лукавой улыбкой, — кто может знать, что думают женщины?

— Чтобы прекратить разговор и так уже слишком долго продолжавшийся, я сообщу ей то, что вы мне сказали, только не скрою от вас что я стану ее отговаривать всеми возможными способами.

— Делайте, что хотите, это до меня не касается, но знайте, если она захочет приехать сюда, то ваши рассуждения не сделают ничего.

— Мы увидим.

— Не забудьте сказать ей, что это письмо от Монбара.

Во время этого разговора, вовсе его не интересовавшего, Польшэ с флегмой и беззаботностью, которые отличали буканьеров, срезал ветви и вбивал колья для палатки, приготовляемой им на ночь.

— Вы видите,— продолжал Олонец,— что мой товарищ уже принялся за работу, прощайте же до завтра, мне некогда разговаривать с вами дольше. Мне надо помочь ему сделать буюан.

— Помогайте, сколько хотите, но я убежден, что вы напрасно рассчитываете на успех поручения, которое я принимаю на себя.

— Вы увидите, а все-таки скажите сеньор. И... еще одно слово, чтобы не было измены.

Молодой человек не удостоил отвечать, он презрительно пожал плечами, повернул свою лошадь и в сопровождении мажордома воротился галопом к домику. Отъехав на некоторое расстояние, он оглянулся, палатка уже была раскинута, и оба буюаньера деятельно занимались буюаном, так мало заботясь об испанцах, которые без сомнения бродили в окрестностях, как будто находились за пятьсот миль от всякого жилища. Потом граф задумчиво продолжал подвигаться по направлению к дому.

— Вот, ваше сиятельство,— сказал ему мажордом,— вы видели пиратов, что вы теперь думаете о них?

— Это люди грубые,— отвечал граф, печально качая головой,— натуры зверские и неукротимые, но чистосердечные и относительно честные, по крайней мере, с их точки зрения.

— Да, да, вы правы, ваше сиятельство, вот почему они каждый день продвигаются все дальше и дальше и, если им позволить, я боюсь, что им скоро будет принадлежать весь остров.

— О! Мы еще до этого не дошли,— сказал граф с улыбкой.

— Извините меня, ваше сиятельство, если я вас спрошу, намерены ли вы говорить, сеньоре об этой встрече?

— Мне хотелось бы не говорить. К несчастью, судя по тому, что вы мне рассказали о том, что происходило между моей сестрой и этими людьми, может быть, мое молчание будет иметь последствия очень важные для нее, лучше, кажется, сказать ей прямо, она лучше меня будет знать, как ей поступить.

— Я думаю, что вы правы, ваше сиятельство, для сеньоры может быть очень важно узнать содержание этого письма.

— Наконец мы приехали, слава Богу!

Ночь уже настала около часа, когда они доехали до дома. С удивлением заметили они необыкновенное движение около дома, огни, зажженные в долине, бросали яркий свет впотьмах; приблизившись, граф узнал, что огни эти

разведены солдатами, которые расположились на биваках. Доверенный слуга ожидал приезда графа и, заметив его, тотчас подал ему несколько писем и просил пожаловать к сеньоре, которая ждала его с нетерпением.

— Что нового случилось здесь? — спросил он.

— Два пятидесятка прибыли сюда на закате солнца, ваше сиятельство, — отвечал слуга.

— Хорошо, — сказал он, слегка нахмутив брови, — скажите сестре, что я сейчас буду у нее.

Слуга поклонился и ушел. Молодой человек сошел с лошади и отправился в комнату донны Клары, заинтересованный непредвиденным прибытием войска в такое место, которое, по-видимому, пользовалось большим спокойствием и где его присутствие было бесполезно.

XXIII

ЗАПУТАННОСТЬ

Теперь нам надо вернуться к одному из наших действующих лиц, которое до сих пор играло весьма второстепенную роль в этой истории, но которое, как это случается часто, должно занять в нашем рассказе место в первом ряду на несколько минут.

Мы говорим о графе дон Стенио Бехар-Суза, испанском гранде первого разряда, губернаторе на острове Испаньола и муже донны Клары Пеннафлор.

Граф дон Стенио Бехар-Суза был настоящий испанец времен Карла Пятого, сухой, жеманный, спесивый, самодовольный, всегда говоривший свысока, когда он удостоивал говорить, что с ним случалось очень редко, не по недостатку ума — он вовсе не был глуп — а из лености и презрения к другим людям, на которых он никогда не смотрел иначе, как прищурившись и с презрением приподняв губы. Высокий, хорошо сложенный, с благородным обращением и с чертами очень изящными, граф, несмотря на свою неразговорчивость, был один из самых интересных мужчин при испанском дворе, которых в то время было очень много. Женился он на донне Кларе из приличия и честолюбия,

но мало-помалу, любуясь очаровательным личиком женщины, на которой он женился, смотря на ее кроткий взгляд, слыша мелодичный звук ее голоса, он влюбился в нее до безумия. Как у всех людей, привыкших сосредоточивать внутренне свои чувства, страсть его к донне Кларе приняла размеры тем более громадные, что она была безнадеежна и оставалась в сердце несчастного человека, имевшего отчаянное убеждение, что она никогда не будет разделена тою, кто внушил ему страсть. Все утешения донна Стенио жена его так решительно отвергала, что он, наконец, стал воздерживаться.

Но так как все отвергнутые любовники, этот, кроме того еще будучи мужем — обстоятельство весьма обидное для пола слишком ослепленного своими достоинствами — для того, чтобы приписывать неудачу собственно себе, стал искать около себя, какой счастливый соперник отнял у него сердце жены. Конечно, графу не удалось найти этого фантастического соперника, который существовал только в его воображении, это дало повод к ревности тем более свирепой, что не зная, за что взяться, он придирался ко всему.

Итак, граф ревновал не как испанец, потому что вообще испанцы, что ни говорили бы о них, не заражены этой глупой болезнью, но как итальянец, и эта ревность заставляла его страдать тем более, что он не мог выказывать ее. Боясь насмешек, он был принужден старательно заключать ее в своем сердце. Когда после его женитьбы на донне Кларе, о замужестве которой с графом де Бармоном он не знал, тесть его герцог Пеннафлор был назначен вице-королем Новой Испании и доставил ему место губернатора на острове Испаньола, граф почувствовал сильную радость; он был убежден, что в Америке его жена, разлученная со своими друзьями и родными, принужденная жить одна и следовательно подчиняться его влиянию, от скуки и от праздности наконец разделит его любовь или, по крайней мере, примет; потом на островах ему нечего было бояться соперничества среди народонаселения полудикого и совершенно поглощенного страстью гораздо могущественнее любви — страстью к золоту.

Увы! Он ошибался и на этот раз; правда, донна Клара не дала ему так же, как и в Испании, предлогов к ревности, но ему не удалось навязать себя ей; с первого дня приезда в Сан-Доминго она обнаружила желание жить одна в уединении, заниматься религиозными обрядами, и граф неволью был принужден с бешенством покориться решимости, которую он признавал неизменной. Он покорился, но

ревность его не погасла, и, если можно употребить это выражение, она тлела под пеплом; одной искры было достаточно, чтобы заставить ее вспыхнуть ярче и ужаснее.

Кроме этого легкого неудовольствия, жизнь, которую граф вел в Сан-Доминго, была самая приятная: он властвовал в звании губернатора, видя, что все преклоняются пред его волей, все, кроме жены, может быть, единственного лица, которое он желал бы переломить. Он имел льстецов и распоряжался самовластно со всеми окружающими его; сверх того, губернаторское звание доставляло ему некоторые права, быстро округлявшие его состояние, в котором сумасбродства, сделанные им в молодости, нанесли довольно серьезные опустошения, но он старался поправить их как можно скорее, так, чтобы не только их совершенно уничтожить, но и не дать возможности подозревать, что они существовали когда-нибудь.

Между тем граф мало-помалу не преодолел, а усыпил свою любовь; он одной страстью старался искоренить другую. Забота об увеличении его состояния заставила его терпеливо принимать равнодушие графини. Он почти начал думать, что чувствует к ней только искреннюю дружбу, тем более, что донна Клара со своей стороны была очаровательна во всем, что не касалось страсти мужа к ней; она интересовалась или, по крайней мере, делала вид, будто интересуется торговыми спекуляциями, которые, по примеру своих предшественников, граф, под чужим именем, не боялся предпринимать, а иногда даже с той верностью суждения, которою обладают женщины, сердце которых свободно, она подавала ему о делах очень скользких превосходные советы, которыми граф пользовался, приписывая всю славу себе.

Дела находились в таком положении, когда настал эпизод с флибустьерами, рассказанный мажордомом дону Санчо Пеннафлору. Безумная борьба пяти человек против целого города, борьба, из которой они вышли победителями, возбудила в графе ярость тем сильнейшую, что флибустьеры, оставляя город, увели с собой графиню, как аманата; тогда граф понял, как он обманывался, предполагая, что его любовь и ревность угасли. В те два часа, в которые продолжалось отсутствие графини, граф вытерпел пытку тем более ужасную, что ярость, которую он испытывал, была бессильна, а мщение невозможно, по крайней мере в настоящем. С этой минуты граф поклялся в неумолимой ненависти к флибустьерам и дал себе слово вести с ними беспощадную войну.

Благополучное возвращение графини, с которой авантюристы обращались с величайшим уважением во все время, пока она находилась в их власти, успокоило бешенство графа с супружеской точки зрения, но оскорбление, полученное им в качестве губернатора, было слишком серьезно для того, чтобы он отказался от мести. С этой минуты самые строгие приказания были отправлены всем начальникам корпусов, чтобы удвоить бдительность и гоняться за авантюристами повсюду, где их встретят; были организованы новые пятидесятки из людей решительных. Авантюристы, которых удалось захватить, были безжалостно повешены. Тишина восстановилась. Спокойствие и доверие колонистов, на минуту поколебленные, воротились, и все пошло обыкновенным порядком.

Графиня выразила желание поправить свое здоровье, проведя несколько недель в Ринконе, и граф, которому доктор сообщил это желание, нашел его весьма естественным; спокойно смотрел он на отъезд своей жены, в убеждении, что в этом месте, куда она отправляется, она не подвергается никакой опасности и что эта снисходительность с его стороны будет оценена графиней. Итак, она уехала, взяв с собой только несколько слуг и доверенных невольников, радуясь, что избавится на несколько времени от принуждения, которое она должна была налагать на себя в Сан-Доминго, и замыслив смелый план, исполнение которого мы видели.

Через час после отъезда дона Санчо Пеннафлора в Ринкон граф кончал свой завтрак и приготовлялся уйти в будуар отдохнуть, когда ему доложили, что какой-то человек, не желавший сказать свое имя, но уверявший, будто губернатор его знает, непременно хотел видеть его, говоря, что он имеет сообщить ему чрезвычайно важные сведения.

Минута была дурно выбрана для того, чтобы просить аудиенции; графу хотелось спать. Он отвечал, что как бы ни были важны эти сведения, он не считает их настолько важными, чтобы пожертвовать своим сном, и что он будет свободен только в четыре часа, и что если незнакомец придет тогда, то он его примет. После этих слов граф встал и, направляясь к своему будуару, бормотал:

— Прости, Господи! Если верить всем этим мошенникам, так не будешь иметь ни минуты покоя.

Он преспокойно растянулся в большой койке, повешенной от одного до другого угла будуара, закрыл глаза и заснул. Сон графа продолжался три часа. Это замедление было причиной очень важных и запутанных обстоятельств.

Проснувшись, дон Стенио забыл о незнакомце; ему случалось часто иметь дело попусту с людьми, уверявшими, будто они имеют сообщить ему важные сведения, так что он не приписал ни малейшей важности словам незнакомца и они совершенно изгладились из его памяти.

В ту минуту, когда он входил в залу, где он обыкновенно давал аудиенции и которая теперь была совершенно пуста, лакей, прежде докладывавший о незнакомце, явился снова.

— Что тебе нужно? — спросил его губернатор.

— Ваше сиятельство, — отвечал лакей почтительно поклонившись, — человек этот опять пришел.

— Какой человек? — спросил граф.

— Тот же, который приходил утром.

— Ну, и чего же он хочет? — продолжал граф.

— Он хочет, чтобы вы приняли его. Он говорит, что имеет сообщить вам очень важные вещи.

— А! Очень хорошо; помню, это тот самый, о котором ты докладывал мне утром?

— Тот самый, ваше сиятельство.

— Как его зовут?

— Он желает сказать свое имя только вашему сиятельству.

— Гм! Мне не нравятся эти предосторожности; они не предвещают ничего хорошего. Послушай, Хосе, когда он придет, скажи ему, что я не принимаю людей, которые хотят сохранить инкогнито.

— Он уже пришел.

— Так скажи ему это сейчас.

Он повернулся к лакею спиной; тот вышел, но через пять минут вернулся.

— Ну! Ты велел ему уйти? — спросил граф.

— Нет, он поручил мне передать эту карточку вашему сиятельству. Он уверяет, что этой карточки будет достаточно для того, чтобы ваше сиятельство приняли его.

— О! О! — сказал граф, — это очень любопытно; посмотрим этот знаменитый талисман.

Он взял карточку из рук лакея, бросил на нее рассеянный взгляд, потом вдруг вздрогнул, нахмурил брови и, обернувшись к лакею, приказал:

— Проводи этого человека в желтую гостиную; пусть он подождет меня там, я сейчас иду туда. Черт побери! Черт побери! — бормотал он, оставшись один, — давно уже этот негодяй не давал о себе известия, а я думал, что его повесили или что он утонул. Неужели этот ловкий плут действительно имеет сообщить мне важные известия? Увидим.

Потом, выйдя из комнаты, в которой он находился, он торопливо отправился в желтую гостиную, где уже находился человек, приславший ему карточку. Увидя губернатора, он поспешно встал и сделал почтительный поклон. Граф обернулся к лакею, который пошел за ним отпереть двери.

— Меня нет дома ни для кого, — сказал он, — ступай.

Лакей вышел и запер за собою двери.

— Теперь мы остались вдвоем, — сказал граф, опускаясь на кресло и указывая незнакомцу на стул.

— Я жду приказаний вашего сиятельства, — почтительно отвечал тот.

— Моих приказаний? Я кажется не отдавал вам никаких.

— Извините, если я позволю себе напомнить вам некоторые обстоятельства, о которых кажется вы забыли.

— Напомните, мой милый, я очень этого желаю; только я замечу вам, что мое время драгоценно и другие, кроме вас, ждут моего присутствия.

— Я не стану распространяться, ваше сиятельство.

— Этого-то я и желаю. Начинайте.

— Разве ваше сиятельство не помните, что через несколько дней после происшествий с пиратами вы сказали в минуту гнева и нетерпения, что вы дадите десять тысяч пиастров за то, чтобы получить положительные сведения об авантюристах, об их силах, об их планах?

— Действительно, я помню, что я это сказал. Далее?

— Ваше сиятельство дали обещание при мне. Уже несколько раз вы давали мне разные поручения; когда вы сказали это, вы смотрели на меня, я предположил, что вы обращаетесь ко мне, и стал действовать.

— То есть?

— То есть из преданности к вашему сиятельству, несмотря на бесчисленные опасности, которым я должен был подвергаться, я решил достать сведения, которых вы так желали и...

— И вы узнали что-нибудь? — с живостью спросил граф, который до сих пор мало обращал внимание на слова незнакомца.

— Я узнал многое, ваше сиятельство.

— Неужели! Что же, например? Только, пожалуйста, — поправился граф, — не повторяйте мне слухов и разных пустяков, мне прожужжали ими уши.

— Сведения, которые я буду иметь честь сообщить вашему сиятельству, почерпнуты из хорошего источника, потому что я сам ездил за ними в притон этих пиратов.

Граф с восторгом взглянул на этого человека, который не побоялся подвергнуться такой большой опасности.

— Я весь превратился в слух,— сказал он,— говорите сеньор.

— Ваше сиятельство,— продолжал шпион, теперь мы можем так называть незнакомца,— я приехал с острова Св. Христофора.

— Э! Но ведь именно на этом острове и приютились пираты.

— Точно так, ваше сиятельство. Мало того, я еще воротился на их корабль.

— О-о! — сказал губернатор,— расскажите-ка мне это, милый дон Антонио, кажется, так вас зовут?

— Точно так, ваше сиятельство, меня зовут дон Антонио де ла-Ронда.

— Вы видите,— улыбаясь продолжал граф,— что иногда я помню хорошо.

Он сделал на этих словах ударение, заставившее задрожать от радости шпиона. Дон Антонио рассказал, как он попал на остров, как его узнал и захватил Монбар, как он отправил его на свое судно, как авантюристы предприняли большую экспедицию, сначала против острова Сан-Доминго, а потом против острова Черепеха, на котором пираты хотели поселиться, и каким образом по прибытии к гавани Марго ему удалось убежать, и как он поспешил привезти это известие его сиятельству. Граф выслушал с самым серьезным вниманием рассказ дона Антонио, и по мере того, как шпион рассказывал, лицо губернатора становилось все озабоченнее; действительно, шпион не обманул его: эти известия были чрезвычайно важны.

— Гм! — отвечал он,— давно ли пираты прибыли к гавани Марго?

— Неделю тому назад.

— Так давно уже, а меня не предупредили!

— Несмотря на то, что я чрезвычайно спешил, будучи принужден принимать величайшие предосторожности, чтобы не попасть опять в руки пиратов, которые без сомнения послали за мною погоню, я приехал только сегодня утром и пошел прямо к вам во дворец.

Граф закусил себе губы, по его вине пропало несколько часов, однако он оставил без внимания косвенный упрек, сделанный ему шпионом, потому что понимал всю его справедливость.

— Вы заслужили обещанные десять тысяч пиастров, дон Антонио, — сказал он.

Шпион вздрогнул от удовольствия.

— О! Это еще не все, ваше сиятельство, — отвечал он с улыбкой.

— Разве есть еще что? — спросил граф, — а я думал, что вы сообщили мне все.

— Я сделал официальное донесение губернатору Испаньолы, донесение даже подробное, в котором я не забыл ничего, что могло бы помочь ему защитить остров, вверенный его попечениям.

— Ну?

— Теперь мне остается сообщить графу Бехару, если только он желает, некоторые сведения, очень интересные для него.

Граф устремил на этого человека пронизательный взгляд, как будто хотел прочесть в глубине его души.

— Графу Бехару? — сказал он с рассчитанной холодностью, — какое интересное известие можете вы сообщить ему? Как партикулярный человек, я, кажется, не имею никаких дел с пиратами.

— Может быть, ваше сиятельство. Впрочем, я буду говорить только по приказанию вашего сиятельства, и прежде чем объяснюсь, попрошу вас простить мне, если то, что я скажу, будет оскорбительно для вашей чести.

Граф побледнел, брови его нахмурились.

— Берегитесь, — сказал он мрачным голосом, — берегитесь переступить за границы, и, желая доказать слишком многое, не попадите в противную крайность; честью моего имени играть нельзя, и я никогда не позволю напечатлеть на ней ни малейшего пятна.

— Я не имею никакого намерения оскорбить ваше сиятельство, я говорю таким образом только из усердия к вам.

— Хорошо, я этому верю; однако так как честь моего имени касается меня одного, я не признаю ни в ком права говорить о ней даже с добрым намерением.

— Прошу прощения у вашего сиятельства, но я верно дурно объяснился; то, что я имею вам сообщить, относится только к заговору, задуманному против графини, конечно без ее ведома.

— Заговор против графини! — запальчиво вскричал дон Стенио, — что вы хотите сказать, сеньор? Объясните немедленно, я этого требую!

— Ваше сиятельство, если так, я буду говорить. Графиня, кажется, находится в окрестностях городка Сан-Хуана?

— Это правда. Но вы почему это знаете, когда, по вашим словам, приехали в Сан-Доминго только несколько часов тому назад?

— Я это предполагаю потому, что я слышал, как говорили на том корабле, на котором я воротился в Испаньо-лу, о свидании, которое главный начальник авантюристов должен был иметь через несколько дней в окрестностях Артибонита.

— О! — вскричал граф, — ты лжешь, негодяй!

— С какой стати? — холодно отвечал шпион.

— Почему я знаю, из ненависти, из зависти, может быть.

— Я! — сказал шпион, пожав плечами. — Полноте, ваше сиятельство! Такие люди, как я, шпионы, если уж надо назвать вещи своим именем, увлекаются только одной страстью — к золоту.

— То, что вы мне сказали, совершенно невозможно! — с волнением возразил граф.

— Кто мешает вам удостовериться, что я говорю правду, ваше сиятельство?

— Я это и сделаю! — вскричал он, с бешенством топнув ногой.

Потом приблизившись к шпиону, спокойно и неподвижно стоявшему посреди комнаты, и посмотрев ему прямо в глаза с выражением ярости, которое невозможно передать, граф сказал голосом глухим и прерывающимся от гнева:

— Послушай, негодяй, если ты солгал, ты умрешь!

— Согласен, ваше сиятельство! — холодно отвечал шпион, — но если я сказал правду?

— Если ты сказал правду?.. — вскричал граф, — нет, повторяю, это невозможно!

Увидя мимолетную улыбку на губах шпиона, граф прибавил:

— Хорошо, если ты сказал правду, сам назначь награду, и какова бы она ни была, клянусь честью дворянина, ты получишь ее.

— Благодарю, ваше сиятельство, — отвечал шпион, поклонившись, — я принимаю ваше слово.

Граф ходил несколько минут большими шагами по комнате в сильном волнении, по-видимому, совершенно забыв о присутствии шпиона, бормоча прерывистые слова, с гневом размахивая руками и, по всей вероятности, за-

мышляя зловещий план мщения; наконец, он остановился и, обратившись к шпиону, сказал:

— Ступай, но не уходи из дворца, или лучше подожди.

Схватив колокольчик со стола, он сильно позвонил. Вошел лакей.

— Позвать унтер-офицера и четырех солдат,— сказал граф.

Шпион пожал плечами.

— К чему служат все эти предосторожности, ваше сиятельство? — сказал он,— разве не требуют мои выгоды, чтобы я не уходил?

Граф смотрел на него внимательно несколько минут, потом движением руки выслал лакея.

— Хорошо,— сказал он потом,— я полагаюсь на вас, дон Антонио де ла-Ронда. Ждите моих приказаний; скоро вы мне понадобится.

— Я не уйду, ваше сиятельство.

Почтительно поклонившись, он, наконец, ушел. Оставшись один, граф предавался несколько минут всей силе бешенства, так долго сдерживаемого, но мало-помалу к нему воротилось хладнокровие, и он начал размышлять.

— О, я буду мстить! — вскричал он.

Тогда с лихорадочной деятельностью он отдал приказание отправить многочисленные отряды на разные пункты, так, чтобы совершенно окружить дель-Ринкон, куда было отправлено два пятидесятка под командою решительных и опытных офицеров. Приняв эти меры, и когда отряды были уже отправлены, через час после заката солнца граф, закутавшись в толстый плащ, поехал верхом в сопровождении дон Антонио и доверенных офицеров, инкогнито проехал город, не будучи узнан, и тогда, обернувшись к сопровождавшим его лицам, сказал глухим голосом:

— Теперь скачите во весь опор; не бойтесь загнать ваших лошадей, на дороге приготовлена смена.

Он вонзил шпоры в бока лошади, которая заржала от боли, и все помчались с головокружительной быстротой вихря.

— А-а! — восклицал граф, подстрекая свою лошадь, усилия которой были сверхъестественны,— успею ли я вовремя?

МАРГО

Теперь мы воротимся к флоту флибустьеров, который мы оставили направляющимся к Кейе, к месту сблища, удачно выбранному по причине близости его к Сан-Доминго и того обстоятельства, что он находился напротив острова Черепахи.

По своему обыкновению, каждый раз как авантюристы предпринимали экспедицию, они брали с собой только военные снаряды и съестных припасов дня на два, потому что они делали высадки на острова, встречавшиеся им на пути, и грабили испанских колонистов, поселившихся на этих островах.

Это случилось и теперь: флибустьеры оставляли за собой длинную полосу огня и крови, безжалостно умерщвляя беззащитных испанцев, которых вид их приводил в ужас, захватывая их скот и грабя дома, а потом сжигая их. Первый корабль, доехавший до Кейе, был люгер, на котором находился Монбар и на котором командиром был Мишель Бискаец. На другой день через несколько часов одна после другой пришли две бригаантины. Они бросили якорь направо и налево от адмиральского люгера на два кабельтова от берега. В это время в Кейе жили краснокожие караибы, перебежчики с Сан-Доминго, откуда их прогнали жестокости испанцев, они укрылись на этом острове, на котором жили довольно хорошо по милости плодоносной почвы и союза, который они заключили с флибустьерами. Как только три корабля бросили якорь, их окружило множество пирог, на которых караибы привезли им съестных припасов всякого сорта. В тот же вечер адмирал съехал на берег с большей частью своего экипажа и другие капитаны последовали его примеру; на судах осталось только необходимое число людей. По знаку адмирала вся команда стала на берегу полукругом около него, капитаны в первом ряду. Позади стояли караибы, внутренне тревожась этой грозной высадкой, причины которой они не понимали, с беспокойством ожидая что будет происходить.

Монбар, держа в руке белый флаг, широкие складки которого развевались над его головой, а в другой длинную пшагу, обвел взором всех окружавших его.

В одежде весьма легкой, но все хорошо вооруженные,

с загорелыми лицами, с сильными членами, с энергичными чертами, с надменным взором, авантюристы, таким образом окружившие этого человека, гордо стоявшего перед ними, отбросив голову назад, с дрожащими губами, с надменным взором — авантюристы представляли, говорим, поразительный вид, свирепая жестокость которого не была лишена некоторого величия, которое еще увеличивалось от первобытного пейзажа, составлявшего грунт картины, и от пестрой толпы индийцев, растревоженные лица которых и характеристические позы придавали эффект этой сцене. Несколько времени слышался шум морских волн, разбивавшихся о берег, мрачный трепет толпы; потом мало-помалу шум затих и глубокая тишина водворилась на берегу.

Тогда Монбар сделал шаг вперед и голосом твердым и звучным, мужественный тон которого скоро пленил всех этих людей, жадно прислушивавшихся к его словам, объяснил им цель экспедиции, до сих пор им неизвестную.

— Береговые братья, — сказал он, — матросы и друзья! Настала минута обнаружить, чего я жду от вашего мужества и вашей преданности к общему делу. Вы не наемники, которые за умеренную плату дают убивать себя как скотов, не зная даже за что они дерутся. Нет, вы все люди с сердцем, натуры избранные; вы хотите знать цель, к которой вы идете, и какую выгоду вы получите от ваших усилий. Многие из наших знаменитых товарищей и я решились напасть на самые богатые владения подлых испанцев, которые думали обесславить нас, заклеивив именем разбойников, и которые при виде наших маленьких пирог разбегаются как стая испуганных чаек. Но для того, чтобы мщение наше было верно, для того, чтобы мы успели завладеть богатствами наших врагов, нам надо иметь пункт достаточно близкий к центру наших действий, для того, чтобы мы могли напасть на них неожиданно, и достаточно сильный для того, чтобы все кастильское могущество разбилось о него в бесполезных усилиях. Остров Св. Христофора очень отдален; притом высадка адмирала дона Фернандо Толедо служит нам доказательством, что как ни храбры мы, нам никогда не удастся укрепиться там настолько, чтобы пренебрегать яростью наших врагов. Следовательно, надо было найти место более благоприятное для наших планов, пункт, который легко сделать неприступным. Наши друзья и я принялись за дело; долго искали мы с настойчивостью людей, решившихся успеть; Гос-

подъ удостоил, наконец, благословить наши усилия: мы нашли этот приют в условиях самых благоприятных.

Тут Монбар замолчал на несколько минут. Электрический трепет пробежал по рядам авантюристов, глаза их метали молнии, они сжимали ружья в своих сильных руках, как будто с нетерпением желали начать обещанную им борьбу. Улыбка удовольствия прояснила на минуту бледное лицо адмирала. Потом знаком руки потребовав внимания, он продолжал:

— Братья, перед нами остров Сан-Доминго — он протянул руку к морю: — Сан-Доминго! Прекраснейший и богатейший из всех островов, которыми обладает Испания. На этом острове многие из наших братьев, избавившись от резни на острове Св. Христофора, поселились и энергично борются с испанцами, чтобы удержаться на земле, завоеванной ими. К несчастью, их слишком мало, несмотря на их мужество, для того, чтобы сопротивляться неприятельским войскам. Скоро они будут вынуждены оставить остров, если мы не подоспеем к ним на помощь. Они позвали нас, мы ответили на этот зов наших братьев, которым честь предписывала нам помочь в час опасности. Делая доброе дело, мы исполняем план, давно задуманный нами, и находим наконец тот неприступный пункт, которого мы искали так долго! Вы знаете все остров Черепаху, братья. Отделенный только узким каналом от Сан-Доминго, он возвышается как передовой часовой среди моря. Вот орлиное гнездо, откуда мы смеясь будем пренебрегать бешенством испанцев. На остров Черепаху, братья!

— На остров Черепаху! — вскричали авантюристы, с восторгом размахивая оружием.

— Хорошо! — возразил Монбар, — я знал, что вы поймете меня и что я могу на вас положиться. Но прежде чем мы захватим Черепаху, защищаемую только небольшим гарнизоном из двадцати солдат, которые убегут при первом натиске, нам необходимо, защищая наших братьев в Сан-Доминго и обеспечивая им землю, которую они захватили, сохранить для себя полезные гавани, выгодные места для сбыта товаров, а в особенности способы легко вредить испанцам и, если возможно, совершенно прогнать их с острова, часть которого они уже потеряли. Завтра мы отправимся в гавань Марго, там условимся с нашими братьями и соединим наши планы таким образом, чтобы извлечь из нашей экспедиции честь и прибыль. Теперь, братья, пусть каждый экипаж вернется на свой корабль; завтра на восхо-

де солнца мы бросим якорь у гавани Марго, а через несколько дней я обещаю вам чудные битвы и богатую добычу, которую мы разделим между всеми. Да здравствует Франция и смерть Испании!

— Да здравствует Франция! Смерть Испании! Да здравствует Монбар! — вскричали авантюристы.

— Пойдемте, братья, — продолжал Монбар, — в особенности не забудьте, что бедные индийцы, жители этого острова, наши друзья и что с ними следует обращаться как с таковыми.

Авантюристы последовали за своими офицерами и переехали на свои суда в совершенном порядке. На восходе солнца эскадра снялась с якоря. Разумеется, вся провизия была куплена авантюристами у индийцев за наличные деньги, и никто не мог пожаловаться на их пребывание в Кейе. Через несколько часов эскадра вошла в канал, разделяющий Сан-Доминго от Черепахи, и бросила якорь в гавани Марго. Испанский остров виднелся со своими громадными горами, высокими утесами, вершины которых как будто прятались в небе, между тем, как с другой стороны Черепаха со своими густыми, зелеными лесами казалась корзиною цветов, вышедшею из глубины моря.

Как только суда бросили якорь, пирога, в которой сидело четыре человека, подъехала к люгеру. Эти четыре человека были Польшэ, которого мы уже видели, работник Олонец и Прыгун, караибский начальник. Индиец заменил европейский костюм одеждою своего народа. Монбар пошел на встречу к посетителям, поклонился им и повел их в каюту.

— Милости просим, — сказал он им, — через минутудругую начальники экспедиции будут здесь, тогда мы поговорим, а пока не угодно ли выпить.

Он приказал работнику подать напитков. Польшэ и Прыгун сели, не заставляя себя просить, Олонец скромно остался на ногах; как обязанный работник, он не смел позволить себе стать на равную ногу с авантюристами; тогда Мишель Бискаец вошел в каюту.

— Адмирал, — сказал он Монбару, — капитаны Дрэк и Давид приехали; они ждут на палубе.

— Пусть идут сюда, я должен поговорить с ними.

Мишель Бискаец вышел и через несколько минут воротился с обоими капитанами. После первых приветствий оба офицера налили себе полный стакан, потом выпилил и сели в ожидании известий, которые без сомнения их начальник приготовился сделать им. Монбар знал цену вре-

мени и не подвергал их терпение продолжительному испытанию.

— Братья,— сказал он,— представляю вам Польшэ, которого без сомнения вы знаете понаслышке.

Авантюристы поклонились улыбаясь и протянули руку буканьеру. Тот дружелюбно отвечал на их пожатие.

— Польшэ,— продолжал Монбар,— отправлен к нам депутатом нашими братьями буканьерами из гаваней Марго и Мира; я предпочитаю предоставить ему самому объяснить, чего он ждет от нас; таким образом мы успеем легче уговориться. Говорите же, братья, мы вас слушаем.

Польшэ налил себе сначала полный стакан рому, который опорожнил разом, без сомнений для того, чтобы прояснить себе мысли, потом после двух-трех громких «гм» он решился, наконец, заговорить:

— Братья,— сказал он потом,— как бы нас ни называли, флибустьеры, буканьеры или жители, происхождение у нас одно, не правда ли, и мы все авантюристы. Мы обязаны подавать помощь и покровительство друг другу, как чистосердечные матросы; но для того, чтобы это покровительство было действительно, чтобы ничего не могло ослабить в будущем союз, в который мы вступаем ныне, и мы и вы должны находить истинную выгоду в этом союзе, не правда ли?

— Совершенная правда,— подтвердил Мишель.

— Вот в двух словах, что происходит,— продолжал Польшэ,— мы здесь буканьеры и жители, точно птицы на ветвях; нас постоянно преследуют испанцы, гоняясь за нами как за хищными зверями; повсюду, где нас застанут, мы поддерживаем неравную борьбу, в которой мы изнемогаем, не знаем сегодня, будем ли живы завтра, и теряем мало-помалу все, что мы приобрели; это не может далее продолжаться без катастрофы, которую с вашей помощью мы надеемся не только отворотить, но и не допустить окончательно; захватив остров Черепаху, дурно защищенный, вы доставите нам верное убежище в случае опасности, приют, всегда открытый в минуту кризиса; но это еще не все, нам надо упрочить за собой границы для того, чтобы спокойствие царствовало в нашей колонии, чтоб купеческие корабли не боялись входить в наши гавани и чтоб мы нашли сбыт для наших кож, копченого мяса и сажи. Границы эти закрепить за нами легко, надо только захватить два пункта, один внутри, который испанцы называют Большой Сан-Хуанской степью, а который мы называли *Большим дном*. Сан-Хуанское население посредственно укрепле-

но и в нем живут только мулаты, люди смешанной крови, с которыми мы справимся легко.

— Это Большое дно, как вы его называете, пересекается с Артибонитом? — спросил Монбар, переглянувшись с Олонецем, который стоял возле него.

— Да, — продолжал Польшэ, — а в середине находится дом, называемый Ринкон, принадлежащий, кажется, испанскому губернатору.

— Славно было бы захватить этого человека! — сказал Мишель.

— Да, но вряд ли нам это удастся; он должен быть в Сан-Доминго, — заметил Польшэ.

— Может быть; продолжайте.

— Другой пункт называется Леоган, или, как называют его испанцы, Игуана, то есть ящерица, по причине формы перешейка, на котором он построен; обладание этой гаванью сделало бы нас властелинами всей западной части острова и позволило бы нам прочно там утвердиться.

— Защищен ли Леоган? — спросил Давид.

— Нет, — отвечал Польшэ, — испанцы предоставляют его разрушению, что впрочем, они делают со всеми пунктами, занимаемыми ими, потому что нет рук для работы после уничтожении туземной породы на острове; они бросают мало-помалу прежние поселения и удаляются к востоку.

— Очень хорошо, — сказал Монбар, — вот все, чего вы желаете.

— Да, все, — отвечал Польшэ.

— Теперь скажите, что же предлагает брат?

— Вот что: мы буканьеры будем охотиться для вас за дикими волами и кабанами и будем снабжать провизией ваши корабли по цене заранее установленной и которая не должна превышать половины той цены, которую мы будем спрашивать от иностранных судов, которые будут вести с нами торг. Мы будем вас защищать, когда на вас нападут, и для больших экспедиций вы будете иметь право требовать одного из пяти человек, когда вам понадобятся люди. Жители, обрабатывающие землю, будут доставлять вам овощи, табак, лес для починки ваших судов, на условиях, одинаковых с условиями для провизии. Вот что мне поручено предложить вам, братья, от имени жителей и буканьеров французских на острове Сан-Доминго; если эти условия вам нравятся, а я их нахожу справедливыми, примите их; вы не раскаетесь, что вступили с нами в договор.

Эти предложения уже были известны флибустьерам;

они рассуждали уже между собой о выгодах их, чему служило доказательством их присутствие в гавани Марго.

— Мы принимаем ваши предложения, братья,— отвечал Монбар,— вот моя рука от имени флибустьеров, которых я представитель.

— А вот моя,— отвечал Польшэ,— от имени жителей и буханьеров.

Другого договора, кроме этого честного пожатия рук, между авантюристами не было; таким образом был заключен союз, который до последнего вздоха буханьерства оставался так же чистосердечен и жив, как союз авантюристов.

— Теперь,— продолжал Монбар,— начнем по порядку; сколько у вас братьев, готовых к сражению?

— Семьдесят,— отвечал Польшэ.

— Очень хорошо; мы прибавим сто тридцать человек флотской команды, что нам составит двести хороших ружей; а вы, начальник, что можете сделать для нас?

Прыгун до сих пор молчал, слушая, что говорили, с индийским приличием и важностью, терпеливо ожидая, когда настанет очередь говорить.

— Прыгун прибавит двести воинов караибских к длинным ружьям бледнолицых,— отвечал он,— сыновья его предупреждены, они ждут приказаний начальника. Олонец их видел.

— Хорошо, эти четыреста человек будут под моим начальством; так как эта экспедиция самая трудная и самая опасная, я беру ее на себя. Со мной поедет Мишель Бискаец; у меня на корабле есть проводник, который доведет нас до Сан-Хуанской степи. Вы, Уильям Држ и Давид нападете на Леоган с вашими судами; Тихий Ветерок, только с пятнадцатью матросами, захватит Черепаху. Наши три атаки, братья, должны быть сделаны в одно время, чтоб испанцы, застигнутые вдруг на трех пунктах, не могли помогать друг другу. Завтра вы выйдете опять в море, господа, и возьмете с собою сто двадцать пять человек, чего, я полагаю, слишком довольно для того, чтоб захватить Леоган врасплох. А ты, Тихий Ветерок, с остальными пятнадцатью матросами останешься здесь на люгере и будешь наблюдать за Черепахой. Сегодня пятое число, братья, пятнадцатого будет атака; десяти дней достаточно, чтоб каждый из нас отправился к своему посту и чтоб все меры были приняты. Теперь, господа, воротитесь на ваши корабли и пришлите на берег под начальством офицеров все контингенты, которыми я буду распоряжаться.

Оба капитана поклонились адмиралу, вышли из каюты и воротились на суда.

— А вы, брат,— обратился Монбар к Польштэ,— отправляйтесь с Олонецем в Сан-Хуанскую степь как будто на охоту, только внимательно наблюдайте за местечком Сан-Хуан и за домом дель-Ринкон. Нам надо, если возможно, захватить обитателей этого дома; они богаты, влиятельны, взятие их в плен может иметь для нас важность; вы условитесь с Прыгуном насчет помощников, которых он должен привести. Может быть, не дурно было бы начальнику постараться привлечь испанцев по своим следам и принудить их оставить свои позиции, тогда мы могли бы разбить их порознь; поняли ли вы меня, брат?

— Еще бы! — отвечал Польштэ,— разве я дурак? Будьте спокойны, я буду действовать соображаясь с этим.

Монбар обернулся к Олонцу и сделал ему знак. Работник подошел.

— Поезжай на берег с караибом и Польштэ,— сказал ему адмирал, наклонясь к его уху,— смотри на все, прислушивайся ко всему, наблюдай за всем; через час Тихий Ветерок передаст тебе письмо, которое ты должен отдать в собственные руки донне Кларе Бехар; она живет в доме дель-Ринкон.

— Это легко,— отвечал Олонец,— я отдам ей, если нужно, посреди всех ее слуг, в самом ее доме.

— Сохрани тебя Бог! Сделай так, чтобы она сама пришла к тебе за письмом.

— Черт побери! Это немножко потруднее, однако я постараюсь успеть.

— Ты должен успеть.

— Ну, когда так, честное слово, вы можете на это положиться!

Польштэ встал.

— Прощайте, брат,— сказал он,— когда завтра вы съедете на берег, я буду уже на пути к Сан-Хуанской степи; стало быть, мы встретимся только там; но не беспокойтесь, вы все найдете в порядке по приезде; да, кстати, взять мне с собой вспомогательный корпус буканьеров?

— Конечно, они очень будут вам полезны для того, чтобы наблюдать за неприятелем, только спрячьте их хорошенько.

— Не тревожьтесь об этом,— сказал он.

В эту минуту Мишель Бискаец вдруг вбежал в каюту; черты его были искажены гневом.

— Что такое случилось? Опомнись! — холодно сказал Монбар.

— С нами случилось большое несчастье! — вскричал Мишель, который с бешенством рвал на себе волосы.

— Какое же? Говори!

— Этот негодяй Антонио де ла-Ронда...

— Ну! — перебил Монбар, задрожав.

— Убежал.

— Черт побери!

— Десять человек бросились за ним в погоню.

— Конечно, они его не догонят! Как же быть?

— Что с вами случилось? — спросил Польшэ.

— Проводник наш убежал.

— Только-то? Я берусь доставить вам другого.

— Да, но этот шпион, может быть, самый хитрый из всех испанских шпионов; он знает наши тайны и может повредить успеху нашей экспедиции.

— Сохрани нас Бог! — спокойно сказал буканьер, — не думайте об этом, брат; сделанного воротить нельзя; пойдем вперед.

Он вышел, по-видимому, вовсе не расстроенный случившимся.

XXV

ФРЭЙ-АРСЕНИО

Скажем, кто были эти буканьеры, о которых мы уже говорили, и отчего происходит имя, которым их называли другие и сами они. Краснокожие караибы на Антильских островах имели обыкновение, захватывая пленников в ожесточенных битвах, которые они вели друг с другом и с белыми, рубить пленников на куски, которые они раскладывали на плетенках из прутьев, под которыми разводили огонь. Плетенки эти назывались *барбако*, место, где они клали их — *буканом*, а копчение мяса — *буканированием*. Отсюда-то французские буканьеры заимствовали свое название, с той разницею, что они поступали с животными таким образом, как караибы с людьми.

Первые буканьеры были испанцы, поселившиеся на Антильских островах и имевшие постоянные сношения с

индийцами, когда они занимались охотою; они привыкли называть сами себя этим индийским названием, которое, впрочем, трудно было бы заменить другим. Буканьеры не занимались другим ремеслом кроме охоты; они разделялись на два разряда; первые охотились только за волами, чтобы сдирать с них кожу, вторые — за кабанами, чтобы пользоваться мясом, которое они солили и продавали жителям. Эти два разряда буканьеров носили почти одинаковый костюм и вели почти один и тот же образ жизни. Настоящие буканьеры были те, которые охотились за волами, а других они иначе не называли, как охотниками. Буканьеры водили с собою свору из двадцати пяти ищеек, стоившую, по условию между ними, тридцать ливров. Как мы уже говорили, оружие их составляло длинное ружье, фабрикованное в Дьеппе или Нанте; охотились они всегда по двое по крайней мере, иногда их собиралось и более, и тогда все было общее между ними. По мере того, как мы будем подвигаться в рассказ истории этих странных людей, мы войдем в большие подробности об их образе жизни и странных обычаях.

Когда дон Санчо и мажордом уехали, Польшэ и Олонец долго и насмешливо глядели им вслед, потом опять принялись устраивать свой букан как ни в чем не бывало. Как только букан был устроен, огонь разведен, мясо положено на плетенку, Олонец и Польшэ принялись за дело. Шкуру вола разостлали они на землю и прибили ее к земле гвоздями, потом сильно натерли золой, смешанной с солью, для того, чтобы шкура высохла как можно скорее. Потом занялись ужином; приготовления были непродолжительны и несложны: кусок говядины был положен в котелок, наполненный водой и солью, стоявший на огне; говядина скоро сварилась, Олонец вынул ее из котелка посредством длинной острой палочки и положил на пальмовый лист, служивший вместо блюда, потом собрал жир деревянной ложкой и бросил его в горлянку; на этот жир он выжал сок из лимона, прибавил немного перца, смешал, и знаменитый перечный соус, так любимый буканьерами, был готов. Тогда, положив говядину на чистое место перед палаткой возле горлянки, он позвал Польшэ, и, сев друг против друга, они взяли ножи, деревянную палочку вместо вилки и принялись есть с аппетитом, старательно обмакивая каждый кусок говядины в перечный соус. Собаки окружали их, не смея ничего просить, и жадно смотрели на разложенную провизию, следя сверкающими глазами за каждым куском, который глотали авантюристы. Они ели та-

ким образом молча уже несколько времени, когда две собаки подняли голову, с беспокойством обнюхали воздух, а потом залаяли, а за ними вся свора разразилась громким лаем.

— Э-э! — сказал Польша, прихлебывая водку и передавая горлянку Олонцу, — это что значит?

— Это верно какой-нибудь путешественник, — беззаботно отвечал Олонец.

— В такое время? — сказал буканьер, подняв глаза к небу и смотря на звезды, — черт побери! Уже больше девяти часов.

— Не знаю, что это может быть, но если я не ошибаюсь, мне слышится лошадиный галоп.

— Это правда, сын мой, ты не ошибаешься, это действительно лошадиный топот. Ну вы, молчите! — закричал он на собак, которые залаяли еще громче и готовы были броситься вперед, — ложитесь, черт вас побери!

Собаки, давно привыкшие без сомнения повиноваться повелительному тону этого голоса, немедленно уселись на свое место, перестали лаять, но продолжали глухо ворчать.

Между тем лошадиный галоп, который собаки услышали издалека, быстро приближался, скоро он сделался совершенно ясен и, наконец, через несколько минут всадник выехал из леса, хотя вследствие ночной темноты нельзя было узнать, кто он. Въехав в степь, он остановил свою лошадь, несколько минут осматривался вокруг с нерешительным видом, потом снова прищипорил лошадь и крупной рысью направился к букану. Доехав до двух буканьеров, спокойно продолжавших ужинать, он поклонился им и заговорил с ними по-испански.

— Добрые люди, — сказал он, — кто бы вы ни были, я прошу вас именем нашего Спасителя Иисуса Христа дать на эту ночь гостеприимство заблудившемуся путешественнику.

— Вот костер, вот говядина, — лаконично отвечал буканьер на том же языке, на котором говорил незнакомец, — отдохните и закусите.

— Благодарю вас, — отвечал приезжий.

Он сошел с лошади, и при этом движении плащ его раскрылся и буканьеры заметили, что на этом человеке монашеская ряса. Открытие это удивило их, но они не обнаружили своего удивления. Незнакомец со своей стороны сделал движение испуга, тотчас сдержанное, узнав, что торопясь отыскать приют на ночь, он напал на букан французских авантюристов.

Между тем буканьеры дали ему место возле себя, и по-

ка он надевал путы на лошадь и снимал с нее узду для того, чтобы она могла есть высокую сухую траву, росшую в степи, они приготовили ему достаточную часть говядины, чтобы утолить аппетит человека, двадцать четыре часа не имевшего ничего во рту. Несколько успокоенный дружеским обращением авантюристов и от невозможности поступить иначе, приезжий покорился тому неприятному положению, в которое поставила его опрометчивая поспешность, и, сев между своими хозяевами, принялся есть, размышляя про себя, каким образом выбраться бы ему из опасности, в какой, по его мнению, он находился.

Между тем авантюристы, которые перед его приездом почти уже кончили свой ужин, дали есть собакам, чего те ждали с нетерпением, потом раскурили трубки и начали курить вовсе не занимаясь своим гостем. Наконец приезжий вытер себе рот и, чтобы доказать своим хозяевам, что он был так же спокоен, как и они, взял сигарку и стал курить также беззаботно, как и буканьеры.

— Благодарю вас за ваше великодушное гостеприимство, сеньоры,— сказал он через минуту, понимая, что более продолжительное молчание может быть перетолковано к невыгоде его,— мне было необходимо собраться с силами, я с самого утра ничего не ел.

— Это большая неосторожность, сеньор,— отвечал Польшэ,— отправиться без сухарей, как выражаемся мы, матросы; степи похожи на море, знаешь, когда пуститься в них, а никогда не знаешь, когда из них выйдешь.

— Вы говорите совершенную парвду, сеньор; без вас мне пришлось бы провести очень неприятную ночь.

— Ба! Не говорите об этом, сеньор; мы сделали все, что в подобных обстоятельствах желали бы, чтоб сделали для нас; гостеприимство — священный долг, от которого никто не имеет права отказываться, чему вы сами служите доказательством.

— Как это?

— Вы испанец, если я не ошибаюсь, а мы напротив французы; но мы забыли на время нашу ненависть к вашему народу и приняли вас, как всякий гость, посланный Богом, имеет право быть принятым.

— Это правда, сеньоры, и верьте, что я благодарен вам за это вдвойне.

— О, Боже мой! — отвечал буканьер,— уверяю вас, что вы напрасно настаиваете так на этом; то, что мы делаем в эту минуту, мы делаем столько же для вас, сколько и

для нашей чести; поэтому, сеньор, прошу вас не говорить об этом; право не стоит труда.

— Может быть, вы не подозреваете, сеньор,— смеясь сказал Олонец,— а мы с вами старые знакомые.

— Старые знакомые?! — вскричал незнакомец с удивлением,— я вас не понимаю, сеньор.

— Однако мои слова довольно ясны.

— Если вы удостоите объясниться, может быть, я пойму, что доставит мне большое удовольствие.

— Я очень буду рад объясниться, сеньор,— насмешливо продолжал Олонец,— во-первых, позвольте мне заметить, что как вы не закутывались в ваш плащ, а все-таки видна ваша францисканская одежда.

— Я действительно монах этого ордена,— отвечал приезжий, смутившись,— но это не доказывает, что вы меня знаете.

— Действительно, но я уверен, что я одним словом оживлю ваши воспоминания.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, любезный сеньор, мы с вами не видались никогда.

— Уверены ли вы в этом?

— Вы знаете, что человек никогда не может быть уверен ни в чем; однако мне кажется...

— Однако мы с вами встречались не очень давно. Правда, вы, может быть, не обратили на меня большого внимания.

— Клянусь честью, я не знаю, что вы хотите сказать,— возразил монах, внимательно рассматривавший Олонца минуты две.

— Мне жаль вашего недоумения,— смеясь сказал Олонец,— и я, как вам обещал, одним словом рассею все ваши сомнения; мы виделись на острове Ниев; теперь вспомнили?

При этих словах монах побледнел, смутился и несколько минут оставался как бы поражен; однако ему не на секунду не пришло в голову опровергать справедливость этого уверения.

— Где вы имели продолжительный разговор с Монбаром,— продолжал Олонец.

— Однако,— сказал монах с нерешимостью, не лишенной и страха,— я не понимаю...

— Каким образом я знаю все это,— смеясь перебил Олонец,— ваше удивление еще не кончилось.

— Как не кончилось?

— Неужели вы думаете, сеньор падре, что я трудился бы подстрекать ваше любопытство по поводу такой бездельницы? Я знаю еще кое-что!

— Как! Вы знаете еще кое-что? — сказал монах, инстинктивно отодвигаясь от этого человека, которого он готов был принять за колдуна, тем более, что он был француз и сверх того букарьер, две непеременимые причины для того, чтобы его душа принадлежала дьяволу, если только у него была душа, в чем достойный монах очень сомневался.

— Неужели вы предполагаете, — продолжал Олонец, — что я не знаю причину вашего путешествия, откуда вы едете, куда и даже к кому?

— О, это уж невозможно, — с испуганным видом сказал монах.

Польтэ внутренне смеялся над испугом испанца.

— Берегитесь, отец мой, — таинственно шепнул он на ухо Фрэй-Арсенио, — человек этот знает все, между нами, я думаю, что в нем сидит демон.

— О! — вскричал монах, вскочив и перекрестившись, что еще более рассмешило авантюристов.

— Полно, сядьте на ваше место и выслушайте меня, — продолжал Олонец, схватив монаха за руку и принуждая его сесть, — мы шутим, и более ничего.

— Извините меня, благородные кабальеры, — пролепетал монах, — я очень тороплюсь, я должен сейчас же оставить вас.

— Но куда поедете вы в такое время? Вы попадете в какую-нибудь рытвину.

Эта не весьма приятная перспектива заставила задуматься монаха, но страх брал верх.

— Все равно, я должен ехать, — сказал он.

— Полноте, в таких потемках вы никогда не найдете дорогу к дель-Ринкону.

На этот раз монах был побежден, это новое открытие буквально связало его по рукам и по ногам, он считал себя жертвою какого-нибудь страшного кошмара и даже не старался продолжать невозможной борьбы.

— Вот вы теперь сделались рассудительны, — продолжал Олонец, — отдохните, я больше не стану вас мучить и, чтобы доказать вам, что я не так зол, как вы предполагаете, беру на себя найти вам проводника.

— Проводника! — пролепетал Фрэй-Арсенио, — сохрани меня Бог взять от вас проводника!

— Успокойтесь, сеньор падре, это будет не демон, хотя, может быть, он имеет какое-нибудь нравственное и физическое сходство со злым духом. Проводник, о котором я говорю, просто караиб.

— А! — сказал монах, глубоко вздохнув, как будто с груди его была снята большая тяжесть, — это действительно караиб?

— Кто же это может быть?

Фрэй-Арсенио набожно перекрестился.

— Извините меня, — сказал он, — я не хотел вас оскорбить.

— Полноте, полноте, имейте терпение, я сам схожу за обещанным вам проводником. Я действительно вижу, что вы хотите нас оставить.

Олонец встал, взял ружье, свистнул собаке и удалился большими шагами.

— Вам нельзя будет жаловаться, — сказал Польшэ, — вы будете продолжать ваш путь, не боясь на этот раз заблудиться.

— Неужели действительно этот достойный кабальеро пошел за проводником? — спросил Фрэй-Арсенио, не смеявшийся слишком полагаться на обещания Олонца.

— Я не вижу, куда ему отправиться в другое место, ему не для чего оставлять букан.

— Так вы действительно буканьер, сеньор?

— К вашим услугам, сеньор падре.

— И вы часто бываете в этой стране?

— Мне кажется, черт меня возьми, что вы меня допрашиваете, сеньор падре, — сказал Польшэ, нахмутив брови и смотря ему в лицо, — что вам до того, здесь я бываю или в другом месте?

— Для меня это решительно все равно.

— Это правда, но для меня это может быть не все равно, не так ли? И вы не прочь бы узнать...

— О! Как можете вы предполагать? — поспешил перебить Фрэй-Арсенио.

— Я не предполагаю, я знаю очень хорошо то, что говорю, но, послушайте меня, сеньор монах, бросьте привычку допрашивать особенно буканьеров, эти люди по своему характеру не любят вопросов, таким образом вы когда-нибудь попадете в беду, я просто подаю вам совет.

— Благодарю вас, сеньор, я буду это помнить, хотя теперь я не имел такого намерения, которое вы предполагаете во мне.

— Тем лучше, а все-таки примите к сведению мой совет.

Получив выговор, монах погрузился в боязливое молчание, и, чтобы развлечь свои мысли, вовсе невеселые, он взял четки, висевшие у него за поясом, и начал шепотом

бормотать молитвы. Около часа прошло таким образом, никто не говорил ни слова. Польшэ жевал табак, свистя сквозь зубы, монах молился или по крайней мере делал вид.

Наконец послышался легкий шум, и через несколько минут показался незнакомец, за ним шел Прыгун.

— Проворнее, проворнее, сеньор монах,— весело сказал Олонец,— вот вам проводник, ручаюсь за его верность, он безопасно доведет вас на расстояние двух ружейных выстрелов от дома.

Монах не заставил повторять этого приглашения, все казалось ему предпочтительнее опасности оставаться в обществе таких людей, притом ему нечего было опасаться индийца. Он вскочил, надел узду на лошадь, которая поужинала отлично и успела отдохнуть.

— Сеньоры,— сказал он, сев на седло,— благодарю вас за ваше дружеское гостеприимство, да будет с вами благословение Господнее!

— Благодарю,— смеясь ответил работник,— но позвольте мне дать вам перед отъездом последнее поручение, не забудьте сказать от меня донне Кларе Бехар, что я жду ее здесь завтра, вы слышите меня?

Монах вскрикнул от ужаса, ничего не отвечал, вонзил шпоры в бока лошади и поскакал галопом в ту сторону, куда караиб уже направился тем поспешным и легким шагом, за которым лошадь с трудом может поспеть. Оба бужаньера смотрели на побег монаха с громким смехом, потом, протянув ноги к огню и положив оружие под руку, они легли спать под охраной своих собак, бдительных часовых, которые не допустят нападения врасплох.

XXVI

ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТРЕЧИ

Фрэй-Арсенио следовал за своим молчаливым проводником, радуясь, хотя он был, так сказать, передан в руки индийца, который по инстинкту должен был ненавидеть испанцев, этих свирепых притеснителей его почти истребленного рода, что он здоров и невредим выбрался из рук

авантюристов, которых он опасался не только как разбойников, людей неверующих и порочных, но и как демонов, или по крайней мере колдунов, находящихся в сношениях с дьяволом, вот каковы были ошибочные понятия, которые самые просвещенные испанцы имели о флибустьерах и буканьерах.

Монах должен был иметь всю преданность, в которой он уверял донну Клару, и все влияние, которое эта очаровательная женщина имела на окружающих ее, для того, чтобы согласиться на исполнение плана, такого безумного, по его мнению, как вступить в прямые сношения с одним из самых знаменитых начальников флибустьеров, и с трепетом провожал он свою духовную дочь на остров Ниев.

Когда мы встретили его теперь, он отправлялся к ней сообщить о прибытии эскадры флибустьеров в гавань Марго и, следовательно, о присутствии Монбара на острове Сан-Доминго. К несчастью, монах, не привыкший к ночным путешествиям по непроложенным дорогам, заблудился в степи. Дрожа от страха, умирая с голоду, разбитый усталостью, монах увидел огонь на дальнем расстоянии, почувствовал, если не мужество, то надежду, и как можно поспешнее направился к огню, попал прямо на букан французских авантюристов, по примеру, конечно невольному, тех ветреных жестоккрылых насекомых, которых гибельно привлекает к себе блестящее пламя, на котором они сожгут свои крылья.

Будучи счастливее этих насекомых, достойный монах не обжегся, напротив, он отдохнул, наелся, напился и, кроме весьма основательного страха очутиться неожиданно в подобном обществе, он благополучно вытутался из опасности, по крайней мере, он так предполагал, и даже достал проводника; стало быть все было к лучшему. Уверенность монаха в безопасности еще увеличивала беззаботная молчаливость проводника, который, не говоря ни слова и по видимому вовсе им не занимаясь, шел впереди лошади, вкось проходя через степь, прокладывая себе дорогу в высокой траве и направляясь в темноте, окружавшей его, так безопасно, как будто его освещали яркие солнечные лучи.

Они следовали так довольно долго друг за другом, не обмениваясь ни одним словом. Как все испанцы, Фрэй-Арсе-нио показывал глубокое презрение к индийцам и входил с ними в контакты только в самых крайних случаях. Со своей стороны, караиб не имел никакого желания вступать с этим человеком, которого он считал природным врагом своего рода, в разговор, который был бы пустой болтовней.

Они достигли небольшого пригорка, с вершины кото-

рого виднелись огоньки солдатского бивуака, раскинутого около дома дель-Ринкон; как вдруг вместо того, чтобы спуститься с горы и продолжать путь вперед, Прыгун остановился, бросая вокруг тревожные взгляды, и сильно стал вдыхать в себя воздух, сделав испанцу рукою знак остановиться. Тот повиновался и остался неподвижен как конная статуя, примечая с любопытством, смешанным с некоторым беспокойством, движения своего проводника. Караиб растянулся на земле и, приложившись к ней ухом, стал прислушиваться. Через несколько минут он приподнялся, не переставая однако прислушиваться.

— Что здесь происходит? — шепотом спросил монах, которого эти проделки начали серьезно тревожить.

— К нам навстречу едут всадники во весь опор.

— Всадники в такое позднее время в степи? — недоверчиво спросил Фрэй-Арсенио, — это невозможно.

— А ведь вы же едете? — заметил индеец с насмешливой улыбкой.

— Гм! Это правда, — прошептал монах, пораженный логикой этого ответа, — кто это может быть?

— Не знаю, но скоро вам скажу, — возразил караиб.

Прежде чем монах успел спросить, какой у него план, Прыгун проскользнул в высокой траве и исчез, оставив Фрэй-Арсенио совершенно растерявшегося от этого быстрого побега, а в особенности очень испугавшегося, что он остался один в степи. Прошло несколько минут, в продолжение которых монах старался услышать, но напрасно, шум, который индеец, по милости своего тонкого слуха различил давно среди смутного шума степи. Монах, считая себя решительно брошенным своим проводником, готовился продолжать путь, поручая провидению заботу благополучно довести его до конца пути, когда возле него в хворосте послышался легкий шелест и явился индеец.

— Я их видел, — сказал он.

— И кто же эти люди? — спросил монах.

— Такие же белые, как и вы.

— Стало быть, испанцы?

— Да, испанцы.

— Тем лучше, — продолжал Фрэй-Арсенио, которого это приятное известие окончательно успокоило, — а много их?

— Пятеро или шестеро, они направляются как вы, к дель-Ринкону, куда, как я понял, они очень спешат.

— О, это прекрасно! Где же они теперь?

— На расстоянии два раза брошенных камней, судя по

направлению, которого они держатся, они пойдут мимо того места, где вы стоите.

— Тем лучше, нам остается только их подождать.

— Для вас это удобно, а я не могу встретиться с ними.

— Это правда, друг мой,— продолжал монах с отеческим видом,— может быть, эта встреча будет неприятна для вас, позвольте же вас поблагодарить за то, что вы меня проводили до этого места.

— Так вы решились ждать их? Я могу, если вы хотите, провести вас так, что вы не встретитесь с ними.

— Я не имею никакой причины прятаться от людей моего цвета, кто бы они ни были, я уверен, что найду в них друзей.

— Очень хорошо, мне нечего вмешиваться в ваши дела. Но шум приближается, они скоро подъедут. Я оставляю вас, им незачем найти меня здесь.

— Прощайте.

— Последняя просьба: если неравно им вздумается спросить вас, кто служил вам проводником, не говорите.

— Невероятно, чтобы они спросили меня об этом.

— Все равно, обещайте мне, если это случится, сохранить тайну.

— Хорошо, я буду молчать, если вы этого требуете, хотя я не понимаю причины этой просьбы.

Монах не кончил еще своей фразы, как индиец исчез. Всадники быстро приближались, лошадиный топот раздавался на земле как раскаты грома. Вдруг несколько теней, едва заметных в темноте, выскочили, так сказать, с середины мрака и отрывистый голос сказал только эти слова:

— Кто идет?

— Друг,— отвечал монах.

— Скажите ваше имя? — продолжал голос тоном гнева, и сухой звук взводимого курка неприятно раздался в ушах монаха,— друзей в степи не бывает по ночам.

— Я бедный францисканский монах и еду в дель-Ринкон, зовут меня Фрэй-Арсенио Мендоца.

Хриплый крик отвечал на слова монаха, но был ли это крик радости или гнева, монах распознать не успел, потому что всадники налетели на него как молния, прежде чем он мог понять причину такого быстрого движения.

— Э, сеньоры! — вскричал он голосом, дрожавшим от волнения,— что это значит? Разве я имею дело с разбойниками?

— Хорошо, хорошо, успокойтесь, сеньор падре,— сказал грубый голос, который показался ему знаком,— мы не разбойники, а такие же испанцы, как и вы, и ничто не мог-

ло доставить нам более удовольствия, как встреча с вами в эту минуту.

— Я очень рад слышать это от вас, кабальеро, я признаюсь, что резкость вашего обращения сначала очень меня растревожила, но теперь я успокоился вполне.

— Тем лучше,— с иронией отвечал незнакомец,— потому что мне нужно с вами говорить.

— Говорить со мною, сеньор? — спросил он с удивлением,— мне кажется, время и место дурно выбраны для разговора; если вы хотите подождать, пока мы доедем до дома, тогда я буду готов к вашим услугам.

— Перестаньте болтать и сходите с лошади,— грубо сказал незнакомец,— если вы не предпочитаете, чтобы я вас стащил.

Монах с испугом осмотрелся вокруг: всадники смотрели на него с мрачным видом и по-видимому вовсе не были расположены помогать ему. Фрэй-Арсенио и по званию своему, и по своей натуре вовсе не был храбр, приключение это начало его серьезно пугать, он не знал еще, в какие руки он попал, но все заставляло его предполагать, что эти люди, кто бы они ни были, недоброжелательно к нему расположены. Однако всякое сопротивление было невозможно, он решился повиноваться, но не без вздоха сожаления о том, что пренебрег советом карайба. Он, наконец, сошел с лошади и стал перед своим строгим допросчиком.

— Зажгите факел,— сказал незнакомый всадник,— я хочу, чтобы этот человек меня узнал, и, узнав, кто я, он поймет, что ни к чему прибегать со мной к уверткам и что только одна откровенность может спасти его от угрожающей ему участи. Монах понимал все меньше и меньше, он думал, что с ним сделался страшный кошмар. Между тем, по приказанию всадника, один из людей в его свите зажег факел из дерева окотея. Как только пламя осветило лицо незнакомца, монах вздрогнул от удивления и черты его тотчас прояснились.

— Слава Богу,— вскричал он, сложив руки и тоном радости, которую невозможно передать,— возможно ли это, чтобы это были вы, сеньор дон Стенио Бехар? Я вовсе не думал, чтобы в эту ночь имел счастье встретиться с вами, сеньор граф, я не узнал вас и почти испугался.

Граф не отвечал, а только улыбнулся. Дон Стенио Бехар ускакал из Сан-Доминго во весь опор, чтобы удостовериться в сведениях, доставленных ему доном Антонио дала-Ронда, и вдруг нечаянно, в ту минуту, когда он подъез-

жал к цели своей поездки, он наткнулся на Фрэй-Арсенио, то есть на единственного человека, который мог доказать ему справедливость или ложь уверения шпиона, который донес на донну Клару ее мужу. Трусость Фрэй-Арсенио была давно известна его землякам, следовательно, ничего не могло быть легче, как добиться от него правды со всеми подробностями. Граф был почти уверен, что если он хорошенько напугает Фрэй-Арсенио, то монах признается ему во всем, что ему известно. Нам приятно думать, что, действуя таким образом, граф не имел намерения принять к бедному монаху меры непохвальные всегда, но в особенности бесславные для человека в его положении, к несчастью, перед непредвиденным и непонятным сопротивлением, которое против всякой вероятности показал ему монах, граф увлекся гневом и необдуманно отдал приказания, жестокость которых ни в каком случае оправдать нельзя.

Помолчав несколько секунд, дон Стенио проницательно посмотрел на монаха, как будто хотел узнать его мысль в глубине сердца, и, грубо схватив его за руку, сказал сердитым голосом:

— Откуда идете вы? Разве монахи вашего ордена имеют привычку рыскать по степи в такое время?

— Ваше сиятельство,— прошептал Фрэй-Арсенио, застигнутый врасплох этим вопросом, которого он вовсе не ожидал.

— Посмотрим, посмотрим,— продолжал граф,— отвечайте сию минуту, а в особенности не увертывайтесь.

— Я не понимаю, ваше сиятельство, за что вы так сердитесь, клянусь вам, я невинен.

— Ха-ха! — засмеялся граф ироническим смехом,— вы спешите защищаться, прежде чем вас обвинили, стало быть вы чувствуете себя виноватым.

Фрэй-Арсенио знал ревность графа, которую тот так не умел скрывать, что она каждую минуту обнаруживалась при всех, он понял теперь, что муж узнал тайну донны Клары и угадал опасность, угрожавшую ему за то, что он был сообщником графини, однако он надеялся, что графу известны только некоторые обстоятельства, а не подробности путешествия графини. Хотя он внутренне дрожал при мысли об опасностях, которым он, без сомнения, подвергался, находясь один и без защиты в руках человека, ослепленного гневом и желанием отомстить за то, что он считал пятном для своей чести, он решил, что ни случилось бы, не изменит доверию, которое эта несчастная женщина

оказала ему. Он поднял голову и твердым голосом, который удивил самого его, отвечал:

— Ваше сиятельство, вы губернатор в Сан-Доминго, вы имеете право распоряжаться людьми, находящимися под вашим начальством, вы располагаете властью почти самодержавной, но, сколько мне известно, вы не имеете права обижать меня ни словами, ни поступками, не имеете права подвергать меня допросу, у меня есть начальники, от которых я завишу, отведите меня к ним, предайте меня их суду. Если я сделал какой-нибудь проступок, они меня накажут, потому что им одним принадлежит право осуждать меня или прощать.

Граф выслушал этот длинный ответ монаха, кусая губы от досады и с гневом топая ногой. Он не ожидал найти в этом человеке такого сильного сопротивления.

— Вот как! — вскричал он наконец, когда Фрэй-Арсе-нио замолчал, — вы не хотите мне отвечать?

— Не хочу, ваше сиятельство, — сказал он холодно, — потому что вы не имеете права допрашивать меня.

— Только вы забываете, сеньор падре, что если я не имею права, то имею силу, по крайней мере теперь.

— Вы свободны употребить во зло силу против базза-щитного человека, я не воин, физическая сила меня стра-шит, я не знаю, как вынесу пытку, которой вы меня под-вергнете, но я знаю, наверное, только одно...

— Что такое, позвольте спросить, сеньор падре?

— Я скорее умру, чем отвечу хоть на один из ваших вопросов.

— Это мы увидим, — сказал граф насмешливо, — если вы меня принудите прибегнуть к насилию.

— Увидите, — сказал францисканец голосом кротким, но твердым, показывавшим неизменную решимость.

— В последний раз я вас предупреждаю, берегитесь, подумайте.

— Я все уже обдумал, я нахожусь в вашей власти, пользуйтесь моей слабостью, как заблагорассудите. Я не покушусь даже на бесполезную защиту, я буду не первым монахом моего ордена, который падет мучеником своего долга, другие предшествовали мне и другие последуют за мной на этом горестном пути.

Граф с гневом топнул ногой; безмолвные и неподвиж-ные присутствующие с испугом переглядывались между собой, они предвидели, что эта сцена скоро будет иметь страшную развязку между этими двумя людьми, из кото-

рых ни тот, ни другой не хотел сделать уступки, а первый, ослепленный яростью, скоро не будет в состоянии повиноваться здоровым советам рассудка.

— Ваше сиятельство, — прошептал дон Антонио де ла-Ронда, — звезды начинают бледнеть на небе, скоро рассвет, мы еще далеко от дома, ни лучше ли отправиться в путь ни мало не медля?

— Молчите, — отвечал граф с презрительной улыбкой, — Педро, — обратился он к одному из слуг, — подай фитиль.

Лакей сошел с лошади и подошел к графу с длинным фитилем в руках.

— Пальцы! — лаконично сказал граф.

Слуга подошел к монаху, тот, не колеблясь, протянул обе руки, хотя лицо его было покрыто страшной бледностью, а все тело дрожало. Педро холодно намотал фитиль между пальцев монаха, потом обернулся к графу.

— В последний раз, монах, — сказал граф, — будешь ли ты говорить?

— Мне нечего вам говорить, ваше сиятельство, — отвечал Фрэй-Арсенио кротким голосом.

— Зажги! — приказал граф, до крови закусив себе губы.

Слуга с тем бесстрастным повиновением, которое отличает людей этого сословия, зажег фитиль. Монах упал на колена, подняв глаза к небу, лицо его приняло мертвенный оттенок, холодный пот выступил на висках, волосы стали дыбом, страдание, которое он испытывал, должно быть было ужасно, потому что грудь его с усилием приподнималась, но полуоткрытые губы оставались безмолвны. Граф с беспокойством смотрел на него.

— Будешь ли ты говорить, монах? — спросил он глухим голосом.

Монах обратил к нему лицо, подергивавшееся от боли, и, бросив на него взгляд, запечатленный невыразимой кротостью, сказал:

— Благодарю, ваше сиятельство, за то, что вы мучили меня, боль не существует для человека с живой верой.

— Будь проклят, негодяй! — вскричал граф, ударив его в грудь сапогом, — на лошадей, сеньоры, на лошадей! Мы должны доехать до дома до восхода солнца.

Все сели на лошадей и удалились, бросая взгляд сострадания на бедного монаха, который, побежденный страданием, упал без чувств на землю.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛОНИИ

Тройная экспедиция, такая серьезная, как та, которую задумал Монбар, требовала необыкновенной осторожности. Несколько пунктов, занимаемых буханьерами на испанском острове, вовсе не походили на города. Это было собрание хижин, выстроенных беспорядочно по прихоти хозяев, занимавших пространство в двадцать раз больше того, которое они должны были бы занять, что делало почти невозможным защищать эти пункты против нападения испанцев, если бы тем пришло на мысль покончить разом со всеми опасными соседями. Во-первых, Марго, самый важный пункт по стратегической позиции во всех французских владениях, было жалкое селение без полиции, без правильной организации, где говорилось на всех языках и куда очень легко испанские шпионы прокрадывались, не подвергаясь опасности быть узванными, и разузнавали таким образом все планы флибустьеров.

Монбар, прежде чем атаковал испанцев, подозревая основательно, что они знали уже о причинах его присутствия на острове или от дона Антонио, или от других шпионов, и не желая, когда он готовился напасть врасплох на неприятеля, чтобы на него самого напали неожиданно, решил обезопасить Марго от неожиданного нападения. На адмиральский люгер был созван совет флибустьеров; таким образом, намерения, принятые в совете, не дойдут до неприятельских ушей.

Через два дня после отъезда Польшэ совет собрался на палубе, так как адмиральскую каюту нашли слишком тесной для вмещения всех тех, кому богатство или репутация давали право находиться в этом собрании. В десять часов утра бесчисленное множество пирог подъехало к люгеру со всех сторон. Монбар принимал депутатов по мере того, как они являлись, и вводил их в палатку, приготовленную для них. Скоро собрались все, их было сорок человек, флибустьеров, буханьеров и жителей, все авантюристы, давно уже жившие на островах, ожесточенные враги испанцев, лица которых, загорелые от тропического солнца, энергичные черты и пылкие взоры делали их скорее похожими на разбойников, чем на мирных колонистов, а решительные

ухватки заставляли угадывать чудеса неимоверной отваги, которые они уже совершили и, когда наступит минута, совершат опять.

Когда собрались все члены Совета, Мишель Бискаец приказал всем пирогам воротиться к берегу, а к люгеру подъехать, не прежде, как увидят клетчатый флаг красный с черным на большой мачте. Великолепный завтрак предшествовал совету, который происходил за столом и во время десерта, чтобы лучше обмануть нескромные взоры, которые с вершин гор, без сомнения, наблюдали за тем, что происходило на люгере. Когда завтрак был закончен водка, трубки и табак были поданы работниками, было приказано приподнять занавеси палатки. Весь экипаж люгера ушел на бак, и Монбар, не вставая со стула, ударил ножом по столу, требуя молчания. Депутаты знали, что разговор будет происходить о важных делах, поэтому они пили и ели только для формы, и хотя стол представлял наружность настоящей флибустьерской оргии, головы были совершенно свежи и холодны. Рейд Марго представлял в эту минуту странное зрелище, нелишенное некоторого живописного и дикого величия. Тысячи пирог составляли огромный круг, в центре которого находилась флибустьерская эскадра. На берегу горы и скалы буквально исчезали под сплошной массой зрителей, сбежавшихся из всех домов, чтобы присутствовать издали на этом гигантском пиру, серьезную причину которого они вовсе не подозревали.

Монбар в нескольких словах заметил друзьям огромное стечение зрителей, окружавших их, и как основательно принял он предосторожности. Потом, наполнив свой стакан, встал и сказал звучным голосом:

— Братья, за здоровье короля!

— За здоровье короля! — отвечали флибустьеры, вставая и чокаясь стаканами.

В ту же минуту все пушки с люгера выпалили со страшным грохотом. Крики, раздававшиеся с люгера, доказали, что зрители приняли участие в этом патриотическом тосте.

— Теперь, — продолжал адмирал, садясь, и примеру его последовали все собеседники, — поговорим о наших делах, и поговорим таким образом, чтобы наши движения, — потому что наших слов никто не может слышать, — не позволили догадаться о том, что занимает нас.

Совет начался. Тогда Монбар, с тем высоким воззрением и с той ясностью выражения, которыми он обладал,

объяснил в нескольких словах критическое положение, в котором будет находиться колония, если не принять энергичных мер для того, чтобы дать ей не только защищаться, но и обойтись без помощи во время отсутствия членов экспедиции.

— Я понимаю, — сказал Монбар в заключение, — что пока у нас не было другого намерения, как охотиться за дикими волами, эти предосторожности были бесполезны. Наша грудь была надежным укреплением для наших жилищ, но теперь положение переменялось. Мы хотим сделать для себя неприступное убежище, мы хотим нападать на испанцев на их земле, следовательно, мы должны ждать ужасного возмездия со стороны врагов, которые, судя по тому, как мы будем действовать против них, скоро поймут, что мы хотим остаться одни обладателями этой земли, которую они привыкли считать как бы принадлежащую им законно. Следовательно, мы должны быть в состоянии не только сопротивляться им, но подвергнуть их такому наказанию за их дерзость, чтобы они навсегда потеряли охоту пытаться снова завладеть землей, завоеванной нами. Для этого нам надо выстроить настоящий город вместо временного лагеря, которого до сих пор было для нас достаточно. Сверх того необходимо, чтобы, кроме членов нашего общества, никто из посторонних не мог забраться к нам, подсматривать за нами и пересказывать нашим врагам наши тайны, какие бы то ни было.

Флибустьеры горячо рукоплескали этим словам, истину которых они признавали. Они поняли, наконец, необходимость завести порядок и вступить в великую человеческую семью, приняв некоторые законы, от которых они хотели освободиться навсегда и которые составляют единственные условия живучести общества. Под всемогущим влиянием Монбара и двенадцати членов общества принялись рассуждать и немедленно решили, какие принять меры, но когда все было решено, совет был вдруг остановлен затруднением, о котором никто не подумал: кому поручить исполнять эти меры, никто из буканьеров не имел признанной власти над другими. Затруднение было велико, почти непреодолимо, однако опять Монбару удалось устранить его ко всеобщему удовольствию.

— Ничего не может быть легче, — сказал он, — как устранить это затруднение. Это случай исключительный, будем действовать соображаясь с обстоятельствами. Выберем начальника как бы для опасной экспедиции, выберем человека энергичного и умного, это для нас ничего не зна-

чит, так как нам есть из кого выбирать. Начальник этот будет избран нами первый на год, а следующий за ним только на полгода, чтобы исправлять злоупотребление власти, которое впоследствии они могут иметь намерение совершать. Начальник этот будет называться губернатором и станет управлять всеми гражданскими делами с помощью Совета из семи членов, выбранных из жителей и низших агентов, выбранных им. Он будет руководствоваться законами нашего общества и охранять, как капитан на своем судне, безопасность колонии. В случае же измены он должен подлежать смертной казни. Согласны ли вы на это предложение, братья?

Депутаты единогласно согласились.

— Так приступим же немедленно к выборам.

— Извините, братья,— сказал Красивая Голова,— если вы позволите, я предложу Совету несколько замечаний.

— Говорите, брат, мы вас слушаем,— отвечал Монбар.

— Я предлагаю в губернаторы себя, не из честолюбия, оно было бы нелепо, но потому что в эту минуту я считаю себя единственным человеком, годным для этого положения. Все вы меня знаете, следовательно, я хвалить себя не стану. Некоторые причины обязывают меня взять назад мое слово и не следовать за экспедицией, которой, однако, по моему убеждению, я окажу большие услуги, если вы меня выберете в губернаторы.

— Вы слышали, братья,— сказал Монбар,— посоветуйтесь между собой, но прежде наполните ваши стаканы. Вам остается десять минут на размышление. Через десять минут все стаканы, которые окажутся не опорожнены, будут считаться отрицательными голосами.

— А, изменник! — сказал Мишель Бискаец, со смехом наклонясь к уху Красивой Головы, возле которого он сидел.— Я знаю, зачем вы хотите остаться в Марго.

— Вы знаете? Полноте, пожалуйста! — отвечал тот с замешательством.

— Это не трудно угадать. Вы попались, товарищ.

— Это правда, вы правы. Чертовка, которую я купил на острове Св. Христофора, вскружила мне голову. Она заставляет меня ходить по струнке.

— А, любовь! — иронически сказал Мишель Бискаец.

— Черт побери любовь, а вместе с нею и эту женщину, она такая слабенькая, что я убью ее ударом кулака.

— Она очень хорошенькая. У вас прекрасный вкус, ее кажется зовут Луизой?

— Луиза, да. Я сделал очень выгодную покупку.

— Ба! — сказал Мишель с серьезным видом, — есть способ все устроить.

— Вы думаете?

— Я знаю наверно.

— Мне хотелось бы узнать этот способ, потому что, признаюсь, эта женщина перевернула вверх дном мои мысли. Эта чертовка со своим птичьим голосом и лукавой улыбкой вертит мною как флюгером, ей-Богу! Я несчастнейший из людей. Посмотрим какой ваш способ, брат.

— Продайте ее мне.

Красивая Голова вдруг побледнел при этом неожиданном предложении, которое, действительно, устраивало все, но он не подозревал, что Мишель сделал ему это предложение шутя и только для того, чтобы испытать его. Брови его нахмурились, он ударил кулаком по столу и отвечал с гневным голосом, дрожавшим от волнения:

— Ей-Богу, товарищи, какой великолепный способ придумали вы, но черт меня побери, если я его приму! Нет, нет, как ни огорчала бы меня эта чертовка, я ведь говорил вам, что она меня околдовала, я ее люблю! Понимаете ли вы это?

— Еще бы! Понимаю ли? Успокойтесь, я не имею никакого намерения отнимать у вас вашу Луизу, что мне делать с женщиной? Притом то, что я видел у других, несколько не поощряет меня самому заниматься любовью.

— Ну и прекрасно! — отвечал Красивая Голова, успокоенный этим откровенным объяснением, — вот что значит говорить как следует! Притом, вы правы, хотя я ни за что на свете не соглашусь расстаться с Луизой, но если бы мне пришлось снова покупать ее, черт побери, я бы ее не купил!

— Ба! — сказал Мишель, пожав плечами, — так всегда говорят, а когда наступит время, непременно сделают ту же глупость.

Красивая Голова подумал с минуту, потом дружески ударил по плечу Мишеля и сказал смеясь:

— Это правда, брат, кажется, действительно я поступил бы так, как вы говорите.

— Я знаю, — отвечал Мишель, пожав плечами.

Во время этого разговора между двумя авантюристами прошло десять минут.

— Братья, — сказал Монбар, — начнем собирать голоса. Он посмотрел: все стаканы были опорожнены.

— Брат Красивая Голова, вы единогласно избраны губернатором Марго.

— Братья,— сказал Красивая Голова, кланяясь кругом,— благодарю вас, я не обману ваших ожиданий. Наша колония, если бы мне пришлось быть погребенным под ее развалинами, не попадет никогда в руки испанцев. Вы знаете слишком хорошо, каков я, для того чтобы сомневаться в моей клятве. Я намерен сегодня же приняться за дело, так как сказал адмирал, нам нельзя терять ни минуты. Положитесь на меня, я сумею сохранить ваши интересы.

— Прежде чем мы расстанемся,— сказал Монбар,— кажется, следует еще несколько дней сохранить тайно наши намерения.

— Завтра можно безопасно разгласить их,— отвечал Красивая Голова,— только позвольте мне, братья, выбрать между вами помощников, которые мне нужны.

— Выбирайте,— сказали флибустьеры.

Красивая Голова назвал восемь авантюристов, слепая храбрость которых была ему известна, потом в последний раз обратился к депутатам, которые уже встали и приготавливались оставить люгер.

— Вы помните, не правда ли, что вы считаете меня начальником экспедиции?

— Помним,— отвечали они.

— Следовательно, вы обязаны мне полным повиновением во всех приказаниях, которые я вам отдам для общих выгод.

— Обязаны,— опять подтвердили депутаты.

— Следовательно, вы клянетесь повиноваться мне без нерешимости и без ропота?

— Клянемся!

— Хорошо, теперь до свидания, братья.

Пироги были призваны флагом, выкинутым на большой мачте. Через несколько минут все депутаты съехали с люгера, кроме Красивой Головы и восьми помощников, выбранных им.

Монбар и Красивая Голова оставались взаперти несколько часов, без сомнения сговариваясь между собою о мерах, которые следовало принять для достижения желанного результата. Потом, незадолго до заката солнца новый губернатор простился с адмиралом, сел в шлюпку, приготовленную нарочно для него, и воротился на берег в сопровождении своих офицеров.

К одиннадцати часам вечера, когда в городе по-видимому все спали, все двери были заперты, все огни погашены, тот наблюдатель, который мог бы видеть, что проис-

ходит, присутствовал бы при странном зрелище. Вооруженные люди украдкой пробирались из домов, бросая направо и налево вопросительные взгляды, которые как будто хотели проникнуть сквозь глубокую темноту, окружавшую их. Они шли поодиночке, заглушая шум своих шагов, по большой площади и присоединялись к другим людям, вооруженным также, как они, которые уже ждали их. Скоро число этих людей, увеличивавшееся каждую минуту, сделалось значительно. По приказанию, отданному тихим голосом, они разделялись на несколько групп, уходили с площади и с различных сторон составили около города огромную сеть.

Последняя группа из сорока человек осталась, однако, на площади и, разделившись, в свою очередь, не вышла из города, а отрядами из десяти человек сошла с площади с четырех противоположных пунктов и направилась во внутренность улиц. Эти отряды занялись домовым обыском. Ни один дом не укрылся от их бдительности. Они входили во все дома и осматривали их с самым мелочным вниманием, пробовали стены и потолки, отворяли даже шкафы и комоды.

Такие поиски должны были продолжаться долго, и, действительно, они прекратились только на рассвете. В домах найдено было восемь испанских шпионов и трое остановлено часовыми во время их побега, всего одиннадцать. Губернатор велел пока заковать их в кандалы и отправить на люгер, чтобы они не могли убежать.

На восходе солнца буканьеры, жители, работники и флибустьеры, все вооруженные заступами и топорами, принялись рыть около города ров. Работа эта, производимая с необыкновенным усердием, длилась три дня. Ров имел двенадцать футов ширины и пятнадцать глубины. На краях, приподнятых откосом со стороны города, вбили колья, укрепленные между собою крепкими железными скобками, оставляя изредка амбразуры для пушек и бойниц.

В то время, как все народонаселение трудилось с тем лихорадочным жаром, который совершает чудеса, большие прогалины были сделаны в лесу, окружавшем гавань, потом зажгли лес, позаботившись, чтобы пожар не распространился более чем на полмили по всем направлениям. Эти гигантские работы, которые в обыкновенное время требуют довольно значительного времени, были окончены в десять дней, что показалось бы невероятным, если бы об этом обстоятельстве не упоминалось во многих сочинениях, достойных веры. Таким образом, Марго по милости гу-

бернатора и бесстрастного повиновения, с которым флибустьеры исполняли его приказания, был защищен не только от неожиданного нападения, но поставлен в такое положение, что мог выдержать правильную осаду. Все это было сделано секретно, так что испанцы не подозревали этой перемены, столь грозной для них, которая предвещала им ожесточенную войну. Когда укрепления были закончены, губернатор велел поставить десять виселиц на гласисе, и несчастных испанских шпионов повесили, и тела их остались прибитыми к виселице железными цепями для того, чтобы вид трупов казненных напугал их соотечественников, которые вздумают последовать их примеру и пробраться в город. Все жители были потом созваны на большую площадь, и Красивая Голова, войдя на эстраду, приготовленную нарочно для этого, сообщил им о намерениях, принятых им для общей пользы, и просил у них одобрения. Жители не могли отказать ему в этом одобрении тем более, что перед ними находились подвиги совершенные и что в этих подвигах все служило к их пользе. Губернатор, видя, что поступки его одобряются, просил жителей выбрать из их среды Совет из семи членов. На это предложение они согласились с радостью, предположив основательно, что эти советники станут защищать их интересы.

Семь муниципальных советников были избраны тут же и немедленно по приглашению губернатора заняли места возле него на эстраде. Тогда губернатор объявил толпе, что в колонии не переменилось ничего, что она по-прежнему будет управляться законами флибустьерства, что все будут жить так же свободно, как и прежде, что меры эти были приняты для того, чтобы оберегать общую пользу, но вовсе не с намерением подчинить колонистов игу. Это последнее уверение произвело самое лучшее действие на толпу, и губернатор удалился среди криков и самых горячих уверений в преданности. Хотя Монбар оставался в стороне, ему одному жители были обязаны этими улучшениями, Красивая Голова был в его руках бесстрастным и покорным агентом.

Когда адмирал увидал, что дела пришли в такое положение, какого он желал, он решился уехать и после последнего разговора с губернатором оставил город с флибустьерами.

Мишель Бискаец уехал за несколько часов перед Мон-

баром с секретным поручением, и с ним отправились девяносто решительных человек.

С этой поры началась, собственно, экспедиция, но каков будет ее результат, этого никто предвидеть не мог.

XXVIII

ПОБЕГ

Не трудясь даже посмотреть на письма, отданные ему, дон Санчо спрятал их в своем полукафтани и наскоро отправился в комнату сестры. Та ждала его с беспокойством.

— Вот и ты, брат! — вскричала она, заметив его.

— Разве ты не ждала меня, милая сестра? — отвечал молодой человек, целуя ее.

— Нет, я тебя ждала, брат, но ты так долго не ехал. Откуда ты так поздно? — спросила она с волнением.

— Откуда я? С охоты. Это единственное удовольствие, позволяющее для дворянина в здешнем краю.

— Как, так поздно!

— Милая Клара, с охоты возвращаешься, когда можешь, особенно в здешней стране, где иногда радуешься и тому, что можешь воротиться.

— Ты говоришь загадками, брат, я тебя вовсе не понимаю. Будь так добр, объяснись яснее. Ты имел какую-нибудь неприятную встречу?

— Да и даже несколько раз, но прости, милам Клара, если тебе это все равно, начнем по порядку. Ты желала видеть меня тотчас по возвращении, вот я к твоим услугам. Будь так добра, скажи мне, в чем я могу быть тебе полезен, потом я расскажу тебе ряд странных приключений, разнообразивших сегодня мою охоту. Я не скрою от тебя, что я спрошу у тебя некоторых объяснений и, наверно, ты не откажешь дать их мне.

— Что ты хочешь сказать мне, Санчо?

— Ничего. Теперь же, сестра, говори первая, прошу тебя.

— Если ты требуешь.

— Мне нечего требовать от тебя, сестра, я могу только тебя просить.

— Хорошо, я исполню твою просьбу. Я получила несколько писем.

— И я также, но признаюсь, я еще их не прочел, притом я нахожу их очень важными.

— А я прочла свои и, знаешь ли, что сообщают мне, между прочим?

— Нет, разве только меня назначают главным алкадом испанского острова, что весьма удивило бы меня,— сказал он, смеясь.

— Не шути таким образом, Санчо, дело очень серьезное.

— В самом деле? Говори же, сестра, ты видишь, что у меня физиономия такая же спесивая, как и у твоего любезного супруга.

— О нем-то и идет речь.

— Ба! Уж не занемог ли мой зять, исполняя свои благородные и скучные обязанности?

— Нет, он здоров по-прежнему.

— Тем лучше для него. Я не желаю ему зла, хотя он самый скучный господин, какого я знаю.

— Хочешь выслушать меня, да или нет? — спросила Клара с нетерпением.

— Но я только это и делаю, милая сестра.

— Ты право несносен!

— Полно, не сердись, конечно, я смеяться не стану.

— Ты видел солдат, расположенных лагерем около дома?

— Да, и даже очень удивился, признаюсь.

— Ты удивишься гораздо больше, когда узнаешь, что мой муж едет сюда.

— Он? Это невозможно, сестра, он не сказал мне ни слова об этой поездке.

— Потому что она секретная.

— А-а! — сказал молодой человек, нахмутив брови, — ты знаешь наверно, что он едет?

— Наверно. Тот, кто мне пишет, видел его отъезд, которого не подозревает никто, а посланный, который привез мне это известие и которому велено было спешить, определил его только несколькими часами.

— Это действительно очень важное известие, — прошептал молодой человек.

— Что же делать?

— Конечно, принять его, — отвечал молодой человек беззаботно, но устремив на донну Клару вопросительный взгляд.

— О! — вскричала молодая женщина, с отчаянием ломая руки, — мне изменили, он едет с желанием отомстить.

— Отомстить? За что же, сестра?

Она бросила на него взгляд со странным выражением и, наклонившись к нему, сказала глухим голосом:

— Я погибла, брат мой, погибла, потому что этот человек знает все и убьет меня.

Дон Санчо невольно был растроган этой горестью. Он обожал свою сестру, ему сделалось стыдно той роли, которую он играл в эту минуту перед нею.

— И я также, Клара, — сказал он, — я знаю все.

— Ты! О, ты насмехаешься надо мною, брат!

— Нет, я не насмехаюсь, я люблю тебя и хочу тебя спасти, если б для этого пришлось отдать тебе мою жизнь. Успокойся и не смотри на меня глазами, помутившимися от горести.

— Но, ради Бога, что ты знаешь?

— Я знаю тоже, что, вероятно, какой-нибудь изменник передал твоему мужу, что ты уезжала отсюда на лодке в Ниев, что там...

— О, ни слова более, брат мой! — вскричала она, падая на руки к нему, — ты действительно знаешь все, но, клянусь тебе, брат, именем всего священного на свете, что я невинна.

— Я это знал, сестра, я никогда в этом не сомневался. Какое у тебя намерение, ты будешь ждать твоего мужа здесь?

— Никогда, никогда! Разве я тебе не говорила, что он меня убьет.

— Что же делать, когда так?

— Бежать, бежать немедленно, сию минуту.

— Но куда?

— Почему я знаю? В горы, в леса, скорее, к диким зверям, чем оставаться здесь.

— Хорошо, поедem. Я знаю, куда тебя отвезти.

— Знаешь?

— Да, ведь я тебе сказал, что сегодня на охоте со мною случились разные приключения.

— Действительно, но какое отношение?..

— Очень большое, — перебил дон Санчо, — мажордом, провожавший меня, и я, нечаянно наткнулись на буканьеров.

— Боже, — сказала донна Клара, еще больше побледнев.

— Да, и я намерен проводить тебя к ним, притом одни из этих буканьеров дал мне поручение к тебе.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего более того, что говорю, сестра.

Она подумала с минуту, потом решительно обернулась к молодому человеку.

— Хорошо, брат, отправимся к этим людям, хотя уверяют, что они жестоки, но, может быть, не всякое человеческое чувство погасло в их сердцах и они сжалятся надо мною.

— Когда мы поедем?

— Как можно скорее.

— Это правда, но за домом наблюдают. Наверно, солдаты получили секретные приказания. Вероятно ты не подозреваешь, что ты пленница, бедная сестра, по какой другой причине находились бы здесь эти солдаты?

— О, когда так, я погибла.

— Может быть, есть средство. Вероятно, запрещение касается тебя одной. К несчастью, путь, который ты должна предпринять, будет продолжителен, утомителен и усыпан бесчисленными опасностями.

— Что за беда, брат! Я сильна, не беспокойся за меня.

— Хорошо, мы попытаемся. Ты непременно хочешь бежать?

— Во что бы то ни стало.

— Подожди же меня несколько минут.

Молодой человек вышел и вернулся через некоторое время с большим свертком в руке.

— Вот платье моего пажа. Мой слуга по ошибке уложил его в мой чемодан. Оно совсем новое, и я помню, что портной принес его мне за несколько минут до моего отъезда из Сан-Доминго, но я благодарю за эту ошибку судьбу. Оденься, закутайся в плащ, надень на голову эту шляпу. Я ручаюсь за все, притом, этот костюм предпочтительнее женского платья для путешествия по степи. Особенно не забудь заткнуть эти пистолеты и кинжал за пояс, неизвестно, что может случиться.

— Благодарю, брат. Через час я буду готова.

— Хорошо, а я в это время пойду посмотрю. Не отворяй никому, кроме меня.

— Будь спокоен.

Молодой человек закурил сигару с самым беззаботным видом, какой только мог принять. На дворе он очутился лицом к лицу с мажордомом. Физиономия сеньора Бирбомоно была растревожена, это не укрылось от дона Санчо, однако, он продолжал идти, притворяясь, будто не приметил мажордома, но тот прямо подошел к нему.

— Я рад, что встретился с вами, ваше сиятельство. Я шел постучаться в дверь вашей комнаты.

— Да, сказал дон Санчо,— по какой это причине?

— Вашему сиятельству известно, что происходит,— продолжал мажордом, по-видимому не примечая иронического тона молодого человека.

— Разве происходит что-нибудь?

— Разве вашему сиятельству это неизвестно?

— Вероятно, если я вас спрашиваю. Впрочем, так как это без сомнения вовсе для меня не интересно, то вы можете и не рассказывать мне.

— Напротив, ваше сиятельство, оно интересно для вас так же, как и для всех живущих в этом доме.

— И что же это?

— Начальник этих солдат поставил часовых около дома.

— Хорошо, нам нечего бояться нападения буканьеров, которых вы так боитесь. Я пойду поблагодарить офицеров.

— Это как вам угодно, ваше сиятельство, только это будет для вас трудно.

— Почему же?

— Потому что отдан приказ всех пускать в дом, а из дома не выпускать никого.

Трепет пробежал по жилам молодого человека при этих словах. Он страшно побледнел, но сделал усилие над собою и, отвечал небрежным тоном:

— Это запрещение не может касаться меня.

— Извините, ваше сиятельство, оно касается всех.

— Итак, вы думаете, что если я захочу выйти?..

— Вас не пустят.

— Черт побери! Это довольно неприятно, не потому, чтобы я имел намерение уйти, но мне по моему характеру нравится все, что мне запрещают.

— Вы не прочь бы прогуляться, ваше сиятельство?

Дон Санчо взглянул на Бирбомоно, как будто хотел прочесть в глубине его сердца.

— А если действительно я намерен? — сказал он, наконец.

— Я берусь вывести вас.

— Вы?

— Ведь я мажордом.

— Это правда, стало быть запрещение не касается вас.

— Оно касается меня так же, как и других, но солдаты не знают этого дома так, как знаю я. Я выскользну у них из рук, когда захочу.

— Мне очень хотелось бы попробовать.

— Попробуйте, ваше сиятельство. Я приготовил трех лошадей в таком месте, где никто другой их не найдет.

— Для чего три лошади? — спросил молодой человек.

— Потому что, вероятно, вы хотите отправиться на прогулку не с одним со мной, а хотите взять еще кого-нибудь.

Дон Санчо понял, что мажордом угадал его мысли, и тотчас же решился.

— Будем вести открытую игру, — сказал он, — можешь ли ты быть верен?

— Я верен и предан также, ваше сиятельство, вы имеете на это доказательство.

— Кто мне ручается, что ты не расставляешь мне засаду?

— Для чего?

— Для того, чтобы получить награду от графа.

— Нет, ваше сиятельство, никакая награда не заставит меня изменить моей госпоже. Я люблю донну Клару, которая всегда была добра ко мне и часто меня защищала.

— Я тебе верю, притом мне некогда рассуждать с тобой. Только вот мои условия: пулю в голову, если ты мне изменишь, тысячу пиастров, если останешься мне верен. Согласен?

— Согласен, ваше сиятельство. Пиастры мои.

— Ты знаешь, что я напрасно не угрожаю.

— Я вас знаю.

— Хорошо, что же надо делать?

— Только следовать за мной. Наш побег будет самый легкий, я все приготовил тотчас по приезде. Я подозревал увидеть этих демонов солдат, подозрения мои скоро перешли в уверенность, как только я ловко стал расспрашивать направо и налево. Преданность к госпоже сделала меня проницательным. Вы видите, что я хорошо поступил, приняв предосторожности.

Тон, которым мажордом произнес эти слова, имел такой отпечаток истины, физиономия его была так чистосердечна, что последние подозрения молодого графа рассеялись.

— Подожди меня, — сказал он, я схожу за сестрой.

Он удалился поспешными шагами.

— Э! — сказал с усмешкой Бирбомоно, оставшись один, — я не знаю, будет ли доволен сеньор дон Стенио Бехар, когда жена, которую он думал захватить, убежит от него. Бедная сеньора, она так добра ко всем нам, что было бы постыдно изменить ей. Притом, этот добрый поступок принесет мне тысячу пиастров, — прибавил Бирбомоно, потирая себе руки, — это довольно хорошая цифра.

Было около одиннадцати часов вечера. Мажордом по-

заботился, чтобы все огни в доме были погашены, невольники были отосланы спать, торжественная тишина тяготела над природой, тишина, прерываемая только в равных промежутках часовыми, которые однообразным голосом перекликались между собой.

Дон Санчо воротился с сестрой, закутанной так же, как и он, в длинный плащ. Донна Клара не говорила ничего, но, подойдя к мажордому, любезно протянула ему правую руку, которую тот почтительно поднес к своим губам. Хотя офицеры велели солдатам караулить старательно не только дом, но и окрестности, те, напуганные темнотой и мрачной таинственной глубиной окружавшего их леса, неподвижно стояли за деревьями, перекликаясь только каждые полчаса, но не отваживаясь отходить даже на несколько шагов от убежища, которое они выбрали себе. Причины этой трусости были просты, хотя мы их уже объясняли, мы их повторим для большей ясности.

Первое время высадки буканьеров в Сан-Доминго, отряды, которые губернатор посылал в погоню за ними, были вооружены мушкетами, но после нескольких встреч с французами, в которых французы их страшно разбили, страх солдат к авантюристам сделался так велик, что как только их посылали против этих людей, которых они считали почти демонами, как только они входили в леса или ущелья гор или даже в степи, где они могли предполагать, что буканьеры сидят в засаде, они начинали стрелять из мушкетов для того, чтобы предупредить неприятеля и заставить его удалиться. Из этих искусных маневров происходило то, что авантюристы действительно уходили и становились неуловимыми. Губернатор, приметив этот результат, наконец, угадал причину. Тогда для того, чтобы устранить возобновление подобного факта, он отнял мушкеты у солдат и дал им копья. Спешим прибавить, что эта перемена была вовсе не по вкусу храбрым солдатам, которые видели себя снова подверженными ударам своих грозных врагов.

Мажордом и два лица, которым он служил проводником, не будучи вынуждены принимать других предосторожностей, кроме как идти тихо и не говорить, успели выйти из дома с противоположной стороны от того места, где солдаты раскинулись бивуаком. Пройдя линию часовых, беглецы пошли быстрее и скоро достигли чащи, среди которой три лошади в полной упряжи были так хорошо спрятаны, что их не мог найти тот, кто не знал, что они находятся тут. Для большей предосторожности, чтобы не до-

пустить их заржать, мажордом завязал им веревкой ноздри. Как только три путешественника сели на лошадей, Бирбомоно обратился к дону Санчо:

— Куда мы едем, ваше сиятельство?

— Вы знаете, где расположились буканьеры? — отвечал молодой человек.

— Знаю, ваше сиятельство.

— Вы думаете, что найдете это место в темноте?

Мажордом улыбнулся.

— Ничего не может быть легче, — сказал он.

— Отведите же нас к этим негодяям.

— Хорошо, только, ваше сиятельство, не тоните вашу лошадь, мы еще слишком близко от дома. Малейшая неосторожность может поднять тревогу.

— Вы думаете, что они осмелятся преследовать нас?

— Поодиночке, конечно, нет, но так как их много, они решатся, тем более, что, как я слышал, они уверены в том, что буканьеры никогда сюда не приходили, что удваивает их храбрость, доказательство которой они не прочь были бы дать на наш счет.

— Справедливое рассуждение. Распоряжайтесь нашей поездкой как найдете нужным, мы будем действовать по вашим советам.

Отправились в путь. Кроме предосторожностей, которые необходимо было принимать, путешествие это не имело в себе ничего неприятного, в ясную душистую ночь под небом, усеянным блестящими звездами, среди восхитительного пейзажа, малейшие подробности которого позволяла угадывать прозрачность атмосферы.

Через час после езды умеренной рысью поехали скорее, а потом поскакали в галоп. Донна Клара, наклонившись на шею своей лошади, жадно устремив глаза вперед, как будто обвиняла медленность езды, которая, однако, приобрела лихорадочную быстроту погони. Иногда она наклонялась к брату, который ехал рядом с нею, и спрашивала прерывающимся голосом:

— Скоро мы приедем?

— Скоро, имей терпение, сестра, — отвечал молодой человек, подавляя вздох сострадания к тоске, сжимавшей сердце его сестры.

Уже звезды гасли на небе, атмосфера делалась свежее, горизонт покрывался широкими перламутровыми полосами, легкий морской ветерок доносил до путешественников свое едкое благоухание. Ночь прошла. Вдруг в ту минуту,

когда всадники выезжали из пустого леса, в котором уже целый час они ехали по тропинке, проложенной дикими волами, и выезжали в степь, мажордом, ехавший на несколько шагов впереди, вдруг остановил свою лошадь и, наклонившись назад, вскричал голосом, прерывающимся от волнения:

— Остановитесь, ради Бога!

Молодые люди остановились дрожа, но не понимая этого приказанья. Мажордом наклонился к ним.

— Смотрите! — шепнул он, протянув руку к степи.

Быстрый галоп, приближавшийся каждую секунду, донесся до их слуха, потом почти тотчас они увидели сквозь занавес листьев несколько всадников, мчавшихся как ураган. Ветвь сорвала шляпу с одного из всадников.

— Дон Стенио! — с испугом вскричала донна Клара.

— Слава Богу что успели! — вскричал дон Санчо.

XXIX

ХОД СОБЫТИЙ УСКОРЯЕТСЯ

Всадники продолжали бешено скакать, не замечая беглецов. Один из них, однако, при крике донны Клары сделал движение, чтобы удержать свою лошадь, но, предположив, без сомнения, что он был игрушкой обманчивой мечты, после минутной нерешимости последовал за своими спутниками, к большому счастью для себя, потому что дон Санчо схватил уже пистолет, решившись прострелить ему голову.

Несколько минут беглецы оставались неподвижны, наклонив голову вперед, с тоской прислушиваясь к галопу лошадей, топот которых быстро утихал и скоро замер вдали, смешавшись с ночным шумом. Тогда они перевели дух и дон Санчо опять вложил в луку седла пистолет, которой до сих пор он держал в руке.

— Гм! — прошептал он, — горячая была тревога, только густой куст помешал им увидеть нас.

— Слава Богу! — прошептала донна Клара, — мы спасены!

— То есть мы спасаемся, сестра, — отвечал молодой

человек, будучи не в состоянии удержаться от маленькой насмешки, как ни важны были обстоятельства.

— Они скачут как бы уносимые на крыльях ветра,— сказал мажордом,— нам нечего их опасаться.

— Поедьте же,— продолжал дон Санчо.

— Да, да, поедьте,— прошептала донна Клара.

Они выехали из чащи, представлявшей им такое надежное убежище, в равнину. Небо прояснилось, и хотя солнце было еще ниже горизонта, однако влияние его уже давало чувствовать себя. Природа выходила из своего ночного сна, уже птицы просыпались под листьями и прелюдовали тихим щебетаньем утреннему пению. Мрачные силуэты диких зверей виднелись в высокой траве, увлажненной росой. Хищные птицы распускали свои могучие крылья, как будто хотели полететь к солнцу и приветствовать его при восхождении. Словом, это была уже не ночь и еще не день.

— Э! Что я вижу там на вершине горы! — сказал вдруг дон Санчо.

— Где? — спросил Бирбомоно.

— Там, перед нами.

Мажордом оттенил рукою глаза, чтобы сосредоточить зрительные лучи, и внимательно посмотрел.

— Ей-Богу! — вскричал он через минуту,— это человек.

— Человек?

— Право так, ваше сиятельство, и, насколько я могу различить, это караиб.

— Черт побери! Что же он делает на этом пригорке?

— В этом нам легко будет удостовериться через минуту, если только он не улепетнет от нас.

— Поедьте же к нему скорее, ради Бога!

— Брат мой,— возразила донна Клара,— к чему нам замедлять наш путь, когда мы так торопимся?

— Это верно,— сказал молодой человек.

— Успокойтесь, сеньора,— продолжал мажордом,— этот пригорок находится на нашем пути, нам непременно надо проехать мимо.

Донна Клара молча потупила голову, и все поехали дальше, потому что во время этого разговора всадники остановились. Они скоро доехали до пригорка, на который поднялись галопом. Караиб не сходил с места, но всадники остановились, пораженные оцепенением, когда увидели, что он не один. Индеец, встав на колени на земле, по-видимому оказывал попечение человеку, распростертому около него и начинавшему приходить в себя.

— Фрэй-Арсенио! — вскричала донна Клара, увидев этого человека. — Боже мой, он умер!

— Нет, — отвечал индеец кротким голосом и обернувшись к ней, — но его страшно пытали.

— Пытали! — вскричали присутствующие.

— Взгляните на его руки, — продолжал караиб.

Испанцы вскрикнули от ужаса и сострадания при виде окровавленных и распухших пальцев бедного монаха.

— О, это ужасно! — прошептали они с горестью.

— Злодей! — вскричал дон Санчо, — это ты истерзал его.

Караиб с пренебрежением пожал плечами.

— Бледнолицый помешался, — сказал он, — мои братья не мучат начальников молитвы, они уважают их. Это такие же белые, как и сам он, так страшно его пытали.

— Объяснитесь, ради Бога! — продолжала донна Клара, — каким образом этот достойный монах находится здесь в таком жалком положении?

— Лучше пусть он сам объяснится, когда придет в чувство. Прыгун знает немного, — отвечал караиб.

— Это верно, — сказала донна Клара, сходя с лошади и становясь на колени возле раненого, — бедняжка, какие страшные страдания он должен претерпевать!

— Итак, вы ничего не можете нам сказать? — спросил дон Санчо.

— Почти ничего, — отвечал караиб, — вот все, что я знаю.

Он рассказал, каким образом монах был поручен ему, как он служил ему проводником до тех пор, пока, встретившись с белыми, монах отпустил его, чтобы присоединиться к ним.

— Но, — прибавил караиб, — не знаю, почему тайное предчувствие не допускало меня удалиться; вместо того, чтобы уйти, я спрятался в кусты и присутствовал невидимо при пытке, которой они его подвергали, принуждая открыть тайну, которую он открывать не хотел, наконец, побежденные его твердостью, они бросили его полумертвого, тогда я кинулся к нему на помощь. Ложь никогда не оскверняла губ Прыгуна.

— Простите мне, начальник, неприятные слова, которые я произнес в первую минуту, я был ослеплен гневом и горестью, — сказал дон Санчо, протянув руку караибу.

— Бледнолицый молод, — улыбаясь отвечал караиб, — язык его действует скорее сердца.

Он взял руку, так чистосердечно протянутую ему, и дружелюбно пожал.

— О! О! — сказал мажордом, качая головой и наклоняясь к уху дон Санчо, — или я очень ошибаюсь, или тут замешан дон Стенио.

— Это невозможно! — с ужасом сказал дон Санчо.

— Вы не знаете вашего зятя, ваше сиятельство, это натура слабая, а все слабые натуры злы, поверьте мне, я знаю наверно то, что вам говорю.

— Нет, нет! Это было бы слишком ужасно.

— Боже мой! — сказала тогда донна Клара, — мы не можем оставаться здесь долее, однако мне не хотелось бы бросить таким образом этого бедного человека.

— Возьмем его с собой, — с живостью сказал дон Санчо.

— Но его раны позволят ли ему перенести утомительный и длинный переезд?

— Мы почти приехали, — сказал мажордом и, обернувшись к караибу, прибавил, — мы едем к букану двух буканьеров, которые со вчерашнего дня охотятся в лесу.

— Хорошо, — сказал караиб, — я провожу бледнолицых по узкой тропинке; они приедут прежде чем солнце поднимется на горизонт.

Донна Клара села на лошадь, монаха осторожно положили перед мажордомом, и маленький отряд опять отправился в путь шагом, под предводительством карайба.

Бедный Фрэй-Арсенио не подавал никаких признаков жизни, кроме глубоких вздохов, которые время от времени приподнимали его грудь, и стонов, вырывааемых горестью. Через три четверти часа езды, по милости той дороги, по которой провел их караиб, они доехали до букана. Он был пуст, но не брошен, как показывали воловьи шкуры, еще разложенные на земле, и копченое мясо, висевшее на вилах. Вероятно, авантюристы были на охоте. Путешественников раздосадовала эта неудача, но Прыгун вывел их из затруднения.

— Пусть не тревожатся бледнолицые, — сказал он, — начальник, предупредил своих белых друзей, а в их отсутствие бледнолицые могут брать все, что находится здесь.

Подавая пример, караиб приготовил постель из сухих листьев, которую накрыл мехами, а на них, с помощью мажордома, осторожно положили раненого, потом развели большой огонь и, в последний раз повторив беглецам уверения, что им нечего бояться, удалился, скользя как змея в высокой траве.

Мажордом, достаточно знавший нарвы авантюристов, с которыми он имел кое-какие сношения, хотя всегда

очень осторожный, потому что несмотря на то, что он хвастался своей храбростью, они внушали ему суеверный страх, успокоил своих господ, уверив их, что гостеприимство до того священно между буканьерами, что если бы они даже были самые ожесточенные враги их, а не гости, так как они приехали по их формальному приглашению, то и тогда им нечего было бы опасаться с их стороны.

По милости попечений, которые не переставала расточать ему донна Клара, бедный монах пришел в себя. Сначала он был очень слаб, но мало-помалу собрался настолько с силами, чтобы рассказать донне Кларе, что с ним случилось после их разлуки. Рассказ этот, конец которого согласовывался во всех подробностях с рассказом караиба, привел донну Клару в оцепенение, которое скоро перешло в испуг, когда она подумала о страшных опасностях, угрожавших ей. В самом деле, какой помощи могла она ожидать? Кто осмелится защитить ее против мужа, высокое положение и всемогущая власть которого уничтожат все ее усилия для того, чтобы избавить от его мщения?

— Не теряйте мужества, дочь моя,— прошептал монах с нежным состраданием.— Бог выше человека! Уповайте на Него, Он вас не оставит, Он поспешит к вам на помощь и поможет вам.

Донна Клара, несмотря на свое полное упование в могущество провидения, отвечала на эти утешения слезами и рыданиями, она чувствовала, что погибла.

Дон Санчо ходил большими шагами перед палаткой буканьеров, кусал усы, топал с гневом ногою и перебирал в голове самые безумные планы.

— Ба! — пробормотал он наконец,— если этот демон не захочет образумиться, я прострелю ему голову, и делу конец!

Очень довольный тем, что после таких усилий он нашел этот способ избавить сестру от насильственных мер, к которым, может быть, желание мщения побудило бы дона Стенио, молодой человек закурил сигару и терпеливо ждал возвращения буканьеров, совершенно успокоившись насчет будущего.

Мажордом, почти равнодушный к тому, что происходило вокруг него и радуясь обещанной награде, не терял времени; рассудив, что буканьеры по возвращении будут рады найти готовый завтрак, он поставил на огонь чугунок с огромным куском говядины и с большим количеством воды, вместо хлеба положил под золу иньям, потом начал готовить перечный соус, необходимую приправу буканьерского стола.

Беглецы уже час-полтора находились в букане, когда

услыхали страшный лай и десятка два собак с воем бросились к ним, но громкий голос, хотя отдаленный, призвал их, и они быстро убежали.

Через несколько минут испанцы заметили двух буканьсров, они шли с необыкновенной быстротой, хотя оба несли на плечах по крайней мере сто фунтов, и кроме того с ними было оружие и весь охотничий наряд. Первым их старанием при входе в букан было бросить на землю десять воловьих шкур, свежих и отвратительно покрытых кровью и жиром. Потом они подошли к приезжим, которые, со своей стороны, встали их принять. Собаки как будто поняли, что они должны сохранять строгий нейтралитет, легли в траву, устремив однако пылкие глаза на испанцев, вероятно, готовые прыгнуть им на голову по первому сигналу.

— Милости просим,— сказал Польшэ, снимая шляпу с вежливостью, которую трудно было предположить, видя его грубую наружность,— пока вам угодно будет остаться здесь, мы будем считать вас братьями, все, что мы имеем, принадлежит вам, располагайте всем как заблагорассудится, так же, как и руками нашими, если вам представится случай требовать нашей помощи.

— Благодарю вас от имени моих спутников, кабальеро, я принимаю ваше любезное приглашение,— отвечала донна Клара.

— Женщина! — вскричал Польшэ с удивлением,— извините, меня, сеньора, я вас не узнал.

— Я та самая донна Клара Бехар, которой, как мне сказали, вы должны отдать письмо.

— Стало быть милости просим еще раз, сеньора, письмо это поручено не мне, а моему товарищу.

— Черт побери! — вскричал Олонец,— подходя к больному,— Прыгун говорил нам, что этому бедному монаху порядком досталось, но я не ожидал найти его в таком жалком положении.

— В самом деле,— сказал Польшэ, нахмутив брови,— я не очень религиозен, но посовестился бы поступить таким образом с монахом, только язычник способен на подобное преступление.

Тут с заботливостью, истинно сыновней и возбуждавшей в испанцах восторг, грубый авантюрист начал облегчать нестерпимые страдания раненого, что по милости продолжительной практики в лечении ран всякого рода удалось ему вполне, и Фрэй-Арсенио заснул живительным сном. В это время Олонец отдал донне Кларе письмо, по-

рученное ему Монбаром, и молодая женщина отошла в сторону прочесть его.

— Скажите пожалуйста,— весело сказал Олонец, ударив мажордома по плечу,— вот какой умный молодец, он подумал о существовании, завтрак готов!

— Если так,— сказал Польшэ, значительно подмигнув своему товарищу,— закусим *вдвойне*, у нас скоро будет дело.

— Разве мы не подождем возвращения индийского начальника? — спросил дон Санчо.

— Для чего? — смеясь отвечал Олонец,— не беспокойтесь о нем, сеньор, он недалеко, у каждого из нас есть свое дело.

— А у вас должно быть чутье очень тонкое, сеньор,— сказал Польшэ, вы так скоро явились на наше приглашение.

— Как это?

— Вы скоро это узнаете, но послушайте меня, набирайтесь сил, кушайте.

В эту минуту донна Клара присоединилась к обществу; осанка ее была тверже, а лицо почти веселое. Завтрак был скоро готов; листья служили вместо тарелок, сели не за стол, а на землю, и храбро принялись за провизию. Дон Санчо сделался очень весел, эта жизнь казалась ему очаровательна, он хохотал как сумасшедший и ел с аппетитом, даже донна Клара, несмотря на свою озабоченность, сделала честь этому импровизированному пиршеству.

— Ну, мои красавчики,— сказал Польшэ своим собакам,— не ленитесь, ступайте караулить окрестности, пока мы будем завтракать, вашу долю вам оставят.

Собаки вскочили, разбежались во все стороны и скоро исчезли.

— Какие у вас славные собаки! — сказал дон Санчо.

— Вы, испанцы, знаете в собаках толк,— отвечал Буканьер с лукавым видом.

Граф почувствовал некий сарказм, но не хотел возражать.

Действительно, испанцы в Сан-Доминго ввели странный обычай дрессировать собак в погоню за индейцами.

Завтрак кончился и самое чистосердечное дружелюбие не прекращалось все время. Когда господа позавтракали, настала очередь собак. Олонец свистнул им, и в одно мгновение они собрались вокруг него, а он раздал им пищу по равной доле. Буканьеры, предоставив гостям свободу употреблять время как хотят, занялись приготовлением шкур.

Несколько часов прошло таким образом. К трем часам пополудни одна собака залаяла и тотчас замолчала. Мы за-

были сказать, что после завтрака, по знаку Олонца, собаки воротились к своему посту. Буканьеры переглянулись.

— Один! — сказал Олонец.

— Два! — почти тотчас отвечал Польшэ, когда лай другой собаки раздался в противоположном направлении.

Скоро как электрическая искра лай собак раздался с необыкновенной быстротой со всех сторон. Между тем ничто внешне не оправдывало эти предостережения караульных, не слышалось никакого подозрительного шума, степь казалась погруженной в самое полное уединение.

— Извините, кабальеро, — сказал дон Санчо Польшэ, который продолжал работать с прежним усердием, лукаво посмеиваясь со своим товарищем, — позвольте мне сделать вам вопрос.

— Спрашивайте, сеньор, спрашивать иногда бывает хорошо, притом, если этот вопрос мне не понравится, я могу и не ответить, не так ли?

— О! Совершенно так.

— Говорите же без опасения, я слушаю вас.

— Вот уже несколько минут ваши собаки подают вам сигналы, так по крайней мере предполагаю я.

— Вы предполагаете справедливо, это действительно сигналы.

— А не будет ли нескромным спросить вас, что значат эти сигналы?

— Вовсе нет, сеньор, тем более, что они должны интересоваться вас столько же, как и нас.

— Я вас не понимаю.

— Вы сейчас поймете, эти сигналы значат, что степь в эту минуту занята отрядами солдат, которые идут сюда, чтобы окружить нас со всех сторон.

— Черт побери! — вскричал молодой человек, вздрогнув от удивления, — и это вас не волнует?

— Для чего тревожиться заранее? У меня с моим товарищем была очень спешная работа, которую нам надо было закончить, теперь она закончена и мы подумаем, как нам поступить.

— Но нам невозможно сопротивляться такому множеству врагов. Мы с сестрой подвергаемся большей опасности и мы, не теряя ни минуты, должны бежать.

— Бежать? — сказал буканьер с насмешкой, — полноте! Вы смеетесь, сеньор, мы обведены непроходимым кругом.

— Стало быть, мы погибли.

— Как вы скоро решили! Напротив, погибли они.

— Они? Но ведь нас только четверо против ста.

— Вы ошибаетесь, там двести человек, на каждого из нас придется по пятидесяти. Свистни собакам, Олонец, теперь они бесполезны. Смотрите, видите вы, наконец?

Он протянул руку перед собой. Длинные копыа испанских солдат виднелись над высокой травой. Польшэ не солгал: эти копыа составляли круг, суживающийся все более и более около букана.

— Красиво это? — прибавил буканьер, поглаживая дуло своего длинного ружья, — сеньора, сядьте возле раненого.

— О, позвольте мне выдать себя! — вскричала она с порывом, — эта ужасная опасность угрожает вам из-за меня.

— Сеньора! — продолжал буканьер, ударив себя в грудь с необыкновенным величием, — вы находитесь под охраной моей чести, и клянусь Богом, что пока я жив, никто не осмелится коснуться вас пальцем. Сядьте возле раненого.

Невольно подчиняясь тону, которым буканьер произнес эти слова, донна Клара поклонилась и молча села у изголовья дона Арсенио, который все спал.

— Теперь, кабальеро, — обратился Польшэ к дону Санчо, — если вы никогда не присутствовали при экспедиции буканьеров, я обещаю вам, что вы увидите славный праздник и что он доставит вам удовольствие.

— Что ж? — беззаботно отвечал молодой человек, — будем драться, если нужно, пасть в сражении — смерть, прекрасная для дворянина.

— Вы славный молодой человек, — сказал буканьер, дружески ударив его по плечу, — из вас выйдет кое-что.

Солдаты все приближались, а круг все суживался.

XXX

МОНБАР ИСТРЕБИТЕЛЬ

На несколько минут зловещая и грозная тишина тяжело нависла над степью. По свисту Олонца собаки стали позади своих хозяев; потупив голову, оскалив острые зубы, сверкая глазами, они ждали приказания броситься вперед, но не только не лаяли, даже ворчали.

Олонец, опираясь на свое длинное ружье, спокойно курил трубку, бросая насмешливые взгляды вокруг. Польшэ очень хладнокровно приводил в порядок утварь букана, взятую с места работы, которою он занимался утром. Мажордом, хотя внутренне беспокоился о последствиях этой битвы, столь не соразмерной, старался, однако, не унывать, но он понимал, что если он попадет в руки своего господина, то он не должен ждать от него никакой пощады, так как он пошел наперекор его плану, способствуя побегу графини. Дон Санчо Пеннафлор, несмотря на природную беззаботность и задорный характер, также несколько тревожился, потому что, будучи офицером в испанской армии, он должен был занимать место в рядах не буканьеров, а солдат, приготавливавшихся их атаковать. Донна Клара, стоя на коленях возле монаха, сложив руки, подняв глаза к небу, с лицом, орошенном слезами, горячо молилась, испрашивая защиты Всемогущего. Фрэй-Арсенио спокойно спал.

Таков был живописный и величественный вид букана в эту минуту; четыре человека холодно приготавливались бороться против двухсот человек регулярного войска, от которых, как они знали, им нельзя было ждать никакой пощады, но которых их безумное сопротивление должно было раздражить и побудить к жестоким мерам.

Между тем круг все суживался и уже головы солдат начали показываться над высокой травой.

— Э-э! — сказал Польшэ, потирая свои руки с радостным видом, — кажется, пора начать пляску, что ты скажешь, мой милый?

— Да, пора, — отвечал работник, взяв головню.

— Смотрите, не трогайтесь с места, — сказал Польшэ обоим испанцам. — а то вам придется плохо.

Он сделал на этом последнем слове насмешливое ударение.

Буканьеры, устраивая свой букан, вырвали траву шагов на тридцать около палатки; трава эта, высохшая от солнца; была положена на краю очищенного места. Олонец положил ружье, прямо подошел к этой траве, зажег ее, потом воротился к своим товарищам. Вспыхнувшее пламя тотчас распространилось по всем направлениям, и скоро большая часть степи представляла вид обширного горнила. Буканьеры смеялись над тем, что им казалось превосходной шуткой. Испанцы, застигнутые врасплох, вскрикнули от ужаса и бросились назад, преследуемые пламенем,

которое все распространялось постоянно в их сторону. Но было очевидно, что авантюристы не имели намерения сжечь живьем несчастных испанцев; трава загоралась и потухала необыкновенно быстро, буканьеры только хотели возбудить панический страх в своих врагах и произвести в них беспорядок, в чем вполне и успели. Солдаты бежали с криками ужаса перед этим огненным морем, не оглядываясь, не повинаясь приказаниям своих начальников и думая только, как бы избавиться от ужасной опасности, угрожавшей им.

В это время Польшэ холодно объяснял дону Санчо вероятный результат придуманного им способа.

— Видите ли, сеньор, — говорил он, — пожар этот не значит ничего, через несколько минут все погаснет, если эти люди трусы, то мы отделались от них, а если нет, они воротятся, и тогда дело выйдет серьезное.

— Но если вы признаете недействительность этого способа, для чего вы его употребили? По-моему мнению он скорее вреден, чем полезен для нашей защиты.

Буканьер несколько раз покачал головой.

— Вы неправы, — сказал он, — я имел несколько причин для того, чтобы действовать таким образом. Во-первых, ваши соотечественники, если даже вы считаете их храбрыми, теперь растерялись и очень трудно будет воротить им мужество, которого у них уже нет, с другой стороны, мне хотелось немножко осмотреться вокруг при свете огня и очистить степь. — Потом, — прибавил он с лукавым видом, — почему вы знаете, что огонь, зажженный мною, не сигнал?

— Сигнал! — вскричал дон Санчо, — так у вас здесь недалеко есть друзья?

— Как знать? Мои товарищи, сеньор, большие непоседы, и часто их встречаешь там, где меньше всего ждешь.

— Признаюсь, сеньор, потерпите! Вы скоро поймете, уверяю вас, и для этого вам не нужно будет никаких особенных усилий ума. Олонец, — обратился он к своему товарищу, — кажется, тебе не худо идти туда теперь?

— Правда, — отвечал Олонец небрежно бросив ружье на плечо, — он должен меня ждать.

— Возьми с собой собак.

— Для чего?

— Чтобы найти дорогу, мой милый. Теперь не трудно заблудиться, посреди этого пепла все следы сбились.

Олонец позвал нескольких собак по именам и ушел.

— Посмотрите, — продолжал Польшэ, указывая на

Олонца, который шел так скоро, что казалось, будто он бежит, — какой красавец! А он, однако, только два месяца в Америке, предсказываю вам, что через три года это будет один из самых знаменитых авантюристов.

— Вы его купили? — спросил дон Санчо, не очень интересуясь этими подробностями, не имеющими для него никакой важности.

— К несчастью, нет, его дали мне только на несколько дней, он обязанный работник Монбара Истребителя. Я давал за него двести пиастров, он не хочет мне продать.

— Как! — вскричал молодой человек, — Монбар знаменитый флибустьер?

— Он сам, это мой друг.

— Стало быть, он здесь, в окрестностях?

— Это, сеньор, входит в категорию тех обстоятельств, о которых вы скоро узнаете.

Как предвидел буканьер, пожар погас почти так же скоро, как вспыхнул, по недостатку пищи в степи, где росла только трава и кое-какой хворост. Испанцы укрылись на берегу реки, песчаные берега которой предохраняли их от огня. Лес, слишком отдаленный от центра пожара, остался невредим, хотя несколько огненных языков, угасая, коснулись первых деревьев. Из букана легко было видеть, как испанские офицеры старались восстановить порядок между их отрядами, чтобы, без сомнения, предпринять новую атаку, которая, однако, по-видимому, нисколько не тревожила Польшу. Между офицерами особенно был замечен один, он был верхом и чрезвычайно суетился, чтобы опять составить ряды, другие офицеры поочередно подходили к нему за приказами. Этого офицера дон Санчо узнал с первого взгляда.

— Вот чего я боялся, — прошептал он, — граф сам командует этой экспедицией, мы погибли.

Действительно, это был дон Стенио Бехар. Приехав в дель-Ринкон на рассвете и узнав о побеге графини, он сам захотел командовать экспедицией.

Положение авантюристов было критическое. После ухода Олонца их осталось только трое, в голой степи, без всяких окопов, а между тем уверенность буканьера не уменьшалась, и он с ироническим видом рассматривал приготовления неприятеля.

Испанцы, с большим трудом приведенные в порядок стараниями своих офицеров, наконец, снова направились на букан с такими же предосторожностями, как и прежде, то есть составя круги, чтобы совершенно оцепить букан.

Но солдаты шли медленно, осторожно по земле, едва остывшей, которая могла скрывать новую засаду. Граф, указывая своей шапкой на букан, напрасно подстрекал солдат ускорить шаги и покончить разом с негодьями, осмеливавшимися сопротивляться войскам его величества. Солдаты не слушали и шли очень осторожно, спокойствие и мнимая беззаботность врагов пугали их более неприязненных демонстраций и, по их мнению, должны были заключать в себе какую-нибудь страшную засаду.

В эту минуту положение усложнилось одним страшным эпизодом: пирога показалась на реке и пристала к тому самому месту, которое испанцы оставили только несколько минут тому назад. В этой пироге сидело пять человек: три авантюриста и два испанца. Авантюристы вышли на землю так спокойно, как будто были одни, и, толкая испанцев перед собой, решительно направились к солдатам. Те, удивленные и сбитые с толку такой смелостью, смотрели на них, не смея сделать ни малейшего движения, чтобы не пустить их пройти. Эти три авантюриста были Монбар, Мишель и Олонец, за ними шло восемь собак, оба испанца шли безоружные впереди, тревожась за свою участь, как показывали бледность их лиц и испуганные взгляды, которые они бросали вокруг. Граф Бехар, заметив авантюристов, вскрикнул от бешенства и бросился к ним навстречу с поднятой шапкой.

— Руби! Руби этих негодяев! — вскричал он. Солдаты, стыдясь, что их не боятся три человека, повернулись и решительно бросились на них. Авантюристы были окружены в одно мгновение. Не испугавшись этого маневра, они тотчас встали друг другу плечом к плечу и, таким образом могли обороняться со всех сторон.

Солдаты инстинктивно остановились.

— Смерть им! — закричал граф, — нечего щадить негодяев!

— Молчать! — отвечал Монбар, — прежде чем угрожать, послушайте, какие известия привезли вам эти два курьера.

— Схватите этих негодяев! — снова закричал граф, — убейте их как собак!

— Полноте! — продолжал Монбар с иронией, вы с ума сошли! Схватить нас! Попробуйте-ка!

Три авантюриста, вынув горлянки с порохом, висевшие у них за поясом, высыпали порох в свои шапки, а свер-

ху пороха побросали пули из ружей, и держали в одной руке шапку, превратившуюся таким образом в брандер, а в другой зажженную трубку.

— Будьте осторожны, братья! — продолжал Монбар, — а вы, негодяи, пропустите нас, если не хотите, чтобы мы взорвали всех вас на воздух!¹

Твердыми шагами три авантюриста подошли к испанцам, пораженным ужасом и ряды которых расступились, чтобы пропустить их.

— О! — с насмешкой прибавил Монбар, — не бойтесь, мы не убежим, мы хотим только добраться до наших товарищей.

Таким образом, двести человек боязливо следовали в почтительном отдалении за тремя флибустьерами, которые, куря на ходу, чтобы не дать трубкам погаснуть, насмехались над трусостью испанцев. Польтэ был вне себя от восторга, а дон Санчо не знал, чему он должен удивляться: более безумной ли отваге французов или трусости своих соотечественников.

Таким образом, авантюристы соединились со своими товарищами, не будучи ни на минуту потревожены испанцами, несмотря на довольно продолжительный путь. Несмотря на просьбы и увещевания, граф добился только от солдат того, чтобы они продолжали идти вперед, а не отступали, как они намеревались.

Но в то время, как авантюристы влекли солдат за собой и сосредоточили все внимание на себе, случилось одно обстоятельство, которое граф заметил слишком поздно и которое начало внушать ему серьезное беспокойство относительно результата этой экспедиции. Позади круга, образуемого испанскими солдатами, составилась другой круг, как бы по волшебству, из буканьеров и краснокожих карайбов, во главе которых виднелся Прыгун. Буканьеры и индейцы действовали так разумно, так быстро, и в особенности так тихо, что испанцы были окружены уже железной сетью прежде, чем успели догадаться об угрожающей им опасности. Граф вскрикнул от бешенства, солдаты отвечали ему криком ужаса. Действительно, положение было чрезвычайно критическое для несчастных испанцев. Только

¹ Этот поступок, несправедливо приписываемый разным буканьерам, действительно принадлежит Монбару.

одно чудо могло избавить их от смерти. Дело шло уже не о том, чтобы сражаться против нескольких человек, решительных, это правда, но с которыми численность могла, наконец, совладать; флибустьеров было по крайней мере двести, и со своими союзниками караибами они составляли отряд в пятьсот человек, храбрых, как львы, тремьястами более испанцев, те поняли, что они погибли.

Дойдя до букана, Монбар тотчас пожал руки Польше и, похвалив его за то, что он успел выиграть время, занялся со своими товарищами приведением в порядок пороха и пуль, рассудив, вероятно, что теперь они сделались бесполезны.

Пока флибустьер занимался этим, донна Клара, бледная как труп, устремила на него пылкий взор, не смея, однако, приблизиться к нему. Наконец она отважилась сделать несколько шагов и, сложив руки, с мольбой, прошептала дрожащим голосом.

— Я здесь.

Монбар вздрогнул при звуке этого голоса и побледнел, но, сделав усилие над собою и смягчив жесткое выражение своего взгляда, отвечал, вежливо поклонившись:

— Я пришел сюда только для вас, сеньора, я сейчас буду иметь честь явиться к вашим услугам, позвольте мне только позаботиться о том, чтобы разговор наш происходил спокойно.

Донна Клара потупила голову и воротилась сесть у изголовья больного. Авантюристы все подвигались. Они находились только на расстоянии десяти шагов от испанцев, ужас которых увеличивался от этого неприятного соседства.

— Эй, братья! — закричал Монбар громким голосом, — остановитесь, пожалуйста!

Флибустьеры немедленно остались неподвижны.

— А вы, — обратился Монбар к солдатам, — бросайте ваше оружие, если не хотите быть немедленно расстреляны.

Все копья и все шпаги солдат упали на землю с таким согласием, которое показывало их желание, чтобы эта угроза не была исполнена.

— Отдайте вашу шпагу, — сказал Монбар графу.

— Никогда! — вскричал граф, наскочив с поднятой шпагой на флибустьера, от которого он находился на расстоянии только четырех шагов.

В эту минуту раздался выстрел, и шпага разлетелась вдребезги, граф был обезоружен. Схватив одной рукой лошадь за узды, Монбар другой рукой снял графа из седла и бросил его на землю.

— Что за дьявольская мысль одному идти против пятисот! — смеясь сказал Польша, опять заряжая свое ружье.

Граф приподнялся; смертельная бледность покрывала его лицо, черты были искажены гневом, вдруг он увидел графиню.

— А! — закричал он, заревев как тигр и бросаясь к ней, — по крайней мере я отомщу!

Но Монбар схватил его за руку и принудил остаться неподвижным.

— Одно слово, одно движение, и я прострелю вам голову как хищному зверю, на которого вы похожи! — сказал он.

В словах флибустьера было такое выражение угрозы, движение его было так быстро, что граф невольно сделал шаг назад и, скрестив руки на груди, остался спокоен по наружности, хотя вулкан рокотал в его сердце, а взгляд упорно оставался устремлен на графиню. Монбар смотрел с минуту на своего врага с выражением печали и презрения.

— Граф, — сказал он, наконец, с иронией, — вы захотели помериться с флибустьерами, вы узнаете, чего это стоит. Пока, побуждаемый безумным желанием мщения, вы гнались за женщиной, благородного сердца и блистательной добродетели которой вы не достойны были оценить, половина острова, которым вы управляете, была отнята навсегда моими товарищами и мною от вашего государя, Черепеха, Леоган, Сан-Хуан, даже ваш дель-Ринкон, застигнутый неожиданно, были завоеваны почти без кровопролития.

Граф поднял голову, лихорадочный румянец покрыл его лицо, он сделал шаг вперед и закричал голосом, прерывавшимся от бешенства:

— Ты лжешь, негодяй! Как ни велика твоя дерзость, а ты не мог захватить тех пунктов, о которых говоришь.

Монбар пожал плечами.

— Оскорбление от такого человека, как вы, ничего не значит, сказал он, — вы скоро получите подтверждение моих слов, но довольно об этом, я хотел захватить вас в свои руки, чтобы сделать вас свидетелем того, что я скажу этой госпоже. Пожалуйста, сеньора, — обратился он к донне Кларе, — простите мне, если я захотел увидаться с вами не иначе, как в присутствии того, кого вы называете вашим мужем.

Донна Клара встала дрожа и приблизилась к флибустьеру. Наступило минутное молчание. Монбар, склонив голову на грудь, казалось погружен в горькие мысли, наконец он приподнял голову, провел рукою по лбу, как бы же-

лая прогнать последние тучи, затемнявшие его рассудок, и сказал донне Кларе кротким голосом:

— Сеньора, вы желали меня видеть, чтоб напомнить время навсегда прошедшее и вверить мне тайну, я не имею права знать эту тайну, граф де Бармон умер, умер для всех, особенно для вас, так вы не постыдились отречься от него и, принадлежа ему узами законного брака, и еще более могущественными узами законной любви, вы малодушно позволили связать себя с другим, это преступление, сеньора, которого никакое раскаяние не может загладить ни в настоящем ни в прошедшем.

— Сжальтесь над моими угрызениями и над моими страданиями! — вскричала несчастная женщина, падая на колени и заливаясь слезами.

— Что вы делаете, графиня? — вскричал граф Бехар, — встаньте!

— Молчите! — резко сказал Монбар, — оставьте эту преступницу падать под тяжестью ее раскаяния, вы были ее палачом и менее всякого другого имеете право защищать ее.

Дон Санчо бросился к сестре и, оттолкнув графа, приподнял ее. Монбар продолжал:

— Я прибавлю только одно слово, сеньора: у графа де Бармона был ребенок, в тот день, когда он придет просить у меня прощения своей матери, я прощу ее... может быть, — прибавил он слабым голосом.

— О! — вскричала молодая женщина, с лихорадочной энергией схватив руку флибустьера, которую он не имел мужества отнять, — о! Вы велики и благородны, это обещание возвращает мне всю надежду и все мужество... Мое дитя! Клянусь вам, я его найду.

— Довольно, — возразил Монбар с дурно сдерживаемым волнением, — этот разговор и без того уже слишком долго продолжался. Ваш брат вас любит и сумеет вас защитить, я сожалею, что не вижу здесь еще одного человека, потому что он подал бы вам совет и поддержал вас в вашем огорчении.

— О ком вы говорите? — спросил дон Санчо.

— О духовнике сеньоры.

Молодой человек отвернулся и ничего не отвечал.

— Посмотри, брат, — сказал тогда Польшэ, — вот он полумертвый, взгляни на его обгорелые руки.

— О! — вскричал Монбар, — какое чудовище осмелилось...

— Вот кто! — продолжал буханьер, ударив по плечу графа Бехара, онемевшего от испуга, потому что только в эту минуту он приметил свою жертву.

Пламя сверкнуло из глаз Монбара.

— Злодей! — вскричал он, — пытаться безвредного человека! О, испанцы! Порода ехидн, какими страшными муками могу я вас истерзать!

Все присутствующие задрожали от ужаса при этом гневе, столь долго сдерживаемом, который, наконец, разрушил свой оплот и вылился с непреодолимой силой.

— Горе тебе, палач! — продолжал флибустьер зловещим голосом, — ты мне напоминаешь, что я Монбар Истребитель. Олонец, разведи огонь в букане.

Неописуемый ужас овладел всеми присутствующими при этом приказании, которое ясно говорило, на какую ужасную муку был осужден граф, сам дон Стенио, несмотря на свою неукротимую гордость, почувствовал холод в сердце. Но в эту минуту монах, который до сих пор лежал неподвижно, повидимому не чувствительный ко всему происходившему, встал с трудом и, опираясь на донну Клару и ее брата, которые поддерживали его, шатаясь подошел и стал на колени пред флибустьером.

— Сжальтесь! — вскричал он, — сжальтесь именем Господа!

— Умоляю вас, брат, будьте милосердны, — настойчиво просил монах.

Вдруг граф вынул два пистолета, спрятанные в его полукафтани, и направил один на донну Клару, а другой приставил себе ко лбу.

— К чему умолять тигра? — сказал он, — я умру, но по собственной воле, и умру отмщенный!

Он спустил курки. Раздался двойной выстрел. Граф повалился на землю с разбитым черепом, второй выстрел, дурно направленный, не попал в донну Клару, а поразил Фрэй-Арсенио прямо в грудь и опрокинул его к ногам убийцы. Последнее слово бедного монаха было:

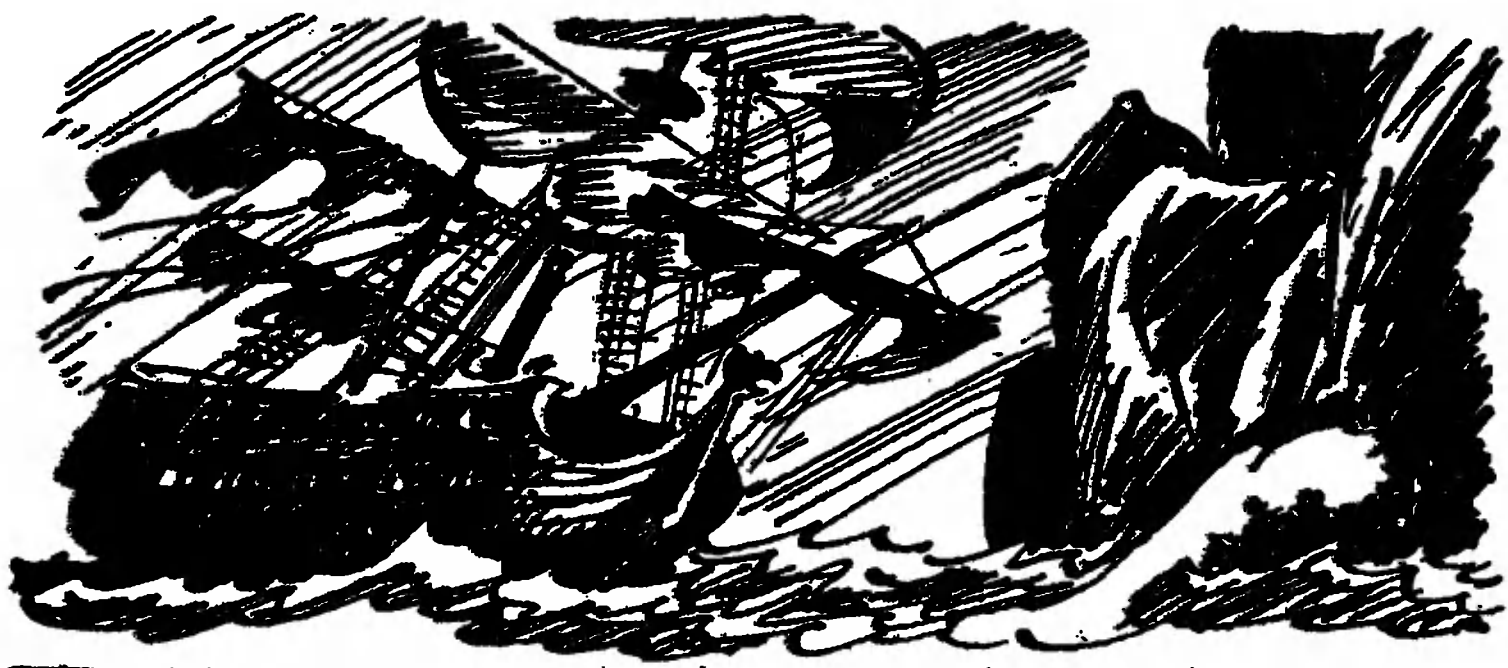
— Сжальтесь!

Он умер, устремив глаза к небу, как бы обращая последнюю мольбу за своего палача...

На закате солнца степь опять воротилась к своему обычному уединению; Монбар, похоронив в одной могиле жертву и убийцу, для того конечно, чтобы праведник заступился за преступника пред престолом Всевышнего, уехал в Марго с флибустьерами и караибами.

Донна Клара с братом воротилась в дель-Ринкон в сопровождении испанских солдат, которым Монбар, из уважения к донне Кларе и дону Санчо, согласился возвратить свободу.

Когда-нибудь мы станем продолжать историю этих знаменитых флибустьеров, которые первые были основателями французских колоний в Америке, если этот рассказ, служащий как бы прологом, понравился читателям.

МОРСКИЕ ЦЫГАНЕ

Флибустьеры — это были сначала французские авантюристы, имевшие качество корсаров. Это были хищные птицы, слетавшиеся со всех сторон... Никогда римляне не делали подвигов таких блистательных. Если бы политика их равнялась их непобедимому мужеству, они основали бы великое государство в Америке.

Вольтер.

«ЛОСОСЬ»

17 октября 1658 года в восьмом часу вечера два человека сидели в большом зале «Лосося», главной гостинице города Пор-дэ-Пэ, обыкновенное сборище авантюристов всех наций, которых жажда к золоту и ненависть к испанцам привлекали на Атильские острова.

В этот день страшный жар тяготел над городом; большие желтоватые облака, пропитанные электричеством, распластались с одного конца горизонта до другого, и ни малейшее дуновение воздуха, даже на закате солнца, не освежало землю, замиравшую от зноя. Слышался глухой шум в недрах гор и эхо повторяло раскаты отдаленного грома. Море, черное как чернила и волнуемое каким-нибудь подземным потрясением, приподнималось бурными волнами и тяжело разбивалось о скалы берега с зловещим стоном. Словом, все предвещало приближающийся ураган. Жители Пор-дэ-Пэ, грубые моряки по большей части и давно привыкшие бороться с самыми страшными опасностями, невольно подчиняясь всеобщему беспокойству природы, заперлись в своих домах, улицы были пусты и безмолвны, город казался брошен, и гостиница «Лосось», которая обыкновенно в это позднее время была наполнена посетителями, укрывала под закопченным потолком своей обширной залы только двух человек, о которых мы говорим и которые, опираясь локтем о стол, опустив голову на руки и с трубкой во рту, следовали рассеянno за фантастическими клубами дыма, беспрестанно вырывавшимися из их рта и сгущавшимися около них синеватым облаком.

Оловянные стаканы, бутылки, карты, кости, разбро-

санные по столу, доказывали, что давно уже эти два человека находились в гостинице и что, испытав все развлечения, они бросили их, или от утомления, или от того, что более серьезные мысли занимали их и мешали наслаждаться, как они, может быть, желали бы, соединенными удовольствиями игры и вина.

Первый был старик еще бодрый, гордо качавший на плечах красивую, почти шестидесятилетнюю голову, которой длинные волосы, брови, еще черные, усы густые и седые и небольшая бородка придавали очень благородный вид. Его простой, но изящный костюм был совершенно черный, шпага со стальным эфесом была небрежно брошена на стол возле шляпы и плаща.

Другой был гораздо моложе своего товарища. Ему, казалось, сорок пять или сорок восемь лет, не более, это был человек с атлетическими формами, плотный и плечистый, черты его довольно обыкновенные, были бы незначительны, если бы выражение редкой энергии и неукротимой воли не придавало его физиономии совершенно особенный отпечаток. На нем был костюм богатых буканьеров, роскошный до сумасбродства, сверкавший золотом и бриллиантами; тяжелая и массивная *фанфаронка* окружала его шляпу, украшенную страусиными перьями, прикрепленными бриллиантовым аграфом, составлявшим целое богатство, длинная рапира, висевшая сбоку на широкой портупей, для большего удобства, без сомнения, стояла в эту минуту между его ног, два пистолета и кинжал были заткнуты за поясом, широкий красный плащ висел на спинке стула.

Давно уже угрюмое молчание царствовало между этими людьми, они продолжали курить и взаимно посылали друг другу в лицо клубы дыма, по-видимому, не думая друг о друге.

Трактирщик, высокий, худощавый, сухой и долговязый, в грязном и оборванном платье, с лицом висельника, несколько раз под предлогом поправить светильник в лампе, чего совсем было не нужно, вертелся около этих странных посетителей, не привлекая их внимания, и уходил, пожимая плечами с презрительным видом к таким неприбыльным посетителям.

Наконец младший вдруг поднял голову, разбил трубку об пол с гневом и, ударив кулаком по столу так, что стаканы и бутылки запрыгали и забренчали, закричал грубым голосом:

— Ей-Богу! Этот франт насмехается над нами! Неужели мы вечно должны остаться здесь? Клянусь моей душой! Есть отчего взбеситься, прождавши так долго!

Старик тихо приподнял голову и, устремив спокойный взгляд на своего товарища, сказал тихим голосом:

— Потерпи, Пьер, еще не поздно.

— Потерпи! Вам легко говорить, господин д'Ожерон, — проворчал тот, кого называли Пьером, — почему я знаю, куда этот воплощенный черт запропастился!

— А я разве знаю, друг мой? Однако, ты видишь, я жду, не жалею.

— Гм! Все это прекрасно... — продолжал Пьер, — вы его дядя, а я его закадычный друг, это другое дело.

— Правда, — ответил, улыбаясь, д'Ожерон, — и в качестве закадычных друзей вы не должны ничего скрывать друг от друга, не правда ли?

— Именно. Притом вы знаете это так же хорошо, как и я, вы ведь в молодости долго воевали с испанцами.

— И славное было времечко, Пьер, — сказал д'Ожерон, подавляя вздох, — я был тогда счастлив, у меня не было никаких огорчений и забот.

— Ба! Вы говорите, что были счастливы тогда? А разве вы несчастливы теперь? Все береговые братья, флибустьеры, буканьеры и жители любят вас и обожают как отца; первый я, мы все дадим изрубить себя за вас. Его величество — да защитит его Господь! — назначил вас нашим губернатором, чего более можете вы желать?

— Ничего, ты прав, Пьер, — ответил он, печально качая головой, — действительно мне нечего больше желать.

Настало молчание на несколько минут. Буканьер продолжал разговор.

— Вы позволите задать вам вопрос, господин д'Ожерон? — сказал он с некоторой нерешимостью в голосе.

— Конечно, друг мой, — ответил старик, — посмотрим, какой это вопрос.

— О! Может быть, я напрасно спрашиваю вас об этом, — возразил он, — но, право, не могу удержаться, признаюсь вам.

— Хорошо! Спрашивай. Чего ты боишься?

— Прогневить вас, господин д'Ожерон, вы знаете, что я не слышу робким.

— Я думаю, ты Пьер Легрань, то есть Великий, один из наших отважных флибустьеров, одно имя которого заставляет дрожать испанцев.

Пьер Легрань выпрямился с очевидным удовольствием при этом заслуженном комплименте.

— Ну! — сказал он тоном человека, принявшего решительное намерение, — вот о чем идет речь. Когда мой ра-

ботник Питриан отдал мне ваше письмо, натурально, моим первым движением было повиноваться вам и спешить на свидание, которое вы мне назначили в «Лососе».

— Благодарю тебя за поспешность, которую ты выказал в этом случае, друг мой.

— Хорошо было бы, если б я не пришел! Это было бы даже смешно, право! Итак, я пришел, мы играли, пили очень хорошо, ничего не может быть лучше, только я спрашиваю себя, какая серьезная причина заставила вас уехать с острова Св.Христофора инкогнито в Пор-дэ-Пэ.

— Ты эту причину желаешь знать, Пьер?

— Да, если это не неприятно вам, разумеется, а то считайте, что я не сказал ничего, и не будем более об этом говорить.

— Напротив, будем говорить, друг мой, мне хотелось открыть тебе эту причину при моем племяннике, твоём закадычном друге, но так как он не приходит, ты все узнаешь сейчас.

— Вы можете еще подождать, господин д'Ожерон, теперь он, вероятно, не замедлит.

— Может быть, но это все равно, притом он почти знает уже мои планы, слушай же меня.

— А! Хитрец, он ничего мне не сказал.

— Я ему запретил.

— Тогда это другое дело, он хорошо сделал, что молчал.

— Слушай меня внимательно, дело стоит того. Ты помнишь, не правда ли, как кавалер дэ-Фонтенэ, атакованный неожиданно испанской эскадрой, был принужден после геройского сопротивления оставить Черепуху?

— Конечно, помню, господин д'Ожерон, и прискорбно было нашему сердцу видеть, как развевался испанский флаг на порте Рош и как эти проклятые испанцы поддразнивали нас и смеялись нам под нос! Ей-Богу! Не знаю, чего не дал бы я, чтобы сыграть хорошую шутку с этими проклятыми *донами* и прогнать их с нашего острова.

Д'Ожерон улыбаясь слушал буканьера. Когда тот замолчал, он наклонился к нему, положил руку на его плечо и, пристально посмотрев ему в лицо, сказал тихим и сдержанным голосом:

— Ну, Пьер, друг мой, я также хочу сыграть хорошую шутку с испанцами и прогнать их с нашего острова.

— Э! — сказал Пьер с нервным трепетом, — правду ли вы говорите? Это действительно ваше намерение?

— Клянусь честью, Пьер, вот почему я оставил остров

Св.Христофора и приехал инкогнито в Пор-дэ-Пэ; здесь нет недостатка в испанских шпионах, им не нужно знать, что я так близко от Черепахи.

— А, хорошо, если так, мы посмеемся.

— Я надеюсь на это.

— Мы на них нападем?

— Мы дадим испанцам сдачи, они напали на нас врасплох, мы нападем на них.

— Прекрасно! — вскричал Пьер, весело потирая себе руки.

— Я рассчитываю на тебя, Пьер.

— Вы хорошо сделали, господин д'Ожерон.

— Ты понимаешь, что мне неизвестны ваши дела, я решительно ничего не знаю, что происходит здесь. Мне нужно собрать сведения, никто кроме тебя не может мне сообщить то, что мне нужно знать.

— Спрашивайте, я буду отвечать, господин д'Ожерон.

— Какие у нас теперь здесь капитаны?

— Гм! — сказал Пьер, потирая себе лоб, — мы довольно бедны людьми. Однако, есть несколько старых береговых братьев, на которых в случае надобности положиться можно.

— Черт побери! Это неприятно. Что сделалось с Истребителем?

— Монбар уехал полгода тому назад и с тех пор о нем не было известий.

— Черт побери! Черт побери! — сказал старик с задумчивым видом.

— Это так. Морган, красавец Лоран, Красивая Голова, Рок Бразилец, Олонец, Тихий Ветерок, все уехали, а может быть и умерли, никто этого не знает.

— О! О! Это неприятно, кто же остался у нас?

— Во-первых, я.

— Хорошо, а кто еще?

— Еще, кроме четырех или пяти надежных, я не вижу никого.

— Кто же эти четверо или пятеро?

— Мишель Бискаец, Дрэк, Польшэ, ваш племянник Филипп.

— Кто еще?

— Других я не вижу.

— Гм! Этого мало, потому что дело будет жаркое, испанцы не очень легко дадут себя взять.

— Надеюсь, но имена, названные мною, известны вам давно, это люди решительные.

— Знаю, мой друг, но если нам не удастся, это будет для нас непоправимым уроном, лучше, может быть, выдержаться.

— Я не согласен с этим, господин, каждый из нас может набрать несколько решительных авантюристов.

— Это верно, но Черепаха почти неприступна, особенно, если ее станут хорошо защищать, а это будет.

— Вы можете быть спокойны. Дон-Фернандо д'Авила, командующий испанским гарнизоном, скорее даст убить себя и всех его солдат, чем сдастся.

— Ты видишь, что было бы безумством покуситься выгнать его с такими ограниченными силами, какими располагаем мы.

— Ба! Когда же мы считали наших врагов! Береговые братья все такие же, какими были в наше время, господин д'Ожерон, поверьте, каждый из них стоит десяти испанцев.

— Ах, почему не приходит Филипп?! Может быть он подал бы нам хороший совет.

— Филипп сказал бы вам то же, что и я, господин д'Ожерон.

— Очень может быть, друг мой, но дело серьезное и заслуживает глубокого размышления.

— Размышляйте, но не отказывайтесь. Клянусь вам, теперь, когда я знаю ваши планы, у меня слюнки текут и, если вы нас оставите, ей-Богу, я возьму остров без вас; это так же справедливо, как и то, что меня зовут Пьер Легран и что я ненавижу испанцев! Не знаю, как я это сделаю, но да все равно. Я уверен, что буду иметь успех.

Д'Ожерон расхохотался этой выходке флибустьера.

— Успокойся, пылкая голова, — сказал он, — я не говорил, что отказываюсь.

— Ну и прекрасно!

В эту минуту в зал вошел человек, он остановился на одно мгновение на пороге двери, бросил подозрительный взгляд вокруг себя, потом, узнав, без сомнения, двух человек, которые одни находились в гостинице, он снял плащ и большими шагами подошел к ним.

— Э! — вскричал Пьер, — вот Филипп, наконец! Здравствуй, друг, — прибавил он, протянув ему руку.

— Здравствуй, Пьер, — ответил пришедший, — я здесь, чего ты хочешь от меня? Ей-Богу! Дело, должно быть, стоящее, а не то предупреждаю тебя, что я рассер-

жусь, зачем ты принудил меня прийти сюда, когда я надеялся провести время гораздо приятнее.

Пьер расхохотался.

— Смотри, — сказал он, указывая на д'Ожерона, который, увидя своего племянника, отодвинулся немного в тень.

Филипп обернулся к нему.

— Э! — весело вскричал он, — я не ошибаюсь, добрый дядюшка, неужели это вы?

— Кто же это может быть? — спросил Пьер насмешливым тоном.

— Тебе приятно видеть меня, племянник? — спросил старик.

— Неужели вы сомневаетесь, дядюшка? — вскричал он, бросившись в объятия, раскрытые ему д'Ожероном.

— Нет, Филипп, не сомневаюсь, — сказал он с волнением, — я знаю, что ты меня любишь.

— Благодарю, дядюшка. Какой добрый ветер вас привел? Вы приехали у нас поселиться? Вы сделали бы мне приятный сюрприз.

— Может быть, племянник, не могу сказать ни да, ни нет, это будет зависеть от некоторых условий.

— Посмотрим эти условия, дядюшка, предупреждаю вас, что я приму их с закрытыми глазами.

— Хорошо, теперь ты слишком спешишь.

— Почему же? Не должен ли я желать, чтобы вы жили со мною?

Говорю таким образом, он взял стул и сел между дядей и приятелем.

Филипп был красивый молодой человек лет двадцати шести, с гибким и стройным станом, его несколько худощавое, но нервное тело, казалось, одарено необыкновенной силой и редкой ловкостью. Лицо его было изумительно красиво, нежная физиономия показалась бы женственной, если бы не яркий блеск, сверкавший из его черных глаз при малейшем волнении, и выражение неукротимой энергии, которые она принимала тогда. Несмотря на костюм более чем простой, во всей его наружности было врожденное изящество, обнаруживавшееся без его ведома и показывавшее аристократическое происхождение.

Дядя с удовольствием его рассматривал и, по-видимому, не мог насмотреться на него. Молодой человек улыбнулся и, поцеловав старика, сказал:

— Отчего вы не предупредили меня о вашем приезде,

дядюшка? Я был бы так рад узнать, когда вы приедете. Не хорошо удивлять меня таким образом.

— Ты сожалеешь об этом, племянник?

— Напротив, только я предпочел бы, чтобы было иначе.

— Невозможно было, Филипп, мое присутствие здесь должно оставаться неизвестным для всех, я приехал инкогнито.

— А, это совершенно изменяет дело, у вас есть какой-нибудь план, конечно?

— Да, — перебил Пьер, — и даже большой план.

— Скажите, пожалуйста! Тебе кажется это известно?

— Еще бы!

— Хорошо, стало быть, дядюшка и мне скажет.

— Я этого желаю, тем более, что я хочу знать твое мнение.

— Что бы это ни было, вы будете правы, дядюшка.

— Ты еще не знаешь о чем пойдет речь, какой ты сумасшедший, — отвечал, смеясь, старик.

— Это ничего не значит, дядюшка, для меня очевидно, что вы не можете ошибаться. Теперь говорите, я вас слушаю.

— В двух словах вот причина моего приезда: я хочу с помощью моих бывших товарищей взять остров Черепакха и прогнать оттуда испанцев.

— Но! — сказал Филипп задыхающимся голосом и вдруг побледнел как смерть.

II

КАПЕЛЛА БОГОМАТЕРИ

В шестнадцати милях от Пор-дэ-Пэ, среди великолепной степи, через которую протекает широкий ручей и которая укрыта от морских ветров высокими лесистыми горами, возвышается очаровательный испанский городок, называемый Сан-Хуан-де-Гуава, в котором находилось тогда от четырех до пяти тысяч жителей. По своему положению которое подвергало его нападениям авантюристов, он был окружен рвами и земляными стенами, доставлявшими ему достаточное укрепление для того, чтобы сопротивляться атаке его смелых соседей.

Почти посреди улицы этого города находился тогда дом из красного кирпича, крыльцо которого, поддерживаемое двумя колоннами художественной работы, вело на обширный двор, в центре которого находился колодец. Крыльцо с двойной лестницей вело в главный корпус здания, с правой и левой стороны которого стояли башенки любопытной резьбы.

В тот день, когда начинается наша история, к восьми часам утра величайшее оживление царило в этом доме, который был тогда гостиницей, которая теперь, без сомнения, не существует. Суетившиеся слуги входили и выходили, путешественники приезжали, другие уезжали, пеоны седлали лошадей или водили их к водопою, крики и ругательства скрещивались в воздухе с говорливостью, свойственной южным народам.

В самую оживленную минуту всадник, закутанный в широкий плащ, въехал во двор. Один пеон, без сомнения, поджидавший его приезда, быстро приблизился к нему и, наклонившись, сказал ему на ухо вполголоса:

— В церкви Мерчед.

— Благодарю, — отвечал всадник таким же тоном и, вложив золотую монету в руку пеона, повернувшись, не занимаясь своей лошадью, приподнял складки плаща к лицу, вышел со двора и направился большими шагами к церкви, находившейся на этой же улице, только несколько выше.

Как все церковные испанские монументы, церковь Мерчед в городе Сан-Хуан-де-Гуава была настоящая игрушечка и снаружи и внутри. Кроме двух женщин, закутанных в мантильи, стоявших на коленях и, по-видимому, набожно молившихся, церковь была пуста. При шуме шагов вошедшего, шпоры которого забренчали на плитах, они обернулись. Незнакомец устремил на них проницательный взгляд, потом дошел до исповедальной, находившейся в углу боковой капеллы, остановился, сбросив свой плащ и скрестив руки на груди, и стал кого-то ожидать. Обе женщины, обменявшись шепотом несколькими словами, встали; одна направилась к двери, другая, хотя с робким и боязливым видом, прямо пошла к исповедальной, возле которой стоял молодой человек. В нескольких шагах от него она приподняла свою мантилью и обнаружила восхитительное шестнадцатилетнее личико, о каком только мог мечтать поэт. Молодой человек почтительно ей поклонился и прошептал голосом задыхавшимся от волнения:

— Да благословит вас Бог, Хуана, за то, что вы согласились на это крайне важное свидание!

— Может быть, я поступила нехорошо, — отвечала она тоном невыразимо грустным, — но я не хотела уехать, не простившись с вами еще раз.

— Увы! — прошептал он, — разве ваш отъезд так близко?

— Сегодня вечером, завтра, уж никак не позже, фрегат, на котором мы едем, должен отплыть, скоро мы расстанемся навсегда. Вы забудете меня, Филипп?

— Забыть вас, Хуана!.. О, вы этого не думайте, — вскричал он горестно.

Молодая девушка печально покачала головой.

— Отсутствие все равно что смерть, — прошептала она.

Молодой человек бросил на нее пронизательный взгляд и, схватив руку, которую нежно пожал, спросил дрожащим голосом:

— Стало быть, вы забудете меня, Хуана?

— Я? О, нет! — отвечала она, — я умру верная моей первой, моей единственной любви. Но вы, Филипп, вы молоды, вы хороши собой... вы будете разлучены со мной неизмеримым морем, вы не увидите со мной более, и другая женщина изгонит любовь ко мне из вашего сердца, а воспоминание обо мне из вашей памяти.

Наступило короткое молчание.

— Хуана, — продолжал молодой человек, — верите ли вы моей любви?

— Да, Филипп, верю, верю всеми силами моей души.

— Если так, почему же вы сомневаетесь во мне?

— Я не сомневаюсь в вас, Филипп... увy! Я боюсь будущего.

— Будущее в руках Бога, Хуана. Он, разлучающий нас сегодня, может, если ему будет угодно, соединить нас когда-нибудь.

— Никогда не увижу я Испаньолы, — прошептала она, — я чувствую это, я умру в этой дикой и неизвестной стране, где меня принуждают жить вдали от всего, что я люблю.

— Нет, вы не умрете, Хуана, потому что если не можете вернуться вы, бедное дитя, то я мужчина, я силен, я сумею приехать к вам.

— О! — сказала она с радостью, — но нет, — прошептала она тотчас, — я не смею верить такому счастью.

Филипп кротко улыбнулся, услышав эти слова.

— Дитя! — сказал он с нежностью.

Молодая девушка бросила на него длинный взгляд из-под своих полузакрытых век.

— Вы гордый и храбрый дворянин, Филипп, — сказала она, — может быть, много женщин оспаривают честь вашего союза, между тем как я только бедная девушка...

— Что хотите вы сказать, Хуана? — продолжал он с жаром, — разве я не люблю вас и не предпочитаю вас всем?

— Да, вы это думаете, Филипп. Вы так искренне говорите, но наступит день...

— Никогда, повторяю вам, Хуана!

Она несколько раз покачала головой. Молодой человек с удивлением наблюдал за нею, не понимая этого упорного недоверия.

— Филипп, — сказала она, наконец, печальным тоном, который сжал сердце молодого человека, — сегодня, может быть, в последний раз позволено нам видеться, дайте мне высказаться, друг мой, — прибавила она, приложив свою крошечную ручку к его губам, как бы не допуская его прерывать ее. — Я не хочу расстаться с вами так, чтобы вы не знали, кто я. Вы знаете только мое имя... Два месяца тому назад молодая девушка, неблагоразумно отважившаяся выехать в большую степь, подверглась нападению бешеного вола. Свирепое животное, разорвав двух лошадей, ранив и обратив в бегство слуг, бежало к ней, опустив голову и со страшным ревом. Молодая девушка, вне себя от испуга, скакала по степи, уносимая лошадью и чувствуя позади себя необузданный бег вола, приближавшегося к ней с головокружительной быстротой. Вдруг в ту минуту, когда всякая надежда оставляла ее, когда она поручала душу свою Богу в последней молитве, какой-то человек решительно бросился между нею и волком, прицелился из своего ружья, вол покотился на землю и с ревом бессильной ярости сдох у ног своего победителя. Эта молодая девушка была я, Филипп, ее спаситель — вы. Вы помните это страшное приключение, не правда ли?

— Да, Хуана, помню и благословляю, потому что ему обязан счастьем нашего знакомства, — сказал он страстно.

— Теперь, слушайте меня, друг мой. Вы, может быть, предполагали, видя меня богато одетой и окруженной многочисленными слугами, что я богата и принадлежу к благородной фамилии.

— Я ничего не предполагал, Хуана, я вас полюбил, вот и все.

— Меня зовут Хуана, — продолжала она, — я никогда

не знала ни отца, ни матери, Мне сказали, что отец мой был убит на войне до моего рождения, а мать моя умерла, дав мне жизнь. Вот все, что я знаю о моем семействе, даже имя моих родителей никогда не произносилось при мне. Мои первые годы покрыты покрывалом, которого я никогда не могла поднять, я не помню ничего; только мне кажется, что я жила в другой стране, я долго оставалась на море, и прежде чем поселилась в Испаньоле, жила в таком краю, где небо не так чисто, деревья темные, а сердце холодное, но это только предположение, не опирающееся ни на какое прочное основание. Мне кажется также, что я слышала и сама говорила на другом языке, а не на кастильском, но какой это язык, я сказать не могу. Одно считаю я положительным — мне покровительствует могущественная фамилия, постоянно наблюдающая за мной и никогда не теряющая меня из вида. Дон Фернандо-д'Авила не родня мне, я это знаю наверняка. Это выслужившийся солдат, который, по всей вероятности, обязан высоким положением, которого ему обещано, только попечениям, которыми он окружал мое детство. Вот моя история, Филипп, она очень коротка, очень мрачна и очень таинственна, но я обязана из любви, которую имею к вам, обязана из уважения к самой себе, познакомить вас с моей историей и, убежденная, что исполнила священный долг, я без ропота покорюсь вашей воле, какова бы она ни была.

Молодой человек с минуту смотрел на молодую девушку с необъяснимым выражением, в котором смешивались любовь, стыд и горесть.

— Хуана, — сказал он, наконец, дрожащим голосом, — вы праведное и благородное дитя, ваше сердце чисто как у ангелов! Я недостин вашей любви, потому что я вас обманул.

— Вы меня обманули, Филипп? Это невозможно — сказала она с лучезарной улыбкой, — я вам не верю.

— Благодарю, Хуана! Но в свою очередь я хочу вам сказать, кто я.

— О! Я знаю, вы красивый и храбрый дворянин, которого я люблю, что мне за нужда до остальных!

— Позвольте мне говорить, Хуана, когда вы узнаете все, вы осудите меня или извините. Я дворянин, вы сказали правду, дворянин даже знатного рода, но я беден.

— Что же мне до этого?

— Ничего, я это знаю, но мне остается открыть вам тайну, тайну страшную, которая, когда вы ее узнаете, может быть, навсегда разрушит мое счастье.

— Продолжайте, — сказала она, качая головой с движением недоверия.

— Я не испанец, Хуана.

— Знаю, — сказала она, улыбаясь, — я еще знаю, что вы француз, что вы один из начальников страшного общества морских цыган, как называют их испанцы, перед которыми дрожит кастильское могущество; так это-то, Филипп, страшная тайна, которую вы не решаетесь мне открыть? Полноте, друг мой, давно уже я знаю все, касающееся вас, разве это не часть моего существа?

— Итак, вы мне прощаете?

— В чем мне вас прощать, Филипп? Я не мужчина, я даже не знаю, испанка ли я. Эти споры и эта ненависть меня не интересуют, я женщина и вас люблю — вот все, что касается меня.

— О, да благословит вас Бог за эти слова, Хуана, они возвращают мне жизнь.

— Вы сомневались, Филипп?

— Я не смел надеяться, — отвечал он кротко.

— Одни женщины умеют любить, — прошептала она печально, — ах, мы должны расстаться!

— О! Нет еще, нам не к чему торопиться.

— К чему увеличивать нашу горесть, продолжая это жестокое прощание?

— Разве вы не хотите более увидеться со мной?

— После того, что я вам сказала, разве вы считаете меня достойной вас, когда я не более чем бедная девушка?

Глаза Филиппа метнули яркую молнию.

— Пойдемте, — сказал он.

— Куда вы меня ведете?

— Пойдемте, Хуана, я хочу вам отвечать у подножия алтаря.

Она пошла за ним, дрожа от надежды и боязни, в боковую капеллу во имя Божьей Матери и Всех Скорбящих.

— Станьте на колена возле меня, Хуана, и запомните слова, которые я буду произносить, примите клятву, которую я произнесу в присутствии Божьей Матери.

Молодая девушка встала на колени, ничего не отвечая.

— Я клянусь, — сказал тогда молодой человек твердым голосом, — никогда никого не любить, кроме вас, клянусь приехать к вам, в каком месте вы не находились бы, клянусь быть возле вас раньше года. Пусть Святая Дева, которая видит меня и слышит, накажет меня, если я не

сдержу этой клятвы, которую я произношу из глубины моего сердца!

— Я клянусь, что буду вас ждать, Филипп, и буду вам верить, что бы ни случилось, — ответила молодая девушка, сложив руки и подняв глаза на святое изображение.

Они встали.

— Вот, Хуана, — продолжал Филипп, сняв перстень с левой руки, — возьмите этот перстень, пусть он будет ваш обручальный, вы одна, отослав мне его, можете возвратить мне свободу.

— Пусть будет, как вы желаете, Филипп, я вас люблю и верю вам; я принимаю ваш перстень, возьмите взамен мой, — прибавила она, подавая ему богатый бриллиантовый перстень, — я никогда с ним не расставалась. В детстве я носила его на шее на золотой цепочке; может быть, это последняя вещь на память от моей матери, которую она завещала мне умирая. Сохраните его, он теперь принадлежит вам, потому что я ваша невеста, ваша супруга перед Богом.

В ту минуту, когда молодые люди обменялись перстнями, яркий луч солнца блеснул в окно капеллы и облил их блестящим светом.

— Принимаю это предзнаменование, — сказал улыбаясь молодой человек, — мы будем счастливы, Хуана. Святая Дева покровительствует нам и благоприятствует нашей любви.

— Да будет она благословенна, — набожно отвечала молодая девушка.

— Когда вы уезжаете и куда едете, Хуана?

— Наш отъезд еще не назначен положительно. Дон Фернандо ждет с минуты на минуту, что его назначат губернатором в Панаму.

— Так далеко! — сказал Филипп, нахмутив брови.

— Ах! Вы думаете, что мы разлучены навсегда.

— Не говорите так, моя любимая. Ничего нет невозможного для некоторых, я поклялся приехать к вам и сдержу мою клятву.

— Да услышит вас небо!

— Я вспомнил, кажется, дон Фернандо губернатор острова Черепаха?

— Да.

— Это славный воин и сильный противник, мы виделись уже вблизи.

— Сегодня или завтра я должна отправиться к нему, с острова Черепахи мы поедем на твердую землю. Вы види-

те, Филипп, что мы не должны думать о возможности увидеться, по крайней мере, долго.

— А может быть, моя возлюбленная, разве я не приехал сюда к моим врагам? Почему же я не имею возможности пробраться до Черепахи? Поверьте мне, одно не труднее другого.

— Но если вас узнают, вы лишитесь жизни.

— Успокойтесь, моя возлюбленная, опасность не так страшна, как вы думаете.

Молодая девушка печально вздохнула.

— Теперь, — продолжала она через минуту, — расстанемся, Филипп.

— Пора расставаться, моя любимая Хуана, — ответил молодой человек.

— Это необходимо, Филипп, более продолжительное отсутствие может возбудить подозрение. Притом, не должны ли мы увидеться? Теперь я счастлива, я надеюсь.

— Повинуюсь вам, Хуана, уйду, если вы желаете, но еще одно последнее слово.

— Говорите.

— Что ни случилось бы, что ни сказали бы вам обо мне, вы не должны никогда верить, что я перестал вас любить.

— Я верю вам, Филипп, я буду верить только вам, я клянусь.

— Я принимаю вашу клятву, Хуана, она написана в моем сердце неизгладимыми чертами, и теперь я уйду, исполненный веры, моя любимая, я не прощаюсь с вами, я говорю до свидания!

— До свидания, Филипп, — отвечала она, протянув ему руку.

Молодой человек подержал минуту эту крошечную руку в своей руке, нежно поцеловал ее несколько раз, потом, сделав усилие над собой, сказал задыхающимся голосом:

— До свидания, Хуана, до свидания!

Он вдруг повернулся и большими шагами вышел из церкви. Хуана следила за ним глазами до тех пор, пока он не исчез, потом упала на колени пред алтарем Божьей Матери и Всех Скорбящих, и прошептала голосом, прерывавшимся от волнения:

— До свидания, мой возлюбленный Филипп!

— Сеньорита, — сказала служанка, тихо приблизившись к своей госпоже после ухода молодого человека, — мы давно уже ушли из дома, разве вы не боитесь, что отсутствие наше найдут очень продолжительным?

— Ведь мы в церкви, Чигала!

— Это правда, сеньорита, даже в прекрасной церкви, однако все-таки лучше, может быть, вернуться домой, ведь надо все приготовить к нашему отъезду.

— Правда, но так как, может быть, мне никогда больше не придется вернуться сюда, — отвечала Хуана со вздохом, — будьте так добры, Чигала, дайте мне еще помолиться Святой Деве за того, кого я люблю, только пять минут.

Дуэнья покачала головой, как женщина осторожная, но ждала.

Через несколько минут обе дамы, закутавшись в свои мантильи, наконец, вышли из церкви. На паперти они встретились с человеком, старательно закутанным в плащ, и который почтительно поклонился им. Молодая девушка не могла удержаться от нервного трепета при виде этого человека и, удвоив шаги, наклонилась к дуэнье и шепнула ей тихим и дрожащим голосом:

— Как вы думаете, узнал он нас?

— Кто знает? — ответила дуэнья таким же тоном.

Между тем незнакомец остановился на церковной паперти и следовал за ними насмешливым взором.

— Опять надо повторить, — сказал он сквозь зубы, — я опоздал одной четвертью часа, терпение!

III

ОБЯЗАННЫЙ РАБОТНИК

Прежде чем продолжать наш рассказ, скажем два слова о том страшном товариществе флибустьеров, или береговых братьев, о которых мы говорили выше, как оно возродилось и каким образом успело утвердить себя на таком грозном основании.

Флавио Жийова, гражданин из Амальфи в неаполитанском королевстве, усовершенствовав в 1303 году компас, оказал мореходству большую услугу. Это усовершенствование, позволившее мореплавателям не держаться берегов, а vyplывать в открытое море далеко от земли, подало мало-помалу повод тому духу открытий, который

впоследствии отдал человеку владычество над морями и обеспечил ему обладание земным шаром, все части которого мог он отныне посещать.

Мореплавание в 1322 году начинало принимать более смелые стремления. Испанцы отправились на Канарские острова, находившиеся за пятьсот миль от испанского берега, где они начали делать высадки для того, чтобы брать туземцев в рабство.

Первый же регулярный план открытий был задуман португальцами после изгнания мавров из их страны. Эти открытия, естественно, должны были направляться к африканскому континенту. Мы не будем ничего говорить об успехе этих отважных странствований, а ограничимся только замечанием, что в школе этих смелых мореплавателей постигал мореходное искусство Христофор Колумб, которому предоставлена была честь открыть Новый Свет.

Странное дело, напрасно договариваясь с разными государствами, отвергаемый всеми как сумасшедший или мечтатель, Колумб, напоследок обратившийся к Фернанду и Изабелле, тогда остановившимся перед Гренадой, которую они осаждали, опять после долгих переговоров получил отказ, и уже без всякой надежды на успех, он оставил лагерь, чтобы удалиться в Англию, куда уже несколько раз имел намерение отправиться, когда взятие Гренады вдруг изменило намерение обоих государей и заставило их принять предложения, от которых они так решительно отказывались сначала.

Христофор Колумб отъехал уже на несколько миль, когда курьер королевы догнал его. Сделавшись недоверчивым от постоянных неудач, этот великий человек нерешительно и с принуждением решился вернуться в Санта-Фэ, где тогда был Двор.

В Палосе, маленькой андалузской гавани, был снаряжен флот, который должен был дать Испании Новый Свет. Вооружение, приказанное королевой, далеко не отвечало величию предприятия, все издержки не превышали ста тысяч франков. Эскадра, отданная под начальство Колумба, сделанного адмиралом, состояла из трех кораблей умеренной величины, особенно два последних немногим были больше шлюпок.

Адмирал сел на *Санта Марию*, Мартин Алонзо Пинсон получил начальство над *Пинтой*, имея лоцманом своего брата, и, наконец, *Пина* была отдана под начальство Янеца Пинсона. Суда эти взяли припасов продуктов на год. Экипаж состоял из девяноста человек, — матросов и дворян, решившихся последовать за Колумбом.

Незадолго до восхода солнца, 3 августа 1492 года, флот снялся с якоря у Сальтеса близ Гуельвы, в присутствии толпы зрителей, желавших успеха этому необыкновенному предприятию, но большая часть не надеялась вновь увидеть смелых авантюристов.

Наконец, в пятницу 12 октября 1492 года, после шестидесятипятидневного плавания, на восходе солнца заметили остров *Гвангани*, или *Багамского архипелага*. Великая проблема, до сих пор неразрешимая, была решена, Новый Свет открыт или, лучше сказать, *отыскан*.

Но только в третье путешествие Колумб достиг американского континента. 1 августа 1498 года Алонзо Перес, матрос, родившийся в Гуэльве, стоявший на часах на марсе, увидел остров Троицы на Гваянском берегу, у устья Ориноки. Адмирал направил судно на запад, открыл континент и поплыл вдоль берегов Парии и Куманы, на которые несколько раз выходил.

Тотчас после первого путешествия адмирала, Фердинанд и Изабелла, ослепленные великолепным и неожиданным результатом, достигнутым им, сочли за нужное принять меры предосторожности, чтобы обеспечить себе обладание землями, которыми их одарил гениальный авантюрист почти против их воли, и теми, которые в будущем он мог еще открыть. Следуя в этом примеру португальцев, которые в 1438 году заставили папу Евгения IV пожаловать им все страны, которые они откроют от мыса *Нон* до индийского континента, король и королева обратились к папе Александру VI с просьбой не только укрепить за ними страны, которые они хотели занять, но и те, которые они после открыли.

Александр VI, родившись подданным Фердинанда, желая сделать приятное этому государю, не видел никаких затруднений, чтобы исполнить его просьбу. Щедрым поступком, который ему не стоил ничего, но который увеличивал власть и притязание папы на всемирное владычество, он отдал буллою испанской короне все страны, открытые Фердинандом и Изабеллой, и те, которые впоследствии они могли открыть, однако, для того, чтобы не повредить уступке, сделанной прежде Португалии, Александр VI определил границей между этими двумя государствами воображаемую черту, которая предполагалась проведенною от одного полюса до другого и проходящей в ста милях к западу от Асорских островов, давая полномочию своим все, что было к востоку от этой линии, — Португалии, а все страны, находившиеся на западе, — Испании.

Основываясь на этой булле, данной в 1493 году Папой, который силою своей власти уступал обширные области не только ему не принадлежащие, но положение и даже существование которых было ему неизвестно. Испанцы, считая себя законными владельцами Америки, присвоили ее, так сказать, в свою пользу, запретив другим народам не только поселяться там, но и выходить на берег с целью вести торг с жителями. Эти притязания, как ни чудовищны кажутся нам ныне, не возбудили тогда в Европе никакого опровержения. В то время Старый Свет едва выходил из своих развалин и, занимаясь возрождением национальностей, для замещения поглощенных опустошительным потоком непрерывных набегов варваров, был слишком серьезно озабочен для того, чтобы предпринимать отдаленные экспедиции и устраивать колонии в неизвестных странах.

Более столетия дела оставались в таком положении. Испания — владычица моря, на котором имела деятельный надзор, безопасно вывозила в свои гавани золото Нового Света.

Но как ни строга была полиция, устроенная испанским правительством, некоторые иностранцы успели обмануть ее бдительность. Воротившись в Европу, они показали золото, добытое ими, и пустили в ход баснословные рассказы о неизвестных областях, которые они объехали. Эти рассказы, переходя из уст в уста, скоро приняли фантастические размеры, скупость пробудилась, и из всех гаваней Франции, Англии и даже Германии отправились экспедиции исследовать новый Эльдорадо.

Испанцы, искренне считавшие себя владельцами Нового Света, считали себя ограбленными, они преследовали иностранцев и обращались с ними как с пиратами. К несчастью, ни Англия, ни Франция, ни другие европейские народы не имели флота, способного бороться с испанским, давно устроенным в грозных размерах. Они должны были склонить голову, проглотить свой стыд и признать свое бессилие.

Тогда-то, в то самое мгновение, когда морское могущество Испании казалось устроено на самом прочном основании, одинокие авантюристы, потерпевшие от междоусобных раздоров, изгнанные религиозными войнами, искавшие надежного убежища на уединенных островках Атлантического океана, преследуемые в этом последнем убежище, решились сделать то, что вся Европа не смела предпринять, и смело бросили перчатку кастильскому колоссу. Эти авантюристы, принадлежа ко всем нациям, говоря на всех языках, исповедуя все религии, но связанные между

собой взаимностью нищеты и ненависти к угнетению, составили грозное товарищество *береговых братьев*, которое должно было около столетия сдерживать испанское могущество и положить начало европейской колонии в Новом Свете.

В то время, когда происходит наша история, французские военные суда, весьма немногочисленные, оставляли гавани только для коротких экскурсий вдоль берегов, так что торговый флот защищал себя как мог. Правительство не заботилось о нем, поэтому большая часть торговых судов имела многочисленный экипаж и лодки, чтобы защищаться против пиратов, наполнявших моря. Так что, хотя Франция и Испания были в мире, французское правительство охотно закрывало глаза на снаряжения, делавшиеся в гаванях, и делало вид, будто принимает за мирных купцов смелых корсаров, приезжавших туда запасаться съестными припасами или даже уезжавших, когда построили себе суда для того, чтобы преследовать испанские галионы. Поэтому корсары, уверенные заранее в безнаказанности, а в случае надобности в покровительстве французских властей, нисколько ни заботились скрывать свои намерения и действовали в Диение, в Панте или Бресте так бесцеремонно, как будто находились у Антильских островов. Действительно, что могло сказать французское правительство авантюристам? Ничего, потому что для того, чтобы лучше уверить их в своем покровительстве, оно само выбирало губернатора, жившего среди них, чтобы предварительно вычестить на его имя подать из добыч, отнятых у испанцев. Это было ясно и неизбежно вызвало бы ныне *casus belli*, но тогда было не так: вопросы перетолковывались другим образом, правительства безмолвно условились, что все, делавшееся по другую сторону экватора, не должно было ни в чем изменять европейский мир. Таким образом, американские моря были нейтрализованы в пользу береговых братьев, которые пользовались этой легкостью, чтобы разъезжать по ним во все стороны, гоняясь за кастильскими галионами.

Мы кончим теперь это отступление, конечно, очень длинное, но необходимое для объяснения последующих событий, и начнем опять нашу историю с того места, где оставили ее, то есть в ту минуту, когда Филипп, после своего разговора с донной Хуаной, вышел из церкви Мерчед в волнении, которое несмотря на все его самообладание, он не мог совершенно скрыть. Очутившись на улице, он нагнул на глаза поля шляпы и медленными шагами пошел в гостиницу. Лошадь его была оседлана, и ее держал за поводья пеон, который, как он приехал, сказал ему, чтобы он

шел в церковь. Молодой человек сел на седло, бросил золотую монету пеону и выехал со двора. Ему нечего было более делать в городе, благоразумие предписывало ему ехать как можно скорее. Однако, он не ускорил бега лошади и ехал шагом, нисколько не заботясь об ужасной опасности, угрожавшей ему, если бы несмотря на свое переодевание в нем узнали флибустьера. Война испанцев с буканьерами была неумолима и беспощадна. Всякий пленник, взятый испанцами, был бы немедленно повешен, флибустьеры расстреливали пленных, в этом была единственная разница. Впрочем, с той и с другой стороны это делалось необыкновенно скоро.

К счастью для молодого человека, был полдень, знойное солнце прожигало землю, и жители, спрятавшись в домах для избежания изнурительной жары, отдыхали с закрытыми дверями и ставнями, так что улицы были совершенно пусты, и по тишине, царствовавшей в городе, он походил точь-в-точь на тот город *Тысячи одной ночи*, жителей которого волшебник вдруг превратил в статуи.

Филипп благополучно доехал до ворот, которые за пиастр один сонный ланчиро отворил ему ворча и крепко за ним запер, и скоро очутился за городом. Пред ним расстилались огромные степи, покрытые роскошной растительностью и пересекаемые там и сям почти высохшими ручьями. Оглянувшись на город, уже закрытый деревьями, он глубоко вздохнул и, наклонившись на шею лошади, поскакал галопом, не обращая внимания на жару, увеличивавшуюся каждую минуту и становившуюся нестерпимой. Филипп чувствовал потребность в сильном моционе и большой физической усталости, чтобы дать другое течение своим мыслям.

Уже более двух часов скакал он таким образом. Лошадь его начинала утомляться и замедлять свой бег, как вдруг обрадованный гость закричал:

— Я знал, что встречу его здесь!

Молодой человек остановился и с удивлением осмотрелся вокруг. На камне, под тенью огромного дерева сидел человек и смотрел на Филиппа с насмешливым видом, выпуская клубы дыма из трубки с коротким чубуком.

— Питриан! — с удивлением вскричал Филипп, — что ты тут делаешь, мой милый?

— Жду вас, господин Филипп, — ответил тот, вставая и подходя взять поводья лошади, пока молодой человек сходил наземь.

Этот Питриан был высокий, широкоплечий молодчик, лет тридцати пяти. Его умная, веселая физиономия как бы

освещалась серыми глазами, вечно двигавшимися и сверкавшими смелостью и тонкостью, его кожа, сморщенная и загорелая от ветра, дождя, солнца и моря приняла кирпичный цвет, делавший его более похожим на караиба, чем на европейца, хотя он был француз и парижанин. Костюм его был самый простой и самый первобытный, он состоял из небольшого холщевого плаща и панталонов, спускавшихся только до половины бедра. Надо было присмотреться вблизи, чтобы узнать, холстинная или нет эта одежда, так она была запачкана кровью и жиром. Старая шляпа с козырьком, пришитым спереди, покрывала его голову, за поясом у него был футляр из крокодильей кожи, в котором находились четыре ножа и штык. И он положил возле себя под рукою одно из тех длинных ружей, которые Браши в Диепии и Желен в Нанте делали нарочно для буканьеров.

Питриан снял седло с лошади и начал прилежно обтирать ее, ворча сквозь зубы.

— Что ты там бормочешь, животное? — спросил смеясь молодой человек, который удобно лег в тени и играл с собаками работника.

— Животное! — отвечал тот, пожимая плечами, — я знаю, ваша лошадь тоже животное. Возможно ли испортить таким образом благородную скотину?

Филипп расхохотался.

— Хорошо! — сказал он, — ворчи, это облегчит тебя. Кстати, знаешь ли ты, что я умираю с голоду, нет ли у тебя чего-нибудь перекусить?

Работник, по-видимому, не слышал этого вопроса и продолжал обтирать лошадь. Филипп давно знал этого человека, он не настаивал и терпеливо ждал, чтобы Питриан занялся им. Питриан отвел лошадь в тень, дал ей напиться, положил перед ней две вязанки травы, потом приблизился к молодому человеку, который притворился, будто не думает о нем.

— Итак вы говорите, что вы голодны? — резко спросил он.

— Еще бы! Я ничего не ел со вчерашнего дня.

— Есть смысл оставаться так долго без еды! — сказал он с досадой. — Но вы, должно быть, страшно проголодались?

— Признаюсь, я очень голоден.

— Я думаю! К счастью, я человек предусмотрительный, меня врасплох не застанут, посмотрите под моей палаткой.

Филипп посмотрел: там на листе, вместо тарелки, лежал большой кусок вареной говядины и стояла горлянка с водкой.

— Я знал, что вы попросите у меня есть, как видите, я запасаюсь.

— Ты драгоценный человек, — сказал Филипп, схватив говядину, — разве ты не составишь мне компанию?

Они сели друг против друга, взяли ножи, и обед начался.

— Теперь, — сказал молодой человек, — ты сделаешь мне удовольствие и объяснишь, каким образом я нахожу тебя здесь?

— О! Это очень легко: я вас искал.

— Как! Ты меня искал!

— Капитан Пьер Легран сказал мне сегодня утром: «Я должен непременно сегодня вечером видеть моего друга Филиппа в гостинице «Лосось». Я не знаю, куда он запропастился. Отыщи его, Питриан, и не возвращайся без него». Я отправился отыскивать — вот и все.

— Ты отправился отыскивать, это очень хорошо, но как же ты пошел в эту сторону, а не в другую?

Питриан расхохотался.

— Ничего не может быть проще, — сказал он, — я дал понюхать ваше платье Миро и сказал ему: «Ищи, Миро, ищи!» Добрая собака вертелась туда и сюда несколько минут, потом отыскала ваши следы и привела меня, понимаете вы теперь?

— Почти, — ответил молодой человек, бросая на работника подозрительный взгляд, — но разве Пьер хочет говорить со мною о чем-нибудь серьезном?

— Кажется.

— Ты не знаешь ничего?

— Ни капельки, только он непременно ждет вас в гостинице.

— Буду.

— А мною вы занялись, господин Филипп?

— Да, я устроил твое дело.

— В самом деле?

— Честное слово. Ты теперь мой, я купил тебя у Пьера за четыре собаки и бочонок с порохом.

— Это не дорого.

— Он черт знает как дорожил тобой.

— Я думаю! Он с трудом найдет такого другого, как я.

— Вот это устроено, ты можешь быть спокоен.

— Благодарствуйте; я ваш и телом и душой на два года, потом я буду свободен.

— Это решено.

— Да здравствует веселье! Я не отдал бы свое настоя-

щее положение за сто луидоров короля французского, я принес ваше ружье, пороховницу и мешок с пулями.

— К чему?

— Неизвестно, что может случиться, несчастье скоро является, а по моему мнению, ничего нет глупее, как дать себя убить ни за что, ни про что.

— Ты прав.

Говоря таким образом, Филипп взял ружье, зарядил его и положил возле себя. Авантюристы отдыхали долго, жара была так сильна, что они предпочли дать пройти сильному зною прежде, чем отправились в путь. Было около пяти часов вечера, когда, наконец, они подумали об отъезде. Питриан сложил свою палатку из тонкого полотна, перекинул ее через плечо, оседлал лошадь. Филипп хотел на нее садиться, когда собаки вдруг наострили уши и начали жалобно лаять.

— Это что такое? — спросил Питриан. — Разве здесь в окрестностях есть испанцы, мои добрые собаки?

Собаки устремили сверкающие глаза на работника и завертели хвостами, повернув головы к тропинке, которая вела в город.

— Посмотрим, что это, мои красавчики, — сказал Питриан, и, бросившись к дереву, ухватился за ствол и ловка влез на дерево с быстротою обезьяны. Через несколько минут он спустился.

— К нам едут гости, — сказал он.

— Хорошо, будем же вежливы и приготовимся хорошенько их принять, — отвечал Филипп, смеясь, — много их?

— Человек двадцать, сколько я мог различить.

— Немного.

— Я сам так думаю: притом, они кажутся мне довольно мирными людьми. Это ланчеро, провожающие носилки, запряженные лошадьми.

— Хорошо. Пусть их едут.

Через несколько минут погремушки лошаков и хлопанье бича мойорала слышалось недалеко. Оба авантюриста бросились решительно с ружьем в руках и стали посреди тропинки.

— Стой, — закричал Филипп громовым голосом.

Но это воззвание было бесполезно, при неожиданном появлении авантюристов лошади и солдаты остановились как бы по взаимному согласию, до того безумная отважность этих двух человек испугала их. Авантюристы обменялись насмешливой улыбкой и, небрежно бросив ружья под мышку, подошли к носилкам.

— Куда едете, вы, проклятые испанцы? — грубо спросил Филипп у человека долговязого и желтого, дрожавшего, который казался начальником каравана.

— Мы путешествуем, благородный кабальеро, — отвечал тот невнятным голосом и низко кланяясь.

— Скажите, пожалуйста, — сказал смеясь Питриан, — и вы путешествуете таким образом без позволения?

Тот не отвечал и со страхом осмотрелся вокруг, в руках солдат копья дрожали, так велик был испуг.

— Ну, — насмешливо продолжал Питриан, — покажите нам, кто запрятался в эти носилки, чтобы мы могли судить, какое уважение следует ему оказывать.

— Извольте, сеньор, — сказал кроткий и выразительный голос, при звуках которого Филипп вдруг задрожал.

Занавеси носилок раздвинулись, и очаровательное, грациозное личико донны Хуаны показалось в промежутке. Филипп взглядом приказал Питриану молчать и, сняв шляпу, сказал, почтительно поклонившись:

— Сеньорита, извините нескромное любопытство и продолжайте ваш путь, клянусь вам, никто не беспокоит вас.

— Я извиняю вас, кабальеро, — отвечала она с кроткой улыбкой. — Поезжайте, — обратилась она к майору.

— Позвольте пожелать вам благополучного пути, сеньорита, — печально продолжал молодой человек.

— Надеюсь, что он кончится благополучно, — сказала она с намерением, — потому что он начался хорошо.

Она поклонилась в последний раз, и носилки удалились. Филипп остался неподвижен, наклонив голову, с шляпой в руке, до тех пор, пока караван исчез за углом тропинки, и вдруг, выпрямившись, глубоко вздохнул.

— Ты видел эту женщину, Питриан? — спросил он работника задыхающимся голосом, — я люблю эту женщину, она моя невеста, она уносит с собой мое сердце!

— Хорошо! — смеясь сказал Питриан, — она должна возвратить его вам, если б даже нам пришлось разрушить все испанские колонии для того, чтобы отыскать ее.

— Я дал клятву жениться на ней.

— Клятва священна для дворянина. Мы ее сдержим, я не знаю, как мы это сделаем, но мой отец, который был не дурак, говорил: «Тот всего дождетсЯ, кто умеет ждать», и право, он был прав.

Через десять минут авантюристы отправились по дороге в Пор-де-Пэ, куда прибыли к девяти часам вечера.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК

Филипп отпустил своего работника и отправился наскоро в гостиницу, невольно тревожась на счет этого назначенного свидания, которого он не понимал. Должно быть, случились обстоятельства очень важные, если Пьер Легран, вместо того чтобы просто ждать его в их общей квартире, призвал его в гостиницу в такое позднее время.

Присутствие дяди, которого он считал на острове св.Христофора, где он был губернатором, было для него проблеском света и предостережением, чтобы он остерегался. Действительно, д'Ожерон не только был человек деятельный, очень заботившийся о чести авантюристов, опасности которых он несколько лет разделял, но, кроме того, очарованный удовольствиями этой жизни, исполненной сильных ощущений и неожиданностей, он посвятил себя и телом и душой счастью своих товарищей по оружию и мечтал о правильной организации их ненадежных убежищ, о том, чтобы дать Франции богатые колонии, превратив всех этих смелых хищных птиц, этих отважных ценителей моря, в мирных жителей и в трудолюбивых колонистов.

Этот план, достойный во всех отношениях человека с таким возвышенным умом и с таким обширным разумом, он старался исполнить всеми способами, жертвуя даже личным состоянием для его осуществления. Словом, он продолжал мысль Ришелье, которому хотелось если не совсем уничтожить огромную власть испанцев в Америке — дело невозможное пока — то, по крайней мере, уравновесить ее так, чтобы большая часть богатств Нового Света служила в пользу Франции, будучи похищена у Испании.

Французское правительство понимало величие этой благородной и патриотической идеи; слишком слабое для того, чтобы подкреплять д'Ожерона воинственными демонстрациями, оно могло только тайно поощрять его и предоставить ему полную волю, обязавшись заранее утвердить все, что он вздумает сделать.

Как ни надежна была эта слабая подпора, д'Ожерон удовольствовался ею и смело принялся за дело. Но задача была самая тяжелая: флибустьеры, привыкшие к полной свободе, к самой необузданной вольности, нисколько не

были расположены сгибать голову под игом, которое хотел наложить на них губернатор острова Св.Христофора, они уверяли довольно основательно, что Франция, отвергнувшая их как испорченных членов своей семьи и предоставившая их самим себе, когда они были слабы, не имела теперь права, когда их отважность сделала их слабыми, вмешиваться в их дела и предписывать их законы.

Всякий другой человек, кроме д'Ожерона, без сомнения, отступил бы перед трудной задачей обуздать этих неукротимых людей, но этот могучий разум, поддерживаемый убеждением в исполнении великого и благородного подвига, напротив, был подстрекаем препятствиями неожиданными, по большей части, которые на каждом шагу являлись со всех сторон, чтобы помешать успеху его планов, и не прошло четырех лет, как д'Ожерон начал это гигантское дело нравственного исправления, как уже его опыты принесли плоды и заметная перемена начала обнаруживаться в нравах авантюристов: невольно подчинялись они родительскому влиянию этого человека, который посвятил себя их счастью и которого они привыкли уважить как отца.

Д'Ожерон понял, что для достижения этой цели он должен не только прямо напасть на законы береговых братьев, но смело сделать почин самому, став во главе этого общества, и управлять его предприятиями. Авантюристы, которым лестно было видеть своим предводителем такого человека, весьма слабо сопротивлялись ему, убежденные в выгодах твердого и разумного управления.

Добившись этого результата, д'Ожерон уехал во Францию, и хотя в то время был самый разгар фронды, он отправился в Бульон, где тогда находился кардинал Мазарини, которого принцы принудили удалиться, но который, однако, из этого изгнания тайно управлял делами короля. Министр благосклонно принял авантюриста, уговаривал его продолжать, любезно соглашался на все его просьбы, и д'Ожерон, не теряя ни минуты, уехал из Бульона в Дьепп, откуда отплыл на остров Св.Христофора.

Но в его отсутствие случилось много событий, принудивших губернатора изменить намерения, задуманные им, и отложить на несколько времени его планы реформ.

Испанцы грубо начали дело против флибустьеров, разбили их в нескольких встречах, захватили большое их число и повесили без всякого суда, и, наконец, смелым нападением отняли остров Черепаху, который укрепили

грозным образом и где оставили многочисленный гарнизон под командою храброго и опытного офицера.

Потеря острова Черепахи нанесла гибельный удар могуществу авантюристов, лишив их надежного убежища недалеко от Сан-Доминго и, следовательно, на пути испанских судов. Сверх того, это был урон постыдный и пятно, напечатанное кровавыми буквами на чести флибустьеров, которых до сих пор считали непобедимыми. Надлежало во что бы то ни стало отнять остров Черепахи, это орлиное гнездо, откуда так безопасно бросались флибустьеры, чтобы неожиданно нападать на испанские колонии.

Только что вернувшись, д'Ожерон, не объявляя о своем присутствии жителям острова, надел флибустьерский костюм и сел втроем в плохую лодку, в которую вливалась вода со всех сторон, и успел пройти неприметно среди многочисленных крейсеров, и после семнадцатидневного путешествия, в котором он раз сто чуть не погиб, он успел высадиться здоров и невредим в Пор-де-Пэ. Приехав в Сан-Доминго, куда губернатор давно отправил одного из своих людей, назначил ему свидание в гостинице и открыл ему свои планы и, чтобы принять последние меры для успеха своего предприятия, стал договариваться со своим племянником Филиппом, который имел сильное влияние между флибустьерами, по милости своей необыкновенной энергии, львиного мужества, а особенно счастья, сопровождавшего все его предприятия.

Д'Ожерон следил по лицу молодого человека за выражением беспокойства, которое внезапно появилось на нем, когда было упомянуто об острове Черепаха. Старик нахмурил брови и, устремив на молодого человека проницательный взгляд, спросил:

— Что это значит, Филипп? Ты колеблешься напасть на испанцев?

— Нет, дядюшка, — отвечал Филипп с очевидным замешательством, — я не колеблюсь, сохрани меня Бог!

— Только ты отказываешься, — сказал дядя с насмешкой. Молодой человек побледнел еще более, если возможно, при этой язвительной иронии.

— Вы не понимаете смысла моих слов, дядюшка, — почтительно ответил он.

— Так объяснись откровенно, — сказал губернатор с нетерпением, — надо знать по крайней мере, что у тебя на уме.

Хотя уже очень пожилой, д'Ожерон, все еще молодой сердцем и умом, сохранил от прежней отважной жизни

раздражительность, которая при малейшем противоречии заставляла кровь бросаться ему в лицо и возбуждала в нем страшный гнев.

— Я очень желаю объясниться, дядюшка, только сделаю это с условием.

— С каким? Говори.

— Вы должны слушать меня спокойно и не сердиться.

— Где же ты видишь, чтобы я сердился, черт побери! — вскричал раздражительный старик, ударив кулаком по столу так, что тот чуть не сломался.

— Видите, вы уже начинаете!

— Отправляйся к черту!

— Я ничего лучше не желаю, — ответил Филипп, делая шаг назад.

Но дядя торопливо остановил его за полу кафтана.

— Полно, оставайся здесь и будем говорить, — сказал он кисло-сладким тоном.

— Хорошо, лучше закончить сейчас.

— Я сам так думаю.

— Вы хотите взять Черепаху?

— Хочу.

— Чем?

— Как чем?

— Я полагаю, что вы не имеете притязаний захватить остров один?

— Еще бы!

— Так что же намерены вы делать? Гарнизон испанский многочислен, офицер, начальствующий им, опытен, он всегда остерегается, зная очень хорошо, что когда-нибудь мы вздумаем напасть на него врасплох, сверх того, он окружил остров укреплениями всякого рода.

— Я знаю все это, далее!

— Как далее?

— Да разве ты хочешь этим сказать, что остров Черепаха неприступен?

— Я не хочу этого говорить, напротив, я только хочу заставить вас понять, как затруднительна эта экспедиция, особенно теперь.

— Отчего же именно теперь?

— Оттого, что все наши братья, самые храбрые, в отсутствии и здесь не осталось никого.

— Я уже заметил это господину д'Ожерону, — сказал Пьер Легран, выбивая трубку на угол стола.

— А что я на это отвечал?

— Вы отвечали, что без отсутствующих можно обойтись.

— И опять отвечу то же, слышишь ли, племянник?

— Слышу очень хорошо, дядюшка.

— Ну, теперь ты хочешь, чтобы я сказал тебе мое мнение обо всем этом?

— Мне будет очень лестно узнать его, дядюшка.

— Вот мое мнение, милостивый государь, по причинам не известным мне, но которые, будьте покойны, я узнаю, вы не желаете, чтобы Черепаха была атакована.

— О, дядюшка! — сказал Филипп краснея, — можете ли вы предполагать что-нибудь подобное?

— Полно, полно, племянник! Со мною увертки бесполезны, я слишком стар, чтобы меня можно было обмануть. Молодой человек сделал усилие над собой.

— Вы действительно предлагаете нам отнять остров у испанцев? — спросил он резко.

— Конечно.

— Когда так, выслушайте меня, дядюшка.

— Я ничего лучшего не желаю. Вот уже целый час я приглашаю тебя говорить.

— Это дело слишком важное, — продолжал Филипп, — его нельзя обсуждать здесь, куда всякий может войти, притом трактирщик ненадежен, испанских шпионов много в Пор-де-Пэ, наш план будет открыт тотчас же неприятелю.

— Все это очень хорошо. — Я люблю, когда ты так говоришь.

— Сохраните ваше инкогнито, дядюшка, ваше присутствие здесь не должно быть известно, мы с Пьером послезавтра созовем наших братьев на островок Мариго.

— Для чего послезавтра? Для чего на островок?

— Для того, что на островке никто не может шпионить за нами, там мы будем у себя и поговорим свободно.

— Хорошо, но послезавтра поздно.

— Надо время, чтобы предупредить наших друзей, сверх того нам нужны положительные сведения о состоянии обороны Черепахи.

— Правда, но кто нам доставит эти сведения?

— Я, черт возьми! Я проберусь на остров, и положитесь на меня, от меня ничто не ускользнет.

— Мы отправимся оба, — с живостью сказал Пьер.

— Благодарю, я пойду один, это будет гораздо лучше. Один человек может спрятаться всегда, двое рискуют попасть в засаду.

— Как ты хочешь, друг.
— Это решено, дядюшка?
— Да, ей-Богу, решено. Филипп, ты настоящий молодец! Мне теперь жаль, что я вспылil на тебя.
— Ба! Забудьте это, дядюшка, я уже сам не помню.
— Решено, послезавтра.
— Непременно.
— Только не дай себя убить.
— Я не глуп! Испанцы меня не увидят.
— Теперь что мы будем делать?
— Уйдем. Становится поздно, и вам надо отдохнуть.
— Итак, ты предлагаешь мне гостеприимство, Пьер?
— Еще бы! Хорошо было бы иначе!

Пьер позвал трактирщика, расплатился и все трое встали, чтобы уйти. В ту минуту, когда они дошли до дверей, молния прорезала темноту и страшный удар грома потряс стекла.

— Э! Э!.. Это что такое? — спросил д'Ожерон.

— Начинается ураган, — отвечал Пьер, — он собирается уже два дня. Я жалею о судах, которые пытаются пристать к берегу в подобную бурю.

— Шш! — вдруг вскричал Филипп, с живостью наклонив голову вперед, — вы слышали?

— Что такое? — спросили они.

— Пушка!

— Как пушка? — вскричали они с беспокойством.

— Слушайте! Слушайте!..

Они прислушались, прошло несколько секунд, потом звук слабый, но в котором моряк ошибиться не мог, слышался два раза.

— Это пушка! — вскричали они.

— Погибает судно.

— Да, да, — сказал д'Ожерон, печально качая головой, — это сигнальная пушка, потому что ветер гонит судно к берегу и оно чувствует себя погибшим, но кто попытается помочь ему в такую бурю?

— Я, если не найдется никого другого! — благородно вскричал Филипп.

— Мы! — повторил Пьер, спокойно снимая свое красивое вышитое платье и старательно складывая его, чтобы не испортить.

— Вы с ума сошли, государи мои, — сказал д'Ожерон, — да вы утонете двадцать раз, прежде чем примете это судно.

Притом, почем вы знаете, что это наши? Это, вероятно, какой-нибудь испанский крейсер, которого прибило к берегу.

— Когда так, тем лучше, дядюшка! — весело сказал Филипп.

— Как тем лучше! Это почему?

— Потому что мы его возьмем, — отвечал Филипп смеясь.

Д'Ожерон, поставленный в тупик этим ответом, потупил голову, сложил руки и пожал плечами. Такая смелость превосходила все, что он видел до сих пор.

— Ах, как я сожалею о Питриане в эту минуту! — сказал Пьер.

— Почему так, сударь? — спросил работник, вдруг появившись.

— А! Ты здесь, мой милый! Добро пожаловать, ты верно колдун.

— Никак нет-с, только я догадывался, что буду здесь нужен, и пришел.

— Ты хорошо сделал. С тобой и моим приятелем Филиппом, я уверен, что мы успеем.

— Кто в этом сомневается! — просто ответил Питриан, даже не спрашивая, о чем идет речь.

— Проворнее! — вскричал Филипп, — найдем лодку.

— Это будет нетрудно, — сказал Пьер, смеясь.

Все трое, оставив д'Ожерона на пороге дома, бегом пустились к берегу.

V

ГЕРЦОГ ПЕННАФЛОР

За месяц до начала нашего рассказа, человек на сильной гнедой лошади и старательно закутанный в толстые складки длинного плаща, ехал по едва проложенной дороге от Медаллина до Веракруса.

Было около одиннадцати часов утра; морской ветерок спал, и жара начинала становиться изнурительной в этой бесплодной и песчаной аллее, которая окружает город и по которой всадник ехал шагом. Осмотрев окрестности

подозрительно, всадник, успокоенный полным уединением, окружавшим его, решился снять с себя плащ и бросить его, перегнув надвое на седло.

Тогда легко было узнать молодого человека лет двадцати двух, с тонкими и благородными чертами. Его широкий лоб, черные глаза, насмешливый рот с легкими темно-каштановыми усами придавали его овальному лицу выражение гордости, презрения и жестокости, рост его был высок и строен, члены сильные, движения тела имели чрезвычайное изящество и непринужденность, костюм его, черный бархатный с серебряным позументами, прекрасно оттеняли матовую белизну лица. Короткая шпага в серебряных ножнах доказывала, что он благородного происхождения, потому что только одни дворяне имели в то время право носить шпагу, из-под шляпы из вигоневой шерсти, низкой с широкими полями, выбивались длинные локоны черных волос, падавшие в беспорядке на плечи, ботфорты из желтой кожи с тяжелыми серебряными шпорами заходили выше колен. Словом, это был блистательный кавалер, донжуанская наружность которого должна была нравиться сладострастным веракрускам и внушать ревность множеству мужей.

Только в нескольких шагах от города надел он свой плащ, потом проехал Гвариту и скоро достиг первых домов предместья Техерия. Впрочем, путешественник недалеко заехал в это предместье, скоро лошадь его сама остановилась перед черным и ветхим домом, массивная дверь которого любопытной резьбы, тотчас отворилась для него. Молодой человек сошел с лошади и бросил поводья пожилому слуге, который, заперев дверь, подошел к нему, сняв шляпу.

— Герцог спрашивал меня, Эстеван? — спросил по-испански молодой человек слугу.

— Два раза, граф, — почтительно ответил Эстеван.

— Он не тревожился и не сердился на мое отсутствие?

— Не сердился, а тревожился, ваше сиятельство.

— Здесь нет ничего нового?

— Нет, ваше сиятельство, в те два дня, в которые продолжалось ваше отсутствие, герцог оставался взаперти в своих комнатах. Раз только он вышел, чтобы проститься с губернатором.

— Герцог едет?

— Приказано готовиться сегодня вечером, ваше сиятельство, ничего не изменено.

— Ко мне не приносили ничего?

— Сегодня утром, около часа тому назад, приходил человек с двумя комиссионерами, которые принесли сундуки.

— Хорошо, я приведу в порядок свой костюм, потом пойду к герцогу. Доложите ему о моем возвращении, Эстеван.

Слуга поклонился, передал лошадь конюху и вошел в дом заднею дверью, а молодой человек вошел в парадную дверь, поднялся на первый этаж, повернул ключ в двери и очутился в передней, где возле стен стояло несколько сундуков, те, о которых говорил Эстеван. Молодой человек прошел эту комнату, не останавливаясь, и сошел в спальню, вероятно свою, потому что тотчас стал переодевать свой костюм, измятый в дороге.

Он совершенно переоделся и бросил последний взгляд в зеркало, когда появился Эстеван.

— Чего вы желаете? — спросил он.

— Герцог ждет вас, граф, в столовой, — отвечал слуга, кланяясь.

— Ступайте, я иду за вами, — сказал граф.

Они спустились в нижнее жилье, прошли несколько комнат, богато меблированных и наполненных лакеями в парадной ливрее, пажами и конюшенными, стоящими и сидящими, которые молча кланялись молодому человеку, и, наконец, остановились перед дверью, возле которой стояли два придверника с золотой цепью на шее. Один отворил дверь, второй приподнял портьеру и доложил:

— Сеньор граф дон Гусман де-Тудела.

Граф вошел в сопровождении Эстевана, на котором ливреи не было и который казался доверенным слугой. За ними портьера опустилась и дверь затворилась. Комната, в которой находился тогда молодой человек, была столовая. Два человека сидели за столом, поставленным среди комнаты и покрытым кушаньями, до которых еще не затрагивался никто. Кравчий и двое слуг в черном с серебряной цепью на шее ждали приказа подавать.

Из двух человек, сидевших за столом, первый был старик лет восьмидесяти по крайней мере, хотя его волосы и борода были ослепительной белизны, однако он был еще прям и бодр; его черные глаза были исполнены огня и молодости, выражение лица жестко, мрачно и печально. На нем был богатый костюм из черного бархата, вышитый серебром, а на шее ордена св. Духа и Золотого Руна. Это был герцог Пеннафлор.

Человек, сидевший возле него и моложе его по крайней мере тридцатью годами, был сын его, маркиз дон Санчо Пеннафлор. Несмотря на сорок лет, это был еще чело-

век молодой, ни одной морщинки не виднелось на его лбу, чистом и гладком, как будто ему было только двадцать лет, его красивое и мужественное лицо имело выражение веселости и беззаботности, составлявшее контраст с мрачной серьезностью отца. Костюм его, по последней моде французского двора, был сумасбродно богат и шел к нему восхитительно. Он играл в эту минуту золотым эфесом своей шпаги, напевая вполголоса сегвидилью.

— Добро пожаловать, дон Гусман, — сказал герцог, протягивая молодому человеку руку, которую тот почтительно поцеловал, — мы ждали вас с нетерпением.

— Ваша светлость, — отвечал граф, — только одни важные причины, независимые от моей воли, могли удержать меня вдали от вас.

— Мы не делаем вам упреков, милостивый государь, после вы нам объясните, что вы сделали, а теперь садитесь. Подавайте, — прибавил он, обратившись к кравчему.

— Э! Дон Гусман, — сказал маркиз, с любопытством на него смотря, — как вы нарядны, любезный кузен, я не видел у вас этих великолепных кружев. Это английские, не так ли?

— Да, кузен, — отвечал граф.

— Пожалуйста, дайте адрес кунца Эстевану.

— Я сделаю лучше, кузен, — сказал граф, улыбаясь, — если эти кружева так вам нравятся, я подарю их вам.

— Ей-Богу! — весело вскричал маркиз, потирая себе руки, — это правда, я было забыл, верно, пройдет много времени прежде чем вы...

— Вы верно сошли с ума, маркиз, что говорите такие вещи, — грубо перебил герцог, бросив на него строгий взгляд.

Дон Санчо потупил голову и закусил губы. Обед продолжался молча. Герцог и граф были озабочены, только маркиз сохранял свою обыкновенную веселость. Когда сладости были поставлены на стол, герцог сделал знак, слуги исчезли. Трое собеседников остались одни. Маркиз хотел встать.

— Что вы делаете, дон Санчо? — спросил герцог.

— Я оставляю вас, батюшка, — ответил он, — вы будете говорить о серьезных вещах с моим кузеном, мне лучше уйти.

— Оставайтесь, дело это касается вас более чем вы предполагаете.

— Если вы желаете, я останусь, хотя не вижу, в чем мое присутствие может быть полезно здесь.

Герцог подал ему запечатанный конверт.

— Прочтите, это к вам, я получил сегодня утром.

— Королевский приказ! — вскричал маркиз с удивлением.

— Да! Король удостоил, по моей просьбе, назначить вас губернатором острова Сан Доминго.

— О! Батюшка, как я вам признателен! — вскричал маркиз, целуя руку герцога.

— Я хотел иметь возле себя единственного сына, остающегося у меня.

— Разве вы намерены уже оставить Новую Испанию, батюшка?

— Один и тот же курьер привез ваше назначение и приказание мне ехать в Панаму.

— Какая честь для нашей фамилии!

— Его величество осыпает нас милостями.

— Позвольте мне, герцог, — сказал граф, — присоединить мои поздравления к поздравлениям моего кузена.

— Вы отчасти причиною того, что случилось, дон Гусман, — с улыбкой ответил герцог.

— Я? — с улыбкой переспросил герцог.

— Конечно. Чтобы обеспечить успех трудного предприятия, вверенного вам, я согласился, несмотря на преклонные лета, принять место губернатора в богатой провинции Панама. Убежденный, что, будучи уверены получить от меня помощь во всем, вы не колеблясь будете исполнять вашу обязанность до конца. Мы с вашим кузеном отправимся почти в одно время в вами. Дон Санчо будет служить нам посредником, таким образом нам нечего будет опасаться измены и мы ни с кем не разделим славы освобождения нашего отечества от ожесточенных врагов, которые столько лет бросали ему дерзкий вызов.

— Благодарю вас и постараюсь, клянусь вам, оправдать ваше доверие ко мне.

— Потрудитесь рассказать мне в двух словах, что вы делали в эти два дня.

— Я, кажется, исполнил вполне ваши поручения. Я уговорился с человеком, на которого вам указали, человек этот теперь вполне предан мне, сегодня же он должен меня представить капитану брига «Кайман», который завтра выйдет из гавани.

— И вы уверены в этом человеке?

— Как в себе самом.

— Итак, мы простимся с вами, потому что мы также уезжаем. Я написал инструкции, от которых вы не должны

отступать, они содержатся в этой бумаге, возьмите ее и остерегайтесь, чтобы ее не похитили у вас.

Граф взял бумагу из рук герцога.

— Эти инструкции я выучу наизусть, — сказал он, — потом, когда они напечатаются в моей памяти, я сожгу бумагу.

— Это будет благоразумнее, — улыбаясь сказал герцог.

— Итак, кузен, мы будем там врагами, — весело сказал маркиз, — берегите себя и не позволяйте моим пятидесятиникам застать вас врасплох.

Герцог, склонив голову на грудь, глубоко размышлял.

— Вы будете с сильными людьми, — продолжал маркиз, — я ведь знаю их давно.

— Вы с ними сражались, кузен?

— Я несколько раз имел с ними дело, то как друг, то как враг, это демоны! Однако, — прибавил он меланхолическим тоном, очень удивившим молодого человека, — я не могу дурно говорить о них, менее чем всякий другой, я имел бы на это право.

— Потрудитесь объяснить, кузен...

— К чему? — перебил маркиз с живостью, — вы сами узнаете их, помните только, что это люди во всем значении этого слова, они имеют все пороки и все добродетели, свойственные человеческой натуре: заходят так же далеко в хорошем, как и в дурном, всегда становятся выше каких бы то ни было событий, и ненависть к деспотизму породила в них неукротимую вольность, которую они величают именем свободы, — слово выдуманное ими и которое они одни могут понимать.

— Судя по тому, что вы мне говорите, кузен, я вижу, что мне придется очень трудно.

— Более чем вы предполагаете, кузен. Дай Бог, чтобы вы не погибли в этом труде! Ах! — прошептал он вполголоса, — для чего вы приняли это опасное поручение?

— Что мог я сделать? — отвечал граф тем же тоном.

— Это правда, — сказал маркиз и, бросив взгляд на герцога, все погруженного в мысли, он продолжал, — я не могу разговаривать с вами, как мне хотелось бы, дон-Гусман, однако послушайте: так как я теперь губернатор в Сан-Доминго, я мог бы, кажется, быть вам полезен, вы знаете, какую дружбу я питаю к вам. Не делайте ничего, не посоветовавшись со мною, может быть, мои советы будут вам полезны.

— Я тронут до глубины сердца вашими словами, кузен, но как же я увижусь с вами?

— Не беспокойтесь, вы получите от меня известие, мне

остается прибавить только одно слово: будьте осторожны, самое легкое подозрение будет сигналом вашей смерти, эти люди не прощают, я имел доказательство.

В эту минуту герцог приподнял голову и провел рукою по лбу. Бросив повелительный взгляд на маркиза, как бы приказывая ему молчать, он наклонился к графу и тоном кротким и нежным, который граф слышал от него очень редко, он сказал ему:

— Дитя мое, через минуту мы расстанемся и, может быть, не увидимся никогда, я не хочу разлучиться с вами, не открыв вам некоторых обстоятельств, которые вам нужно — я скажу даже необходимо — знать, для успеха вашего поручения и для успокоения вашей совести.

— Я слушаю вас с уважением и признательностью, — ответил молодой человек, — вы были для меня отцом, я всем обязан вам, я был бы самый неблагодарный человек на свете, если б не имел к вам искреннего и глубокого уважения.

— Я знаю ваши чувства, дитя мое, я верю доброте вашего сердца и правоте вашего образа мыслей, вот почему я хочу до нашей разлуки разъяснить вам историю вашего детства, в чем я вам отказывал до сих пор. Вам известно, что наша фамилия одна из знатнейших в Испании, она восходит до первых времен монархии, наши предки всегда высоко ставили честь нашего имени, которое передали нам незапятнанным. Ваша мать была моя сестра, вы видите, дитя мое, что вы близкий мне родственник, потому что я вам дядя. Ваша мать, донна Инеса Пеннафлор, была гораздо моложе меня и еще ребенок, когда я женился. По смерти моего отца я сделался ее опекуном. В то время, о котором я вам говорю, любезный Гусман, Франция и Испания были в войне, по причинам, о которых бесполезно вам говорить, сестра моя была отдана в монастырь в город Перпиньян, который тогда еще принадлежал нам. Прошло несколько лет. Перпиньян, осаждаемый самим кардиналом Ришелье лично, был принужден сдаться после продолжительной и героической обороны. По взятии города, я приказал взять сестру мою из монастыря и отвезти ее в Испанию. Я нашел ее умирающей; монастырь был разграблен французами. Прогнанные и разбежавшиеся монахини укрылись где могли, сестра моя нашла убежище в бедной испанской семье, где я с трудом мог ее найти. Беспокоясь ее болезнью, я позвал доктора, чего бедные люди, принявшие ее к себе, сделать не могли по своей нищете. Сестра моя не хотела видеть доктора. Я с величайшим трудом убедил ее

принять его. Он долго оставался с ней, когда, наконец, он уехал, я поспешил расспросить его, лицо его было печально, он отвечал на мои вопросы с принужденным и смущенным видом. Я вошел в комнату сестры, она плакала и также ничего не хотела мне сказать. Доктор воротился к вечеру, я снова расспросил его, он сказал мне несколько пошлых утешений, и мне показалось, что он старался удалить меня, настойчивость, с какою он уговаривал меня идти спать, внушила мне подозрения, я предчувствовал несчастье. Я притворился, будто соглашаюсь, и вышел, но как только он вошел в спальню моей сестры, я проскользнул в комнату, отделенную от ее спальни одной перегородкой, и прислушался. Скоро я узнал всю правду: сестру мою обольстил один французский офицер, потом бросивший ее. Что мог я сделать? Я не колеблясь простил бедному обманутому ребенку, только потребовал, чтобы она назвала мне своего обольстителя. Человек этот носил одно из знатнейших имен французского дворянства. Я поехал к нему в Париж, где он находился тогда. Я требовал от него, чтобы он загладил сделанное им преступление, он захохотал мне в лицо и повернулся ко мне спиною. Тогда я нанес ему одно из тех оскорблений, которые требуют крови. Дуэль была назначена на другой день, он опасно ранил меня. Два месяца находился я между жизнью и смертью, наконец стал выздоравливать. Враг мой уехал из Парижа. Мне невозможно было узнать его местопребывание, я воротился в Перпиньян с разбитым сердцем.

Герцог был бледен, капли пота выступили на его висках, слова срывались с его губ сухо и отрывисто. Маркиз, пристально устремив глаза, наклонившись вперед, слушал отца с каким-то страхом. Граф, закрыв голову руками, не видел ничего, все его внимание было сосредоточено на рассказе старика. Тот продолжал:

— Сестра моя родила мертвого ребенка, я нашел ее выздоровевшей. Я ничего не сказал ей о моем путешествии. Ничто не удерживало меня во Франции, я уехал с нею в Испанию. Три месяца спустя его величеству угодно было назначить меня вице-королем Новой Испании, я приготовил все к моему отъезду, который, по королевскому предписанию, должен был состояться немедленно. Сестра моя, как мы условились, должна была ехать со мною в Мексику. В это время один из наших дальних родственников, живший в Мадриде уже несколько недель, явился ко мне и официально просил руки моей сестры. Инесу, хотя она жи-

ла уединенно, несколько раз видел у меня наш родственник. Он влюбился в нее и желал на ней жениться. Его звали граф дон-Луис де-Тудела.

— Отец мой? — вскричал молодой человек.

— Ваш отец, да, дитя мое, потому что несмотря на свое отвращение к этому союзу, сестра моя уступила моим просьбам и согласилась выйти за него. Через несколько дней после ее свадьбы я уехал из Испании в Мексику. Уже два года был я там, когда вдруг получил три известия, одно за другим, которые принудили меня поспешно вернуться в Испанию, рискуя подвергнуться немилости короля. Человек, обольстивший мою сестру, приехал в Мадрид в свите французского посланника. На одном бале при дворе он узнал в графине Тудела женщину, так постыдно брошенную им в Перпиньяне. Вместо того, чтобы стыдиться своего прошедшего поведения и держаться в стороне, случай показался ему хорош, чтобы возобновить с ней любовную связь. С презрением отвергнутый графиней, человек этот имел гнусность публично обесславить ее, рассказав по-своему, что произошло между ними в Перпиньяне. Граф, узнав это, вызвал его на дуэль. Они дрались. Этот человек убил его.

— Вы знаете имя этого человека? — вскричал молодой человек голосом, дрожавшим от горести.

— Знал, но он оставил это имя и взял другое, — глухо сказал старик.

Молодой человек с унынием потупил голову и подавил рыдание.

— Моя сестра умерла с горя через несколько дней после своего мужа, оставив вас сиротой едва одного года. Я взял вас к себе, Гусман, и почти усыновил вас, но я сохранил для вас священное поручение — отомстить за вашего отца и вашу мать.

— Я непременно исполню это поручение, благодарю, герцог, — сказал молодой человек лихорадочным тоном.

— Я с величайшим вниманием занимался вашим воспитанием, которое направил к морской службе, потому что вы должны были стать моряком для исполнения моих и ваших планов. Слава Богу, хотя вы еще очень молоды, вы по справедливости пользуетесь репутацией офицера искусного и опытного, теперь последнее слово.

— Я слушаю герцог.

— Убийца вашего отца, обольститель вашей матери — один из главных начальников этих страшных людей, среди которых вы будете жить, я это знаю наверняка, только од-

но мне известно — имя, которое он принял с тех пор, как вступил в эту жизнь убийства и грабежа!

— Ах! Это для меня все равно! — вскричал граф с энергией, — как ни хорошо спрятался бы этот человек, я его найду, клянусь вам!

— Хорошо, дитя мое, час нашей разлуки настал. Вы знаете, какое кровавое и мстительное поручение должны исполнить! Да поможет вам Господь! Даю вам мое благославение, уезжайте и не нарушайте нашей клятвы.

Молодой человек стал на колени перед стариком, который дал ему поцеловать свою руку, потом приподнялся и простился с маркизом.

— До свидания! — сказал маркиз, выразительно пожимая графу руки.

— До свидания! — ответил граф и вышел из столовой.

Герцог следил за ним глазами, прислушивался к шуму его шагов, которые все более и более стихали, потом гордо приподнял голову и сказал тоном торжества:

— На этот раз я держу, наконец, в руках мое мщение!

— Ах, батюшка! — прошептал маркиз печально, — неужели вы неумолимы?

Старик повернул голову к сыну с невыразимым выражением презрения, пожал плечами и медленными шагами вышел из столовой.

— Бедный Гусман! — сказал дон Санчо, смотря, как удалялся его отец.

VI

ВСТУПЛЕНИЕ В СЛУЖБУ

Дон-Гусман Тудела после разговора с герцогом Пенафлором заперся в своей комнате.

Оставшись один и будучи уверен, что ему нечего опасаться нескромных взоров, молодой человек упал на стул, опустил голову на обе руки и довольно долго оставался погружен в совершенную неподвижность.

О чем мог он размышлять? Один он, конечно, мог бы сказать это. Может быть, он думал о своей погибшей бу-

душности, о своих надеждах, вдруг разбитых ужасным открытием, сделанным ему. Может быть, он мечтал о мщении, в котором поклялся, обольстителю своей матери. Может быть также, посылал он последнее прощание любимому существу, которого долго принуждал его бросить без надежды увидеть когда-нибудь. В двадцать лет не есть ли любовь великим делом в жизни. И когда человек красив, богат и знатен, жизнь кажется так приятна и легка!

Впрочем, каковы бы ни были размышления несчастного молодого человека, должно быть, они были очень печальны, потому что жгучие слезы пробивались сквозь пальцы и заглушаемые рыдания вырывались из груди, несмотря на его усилия удержать их. Наконец он приподнял лицо, побледневшее от страдания, и провел рукою по влажному лбу.

— Прочь слабость! — сказал он с печальной улыбкой, — прощайте мои прекрасные мечты! Мое сердце должно быть теперь мертво для всякого другого чувства, кроме ненависти!

Он отпер сундук, вынул матросское платье, положил его на стул и с последним вздохом стал снимать свой блестящий костюм.

Он заканчивал одеваться в матросское платье, когда тихо постучали в дверь.

— Это он! — прошептал граф и подошел отворить дверь.

Человек лет сорока, по наружности походивший на матроса, со шляпой в руке, почтительно стоял на пороге.

— Войдите, мэтр Агвир, — сказал граф.

Матрос поклонился и вошел в комнату.

— *Se puede hablar?* — сказал он, бросая вокруг подозрительный взгляд.

— По-французски или по-испански, как хотите, мэтр Агвир, — ответил молодой человек, запирая дверь, — мы одни.

— Хорошо, если так, нам нечего будет опасаться нескромности, тем лучше, ваше сиятельство.

— Гм! Мэтр Агвир, оставьте, пожалуйста, привычку называть меня сиятельством, называйте меня просто Марсьяль, это имя я намерен принять.

— Буду повиноваться, — ответил Агвир, кланяясь.

— Хорошо, садитесь и поговорим.

— По приказанию вашему, я был у капитана «*Каймана*».

— А! Его зовут «*Кайман*»?

— Да.

— Хорошее имя для флибустьерского судна.

— Оно и есть флибустьерское.

— Знаю, а этого здесь и не подозревают?

— Вовсе нет, его принимают за судно для торга неграми, притом капитан осторожен: он никого не пускает на берег, вот уже неделя как он бросил якорь в Сакрифичиосе и ни один матрос из его экипажа не был в Веракрусе.

— Да, смелая игра, но все может открыться, наконец.

— Он сегодня ночью снимается с якоря.

— О! О! Стало быть, нам надо поторопиться.

— Я это и сделал. По странной случайности, я находился в Сакрифичиосе во время прибытия этого судна, несмотря на то, что оно так раскрашено и переименовано, такого старого моряка, как я, оно обмануть не могло, его ухватки показались мне подозрительны и...

— Зачем путаться? — перебил молодой человек, улыбаясь, — для чего не сказать мне откровенно...

— Как, что такое? — сказал Агвир, задрожав от изумления.

— Да! Конечно, ведь я теперь ваш. Дело очень просто. Вы бискаец из Байонны, то есть полуиспанец, вы воспользовались этим, чтобы поселиться здесь, но с какой целью? Теперь это до меня не касается, так что я ничего вам не скажу, только вы устроились так, чтобы вам всегда оставаться в сношениях с вашими друзьями, береговыми братьями. Случай, о котором вы говорили сейчас, состоит в том, что вы уже несколько дней ждали этого судна, теперь когда мы поняли друг друга, как я надеюсь, пожалуйста, продолжайте, я весь превратился в слух.

Все это было сказано тоном тонкой и язвительной насмешки, который до того смутил матроса, что он стал в тупик. Но так как это был человек смелый, он возвратил свое хладнокровие и, посмотрев прямо в лицо графу, сказал:

— Ну, да, это правда. Дальше что?

— Больше ничего.

— Мне любопытно было бы узнать, кто доставил вам эти сведения, граф.

— Вы забываете наши условия, мэтр Агвир. Меня зовут Марсьяль, пожалуйста, запомните это раз и навсегда. Что касается моих сведений, то вы понимаете, мой милый, что дело, в которое я вступаю, довольно серьезно для того, чтобы я не принял мер предосторожности, я наблюдал за вами, вот и все. Для меня довольно важно было, чтобы вы мне не изменили.

— Может быть, вы правы, — отвечал Агвир с видом сомнения.

— Воротимся к нашему делу.

— Вы знаете, что я еду на «Кайман» боцманом.

— Это решено?

— Я уже получил жалованье вперед.

— Как вперед?

— То есть, — сказал Агвир с замешательством, — капитан, по моей просьбе, дал мне вперед сумму, которая была мне нужна.

— Хорошо! — сказал граф с насмешливой улыбкой, — а на счет меня как вы устроили?

— Я предложил капитану взять вас, выдав вас за моего земляка, заблудившегося у этих берегов и преследуемого ненавистью испанцев. По моей рекомендации капитан вас берет, но хочет вас видеть прежде.

— Это справедливо, где я его найду?

— В Сакрифичиосе, он ждет нас к четырем часам, я приготовил лодку.

— Очень хорошо! Теперь моя очередь, — сказал молодой человек, положив на стол связку бумаг.

Глаза Агвира засверкали жадностью, он придвинул свой стул и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть.

Марсьяль — мы сохраним ему это имя — развязал ленту, связывавшую бумаги, и начал раскладывать их, говоря:

— Счет дружбе не мешает. Сдержите ваши обещания, а я сдержу свои, вот купчая на тот дом, в котором вы живете, вот еще пятьдесят ливров билетами, сосчитайте.

Матрос схватил с нервным трепетом бумаги, которые подавал ему молодой человек, и рассмотрел их с самым строгим вниманием.

— Счет верен, — сказал он.

— Теперь, — продолжал молодой человек, — вот записка на пятьдесят тысяч ливров, но которые вы сможете получить только по возвращении во Францию, по аттестату, написанному мною, в котором значится, что я доволен вашими услугами, возьмите. Вы видите, что я держу свои обещания, как вы держите ваши. Одно последнее слово, для того, чтобы между нами не было недоразумений: если вы хотите служить вашим друзьям во вред испанцам, это до меня не касается, так как и вы не должны заниматься причинами моего поведения. Но помните только, что вы принадлежите мне, что мы ведем открытую игру без хитрости и без измены и что вы обязаны мне неограниченным повиновением.

— На один год, — ответил матрос.

— До того дня, когда вы вернетесь во Францию.

— Это решено.

— Да, но запомните хорошенько мои слова, мэтр Агвир, вы меня знаете довольно, не правда ли, чтобы быть убежденным, что при первом подозрении я прострелю вам голову?

— Угроза бесполезна, — отвечал матрос, пожимая плечами, — мои выгоды, ручаюсь вам, за мою верность.

— Хорошо, я подумал, что может быть вы никогда не воротитесь жить в Веракрус и что, следовательно, подарить вам дом довольно бесполезно. Потому я прибавил к обещанной сумме двадцать тысяч ливров в придачу, оставив вам в собственность этот дом.

— Благодарю, я отдал его в найм сегодня утром на пять лет и взял плату вперед.

— Я с удовольствием вижу, что вы знаток в делах, — сказал Марсьяль смеясь, — это ручательство для меня, спрячьте все эти бумаги, теперь мы пойдем, когда вы хотите.

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо, сейчас.

Они вышли. Уходя, молодой человек не мог удержаться от последнего вздоха, но он тотчас оправился и сказал твердым голосом своему спутнику:

— Пойдем.

Было три часа пополудни, они прошли весь город рядом, не встретив никого, улицы были пусты по случаю жары. Граф был так переодет, что не боялся быть узнанным своими друзьями. Они дошли до гавани беспрепятственно. В конце пристани была причалена маленькая лодка.

— Вот лодка, — сказал матрос.

— Пойдем, — лаконично ответил молодой человек.

Они прыгнули в лодку и схватили весла.

Переезд из Веракруса на остров Сакрифичиос, где обыкновенно бросают якорь большие суда, находящиеся там надежное убежище, простирается на одну милю. Когда море спокойно, эта прогулка восхитительна. Вскоре поднялся легкий ветерок, позволивший путешественникам поднять парус и плыть без утомления.

По мере того, как они приближались к острову, бриг-шхуна «Кайман» как будто выходил из воды и, наконец, явился во всех подробностях. Это было прекрасное судно, длинное, тонкое и вровень с поверхностью воды, его высокий рангоут был отброшен назад, такелаж содержался с замечательным старанием. В середине кузова, совершенно черная, была проведена тонкая полоса, красная, как кровь.

Пушечного борта не было видно, следовательно, и пушек. На палубе не было никого.

Граф сделал одно важное замечание: абордажные сети были натянуты, конечно из опасения нечаянного нападения.

— Какое славное судно! — сказал он в ту минуту, когда лодка объезжала его.

— Да, — с удовольствием отвечал матрос, — и скорое на ходу, ручаюсь вам.

— Так вы его знаете?

— Еще бы! Я два года служил на нем под начальством Монбара.

Через несколько минут Марсьяль и Агвир вышли на берег острова Сакрифичиоса. Едва сделали они несколько шагов, как заметили человека, подходившего к ним.

— Вот капитан «Каймана», — сказал моряк, — вы видите, что он аккуратно явился на свидание.

— А! — сказал молодой человек, подходя и с любопытством рассматривая его.

Так как этот человек должен играть важную роль в этом рассказе, мы в нескольких словах набросаем его портрет. Этот человек был в полном значении слов настоящий *морской волк*; действительно, он больше походил на тюленя, чем на человека. Хотя ему было по крайней мере лет пятьдесят, ему казалось на вид не более сорока, он был низенького роста, но толстый и сильный, загорелый цвет лица имел почти кирпичный цвет, серые глаза были живы и выразительны, физиономия умная, хотя суровая, дышала смелостью и спокойной неустрашимостью человека, привыкшего много лет бороться с опасностями, в каком виде они не являлись. На нем был казакин из толстого синего сукна, все швы которого были покрыты галуном такого же цвета, только несколько светлее, концы галстука были украшены серебряными кистями, жилет, серый с большими вытканными цветами, широкие коричневые панталоны с такими же галунами, как и казакин, шелковые чулки и башмаки с серебряными пряжками. Черная бархатная шапка со стеклянным образком Богоматери покрывала его голову. Широкий кожаный пояс сжимал стан, за этим поясом были заткнуты два длинных пистолета. Вот по наружности какой был этот человек, который, заметив приезжих, небрежно шел к ним, куря трубку с чубуком почти неприметным, который казался приклеен к его губам.

— А! Это ты, — весело сказал он матросу, — кого ты к нам привез?

— Капитан Тихий Ветерок, — ответил он, — я привез к вам нового товарища, о котором говорил вам вчера.

— А-а! — сказал тот, бросив проницательный взгляд на молодого человека, — молодец стройный и, кажется, крепкий, как тебя зовут, мой милый?

— Марсьяль, капитан, — ответил граф с почтительным поклоном.

— Имя хорошее, ей-Богу! Ты бискаец?

— Точно так, капитан.

— И тебя прибило к этому берегу?

— Да, капитан, вот уже два года лавирую я здесь и не могу дожидаться попутного ветра, чтобы выбраться отсюда.

— Хорошо, хорошо, мы тебя выведем, будь спокоен. Агвир мне сказал, что ты хороший матрос.

— Вот уже семнадцать лет, как я хожу в море, капитан, а мне еще нет и двадцати трех.

— Гм! Так ты должен знать свое дело, когда так, а ты знаешь кто мы, не так ли?

— Знаю, капитан.

— И не боишься вступить на наше судно?

— Напротив, я очень этого желаю.

— Очень хорошо. Я думаю, мы сделаем из тебя что-нибудь.

— Я также надеюсь.

— Есть у тебя оружие и порох?

— У меня есть все, что нужно.

— Теперь я должен предупредить тебя об одном: на суше мы все равны, на судне не так. Как только присягнули, мы должны покоряться, у нас только одно наказание.

— Какое?

— Смерть, чтобы избежать повторения проступка. Агвир, которого я знаю давно, поручился мне за тебя, измена с твоей стороны убьет не только тебя, но и его также, у нас, кто поручился, тот и платит. Поэтому рассуди хорошенько, прежде чем решиться, ты еще свободен отказаться, если наши условия покажутся тебе слишком трудны. Когда дашь слово, тогда будет уже поздно.

— Я согласен, — ответил Марсьяль твердым голосом.

— Хорошо, но ты молод, я не хочу ловить тебя на словах, будь на бриге сегодня вечером в семь часов, постарайся окончить твои дела до тех пор. Ты прочтешь договор и, если после этого захочешь вступить к нам, тогда хорошо, ты будешь вторым лейтенантом.

— Все мои дела кончены, капитан, мне не нужно воз-

вращаться в Веракрус. Агвир может привезти мне мой сундук и мое оружие.

— Ты мне нравишься, ты прехорошенький мальчик, пойдем же, если хочешь.

Они сели в лодку и в несколько минут приехали к бригу. Однако не без тайного сжатия сердца и нервного трепета, молодой человек ступил ногой на корабль, где он должен был жить среди людей, которых ему представили хищными зверями, живущими только убийством и грабежом, не имеющими ни веры, ни законов, ни отчизны.

В ту же ночь, к трем часам утра, бриг-шхуна «Кайман» вышел в море и увез лейтенанта Марсьяля и боцмана Агвира, двух новопоступивших. Капитан Тихий Ветерок направил путь на Сан-Доминго, его крейсерство кончилось, и он возвращался в Пор-де-Пэ.

VII

СПАСЕНИЕ

В ту минуту, когда под предводительством Филиппа они бросились из гостиницы, страшное зрелище, вдруг представившееся их глазам, заставило их отступить с испугом.

С одного конца горизонта до другого небо казалось огненной скатертью, непрерывно перерезаемой зеленоватыми зигзагами молнии. Гром гремел безостановочно страшными раскатами, дождь лил, как из ведра, море, побелевшее от пены, обливало берега с оглушительным шумом, ветер дул с бешенством, заставляя дома трещать, срывая крыши, вырывая с корнями деревья и вертя их как соломенку. Лошади и весь скот выбегали из конюшен и хлевов с ревом и ржанием ужаса. Ураган, угрожавший с утра, разразился, наконец, с непреодолимой силой и яростью.

Авантюристы, прибежавшие на берег, чувствовали, несмотря на свою храбрость, трепет страха и, укрываясь под скалами, не имели мужества бороться с ужасным бичом, поразившим их город и угрожавшим разрушить его до основания. Чтобы увеличить еще ужас этого зрелища, свет и мрак менялись с такой быстротой, что невозможно было

ничего различить, и даже самые близкие предметы внезапно исчезали, появляясь опять через минуту, но закрытые рыжеватым туманом, который смешивал их формы и обманывал относительно их положения и действительного расстояния. Словом, страшный был хаос, в котором море, небо и земля как будто готовы были смешаться в ужасном разрушении.

Однако, когда прошла первая минута изумления, Филипп с помощью Питриана и Пьера, решившихся не оставлять его, подошел к толпе авантюристов и просьбами и угрозами успел собрать вокруг себя человек пятьдесят, которые, подстрекаемые его примером, поклялись повиноваться ему во всем, что он им прикажет для общего спасения.

Как ни велика была опасность, которой подвергались жители, опасность эта не значила ничего в сравнении с опасностью судна, прибываемого к берегу, которое уже несколько раз палило из пушки, призывая на помощь. К этому-то судну Филипп решил направить все свои усилия.

— Товарищи! — закричал он тем, кто ехал с ним, — одно из наших судов погибает, многие из наших братьев подвергаются опасности лишиться жизни, неужели мы дадим им умереть как презренным испанцам, не попытаюсь их спасти?

— Нет! Нет!.. — закричали в один голос береговые братья. — Поспешим к этому судну!.. К этому судну!..

— Прежде узнаем, где оно находится, — ответил Филипп. — Следуйте за мной.

Они побежали на берег так далеко, как только позволяли бешеные волны. Авантюристы никогда не выходили без оружия, следовательно у них были ружья. Филипп приказал им сделать залп из всех ружей. Почти тотчас на море мелькнул свет, за которым послышался довольно сильный выстрел.

— Судно находится на юго-западе, — сказал Филипп, — на шестьдесят сажень не более от нас. Поскорее давайте кабельтовы, пустые бочонки, доски — словом, все, что найдется! Ты, Пьер, вели развести большие огни, бросай в огонь смолы, чтобы пламя было ярче.

Эти различные приказания были исполнены чрезвычайно скоро. Люди, посвятившие себя общему спасению, как будто размножились. Притом, много авантюристов и жителей, увлекаемые их примером, присоединились к ним и наперебой спешили приносить требуемые вещи. Скоро огромные костры покрыли берег на протяжении более одной мили. Судно их заметило, потому что с этой минуты ежеминутно стреляли из пушки. Ураган как будто стихал, молния блистала реже и раскаты грома становились глу-

ше. В минутном проблеске заметили высокий кузов большого корабля довольно близко от берега, потом снова настала темнота, и корабль, едва мелькнувший как бы во сне, вдруг исчез.

— Это «Кайман»! — закричали авантюристы, — бриг Тихого Ветерка и Монбара, надо его спасти!..

Конечно, это намерение было прекрасное и достойное людей, принявших его, но исполнение было почти невозможно. Прошел целый час в бесполезных попытках спустить лодку в волнующееся море, которое тотчас выбрасывало ее на берег.

— Линь! — вдруг закричал Филипп, — ей-Богу! Скажут, что не нашлось ни одного человека между нами, чтобы спасти пятьдесят.

Он начал раздеваться. Принесли линь, это была веревка толщиной в мизинец, свитая вчетверо, длиною в четырехста саженей. Филипп привязал один конец к крепкому кабельтову, а другой к своему поясу. Почти тотчас разделись Пьер и Питриан.

— Оставайся здесь, друг! — вскричал Пьер, — я должен решиться на этот отчаянный поступок. Если я умру, что весьма вероятно, никто кроме тебя не будет обо мне сожалеть.

— Извините, извините, — вдруг вмешался Питриан, — я простой работник, до моей жизни или моей смерти нет нужды никому, стало быть, я должен решиться на это.

Спор угрожал продолжаться, никто из троих не хотел уступить. Вмешался четвертый — д'Ожерон.

— Дети, — сказал он своим симпатичным голосом, — поступок, замышляемый вами, смел, сумасброден.

— Дядюшка! — вскричал молодой человек.

— Молчи, дитя, и дай мне закончить, — сказал строго д'Ожерон, — я не отговариваю вас, я знаю, что это было бы бесполезно, только если вы непременно хотите пожертвовать собою...

— Хотим! — закричали все в один голос.

— Так отправляйтесь все трое, вы будете друг другу помогать, если двое изнемогут, может быть, третий пребудет, и таким образом ваша жертва не будет бесполезна.

— Хорошо, — весело вскричали все трое, — прекрасно придумано!

— Теперь будьте осторожны, я беру на себя спускать линь мало-помалу, отправляйтесь же с Божьей помощью!

Он обнял их и вдруг отвернулся, чтобы вытереть слезу, которая невольно омочила его веки, потому что этот

энергичный человек с львиным сердцем понимал всю неизмеримость опасности, которой подвергался его племянник и его товарищи, но он не считал себя вправе мешать их героической решимости.

Филипп, Пьер и Питриан плавали, как рыбы, притом они давно привыкли к морю и знали, как надо действовать с ним, чтобы не сделаться игрушкой. Поговорив несколько минут шепотом, они вместе подошли к морю. Огромная волна, побелевшая от пены, бежала к ним, приподняв футов на двадцать свой грозный хребет. В ту минуту, когда она разбилась со страшным шумом в двух шагах от них и начала удаляться, они бросились и дали ей увлечь их. Собравшаяся на берегу толпа вскрикнула от испуга и восторга. В некотором расстоянии от берега моряки смело нырнули и таким образом очутились под второй волной, бежавшей к берегу. Однако, как ни рассчитано было их движение, несмотря на их усилия, волна захлестнула их как бы мокрым саваном и унесла с собою. Но усилия их увенчались успехом: волна уже отступила и несла их в море, так что они не были выкинуты на берег.

— Мужайтесь, братья! — закричал Филипп.

— Мужаемся! — отвечали его товарищи.

Началась гигантская борьба разума и хладнокровия против грубой силы. Эти три человека держались часа полтора рядом среди ужасного моря, бросавшего их во все стороны, подвигаясь на один шаг, отступая на сто, но не унывая, позволяя увлекать себя, когда чувствовали, что силы их оставляют, потом удваивая усилия, когда несколько возвращались силы, и не отчаиваясь никогда.

Впрочем, ураган значительно уменьшился, дождь перестал, темнота сделалась не так густа, авантюристы видели довольно ясно, чтобы верно направляться к той цели, к которой стремились их усилия.

Три товарища страшно утомились и уже слабо боролись с волнами, которые, хотя ветер значительно лишился своей силы, были еще ужасны, потому что после бури море еще долго не стихает.

Питриан, не спускавший глаз со своего господина, тихо приблизился к нему, и в ту минуту, когда Филипп, лишившись сил, тихо шел ко дну, чтобы не лишиться мужества своих друзей, нырнул, вытащил его из воды, принудил положить обе руки на свои широкие плечи и таким образом нес его почти всего. Филипп, задыхавшийся и почти без

чувств, машинально принял эту помощь, даже не сознавая преданности своего работника.

Вдруг пловцы заметили судно очень недалеко перед ними. У него остались только нижние мачты, и вообще оно находилось в страшном положении. Однако экипаж, по-видимому, не отчаивался в своем спасении: ясно слышался свисток боцмана, командовавшего маневрами, и размеренное пение матросов, исполнявших их.

Вдруг чудовищная волна подхватила судно на страшную высоту со страшным треском.

— Мы сорвались с якоря! — вскричала команда в один голос. Действительно, два передних якоря сорвались, и судно упало на бок, таща за собой задние якоря. Вдруг три человека выскочили к румпелю, между тем как двое упали на палубу, сцепившись друг с другом как бы мертвые. Это явление было так внезапно и так неожиданно, что кроме рулевого никто на судне не заметил этого.

— Мы погибли! — вскричали моряки с тоскою.

— Вы спасены! — отвечал хриплый и громкий голос.

— Пьер Легран! — вскричал Тихий Ветерок с радостью. — Господь тебя прислал, брат! Как ты попал сюда?

— Через борт, а то как же? — ответил он смеясь, — вот уже два часа как мы плывем, чтобы добраться до вас, но теперь не время разговаривать, отыщи Филиппа и Питриана, они упали где-то на палубе, у Филиппа линь, вели всей твоей команде взяться за него и тяните из всех сил, тысяча чертей! Если не хотите напиться из большой чашки, я возьмусь за румпель, не беспокойся.

Тихий Ветерок не заставил повторять, он пошел отыскивать двух авантюристов, но тех уже подняли, и они начали приходить в себя. Отвязали линь от пояса молодого человека и команда «*Каймана*», с капитаном во главе, начала сильно тянуть, они понимали, что в этом заключалась их последняя надежда на спасение.

Между тем по приказанию Пьера, который принял начальство, задние якоря были отрублены и судно приведено в некоторый порядок. Ветер совершенно стих, опасность прошла.

— Куда ты нас ведешь? — спросил Тихий Ветерок Пьера.

— Ты видишь, — отвечал тот, — течение несет нас к мысу Каренажу. На берегу прикрепили бичевку в трех мес-

тах. Если сможем обогнуть мыс, мы благополучно бросим якорь.

— Без тебя мы погибли бы, брат.

— Полно, ты шутишь, притом эта мысль была не моя, а Филиппа, я только последовал за ним.

— Хорошо, я расплачусь с вами со всеми троими, ведь и храбрый Питриан тоже здесь.

— Еще бы! Без него Филипп не был бы здесь, он спас его в ту минуту, когда он тонул, рискуя утонуть сам.

Начинало рассветать. На берегу виднелась толпа мужчин и женщин, которая приветствовала подъезжающих, хлопая в ладоши и с громкими криками бросая на воздух шляпы. Но спасение еще не кончилось, как все думали. Вдруг матросы, тянувшие бечевку, упали навзничь, команда вскрикнула с отчаянием: бечевка оборвалась.

— Молчать! — закричал Пьер громким голосом, — бросайте якорь!

Можно было слышать прерывистое дыхание всех этих людей, до того тишина была глубока.

Якорь упал. Наступила минута глубокого беспокойства. Судно продолжало быстро приближаться к берегу, скорость его мало-помалу уменьшалась. Потом оно остановилось, медленно повернулось, якорь держался, судно было спасено. Команда закричала радостное ура, на которое ответили восклицания с берега.

— Славное судно, мой старый брат. — сказал Пьер, — жаль было бы его потерять.

— Его построил Монбар, — отвечал Тихий Ветерок, — а он знает толк.

VIII

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В то время, когда требования нашего рассказа снова ведут нас в гостиницу, то есть около полудня, Корник, хозяин этой гостиницы, печально стоял на пороге двери, смотря с испуганным видом на опустошения, сделанные ураганом в прошлую ночь. Достойный трактирщик поза-

ботился запереться в своем доме и всю ночь дрожал от страха, так что зрелище, находившееся теперь перед его глазами, не только изумляло, но и пугало его, когда он думал об ужасных опасностях, которым он мог бы подвергнуться, если бы так осторожно не притаился в своем домике.

Пробила половина первого, почти в ту же минуту вошли шесть моряков, или, лучше сказать, они ворвались в гостиницу так неистово, что толкнули Корника, и чуть было не сшибли его с ног. Однако он не рассердился, напротив, он громко расхохотался, и с трудом сохранив равновесие, сказал троим или четверым голодным слугам, блуждавшим, как тени, по залу.

— Ну, проворнее, вина этим господам!

Эти господа были молодцы самой мошеннической наружности, с резкими и пьяными движениями, в оборванной одежде, но в карманах их при всяком движении слышался серебристый звук, очень приятный. Корник не ошибся насчет прибывших. Увидев их, он весело потер себе руки, пробормотав сквозь зубы:

— Хорошо, вот кайманы пристают к берегу, мы сейчас посмеемся.

Матросы сели за стол и начали пить, крича во все горло и говоря все за один раз.

После этих пришли другие, потом еще другие, потом еще, так что зала наполнилась и там начался страшный шум. Более полутора ста авантюристов собрались в таком пространстве, где могли свободно поместиться только шестьдесят, но они так благоразумно разместились вокруг столов и прилавка, что среди залы еще оставалось достаточно пространства для прохода трактирщиков и его слуг. Те беспрестанно бегали от одного к другому и не знали, кого слушать. Корник сам откупоривал бутылки и не считал унижением наполнять стаканы своих посетителей.

Скоро толпа сделалась так велика в зале, как разливающееся море, волны посетителей залили и смежные комнаты. Марсьяль и Агвир, еще не привыкшие, по крайней мере, первый, к странным поступкам авантюристов, с трудом пробрались к концу длинного стола, занятого уже двенадцатью флибустьерами, которые с трубкою в руках играли в кости на пригоршни золота, которое беспрестанно вытаскивали из своих карманов, глубоких как пропасть.

Марсьяль с любопытством рассматривал странное зрелище, находившееся у него пред глазами, и оставлял, несмотря на замечания своего товарища, полный стакан,

не думая его опорожнять. Между тем веселость становилась все шумнее, вино и водка горячили голову, крики гнева и вызова начинали примешиваться к хохоту и веселым песням, там и сям затевались драки, которые Корник со своими слугами все с большим трудом успевал прекращать.

В это время высокий и красивый молодой человек лет двадцати восьми, с надменными чертами, с насмешливой физиономией и развязной походкой вошел в залу. Он был одет чрезвычайно щеголевато, золотая фанфаронка¹ окружала его шляпу, украшенную дорогими перьями и молодецки надетую набекрень. Правая рука его, белая и аристократичная, почти закрытая волнами богатых кружев, лежала на эфесе шпаги. Войдя, он бросил гордый взгляд вокруг, как бы отыскивая кого-то, потом решительно подошел к тому столу, где сидели Марсьяль и Агвир, грубо отталкивая всех попадавшихся на пути его, которые — отдадим им эту справедливость — спешили удалиться по первому его требованию. Сев у стола, молодой человек наклонился к играющим.

— Э! — сказал он, — здесь забавляются, как кажется, ей-Богу! И я участвовать хочу.

— А-а! — сказали некоторые авантюристы, весело подняв голову, — это вы, кавалер, добро пожаловать!

— Давно ты здесь? — спросил другой.

— С час. Я оставил мое судно в гавани Марго и явился сюда.

— Bravo! Хорошую экспедицию сделал ты?

— Еще бы! Ведь испанцы наши банкиры, — сказал он смеясь.

— Итак ты богат?

— Как четыре генеральских откупщика.

— Когда так, ты пришел кстати, — сказал один из игроков, — этот демон Нантэ поклялся обобрать нас. Посмотри, капитан, что перед ним.

— Ба! — сказал Нантэ с громким хохотом, небрежно разбрасывая груды золота, находившуюся перед ним, — это еще ничего, я надеюсь это утроить.

— Мы увидим, — ответил молодой человек, которого называли кавалером и капитаном.

— Когда ты начнешь, капитан? — продолжал Нантэ.

¹ Так называли тяжелую цепь, которую богатые авантюристы носили на шляпе.

— Сейчас, — ответил тот и тихо положил руки на плечо Марсьяля, сказав ему, — уйдите отсюда, товарищ.

Молодой человек вздрогнул при этом прикосновении, но не тронулся с места. Капитан подождал с минуту.

— Разве вы глухи, товарищ? — продолжал он, снова положив руку на плечо его, на этот раз сильнее.

Марсьяль обернулся и взглянул прямо в лицо капитана.

— Нет, — ответил он только.

— Хорошо, — сказал капитан, крутя усы, — вы не глухи? Я очень рад за вас, но если так, почему же вы не встаете?

— Потому что, вероятно, мне неуютно, — сухо сказал Марсьяль.

— Что? — произнес капитан, нахмутив брови, — это гораздо смешнее, чем я предполагал.

— Вы думаете?

— Еще бы! Отойдите от двери, — обратился он к матросам, которые, привлеченные шумом этого спора, столпились позади него.

— Для чего им отходить от дверей? — спросил Марсьяль, все спокойный по наружности.

— Потому что, — ответил капитан тоном насмешливо-вежливым, — если вы не встанете, то я буду иметь удовольствие выбросить вас отсюда.

— Вы с ума сошли! — сказал молодой человек, презрительно пожимая плечами и опоражнивая свой стакан.

Капитан, невольно изумленный твердой и решительной наружностью молодого человека, рассматривал его с минуту с удивлением, смешанным с любопытством.

— Не ребячьтесь, молодой человек, — сказал он, — я вижу, вы не знаете, с кем имеете дело.

— Действительно, не знаю, — ответил Марсьяль, — и мало забочусь об этом. Вас называют капитаном и кавалером, но это, по моему мнению, не дает вам никакого права быть грубым со мною.

— А-а! — сказал кавалер с насмешкой, — ну знайте же, милостивый государь, что я кавалер де-Граммон.

— Я не знаю никакого кавалера де-Граммона и повторяю, что мне это все равно.

При этих словах, внятно и гордо произнесенных, трепет ужаса пробежал по всей зале. Кавалера де-Граммона¹,

¹ Он действительно так назывался и принадлежал к этой древней фамилии.

одаренного геркулесовой силой и безмерной ловкостью в управлении оружием, опасались все эти люди, которые, однако, справедливо хвастались, что не боятся ничего, но которые во многих случаях видели, как он давал доказательства сверхъестественной силы и свирепого мужества.

— Ну, друг мой, — медленно продолжал кавалер, сняв шляпу и кладя ее на стол, — так как я сказал вам мое имя и звание, мне остается только сообщить вам, на что я способен, и вы скоро это узнаете, ей-Богу!

Марсьяль встал бледный и спокойный.

— Остерегайтесь, — сказал он, — вы не имеете никакой причины ссориться со мной, мы не известны друг другу, вы оскорбили меня без причины, я хочу об этом забыть, еще есть время, уйдите, потому что, клянусь Богом, мое терпение истощается и, если ваша рука коснется меня, я разобью вас как этот стакан.

Он разбил вдребезги стакан, который держал в руке.

Авантюристы разразились громким смехом.

— Bravo! — сказал капитан с насмешливым видом, — очень хорошо сказано, клянусь моей душой, но мне это скучно, ну, давайте место!

Он бросился на молодого человека. Тот наблюдал за всеми движениями кавалера, он отскочил в сторону, молния блеснула в его взгляде, скакнув как тигр на своего противника, он схватил его за затылок и за пояс, покачал его с минуту над головой, несмотря на его отчаянные усилия освободиться, и бросил на улицу, куда он повалился как чурбан. Дав авантюристам доказательство своей изумительной силы, молодой человек небрежно прислонился к столу и скрестил руки на груди. Но кавалер почти тотчас приподнялся и бросился со шпагой в руке в залу с бешеным ревом. Он весь посинел, кровавая пена виднелась на его губах, сжатых от гнева.

— Его жизнь! Мне нужна его жизнь! — кричал он.

— Я безоружен, стало быть, вы хотите меня убить? — насмешливо ответил Марсьяль, не делая ни малейшего движения, чтобы уклониться от удара, которым ему угрожали.

Капитан остановился.

— Это правда, — пробормотал он задыхающимся голосом, — однако он должен умереть. Дайте ему шпагу, кинжал, что-нибудь.

— Я не хочу драться теперь, — сказал Марсьяль холодно.

— О! Он боится, трус! — вскричал кавалер.

— Я не боюсь и я не трус, — возразил Марсьяль, — только мне вас жаль, если мы будем драться, я вас убью, потому что вы опьянели и ослепли от гнева.

В эту минуту новое лицо, которое при шуме, возбужденной этой ссорой, вошло вместе с другими лицами, неприметно, вдруг ударило капитана по плечу. Тот обернулся, словно его ужалила змея, но при виде незнакомца, стоявшего перед ним холодно и с достоинством, его пыл вдруг остыл. Опустив шпагу, хотя нервный трепет пробежал по всему его телу, он прошептал задыхающимся голосом:

— Монбар!

Это действительно был знаменитый флибустьер. Он наслаждался с минуту своим торжеством над этой неукротимой натурой, потом заговорил.

— Твой противник прав, Граммон, — сказал он резким голосом, — ты не в состоянии драться.

— А! — сказал тот злобно, — и ты тоже против меня!

— Ты с ума сошел, — возразил Монбар, неприметно пожав плечами, — я только хочу не допустить тебя сделать глупость.

При виде Монбара авантюристы почтительно отступили, оставив широкое пространство среди залы.

— Этот человек обесславил меня, он должен умереть!

Марсьяль сделал два шага вперед.

— Нет, милостивый государь, — сказал он тоном, исполненным достоинства, который удивил всех зрителей этой странной сцены, — вы сами обесславили себя грубым и дерзким оскорблением, которым хотели меня заклеить, я только защищался. Я не сохраняю против вас ни гнева, ни вражды, я считаю вас, и говорю это громко перед всеми, честным человеком. То, что случилось между нами, не значит ничего, я был ловчее вас, потому что был спокойнее, вот и все!

Пока молодой человек говорил таким образом кротким и симпатичным голосом, Монбар внимательно рассматривал его. Строгие черты флибустьера принимали выражение благосклонности, а когда Марсьяль замолчал, он прошептал, смотря на капитана:

— Хорошо сказано. Как ты думаешь, кавалер, мальчик кажется славный?

Кавалер оставался с минуту неподвижно, потупив глаза в землю, в сильном волнении, которое несмотря на все его самообладание он не мог преодолеть. Наконец он поднял голову, лихорадочная краска покрыла его лицо и, по-

клонившись молодому человеку, стоявшему перед ним, он сказал:

— Да, ей-Богу! Вы славный малый и, что еще лучше, у вас благородное сердце, я же хищный зверь, я заслужил грубый урок, который вы дали мне, простите же меня, потому что я сознаюсь в моей вине.

— Это уже слишком, — ответил Марсьяль.

— Нет, это напротив хорошо, — сказал Монбар.

— Теперь последнее одолжение, — продолжал капитан.

— Я к вашим услугам.

— Согласитесь сделать мне честь скрестить шпагу со мной.

— Милостивый государь...

— О! Не отказывайте мне, пожалуйста! — перебил кавалер настойчиво, — во мне не сохранилось гнева к вам, но моя честь требует, чтобы вы дали мне это вознаграждение, хотя бы для того, — прибавил он с печальной улыбкой, — чтобы стряхнуть пыль, которую запачкано мое платье.

— Вы видите, я безоружен.

— Это правда, — сказал Монбар, вынимая свою шпагу из ножен и подавая ее Марсьялю, — согласитесь драться этой шпагой, капитан прав, вы не можете отказать ему в удовлетворении, которого он требует.

— Я и не думаю об этом, я принимаю вашу шпагу, но где же будем драться?

— Здесь же, если вы хотите, — сказал капитан.

— Хорошо.

Оба противника сняли полукафтаны и встали в позицию.

Зала гостиницы представляла в эту минуту странное зрелище. Авантюристы отступили направо и налево, чтобы дать место сражающимся, они влезли на столы, сохраняя молчание, но тревожно высовывали голову над плечами друг друга, чтобы лучше следить за дуэлью.

Вежливо поклонившись, противники коснулись шпагами. С первых выступов присутствующие поняли, что эти люди были чрезвычайно искусны. Несмотря на быстроту нападений капитана, Марсьяль, неподвижный, как будто был пригвожден к месту, все держал шпагу наготове, его рука казалась железной. Со своей стороны, кавалер де-Граммон, искусный во всех телесных упражнениях и природная сила которого еще увеличивалась от стыда первого поражения, противопоставлял своему противнику непоколебимое сопротивление. Он возвратил все свое хладнокро-

вие и, как бы играя, управлял шпагою чрезвычайно изящно и искусно.

Прошли минуты три, в это время в зале, наполненном людьми, не слышалось другого шума, кроме ускоренного дыхания обоих противников и зловещего брянчания железа о железо. Может быть, один из всех зрителей, Монбар, угадывал превосходство гибкой и сжатой манеры Марсьяля над капитаном. Раз Марсьяль отразил нападение капитана таким верным и сильным ударом, что если б он не удержал свою шпагу, то капитан был бы проткнут насквозь.

Монбар, заинтересованный этой сценой и не понимая манеры молодого человека, следил с беспокойством, которое против его воли обнаруживалось на его лице, за всеми подробностями этой страшной дуэли, он спрашивал себя мысленно, как это закончится, как вдруг капитан сделал шаг назад и, опустив шпагу, сказал:

— Вы ранены?

— Это правда, — отвечал Марсьяль, подражая его движению.

Шпага кавалера слегка проткнула его плечо, на котором выступило несколько капель крови.

— Господа довольно! — сказал Монбар, становясь между ними.

— Я нисколько не желаю продолжать, — сказал капитан, — я признаю себя побежденным вдвойне. Этот господин захотел присвоить себе всю честь в этом деле, если б захотел, он десять раз убил бы меня.

— О! — сказал молодой человек.

— Ба! — заметил весело кавалер, — я не обманут вашей раной, я только школьник в сравнении с вами, вот моя рука, пожмите ее чистосердечно, это рука друга.

— Беру с радостью, — отвечал Марсьяль, — поверьте, ничто не могло бы мне доставить живейшего удовольствия.

— Ты был скорее счастлив, чем благограумен, мой добрый Граммон, — сказал смеясь Монбар, — этот господин благородный человек, ты не ошибся, он, конечно, убил бы тебя, если б захотел.

— Не будем говорить об этом, умоляю вас, — улыбаясь сказал молодой человек.

— Напротив, будем говорить, — возразил капитан с резкой откровенностью, — я грубиян, я заслужил этот урок, повторяю, но будьте спокойны, товарищи, я буду его помнить.

— Как жаль, что такой очаровательный молодой человек, как вы, не моряк!

— Извините, я моряк.

— В самом деле, вы моряк? — с радостью сказал кавалер.

— Разумеется, — сказал подходя Тихий Ветерок, слышавший весь этот разговор, — он мой второй лейтенант, я даже отчасти ему обязан спасением моего судна.

— Вот это прекрасно! — вскричал капитан, — если вы хотите, мы будем плавать вместе и сыграем славные штучки с этими злодеями испанцами.

— Э! Позвольте, — сказал Тихий Ветерок, — дайте же мне представить его Монбару. С этим намерением я просил его прийти сюда.

— Он сам представился, — смеясь отвечал флибустьер, — теперь, товарищ, он может обойтись без тебя, потому что я за него ручаюсь.

Марсьяль, польщенный такой деликатной похвалой, поклонился Монбару, покраснев от удовольствия и гордости.

IX

БЕРЕГОВЫЕ БРАТЯ

Вследствие ли тайных причин, или намерения, принятого заранее, Марсьяль в рассказанных нами происшествиях вел себя так твердо и решительно? Мы не можем сказать этого наверно. Может быть, молодой человек, по природе храбрый и надменный, почувствовал, как закипала его кровь при грубом оскорблении, полученном им так неожиданно, и невольно увлекся справедливым негодованием, может быть, также, выказав притворно гнев гораздо сильнее того, который он чувствовал действительно, он поспешно ухватился за случай, так благоприятно представившийся ему, чтобы тотчас явиться авантюристам таким тонким знатоком в этом деле, человеком решительным, которого ничто не может напугать и, сверх того, обстоятельства стоившие соображения с подобными товарищами, человеком одаренным необыкновенной мускульной силой.

Если, действительно, таково было его намерение, успех превзошел его надежды. Авантюристы, сначала сострадательно улыбавшиеся, когда он принял борьбу, предлагаемую ему одним из самых страшных их бойцов, совершенно изменили свое мнение с тех пор, как увидели его на деле. Они смотрели на него с симпатичным любопытством, отмеченным даже некоторым уважением. Никого из авантюристов не обманула его рана, это любезное снисхождение с его стороны тотчас привлекло к нему всеобщее расположение.

Не замечая внимания, которого он был предметом, молодой человек почтительно стоял перед Монбаром, готовый отвечать на его вопросы.

Знаменитый флибустьер был высокого роста. В то время, когда происходит этот рассказ, ему давно было уже за пятьдесят, на его мужественных чертах, которые в молодости были очень красивы, виднелись неизгладимые следы продолжительной борьбы, которую, без сомнения, он должен был вести в продолжении своей отважной жизни. Его лицо, бледное, как у трупа, имело выражение жестокой холодности и неумолимой решимости, которая внушала страх и уважение. Из его черных глаз вырывалось злое пламя, блеск которого невозможно было выдержать, его непринужденное и изящное обращение показывало дворянина хорошего происхождения. Костюм его, простой и без вышивки, замечательно опрятный, очень походил на костюм окружающих его матросов. На шее у него висел золотой свисток на цепочке того же металла. Только одно — это шпага со стальным эфесом — отличало его от товарищей.

Рассматривая несколько минут молодого человека с вниманием, которое не могло не внушить тому некоторого беспокойства, он сказал кротко:

— Надеюсь, что мы сделаем что-нибудь из вас.

— Я очень желаю служить под вашим начальством, — ответил Марсьяль.

— Тихий Ветерок уверил меня, что вы хороший моряк.

— Я пятнадцать лет в море.

— Гм! Пятнадцать лет! Который же вам год? Вы, мне кажется, очень молоды.

— Мне двадцать два года. Семи лет я вступил на корабль юнгой и с тех пор не оставлял моря.

— Вы верно все плавали около берегов?

— Извините, я ловил сельдей с фламандцами, китов с байонцами и с голландцами ходил в жаркие страны.

Авантюрист печально покачал головой.

— Итак, — продолжал он, устремив вопросительный взгляд на Марсьяля, — вы желаете ходить в море с нами?

— Я уже вам сказал, что это самое дорогое мое желание.

— Вы несчастны? — сказал ему Монбар с печальной улыбкой.

Молодой человек невольно вздрогнул при этом вопросе, которого он вовсе не ожидал, и почувствовал, как он бледнеет.

— Я? — пролепетал он в замешательстве.

— Да, вы любите, не правда ли? Вашу любовь не разделили, ваше сердце разбито, тогда вам пришло на мысль отправиться в море, и вы с поспешностью ухватились за случай, предоставившийся вам, уехать на «Каймане».

— Но...

— Да, это безумие чуть было не стоило вам дорого, бедное дитя, впрочем, успокойтесь, я не спрашиваю у вас вашей тайны. Вам двадцать лет, вы молоды, хороши собой, это общая история, ничего не может быть обыкновеннее, мы все платили этот долг, — прибавил он, отирая свой мокрый лоб, — вы хотите искать приключений?

— Да.

— Ну, хорошо, отныне вы наш. Дай Бог, чтобы вы никогда не раскаялись в пагубном намерении, которое принимаете сегодня!

— Я решился, — сказал Марсьяль твердым голосом.

— Когда так, все кончено, желаю вам успеха.

— О! — сказал кавалер де-Граммон, подходя, — вы еще вместе? Право, Монбар, ты совсем завладел нашим новым товарищем, никто не может с ним говорить.

— Говори сколько хочешь, — улыбаясь, ответил авантюрист. — Что ты хочешь ему сказать?

— А вот что, и я не прочь, чтобы ты слышал. Послушай, — обратился он к молодому человеку, — до сих пор я жил один как медведь, не соглашаясь никогда вступать в товарищество ни с кем, разве только с человеком так же высеченным из гранита, как и я, ты такой человек, какого я ждал, хочешь быть моим закадычным другом?

— Конечно! — радостно воскликнул молодой человек.

— Ну, по рукам! Мы теперь братья, — сказал он, протягивая ему руку.

Марсьяль не колеблясь протянул ему свою руку.

— Как тебя зовут, брат?

— Марсьяль.

— Хорошо, только это имя не авантюристское, я тебе дам другое.

— Как вам угодно.

— Братья должны говорить друг другу *ты*.

— Как тебе угодно, брат.

— Ну и прекрасно! Вот твое имя: ты теперь будешь называться Франкер. Или я очень ошибаюсь, или скоро это имя сделается знаменито между нами.

— Я сделаю все, что нужно для этого, будь спокоен, — весело ответил новый авантюрист.

Монбар слушал этот быстрый разговор молодых людей улыбаясь так, как он умел улыбаться, то есть слегка сжав губы. Марсьяль, или Франкер, потому что буквально мы будем давать ему оба имени как случится, буквально утопал в радости, такой полный успех превзошел все его надежды.

— Теперь, — сказал Монбар, — если вы хотите служить под моим начальством, ваше желание будет исполнено.

Он ударил кулаком по столу.

— Эй, кайманы! — закричал он, — подходите по порядку.

Матросы тотчас встали из-за стола. Монбар с минуту смотрел на эти смуглые лица с очевидным удовольствием, потом через минуту заговорил среди глубокого безмолвия присутствующих.

— Береговые братья, офицеры, квартирмейстеры и матросы, брат наш Малуэн, занимавший должность лейтенанта, был убит испанцами на abordage галиона «*Сантиссима Тринидад*». Пользуясь властью, данной мне договором, который все вы подписали со мною перед нашим отъездом из Пор-де-Пэ, я думаю заменить Малуэна человеком решительным и таким же настоящим матросом, как он, но, не желая возбуждать зависти между вами, братья, потому что все вы способны занять это место, я не хотел взять ни одного матроса из команды, я выбрал, — прибавил Монбар, положив руку на плечо молодого человека, лицо которого сияло радостью и гордостью, — я выбрал вот этого человека, вы уже знаете его, вы видели его на деле здесь, я его назначаю лейтенантом на бриг-шхуну «*Змея*», которым имею честь командовать. Признайте же Франкера в этом звании, повинуйтесь ему во всем, что касается службы, как обязывает к этому договор, добровольно подписанный вами.

За этой речью последовал говор удовольствия, который скоро превратился в единогласные рукоплескания. По-

том авантюристы подходили один за другим пожимать руку новому товарищу, обещая повиноваться ему. Исполнив эту обязанность, они снова встали позади Монбара.

— Братья, — сказал тогда Марсьяль, — я очень молод для того, чтобы начальствовать над такими людьми, как вы, но забудьте мои лета, не вспоминайте даже то, что я сделал на нашем добром «*Каймане*», подождите, чтобы судить обо мне, когда серьезно увидите меня на деле, и будьте убеждены, что с Божьей помощью я оправдаю выбор, который удостоил сделать Монбар.

— Я прибавлю только одно слово, брат, — вскричал Граммон, — Франкер мой закадычный друг, не забывают этого!

Авантюристы отвечали радостным ура.

В эту минуту четыре человека вошли в гостиницу.

— Ребята, — сказал Монбар, — уйдите, мне нужно остаться одному с теми из наших братьев, которые уже несколько раз были начальниками экспедиций.

Никогда приказание султана дельгийского не исполнялось с большей быстротой. Через пять минут в зале остались только Монбар, Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мишель Бискаец, Франкер, Дрэк, Польшэ, Филипп, Питриан и одиннадцатый, так старательно закутанный в складки широкого плаща, что невозможно было его узнать.

Кроме Марсьяля, это все были старые береговые братья, отборные флибустьеры, люди пренебрегавшие смертью во ста неравных битвах и совершавшие подвиги самой геройской смелости. Кавалер де-Граммон сосчитал глазами членов собрания и вдруг, обратившись к Питриану, неподвижно стоявшему возле двери, которую он запер, сказал грубым голосом:

— Что ты здесь делаешь, негодяй? Убирайся проворнее, а не то...

— Умерьте ваш пыл, кавалер, — холодно перебил Филипп, — Питриан здесь, потому что я приказал ему остаться, и он останется до тех пор, пока я не прикажу ему уйти.

Кавалер искоса посмотрел на молодого человека, Граммон и Филипп ненавидели друг друга. По какой причине? Никто не мог бы этого сказать, может быть, они сами этого не знали, они чувствовали друг к другу непреодолимую антипатию. Это происходило скорее от их нервов, чем от чего-нибудь другого. Положительно и известно всем было только то, что они питали друг к другу сильную ненависть, которая угрожала разразиться когда-нибудь,

словом, катастрофа становилась неизбежною между обоими молодыми людьми, как только они встречались лицом к лицу.

— Это что такое? — надменно спросил Филипп, — вы, кажется, здесь распоряжаетесь?

— Я всегда и везде распоряжался моими подчиненными, а часто и равными мне, — сухо ответил Граммон, — Монбар отдал формальное приказание, этот негодяй не имеет права оставаться здесь и я требую, чтобы он ушел.

— Его право оставаться здесь с нами столько же основательно, как и право вашего нового друга, который моложе его в флибустьерстве.

Ссора разгоралась. Монбар вмешался.

— Вы оба неправы, — сказал он, — твой друг, Граммон, и твой работник, Филипп, оба не могут присутствовать при разговоре, который будет происходить, они должны уйти.

— Я, со своей стороны, этому не сопротивляюсь, — почтительно отвечал Филипп, — и если б вместо своей обыкновенной невежливости и колкости капитан Граммон захотел подождать несколько минут, мой работник вышел бы, я сам приказал бы ему. Он остался только потому, что я хочу сказать два слова собравшимся братьям и эти два слова он должен слышать.

— Говори, брат, мы слушаем тебя.

— Я распространяться не стану.

— Посмотрим, — с иронией сказал кавалер.

— Наши законы требуют, чтобы тот, кто желает освободить работника, заявил перед Советом об этом освобождении и о причинах, побудивших его к этой мере, не правда ли?

— Правда, — отвечали флибустьеры в один голос.

— Питриан, мой работник, спас мне жизнь в прошлую ночь с опасностью для своей жизни, многие из наших братьев могут это засвидетельствовать.

— Во-первых, я, — сказал Тихий Ветерок.

— И я, — прибавил Пьер Легран.

— Я освобождаю Питриана с этой минуты, признаю его свободным и равным нам, обними меня, брат Питриан.

— От всего сердца, я благодарю тебя, брат! — вскричал Питриан, бросаясь на шею к Филиппу, — только я не считаю себя расквитавшимся с тобой, Филипп, если я уже не работник твой, я хочу остаться твоим другом.

— И я так понимаю, брат.

Другие флибустьеры горячо пожали руку Питриану и

поздравили его, освобождение случалось очень редко между флибустьерами.

— Теперь уйди, Питриан, — продолжал Филипп, — тебе сказали, что твое место не здесь, и уведи с собой друга кавалера, который также не может остаться здесь.

Граммон закусил себе губы от ярости, но не мог ничего ответить. Вдруг он протянул руку к человеку в плаще и, указав на него другим флибустьерам, сказал с иронией:

— А это также друг капитана Филиппа, и в этом качестве, верно, считает себя вправе присутствовать с закрытым лицом в нашем Собрании?

— Я действительно один из лучших и старейших друзей капитана Филиппа, — холодно ответил человек в плаще, — и скоро вы получите этому доказательство, кавалер.

— Дайте же это доказательство! — запальчиво вскричал кавалер.

Незнакомец следил глазами за Марсьялем и Питрианом, которые выходили из залы, когда дверь заперлась за ними, он вышел на середину круга.

— Вот это доказательство, — сказал он, распахивая плащ и снимая шляпу.

— Господин д'Ожерон! — вскричали флибустьеры с радостным удивлением.

— Я сам, господа, довольны вы теперь, капитан Граммон?

— О, извините! — отвечал кавалер, почтительно кланяясь старику, которого все флибустьеры глубоко уважали.

— Оставим это, — улыбаясь, ответил д'Ожерон, — мы должны заняться слишком важными интересами для того, чтобы возбуждать глупую ссору, по-моему, лучше чистосердечно пожать друг другу руку и все кончить между вами.

Оба молодые человека сделали шаг назад при этом предложении.

— Вы не хотите? — продолжал д'Ожерон, — хорошо, не будем об этом говорить и приступим к делу. Принимаете вы предложение, которое я поручил Пьеру Леграну, нашему брату, сделать вам?

— Пьер Легран, без сомнения, по вашему приказанию, — отвечал Монбар от имени всего общества, — упомянул нам очень неопределенно об этом деле, которое следует предпринять для наших общих выгод, но не от вашего имени.

— Что же вы отвечали ему?

— Мы ему отвечали, что это предприятие очень важное, что испанцы остерегаются, крепко укрепились и,

находясь под начальством храброго офицера, станут защищаться как львы, что мы подвергаемся большой опасности не только не иметь успеха, но и совершенно бесполезно подвергнуть смерти многих наших.

— Очень хорошо, господа, теперь выслушайте меня, пожалуйста. Я не стану вам напоминать, что я выхлопотал вам от Португалии каперные свидетельства, даже когда это государство было в мире с Испанией, не стану упоминать о других условиях, которые я имел счастье вам оказать, я убежден, что вы сохранили о них доброе воспоминание.

— Мы не неблагодарны, мы знаем, чем вам обязаны.

— Следовательно, я скажу вам только, что приехал из Франции, я видел кардинала Мазарини...

Трепет любопытства взволновал Собрание. Д'Ожерон продолжал:

— Его преосвященство удостоил исполнить мои просьбы. Кардинал понял, что люди с вашими достоинствами, господа, не должны быть изгнаны из общества, вы уже не парии, не пираты, не корсары, вы верноподданные его христианнейшего величества, ваше законное существование признается королем. Следовательно, хотя вы остаетесь свободными, как прежде, его величество король Людовик XIV, в своей неисчерпаемой благосклонности к вам, дает вам свое полное и совершенное покровительство с правом носить его флаг на ваших судах, сверх того, его величество удостоил назначить меня губернатором всех своих владений в Атлантическом океане. Принимаете вы эти условия, господа, признаете вы во мне это звание, расположены ли вы повиноваться мне?

— Да здравствует король! — с энтузиазмом вскричали флибустьеры, — да здравствует наш губернатор!

— Благодарю, господа, благодарю!

— Милости короля радуют нас, — отвечал Монбар холодно и с достоинством. — Выбор вас в губернаторы служит нам доказательством доброжелательных намерений его величества. Только это решено, что наша внутренняя организация останется все такою же, и никто, даже король, даже вы, не будете иметь право вмешиваться?

— Клянусь вам честью! — ответил д'Ожерон.

— Хорошо, мы принимаем ваше слово, мы знаем, что на него положиться можно, теперь приказывайте, мы готовы повиноваться вам.

— Я хочу взять Черепаху.

— Мы возьмем ее, — просто ответил Монбар. — Завтра мы условимся на счет последних мер.

— Не здесь, если вы согласны. Пор-де-Пэ наполнен шпионами, мы соберемся на острове Собачья Голова завтра на закате солнца.

— Сколько человек вам нужно?

— Немного, только хороших.

— Они все хороши.

— Это правда. Ну так вы, Монбар, Тихий Ветерок, Граммон выберите каждый по пятидесяти решительных человек из вашей команды, Пьер Легран найдет столько же, двухсот человек будет достаточно.

— Итак до завтра, с оружием на закате солнца на острове Собачья Голова.

— Будем, — отвечали флибустьеры.

Разошлись. Д'Ожерон остался один.

— С этими людьми можно кое-что сделать, — прошептал он, — они инстинктивно понимают великое и прекрасное. Удастся ли мне укротить их и сделать полезными великой человеческой семье, вне которой они упорно продолжают жить?

Старик несколько раз покачал головой с задумчивым видом, закутался в свой плащ, чтобы его не узнали, и в свою очередь, вышел из гостиницы.

Х

ОСТРОВOK «СОБАЧЬЯ ГОЛОВА»

Островок, на котором флибустьеры назначили свидание, бесплодная скала, или, лучше сказать, песчаный риф, на котором не растет никакой травы и который находится на расстоянии двухсот сажень от Пор-де-Пэ, на берегу Сан-Доминго, от которого он отделен каналом, судоходным только при приливе. Островок этот, имеющий особенную форму, довольно похожую на собачью голову, что дало ему название, которое он носит, служил убежищем бесчисленному множеству морских черепах, которые в известное время года кладут свои яйца в песок.

Довольно трудно подойти к этому берегу, который не

представляет никакого убежища для судов, однако, несмотря на это, а может быть, именно поэтому, флибустьеры выбирали его местом сближения, когда им приходилось обсуждать серьезные дела или экспедиции, касавшиеся общества береговых братьев. Впрочем, место было очень хорошо выбрано, если хотели избежать шпионов, потому что к островку невозможно было приблизиться с какой бы то ни было стороны, не будучи немедленно примеченным теми, которые находились на острове. Сверх того, море было видно до крайней границы горизонта, а если флибустьеры сами не хотели быть видимы, то это сделать было легко, укрывшись в грот, довольно обширный, находившийся в центре островка, среди груды скал, вероятно, вышедших из глубины моря вследствие одного из тех ужасных переворотов, которые так часто случаются в тех странах и изменяют совершенно в несколько минут наружный вид земли.

На другой день после того, когда случай так кстати соединил главных начальников флибустьерства в гостинице, несколько пирог, по большей части с одним человеком, выехали на закате солнца с различных пунктов берега Сан-Доминго и направились к островку Собачья Голова, куда пристали почти в одно время.

Вытащив пироги на песок, чтобы море не унесло их, потому что их невозможно было прикрепить, те, которые сидели в них, направились поодиночке к гроту, находившемуся посреди островка, о котором мы уже говорили выше. Грот был довольно темен, но так как те, которые пришли первые, позаботились зажечь факелы, воткнув их прямо в песок, приехавшие после, нашли свет достаточным, чтобы узнать своих товарищей и удостовериться, что никакой подозрительный человек не прокрался между ними.

Собрание было немногочисленное, оно состояло всего-навсего только из одиннадцати человек. Это были д'Ожерон, Монбар, Филипп, кавалер де-Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Дрэк, Польшэ, Мишель, Марсьяль и Питриан. Двое последние присутствовали в заседании по особенному позволению, первый потому, что он был закадычный друг кавалера де-Граммона, который потребовал этого исключения, а второй потому, что Филипп д'Ожерон исходатайствовал ему это позволение под своей личной ответственностью, но в действительности для того, чтобы рассердить Граммона, которого он искренне ненавидел и которому не прочь был досадить.

Когда все флибустьеры собрались в грот, они покло-

нились друг другу и сели как могли на обломки скал, закурили трубки, и совещание началось под неоспоримым председательством д'Ожерона, которому его лета и влияние, которым он по справедливости пользовался между береговыми братьями, доставили ему честь. Д'Ожерон повторил, но с большими подробностями то, что говорил накануне. Он рассказал свое путешествие во Францию, свое свидание с кардиналом Мазарини, распространился о выгодах, которые доставит товариществу береговых братьев всемогущее покровительство Людовика XIV, и настаивал, чтобы его слушатели оценили как следует благосклонность, которою их удостаивал король, потом дошел до главной цели конференции, то есть необходимости захватить как можно скорее Черепашу и не позволять долее испанскому флагу развеиваться на их глазах, как бы поддразнивая их и насмехаясь над независимостью, приобретением которой они себя льстили.

Речь д'Ожерона, искусно приготовленная, произвела большое впечатление на его слушателей, самым живым чувствам которых он льстил. Люди эти, изгнанные из общества, считавшиеся париями, чувствовали внутреннюю гордость при мысли, что король Людовик XIV искал союза с ними и договаривался с ними, так сказать, как равный с равными. Это предложение короля возвысило их уважение к самим себе. Многие из них, брошенные обстоятельствами, не зависевшими от их воли, в эту жизнь приключений и случайностей, тайно желали оставить ее, чтобы занять место в обществе, изгнавшем их. Слова д'Ожерона нашли тем более отголоски в их сердце, что они увидели надежду возвратить в недалеком будущем все блага, которые они считали навсегда потерянными и о которых вздыхали тем более, что не думали обладать ими когда-нибудь. Справедливо, что человек, как бы силен он ни был, никогда не может безнаказанно отделиться от общества, затоптать ногами законы, управляющие им, и жить один и вне его — всему этому сопротивляется великая взаимная человеческая ответственность.

Монбар внимательно выслушал д'Ожерона, несколько раз во время его речи он неприметно нахмурил брови, потому что он один, может быть, угадал тайные мысли старика и цель к которой он стремился.

— Милостивый государь, — ответил он от имени своих товарищей, — мы, как и следует, признательны его величеству королю Людовику XIV за благосклонность, которой мы вовсе не добивались.

— Это правда, — ответил д'Ожерон, почувствовав-

ший удар и хотевший отразить его, — но его величество принимает участие во всех своих подданных, каковы бы они ни были, где бы они ни находились, и доволен, когда представится случай, давать им знаки удовольствия.

— Извините, — отвечал знаменитый начальник флибустьеров с горькой улыбкой, — вы, кажется, употребили не то выражение.

— Что вы хотите сказать?

— Вы, кажется, назвали нас подданными?

— Действительно, но кажется, в этом выражении нет ничего оскорбительного для вас.

— Я только нахожу его несправедливым.

— Как! Разве вы не француз? — вскричал д'Ожерон с изумлением.

— Кто знает, какая у нас национальность, — отвечал Монбар с печальной иронией, — так как наша родина отказалась от нас. Осмотритесь вокруг, нас десять: вот Дрэк англичанин, Мишель бискаец, Марсьяль вероятно испанец, и так другие; нет мы не французы и, следовательно, не подданные короля Людовика, мы хищные птицы, которых судьба выкинула на подводные скалы, береговые братья, флибустьеры — словом, аттические цари, мы не признаем других законов, кроме тех, какие учредили мы сами, других властелинов, кроме нашей воли, не говорите же нам о благосклонности, ни о королевском покровительстве, пожалуйста, и обращайтесь с нами как мы заслуживаем, то есть как с людьми свободными, которые приобрели себе независимость и сумеют ее сохранить во что бы то ни стало.

— Да здравствует Монбар! — закричали флибустьеры, воспламененные этими словами.

— Но если вы свободны, как уверяете, — продолжал д'Ожерон, — для чего же вы признали владычество Франции?

— Извините, вы опять смешиваете.

— Как смешиваю?

— И ничего не может быть легче доказать. Не мы прибегли к французскому правительству, в котором никогда не нуждались, а напротив, король французский прислал к нам своих агентов и просил нашей помощи против Испании, могущество которой в Новом Свете, по справедливости, пугает его.

— Монбар! Монбар! — прошептал, вздыхая д'Ожерон, — должно быть вы очень ненавидите Францию, эту благородную землю, что говорите таким образом!

Глаза флибустьера метнули яркую молнию, но он сдержался.

— Милостивый государь — отвечал он голосом спокойным и поклонившись старику, — мы все любим вас и уважаем, как вы заслуживаете; далека от меня мысль оскорбить вас или только огорчить, вы наш губернатор, мы признаем вас в этом звании и будем всегда рады повиноваться вам, но не забудьте, что это соединено с непременным условием уважать наши законы и обычаи и никогда не вмешиваться в частные дела флибустьеров. Прекратим же, заклиная вас, этот разговор, который только может нас раздражать без всяких выгод для вас и для нас, оставим короля Людовика XIV, великого и могущественного монарха, с которым мы не хотим иметь ничего общего ни в настоящем, ни в будущем, и вернемся к причине, соединившей нас здесь, то есть к способам, которые мы должны употребить, чтобы захватить Черепашу как можно скорее.

— Это так, — сказал Дрэк, — что нам за дело до королей? Да здравствует флибустьерство!

— Да здравствует флибустьерство! — повторили береговые братья.

Д'Ожерон понял, что он не должен более настаивать. Монбар своими словами разрушил все впечатление, произведенное его речью, он печально вздохнул и решился ждать лучшего случая, чтобы вернуться к предмету, составлявшему цель его жизни.

— Я жду, господа, — сказал он, — чтобы вы мне сказали, нашли ли вы людей нужных нам для этой экспедиции.

— Это было нетрудно, — ответил Пьер Легран, — у нас больше людей, чем нам нужно.

— Но этого недостаточно, — заметил кавалер де-Граммон.

— Тем более, — прибавил Монбар, — что с тех пор, как испанцы овладели островом, так как они поняли важность этой позиции, они значительно увеличили укрепления и поставили на остров значительный гарнизон.

— Не считая того, — перебил Дрэк, — что этим гарнизоном начальствует храбрый офицер дон-Фернандо д'Авила, я его знаю, это искусный воин, он скорее даст себя убить, чем сдастся.

— Ну, его убьют, — грубо ответил Мишель.

— В этом нет никакого сомнения, — сказал Дрэк, — но он даст нам много дела перед этим.

— Как получить точные сведения об укреплении на острове? — спросил д'Ожерон. — Это, мне кажется, очень трудно.

— Есть способ, — сказал тогда Филипп.

— Какой?

— Пробраться на остров, — смеясь ответил молодой человек.

— Уж не вы ли собираетесь пробираться туда? — колко сказал Граммон.

— Почему же и нет? — перебил Филипп.

— Черт возьми, — вскричал Граммон, — клянусь, если вы решитесь на эту глупость, я пойду с вами только для того, чтобы быть свидетелем, как вы выпутаетесь.

— Тише, господа! — вмешался д'Ожерон, — пожалуйста, будем говорить серьезно.

— Уверяю вас, дядюшка, — ответил молодой человек, — что мое предложение серьезно и, если мне дадут позволение, я готов исполнить его.

— Филипп прав, — сказал Монбар, — мы должны употребить только тот способ, на какой указывает он, как он ни опасен. Мы не можем предпринять ничего, прежде чем не узнаем положительно слабые пункты того места, на которое мы хотим напасть.

— Но, — возразил д'Ожерон, — пробраться на остров, который так хорошо охраняют, значит подвергнуться верной смерти.

— Попытка смелая, я это знаю, что девяносто девять случайностей из ста против меня, несмотря на это, я настаиваю, милый дядюшка, чтобы это поручение мне было дано, я убежден, что успею.

— Уж нет ли у вас там сношений, любезный капитан? — сказал Граммон насмешливым голосом.

— Может быть, — отвечал он с иронией, — притом, — прибавил он, обращаясь к флибустьерам, — что за нужда до средств, какие я употребляю, только бы успел, и повторяю, если мне позволят, я ручаюсь за успех.

— Что вы думаете об этом господа? — спросил д'Ожерон.

— Мы думаем, — отвечал Мишель, — что часто в подобных обстоятельствах благородные люди жертвовали собою для общей пользы. То, что хочет сделать ныне капитан Филипп, другие уже делали, следовательно, мы должны предоставить ему действовать как он хочет.

— Вы согласны с этим, господа?

— Да, — отвечали флибустьеры единогласно.

— Хорошо, племянник, Совет дает вам позволение пробраться на Черепаху. Мы будем ждать вашего возвращения и не станем ничего предпринимать, чтобы сообразоваться со сведениями, которые вы нам доставите.

— Благодарю, братья, — отвечал Филипп, — будьте спокойны, сведения будут верными.

— Сколько времени вам нужно?

— Мне достаточно двух дней, но с условием, что я отправлюсь сейчас.

— Вы возьмете кого-нибудь с собой?

— Меня, — сказал Питриан, — я еще так недавно был у него работником, что наш брат не откажет мне в позволении следовать за ним.

— Да, — сказал Филипп, — поезжай со мной, больше никого не нужно.

— Я думаю! — сказал Питриан, весело потирая руки.

— Совет вам дает два дня, которых вы требуете, племянник, прямо с Черепахи вы придете сюда, где мы соберемся слушать ваше донесение, притом, тотчас после вашего возвращения вы найдете нас готовыми действовать немедленно, вы можете ехать, когда хотите.

Филипп поклонился собранию и повернулся, чтобы уйти.

— Вы рады, не правда ли, что вам поручена рекогносцировка? — сказал Граммон, подходя к молодому человеку.

— Почему это? — спросил Филипп, вздрогнув.

— Ба! Вы это знаете хорошо, — сказал Граммон с улыбкой.

— Клянусь честью, я вас не понимаю.

— В самом деле? А я понимаю себя.

Он насмешливо захохотал, поклонился молодому человеку и оставил его.

— О! — прошептал Филипп с испугом, — неужели негодяй угадал? Ей-Богу! Пусть он остерегается идти наперекор моим планам, клянусь душою, я убью его как собаку!

Он выбежал из грота.

— Ну что? — спросил он Питриана, бежавшего к нему.

— Пирога готова, — отвечал тот, — едем мы?

— Сейчас поедem, нам нельзя терять ни минуты, — ответил он с волнением.

Они прыгнули в легкую лодку и уехали, сильно гребя веслами.

— До свидания и счастливого успеха! — закричал им

насмешливый голос Граммона, присутствовавшего при их отъезде.

— Этот негодяй замышляет какой-нибудь обман, — прошептал молодой человек, — я буду за ним наблюдать.

Скоро пирога исчезла в темноте, и Граммон воротился в грот медленными шагами, по-видимому, погруженный в серьезные размышления.

XI

САД

Прежде чем мы перенесемся на Черепаху, куда нас теперь ведут требования нашего рассказа, мы обязаны сказать, каков был этот остров и каким образом испанцы овладели им.

Остров Черепаха, который флибустьеры сделали так справедливо знаменитым в семнадцатом столетии, обязан этим названием своей форме, похожей на фигуру морской черепахи. Он имеет семьдесят километров в окружности; окруженный огромными скалами, вышедшими из моря и называемыми жителями железными берегами, он доступен только с юга посредством канала в семь километров шириной, который отделяет его от Сан-Доминго. Он имеет только одну гавань для больших судов и деревеньку, называемую Нижняя Земля. Почва его плодородна, все антильские плоды находятся там в изобилии и табак, который он производит, гораздо высшего сорта, чем табак на других островах. Сахарный тростник растет там хорошо и дичь обильно размножается.

История Черепахи коротка, но запятнана кровью на каждой странице. Занятый сначала испанцами, этот остров был отнят у них, как мы уже рассказывали. Береговые братья, избавившиеся от смерти на острове св.Христофора, решились сделать на этом острове свою главную квартиру и приняли меры, чтобы обеспечить себе обладание им. Но испанцы не дали им спокойно наслаждаться их завоеванием. Они отправили флотилию, которая напала на авантюристов врасплох и прогнала их после страшной рез-

ни; но они вернулись через несколько времени под командой Уиллиса, английского авантюриста, и снова захватили остров. Но французские авантюристы с неудовольствием повиновавшиеся англичанину, требовали помощи от де-Поанси, губернатора острова св.Христофора, который послал к ним офицера, по имени Левассер, во главе многочисленной экспедиции. Уиллис сдался без кровопролития, и французы опять овладели Черепахой. Левассер осмотрел остров подробно, изучая пункты, которые следовало укрепить. Он узнал, что остров неприступен со всех сторон, кроме южной, как мы сказали выше. Он построил крепость на пригорке, отдаленном на триста метров от рейда, над которым она должна была возвышаться. Но так как над этой крепостью возвышалась скала в двадцать метров вышиной с платформой в двадцать пять метров квадратных, губернатор выбрал эту платформу для того, чтобы выстроить там свой дом. К этому дому вели пятнадцать ступеней, высеченных в скале, и железная лестница, которую снимали. Эта платформа была вооружена четырьмя пушками, и к защите была еще прибавлена ограда, способная устоять против всякого приступа, потому что окрестности этой позиции, так удачно выбранные, были окружены пропастями, высоким лесом и непроходимым кустарником, которые делали ее неприступной. Тропинка, по которой могли пройти только три человека в ряд, одна вела к этому редуту, получившему название *Крепости на Скале*.

Только что эти укрепления были окончены, как испанцы явились в числе восьмисот человек, чтобы их уничтожить. Разгромленные крепостной артиллерией, они пытались высадиться двумя милями ниже, на месте, называемом Кайонна, но, потеряв двести человек, вынуждены были удалиться. Победа эта не только придала отвагу авантюристам, но до того вскружила голову их губернатору, что он, забыв, что он ничто иное как помощник де-Поанси, захотел сделаться независимым, так что его подчиненные, привыкшие к безграничной и необузданной свободе, измученные его тиранством, убили его.

В это время кавалер де-Фонтенэ, отправленный де-Поанси с острова св.Христофора приехал на Черепаху с пятьюстами человек, восстановил порядок и принял начальство над островом. Но кавалер де-Фонтенэ был прежде всего авантюрист. Первое употребление, которое он сделал из своей власти, было поощрение флибустьерских экспедиций, так что остров часто оставался без защитников. Ис-

панцы, узнав об этом от своих шпионов, решили овладеть во что бы то ни стало страшным логовищем пиратов, вооружили эскадру и неожиданно явились перед островом в эту минуту почти пустым. Де-Фонтенэ и несколько авантюристов, которыми он мог располагать, геройски защищались, но подавленные числом, имея недостаток в съестных припасах и боевых снарядах, они, наконец, были принуждены сдаться. Испанский генерал оставил гарнизон из шестидесяти человек на острове под командой дон-Фернандо д'Авила, офицера храброго и опытного, и вернулся в Сан-Доминго. Вот каких странных событий этот остров был театром в несколько лет, когда д'Ожерон по возвращении из Франции решил окончательно отнять его у Испании, чтобы сделать из него не главную квартиру флибустьеров, как прежде, а главу колонии, которую он намеревался основать в самом Сан-Доминго. Испанцы, приписывавшие большую цену обладанию островом Черепеха, остерегались. Следовательно, выгнать их из этого поста, который они сделали почти неприступным с тех пор, как овладели им, было предприятие очень трудное. Д'Ожерон, несмотря на сильное желание отважиться на это предприятие, боясь неудачи, не хотел ничего предпринимать прежде, чем надежный человек не осмотрит местность. Для этого выбрал своего племянника, зная, что может на него положиться.

В тот самый вечер, когда флибустьеры держали совет в гостинице, трое человек ужинали в довольно обширном и богато меблированном зале Крепости на скале. Это были донна Хуана, очаровательная молодая девушка, которую мы видели на острове Сан-Доминго, ее дуэнья Чигала и дон-Фернандо д'Авила, губернатор Черепехи.

Дон-Фернандо был человек лет пятидесяти, с характеристическими чертами, с энергичной физиономией, настоящий тип служак того времени, которые не признавали другого довода, кроме шпаги, другого права, кроме силы.

Занимаясь кушаньями, поставленными перед ним, он разговаривал с донной Хуаной, приехавшей только в это утро на остров. Молодая девушка казалась печальна и озабочена, она отвечала односложными словами на благосклонные вопросы губернатора, которые она чаще всего не слыхала и, следовательно, на которые отвечала невпопад.

— Что с вами, милое дитя? — наконец, спросил дон Фернандо, удивляясь, что он один поддерживает разговор. — Уж не больны ли вы? Это путешествие должно быть утомило вас чрезвычайно, может быть, вам нужно отдохнуть?

— Вовсе нет, — ответила она рассеянно.

— Не стесняйтесь. — продолжал он кротко, — вы здесь у себя и можете действовать как хотите.

— Вы очень добры.

— Итак, с вами не случилось ничего необыкновенного дорогой, кроме неожиданной встречи этих двух негодяев?

— Решительно ничего.

— Вы очень испугались?

— Нет, уверяю вас.

— К счастью, вы теперь в безопасности и вам опасаться нечего этих негодяев.

Молодая девушка слегка нахмурила брови, но воздержалась от ответа. Дон-Фернандо встал.

— Я вынужден оставить вас, — сказал он, — извините меня. В этот час я осматриваю мои посты и никогда не пропускаю этого.

— Не занимайтесь мною, пожалуйста, — ответила она, — вы видите Чигала заснула, и я пойду в свою комнату, потому что верно в этой крепости нет сада, где можно бы подышать вечерним воздухом.

— Извините, милое дитя, — возразил губернатор с веселой улыбкой, — у меня есть сад, очень маленький, правда, и вовсе не похожий на ваши великолепные сан-домингские сады, но каков он ни был, я отдаю его в ваше распоряжение на все время, и вам тем легче будет гулять, ибо он сообщается с вашей молельней.

— О, это очаровательно, — сказала она весело, — пожалуйста, сведите меня в этот сад.

— Ступайте же за мной, мы будем там через пять минут.

Молодая девушка поспешно встала и вышла из залы в сопровождении дон-Фернандо, не беспокоясь о Чигале, которая действительно заснула в кресле.

Пройдя двор, освещенный в эту минуту великолепным лунным сиянием, дон-Фернандо отворил дверь, запертую только защелкой, и донна Хуана вдруг очутилась в саду небольшом, но очень хорошо расположенном, и по этой причине казавшимся с первого взгляда гораздо обширнее, чем он был на самом деле. Там были цветы, и птицы, приютившиеся в листьях, вылетали с шумом при приближении гуляющих. Густая живая изгородь из кустов на самом краю пропасти служила оградой не только саду, но и зданиям крепости. Забор этот, как ни казался слаб, был более чем достаточен, потому что пропасть почти вертикальная в этом месте, имела более сорока метров глубины.

— Вот мой сад, милое дитя, — сказал тогда дон-Фер-

нандо. — Пользуйтесь им как хотите, не боясь, что вас потревожат, потому что кроме вас и вашей дуэньи никто не ступит сюда ногой без вашего позволения.

— Благодарю вас, право, я не знаю, как выразить вам признательность за эту новую любезность с вашей стороны.

— Ведь я вам почти отец, ведь я заботился о вашем детстве.

— Вы правы, и я вас люблю за вашу неисчерпаемую доброту.

— В свою очередь благодарю вас, но слава Богу, мы должны остаться здесь только несколько дней. Я жду моего преемника с минуты на минуту.

— Это правда. Вы мне сказали, что мы должны отправиться в Панаму, — произнесла она с легким трепетом в голосе.

— Я это думал, но по последним письмам, кажется, мое назначение изменено.

— И на какое же новое место назначают вас?

— Не знаю. Вероятно, мы отправимся на твердую землю, впрочем это должно мало интересовать вас.

— Действительно, однако признаюсь, я не прочь узнать это новое назначение.

— Не бойтесь, как только сам узнаю я поспешу сообщить вам.

— Благодарю.

В эту минуту капрал вошел в сад и почтительно приблизился к своему начальнику.

— Что вам нужно, Кабо Лонец? — спросил дон-Фернандо.

— Ваше превосходительство, — ответил он, — приехал курьер из Сантьяго.

— Так поздно, — с удивлением сказал губернатор.

Капрал молча поклонился.

— Хорошо, я иду за вами, ступайте.

Лонец повернулся как автомат и вышел в сад.

— Эта дверь, — продолжал дон-Фернандо, указывая молодой девушке на большое окно, — ведет в вашу молельную. Теперь я оставляю вас, гуляйте без опасения в этом саду вам нечего бояться. Если я не увижусь с вами сегодня вечером, позвольте мне пожелать вам приятно провести ночь, которую вы давно не проводили под моей кровлей.

Простившись таким образом, дон-Фернандо ушел, и донна Хуана осталась одна.

Давно уже молодая девушка желала насладиться минутой свободы, она чувствовала потребность привести в порядок

свои мысли и откровенно поговорить с собой. Ее отъезд из Сан-Хуа-де-Гоава так внезапен, путешествие так быстро, что эти немногие дни прошли для нее со скоростью сна, не оставив ей необходимого времени подумать о новом положении, в которое ее поставили события, и о неизбежных переменах, которые силою обстоятельств должны были произойти в ее жизни, до сих пор столь тихой и спокойной.

Для душ юных и верующих ночь имеет неизъяснимую прелесть, бледный свет звезд, серебристые отблески Луны, пробивающиеся сквозь ветви, ночной ветерок, проносящийся как вздох и таинственно шелестящий листьями, глухое жужжание насекомых, журчание ручейка, протекающего по тростнику, все способствует тому, чтобы наполнить сердце упоением, и располагает душу к нежным и меланхолическим мечтам.

Донна Хуана, обойдя несколько раз тенистые аллеи сада, склонив голову к земле, мало-помалу сама того не замечая, подчинилась влиянию лучезарной природы, окружавшей ее со всех сторон, и восхитительная гармония которых тихо раздавалась в ее ушах. Она села в боскет и довольно долго оставалась погружена в торжественное состояние, которое не сон и не бодрствование и для которого в нашем бедном языке нет определенного выражения.

Недалеко от того места, которое она выбрала для отдыха, возвышалась изгородь, служившая забором саду, возле этой изгороди, обрыв, уже старый и прикрытый сухой высокой травой, открывался, как пасть пропасти. Возле этого обрыва росло дерево, закрывая его своими могущественными ветвями. Машинально взоры молодой девушки обратились к этому месту, на которое иногда устремлялись с упорством, независевшим от ее воли, в котором она не старалась даже дать себе отчета.

Вдруг ей показалось, что какая-то тень медленно выпрыгнула из этой ямы и два глаза сверкнули в темноте, как два раскаленные угля. Донна Хуана внутренне задрожала при этом ужасном явлении и молча, боязливо прижалась в глубине боскета.

После двух или трех минут, показавшихся целым веком испуганной девушке, эта тень увеличивалась мало-помалу и приняла размеры человека, размеры, казавшиеся гигантскими при обманчивых отблесках луны. Насколько довольно отдаленное расстояние, на котором находилась донна Хуана, позволяло ей судить, человек этот был не испанец, костюм его скорее подходил к костюму буканьера. Кто бы это ни был, человек этот осмотрелся проницатель-

ным взором, который хотел как бы проникнуть сквозь темноту; потом, успокоенный без сомнения глубокой тишиной, окружавшей его, он стал на колена на краю обрыва и, обвив ствол дерева одной рукой, без сомнения для того, чтобы удержаться, наклонился над ямой, потом тотчас же приподнялся, поддерживая рукой другого человека, который на четвереньках слегка прыгнул в сад.

— Ты не видел никого? — сказал шепотом и по-французски второй первому.

— Никого.

— И не слышал ничего?

— Ничего.

— Стало быть, все хорошо. Теперь надо узнать, где мы.

— Этого я не знаю.

— И я также, подай сначала оружие. В случае тревоги и не прочь иметь чем защищаться. — Ничего не отвечая, товарищ его встал на колена на краю обрыва и в несколько мгновений вытащил два ружья, крепко привязанных к веревке.

— Вот, — сказал он.

— Хорошо. Теперь надо осмотреться, это будет не трудно, потому что светло как днем. Я направо, а ты налево, составим круг, центром которого будет этот обрыв; только чтобы глаза и уши были настороже. Надо сделать так, чтобы на нас не напали как на дураков.

Товарищ его сделал знак согласия, они повернулись друг к другу спиной и немедленно начали приводить в исполнение свой план. Когда они повернулись, лучи луны прямо осветили их лица, остававшиеся до сих пор в тени.

— Филипп! — вскрикнула молодая девушка, узнав того, кого она любила, в одном из двух человек, таким странным образом забравшихся в сад.

ХII

СВИДАНИЕ ВТРОЕМ

Это действительно были Филипп и Питриан, так неожиданно забравшиеся в сад губернатора Черепахи. При крике молодой девушки флибустьер вздрогнул.

— Кто-то говорил? — сказал он.

Бросив тревожный взгляд вокруг, он решительно подошел к боскету.

— Это я, Филипп, — сказала молодая девушка, подходя к нему.

— Где вы, Хуана? — вскричал он радостно. — О! Бог привел вас сюда.

— Разве вы не знали, что найдете меня здесь? — отвечала она.

— Я не смел надеяться.

Вдруг он замолчал. Обойдя сад, что было недолго, Питриан возвращался к боскету, Филипп бросился к нему навстречу.

— Друг, — сказал он, — по неслыханному счастью, я встретил особу, которую одну хотел видеть, отправляясь сюда; покарауль пока мы обменяемся несколькими словами и я узнаю сведения, необходимые для успеха наших планов.

Питриан улыбнулся.

— Хорошо, — отвечал он, — только не слишком долго разговаривайте, наше положение не весьма приятно, ни к чему нам позволять глупо зарезать нас в этом капкане.

— Будь спокоен, я прошу у тебя только десять минут.

— Даю вам четверть часа, — величественно ответил Питриан и встал за огромным стволом дерева.

Филипп наскоро возвратился к Хуане, которая с беспокойством ждала результата его разговора с товарищем.

— Все идет хорошо, — сказал он, — мы можем разговаривать безопасно. Нас стережет друг. Слава Богу, милая Хуана, в своем неисчерпаемом милосердии он нас соединил.

— Только на несколько минут, — прошептала она печально.

— Что за нужда до будущего, моя возлюбленная, воспользуемся настоящим, чтобы говорить о нашей любви. Когда вы приехали сюда?

— Сегодня утром.

— И долго думаете остаться?

— Не знаю. Дон-Фернандо непроницаем, однако, мне кажется, я угадала, что мое пребывание здесь будет непродолжительным.

— И знаете вы, в какое место вы должны ехать?

— Положительно нет. Мне говорили о Панаме и Моракайбо, правда, оба эти места мне неизвестны, и мне все

равно, куда меня повезут, только бы я имела надежду увидеть вас там.

— Я дал вам клятву, Хуана, и сдержу ее во что бы ни стало.

— Да, да, вы меня любите, Филипп, я полагаюсь на ваше слово, а между тем, я боюсь.

— Боитесь чего, друг мой?

— Всего, наши две нации — неумолимые неприятельницы — считают вас разбойниками, морскими цыганами, хищными зверьками, которых всякий человек имеет право истреблять.

— Какое нам до этого дело, моя возлюбленная? Разве вы не знаете, каким образом, когда к нам подступят слишком близко, мы оборачиваемся к охотнику и сражаемся с ним?

— Я это знаю, друг мой, и это еще более заставляет меня дрожать, притом, — прибавила она тише и нерешительно, — это еще не все.

— Гм! Еще что же, друг мой? Говорите без опасения.

Она молчала, печально опустив голову.

— Разве это гораздо серьезнее, чем я предполагал? — вскричал Филипп, схватив руку молодой девушки и нежно пожимая ее, — говорите ради Бога, Хуана, умоляю вас не оставляйте меня больше в этом смертельном беспокойстве.

— К чему? — ответила она кротко, — к чему говорить об этом вам, друг мой?

— Как мне? — вскричал он, — стало быть, дело идет лично обо мне? О, говорите, говорите, заклиная вас!

— Ах! Дело идет об обоих нас, — прошептала она, — потому что оно касается нашей любви.

— Разве нашей любви угрожает что-нибудь? — спросил он с изумлением.

— Не знаю, друг мой, я может быть сумасбродствую, вероятно я тревожусь понапрасну, но повторяю вам, я боюсь.

— Для чего же вы тогда так долго сохраняете молчание, убивающее меня?

— Вы правы, друг мой, лучше сказать вам все.

— О, говорите, говорите, я слушаю вас.

Вдруг новое лицо явилось между собеседниками.

— Я буду говорить, — холодно сказал этот человек.

Молодые люди с ужасом отступили.

— Как, я вас пугаю, — продолжал он с иронией, — однако, клянусь моей душой, этого не было в моих мыслях.

— Ей-Богу! — вскричал Филипп, уже оправившийся от

минутного волнения, — человек ты или демон, а я узнаю, кто ты.

— Я не скрываюсь, можете смотреть на меня, сколько вам угодно, — сказал он, становясь на свет.

— Кавалер де-Граммон! — с удивлением вскричал Филипп.

— Он самый, — ответил кавалер, кланяясь с насмешливой улыбкой.

— Что вы здесь делаете, милостивый государь? — запальчиво спросил Филипп.

— А вы сам, что? — спросил кавалер, — черт возьми! Странно вы исполняете поручение, данное вам Советом!

Донна Хуана, готовая лишиться чувств, уцепилась за изгородь боскета, чтобы не упасть.

— Не об этом поручении идет дело, милостивый государь — грубо ответил молодой человек.

— А о чем же, позвольте спросить? — все с насмешкой продолжал кавалер.

— Я хочу знать, по какому праву вы пробрались за мной сюда?

— А если мне не угодно вам отвечать? — надменно сказал кавалер.

— Я сумею вас принудить, — ответил Филипп, — выхватив из-за пояса пистолет.

— Стало быть, вы хотите меня убить, потому что я с вами драться не стану, по крайней мере, в эту минуту; разве вы забыли, что наши законы запрещают дуэль во время экспедиции?

Филипп с бешенством топнул ногой и заткнул пистолет за пояс.

— Но я хочу быть великодушен — продолжал Граммон, — я вам отвечу и отвечу откровенно, клянусь вам, притом вы будете судить сами. Когда вы ушли из Совета, чтобы приготовиться к исполнению вашего поручения, я просил позволения присоединиться к вам, заметив нашим братьям, что вас могут убить испанцы и, если случится это несчастье, то хорошо бы кому-нибудь вас заменить и докончить дело, вверенное вашей чести. Начальники одобрили меня и в этом заседании исполнили мою просьбу, вот почему я здесь, милостивый государь, но вы это не желаете знать, не так ли? Вы хотите узнать, по какой причине я просил этого поручения, ну, оставайтесь довольны, эту причину я вам скажу.

— Я жду, чтобы вы объяснились, — сказал Филипп со сдерживающимся гневом.

— Имейте некоторое терпение. Я имею одно великое качество или один великий недостаток, как вам угодно об этом судить, — редкую откровенность. Догадываясь о том, что будет происходить между вами и молодой девушкой, я поспешил сделаться третьим лицом в этом разговоре, чтобы избавить ее от затруднительного объяснения, которое, впрочем, кажется, было порядочно для нее неприятно.

— Пожалуйста, без околичностей и приступим к делу, если это возможно.

— Что вы ни говорили бы, — сказала тогда Хуана с лихорадочным воодушевлением, — ваши нападки и клеветы не могут меня задеть, говорите же!

— Я не стану ни нападать, ни клеветать, — ответил кавалер, почтительно кланяясь молодой девушке, — это оружие подлецов, и я не знаю как его употребить, я буду говорить правду и только о себе.

— Кончайте скорее, место, где мы находимся, не годится для продолжительных рассуждений, — сказал Филипп.

— Мы в безопасности, ведь вы поставили вашего бывшего работника Питриана на карауле, он не допустит напасть на нас врасплох, притом, мне остается вам только сказать несколько слов.

Молодой человек буквально кипел нетерпением, однако он воздержался. Он понимал, какие страшные последствия могла иметь огласка, не только для него — он мало заботился лично о себе — но и для донны Хуаны, которую любил и которая, волнуясь и дрожа, присутствовала при этом странном разговоре.

— Милостивый государь, — продолжал кавалер Граммон с той изящной вежливостью, которая отличала его и которую он так хорошо умел употреблять, когда вспоминал, от какого рода он происходил, — позвольте мне, прежде всего, согласиться с вами, что во всем случившемся с нами есть какой-то странный рок.

— Я вас не понимаю. Что можем мы иметь общего друг с другом?

— Я объясню. Вы любите эту девицу, все заставляет меня думать, судя по тому, что я слышал, что любовь эту разделяют.

— Да, — с живостью ответила донна Хуана, которой обладают в такой степени женщины в крайних положениях, — да, мы любим друг друга, мы обручены даже и, кля-

нусь вам, никогда моя рука не будет принадлежать никому, кроме дон-Филиппо.

— Милая Хуана — сказал молодой человек, горячо целуя руку.

— Вот именно в этом заключается тот рок, о котором я вам говорил сейчас, — холодно продолжал кавалер, не выказывая никакого удивления при этом признании, — я также люблю эту девицу.

— Вы? — вскричали они с испугом, смешанным с удивлением.

— Да! — ответил он, почтительно кланяясь молодой девушке.

Филипп сделал шаг к кавалеру, тот остановил его движением руки.

— Вы прекрасны, я мужчина, ваша красота прельстила меня, и я невольно увлекся страстью, которая, когда я вас увидел, охватила все существо мое. Имеете ли вы право сделать мне за это упрек? Нет, любовь и ненависть — два чувства, независимые от нашей воли, которые овладевают сердцем человека и самовластно господствуют в нем, о них рассуждать нельзя, мы принуждены им подчиняться. В первый день, как я вас увидел, я полюбил вас, ваш взгляд, упав на меня нечаянно, сделал меня вашим невольником. Вы видите, я откровенен. Напрасно пытался я добратся до вас и признаться вам в любви, которая сжигала мое сердце. Все мои попытки были бесполезны, вы убегали от меня инстинктивно; вы, без сомнения, угадали мои чувства, и так как вы меня не любили, то возненавидели меня.

— Милостивый государь! — запальчиво вскричал Филипп.

— Дайте ему объясниться, милый Филипп, — с благородством сказала молодая женщина; — лучше, чтобы мы знали раз и навсегда, как нам себя с ним держать.

— Если вы требуете, — прошептал он, стиснув зубы от гнева.

— Я вас прошу.

— Кончайте же, милостивый государь.

— Имею честь заметить вам, — ответил поклонившись кавалер, — что вы сами прервали меня.

Молодой человек топнул ногой и бросил страшный взгляд на кавалера, но промолчал.

— Итак, я угадывал, что у меня есть соперник, спокойно продолжал тот, — и что соперник этот любим. Открытие это, как ни неприятно было для меня, однако мало трону-

ло меня, по той простой причине, что с первой минуты, как я вас увидал, я поклялся самому себе, что вы будете моею.

— Что? — с бешенством вскричал молодой человек.

— Я имею привычку, — холодно продолжал кавалер, — всегда держать свои клятвы, это значит, что я употреблю все на свете, чтобы не изменить моему слову.

— Это такая дерзость, — вскричал Филипп вне себя от раздражения, — что...

— Извините! Позвольте мне кончить, — перебил кавалер бесстрастно и холодно, — мне остается прибавить только несколько слов. Мы оба дворяне, хорошего происхождения, это значит, что между нами будет война честная, борьба вежливая, это будет, — прибавил он с насмешливой улыбкой, — турнир, и более ничего.

— Но вы забываете одно, — сказала донна Хуана надменно, — обстоятельство довольно важное, как мне кажется.

— Что такое? — спросил он.

— То, что я вас не люблю и никогда не буду любить, — ответила она с презрением.

— О! — ответил кавалер с восхитительным чванством, — кто может ручаться за будущее? Едва можно рассчитывать на настоящее.

— Вы знаете, что я вас убью, — сказал Филипп, сжав кулаки и стиснув зубы.

— Я знаю, по крайней мере, что вы попытаетесь, ах, Боже мой! Вам следовало бы благодарить меня, вместо того, чтобы ненавидеть. Борьба, начинающаяся между нами, набросит необыкновенную прелесть на вашу жизнь, ничего не может быть скучнее любви, которой ничто не идет наперекор.

— Вы с ума сошли, кавалер, все что вы нам наговорили, несерьезно, — возразил Филипп, совершенно озадаченный странным признанием молодого человека, и не допускал, чтобы все это было действительно.

— Я с ума схожу по этой девице — да, это правда. Что касается до того, что я вам сказал, думайте, что хотите. Я вас предупредил, теперь вы должны остерегаться.

— Запомните хорошенько, — сказала донна Хуана, — если когда-нибудь судьба отдаст меня в ваши руки, я скорее убью себя, чем изменю клятве, которую дала своему жениху.

Кавалер, ничего не отвечая, поклонился донне Хуане и, повернувшись к Филиппу, сказал:

— Итак, это решено, что мы перережем друг другу горло при первом удобном случае?

— О, конечно!

— Стало быть, бесполезно возвращаться к этому предмету и, я думаю, что пора нам заняться несколько делами, которые привели нас сюда. Идете вы со мной разузнавать или предпочитаете остаться еще несколько минут и поговорить с этой девицей? Вы видите, что у меня характер добрый.

— Дон-Филипп и я, — перебила донна Хуана, — уверены друг в друге, и нам не нужно вести длинных разговоров, чтобы знать, что мы будем любить друг друга. Оставляю вас, господа, становится поздно и я возвращаюсь в свои комнаты.

Молодой человек с живостью приблизился к своей невесте.

— Не теряйте мужества, Хуана, — я отомщу за вас этому человеку.

— Нет, — ответила она со странной улыбкой, — предоставьте это мне, Филипп, женщины во мщении гораздо опытнее мужчин, наблюдайте за ним только.

— Но...

— Прошу вас. Теперь прощайте.

Она вышла из боскета. В ту же минуту появился Питриан.

— Проворнее, — сказал он, — губернатор.

Все трое бросились в кусты, где исчезли в минуту, когда дон-Фернандо входил в сад и приближался большими шагами к донне Хуане, которая спешила к нему навстречу.

ХІІІ

ДОН-ФЕРНАНДО Д'АВИЛА

Губернатор казался озабочен, лоб его был бледен, брови нахмурены, он шел поспешно, бросая вокруг тревожные взгляды, он держал в руке бумаги, которые комкал с нетерпением.

— А! Вы здесь, — вскричал он, как только приметил донну Хуану, которая, как мы сказали, шла к нему навстречу, — тем лучше, я рад, что нашел вас здесь. Я боялся, что вы воротились в ваши комнаты.

— Я возвращаюсь туда поздно, я слишком забылась в моей прогулке.

— Ночь светлая, небо сияет звездами, прошу вас согласиться остаться со мною несколько минут.

— Я к вашим услугам на все время, какое вы пожелаете.

— Извините меня, поздно, время может показаться не совсем прилично, это правда, но курьер приехал сию минуту, и я должен сообщить вам важные известия.

— Мне? — спросила она с удивлением.

— Да, если только вы согласитесь выслушать меня.

— Я уже отвечала, что я к вашим услугам.

— Благодарю вас за ваше снисхождение и немедленно воспользуюсь позволением, которое вы мне даете.

Мы сказали, что тихая и ясная ночь, освещенная серебристыми лучами луны, была великолепна, войдя в комнату за молодой девушкой, дон-Фернандо оставил полуоткрытым балконное окно, выходившее в сад: или для того, чтобы впускать свежие испарения ночного ветерка, или, несмотря на свое звание опекуна, он боялся испугать несколько свирепое целомудрие молодой девушки, которой, спешим прибавить, он выказывал искреннюю дружбу, соединенную с глубоким уважением.

Оба сели на кресла возле двери, между тем авантюристы, оставшиеся одни в боскете, имели между собой быстрое объяснение.

— Итак, мы теперь враги, — надменно сказал Филипп.

— Враги, может быть, — сухо ответил Граммон, — а соперники, наверно.

— Пусть так, но это соперничество не должно ни в каком случае мешать нам исполнить нашу обязанность к нашим товарищам.

— Я тоже так думаю.

— Очень рад, что сошелся с вами. Что же намерены вы делать?

— В эту минуту?

— Да.

— Мне кажется, что случай необыкновенно покровительствует нам и дает возможность узнать тайну наших врагов.

— Наша рекогносцировка еще не кончена, слишком продолжительное пребывание в этом месте может не только погубить нас, это бы еще ничего, но испортить план наших братьев.

— Вы правы, но, мне кажется, есть очень легкий способ все согласовать.

— Какой это способ, позвольте вас спросить? Я был бы рад воспользоваться вашими сведениями.

— Вот он: пока один из нас останется здесь и постарается уловить отрывки разговора губернатора с его питомицей, другой пойдет разузнавать, а Питриан останется возле обрыва, чтобы в случае надобности обеспечить наш уход.

— Гм! — сказал Филипп, — этот способ действительно хорош, но кто из нас останется в саду?

— Вы, если хотите, — ответил Граммон, — дело идет не о любви в эту минуту, а о политике.

— Это правда, итак...

— Я иду, — перебил Граммон и сделал движение, чтобы удалиться.

— Позвольте, — остановил его Филипп, — я согласен на ваше предложение, но только с одним условием.

— С каким?

— Я буду ждать вашего возвращения, чтобы помочь вам, если будет нужно.

— К чему? Ведь мы уже не друзья.

— Но все еще братья.

— Вы правы, я соглашаюсь.

Церемонно поклонившись своему сопернику, кавалер удалился, проскользнув как призрак сквозь кустарник.

Филипп, оставшись один, стоял с минуту неподвижен и задумчив, потом приподнял голову, бросил подозрительный взгляд вокруг и, смешавшись, насколько было возможно, с тенью, бросаемой древесными ветвями, осторожно подошел к балкону и спрятался в чащу мастиковых деревьев, стоявших в нескольких шагах от дома и где почти невозможно было приметить его. Место было прекрасно выбрано, так как собеседники не имели никакой причины умереть тон разговора, слова их внятно доходили до Филиппа, который приоткрылся слушать, прошептав внутренне:

— Может быть, я еще ее увижу и поговорю с ней.

Разговор авантюристов, меры принятые ими, потребовали довольно долгого времени, так что когда Филипп стал слушать разговор дон-Фернандо и донны Хуаны, он почти уже кончался. Молодая девушка говорила:

— И это известия верные?

— Официальные, — ответил губернатор, — нам привез их верный человек, притом мне их прислал губернатор Сан-Доминго.

— И вы приказываете мне вас оставить, когда такая великая опасность угрожает вам, может быть?

— Во-первых, милое дитя, — дружески сказал дон-Фернандо, — я не приказываю вам, я только сообщаю полученные мною приказания, а это другое дело. Вы знаете, что мы с вами должны повиноваться этой особе, потому что она поручила мне вас ребенком.

— Но кто же эта особа?

— Для чего мне беспрестанно делать один и тот же вопрос, милое дитя, когда вы знаете, что я не могу на него отвечать?

Молодая девушка печально опустила голову. Дон-Фернандо взял ее руку и нежно пожал.

— Не теряйте мужества, бедняжка! — сказал он с родительской нежностью, — надеюсь, что когда-нибудь, а может быть и скоро, тайна, так ужасно тяготящая ваше сердце, объяснится, не принадлежит ли вам будущее? Ведь вы еще почти ребенок.

— Вы добры. Этим нежным словам, которые вы мне говорите, я чувствую, вы не верите сами.

— Не унывайте таким образом, милая Жуана, — возразил дон-Фернандо, стараясь отвлечь молодую девушку от этих печальных мыслей, — ведь я вам друг.

— О! Вы мне друг, почти отец! — сказала она с волнением, — я люблю вас за все попечения, которыми вы окружали мое детство, вот почему я дрожу при мысли расстаться с вами таким образом.

— Опасность не так велика, как вы предполагаете, завтра я получу подкрепление за полутораста человек, которые в соединении с моим гарнизоном составят двести десять солдат решительных и опытных, сверх того остров хорошо укреплен и снабжен съестными припасами. Будьте же спокойны на наш счет, — прибавил он смеясь, — хотя эти негодяи — сущие демоны, они вернутся со стыдом.

Молодая девушка бросила украдкой взгляд на сад и подавила вздох.

— Итак, — продолжала она, — только что приехала сюда и опять еду, и еду одна.

— Не одна, ваша дуэнья поедет с вами.

— А вы?

— Я приеду к вам.

— Когда, друг мой?

— Скорее, чем вы думаете, может быть.

— Да услышит вас Бог!

Дон-Фернандо встал.

— Итак, это решено, — сказал он, — завтра на рассве-

те вы будете готовы; шхуна, на которой вы приехали сюда, еще стоит в гавани. Вы поедете на ней.

— Но простите мне этот последний вопрос. Вы мне не сказали, куда я должна ехать.

— Разве вы не знаете?

— Ничего не знаю, вы мне говорили несколько времени тому назад о выгодном месте, которое вам предлагали в Панаме, мы едем туда?

— Нет, мой покровитель, со своей неисчерпаемой добротой, выхлопотал мне место гораздо почетнее, а в особенности гораздо выгоднее того, которое он обещал мне прежде.

— Какое же?

— Губернатора Гибралтара в заливе Маракайбо.

— И вы получили назначение?

— Как вы любопытны, — сказал он улыбаясь.

— Отвечайте мне, пожалуйста.

— Это назначение пришло сегодня вечером, сию минуту.

— Стало быть, ничто не удерживает вас здесь?

— Извините меня, — отвечал он с замешательством, — я должен передать власть моему преемнику и ждать его приезда на остров.

— Ведь он приедет завтра.

— Кто вам сказал?

— Вы сами сейчас.

— Я вижу, что ничего невозможно от вас скрыть.

— Итак?.. — продолжала она улыбаясь.

— Я хотел вас удивить, но вы так умеете вырывать у меня мои секреты, что нет никакой возможности сопротивляться вам, я предпочитаю все сказать вам сейчас.

— Да, скажите, скажите!

— Шхуна, вместо двух пассажиров, увезет троих, я еду с вами.

— Слава Богу! — вскричала она с радостью.

— Теперь мне ничего уже не остается вам сообщить, извините, что я так долго не давал вам спать, уже двенадцатый час, я уйду, да хранят сон ваш Святая Дева и ангелы, милое дитя. Прощайте, закройте хорошенько это окно, до завтра.

Он вышел, молодая девушка проводила его до сада.

— Итак, — сказал она громко без сомнения для того, чтобы слышал Филипп, если неравно он был еще тут, — мы едем в Маракайбо?

— Да, в Маракайбо, а не в Панаму, но вернитесь, не

оставайтесь дольше в саду, вечера опасны для здоровья, вы это знаете.

— Я возвращаюсь, друг мой.

— Я не уйду, пока вы не запретите окно.

— Я сделаю это сию минуту.

— Кстати, если вы услышите ночью шум в саду, не тревожьтесь я имею обыкновение несколько раз обходить дозором. Воротитесь же и прощайте.

— Прощайте.

Молодая девушка заперла дверь тройным поворотом ключа. Дон-Фернандо закутался в плащ, вышел из сада и небрежно затворил за собою калитку, считая бесполезным принимать предосторожности, так как он скоро должен был идти дозором. Притом, он с этой стороны нападения не ожидал.

Прошло полчаса. Филипп ждал с нетерпением, чтобы дверь донны Хуаны отворилась, но его ожидание было обмануто, ничто не пошевелилось, дверь оставалась заперта и огонь погас. Молодая девушка думала, что флибустьер давно ушел. Филипп безропотно вздохнул и ушел в боскет, где нашел Питриана на карауле, но начинавшего немного тревожиться таким продолжительным пребыванием среди неприятельской крепости. Действительно, неосторожности или какой-нибудь случайности было достаточно, чтобы выдать троих флибустьеров, и тогда они погибли бы.

Так как Филипп обещал кавалеру, он остался в боскете, не желая удалиться до его возвращения.

— Маракаибо! — шептал он, — Гибралтар! Не в первый раз имена эти раздаются в моих ушах. О, моя возлюбленная Хуана! Если бы даже моя жизнь зависела от этого, я скоро с тобою соединюсь.

Так как и все влюбленные во все времена, забыв положение довольно критическое, в котором он находился, молодой человек прислонился к дереву, скрестил руки, опустил голову на грудь и погрузился в одно из тех восхитительных мечтаний любви, перед которыми бледнеют все холодные действительности жизни. Кто знает, сколько бы времени продолжалось это восторженное состояние, если бы вдруг он не был отозван с неба на землю неприятным ощущением, которое было ничто иное, как рука, тяжело опустившаяся на его плечо, между тем как насмешливый голос говорил ему на ухо:

— Вы спите, товарищ?

Филипп вздрогнул при звуках этого хорошо знакомого голоса и, быстро приподняв голову, сказал:

— Нет, я мечтаю.

— Хорошо. Но как ни восхитительна эта мечта, прервите ее; надо ехать.

— Поедемте, я согласен.

— Вы не спрашиваете меня, что я сделал и откуда пришел?

— Что мне за нужда!

— Как, что вам за нужда? — вскричал кавалер с удивлением. — Уж не помешались ли вы?

— Нет, извините, — отвечал Филипп с замешательством. — Я не знаю что говорю; напротив, для меня это очень важно.

— Прекрасно, вот вы теперь совсем проснулись.

— О! Совершенно, клянусь вам, и доказательством служит то, что мне любопытно узнать, что вы открыли.

— Признаюсь, к стыду моему, что я ничего не открыл, кроме того, что остров сильно укреплен и гарнизон остерегается: везде стоят часовые.

— Черт побери! — сказал молодой человек, — вы мне сообщаете неприятное известие.

— Знаю, но что же делать?

— И вы не открыли ни одного слабого места?

— Ни одного.

— Черт возьми!

— А вы что узнали?

— Ничего. Мне невозможно было приблизиться настолько, чтобы услышать хоть одно слово их разговора.

— Стало быть, мы ничего путного не сделали?

— Да, и, кажется, мы сделаем хорошо, если уберемся поскорее.

— Я сам так думаю.

— Пойдемте же.

— Пойдемте.

Они подошли к обрыву, в который спустились один за другим. Питриан замыкал шествие. Спуск был тем труднее, что обрыв был почти отвесный и флибустьеры на каждом шагу рисковали сломать себе шею; была даже минута, когда они, так сказать, висели между небом и землей, не будучи в состоянии ни подняться, ни слететь. Однако, после поисков, продолжавшихся не менее двадцати минут, они успели найти тропинку, по которой прежде поднялись до платформы скалы. Спуск продолжался; им нужно было около часа, чтобы добраться до равнины. Отдохнув минуты три, они проскользнули в высокую траву и добрались, наконец, до берега моря, то есть к подножию скал, кото-

рые с этой стороны составляли неприступную стену около острова. Авантюристы начали подниматься на эти скалы. Скоро перед ними явилась трещина, по которой мог пройти только один человек. Тут Филипп остановился.

— Одно слово, кавалер, — сказал он.

— Говорите, — отвечал тот.

— Вы знаете, где пирога?

— Знаю.

— Узнаете вы то место, где мы находимся?

— Узнаю.

— Вы должны ехать.

— Один?

— Один.

— А вы?

— Я останусь с Питрианом. Вы отдадите отчет о нашей экспедиции Совету через сорок восемь часов, не прежде, вы меня понимаете, не правда ли? Наши братья отправятся, и вы приведете их сюда.

— Приведу.

— Вы пристанете, когда увидите на берегу два зажженных фитиля.

— Хорошо.

— Я, с помощью Питриана, проложу дорогу довольно широкую для того, чтобы могли пройти наши братья.

— Но если вас увидят и убьют?

— Как будет угодно Богу, — отвечал Филипп просто.

— Милостивый государь, — сказал кавалер, протягивая ему руку, — пусть будет так, как вы желаете; я сожалею о соперничестве, разделяющем нас. Но если я не могу вас любить, я восхищаюсь вами.

— Прощайте, до свидания через сорок восемь часов.

— Через сорок восемь часов, — отвечал кавалер и ушел.

— Таким образом, что ни случилось бы, — прошептал Филипп, — я уверен, что моя возлюбленная Хуана уедет и следовательно будет вне опасности.

Питриан, которым Филипп так распорядился, не спросив даже его согласия, нисколько не казался удивленным этим поступком своего бывшего господина.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он.

— Спать, — отвечал Филипп, — укладываясь как можно удобнее среди скал.

— Хорошо, все-таки сколько-нибудь поспать, — беззаботно сказал Питриан, ложась около него.

Через пять минут оба были погружены в глубокий сон.

САН-ДОМИНГО

Теперь нам надо, прежде чем мы пойдем дальше, объяснить читателю, какой образ правления приняли испанцы в Америке и какой системе следовали они в своих колониях после завоевания.

В силу дара папы, американские владения были собственностью короны; стало быть, страна принадлежала королю, и земли, занятые или испанцами, или туземцами, считались королевскими владениями. Король не признавал никакого права корпорации, никаких привилегий; он брал подать со всего, он управлял посредством вице-короля. Вице-король начальствовал над армией, решил все военные вопросы, председательствовал в Совете и назначал чиновников на вакантные места.

Высший трибунал, называемый аудиенция, служил перевесом власти этого важного чиновника; как апелляционный суд всех трибуналов, гражданских и духовных, он судил окончательно каждый раз, когда предмет спора не превышал десяти тысяч пиастров — пятидесяти тысяч франков на французские деньги. Суд этот имел права, равнявшиеся государственному Совету. Аудиенция сносила прямо с индийским Советом, этим великим регулятором всех дел, касавшихся испанских владений; члены аудиенции пользовались огромными привилегиями, но они должны были быть испанцы. И для того, чтобы никакие семейные узы не могли привязывать их к Америке, их сыновьям запрещено было там жениться и приобретать собственность.

Точно такое же запрещение касалось и вице-короля. После него был интендант финансов, имевший под начальством сборщика податей. Власть интендантов была так обширна, что они почти были независимы в своих провинциях. Словом, в управлении своими колониями Испания уравнивала все власти, так что ни одна не была неограниченна и не могла не избежать контроля. Даже духовная власть, столь сильная в католических странах, подчинялась правилам, пред которыми она должна была преклоняться.

Состав американской церкви несколько не походил на состав церкви в отчизне. Папа имел номинальную власть

над духовенством. Мексиканская церковь повиновалась только королю. Преимущества, данные Фердинанду и Изабелле Александром VI и Юлием II, были так же обширны, как и преимущества главы национальной церкви.

Испанский монарх на полуострове без малейших возражений повиновался самым преувеличенным требованиям римской церкви и папы, а представитель его в Америке имел неограниченную власть и располагал всеми местами. Мало того, никакая булла не принималась в Америке, не будучи рассмотрена и одобрена индийским Советом. Муниципальные Советы, состоявшие из реджидоров и алкадов, свободно назначались жителями каждого города, интересы которого они должны были защищать. Эти муниципалитеты представляли демократический элемент среди этой деспотической организации. Мунципалитет, или кабильдо, не забывал никогда обязанности, налагаемые на него его народным происхождением, и во время войны за независимость члены его храбро сделались органами народа и горячо поддерживали его права.

Вот какими формами управлялась не только Новая Испания, но и Перу, Чили, Буэнос-Айрес и вообще все владения короны кастильской в Америке.

Слишком глубокая ненависть, слишком резкая антипатия разделяли побежденных от победителей, для того чтобы обе расы успели слиться в одну; они смешались тогда в третью расу, но остались все враждебными одна другой, и метисы, рожденные от этой смеси, сделались впоследствии самыми ожесточенными врагами испанцев и главными деятелями во всех мятежах.

В семнадцатом столетии Америка еще не совсем усмирилась и, несмотря на энергическое и неумолимое стеснение, внезапный мятеж в отдаленных провинциях обнаруживал время от времени испанскому правительству горячее желание свободы, которое, несмотря на все, что было сделано для погашения его, все тлело среди масс.

Мы кончим эту картину, может быть, слишком длинную, но мы считаем ее довольно любопытной, для испанских владений, сказав несколько слов о состоянии общественного образования в тех странах. Было приказано, из политической меры и как бы в обеспечение безопасности правительства, поддерживать массы в глубоком невежестве. Следовательно, американцы были совершенно чужды всему, что происходило вне их отечества; они верили искренно, что участь других народов равнялась их участи.

Они были убеждены, что их правительство самое просвещенное из всех управлявших миром и что Испания по своей политике и военной организации — царица народов и, следовательно, сама могущественна.

Говорить по-христиански значило говорить по-испански, по выражению американцев, и они подразумевали под именем еретиков, с которыми добрые католики не могли иметь сношений, без всяких исключений англичан, французов, немцев, жидов или мусульман. Бесполезно говорить, что инквизиция, верная хранительница невежества, не пропускала никаких книг, кроме дозволенных ею, и преследовала с крайнею строгостью несчастных, у которых находилось какое-нибудь сочинение, которое она заблагорассудила запретить. Правда, эти строгости поражали только мелкий люд и туземцев, высокие классы мало обращали внимания на инквизицию, которую открыто презирали.

Мы скажем в заключение, что испанские владения доставляли метрополии от пяти до шестисот миллионов пиастров всякий год, несмотря на грабежи вице-королей, интендантов и всех чиновников. Вот отчего происходило старание испанцев закрыть Америку для иностранцев и желание иностранцев пробраться туда.

Из всех испанских колоний остров Сан-Доминго был самый пренебрегаемый и, следовательно, всех хуже управляемый. До половины семнадцатого столетия этот огромный остров оставался весь под владычеством испанцев, еще не знавших ему цены по той простой причине, что их внимание было исключительно направлено на колонии на твердой земле, где драгоценные металлы так легко удовлетворяли их ненасытную алчность. Словом, это была колония ничтожная для Испании, потому что не только она ничего не приносила правительству, но еще стоила ему, напротив, каждый год значительных сумм, употребляемых на жалованье чиновникам, солдатам и прочее.

В то время, когда происходит наша история, народонаселение Сан-Доминго едва простиралось до четырнадцати тысяч жителей, испанцев, креолов и мулатов, не считая невольников, число которых, без сомнения, гораздо значительнее, не было определено. Справедливость требует прибавить тысячи полторы беглых негров, которые укрылись в горах с последними остатками каранбов. Эти первые обитатели острова выказывали независимость и часто спускались в равнины опустошать плантации и грабить их владельцев.

В столице Сан-Доминго, считалось около пятисот до-

мов; она была окружена стенами и защищаема тремя крепостями, довольно хорошо снабженными пушками для того времени. Сант-Яго был второй город. Там поселилось много негоциантов и ювелиров, но его стены разрушались и укрепления были очень плохи. Другие центры народонаселения, кроме, может быть, одного или двух городов, были плохими селениями, совершенно открытыми и населенными жалкими жителями.

Прибытие французов на остров осталось неприметным для горделивых кастильцев. Чего могли они опасаться от колонии, состоявшей не более как из двухсотпятидесяти оседлых жителей и помещенной в кантоне, отдаленном от испанских владений? Это надменное равнодушие дало флибустьерам необходимое время укрепиться в Порде-Пэ, а особенно на Черепaxe. Так что когда испанцы, постоянно тревожимые своими смелыми соседями, вышли, наконец, из летаргии и вздумали прогнать их из области, которой они так дерзко овладели, они увидели сделанную ими ошибку, потому что им пришлось употребить все их ресурсы для того, чтобы возвратить пункты, которые они допустили у себя взять, или еще они поняли, что никогда не останутся отныне мирными обладателями Черепахи и той части острова, на которую флибустьеры вступили.

Так и случилось. Флибустьеры, для которых обладание Черепахой было очень важно, каждый раз как были прогоняемы оттуда, храбро принимались за то же, и посредством хитростей снова завладевали этим островом, который через некоторое время опять отнимался у них. Вот почему, когда открывается наша история, мы видим их занимающимися устройством экспедиции, чтобы опять овладеть островом, но на этот раз совсем.

Теперь, когда мы дали читателю необходимые подробности, мы попросим его следовать за нами в Сан-Доминго, столицу острова, где будут происходить события, которые мы обязаны рассказать.

Маркиз дон-Санчо Пеннафлор присутствовал с удивлением, смешанным с ужасом, при коварном рассказе, сделанном так неожиданно герцогом дон-Гусману де-Тудела. Маккиавельский тон, которым старик, вдохновляемый неумолимой ненавистью, успел не только заинтересовать молодого человека своими планами, но даже заставить взяться почти с радостью исполнить мщение, поразил его. Но сдерживаемый уважением, а особенно страхом, который внушал ему старик, он не смел протестовать, что, впрочем,

не имело бы никакого результата; притом, на какие причины мог он сослаться, чтобы вывести из заблуждения своего несчастного родственника и не допустить его подвергнуться почти верной смерти? Сестра исчезла уже двадцать лет, без сомнения она умерла. Графа де-Бармона, или лучше сказать Монбара, старого врага его фамилии, касалось это дело, на него злился герцог, его преследовала его ненависть. Маркиз, в качестве испанца, не имел никаких благовидных причин защищать знаменитого флибустьера, которого, напротив, он должен был считать самым страшным противником кастильского могущества и желать ему смерти. Монбар был душою флибустьерства; если он умрет, береговых братьев нечего будет бояться.

Он искренно жалел о своем родственнике, дон-Гусмане де-Тудела, которого искренно любил, и с ужасом видел, что он взялся за поручение, которое должно было, если флибустьеры догадаются о нем, быть причиною его гибели и привести его к позорной смерти.

Не смея объяснитьсь яснее из боязни подвергнуться гневу отца, маркиз, насколько это было возможно, уговаривал молодого человека не делать неосторожностей и в особенности ничего не предпринимать, не посоветовавшись прежде с ним. Он предполагал, что, сделавшись губернатором Сан-Доминго и вдали от герцога, он успеет заставить молодого человека отказаться от его пагубных планов, и извлечь его из бездны, в которую его толкала неумолимая рука. Несмотря на его сдержанность, дон-Гусман казался поражен его словами и дал ему требуемое обещание. Маркиз, почти успокоившись, думал только о приготовлениях к отъезду в Сан-Доминго, куда спешил приехать, чтобы избавиться утомительной подчиненности, налагаемой на него отцом, и, если будет нужно, помочь своему кузену.

К несчастью, в то время не так легко путешествовали как теперь; средства к переезду были очень редки. Сверх того, так как флибустьеры походили на хищных птиц, засевших во всех проливах Антильских островов, готовых налететь на испанские суда, как только они являлись на горизонте, так что те отваживались выходить в море только когда считали себя довольно многочисленными, а в особенности достаточно сильными для того, чтобы отвергнуть нападение тех, кого они клеймили именем негодаев.

Прошло несколько дней, прежде чем довольно значительный поезд собрался в Веракрус, тем более, что вице-король хотел воспользоваться отъездом нового губернато-

ра Сан-Доминго, чтобы снабдить припасами эту колонию, которая уже, по милости дурной администрации испанского правительства, начинала стоять страшно дорого метрополии, вместо того чтобы приносить ей выгоды, которых она имела право ожидать от страны, так богато одаренной природой.

Наконец, пятнадцать больших кораблей собрались на остров Сокрификиос, и маркиз Пеннафлор уехал из Веракруса.

Переезд был благополучный, или оттого что флибустьеры на время оставили свои обычные засады, или, что вероятнее, они не считали себя довольно сильными, чтобы атаковать испанскую эскадру; ни один флибустьерский парус не показался в проливах, и новый губернатор доехал до Сан-Доминго не будучи потревожен. Приезд его был объявлен заранее, так что когда эскадра бросила якорь на рейд, все было готово, чтобы принять маркиза. Прием был великолепный; колокола трезвонили, народ, собравшийся большою толпой на дороге губернатора, приветствовал его радостными криками, пушки гремели безостановочно; переход с пристани в губернаторский дворец был для маркиза торжеством.

Однако, дон-Санчо был озабочен, глаза его беспрестанно устремлялись на толпу, как будто между этими людьми, собравшимися на пути его, он искал знакомое лицо. Маркиз невольно вспоминал то время, когда, будучи еще молод, свободен и беззаботен, он в первый раз приехал на этот остров, убегая от тиранского притеснения отца и чтобы навестить свою возлюбленную сестру. Где была теперь бедная Клара, которую он не видал почти пятнадцать лет, которая вдруг исчезла, так что было невозможно узнать, жива ли она или изнемогала от неизлечимой горести, терзавшей ее?

Эти мысли невольно овладели дон-Санчо и наполнили его горькой грустью, как вдруг он вскрикнул от удивления, почти от радости, и остановился, не думая о сопровождавшей его свите, порядок который могла расстроить эта внезапная остановка. Глаза маркиза нечаянно увидели человека, который, теснясь в последних рядах толпы, делал гигантские усилия, чтобы добраться до маркиза; человек этот устремлял сверкающий взгляд на губернатора и как будто обращал к нему безмолвную мольбу. Дон-Санчо сделал движение; от свиты отделился алгвазил, направился к указанному месту, растолкал толпу, без сопротивления расступавшуюся перед ним, и кончиком своей палки дотронувшись до плеча незнакомца, приказал ему следовать

за ним. Тот повиновался и остановился перед губернатором, которому почтительно поклонился.

— Вы хотели говорить со мной, друг мой, — сказал ему маркиз с благосклонностью, внимательно рассматривая его несколько минут.

— Я действительно желаю говорить с вашим сиятельством, — ответил незнакомец, поклонившись.

— Говорите, я слушаю вас.

— То, что я должен сказать вашему сиятельству, вам надо слышать одному.

— Хорошо, станьте за мною; пойдемте, господа, — обратился он к своей свите.

Опять двинулись, и через четверть часа дошли до дворца. Незнакомец шаг за шагом следовал за маркизом и вошел за ним в приемную залу. Никто не препятствовал ему. Началось представление властей острова новому губернатору; во все время, пока оно продолжалось, дон-Санчо, несмотря на все свои усилия, чтобы казаться спокойным, с трудом скрывал свое нетерпение. Наконец, эта церемония кончилась; не ожидая более, маркиз, к великому негодованию присутствующих, оскорбленных этим нарушением этикета, поспешными шагами подошел к незнакомцу, разменялся с ним шепотом несколькими словами, потом сделал ему знак следовать за ним, отвел его в другую комнату и сам запер дверь.

Отсутствие губернатора было продолжительно, наконец, он вышел, но один; незнакомец, вероятно, ушел с другой стороны. Удивление присутствующих дошло до крайней степени. Они не понимали того, что происходило, и с беспокойством перешептывались между собою. Но удивление это перешло в ошолбенение, когда маркиз, не обращая внимания на их присутствие, приказал сейчас же оседлать лошадь и вышел из залы, не думая остаться с ними.

XV

МЫЗА

Сан-Доминго по справедливости носит название царицы Антильских островов. Он действительно самый красивый из всей группы островов, рассыпанных рукою Господа

у входа в Мексиканский залив и цветущих на синих водах Атлантического океана.

Сан-Доминго находится к юго-востоку от Кубы и к востоку от Ямайки, он имеет шестьсот шестьдесят километров в длину и сто двадцать в ширину, тысяча четыреста в окружности, не считая губ, и тысяча шестьсот квадратных километров, стало быть, после Кубы это самый большой из всех Антильских островов.

Горы, покрывающие центр острова и разделяющиеся на три главных цепи, расходятся по всем направлениям и могут по большей части обрабатываться до вершины. Они покрыты роскошной растительностью; многочисленные реки спускаются с этих гор; к несчастью, они не судоходны, некоторые только могут носить легкие суда. Три прекрасных озера не менее девяноста километров в окружности составляют водяную систему этой страны, великолепно плодородной, где растут пальмы, бананы, мимозы всякого сорта, и вообще вся флора тропических областей.

Когда испанцы в первый раз высадились на этот остров, он был очень населен и разделен на пять племен, не зависящих одно от другого, или родительски управляемых начальниками, власть которых над их подданными была неограничена. Испанцы, побуждаемые ненасытной скупостью и гнусным фанатизмом, начали в этом краю, как во всех других колониях Нового Света, убийством и тиранством, и организовали рабство и казни, они действовали с таким варварством, что из всего туземного народонаселения в 1542 году оставалось только, как утверждает Лас-Казас, двести человек на всем пространстве острова. Поэтому испанское правительство принуждено было позволить привезти в Сан-Доминго четыре тысячи невольников из Гвинеи. Караибская раса совсем исчезла, однако начало испанской колонизации было самое удачное, Очарованные красотой климата и перестав помышлять о разработке рудников, разумные колонисты являлись толпами с целью обработать эту плодородную землю и создать истинное богатство вместо баснословного, о котором так давно мечтали. Устроили плантации, а изобильные жатвы какао, хлопчатой бумаги, имбиря, индиго, табака и сахара поощряли плантаторов. Скот давал также чрезвычайную прибыль, он до того размножился в этом счастливом климате, что, спустя едва сорок лет после ввоза первых коров, целые суда нагружали кожами. К несчастью, совершенное истреб-

ление туземцев безвозвратно прекратило это благосостояние. Тогда пришлось заменить их неграми; плантаторы не захотели покупать работников, и все начало приходить в упадок. Испанское правительство, не заботившееся помогать колонистам и совершенно поглощенное своими богатыми владениями в Мексике и Перу, пренебрегло колонией, бывшей, так сказать, не приметной точкой в ее обширных достояниях. Упадок сделался всеобщий, и в то время, когда происходит наша история, не только остров Сан-Доминго, прежде столь богатый, не приносил ничего метрополии, но напротив, она принуждена была посылать в колонию, которую нерадение сделало непроизводительной, ежегодные фонды на жалованье войскам и чиновникам, даже одежду и съестные припасы. Эта плодоносная земля, эта великолепная страна сделались для Испании тягостным владением, медленно уничтожавшимся под тяжестью нищеты.

К счастью для будущности Сан-Доминго, именно в эту критическую минуту новые колонисты поселились в северо-западной части острова, и своей неукротимой энергией, свирепым мужеством и железной волей должны были изменить положение и вернуть до некоторой степени этой стране, брошенной даже ее жителями, ее первое великолепие. Эти новые колонисты были флибустьеры, прогнанные с острова св.Христофора испанцами и вдруг явившиеся, как стая хищных птиц, в Сан-Доминго, который Провидение, пути которого не понятны для ограниченного ума людей, предназначило к преобразованию и возрождению.

Теперь, когда мы вкратце познакомили читателя с этим островом, где будут происходить многие важные сцены нашей истории, мы примемся за наш рассказ, давно прерванный.

В нескольких милях от Сан-Доминго, столицы острова, в глубине узкой долины, почти тогда неизвестной и углубленной, так сказать, среди высоких гор, окружавших ее со всех сторон, возвышался скромный домик, построенный из древесных стволов и покрытый пальмовыми листьями. Домик этот стоял на краю речки, называемой Хаина, род потока, почти высохавшего во время сильной жары и который через несколько миль впадает в море недалеко от Сан-Доминго. Хаина, так же, как и большая часть реки на острове, судоходна только для судов самых малых размеров, но ее извилистые берега, окаймленные высоким лесом,

зелеными лугами и чащами мастиковых деревьев, восхитительны. Домик гляделся в ее светлые воды, за домиком небольшой двор, закрытый густой живой изгородью, впускал вечером две, три лошади и столько же коров, которые паслись на свободе в нескольких шагах от домика. В домик вела галерея из древесных сводов, составлявших колоннаду, направо и налево этой галереи отворялись два окна с тонкими рединками от комаров и длинной шторой из зеленой материи, чтобы смягчать жгучие лучи солнца.

Внутренность домика отвечала наружности, то есть все там было просто, скромно, но все показывало хороший вкус и изящную опрятность. Пройдя галерею, входили в переднюю, разделявшую комнаты надвое, одна дверь направо, а другая налево заставляли угадывать это разделение, между тем как третья дверь напротив вела в столовую, без сомнения, общую, меблированную одним столом, четырьмя стульями и буфетом.

Было около десяти часов утра, женщина лет сорока, бледное лицо которой, утомленные черты, потухшие глаза сохраняли, однако, следы большой красоты, приготовляла с помощью негра лет двадцати, веселого, живого, проворного и ловкого, как обезьяна, на которую он необыкновенно походил, стол для завтрака. Дама эта, погруженная, по-видимому, в печальную задумчивость, иногда останавливалась, чтобы бросить взгляд в окно или прислушаться к неопределенному шуму, потом качала головой, вздыхала и опять принималась за свое дело, которое снова бросала через минуту.

Когда она, наконец, кончила накрывать на стол, негр оставил ее одну. Она упала, скорее чем села, на стул, стоявший у окна, и осталась неподвижна, пылко устремив глаза на въезд в долину, очень хорошо видимый с того места, где она находилась.

— Он не едет, — прошептала она несколько раз с унынием, — теперь уже слишком поздно, бесполезно ждать его.

Вдруг она вздрогнула, вскочила, тихо вскрикнула и бросилась к двери с лихорадочной поспешностью. Всадник скакал к домику. Перед галереей он соскочил на землю, бросил поводья лошади негру и очутился лицом к лицу с женщиной.

— Наконец! — вскричала она с радостью, — вы воротились, я вас уже престала ждать.

— Сеньора, — ответил приезжий, — я замечу вам, что я уехал из Сан-Доминго в четыре часа утра, а теперь только одиннадцать, и сделал около пятнадцати миль верхом

по ужасной дороге, рискуя двадцать раз сломать себе шею, что может было бы небольшим несчастьем, но не исполнило бы ваших намерений, стало быть, я думаю, что я времени не потерял.

Тот, кто говорил таким образом, был человек лет шестидесяти, сильный, стройный, с умными чертами, живые и блестящие глаза которого и черные волосы показывали, что он, несмотря на свои лета, еще не потерял ни силы, ни энергии.

— Извините меня, друг мой, — ответила кротко женщина, — я сама не знаю что говорю.

— Простить вам! — вскричал он с дружеской резкостью, — разве я не слуга вам, даже невольник, готовый повиноваться вам при малейшем слове, при малейшем движении?

Женщина улыбнулась.

— Вы друг мой и более ничего, Бирбомоно, мой единственный друг, — прибавила она со вздохом, — только ваша преданность никогда не изменяла мне.

— Прибавьте: и никогда не изменит, — ответил он с жаром, — и вы скажете истинную правду.

— Благодарю, друг мой, но пойдемте, пойдемте. Завтрак готов, вы должно быть проголодались, мы будем говорить за завтраком.

— К вашим услугам, сеньора, признаюсь, действительно я чувствую зверский аппетит.

— Не будем же терять времени, пойдемте.

Они вошли в столовую и заняли места друг против друга за столом. Негр сунул свое толстое черное лицо в полуоткрытую дверь.

— Подавайте, Аристид, — сказала ему госпожа.

Невольник исчез и воротился с двумя блюдами, составлявшими завтрак.

— Послушай, Аристид, — сказал ему Бирбомоно, — так как ты пока нам не нужен, сделай мне удовольствие, хорошенько вычисти Негра. Бедное животное скакало так, что взмокло, как будто вышло из реки, ты слышишь?

— Слышу, — отвечал негр, — я сейчас им займусь.

— Хорошо, мой милый, если ты понадобишься барыне, я тебя позову.

Негр вышел, заперев за собою дверь. Женщина только дотрагивалась до кушаньев, стоявших перед нею, но легко было видеть, что Бирбомоно, как признался, имел большой аппетит, потому что его тарелка опорожнялась со страшной быстротой, женщина наблюдала за ним украдкой, горя нетерпением и с трудом сдерживая слова, гото-

вые вырваться у нее. Наконец, когда первый голод ее собеседника несколько утолился, она не могла выдержать более и решилась начать разговор.

— Ну что? — спросила она с легким трепетом в голосе, — неужели на этот раз будет то же и вы опять ответите мне этим отчаянным словом: ничего?

Бирбомоно приподнял голову, выпил большой стакан ледяной воды, вытер бороду и усы и сказал:

— Кажется, сеньора, мое путешествие было не совсем бесполезно.

— О! — вскричала она, сложив руки с тоской, — неужели вы узнали?

— Извините, сеньора, — перебил он, — я не хочу вас обманывать и подавать вам надежду, которая не может осуществиться.

— Ах! — сказала она с унынием.

— Только я привез вам известие, которое для вас будет интересно в высочайшей степени.

— Какое другое известие, кроме того, которого вы мне не привезли, может интересовать меня теперь? — произнесла она, печально качая головой.

— Кто знает, сеньора? — сказал он, — я думаю, напротив, для вас очень важно узнать, что я делал во время моей поездки.

— Ах! — возразила она, — видя как скоро вы скачете, я почти надеялась.

— Поверьте, сеньора, что если б у меня не было важной причины, я не рисковал бы испортить бедного Негра.

— Это правда, друг мой, говорите же, я вас слушаю.

— Прежде узнайте, сеньора, что губернатор острова переименован, это уже не дон-Луис де-Кордова.

Женщина посмотрела на него с глубоким удивлением.

— Что мне за нужда до этого, друг мой? — сказала она.

— Гораздо более, чем вы предполагаете, сеньора, и вы сами согласитесь с этим, узнав имя его преемника.

— Я очень этого желаю, — друг мой, ответила она улыбаясь, — позвольте же узнать, как зовут этого нового губернатора?

— Вы прежде коротко его знали.

— Хорошо, но как его зовут?

— Вы даже имели к нему глубокую дружбу.

— Почему же вы не хотите мне сказать, кто это? — спросила она с нетерпением.

— Я боюсь...

— Чего?

— Впрочем, я кажется, номешался, одним словом, Санчо Пеннафлор.

— Ах, Боже мой! — вскричала она, сложив руки и опрокинувшись на спинку стула, как будто лишилась чувств.

Бирбомоно бросился подать ей помощь, но она поспешно приподнялась и, сияясь улыбнуться, сказала кротко:

— Вы были правы, друг мой, известие, привезенное вами, сильно меня интересует, теперь расскажите мне подробности, пожалуйста.

— Я это сейчас сделаю, сеньора.

XVI

ДВА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ ЧИТАТЕЛЯ

Как бы по взаимному согласию оба собеседника вдруг замолчали. Бирбомоно, уткнув нос в тарелку, машинально вертел в руках сигару, бросая украдкой проницательные взгляды на даму, сидевшую напротив него. Та, еще более обыкновенного, нахмутив брови и с неподвижным взором стучала вилкой по столу. Очевидно, оба были серьезно озабочены, ни тот, ни другая не сознавали, что делали в эту минуту. Женщина первая заговорила.

— Бирбомоно, — сказала она с некоторой нерешительностью в голосе, — вот три недели, как вы меня оставили, верно, не все это время вы провели в Сан-Доминго?

— Конечно, нет, сеньора, — ответил он, поклонившись, — притом я был принужден сделать большой объезд, потому что вы мне приказали проехать через Сан-Хуан-де-Гуаво.

— И вы, без сомнения, долго оставались в этом городе? — спросила она с живостью.

— Нет, сеньора, — ответил он с притворным равнодушием, — только два часа, сколько было нужно, чтобы собрать сведения, потом я уехал.

— И эти сведения?

— Вот они: вы, сеньора, дали мне письмо к донне Хуане д'Авила, это письмо я привез вам назад.

— Вы привезли назад! — вскричала она с внутренним трепетом, — не может быть, чтобы она отказалась принять его.

— Донны Хуаны д'Авила нет уже в Сан-Хуан-де-Гуава, сеньора, она уехала к своему опекуну на Черепажу, где он губернатором.

— О! — сказала она, с унынием опуская голову на грудь, — мой бедный Бирбомоно, вы, действительно, привезли мне дурные известия.

— Вы видите меня в отчаянии, сеньора, но не лучше ли сказать вам правду, чем говорить ложь, что вы можете узнать случайно не сегодня, завтра, и сделаетесь еще несчастнее.

— Да, вы правы, резкая откровенность, как она ни тягостна, все-таки предпочтительнее.

— Притом, сеньора, Черепажу не так далеко, чтобы нельзя туда съездить.

— Продолжайте, продолжайте!

— Из Сан-Хуан-де-Гуава, где ничто не удерживало меня более, потому что я ездил туда только для донны Хуаны, а донна Хуана уехала оттуда, я отправился в Сан-Доминго. Я удивился при въезде в город, что там праздник. Дома были украшены коврами, улицы усыпаны цветами и наполнены жителями в нарядной одежде, суда, стоявшие на якоре, были убраны флагами и беспрестанно стреляли из пушек. Чрезвычайно удивленный этими знаками общественной радости, я напрасно ломал себе голову, чтобы угадать, какой важный праздник мог возбудить такие демонстрации; натурально, я не отгадывал ничего. Был вторник, день очень обыкновенный, посвященный св. Поликарпу. Праздновать этого скромного святого не стали бы с таким блеском. Размышляя, я приехал к Большой площади. Там стояли гарнизонные войска и военная музыка играла симфонии. Не будучи более в состоянии сопротивляться любопытству, я расспросил одного гражданина с бесстрастной физиономией, который случайно находился возле меня.

«Вы должно быть приезжий, сеньор, — ответил он мне, — если делаете такой вопрос».

«Положим, что так, — сказал я, — сделайте же одолжение, скажите мне».

«С большим удовольствием, сеньор, мы празднуем приезд нового губернатора».

Так же, как и вас, сеньора, в первую минуту это изве-

стие очень мало интересовало меня, однако я притворился обрадованным, и так как пока мне нечего было делать, я продолжал разговор, спросив достойного гражданина, знает ли он имя нового губернатора. Он мне отвечал, что это маркиз дон-Санчо Пеннафлор. Мое удивление было так велико, услышав это имя, что я заставил своего собеседника повторить его несколько раз, чтобы убедиться, что он не ошибается. Я спросил его, приехал ли губернатор и за тем ли собралась тут толпа, чтобы приветствовать его на пути. Гражданин ответил с неисчерпаемой любезностью, что губернатор приехал уже целый час, что он в эту минуту принимает во дворце поздравления городских властей. Я узнал все, что хотел узнать, вежливо поклонился любезному гражданину и ушел, обдумывая в голове разные планы.

Рассказывая так подробно происшествия, по-видимому, маловажные, Бирбомоно очевидно имел цель, без сомнения состоявшую в том, чтобы возбудить нетерпение сеньоры, отвлечь ее внимание, переменить течение ее мыслей, и таким образом, приготовить ее выслушать без волнения важные известия.

Он вполне достиг этой цели: сеньора с лихорадочным волнением слушала его с очевидным раздражением, хотя силилась казаться спокойной, чтобы не рассердить человека, неограниченную преданность к себе которого она знала и прекрасный характер которого ценила. Мы забыли сказать, что, говоря таким образом, вероятно обеспокоенный солнечными лучами, врывающимися в открытое окно, Бирбомоно опустил штору, так что собеседники находились в относительной темноте и вид окрестности был совершенно закрыт.

— Какие же планы обдумывали вы в вашей голове? — спросила сеньора.

— Разве я сказал планы? — возразил он, — стало быть, я ошибся, у меня был только один план: пробраться во дворец и представиться губернатору.

— Да, да, — сказала она с живостью, — и вы его исполнили, не правда ли, друг мой?

— По крайней мере, постарался, сеньора. Но это было не легко, не то чтобы солдаты мешали мне войти, напротив, двери были открыты и все могли входить и выходить, но толпа была так тесна, число любопытных так велико, что буквально невозможно было подвигаться вперед.

Читатели видят, что дело происходило не совсем так, но без сомнения Бирбомоно имел причину слегка изменить истину.

Говоря, Бирбомоно прислушивался к шуму, сначала почти неприметному, но который увеличивался с минуты на минуту. Сеньора не слушала и не слышала ничего, кроме того что ей рассказывал Бирбомоно. Все ее внимание было сосредоточено на этом рассказе.

— Однако, — продолжал он, возвысив голос, — хитростью и терпением успел я пробраться во дворец и войти даже в ту залу, где находился губернатор. Тогда случилось странное обстоятельство. Как только его сиятельство, разговаривавший в эту минуту с алкадом, приметил меня, как оставил его без церемонии, подошел ко мне и позвал меня по имени.

— Это удивительно! После такого долгого времени!

— По крайней мере, через четырнадцать лет. Тогда губернатор отвел меня в сторону, не занимаясь более другими, и начал меня расспрашивать. Вы понимаете, сеньора, что разговор был длинен и интересен между нами, мне многое пришлось рассказать ему.

— Ах! — прошептала она, вздыхая, — бедный Санчо, которого я так любила! Он теперь меня не узнает.

— Почему же, сеньора?

— Горе так жестоко изменило меня, друг мой, что меня узнать нельзя. Однако я была бы так рада видеть его!

— Это зависит от вас.

— Я не смею отправиться к нему, друг мой.

— Почему бы не приехать ему?

— Захочет ли он? — прошептала она вздыхая.

— Если вы изъявите ему желание, сеньора, я убежден, что он тотчас прискачет.

— Ах! Это невозможно, друг мой, он богат, счастлив, могущественен, он, может быть, считает меня умершей.

— Я ему все рассказал.

— То правда, но я не принадлежу более свету, я существо проклятое. Если он меня увидит, он может быть от меня отречется.

— О, какая у вас ужасная мысль, сеньора! Чтобы дон-Санчо, который так вас любил, отрекся от вас! О!

— Несчастье делает несправедливым, друг мой. Я прощу ему, если он меня разлюбил, но не хочу подвергаться его презрению.

— О, сеньора, сеньора! Вы жестоки.

— Да, это правда, но видите ли, я люблю его, друг мой, я люблю его, как любила двадцать лет назад, и будь он здесь, возле меня, на этом месте, мне кажется, я нашла

бы еще в моих глазах, иссохших от горя, радостные слезы, чтобы приветствовать его возвращение.

Вдруг дверь отворилась, и дон-Санчо Пеннафлор показался на пороге.

— Сестра, — сказал он, раскрывая объятия, — я все бросил, чтобы обнять тебя.

— Это ты! Ты! — громко вскричала она и, бросившись к маркизу, спрятала, заливаясь слезами, голову на его груди.

Бирбомоно рассудил, что его присутствие не нужно, и скромно удалился, заперев за собой дверь. Дон-Санчо, столько же взволнованный, как и сестра, смешивал свои слезы с ее слезами.

— Клара! Бедная Клара! — говорил он, и слова эти передавали его мысль, сердце его было так полно, что он не мог придумать слов, которые передали бы то, что он чувствовал.

— Брат мой! Милый Санчо! — шептала донна Клара сквозь слезы, — наконец я вижу тебя, я прижимаю тебя к сердцу. О! Я счастлива, очень счастлива в эту минуту!

— Возлюбленная сестра, оправься, соберись с мужеством, мы соединились после такого долгого времени. О! Я заставлю тебя забыть твою тоску и прошлые горести.

Она вдруг выпрямилась при этих словах, откинула волосы, закрывавшие ее лицо, бледное и омоченное слезами и, печально покачав головой, прошептала:

— Ах! Я проклятое существо, разве ты не знаешь, Санчо? Я одна, всегда одна.

Закрыв лицо руками, она начала опять плакать. Маркиз тихо привел ее к стулу и сел возле нее.

— Клара, — сказал он, держа ее за руку и с нежностью смотря на нее, — ты теперь не одна, я вернулся, и разве ты не знаешь, что я буду помогать тебе всеми силами в твоих поисках?

— Ах! Ты уже раз дал это обещание, брат, помнишь? Однако...

— Да, — перебил он с живостью, — но тогда, сестра, я был молодым человеком, почти ребенком, без голоса, без воли. Взгляни на меня теперь, я возмужал, я силен, могущественен, многое, чего не знал тогда, я теперь знаю. Я помогу тебе, говорю тебе, сестра, и Бог защитит нас, мы успеем.

— Ты думаешь? — прошептала она.

— Надеюсь, сестра.

— О! Говори, говори, умоляю тебя, скажи мне, что ты знаешь.

— Расскажи мне сначала, как ты жила после нашей разлуки, что ты делала, для чего ты вдруг исчезла, заставив нас предполагать, что ты умерла?

— К чему рассказывать тебе об этом, брат? Говори прежде ты.

— Нет, я хочу знать, что было с тобой и для чего ты вдруг отказалась от света, чтобы похоронить себя в уединении и безмолвии?

— Ты требуешь, чтобы я рассказала тебе об этом, брат?

— Я желаю, Клара, расскажи мне все, не думай, чтобы мною руководило пустое любопытство, мне нужно знать твою жизнь, чтобы утешить тебя.

— Задача трудная, брат. Ах! Ничто на свете не может утешить мать в потере ее ребенка.

— Бедная сестра!

— А отец мой? — спросила она боязливо.

— Он жив, — сказал дон-Санчо, — и живет, окруженный всеобщим уважением и осыпанный почестями.

— Да, да, — сказала она со вздохом, — так должно быть. Говорит он иногда о своей дочери?

— Никогда твое имя не срывалось с его губ, он считает тебя умершей.

— Тем лучше! — возразила она, — может быть, эта уверенность сделает его снисходительнее к невинному, которого он преследует, одной жертвы должно быть для него недостаточно.

— Ты не знаешь нашего отца, бедная, милая Клара, если ласкаешь себя этой мыслью. У него сердце железное, душа неумолимая, его ненависть так же сильна ныне, как и двадцать лет тому назад. Герцог Пеннафлор не прощает, он преследует свое мщение с жаром и упорством, которые усиливаются от затруднений и препятствий, а не слабеют.

— Ах! я знала все это, однако не смела думать, чтобы это было справедливо. Где он, конечно, в Испании?

— Нет, он в одно время со мною приехал в Америку, он находится теперь в Панаме, но, кажется, не останется там.

— В Америке? Зачем он сюда приехал?

— Попытаться в последний раз исполнить мщение, которое он преследует так давно, сестра.

— Но что намерен он делать?

— Это я скажу тебе, будь спокойна, или по крайней мере открою тебе все, что мог уловить из темного загово-

ра, который он составил с ужасным искусством и который, если Господь не помешает ему, должен неминуемо иметь успех, так хорошо принял он меры.

— Боже мой! Боже мой! — прошептала она, сложив руки с мольбою.

— Теперь твоя очередь, сестра, говори, я слушаю тебя.

— Что мне сказать тебе, Санчо? Жизнь такого жалкого существа, как я, не имеет ничего интересного. Отвергнутая отцом, презираемая любимым человеком, изгнанная из общества, тайно обвинявшего меня в смерти моего мужа, лишенная моего ребенка, который составлял для меня все, не сожалея о прошлом, не надеясь на будущее, я укрылась в уединении, одно мгновение я струсила и хотела умереть, но Господь помог мне, у меня оставалась цель, отыскать моего ребенка, получить прощение человека, которого одного любила я и который, как другие, считал меня виновной. Я решилась жить. В один вечер — не знаю, помнишь ли ты, брат, ты отлучился из дворца, приглашенный, кажется, на обед — я осталась одна, предосторожности мои были приняты заранее, я вышла из дворца и уехала из Сан-Доминго, решившись никогда не возвращаться. Меня провожал один человек, ты его знаешь, это Бирбомоно, он один остался верен мне в несчастье, его преданность не изменилась никогда, его уважение ко мне осталось таким же, поэтому я не имею от него тайн, он разделял мои радости и горести, он уже не слуга мой, а друг.

— Я его поблагодарю, — сказал маркиз.

— Благодарность, которую он поймет лучше всего и которая более ему польстит, брат, это, если ты согласишься пожать ему руку.

— Он достоин этого отличия, сестра, и, конечно, несмотря на расстояние, разделяющее нас, я непременно это сделаю.

Более этого донна Клара не могла требовать от надменного дворянина и не настаивала.

— Я заставила Бирбомоно купить под чужим именем этот дом, и с тех пор всегда здесь жила, но часто оставляла его, иногда на целые месяцы и годы, под надзором черного невольника по имени Аристид, которого я купила ребенком. Что сказать тебе еще, брат? То под одним переодеванием, то под другим я сходилась с буконьерами, пробегала остров, даже ездила в Мексику, где отец мой был вице-королем, я сделала еще более, я переехала море и объехала

Францию и Испанию, отыскивая моего ребенка, осматривая самые жалкие деревушки, входя в самые бедные хижины — и все напрасно, все!

Она заплакала, брат глядел на нее с умилением, не смея помешать ей, горесть этой несчастной матери казалась ему так же велика, как и древней Ниобеи. Клара вытерла слезы лихорадочным движением и продолжала прерывающимся голосом:

— Два раза показалось мне, что я нашла на след, и сердце мое забилося от надежды. Первый раз в Мадриде я нечаянно узнала, что какого-то ребенка отец мой воспитывал так старательно и нежно, как будто он был связан с ним узами крови. Ребенка этого я видела, ему было тогда два года, он был красив. Его мужественные и гордые черты лица показались мне имеющими сходство с одним человеком, я успела приблизиться к этому прелестному ребенку и разговорила с ним, его звали Гусман де-Тудела. Отец мой был его опекуном. Но это имя могло быть подложное, я осведомилась, ах, я ошиблась, это имя было собственное его, обманутая надежда чуть не свела меня с ума.

— Бедная сестра! — прошептал маркиз, подавляя вздох, — что же ты сделала тогда?

— Я уехала, я оставила Испанию как проклятую землю, однако, признаться ли тебе, брат, воспоминание об этом ребенке никогда не выходит из моих мыслей. Я еще слышу звуки его голоса, нежного и свежего, заставлявшего дрожать мое сердце. После стольких лет черты его так напечатаны в моей памяти, что если б случай свел нас, я узнала бы его, я уверена в этом. Не странно ли это, скажи, брат?

— Действительно очень странно, милая Клара, но, пожалуйста, продолжай. Этот ребенок теперь взрослый мужчина, и я также знаю, что он находится в Америке и, может быть, всемогущий Господь сведет вас вместе.

— Ты считаешь это странным, Санчо?

— Не приписывай моим словам более важности, чем они имеют в действительности, сестра, продолжай, я слушаю тебя.

— Во второй раз, здесь в Сан-Доминго, около двух лет тому назад случай привел меня в городок Сан-Хуан-де-Гуава, я вошла в церковь. По окончании молитвы я выходила, когда очутилась возле кропильницы, лицом к лицу с очаровательной молодой девушкой, которая протягивала мне пальцы, омоченные святой водой, не знаю, почему, но при виде этой незнакомой молодой девушки я вздрогнула,

сердце забилося в моей груди, она поклонилась мне с кроткой улыбкой и ушла. Я оставалась несколько минут неподвижна, в странном волнении, сжимавшем мне сердце как в тисках, устремив на нее глаза и смотря, как она уходит. Наконец, я решилась следовать за нею издали. Когда она шла в дом недалеко от церкви, я осведомилась, ее звали донна Хуана д'Авила — это была питомица дон-Фернандо д'Авила. Я устроила так, чтобы опять встретиться с нею, я говорила с нею, мало-помалу успела с ней сойтись и бывать в доме, где она жила почти одна со старой дуэньей по имени Чигала. Опекун ее, дон-Фернандо д'Авила, жил в Черепахе, где он был губернатором. Донна Хуана не знала своих родных, она не помнила ни мать, ни отца, ей дали фамилию ее опекуна, и она носила это имя, не заботясь об этом. Она знала только, но очень неопределенно, что ее поручил ребенком дон-Фернандо какой-то знатный человек, принадлежавший к одной из могущественнейших фамилий на полуострове. Человек этот, имя которого составляет тайну и никогда при ней не произносилось, не терял ее из вида и имел над нею надзор, хотя тайный, но неусыпный, он протезировал дон-Фернандо, который был обязан ему всем и быстро шел вперед. Поэтому храбрый гидальго был предан душою и телом своему покровителю, хотя имел искреннюю привязанность к своей питомице, которую считал своей дочерью. Все эти подробности, которые я узнала в продолжение двух лет, возбудили в высшей степени мое любопытство. Не будучи в состоянии выдержать долее, я несколько дней тому назад отправила Бирбомоно в Сан-Хуан-де-Гоава, чтобы постараться узнать что-нибудь положительное, что оправдало бы неопределенную надежду, которая сжигает мне сердце.

— Ну и что же? — с любопытством спросил дон-Санчо.

— Донна Хуана, — с унынием отвечала донна Клара, — уехала из Сан-Хуан-де-Гоава к своему опекуну на Черепаху, но, — прибавила она с лихорадочной энергией, — я поеду на Черепаху, расспрошу дон-Фернандо и...

— Извините, сестра, — перебил дон-Санчо, — вам нечего более рассказать мне?

— Нечего, брат, вы знаете теперь так же хорошо, как и я, какова была моя жизнь после нашей разлуки.

— Благодарю вас, сестра, за ваше доверие, теперь моя очередь говорить, потом, когда вы выслушаете меня, мы увидим, что следует сделать, слушайте меня с величайшим

вниманием, потому что, клянусь вам, мой рассказ вас заинтересует.

Донна Клара вздрогнула при этих словах и, устремив свои большие глаза, полные слез на маркиза, сказала глухим голосом:

— Говорите, брат, я вас слушаю.

XVII

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Завтрак кончился задолго до приезда дон-Санчо. Брат и сестра перешли из столовой в другую комнату, чтобы дать возможность негру убрать со стола. Комната эта служила спальней донне Кларе, хотя меблированная так же просто, как и весь дом, она издавала то нежное благоухание, которое показывает даже равнодушным любимое убежище светской женщины.

Донна Клара придвинула брату стул, села на другой, напротив него и, нежно положив свою руку на его руку, сказала:

— Теперь говорите, брат, я вас слушаю.

Маркиз устремил проницательный взгляд на сестру, и, видя ее столь печальной и бледной, подавил вздох.

— Вы нашли меня очень изменившейся, не правда ли, брат? — сказала она с меланхолической улыбкой, — это оттого что я очень страдала с тех пор, как мы не виделись, но не об этом идет речт теперь, — прибавила она, — говорите, умоляю вас!

— Бог мне свидетель, сестра, — сказал дон-Санчо, — что мне очень хотелось бы приложить бальзам к вашим ранам, пролить хоть мимолетную надежду в вашу душу, а напротив, я боюсь, чтобы мои открытия, очень неполные, а в особенности очень мрачные, еще не увеличили, если возможно, вашу горесть.

— Да будет воля Божия и в этом, как во всем другом, брат мой, — отвечала она с покорностью, — я знаю, как вы любите меня, и если горесть должна посетить меня че-

рез вас, пусть будет так, потому что я искренно убеждена, что ваша воля этому чужда, теперь говорите без опасения, что бы это ни было, вы заранее оправданы.

— Я этого ожидал от вас, сестра, и признаюсь, мне было это необходимо, чтобы осмелиться все вам рассказать. Выслушайте же меня, потому что дело это гораздо таинственнее, нежели вы подозреваете. Вы так же хорошо, как и я, и даже лучше меня знаете нашего отца, воля его неумолима, жестокость холодна, гордость громадна. Я не сообщу вам ничего нового, сказав, что после смерти вашего мужа он ни разу не произнес вашего имени, узнав о вашем внезапном исчезновении. Он не выказал ни удивления, ни беспокойства и не сделал ни одного шага, по наружности, по крайней мере, для того, чтобы узнать, куда вы девались. После, когда о вас осведомлялись, он так решительно отвечал, что вы умерли, что признаюсь вам, сестра, я был сам обманут этой ложью и оплакивал вас, как будто действительно вы лишились жизни.

— Мой добрый Санчо, как же вы узнали, что я еще жива?

— Только несколько дней тому назад я узнал от Бирбомоно, что вы живы.

— Как! Вы так думали столько лет?

— Да, сестра, кто мог вывести меня из заблуждения? Вы помните, что, отдав вашему мужу последний долг, вдруг вызванный в Мексику моим отцом, я уехал отсюда и вернулся только двадцать четыре часа тому назад, я ездил в Испанию, где оставался несколько лет, потом посетил некоторые иностранные дворы, так что все соединилось, чтобы сгустить покрывало, которым, без сомнения, с намерением отец закрыл мне глаза. Однако, я должен вам сказать, что невольно, когда воспоминание о вас приходило мне в голову, я не мог утешиться в вашей потере, я чувствовал, что сомнение пробуждается в моем сердце. И хотя ничто не оправдывало этого сомнения, я надеялся, что когда-нибудь свет прольется на эту катастрофу или я узнаю, каким образом умерли вы, или вы вдруг явитесь моим глазам. Странное дело, годы не только ослабили эту мысль, а напротив, сделали ее сильнее и живее, так что хотя ничто не развеяло мрак, среди которого я находился, я почти был уверен, что вы живы. И убедил себя, думая о ненависти нашего отца, что слух о вашей смерти был нарочно им распространен, чтобы окончательно замкнуть уста тем из наших родных, которые вздумали бы заступиться за вас против него. Вы видите, что я не ошибался.

— Правда, брат, но если бы случай не привел вас сюда?

— Извините, — перебил он с живостью, — случай ничего не значит в этом деле, сестра. Сомнение, о котором я вам говорил и которое мало-помалу перешло в уверенность, заставляло меня желать вернуться на острова. Я говорил себе основательно, что если вы действительно живы, то я найду вас только здесь. Я хотел принять необходимые меры, чтобы вернуться в Америку, когда в ту минуту, как менее всего думалось об этом, отец объявил мне, что его величество удостоил назначить меня губернатором в Сан-Доминго.

— А отец наш остался в Испании?

— Нет, сестра, он выпросил себе интенданство в Панаме, но не знаю, по какой причине теперь передумал и находится пока в Маракайбо.

— Так близко от меня, — прошептала она с трепетом ужаса, — но что нужды, мне теперь нечего опасаться его!

— Теперь, когда я разъяснил первую причину моего возвращения на острова, я должен вернуться назад, к тому времени, когда я провожал отца моего в Испанию, то есть через два года после смерти вашего мужа и вашего исчезновения. Здесь я вас прошу, сестра, обратить все ваше внимание, потому что рассказ мой станет до того таинственным, что я сомневаюсь, возможно ли мне будет когда-нибудь отличить истину от лжи и разрушить мрачный заговор, составленный герцогом с тем гибельным искусством, которое одна ненависть могла ему внушить. Через несколько месяцев после нашего приезда в Мадрид отец мой, с которым я имел очень мало сношений, хотя жил в нашем фамильном дворце, находящемся, как вам известно, на улице Аточа, объявил мне однажды вечером после ужина, что он едет и что поездка его продолжится, может быть, несколько месяцев. Отец мой не заблагорассудил сообщить мне, куда он едет и зачем, я не смел расспросить его и почтительно ему поклонился. Он простился со мной и через час сел в карету. Признаюсь вам, сестра, что в первую минуту я не заботился о причинах, принудивших моего отца к этому путешествию, мне до этого было мало нужды. Я был молод, любил удовольствия, жил в легкомысленном обществе, отсутствие моего отца, если не могло доставить мне удовольствие, то, по крайней мере, возбуждало во мне равнодушие. Только через несколько дней на обеде у герцога Медина дель-кампо я случайно узнал, что отец мой уехал во Францию.

— Во Францию? — вскричала, вздрогнув, донна Клара.

— Да, мне это сказал сам герцог Медина, спрашивая меня, какие дела могли отозвать моего отца в Париж. Я отвечал, что не только ничего не знаю об этих делах, но что мне даже было неизвестно, что отец мой переехал Пиринеи. Герцог заметил тогда, что он сделал неловкость, он закусил губы и переменял разговор. Путешествие моего отца продолжалось семь месяцев. В одно утро, проснувшись, я узнал от моего камердинера, что он приехал ночью. Я пошел поздороваться с ним, он был еще мрачнее и холоднее, чем я привык его видеть. Он немного поговорил со мною о посторонних вещах, но о своем путешествии не сказал ни слова. Я подражал его сдержанности. Только за завтраком он сообщил мне, что один из наших дальних родственников, граф де-Тудела, о котором я до сих пор ничего не слыхал, умер и отец мой заблагорассудил взять на свое попечение его единственного сына, оставшегося сиротой, и воспитать его как своего родного сына. По приказанию моего отца слуга привел очаровательного шестилетнего мальчика, которого, признаюсь полюбил по какой-то симпатии, в которой невозможно дать себе отчет. Этого ребенка знали и вы.

— Гусман де-Тудела? — вскричала она с живостью.

— Он самый, но он остался в нашем дворце только несколько дней. Отец мой, неизвестно по какой причине, поспешил отдать его в монастырь Гиеронимитский, где, как вам известно, воспитываются дворяне. Отец мой, хотя был очень строг к этому бедному ребенку, наблюдал за ним однако очень старательно и, по-видимому, радовался его успехам. Я часто ездил навещать Гусмана в монастырь и разговаривал с ним, иногда брал его гулять в город. Бедный ребенок очень этому радовался. Несколько лет прошло таким образом, потом отец мой взял его из монастыря и отдал в морской корпус, словом, теперь, несмотря на свою молодость, Гусман офицер в испанском флоте. Через год после того, как Гусман был взят к нам, отец мой опять ездил во Францию. На этот раз также отсутствие его продолжалось несколько месяцев и, воротившись, он привез еще ребенка, и на этот раз это была восхитительная девушка.

— Хуана, не так ли? — вскричала донна Клара.

— Почему вы знаете ее имя, сестра? — с удивлением вскричал дон-Санчо.

— Это все равно, как бы я ни знала, брат.

— Однако...

— Разве вы не помните, что я сейчас рассказывала вам, как я познакомилась в Сан-Хуан-де-Гоава с этой молодой девушкой?

— Правда, — ответил он, ударив себя по лбу, — не знаю, как это я забыл.

— Продолжайте, умоляю вас.

— Итак, это была Хуана, как вы сказали, сестра, но Хуана была не одна, ее сопровождал офицер, которого отец мой называл ее опекуном. Это был дон-Фернандо д'Авила. Оба поместились во дворце. Я знал прежде дон-Фернандо, честного и храброго воина, которому оказал некоторые услуги, но сколько мне было известно, отец мой не имел никакой причины протектировать ему. Однако герцог, по-видимому, очень полюбил этого человека и имел намерение горячо протектировать ему. Это очень заинтересовало меня со стороны человека такого себялюбивого и надменного как мой отец. Я спрашивал себя иногда, отчего он принимает участие в этом человеке. Действительно, дон-Фернандо д'Авила, который после десятилетней войны во Фландрии с чрезвычайным трудом достиг чина альфереца, по милости горячей рекомендации моего отца в один год сделался капитаном и получил приказание ехать на острова командиром роты, которую купил ему мой отец. Девочка, несмотря на свою молодость, должна была уехать с ним. Не знаю, какое-то тревожное любопытство заставило меня в день отъезда дон-Фернандо проводить его, без ведома моего отца, несколько миль по дороге в Севилью, откуда он должен был отправиться в Кадикс. Не стану рассказывать вам, сестра, разговор, который я имел с капитаном, я повторяю вам только то, что узнал. Отец мой ездил во Фландрию, где находился дон-Фернандо, предложил ему взять попечение о ребенке, уверив его, что он не только даст ему деньги, необходимые для воспитания этой девочки, но что поможет ему сделать карьеру. Дон-Фернандо был беден, не имел никаких могущественных покровителей, способных вывести его из трудного положения, в котором он жил. Не осведомляясь о причинах, заставляющих человека с именем и званием моего отца делать ему такие необыкновенные предложения, он поспешил принять их, так хотелось ему во что бы то ни стало выйти из бедственного положения, которое он терпел так давно. Он обещал нашему отцу слепо ему повиноваться и немедленно последовать за ним в Париж. Так герцог отдал ему ребенка, потом они все трое поехали в Мадрид. Таким

образом, милая сестра, по приказанию моего отца воспитаны двое детей. Мы с вами так хорошо знаем герцога Пеннафлора, что не станем оскорблять его предположением, будто любовь к человечеству и филантропия побудили его воспитать этих двух сирот. Какая же причина заставила его действовать таким образом? И кто такие эти люди? Вот что нам надо узнать.

— А вы что думаете об этом, брат?

— Причина, по-моему, сестра, мщение.

— Мщение? Какое мщение, брат?

— Послушайте, моя бедная сестра, — продолжал дон-Санчо с печальной улыбкой, — вы умерли, или по крайней мере слывете умершей, не правда ли?

— Правда, брат, ну?

— Дайте мне закончить; кто нам докажет, что герцог не знает, что вы еще живы и что он распустил слухи о вашей смерти нарочно для того, чтобы упрочить мщение, в котором он поклялся не только против вас, но и против человека, который лишил его старшего сына и похитил у него дочь? Почему вы знаете, что наш отец не следил постоянно за всеми вашими поступками и бросил вас только для того, чтобы внушить вам более уверенности и успеть, таким образом, поразить в одно время двух смертельных своих врагов.

— О! То, что вы предполагаете, ужасно, брат! — вскричала она, с ужасом сложив руки.

— Сестра, я ничего не предполагаю, — ответил он сухо, — я только вывожу заключение. Для меня очевидно, что герцог следует шаг за шагом плану, обдуманному давно, и вот тому доказательство: месяц тому назад, заметьте это хорошенько, пожалуйста, герцог Пеннафлор дон-Гусман де-Тудела находился в Веракруссе. Я вам уже сказал, что дон-Гусман, морской офицер. По приказанию моего отца, который рассказал ему ужасную историю вашу, сестра, хотя он и переиначил ее, молодой человек, обезумев от горести и стыда, не колеблясь бросил почетную карьеру, открывавшуюся ему, и отправился матросом на флибустьерском судне, решившись умереть или отомстить за свою мать, низко обеславленную, по словам моего отца, одним из этих людей.

— Но это ужасно, брат!

— Не правда ли? Однако это еще не все. Этот молодой человек, одаренный прекраснейшими качествами и благороднейшими инстинктами, обязался клятвенно преследовать своей ненавистью начальников флибустьеров, служить шпионом нашему правительству и передать в наши

руки самых знаменитых между этими флибустьерами. Понимаете ли вы меня теперь, сестра? Должен ли я еще распространяться об этом?

— О! Нет, брат, ни слова более, ради Бога! — вкричала она с ужасом.

— К счастью, — продолжал он, — я мог разменяться несколькими словами с Гусманом. Я должен его видеть, может быть, мне удастся, особенно если вы согласитесь мне помочь, удалить его от пропасти, в которую он готов упасть.

— Сомневаетесь ли вы в моей готовности помочь вам, брат? Ах, Боже мой! Что делать?

— Я еще не знаю. Прежде всего мне надо его видеть.

— Это правда, Боже мой, это правда! Какое имя принял он между флибустьерами?

— Я не знаю.

Она с унынием потупила голову и молчала несколько минут. Брат печально смотрел на нее, не смея прервать ее мысли и возобновить разговор.

— Послушайте, брат, — сказала донна Клара через минуту, вдруг подняв голову со сверкающими глазами и нахмурив брови, так что они сдвинулись, — я оставалась слишком долго трусливо спрятавшись в этой долине, час действовать, наконец, пробил, неумолимая борьба, которую я считала конченной между нашим отцом и мною, начинается опять. Хорошо, я принимаю ее, Господь поможет мне, потому что он покровительствует матерям, спасающим своих детей.

— Что хотите вы делать, Клара?

— Оставить этот домик и отправиться в Марго или Пэ к флибустьерам, они будут для меня не так жестоки, как мои соотечественники.

— Остерегайтесь, сестра.

— Чему я подвергаюсь? Смерти? Она будет приятна, брат, если я успею отыскать моего сына и спасти его честь.

— Но какие средства хотите вы употребить, моя бедная Клара?

— Не знаю, Санчо, но Господь вдохновит меня, я буду иметь успех, я в этом убеждена.

— Поступайте же, как хотите, сестра, я не имею ни права, ни воли удерживать вас, но если Гусман не сын ваш?

— Ах! — сказала она с сомнением.

— Если вместо сына у вас дочь и если эта дочь — Хуана? Потому что, моя бедная сестра, этим-то и ужасна наша история. Вы мать, не знаете, какому ребенку дали вы жизнь, не знаете даже, не умер ли этот ребенок при рождении.

— Боже мой! Боже мой! — прошептала она, с отчаянием ломая руки.

— К счастью, отец наш, побуждаемый ненавистью, не сделал ошибки, он все рассчитал, все предвидел. Помните, что когда с вами сделались первые боли, вам дали сильный усыпительный порошок, что во время вашего сна природа исполнила свое таинственное дело, и что когда глаза ваши раскрылись, ваш ребенок исчез.

— Это правда, Санчо, это правда! — вскричала донна Клара, залившись слезами, — я не видела моего ребенка! У меня его похитили, прежде чем я его поцеловала. Эту первую ласку, столь радостную для сердца матери, я не могла оказать моему ребенку! О, не ужасно ли это, брат?

— Успокойся, Клара, ради Бога, ваше отчаяние пугает меня.

— О! Вы внезапно оживили все мои горести. Эта ужасная рана постоянно обливается кровью в моем сердце! Мать не утешится никогда.

— Клара, сестра моя, умоляю вас, вы знаете, как я вас люблю, я буду помогать вам всеми моими силами, клянусь вам, мы отыщем вашего ребенка.

— Брат, — сказала она, — если это оба мои дети?

— Что вы говорите, Клара?

— Я говорю, брат, что, как ни глубок мрак, окружающий нас, как ни замысловата ненависть моего отца, свет просияет на эту незаконную тайну. Поверьте мне, не даром после стольких лет Господь позволяет моему отцу и мне встретиться лицом к лицу. Вот час великой борьбы! Мы увидим, ангел или демон останется победителем в страшной партии, которая будет разыгрываться между нами.

XVIII

ДОННА КЛАРА

Побежденная волнением, донна Клара, произнеся со странной энергией слова, кончающие последнюю главу, упала почти без чувств на стул. Ее бледные черты, расстро-

енные горестью, закрытые глаза, тело, нервно съежившееся, придавали ей вид трупа.

Дон-Санчо был испуган состоянием, в котором видел сестру, единственное существо, к которому он чувствовал искреннюю дружбу во всю свою жизнь. Сердце его сжалось, и горячие слезы, которые он не отирал, медленно капались по щекам.

— Бедная сестра! — прошептал он, смотря на нее с кротким и родительским состраданием, — вся жизнь ее одно сплошное продолжительное мученичество! Почему я не могу вложить надежду в ее разбитое сердце! Боже мой, после стольких лет, разве таким образом должен был я ее увидеть!

Он вздохнул, опустил голову на грудь и начал ходить с волнением взад и вперед по комнате. С четверть часа тишина нарушалась только сдержанными рыданиями донны Клары. Вдруг она выпрямилась и, положив свою руку на руку брата в ту минуту, когда он проходил мимо нее, она сказала задыхающимся голосом:

— Дон-Санчо, могу ли я рассчитывать на вас?

— Неужели вы сомневаетесь в этом, сестра? — ответил он, останавливаясь и, взяв ее руку, поцеловал.

— Извините меня, — сказала она, — ах! Я так несчастна, что часто против моей воли не смею верить!

— Я не делаю вам упреков, сестра, я вас слушаю.

— Вы мне сказали, что вы любите этого дон-Гусмана де-Тудела.

— Как брата.

— Он хорош собой, не правда ли?

— Хорош и храбр, сестра.

— О! — сказала она с радостью.

— Да, это гордый дворянин.

— Он не изменяет тому роду, от которого происходит?

— Это написано на его мужественном лице.

— Вы мне сказали, что надеетесь видеть его?

— Надеюсь, да, но не знаю, как и каким образом устроится это свидание.

— Разве вы не условились?

— Герцог наблюдал за нами ревнивыми глазами. Я мог обменяться с Гусманом только несколькими определенными словами, только мне кажется, что он понял их.

— Знаете ли, что поручение данное ему ужасно, что роль, которую он вынужден играть, гнусна!

— Знаю, но он этого не думает, напротив, он убежден, что исполняет долг.

— Но что же вы, наконец, подозреваете о нем? Это мнимое родство действительно ли существует?

— Что сказать вам, сестра? Все это покрыто для меня непроницаемой тайной, вы знаете также хорошо, как и я, что фамилия Тудела в близком с нами родстве, только, так как они никогда не жили при дворе, а всегда в своем имении, среди своих вассалов, у нас с ними не было почти никаких сношений. Я не помню, чтобы видел у своего отца хоть одного человека, носящего эту фамилию, стало быть, я не могу утверждать, происходит или нет Гусман от этой фамилии, тем более, что герцог Пеннафлор, я должен в этом признаться, никогда не оказывал мне ни малейшего доверия и, зная глубокую дружбу, которую я всегда показывал к вам, всегда с умыслом скрывал от меня даже самые незначительные свои поступки.

— Повсюду мрак, — прошептала донна Клара. — О! Небо несправедливо! — вскричала она с унынием, — для чего оно позволяет таким образом добродетели изнемогать?

— Пути Господа неисповедимы для ограниченных взглядов людских, сестра, — отвечал дон-Санчо с убеждением, — может быть, когда вы обвиняете его милосердие и правосудие, Он готовит громкое оправдание и страшное мщение.

Донна Клара склонила свое бледное лицо, между тем как мрачная улыбка сжала её губы.

— Нет, — возразила она, — я не могу больше ждать! Час настал, повторяю вам, если бы мне пришлось изнемогать в борьбе, я буду действовать.

— Что намерены вы делать?

— Разорвать раз и навсегда покрывало, протянутое перед моими глазами.

— Вам это не удастся.

— Пусть будет то, что угодно Богу, брат, я решилась, притом вы дали формальное обещание помогать мне.

— Во всем, что будет зависеть от меня, сестра, вы можете рассчитывать на это.

— Благодарю, дон-Санчо. Но дон-Гусман, вступив в число береговых братьев, не сохранил, конечно, своего имени?

— Если бы знали, что он испанец, его сочли бы за шпиона.

— Вы знаете, какое имя он принял?

— Знаю, сестра.

— Какое?

— Марсьяль.

— Хорошо, этого для меня достаточно, будьте спокойны, дон-Санчо, я скоро узнаю, сын ли мой этот молодой человек.

— Извините, если я стану вас расспрашивать, сестра, какие средства употребите вы, чтобы получить эту уверенность?

Донна Клара презрительно улыбнулась.

— Сердце мне скажет, мать не обманывается никогда, когда надо узнать своего сына.

— Но для этого вам надо его видеть.

— Я его увижу и очень скоро.

— Я не смею понять вас, сестра, итак вы хотите...

— Да, — перебила она запальчиво, — я также хочу примкнуть к береговым братьям, жить их жизнью, наблюдать за их поступками и видеть этого молодого человека, этого Марсьяля, но так, чтобы он не знал, кто я, и заставить его полюбить меня, если, как я тайно убеждена, он сын мой, он невольно будет привлечен ко мне, и тогда...

— Но это безумство, сестра! — вскричал маркиз запальчиво, — вы не серьезно это говорите.

— Почему же, позвольте спросить, брат?

— Как вы будете жить с этими разбойниками, не имеющими ни веры, ни закона?

— У этих разбойников, не имеющих ни веры, ни закона, брат, больше чести, чем у тех, кто их презирает и преследует как хищных зверей. Кажется, вы должны это знать лучше всех.

— Правда, сестра, лично я никогда не мог на них пожаловаться, напротив, они вели себя со мною как люди благородные, и поверьте, я сохраняю к ним глубокую признательность.

— Если так, почему же вы предполагаете, что они будут вести себя с женщиной не так, как с вами?

— Я не это хотел сказать, вы не поняли меня.

— Объяснитесь же, — ответила она с лихорадочным раздражением.

— Разве вы забыли, что между этими людьми есть один человек, который запретил вам являться перед ним?

— Если только я не возвращу ему его сына; это правда.

— Да! — сказал он.

— Я возвращу ему сына, брат, поверь, мое сердце не обманывает меня.

Маркиз покачал головой и ничего не ответил. Наступило молчание на несколько минут, донна Клара прервала его:

— Мое намерение принято, никакое человеческое мо-

гущество не заставит меня переменить это намерение, притом, — прибавила она печально, — будьте спокойны, дон-Санчо, он меня не узнает, посмотрите на меня внимательно, вы брат мой, скажите мне, похожа ли несчастная, находящаяся перед вами и разбитая несчастьем, согнутая под тяжестью незаслуженного стыда, на молодую женщину, которую вы знали двадцать лет тому назад? Нет, нет! Монбар, или граф де-Бармон, как хотите его называйте, не узнает меня! Если он увидит меня, он пройдет возле меня, и взгляд его не остановится на несчастной, черты которой, страшно обезображенные слезами, ничего не напомнят его воспоминанию.

— Я не имею ни права, ни мужества не допускать вас до этого важного шага, сестра, хотя не предвижу ничего хорошего для вас. Мои искренние желания будут вас сопровождать, мое живейшее сочувствие отдано вам, действуйте как знаете, да поможет вам Господь!

— Он будет со мною, брат, я надеюсь на это.

— Во всяком случае, — продолжал он с видом сомнения, — вспомните, что я губернатор в Сан-Доминго и что по милости этого звания я могу помогать вам, если вам понадобится действительная помощь. Хотя негодяи эти — наши смертельные враги, они, однако, вынуждены часто считаться с нами.

— Я знаю, как вы любите меня, дон-Санчо, и этого достаточно для моей уверенности, что вы не измените мне при случае.

— Чего бы вы не потребовали от меня, сестра, я сделаю это днем и ночью. При первом вашем призыве я буду с вами.

— Благодарю, — ответила она, протянув руку.

Маркиз дружески пожал ей руку и прошептал:

— Бедная сестра!

— Дон-Санчо, — продолжала она, — я имею тайное предчувствие, что мои горести приходят к концу и что скоро, — прибавила она восторженно, — я отыщу моего сына и прижму его к сердцу.

Маркиз поклонился сестре, подавив вздох.

— Теперь, — сказал он, — я вынужден оставить вас, я прискакал к вам, не предупредив никого. Это продолжительное отсутствие может показаться странным, пора мне явиться в Сан-Доминго, чтобы прекратить беспокойство, возбужденное этим поступком, непонятным для всех. Я еще так недавно губернатор, что должен подумать о том, как достойным образом исполнить возложенную на меня

роль, но надеюсь, что мы увидимся скоро, я еще многое должен вам рассказать после такой продолжительной разлуки.

— Я не знаю, когда мы увидимся, брат, и как не велико мое желание поговорить с вами, я не могу назначить вам время нового свидания.

— Стало быть, вы скоро намерены привести в исполнение ваш план?

— Сегодня же вечером я отправлюсь в Пор-де-Пэ.

— Так скоро, сестра?

— Я и то слишком медлила, не настаивайте, пожалуйста, это было бы бесполезно.

— Если так, сестра, я молчу, и мне остается только пожелать вам успеха, но, увы, я не надеюсь.

— Я не разделяю вашего мнения, прощайте, брат.

— Прощайте, сестра, — ответил он.

Они обнялись и долго оставались в объятиях друг друга.

Донна Клара высвободилась, наконец, и сказала:

— Вооружитесь мужеством.

Они вышли, негр Аристид держал лошадь маркиза и водил ее перед домом. Дон-Санчо сделал ему знак, в последний раз обнял сестру и сел на лошадь.

— Прощайте, — сказал он задыхающимся голосом.

— До свидания, — ответила она.

Маркиз вонзил шпоры в бока лошади и ускакал галопом. Донна Клара осталась неподвижна на пороге двери и следила за ним глазами пока могла его видеть. Когда он, наконец, исчез за поворотом тропинки, она перекрестилась, вздохнула и вернулась в дом, прошептав:

— Он всегда меня любил, добрый брат!

Бирбомоно стоял в первой комнате, донна Клара подошла к нему.

— Друг мой, — сказала она ему кротким голосом, — я уезжаю отсюда.

Бирбомоно молча поклонился.

— Я хочу уехать сегодня же, через час, если это возможно.

— Через час все будет готово, — сказал он почтительно.

Она колебалась, потом, вооружившись мужеством, продолжала:

— Видите ли, мой друг, я не знаю, когда я вернусь, мое путешествие может продлиться больше, чем я желала бы, мне нужно взять с собой довольно значительную поклажу.

— Пока вы были с вашим братом, я все приготовил,

— ответил Бирбомоно, — вы можете ехать, сеньора, когда пожелаете.

— Все приготовил, — воскликнула она с удивлением, — откуда же вы знали о моем намерении, когда час тому назад я сама о нем не знала?

— Стены здесь — простые перегородки, сеньора, невольно и не желая подслушивать, я слышал почти все, что вы говорили с его превосходительством.

Донна Клара улыбнулась.

— Я на вас не сержусь, Бирбомоно, — сказала она, — потому что у меня нет от вас тайн, притом я сама хотела вам сказать.

— Теперь это бесполезно.

— Во время моего отсутствия вы останетесь здесь, откуда знать, может быть мне посчастливится вернуться в этот домик, где я пролила столько слез и который мне сделался таким дорогим.

— Извините, — отвечал Бирбомоно, побледнев, — я не совсем хорошо понял приказания, которые вы изволили мне дать. Вы, кажется, изъявили желание, чтобы я остался здесь?

— Да, друг мой.

— Вы меня простите, сеньора, но это невозможно.

— Как невозможно?

— Вот уже двадцать лет, как я с вами, сеньора, я не соглашусь расстаться с вами, когда вы решаетесь на опасное предприятие, во время которого вам больше прежнего понадобится преданный слуга.

— Но друг мой, вы не подумали, что я буду жить среди смертельных врагов испанцев и что, взяв вас с собой, я подвергаю вас страшной опасности.

— Извините, сеньора, я подумал об этом, о, я имею честь сказать вам, что там, где будем мы, находятся другие испанцы, которые живут, не притесняемое никем с тем простым условием, чтобы они покорялись законам флибустьерским и не вмешивались в их дела. Я буду поступать как другие, вот и все.

— Я не знала того, что вы мне говорите, друг мой, однако я предпочла бы, чтобы вы согласились остаться здесь.

— Я уже имел честь говорить вам, сеньора, что это невозможно, если вы мне прикажете не следовать за вами, я буду повиноваться вам, но уеду один в Порт-де-Пэ.

— Настаивать далее, значит не признавать вашей преданности, друг мой, но кто будет караулить дом во время нашего отсутствия?

— Негр Аристид, сеньора, он смышлен, предан и честен, я дал ему инструкции, вы можете совершенно положиться на него.

— Если так, я сдаюсь, надо сделать так, как вы хотите.

— Благодарю вас за столько милостей, сеньора, — ответил старый и добрый слуга, — вы очень огорчили бы меня, если бы потребовали, чтобы я расстался с вами в таких важных обстоятельствах, от которых зависит, может быть, счастье всей вашей жизни.

— Может быть, действительно так будет лучше, друг мой, — ответила донна Клара с задумчивым видом, — когда лошади будут оседланы, а лошаки навьючены, придите мне сказать, я буду готова.

Она сделала ему дружеский знак и вошла в спальню, заперев за собой дверь. Предпринимая эту последнюю и важную попытку, она имела потребность собраться с мыслями и рассчитать в своем сердце все вероятности на успех, какие она могла иметь.

Бирбомоно, обрадованный последними словами своей госпожи, весело начал приготавливать все к отъезду.

Незадолго до заката солнца госпожа и слуга выехали из домика, оставленного под надзором Аристида, гордившегося таким доверием, и направились в Пор-де-Пэ, позаботившись сдерживать своих лошадей, так чтобы приехать ночью и не привлекать к себе внимания.

XIX

ВЗЯТИЕ ЧЕРЕПАХИ

Мы вернемся теперь к нашим двум действующим лицам, которых требования нашего рассказа принудили нас оставить в положении довольно критическом. Мы говорим о Филиппе и его бывшем работнике Питриане, которые спрятались в расселине грозных скал, называемых железными берегами и образующих острову Черепахе природные укрепления.

Оба флибустьера спали, не просыпаясь всю ночь, и ничто не нарушило их спокойного сна. Только на рассвете,

когда первые лучи дневного света бросились им в глаза, они проснулись. Все было тихо и уединенно около них. Море, едва волнуемое ветерком, тихо замирало у подножия скал слабым и гармоническим журчанием. Глупыши и зимородки касались своими крыльями вершин волн с криком удовольствия, ни один парус не виднелся в море.

В одно мгновение авантюристы вскочили и спустились к берегу, там они очутились в сравнительной безопасности, потому что там их невозможно было приметить.

К счастью, осматриваясь направо и налево, они заметили природный грот, образованный без сомнения постоянными усилиями моря. Он предоставил им надежное убежище не только против нескромных взоров, но и против солнечных лучей, от которых в полдень стояла нестерпимая жара.

— Э-э! — сказал Филипп, как можно удобнее прислоняясь спиной к скале и набивая свою трубку, — наше положение кажется мне довольно сносно, как ты думаешь, Питриан?

— Я думаю, что оно могло быть хуже, но также и лучше.

— Черт побери! Ты очень разборчив, мой милый, но я с тобой не согласен и нахожу, что мне очень хорошо.

— Согласен, но я думаю, что нам было бы гораздо лучше, если бы мы не забыли самого главного.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве вы не чувствуете аппетита? — спросил Питриан, отвечая на вопрос другим вопросом.

— В самом деле, ты заставил меня вспомнить: я проголодался как волк.

— Хорошо, а где же провизия?

— Ты должен это знать лучше меня, Питриан, ведь ты взял ее с собой.

— Она в пироге, а пирога-то уехала с кавалером.

— Гм! Это не весело, как же нам быть?

— Не знаю, а вы?

— И я также не знаю, если спрашиваю тебя. В этом положении нет ничего приятного, и перспектива остаться два дня без еды вовсе для меня не привлекательна.

— Я не вижу другого средства, разве только съедем друг друга.

— Ты сейчас придумаешь худшее. У нас нет провизии, но мы ее отыщем.

— Отыщем! Я очень этого желаю, только поосторожнее, как бы нас не взяли.

— Как же это ты не подумал о провизии? Ведь это было твое дело.

— Я так думаю, что мы ничего не выиграем упреками, а лучше придумать способ выйти из затруднения.

— Это мне кажется нелегко.

— Кто знает! Попробуем.

— Попробуем! Я сам этого желаю, но сомневаюсь в успехе.

Разговаривая таким образом, оба встали и вышли из комнаты. Берег был все еще пуст, пошли вдоль скал, чтобы воротиться на то место откуда пришли для того, чтобы перейти оттуда на остров. Они шли таким образом около десяти минут, внимательно рассматривая стену из скал, возвышавшуюся над ними, чтобы отыскать обрыв, через который они проскользнули накануне. Вдруг Питриан остановился и вскрикнул от удивления.

— Что такое? — спросил Филипп, ускорив шаги, чтобы поскорее его догнать. — Что там случилось нового?

— Придите посмотреть, — ответил Питриан, — ей богу! Это что-то странное.

Филипп подошел, в этом месте скалы, подорванные вероятно каким-нибудь вулканическим потрясением, составляли какой-то хаос, одна скала делала выступ к берегу. Питриан, без всякого внимания, вместо того, чтобы идти прямо, прошел сзади этой скалы, и тогда, к своему величайшему удивлению, увидел перед собой вход в пещеру, довольно высокий и довольно широкий, так что человек обыкновенного роста мог войти не наклоняясь. Пол этой пещеры был покрыт легким слоем тонкого песка, на котором там и сям являлись не только следы шагов, но и довольно глубокая полоса, как будто тут тащили лодку.

— Что это значит? — вскричал Филипп. — Уже не проход ли это?

— Нам легко в этом удостовериться, если мы не найдем выхода, мы расквитаемся тем, что вернемся назад.

— Это правда, беда не велика, слава Богу! У нас нет недостатка во времени.

— У нас недостаток только в провизии, — заворчал Питриан.

— Неблагодарный! — сказал Филипп, смеясь, — может быть, эта пещера приведет нас в такое место, где мы провизию найдем.

— Дай Бог!

Тогда, не колеблясь более, они вошли в пещеру. Однако,

так как авантюристы были люди осторожные и не знали, что могло случиться, они старательно осмотрели свое оружие и взвели курки, чтобы быть готовыми на всякий случай.

Пещера была довольно глубока и составляла несколько изгибов. Флибустьеры, по милости неприметных трещин, вероятно существовавших в своде, видели довольно хорошо, чтобы верно направляться, хотя находились в каких-то сумерках, позволявших им весьма неопределенно различать предметы.

Они скоро дошли до залы довольно большой, формы почти круглой, куда свет проникал сверху, отверстие около четырех футов ширины пропускало солнце, лучи которого разливали довольно яркий свет. В этой зале флибустьеры заметили не одну, а три лодки, из которых две были в довольно плохом состоянии и неспособны без починки плыть по морю, но третья была почти новая. Лодки эти старательно были приставлены к стене и поддерживались подпорками, возле них лежали весла, багры, мачты, реи с парусами. Снасти и другие рыболовные снаряды были разложены в лодках.

— Вот, если не ошибаюсь, — радостно сказал Филипп, потирая руки, — это избавит нас от тяжелого труда, эти лодки пришли сюда не одни, стало быть, существует проход, который мы найдем, так что нам не нужно будет рыть прохода, и наши товарищи пройдут на остров, как к себе домой.

— К чему-нибудь и несчастье годится, — нравоучительно сказал Питриан.

— Как хорошо мы сделали, что забыли взять провизию!

— Гм! Я этого не нахожу.

— Ты глуп, Питриан, ты говоришь необдуманно. Если бы у нас была провизия, мы не стали бы ее искать, не правда ли?

— Это довольно вероятно, — ответил Питриан с насмешкой.

— Ну, сделай же вывод, дуралей. Если бы мы не искали провизии, так как у нас ее не было, то мы не открыли бы этого прохода, столь удобного для успеха наших планов.

— Это правда, какой я дурак!

— Я тебе говорил, но не будем дольше оставаться здесь, поспешим осмотреть это подземелье, чтобы поскорее узнать, куда оно ведет.

Они отправились в путь. После нескольких поворотов они дошли до конца пещеры. Так как и предвидел Филипп, через стену скал легко было перейти, пещера выходила во

внутренность острова довольно широкой трещиной, прикрытой густым хворостом и грудой камней, в которой по ее складу легко было узнать руку человека. Флибустьеры пробрались между камнями, старательно раздвинули хворост и очутились не на открытом пространстве, как они предполагали, а на довольно обширном дворе, закрытом со всех сторон живою изгородью, на конце которой возвышалась жалкая бамбуковая хижина, покрытая пальмовыми листьями.

— Черт побери, — сказал Филипп, — как это неприятно! Хозяин, кто бы он ни был, как только нас увидит, раскричится, и напустит жителей на нас, как же быть?

— Оставайтесь здесь, а я пойду вперед разузнавать, если не найду ничего подозрительного, я вам дам знать.

— Ступай и будь осторожен.

Филипп спрятался в хворост, а Питриан решительно пошел к дому. В некоторых случаях смелость — лучшая тактика, поступок Питриана доказал это. Он дошел до дома, отворил дверь, которая, по американскому обычаю, была заперта только на защелку, и очутился в комнате жалко меблированной, служившей и кухней, и спальней. Комната эта была пуста, но и мебель, и утварь, словом, все, что заключалось в доме, находилось в таком запущении, что по всему было видно, домик этот давно необитаем.

Осмотрев все и не найдя ничего, что открыло бы тайну, заключавшуюся в этом жилище, флибустьер, которому придал смелость успех его отважного поступка, захотел отворить дверь. Но не смог, несмотря на все свои усилия. Это сопротивление, которого он не ожидал, заинтересовало его, он стал отыскивать, что могло удерживать дверь. Тогда он заметил, что она забита гвоздями снаружи. Он подошел к окну — оно также было забито.

— Что это значит? — прошептал он.

В эту минуту он услышал шум шагов и с живостью обернулся, схватив ружье. Это был Филипп, который, соскучившись ждать и беспокоясь, что не видит Питриана, решил пойти к нему. Питриан в двух словах рассказал, в чем дело. Филипп подумал с минуту, потом расхохотался.

— Решительно Господь за нас, — сказал он весело, — теперь я понимаю все.

— Вот в чем дело. Несколько времени тому назад нас уведомили, что на Черепaxe свирепствует чума, вероятно, жители этого дома все погибли от чумы, я уверен, что мы найдем их трупы в каком-нибудь углу. Тогда по испанско-

му обычаю, дом был забит наглухо, на двери рисуют красный крест, — потому все и заперто. Итак, мы здесь у себя дома и нам нечего бояться, чтобы нам здесь помешали.

— Что вы понимаете? — с любопытством спросил Питриан.

— Все это может быть справедливо.

— Постараемся найти провизию, я буквально умираю с голоду.

Они принялись за поиски и обыскали всю комнату вверх и вниз. Филипп угадал справедливо, под навесом, выходящим во двор, смежный с садом, они нашли два трупа в состоянии сильного разложения. Несмотря на весьма естественное отвращение, флибустьеры поспешили вырыть глубокую яму и бросили в нее трупы, чтобы избавиться от нестерпимого запаха, распространяемого ими. Флибустьеры захватили иньямы, говядину, фрукты, бутылку водки и вернулись в пещеру, которую прошли не останавливаясь, заняли свой пост на берегу.

— Право, — весело сказал Филипп, евший с аппетитом провизию, так кстати посланную им случаем, — надо признаться, что решительно небо помогает нам. Это отважная экспедиция, представлявшая девяносто девять дурных вероятностей против одной хорошей, до сих пор удалась вполне, как ты думаешь, Питриан?

— Я думаю, — ответил флибустьер с полным ртом, — что может быть вы и правы, но я не спешу радоваться, вы знаете испанскую пословицу.

— Какую? Их много.

— Идти за шестью и воротиться остриженным. Не будем же торопиться воспевать победу, наш успех совершенно зависит от Граммона.

— Это правда, если он попался, чего я не думаю, мы погибли.

— Не думаю, чтобы он попался, но он мог быть убит, а для нас это выходит одно и то же. Наши товарищи, видя, что мы не возвращаемся, предположат, что мы попали в руки испанцев, и откажутся от экспедиции, тогда что же мы будем делать здесь?

— Отправляйся к черту с твоими несчастными предсказаниями, — сказал Филипп, — ты зловещая птица. Ничего этого не случится.

— Аминь! — от всего сердца сказал Питриан, так прихлебнув из бутылки с водкой, что она уменьшилась на добрую треть.

Они продолжали завтракать, разговаривая аким образом между , бой, а по окончании завтрака стали наблюдать за открытым морем.

К одиннадцати часам утра они увидели несколько судов на парусах, старавшихся подойти к Черепаше. Суда эти скрестились со шхуной, которая из канала выходила в открытое море. Филипп предположил, и это действительно было справедливо, что суда эти везли новый испанский гарнизон, а шхуна — донну Хуану и дон-Фернандо д'Авила, ее опекуна. Несмотря на сильную горестъ, которую возбуждал в нем этот отъезд, он однако почувствовал тайную радость при мысли, что любимая им женщина находилась теперь вне всякой опасности.

Прошло два дня, и ничего не возмутило спокойствия, которым наслаждались оба флибустьера. Несколько раз возвращались они в дом за провизией, потом приходили опять на свои места к берегу моря. Все благоприятствовало им до конца: погода стояла совершенно хорошая, море, по морскому выражению, походило на масло, ни малейшего дуновения ветерка не сморщивало поверхности, гладкой как зеркало.

Вечером на второй день, около одиннадцати часов, в безлунную и очень темную ночь, двое часовых, притаившихся на берегу, заметили свет, блеснувший на секунду в темноте и почти тотчас угасший. Флибустьеры поняли, что блеск этот был порох, зажженный их товарищами, спрашивавшими их, могут ли они пристать к берегу. Они не заставили их ждать ответа, предупредили береговых братьев, что все спокойно и что они могут прямо плыть к берегу.

Однако прошло около часа, и ничто не доказывало флибустьерам, что сигналы их были примечены и поняты. Тогда, около полуночи, они увидели несколько черных масс, вышедших из темноты, и глухой, размеренный шум показал им прибытие флибустьерской флотилии, состоявшей совершенно из пирог. Через десять минут флибустьеры выпрыгнули на берег. Их было четыреста. Все были вооружены с ног до головы, все решились победить или умереть. Главные начальники флибустьерства командовали ими: д'Ожерон, Монбар, Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мишель, Дрэк, Марсьяль, Давид и многие почти столь же знаменитые или которые уже шли по следам этих героев.

— Ну, что нового? — спросил д'Ожерон своего племянника.

— Ничего, насколько мне известно, кроме того, что испанский гарнизон, кажется, удвоился.

— Да! — продолжал д'Ожерон, — несмотря на тайну наших рассуждений, кажется, какой-то изменник замешался между нами и открыл наш план испанцам. Губернатор Сан-Доминго отправил двести человек подкрепления в гарнизон, они должны были высадиться вчера.

— Так действительно и было, — отвечал Филипп.

Если бы темнота не была так густа, краска, вдруг покрывшая лицо Марсьяля при словах д'Ожерона, обнаружила бы тотчас губернатору, какой изменник продал их тайну испанцам.

— Что мы будем делать? — спросил Монбар.

— Мы пойдем вперед, — ответил д'Ожерон, — но прежде послушаем план Филиппа.

— Вы делаете мне большую честь, дядюшка, — ответил молодой человек, — план этот прост. Вот он: сто человек самых проворных между нами, под начальством Грамона и Питриана, проберутся на платформу крепости, триста других, под моим руководством, нападут на испанцев сзади, так чтобы поставить их между двух огней.

— Хорошо, но очень трудно перебраться за железные берега с пушкой.

— Я нашел дорогу. Вам нравится этот план?

— Он нам нравится, так что мы, ничего не изменяя, приведем его в исполнение.

Граммон приблизился к Филиппу и дружести пожал ему руку.

— Благодарю, брат, — сказал он ему, — что вы уступили мне лучшую часть в этом предприятии, вы мне сделали одолжение, которого я не забуду.

— Я надеюсь на это обещание, — сказал Филипп с иронией, не ускользнувшей от капитана.

— Будьте спокойны, — ответил он.

— Прежде чем мы пустимся в путь, не забудьте, дети, что я дал клятву остаться здесь победителем или умереть, — сказал д'Ожерон.

— Мы победим, — ответили в один голос четыреста авантюристов.

— Обе атаки должны быть сделаны в одно время, они начнутся на рассвете. Теперь молчите и вперед!

Мы сказали, что ночь была темная и безлунная, ни одной звездочки не сияло на небе. Ветер переменился, как это часто бывает к полночи, и дул с моря, так что оно очень бушевало и волны с шумом разбивались о железные берега. Погода эта очень благоприятствовала флибустьерам, сме-

шивая с шумом моря тот шум, который они, несмотря на все свои предосторожности, принуждены были делать, и не допуская таким образом, чтобы их заметили жители или гарнизон.

Первым делом д'Ожерона было разделить флибустьеров на два отряда, потом под предводительством Филиппа и Питриана береговые братья, безмолвные и смелые как люди, решившиеся победить или умереть, и следовательно пожертвовавшие своею жизнью, направились торопливыми шагами к пещере, которая вдруг к величайшему удивлению представилась их взорам и в которую они вошли не колеблясь. Дорогою Филипп рассказал дяде, как случайно нашел он эту пещеру и этот домик. Это открытие с первого раза вводило флибустьеров в середину крепости. По выходе из пещеры, оба отряда разделились. Самый многочисленный, под командою Монбара, д'Ожерона и других, и предводительствуемый Филиппом, засел в домике, двери и окна которого были отворены, домик этот находился у самого выхода в городок. Флибустьеры оставались неподвижны и безмолвны, ожидая, чтобы начать действовать после первых выстрелов из пушки второго отряда. Тому предстояли огромные затруднения, чтобы добраться до платформы. Но по милости мужества, ловкости, а особенно смелости флибустьеров, все эти затруднения были преодолены в несколько часов, и в ту самую минуту, когда солнце показалось на горизонте, два выстрела из пушки, заряженной картечью, раздались на платформе и разгромили крепость на Скале. В ту же минуту раздался страшный крик трехсот голосов, и первый отряд, устремившись как поток, разрывающий плотину, начал атаку.

Гарнизон крепости, приведенный в беспорядок этой внезапной и сильной атакой, храбро бросился к оружию. Но испанцы, попавшие между двух огней, принуждены были сдаться после геройской обороны, продолжавшейся несколько часов. Город был в огне, две трети гарнизона пали.

Флибустьеры снова завладели о. Черепаша, но на этот раз они должны были его сохранить. Испанцы сдались безусловно, д'Ожерон, не желая сохранить такое множество пленных, потому, что кроме гарнизона были еще и жители, отправил всех испанцев на судах, взятых в гавани, на Кубу, находящуюся на расстоянии пятнадцати миль, и там оставил их на свободе, не требуя даже выкупа, правда, у них взяли все, что было, и несчастные буквально разорились.

Д'Ожерон назначил Давида начальником о. Черепаша, укрепления которой были восстановлены в грозном виде,

потом, оставив в крепости гарнизон из трехсот отборных флибустьеров, губернатор вернулся в Пор-де-Пэ с главным начальником экспедиции.

Марсьяль, опасаясь, чтобы не угадали его сношений с испанцами, так храбро сражался возле Монбара, что знаменитый флибустьер счет себя обязанным обратиться к нему с похвалой, которая наполнила молодого человека стыдом и замешательством оттого, что он считал себя недостойным ее. Но береговые братья, поняв иначе краску, покрывавшую его лоб, приписали ее скромности и горячо поздравили его.

— Ну что? — спросил с лукавым видом Филипп кавалера де Граммона, воротившись в Пор-де-Пэ, — вы должны быть довольны, капитан, предприятие было ведено хорошо. Вы нашли какую-нибудь хорошую добычу в крепости?

Граммон искоса на него взглянул.

— Холодный насмешник! — сказал он, — я вам отплачу, клянусь вам, вы знали, что она уехала с острова.

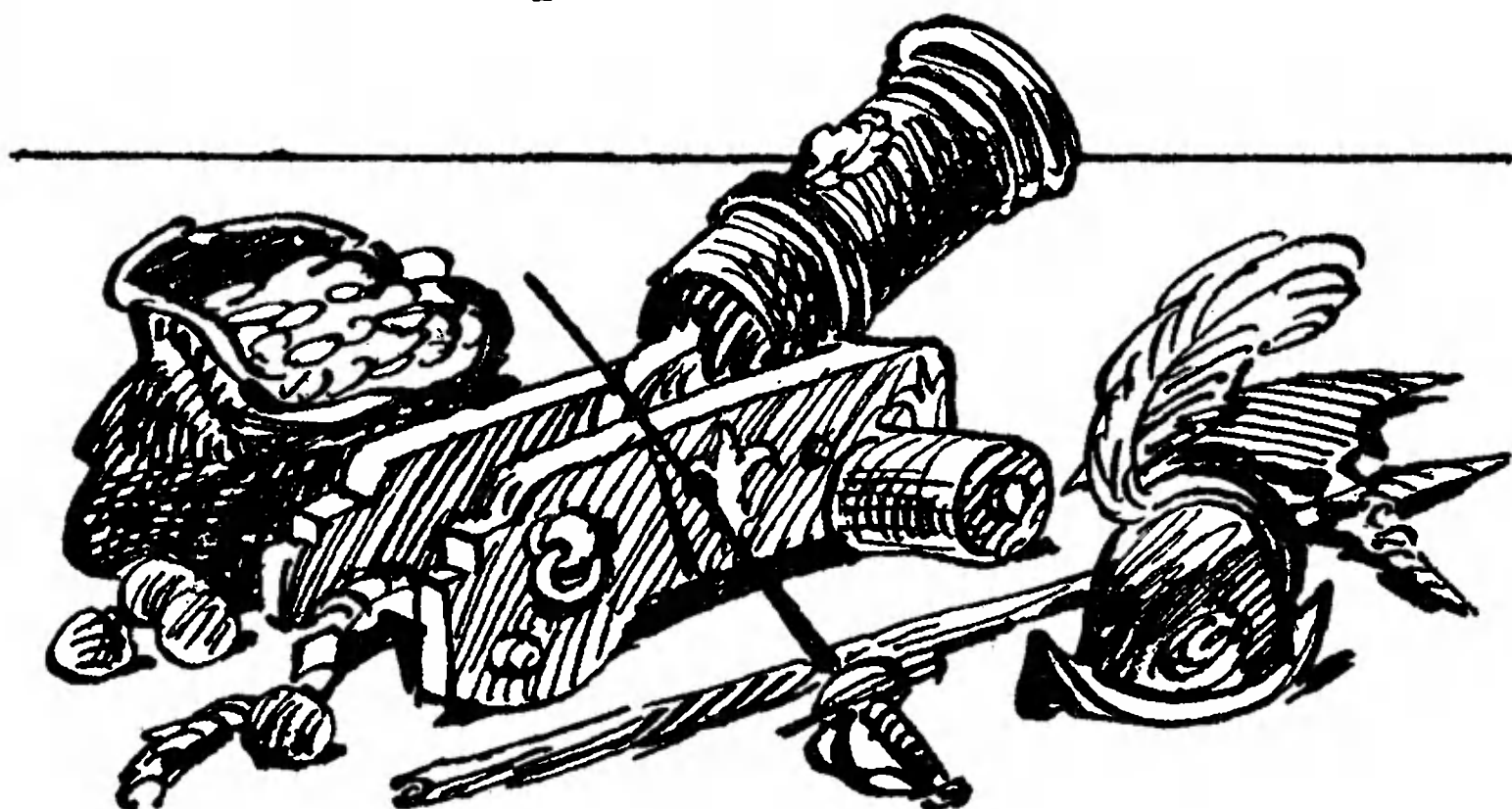
— Еще бы! — ответил Филипп и, смеясь, повернулся к кавалеру спиной.

Может быть, первый раз в жизни кавалер де-Граммон не нашелся что ответить.

Взятие Черепахи, как бы ни было достославно для флибустьеров, было только началом другой экспедиции, гораздо более важной, которую замышлял Филипп д'Ожерон, чтобы соединиться с любимой женщиной. Поэтому мы скоро увидим его, на этот раз не на острове посредственной важности, а среди богатых колоний береговых братьев, вместе с их неумолимыми врагами испанцами, где, сделавшись, сами того не зная, орудиями одного из своих братьев, любви которого они благоприютствовали без своего ведома, они завязали ту гигантскую борьбу, которая принадлежит скорее эпосе, чем истории, и которая набросила такой великий блеск на это товарищество страшных хищных птиц.

300 ТЯ РАСПИЛ

I

ЛОДКА

Сентября 25-го 16.. г., в ту самую минуту, когда солнце обильно проливало свои лучи на землю, томившуюся от зноя, легкая лодка, в которой сидели три человека, обогнула мыс Каквибакоа, проехала вдоль западного берега бухты Венецуэла и остановилась на песке у самого устья реки, не имеющей названия, проложив себе путь сквозь высохшие деревья и растения всех сортов, которые в этом месте почти совершенно загромождали течение этой мелкой реки.

Люди эти советовались шепотом несколько минут, тревожно рассматривая оба берега, довольно близкие в этом месте. Один из этих людей, более недоверчивый, а может быть более благоразумный, чем его товарищи, вынул из кармана зрительную трубу, инструмент очень редкий в то время, и направив его на один пункт, стал рассматривать чащу леса, потом сказал:

— Мы можем выйти на землю, на целую милю вокруг нас нет ни одного человеческого существа.

Тогда все трое выпрыгнули на берег, крепко привязали свою лодку, нос которой уже твердо воткнулся в песок, и сели в тени деревьев, густые ветви которых представляли восхитительное убежище от знойных лучей солнца.

Мы сказали, что в лодке приехали три человека. Испанский часовой, стоявший на башне Гвет, возвышающейся-

ся над входом в бухту Венецуэла, следил презрительным взором за легкой лодкой, которая прошла на ружейный выстрел от занимаемого им поста, сонный солдат, обманутый жалким видом лодки, принял ее за ту пирогу, которую употребляют индейцы для рыбной ловли, и не заботился о ней более. Однако, если бы внимательно рассмотрел ее, он задрожал бы от страха и призвал бы к оружию, узнав в мнимых индейцах не только береговых братьев, но главных их начальников, Монбара Истребителя и Тихого Ветерка. Действительно, это они въехали так смело в бухту Венецуэла. Товарищ их был человек лет тридцати пяти, роста огромного, геркулесовской наружности, гигант этот, как это часто случается, имел открытое, свежее и румяное, как у молодой девушки, лицо, толстые, красные и чувственные губы, великолепные белокурые волосы, падавшие шелковистыми кудрями на его плечи — словом, наружность его имела вид очаровательного добродушия, вовсе не походившего на простодушие и нравившееся с первого взгляда.

Костюм его состоял из фуражки с козырьком, из двух рубаш, надетых одна на другую, панталон, казакина из грубого полотна. Его сильные и мохнатые, как у медведя, ноги были голы, только сандалии из свиной кожи предохраняли его подошвы от укусов змей или камней на дороге. На нем был пояс из змеиной кожи, на котором висели с одной стороны пороховница и мешочек с пулями, а с другой футляр из змеиной кожи с четырьмя длинными и широкими ножами и штыком, свернутая палатка из тонкого полотна была переброшена через его плечо и дополняла его костюм. На нем было еще ружье.

Этот человек был работник Монбара и назывался Данник. Он был вполне предан своему господину, которому принадлежал уже два года. Монбар всегда выбирал его предпочтительно в опасных рекогносцировках, обыкновенно предшествующих его экспедициям.

Мы забыли упомянуть о великолепной испанской собаке, белой с рыжим, с длинными, широкими и висящими ушами, глаза которой сверкали умом. Она так же выпрыгнула из лодки и по знаку работника легла у его ног. Эта последняя носила имя Монако.

По какому стечению обстоятельств эти три человека и эта собака очутились так далеко от берегов, на которых они жили, в бухте Венецуэла, то есть на испанской земле и, следовательно, среди самых непримиримых своих врагов?

Это мы, без сомнения, узнаем, прислушавшись к их разговору.

Тихий Ветерок, как только сел, начал искать во всех своих карманах, выворачивая их один за другим и, по всей вероятности, отыскивая что-то, чего не мог найти, наконец, отказавшись от дальнейших поисков, он ударил себя по боку и вскричал с досадой:

— Конечно, только этого не доставало!

Монбар повернул к нему голову.

— Что с тобой? — спросил он.

— Я потерял трубку и табак, — ответил флибустьер, — понимаешь ты это? Что теперь я буду делать?

— Обойдешься и без этого, — сказал Монбар, — до тех пор, пока ты достанешь другую.

— Обойтись без табака! — вскричал флибустьер с глубоким удивлением.

— Я не вижу другого способа, ты знаешь, что я не курю.

— Это правда, — сказал он с унынием, — надо признаться, что с некоторых пор нам удачи нет.

— Ты находишь? — спросил Монбар со странной улыбкой. — Я с тобой не согласен.

— Тогда другое дело, — пробормотал флибустьер, потупив голову, — положим я не сказал ничего.

— У меня есть табак, — смиренно сказал работник, — правда немного, но достаточно, если вы желаете.

— Как! Если я желаю? — вскричал он с радостью. — Дай любезный Данник, дай! Ты, сам того не подозревая, мой милый, спасешь мне жизнь в эту минуту.

— Вот как! — возразил работник тихим голосом. — Вы думаете?

— То есть я это знаю наверно, поэтому поторопись.

— Я схожу в лодку, я там оставил под скамейкой, чтобы табак был посвежее.

— Какой драгоценный человек! Он думает обо всем, — сказал, смеясь, Тихий Ветерок.

Данник встал и пошел к лодке, но на половине дороги остановился и поспешно наклонился, вскрикнул от удивления.

— Зачем ты кричишь таким образом? — спросил Тихий Ветерок. — Разве ты наступил на змею?

— Нет, — ответил тот, — но я нашел ваш табак и вашу трубку, посмотрите-ка.

Он показал ему на карман, сшитый из пузыря вебря, и

трубку из красной глины с черешневым чубуком, которые он поднял в траве.

— Это правда, — сказал он, — я должно быть нечаянно выронил дорогой. Ну, по милости Божьей, беда не так велика, как я думал.

Он начал набивать трубку, которую ему принес Даник, и закурил ее с наслаждением, отличающим заядлых курильщиков. Работник снова сел под тень.

— Итак, старик, — сказал Монбар, улыбаясь, — ты теперь не находишь себя несчастным?

— Да, признаю, однако, не во гнев тебе будет сказано, до сих пор мы не можем похвалиться удачей.

— Ты слишком требователен, при первой неудаче тряешь голову и считаешь себя погибшим.

— Я не считаю себя погибшим, Монбар, особенно, когда я с тобой, но...

— Но, — перебил его знаменитый флибустьер, — ты считаешь себя в опасности, не так ли?

— Почему же мне не сознаться в этом, если это справедливо?

— Хорошо, у нас есть еще время, так как мы хотим переждать жару, прежде чем опять пустимся в путь. Говори, я слушаю тебя.

— Ты все еще намерен отправляться туда? — с удивлением спросил Тихий Ветерок.

— Ты знаешь, — с живостью сказал Монбар, — что я никогда не переменяю раз принятого намерения.

— Это правда, окончательно я становлюсь идиотом.

— Я не стану об этом спорить с тобой, ты должен знать это лучше меня, но не об этом идет речь.

— А о чем же?

— О неудачах, как ты говоришь.

— Это другое дело, не нужно быть колдуном, чтобы видеть это.

— Объяснись.

— Если ты требуешь.

— Конечно, я не прочь узнать, что должен думать об этом, говори без опасения.

— О! То, что я скажу, будет недолго. Мы уехали из гавани Марго на хорошем корабле, нас сорок человек, решительных и готовых пуститься на всякое предприятие, какое ты вздумаешь нам предложить, мы едем две недели, не примечая белого крыла чайки на поверхности моря, нам наскучило это уединение и мы приближаемся к берегам в

надежде на хорошую поживу. Северо-западный ветер заставляет нас убираться по добру по здорову, и мало того, в ту минуту, когда мы менее всего этого ожидаем, наша бедная шхуна прямо попадает на проклятую подводную скалу, которую мы не видим, и раскалывается надвое так, что через час идет ко дну, и наши бедные товарищи вместе с нею, к счастью...

— А! — перебил Монбар. — Ты говоришь к счастью, замечаю твое противоречие, стало быть, не все же нас преследовали беды.

— Замечай, что хочешь, наш корабль все-таки пошел ко дну и потопил наших товарищей.

— Что могли мы сделать? Разве это была наша вина?

— Я не говорю этого, конечно не наша.

— Ну что же случилось? Мы случайно взяли пирогу, брошенную на берегу, по какому-то предчувствию я велел Даннику положить туда съестные припасы, порох, оружие. В минуту несчастья он перервал канат, связывающий пирогу со шхуной, отъехал подальше, чтобы не быть опрокинутым потопляющей шхуной, и принять нас в ту минуту, когда, истощенные усталостью, мы чуть не пошли ко дну, а через шесть часов после этого мы вошли в бухту Венецуэла, где теперь нам нечего опасаться бури, и заметь, только одни остались живы из всего нашего экипажа.

— Да, это правда, я с этим согласен, но мы находимся вдали от наших братьев, предоставленные нашим собственным силам в такой стране, где и звери, и люди — все нам враждебно. Согласись, что ничего не может быть неприятнее, а теперь, если ты хочешь, не будем об этом больше говорить.

— Послушай, Тихий Ветерок, — сказал Монбар, — пора узнать тебе мои мысли.

— Как ты хочешь, — равнодушно ответил Тихий Ветерок, — мне все равно, умереть здесь или в другом месте, только бы погребение мое было хорошее.

— Будь спокоен, друг, если мы останемся здесь, то исчезнем не иначе, как среди грома и молнии.

— Ну и прекрасно! А теперь к черту печаль! От забот и кот издохнет, как говорит пословица, я не хочу ничего больше знать.

— Может быть, но я хочу сообщить тебе мои намерения, чтобы ты помог мне их исполнить.

— Хорошо. Говори, если хочешь.

— Слушай меня внимательно, дело стоит того. Шесть

недель тому назад я получил на Черепaxe, где находился в то время, известие чрезвычайно важное.

Тихий Ветерок несколько раз покачал головой.

— Хорошо, — прошептал он, — далее.

— Я вооружил шхуну нарочно для того, чтобы приехать сюда, я имел намерение спрятать ее в какой-нибудь бухте, потом взять с собой в лодку человек пять-шесть, самых решительных, приехать сюда...

— Стало быть, все как следует, только вместо шестерых нас трое, а это все равно. Так и надо было сказать сейчас. Хорошо, теперь когда я знаю, что мы должны были приехать сюда, я уже не тревожусь.

— Да, но мы не здесь должны остановиться, — сказал Монбар с улыбкой.

— Мы едем дальше?

— Да немножко, — ответил флибустьер, — мы едем в Маракаибо.

— Что? — вскричал Тихий Ветерок с удивлением. — В Маракаибо?

— Да.

— Но ты знаешь, что в этом городе по крайней мере тысяч двенадцать жителей.

— Что мне до этого?

— Там гарнизона шесть тысяч человек.

— Большая мне нужда!

— Пушки...

— Еще что?

— Уж не имеешь ли ты намерения взять Маракаибо? — закричал Тихий Ветерок не только с изумлением, но почти с испугом, до того казалось ему странно хладнокровие Монбара.

— Может быть, — ответил Монбар с тем насмешливым спокойствием, которое не оставляло его с начала разговора.

— Я видел много отважных твоих экспедиций, но, если это удастся, она будет самая невероятная. Итак, ты, я, Данник и Монако будем атаковать Маракаибо, — прибавил Тихий Ветерок смеясь. — Мысль оригинальная, вероятно, нам не удастся, но это все равно, все-таки хорошо будет это предпринять. Мысль достойна тебя и, что ни случилось бы, я присоединяюсь к ней от всего сердца.

— Когда ты перестанешь насмехаться, — сухо сказал Монбар, — я буду продолжать.

— Я не насмехаюсь, друг мой, но эта мысль — прости за выражение — кажется мне до того шутовскою...

— Что, по твоему мнению, я помешался, не так ли? — с живостью перебил его Монбар. — Успокойся, я нахожусь в поном рассудке, я никогда не был так спокоен, как в эту минуту, я не имел намерения даже с помощью Монако атаковать Маракаибо, после мы увидим, что будет. А теперь просто надо пойти в город.

— Гм! Это просто кажется мне очень трудно, признаюсь в моем неумении, и, если ты не придумаешь способа...

— Я придумаю, когда настанет время.

— Но прежде чем вступить в город, надо добраться до него, а это кажется мне не очень легко.

— Нам осталось только двенадцать лье, не более.

— Со мною случались такие минуты, когда и четверть лье трудно было пройти. Однако, что же хочешь ты делать?

— Друг мой, в такой отважной экспедиции, как наша, когда всякая вероятность на успех против нас, составлять планы было бы глупостью, лучше руководствоваться случаем. Случай всегда был покровителем береговых братьев. Он нам не изменит.

— Я вижу, что, если это продолжится, очень весело нам будет.

— Ты раскаиваешься, что поехал со мной?

— Черт побери! Только мне хотелось бы, чтобы Мишель Бискаец и Олонец тоже были с нами, а их нет.

— Как же быть? Милый друг, нужно обойтись без них.

— Досадно будет, особенно Мишелю, когда они узнают, что мы сделали без них.

— Теперь, если ты немножко отдохнул, так как уже жара не так сильна, мы будем продолжать путь.

— А долго нам придется грести как Караибам?

— Нет, только до завтра.

— Ну и слава Богу! А все-таки мы поступаем очень оригинально. Стало быть, полученное тобой сведение было серьезно на этот раз.

— Да, — отвечал Монбар, — кажется, я теперь напал на след, горе тем кто попытается обманывать меня и сделать жертвою засады! Испанцы еще меня не знают, если считают настолько тупым, чтобы я решился попасть в ловушку! Как ни велик и силен Маракаибо, я сожгу его дотла.

— Непременно хочет, — пробормотал Тихий Ветерок,

— но кто знает? Странно будет, если он найдет его после двадцати лет, прибавил он.

В ту минуту, когда флибустьеры выдвинули лодку на воду, они слышали довольно отдаленный крик и почти тотчас двойной выстрел.

— Здесь дерутся, — сказал Тихий Ветерок.

— Какое нам дело? — ответил Монбар, пожимая плечами. — Поедем!.

Они взяли весла и начали пролагать своей лодке путь сквозь растения и стволы деревьев, грозившие каждую минуту опрокинуть их утлый челнок.

II

ТРИ ЧЕЛОВЕКА И ПЯТЬСОТ АЛЛИГАТОРОВ

Берега реки, на которых находились авантюристы, были самые живописные; к пяти часам пополудни озеро средней величины представилось их глазам.

На восточном берегу находились обширные болота, на западе большие леса и померанцевые деревья; потом они проехали мимо бухты, окаймленной кипарисами. Оба берега сближались тут таким образом, что составляли род узкого канала, который вел к другой реке, называемой Тринидад.

Приближался вечер, пора было подумать как устроиться на ночлег; в этих тропических странах мрак без перехода заменяет свет; едва закатится солнце, настает густая темнота.

Флибустьеры в этих совершенно неизвестных для них местах не знали где остановиться, когда на повороте реки заметили небольшой мыс, почти полуостров, где земля была совершенно покрыта померанцевыми деревьями, молодыми дубами и пальмами.

— Поедем туда, — сказал Монбар, — лучше не найдем.

— Поедем, — ответил Тихий Ветерок.

Они обогнули реку и пристали к избранному ими мес-

ту, которое действительно было так удобно, как они только могли пожелать.

Это была кругообразная пристань, имевшая около двенадцати футов вышины. За этим пригорком находилось большое кипарисовое болото, а за ним виднелись зеленые равнины с маленькими пригорками, усаженные магнолиями и пальмами. Эти пригорки были нечто иное, как груды раковин, накопившихся на берегу ручьев, изливающих по этим огромным равнинам и получающих воду, которой эти равнины орошаются во время зимы.

Флибустьеры раскинули свой стан на открытом месте в нескольких шагах от их лодки, которую они крепко привязали у большого дуба, без сомнения старейшего в этих диких областях и который рос одиноко на самой возвышенной части, как будто хотел царить над грандиозным пейзажем, окружавшим его. Поместившись таким образом, флибустьеры могли видеть все, что происходит на реке.

Когда Данник собрал достаточное количество дров, чтобы развести огонь на ночь, он хотел заняться ужином. Было поздно, день был утомительный и эти три человека имели хороший аппетит, но рассматривая провизию, работник приметил, что ее почти не осталось. Это было очень важно, флибустьеры начали советоваться. Все трое были люди, привыкшие к жизни американских степей и без всякого беспокойства рассмотрели окрестности своего прежнего жилища, чтобы удостовериться, какие ресурсы оно может им предложить.

За пятьдесят шагов от их лагеря начиналась бухта, очень узкая, но расширявшаяся и составлявшая небольшое озеро, оканчивавшееся болотом. На берегах озера росли разные, морские растения, близость которых любит форель. По всей вероятности, тут можно было наудить этой рыбы. Следовательно, часть ужина была почти найдена. Сверх того, берега и островки лагуны были усыпаны растениями и кустами в цвету. Стаи бакланов с распростертыми крыльями бегали и прятались, играя под муравой. На воде плавали молоденькие чирки, они спокойно следовали за своими матерями и часто некоторых захватывали огромные форели, делавшиеся в свое время добычей какого-нибудь жадного крокодила. Следовательно, к ужину было все: и рыба, и дичь, и вкусные плоды. Оставалось только наудить форели, убить бакланов и чирков, и нарвать плодов.

Работу разделили. Монбар взял на себя охоту, Тихий Ветерок рыбную ловлю, Данник пошел собирать плоды, а Монако, важно сидя на хвосте, караулил стан, с интересом следя за движениями своих хозяев.

Погода была тихая и довольно свежая, крокодилы начинали реветь и показываться в большом количестве вдоль берегов. Вдруг аллигатор вышел из-под листьев и тростника, среди которого до тех пор скрывался. Страшное животное раздуло свое огромное тело, время от времени приподнимая свой шероховатый хвост. Вода лилась из его полуоткрытой пасти, и из ноздрей вырвался пар. От рева его задрожал берег.

Три флибустьера остановились среди своего занятия и, несмотря на свою храбрость, задрожали от ужаса. На крик аллигатора отвечал другой такой же крик с противоположного берега, и показался другой аллигатор. Два чудовища бросились друг на друга, вспенивая воду на своем пути.

Тогда началась страшная битва или, лучше сказать, поединок. Сцепившись друг с другом, они сначала исчезли в воде, из глубины которой тотчас показалась густая тина, смутившая воду на большом расстоянии. Они вскоре появились опять, все сцепившись. Наполняя воздух беспрестанным шумом своих тяжелых челюстей, они снова погрузились в воду и битва кончилась на глубине озера.

Побежденный, пользуясь вероятно мутной водой, спрятался в отдаленном болоте. Победитель явился на поле битвы, он ревел от радости. Многочисленные аллигаторы, свидетели поединка завывали, приветствуя его, эхо повторило эти страшные крики, раздавшиеся вдали в испуганных лесах.

Это страшное зрелище, при котором флибустьеры присутствовали неожиданно, внушило им серьезные опасения, они чувствовали, что каждая минута увеличивает их затруднение и опасность. Солнце закатывалось, крокодилы прибывали со всех сторон к той пристани, на которой буканьеры раскинулись станом на почлег. Соображения эти принудили их кончить как можно скорее ловлю в реке рыбы и чирков. Монбар и Тихий Ветерок позвали Данника и уехали с ним в лодке, оставив лагерь под караулом Монако. Они оставили свои ружья, которые сделались для них бесполезны, и вооружились тяжелыми копьями, более удобными для защиты против аллигаторов, если бы те вздумали на них напасть.

Когда они добрались до первой линии аллигаторов, те

расступились. Однако, так как самые большие поплыли за ними, флибустьеры остерегались и сильно гребли к входу в лагуну, в надежде, что там они будут в безопасности от нападающих. Но на половине дороги на флибустьеров вдруг напали аллигаторы со всех сторон. Некоторые старались даже опрокинуть лодку. Четыре самых больших вдруг напали на нее. Они ревели страшным образом и изрыгали пену на флибустьеров, положение которых становилось критическим. Они каждую минуту ожидали, что будут сброшены в реку и сожраны. Им удалось однако с чрезвычайными затруднениями стать у берега, вдоль которого они могли подвигать лодку, не подвергаясь такой большой опасности. Пока Монбар и Тихий Ветерок гребли, Данник, вооруженный огромным копьем, держал аллигаторов поодаль. Воспользовавшись этой отсрочкой, флибустьеры наловили форели и убили чирков, потом поспешили как можно скорее воротиться в свой стан. Хотя аллигаторы столпились перед входом в пристань, однако отважные флибустьеры успели добраться до своего стана.

Первой попыткой их было вытащить лодку на берег, чтобы чудовища не опрокинули ее и не потопили, взять из нее все, что в ней лежало. Флибустьеры расчистили землю около себя, чтобы на пути их не было никакого препятствия, в случае ночного нападения. ни с реки, ни с земли. Действительно, они заметили, что перешеек, выбранный ими по причине своего уединенного положения и плодородия, посещается волками и медведями, следы которых были очень видны.

Осмотрев окрестности стана, флибустьеры занялись приготовлением ужина и развели костер.

Было уже темно, крокодилы прекратили свой рев. Флибустьеры начали есть с аппетитом, когда страшный шум, вдруг поднявшийся с реки недалеко от их стана, снова возбудил их внимание. Тогда они сделались свидетелями странного зрелища, наполнившего их удивлением и восторгом. Шум, услышанный ими, исходил от бесчисленного множества аллигаторов, столпившихся у входа в пристань. Река по всей поверхности от одного берега до другого была сплошь покрыта рыбами разного сорта, которые толпились в этом узком канале, чтобы пройти из реки в озеро. Крокодилы, ожидавшие их, были так многочисленны и так близко друг к другу, что реку можно было бы пройти по их головам.

Пером невозможно было описать страшное истребле-

ние в то время, когда густая колонна рыб усиливалась проложить себе путь, миллионы были поглощены голодными чудовищами. Крокодилы, выбрасывая из воды по нескольку рыб, вдруг схватывали их в воздухе и раздирали зубами, хвосты форели висели у их губ и закрывали им глаза, пока они проглатывали головы, челюсти их стучали со страшным шумом. Потоки крови и воды выходили из пасти, из ноздрей изрыгались клубы дыма. Это страшное убийство длилось, пока не была истреблена вся рыба.

Как не было ужасно это зрелище, однако оно способствовало успокоению флибустьеров, показало им, что причиной этого огромного собрания крокодилов было периодическое возвращение рыб и что, следовательно, они были слишком заняты в своей собственной стихии, насыщая себя, для того чтобы думать о нападении на стан.

Итак, флибустьеры принялись ужинать, потом подбросили дров в огонь, чтобы он не погас, и скоро заснули с той беззаботностью, которую может дать одна привычка к опасности.

Было около двух часов утра, когда Данника вдруг разбудил Монако, который лизал ему лицо и тихо ворчал.

— Что с тобой, моя добрая собака? — сказал великан, потирая себе глаза и бросая вокруг вопросительный взгляд. Все было спокойно и тихо, в чем Даннику легко было удостовериться по милости света, обильно проливаемого лучами луны, и миллионов звезд, усыпавших небо. Однако работник, убежденный в понятливости собаки и в том, что она разбудила его не даром, схватил ружье и стал внимательно прислушиваться.

Через минуту послышался почти неслышимый шум с земли, собака все ворчала. Данник осторожно встал и снова прислушался, скоро он ясно услышал шум какого-то животного, которое шло по воде. Работник не считал нужным будить своих товарищей, но, так как он с нетерпением желал узнать причину шума, становившегося все сильнее, и так как этот шум мог возвещать опасность, он вышел из стана и осторожно направился к входу в гавань.

Когда он сделал шагов сто, он остановился и спрятался за померанцевые деревья. Монако не оставлял его ни на минуту, но против своей привычки, вместо того чтобы броситься вперед он шел опустив хвост позади своего хозяина. Это заставило призадуматься работника. Неприятель, шаги которого он слышал, вероятно, был страшен, поэтому он приготовился хорошенько его принять.

Впрочем ожидание его было непродолжительно. Через несколько минут Данник приметил в пятидесяти шагах от себя двух больших черных медведей, которые, пройдя через реку, вошли в лес и тихо подвигались к нему. Медведи вероятно еще не пронюхали работника, потому что продолжали идти медленно, не обнаруживая никаких признаков беспокойства, но, остановившись почти в пятнадцати шагах от флибустьера, они почуяли его и взглянули в ту сторону, где он находился.

Данник понял, что они увидели его, выстрелил из ружья, и один из медведей, самый большой, повалился на-земь, второй обернулся и убежал, бросившись в болото, где исчез через минуту. Работник вышел из-за дерева и бросился к медведю, чтобы доконать его в случае, если он не совсем мертв. Когда он подошел к нему, он узнал, что медведь убит наповал, пуля вошла ему в глаз.

Монбар и Тихий Ветерок, пробудившись от ружейного выстрела и думая, что на них напали, прибежали на помощь к Даннику. В ту же минуту Монако, до сих пор осторожно державшийся позади своего хозяина, бросился вперед и бешено залаял.

— Еще что-то такое, — сказал работник, поспешно заряжая опять свое ружье. — Смешная страна, где ни одной минуты нельзя оставаться в покое!

— Поздравляю тебя, — сказал Монбар, — какой удачный выстрел! Счастливая у тебя была охота!

— Она еще не кончилась, — ответил великан, — слышите, как лает Монако?

— Это правда, — ответил Тихий Ветерок, — он что-то почуял, но меня удивляет, что его лай скорее походит на радостный, чем на сердитый.

— В самом деле, это странно, — ответил Данник.

— Посмотрим, — сказал Монбар, и, взведя курок ружья, для того чтобы быть готовым на всякий случай, он решительно пошел за собакой.

Товарищи последовали за ним. Они прошли лес, укрываясь за каждым деревом, и в несколько минут добрались до рубежа. Тогда они увидели на ружейный выстрел от того места, где находились, двух человек, которые с ружьем на плече большими шагами направлялись к ним. Монако прыгал и скакал с радостным лаем.

— Это становится все интереснее, — сказал Монбар, — Монако как будто узнал знакомых. Как это возможно,

черт побери! Уж нет ли у него друзей между испанцами, я хочу это узнать.

Говоря таким образом, флибустьер сделал несколько шагов вперед и закричал громким голосом:

— Кто идет?

— Друзья! — тотчас ответил по-французски один из подходивших.

— Друзья, пусть так, — ответил Монбар, — хотя мне кажется, что голос мне знаком, однако, товарищи, прежде чем подойти, скажите ваше имя.

— Очень охотно, Монбар, — ответил тот, — я Филипп.

— Филипп! — вскричал флибустьер с удивлением. — Какая приятная встреча!

Выйдя из-за деревьев, они бросились навстречу к подходившим, которые со своей стороны ускорили шаги.

Это действительно были Филипп и Питриан.

Горячо поприветствовав друг друга, флибустьеры весело вернулись в свой стан, куда не забыли перенести медведя, которого Данник убил так ловко и который был невольной причиной встречи флибустьеров.

Ш

ФЛИБУСТЬЕРЫ

Когда все уселись около огня, в который Данник подбросил связку сухих дров, Монбар спросил Филиппа, по какому случаю находится он так далеко от мест, посещаемых флибустьерами.

— Я бы мог задать вам тот же вопрос, любезный Монбар, — улыбаясь, ответил Филипп. — Случай этот странен и для вас и для меня.

— Это правда, друг мой, — сказал Монбар, — но меня привел сюда не случай.

— А что же?

— Буря, друг мой. Я лишился моей шхуны и пристал сюда, не зная, где я нахожусь, спешу прибавить, что попал в бухту Венецуэла, которую давно мечтал осмотреть.

— А ваша команда?

— Кроме этих двух товарищей все другие умерли.

— Как это печально! — Сказал Филипп, качая головой. — А я откровенно скажу вам, любезный Монбар, что я уехал с острова Черепахи с решительным намерением приехать сюда.

— Не случилось ли и с вами несчастья, как со мной?

— Нет, слава Богу! Мое судно спрятано среди деревьев, которые составляют густой занавес и где испанцы никаким образом не приметят его.

— Браво, товарищ, это известие тем для меня приятнее, что, признаюсь, я не знал как мне выбраться из этой засады.

— Я в вашем распоряжении, как вам известно.

— Благодарю. Когда вы приехали?

— Вчера в восьмом часу вечера. Сегодня утром, прежде чем выйти на берег, пока я осматривал горизонт, я приметил вашу лодку, огибающую маяк. Не зная, положительно, кто находится в этой пироге, я однако узнал с первого взгляда, что это лодка береговых братьев. Я немедленно высадился на берег и пошел вас отыскивать, чтобы, если вам нужно, предложить мои услуги.

— Благодарю еще раз, друг мой, за меня и моих товарищей, потому что мы находились в положении довольно затруднительном. Я действительно вижу, что случай, о котором я говорил, ничего не значит во всем этом деле, но позвольте мне задать вам еще один вопрос.

— Я к вашим услугам.

— Каким образом, отыскивая нас с утра, вы нашли нас только ночью?

— Позвольте мне сказать, что вы сами в этом виноваты.

— Каким образом?

— Вы разве не слышали наших сигналов?

— Постойте, — сказал Тихий Ветерок. — Кажется, я слышал ружейный выстрел незадолго до заката солнца.

— Да, рискуя быть услышанными индейцами — ведь вы знаете, что мы здесь на индейской земле — мы с Питрианом не переставали стрелять целый день.

— Мы слышали выстрел только один раз.

— Да, — прибавил Монбар, — и не хотели отвечать, боясь иметь дело с испанскими буканьерами.

— Испанцы не смеют показываться сюда. Здешние жители-людоеды ведут с ними ожесточенную войну.

— Это знать хорошо.

— Словом, мы отчаялись найти вас и приготовились возвратиться к нашему судну, когда ружейный выстрел, сделанный Данником в медведя, показал нам то место, где вы находитесь. Видите любезный Монбар, что все это очень просто.

— Это правда, любезный друг, но вы мне не сказали, какая причина вас привела на этот берег, впрочем, если эта причина должна остаться тайной, извините меня, будем говорить о другом.

— Я не имею никакой причины, друг мой, скрывать, особенно от вас, что привело меня на этот берег. Я приехал осматривать эту местность, чтобы предпринять экспедицию против Маракаибо, в котором, если слухи не лгут, заключаются огромные богатства.

— Правду ли вы говорите, друг мой? — с живостью вскричал Монбар. — Неужели вы для этого приехали сюда?

— А для чего же другого?

— Правда, и, платя откровенностью за откровенность, любезный Филипп, я скажу вам, что у меня одна цель с вами; я также хочу предпринять экспедицию против Маракаибо.

— Вот как! — радостно вскричал молодой человек. — Как это кстати. Тогда я вам охотно уступаю начальство над экспедицией. На это начальство вам дают неоспоримые права ваша опытность и ваша слава, с условием, что мне быть вашим помощником.

— Это решено? — спросил Монбар, протягивая ему руку.

— Ей-богу! — ответил молодой человек, энергично пожимая руку знаменитому флибустьеру. — Так решено, друг мой, что, если вы хотите, с этой же минуты я отдаю себя в полное ваше распоряжение и предоставляю вам начальство над моим судном.

— Принимаю ваше предложение так же чистосердечно, как вы сделали его мне, но только относительно экспедиции, то есть рекогносцировки, которую мы располагаем предпринять, вы сделаете мне одолжение, если сохраните начальство над вашим судном. Надеюсь скоро дать вам другое начальство, поважнее, когда мы возвратимся сюда.

— Как вам угодно, любезный Монбар.

В этом разговоре Данник не участвовал, он деятельно занимался медведем. Сначала он отрубил ему лапы, кото-

рые зарыл под золу, потом снял с него шкуру, с необыкновенным проворством разрезал на куски мясо, которое зажарил вместе с двумя великолепными форелями и чирком, надетым на ружье как на вертел. Потом он нарвал апельсины, лимоны и другие плоды, положил листья вместо тарелок, и, кончив все эти приготовления, приблизился к костру.

В эту минуту солнце великолепно показалось на горизонте.

— Завтрак готов, — сказал Данник.

— Будем же есть, — сказал Тихий Ветерок.

— Мы поговорим за завтраком, — заметил Монбар.

— Тем более, что я умираю с голода, — прибавил Питриан, еще не раскрывший рта.

Весело сели за стол, то есть каждый сел на траве перед листом, который служил ему вместо блюда, и завтрак начался. Охотники никогда не едят долго, и завтрак этот продолжался только полчаса, и то еще, если он длился так долго, то по причине количества, а особенно необыкновенного качества пищи, которое подавал Данник.

Достойный великан не помнил себя от радости от похвал, которыми осыпал его Монбар за его поваренное искусство. Когда завтрак был кончен и трубки раскурены, Монбар заговорил:

— Теперь будем рассуждать.

— Я очень этого желаю, — ответил Филипп.

— Расскажите мне план, любезный друг, и объясните, каким образом намерены вы произвести рекогносцировку города Маракаибо и крепости Гибралтар, потому что для успеха наших планов необходимо знать пункт, который мы хотим атаковать, чтобы не сделать ошибки.

— Я думаю, — сказал Тихий Ветерок, — что было бы хорошо производить рекогносцировку отдельно.

— Объясни, — сказал Монбар.

— Я хочу сказать, чтобы одному из нас было поручено особенно осмотреть берег, другому внутренность земли, третьему город, а четвертому крепость.

— Не считая пятого, который должен измерить глубину залива, а это очень важно, по моему мнению, потому что в заливе этом находится много опасных отмелей, — сказал Питриан. — И на этих отмелях наши суда могут потерпеть крушение.

— Питриан говорит дело, — заметил Монбар. — Что вы думаете обо всем этом, любезный Филипп?

— Я нахожу их очень справедливыми, Монбар, — все эти сведения, действительно, нам необходимы, и мы должны во что бы то ни стало собрать их.

— Хорошо, надо только сговориться и разделить роли.

— Это право принадлежит вам одному, Монбар.

— Хорошо, вот, по моему мнению, как мы будем действовать. Тихий Ветерок, как старый опытный моряк, возьмет на себя осмотреть берег.

— Хорошо, я ничего лучшего не желаю.

— Данник измерит бухту. Это самое опасное поручение, требующее большой ловкости, я надеюсь, что ему удастся.

— Удастся, — ответил великан, польщенный доверием к нему Монбара, и, горя нетерпением оправдать его.

— Остается осмотреть внутренность страны, город и крепость. Питриан долго был таможенником, это его дело. Он возьмет с собой двух товарищей для защиты от индейцев и Данник отдаст ему Монако, в котором он не имеет нужды.

— Хорошо, — ответил Питриан. — Я прошу только два дня, чтобы узнать всю местность как свои пять пальцев.

— Теперь, — сказал Монбар, — разговор идет только о городе и крепости. Кажется, здесь надо слегка изменить наш первый план, по причине препятствий, которые могут встретиться. Вы говорите по-испански, как уроженец старой Кастилии, любезный Филипп, со своей стороны я тоже хорошо говорю на этом языке. Вот, что мы сделаем: мы вместе отправимся в Маракайбо, попав в этот город, мы будем действовать в зависимости от обстоятельств. Что вы думаете об этом?

— Я полностью разделяю ваше мнение и готов повсюду следовать за вами, куда бы вы меня не повели.

— Это решено, только нам недостает несколько необходимых вещей, чтобы пробраться в город, не вызывая подозрения, а я боюсь, что нам невозможно будет их достать.

Филипп лукаво улыбнулся.

— Какие же это необходимые вещи, любезный Монбар? — спросил он.

— Во-первых, и прежде всего, друг мой, одежда.

— У меня три полных сундука на моем судне.

— Прекрасно. Потом золото, много золота. Признаюсь, я не спас ни одного пиастра во время кораблекрушения.

— Я могу предложить вам пятьдесят тысяч пиастров. Достаточно этого?

— Конечно, друг мой, даже гораздо больше, чем требуется.

— Очень хорошо. Видите, до сих пор я отвечал на все ваши вопросы.

— Превосходно отвечали, друг мой. Мне остается задать вам еще один вопрос, к несчастью, я боюсь, что на этот вопрос вы не сможете дать такого благоприятного ответа, как на другие.

— Откуда вы знаете? Посмотрим, каков вопрос, друг мой.

— Вы знаете, не правда ли, как испанцы подозрительны и какие меры предосторожности применяют они, чтобы не допустить чужестранцев в их колонии на твердой земле.

— Я это знаю, друг мой, потом?

— Вот и все, друг мой. Я спрашиваю себя, каким образом нам удастся войти в город.

— О, очень легко!

— Я в этом сомневаюсь.

— Маловерный! — сказал, смеясь, молодой человек. — Я не только дам вам золото, вещи и необходимую одежду, чтобы хорошо разыграть роль идадьго, даже испанского гранда, если вы этого пожелаете, но и обязуюсь доставить вам бумаги, по которым все городские власти не только предоставят вам полную свободу, но, сверх того, отдадут себя в полное ваше распоряжение.

— Если вы это сделаете, любезный друг, то я скажу, что вы колдун.

— Черт побери! — смеясь, сказал Филипп. — Пожалуйста не говорите этого в Маракаибо. Я ужасно боюсь инквизиций и не хочу быть сожженным на костре.

— Вы приводите меня в глубочайшее изумление, друг мой. Каким образом вы приготовили все это?

— Я ведь сказал вам, что нарочно приехал на этот берег.

— Действительно, вы мне это говорили.

— Ну, друг мой, вот уже три месяца, как я приготовился. Монбар несколько раз покачал головой.

— Для чего вы качаете головой таким образом? — спросил его Филипп.

— Друг мой, — ответил Монбар с задумчивым видом. — Я самый старый и близкий друг д'Ожерона, вашего дяди. Я вас видел вот таким, я знаю ваш характер, точно вы мой родной сын. Ваше сердце великодушно, ваша душа благородна. Во всех наших экспедициях вы ищите прежде всего славы. Я несколько раз видел, как вы отказывались от экспедиций очень прибыльных, потому что, по вашему мнению, в них можно было только приобрести деньги, а не славу. Правду ли я говорю, Филипп?

— Правду, любезный Монбар. Но что вы заключаете из этого?

— Ничего, друг мой, я знаю все, что желал узнать.

— Я вас не понимаю, Монбар, объясните пожалуйста.

— К чему, друг мой?

— Пожалуйста!

— Если так, я вам скажу, что вы никогда не убедите меня, любезный друг, в том, будто вы хотите предпринять эту опасную экспедицию в надежде ограбить город, как бы ни был он богат.

— Извините, друг мой.

Монбар не ответил.

— Вы теперь улыбаетесь и опять качаете головой, что же вы предполагаете?

— Я ничего не предполагаю, Филипп, сохрани меня бог предполагать что-нибудь. Вы молоды, вот и все, а страсти молодости не похожи на страсти зрелого возраста. Скупость есть порок стариков.

Филипп слегка покраснел и потупил голову в замешательстве, что его угадали, но, тотчас оправившись, сказал:

— Ничто не мешает, любезный Монбар, против вас самих ваши собственные слова.

— Как это, друг мой?

— Вы любите деньги еще менее меня, потому что, если бы хотели, вы давно были бы первым богачом между флибустьерами.

— Вы правы, друг мой, я деньги не люблю.

— Хорошо, вы меня не убедите также, что вас побуждает к этой экспедиции надежда на грабеж.

— Я не стану уверять вас в этом.

— А! а! — сказал Филипп смеясь. — Стало быть, вы имеете другую цель?

— Не отпираюсь.

— Какая же это цель?

— Мщение! — сказал Монбар сухим голосом.

Филипп с минуту молчал.

— Может быть, и я имею эту цель, — сказал Филипп.

— Нет, Филипп, у вас нет ненависти к испанцам.

— Ах! Что вы...

Монбар перебил его улыбаясь:

— Я вам скажу эту цель, если вы не имеете ко мне доверие, чтобы самому признаться в этом. Вы отыскиваете женщину, вы влюблены.

— Я! — вскричал Филипп, сделав отрицательный жест.

— Я не требую от вас признания в вашей тайне. Напротив, сохраните ее, закопайте в самую глубину вашего сердца. Вспомните только, что я ваш друг и что в тот день, когда вы будете нуждаться во мне, я буду готов служить вам, что бы не случилось.

— О, друг мой! — вскрикнул Филипп в порыве радости.

— Ни слова больше об этом, друг мой, прекратим этот разговор. В эту минуту мы должны заняться делами гораздо более серьезными, чем то, о котором вы без сомнения хотели бы говорить со мной теперь, когда узнали, что я прочел в глубине вашей души. Всему свое время. Подумаем о самом важном, а теперь для нас самое важное вернуться на ваше судно, самой короткой дорогой.

— Вы правы, друг мой, пойдем немедленно.

— Мы не очень далеко, кажется, вы сказали?

— Моя шхуна только в двух лье отсюда. Если мы будем двигаться по воде, то путь продолжится около часа.

— Я предпочитаю, если для вас все равно, сделать более продолжительный путь по берегу. Наша лодка очень мала, и притом нас вчера до того теснили аллигаторы, что мне не хотелось бы опять иметь дело с ними, не потому, чтобы я боялся смерти — просто человек, поставивший перед собой задачу, не имеет права, а глупо терять жизнь пока не выполнит эту задачу.

Флибустьеры, старательно спрятав лодку в кусты, чтобы иметь возможность найти ее, если она понадобится, пошли за Филиппом по тропинке, едва проложенной хищными зверями, которая должна была привести к тому месту, где стояла шхуна.

IV

ПЛАН КАМПАНИИ

Тропинка, по которой шли авантюристы, шла вдоль берега.

Из бесчисленного множества аллигаторов, загромаждавших прошлую ночь ход в озеро, осталось только не-

сколько, многие заснули на берегу, где грелись на солнце и валялись в грязи, другие небрежно плавали, без определенного направления. Флибустьеры заметили огромного аллигатора, который плыл по течению и страшно выл и кричал, сотни молодых аллигаторов следовали за этим чудовищем, которое, вероятно, было их матерью или покровительницей. Они плыли все вместе, составляя длинную колонну, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Все эти молодые аллигаторы казались одного возраста, они были около двенадцати дюймов длины, с черными полосами или желтыми пятнами, и по цвету походили на гремучих змей. При угрожающих криках матери, аллигаторы, забавлявшиеся в реке, спешили дать ей дорогу, по-видимому, не желая вступать с ней в борьбу.

Продвигаясь по берегу, флибустьеры заметили на повороте множество пригорков или маленьких пирамид, похожих на стога сена и раскрытых как палатки на берегу реки. Они находились на болотистой почве, возвышаясь на четыре перпендикулярных фута над водой. Многие большие аллигаторы плавали в окрестностях.

Эти пригорки были ничто иное, как гнезда аллигаторов, многие были брошены и около них на земле виднелась большая белая скорлупа от разбитых яиц.

Хоть флибустьеры и спешили дойти до шхуны, однако любопытство их было так возбуждено, что они решились осмотреть эти гнезда, часто слыша о них, они никогда их не видели.

Вот каков был результат их осмотра. Эти гнезда имели форму усеченных конусов, четыре фута в высоту и пять футов в диаметре. Они сложены из травы и тины. Вот каким образом крокодилы строят свои гнезда: они кладут сначала на землю слой травы и тины, а на него ряд яиц, который покрывают другим таким же слоем, дюймов в восемь толщиной, потом другой ряд яиц, и продолжают таким образом до вершины. В каждом гнезде заключается от ста до двухсот яиц. Вероятно, детеныши вылупливаются от солнечного тепла. Может быть, также растительность, которая находится у земли, прогреваясь солнцем, начинает бродить, в результате чего увеличивается температура в этих гнездах, я предоставляю ученым людям решить этот интересный вопрос.

Земля на расстоянии нескольких десятин около этих гнезд носила очевидные следы присутствия крокодилов. Земля везде была изрыта. Не оставалось почти ни одного

растения, между тем как далее трава была очень густая и имела футов шесть в вышину.

Очевидно, самка старательно смотрит за своими гнездами до тех пор, пока из яиц не вылупится потомство, и может быть, в то время как она караулит свои яйца, она берет под покровительство всех детенышей, вылупившихся в то же время из других гнезд, потому что детеныши никогда не предоставляются сами себе. Мы упоминаем здесь, что любовь самок к своим детенышам удивительна и похожа во всех отношениях на любовь кур к цыплятам. Она также внимательно и горячо защищает своих детенышей, заботится об их пропитании, и когда лежит на солнце, то слышно, как своими криками зовет их к себе.

Шестая часть, а часто и менее, достигает зрелого возраста. Большие крокодилы, нисколько не стесняясь, пожирают маленьких, пока те не в состоянии защищаться.

Американские аллигаторы ныне так известны, что мы описывать их не станем, мы скажем только, что когда аллигатор достигает всего своего развития, то это большое и страшное животное значительной силы, легкость и скорость которого в воде изумительная. Хотя его средняя величина футов двадцать не более, некоторые достигают двадцати двух и даже двадцати трех футов. Рев их ужасен. Звук этот страшен и похож на отдаленные раскаты грома, особенно весной.

Какой-нибудь старый крокодил обыкновенно бывает тираном небольшого озера или лагуны. Пятьдесят других, менее сильных, смеют реветь только в соседних бухтах. Когда он выходит из-под тростника, служащего ему убежищем, то весь показывается на поверхности воды и прямо продвигается к середине. Скорость его сначала чрезвычайна, но она уменьшается постепенно, когда он достигает середины озера. Там он останавливается и начинает раздуваться, глотая ртом воздух и воду, что рождает в его груди громкий свист, продолжающийся около минуты, но вода эта скоро шумно выходит из его рта и ноздрей, составляя пар такой густой, как дым. Чудовище в то же время поднимает свой хвост и вертит им над водой. В другой раз, когда он раздувается до такой степени, что готов лопнуть, он поднимает в то же время голову и хвост, и начинает вертеться в воде.

В этих обстоятельствах аллигатор, царь лагуны, играет роль индейского начальника, делающего репетицию своим битвам. Потом он удаляется, тихо плывя и уступая

место тем, которые осмеливаются показываться и стараются превзойти друг друга, чтобы привлечь глаза самки, которая им нравится и которая почти всегда присутствует на этих играх, по-видимому, несколько ими не интересуясь.

Вот главные черты нравов этих страшных земноводных.

Флибустьеры, удовлетворив свое любопытство относительно гнезд крокодилов, продолжили идти по берегу, потом дошли до рубежа великолепного леса лавровых и померанцевых деревьев, они остановились на час, чтобы несколько отдохнуть и пропустить самый жгучий зной. В этот час дня величественная тишина господствовала в пустыне, слышалось только постоянное жужжание комаров, которые спиралями кружились над болотами.

Отдохнув и освежившись под этой восхитительной тенью, флибустьеры, по знаку Филиппа, встали и продолжали путь. На этот раз они бросили реку и углубились в лес по прямой линии.

— Скоро ли мы придем? — спросил Монбар после часа ходьбы. — День уходит, и я боюсь, не заблудились ли вы, друг мой.

— Этого нечего опасаться, мы прямо направляемся к берегу, не пройдет и часа, как мы будем на шхуне.

— Я очень буду этому рад, я всегда был плохим пешеходом, этот путь по тропинкам, едва проложенным, страшно меня утомляет.

— Взгляните на Монако, — сказал Филипп, — она почуяла часовых, мы гораздо ближе, чем я думал.

Очевидно, собака начала выказывать признаки беспокойства, она бегала взад и вперед, вертя хвостом, с тихим радостным визгом.

— Кто идет? — вдруг закричал громкий голос человека, еще невидимого за деревьями, скрывающими его. Понесся звук взводимого курка.

— Друг, — поспешил ответить Филипп, — береговые братья!

В ту же минуту ветви раздвинулись и показалось несколько флибустьеров. Увидав Монбара, столь любимого и уважаемого всеми береговыми братьями, они бросились к нему и окружили его с радостными криками и приветствиями. По знаку Филиппа восстановилась тишина и все направились к шхуне, которую скоро приметили в узкой и неглубокой бухте, густая занавесь корнепусков не давала видеть шхуну с реки.

Это было очаровательное судно в триста тонн, легкое, гибкое, которое, когда ветер надувал его паруса, должно было лететь по воде с неимоверной быстротой. Монбар и Филипп бросились в лодку и отправились на шхуну.

Знаменитый флибустьер, войдя на судно, заметил с улыбкой удовольствия, что оно равномерно было готово и сражаться и бежать по мере того, как предпишут обстоятельства. Филипп соблюдал строгую дисциплину на своем судне, все было в порядке, все опрятно, это было редкостью на флибустьерских судах. Оба флибустьера спустились в каюту и сели друг возле друга на складных стульях. По приказанию Филиппа, прелестный маленький юнга лет десяти, с лукавыми чертами, с хитрой рожицей, поставил перед ними прохладительные напитки и ушел.

— Вы взяли с собой сына Марсея? — заметил Монбар, приготавливая оранжад.

— Да, бедняжка после смерти отца остался одинок, он почти умирал с голода, я взял его к себе.

— Это доброе дело. Притом этот мальчик очень мил, он кажется проворен и гибок, как шелковинка.

— Мы так его и назвали, и это прозвище идет ему во всех отношениях.

— Я сам так думаю, — ответил Монбар.

Он выпил, щелкнул языком, шумно поставил стакан на стол и взглянул своему собеседнику прямо в лицо.

— Конечно, все это очень трогательно, — сказал он, — но не поговорить ли нам о другом?

— Я очень этого желаю, но о чем?

— О том, как мы заберемся в Маракайбо и как там будем себя держать, разве вы не находите, что этот предмет интересен для нас?

— Напротив, но я не смею приступить к нему без вашего согласия.

— Очень хорошо. Говорите, друг мой, я вас слушаю.

— Признаюсь вам, любезный Монбар, что при моем необразованном уме и недостатке воображения, я предпочел бы, чтобы вы потрудились составить план, который вы мне бы объяснили и который я буду исполнять, это очень упростило бы для меня вопрос.

— Вы клевете на себя, друг мой, — ответил Монбар с тонкой улыбкой, — но если вы желаете, и чтобы не терять драгоценного времени на смешные комплименты, я охотно представляю вам задуманный мною план, который, разумеется, мы обсудим вместе.

— За ваше здоровье!

Флибустьеры чокнулись стаканами, опорожнили их, и Монбар заговорил:

— Могу я говорить откровенно и без всякой сдержанности? — сказал он, вопросительно взглянув на Филиппа.

— Сделайте одолжение.

— Точно могу?

— Клянусь вам, Монбар, — дружески сказал молодой человек и протянул ему руку, которую флибустьер тотчас пожал.

— Хорошо! — сказал он. — Надеюсь, мы пойдем друг друга.

— Я в этом убежден.

— Сначала упомянем о фактах.

— Конечно.

— Какие причины не заставляли бы действовать вас и меня, мы стремимся к одной цели — захватить Маракаибо.

— Так.

— Мы хотим достигнуть этой цели во что бы то ни стало.

— Во что бы то ни стало.

— Очень хорошо. Таким образом, вопрос значительно упрощается. Я обещал вам говорить откровенно, слушайте же меня внимательно. Вы не сказали мне ничего, следовательно, я не ваш поверенный и не сообщник, и сохраняю относительно вас свободу действия. Вы это признаете?

— Вполне.

— Единственная причина, которая может по моему мнению заставлять вас действовать в этих обстоятельствах, это желание отыскать женщину и похитить ее. Не прерывайте меня, — сказал он, протягивая к нему руку, — следовательно, причина эта — любовь, то есть страсть, а страсть не рассчитывает, она увлекает и часто составляет гибель тех, кем овладела. Вы видите, я рассуждаю холодно и логично, потому что дело это серьезно и требует всех ресурсов нашего ума и воображения.

— Продолжайте, продолжайте, друг мой, я не пропускаю ни слова из того, что вы говорите.

— Итак, я заключаю таким образом: управление экспедицией должно быть предоставлено мне одному. Я должен иметь право действовать всегда и во всем по своему усмотрению. Вы должны поклясться честью повиноваться мне, рассудите, удобно ли вам дать мне эту клятву? Говорите, я вас слушаю.

— Монбар, — серьезно ответил Филипп, — я признаю истину всего сказанного вами, клятву, которую вы требуете от меня, я дам вам не колеблясь, честью клянусь повиноваться вам во всем, не требуя даже от вас отчета в ваших поступках.

— Я вижу, что не ошибся на ваш счет, Филипп, и что вы именно таков, каким мне приятно было вас предполагать, будьте спокойны, друг мой, я не употребляю во зло власть, которую вы мне даете, а напротив, употреблю ее к нашей взаимной выгоде, потому что, может быть, даже более вас я желаю, чтобы успех увенчал наши усилия. Итак, вот что мы сделаем. Вы говорите, что у вас есть необходимые бумаги?

— Есть.

— Поищите, не найдется ли в этих бумагах такой, которая давала бы высокое положение.

Филипп встал, отпер ключом, висевшим у него на шее на стальной цепочке, сундук, стоявший в углу каюты, и вынул оттуда кучу бумаг, которые и начал внимательно перелистывать.

— Кажется, я напал именно на то, что мы ищем, — сказал он через минуту, подавая Монбару несколько пожелтевших пергаментов, — вот все фамильные бумаги какого-то графа Аталайя, этот граф две недели назад был взят на испанском корабле в Ямайке.

— Откуда он ехал?

— Из Испании.

— Прекрасно. А что с ним стало?

— Он умер от ран, которые получил во время абордажа. Он защищался как лев, по словам Пьера Леграна, начальствовавшего над флибустьерским судном, которое завладело испанским кораблем.

— Тем лучше. Посмотрим эти бумаги.

Он начал быстро пробегать их глазами.

— Очень хорошо, — прибавил он, — этот граф дон Пачеко де л'Аталайя был послан в Мексику от испанского правительства с поручением проверить счета интендантов и был уполномочен в случае надобности арестовать виновных и отослать в Испанию. Вот его назначение. Сверх того, вот связка писем, связанных лентой, с королевскими повелениями, адресованными ко всем вице-королям и интендантам. Вы не могли выбрать лучше, любезный друг, это именно, как вы сказали, то, что нам нужно. Бесполезно отыскивать, что-нибудь другое. Слушайте же: я, граф дон Пачеко де л'Аталайя, посланный его величеством королем Филиппом IV, вы, дон Кардено Фигвероа, его домашний

секретарь. Это имя и это звание упомянуты в бумагах, которые у меня перед глазами. Не знаете ли вы, что случилось с этим доном Кардено?

— Пьер Легран продал его Красивой Голове.

— Тогда мы можем быть спокойны. Если он не умер, то наверно чуть жив, мы с вами знаем, как наш приятель Красивая Голова обращается со своими работниками Шелковинка говорит по-испански?

— Как кастильянец.

— Хорошо. Он мой паж и зовут его Лонец Карденас. Сверх того нам нужно трое слуг: человек такой важный как я не может иметь меньше. Эти трое слуг будут Данник, Питриан и Тихий Ветерок. Вы замените их людьми надежными и разумными. Эти три человека хорошо знают испанский, они решительны и могут быть полезны нам.

— Сверх того, нам не нужно будет нанимать посторонних слуг и тайна наша останется между нами.

— Это решено. Теперь только надо одеться в наши костюмы, взять золото и...

— Извините, — перебил Филипп, — а кто перевезет нашу поклажу?

Монбар расхохотался.

— Какое ребячество прерывать меня из-за такой безделицы! Прикажите сниматься с якоря. В десяти лье к востоку находится жалкое селение, колония, основанная когда-то Фердинандом Кортесом, но нынче почти брошенная, там мы найдем все, что нам недостает. Теперь вы понимаете меня?

— Еще бы!

— Как только мы высадимся, ваша шхуна воротится сюда и встанет на якорь, для того чтобы всегда быть у вас под рукой.

V

ШХУНА МАДОННА

На другой день после разговора Монбара с Филиппом щегольская испанская шхуна обогнула мыс Коквибакоа и направилась ко входу в озеро Маракаибо, обменявшись

сингалами с островом Сторожевая башня и ответив выстрелами из шести бронзовых пушек, находившихся на ней, на салют крепости на острове Вязовом.

Опытному глазу моряка невозможно было ошибиться в достоинстве этого судна, по парусам, по окраске и по форме легко можно было узнать испанское военное судно. С островка Вязового легкая лодка с двумя гребцами направилась к шхуне, которая остановилась, чтобы подождать. В этой лодке сидел лоцман. Он закричал, не нужны ли шхуне его услуги. После утвердительного ответа командира, он вошел на судно по сброшенному для него трапу, лодку шхуна взяла на буксир и продолжала путь.

Прежде чем пойдем далее, мы опишем в нескольких словах страну, где будут происходить самые важные сцены этой истории. Между мысом Грациас и рекой Ориноко простирается длинный ряд берегов, занимающих огромное пространство. Первыми, открывшими эти берега, были дон Алонзо Охеда, Васко Нуннез, открывший Тихий Океан, Хуан д-ла-Коза и Америго Веспуччи. Этот длинный ряд берегов был назван испанцами, по причине своих неисчислимых богатств, Золотой Кастильей.

Мы займемся только частью этой земли, находящейся между Магдаленой и Ориноко, в которой находится залив Венецуэла. Испанцы называли этот залив Венецуэла, потому что берег был низкий, защищен против наводнения песчаными дюнами, и оттого что, во время открытия этих земель, они нашли жителей в хижинах, построенных на вершинах деревьев и сообщавшихся между собой только посредством лодок. Залив этот начинается у мыса Сен-Ромен между 9 и 10 градусом той же широты. Флибустьеры называли его заливом Маракайбским. Напротив этого залива находятся острова Оруба и Лос-Монхес. Маракайбский залив от устья до глубины может иметь около двенадцати или четырнадцати лье, на глубине находятся два островка в одно лье в окружности, между этими островками протекает вода большого озера Венецуэла и впадает в море. Течение это составляет между островками канал посредственной величины и разбивается о песчаную отмель, называемую Бар. Через это препятствие могут проходить только легкие суда. Первый из островков, названных нами, носил название Сторожевой Башни, второй, называемый Вязовым островом, имел крепость. Проехав ущелье, составляющее вход в озеро, въезжаешь в широкий бассейн, получающий воду из шестидесяти шести рек.

Весь восточный берег озера низок и почти постоянно затоплен. С этой стороны в восьмидесяти километрах от устья озера жили индейцы, о которых мы говорили, на магнолиях, словно в гнездах.

Город Маракайбо, цель флибустьеров, возвышается амфитеатром на берегу озера. Красивые дома, украшенные балконами и резьбой, выходили на небольшую пристань, покрытую во всякое время торговыми судами. Город этот, улицы которого прямы и широки, заключал в себе пять тысяч жителей, четыре монастыря, несколько церквей и богатую больницу. Гарнизон, очень важный в этой стране, состоял из восьмисот отборных солдат.

Немного дальше, по другую сторону озера, возвышался очаровательный городок Гибралтар, где богатые негодцианты из Маракайбо и Мерида — города, находившегося по другую сторону гор, — все имели свои дачи.

Мерида, один из самых прекрасных городов Нового Света, был резиденцией правительства и генерал-губернатора.

Лоцмана очень любезно принял командир шхуны, тотчас передавший ему начальство над судном. Ветер, до сих пор довольно сильный, спал при входе в канал, но шхуна, несмотря на это, довольно легко обошла песчаную отмель, загромаждающую вход в озеро.

— Какое прекрасное у вас судно! — заметил капитану лоцман. — Я его не знаю. Вероятно, оно первый раз в этих краях?

— Действительно, первый раз, — ответил капитан, — впрочем, оно построено в Коруине, верфь которой, как нам известно, славится в целом свете.

— Да, да, что ни говори, — продолжал лоцман с горделивым убеждением, — испанский флот первый в мире и нигде вы не найдете таких искусных строителей судов. Вы не заходили ни в какую гавань, прежде чем прибыли сюда?

— Я пробыл две недели в Сан-Доминго.

— А-а! Ваш путь был благополучен?

— Очень. Мы встретили только два подозрительных судна, но легко опередили их.

— Да, ваша шхуна может выдержать погоню. Эти суда, вероятно, принадлежали сан-кристовальским флибустьерам. Вы знаете, что они опять взяли остров Черепашу?

— Я этого не знал. Как же это случилось?

— Никто этого не понимает. Эти воплощенные демоны забрались неизвестно каким образом на остров и захва-

тили в плен гарнизон, прежде чем положительно узнали, с какими врагами имеют они дело.

— Это жаль.

— Очень жаль. Вице-король Новой Испании взбешен. Он поклялся дорого заставить флибустьеров поплатиться за этот новый грабеж. Кажется даже, он начал приводить угрозу в исполнение и страшный флот вышел из Веракруса.

— Дай Бог, чтобы им удалось наказать этих демонов, как они заслуживают того.

— Теперь капитан, если позволите, мы выйдем в открытое пространство, пройдем между островом Борика и твердой землей и войдем в гавань.

— В Маракайбо должно быть много судов?

— В это время года очень мало, только семь или восемь прибрежных судов. Но через месяц придут суда из Европы, и тогда гавань примет совершенно иной вид.

Все было исполнено, как говорил лоцман, и шхуна бросила якорь несколько впереди купеческих судов, на месте, назначенном для военных кораблей.

Лоцману заплатили и отпустили его. Шхуна подобрала паруса с быстротою и правильностью военного судна, потом команда, по приказанию боцмана, стала спускать шлюпки в море.

Командир прохаживался на штирборде, разговаривая с человеком уже пожилым, должно быть пассажиром, когда юнга почтительно приблизился к вахтенному офицеру и доложил ему, что несколько человек в шлюпках быстро приближаются от пристани к шхуне. Вахтенный тотчас доложил командиру. Тот остановился, внимательно рассматривал шлюпку минуты две, потом наклонился к вахтенному офицеру, шепнул ему на ухо несколько слов и сделал знак пассажиру, с которым разговаривал, следовать за ним, и оба сошли в каюту.

В этой каюте два других человека курили сигары, попивая оранжад из стаканов богемского хрусталя.

— Ну что? — спросил по-французски один из них, как только командир показался на пороге.

— Ну, — ответил командир, весело потирая руки, — до сих пор все идет прекрасно. Лоцман убежден, что мы чистокровные испанцы. «Мадонна» делает чудеса, она имеет все ухватки частной кастильской шхуны. Лоцман в восторге от нас. Вероятно, в эту минуту он воспекает нам похвалы во всех городских кабаках.

— Надо признаться, Пьерр Легран, — ответил первый

собеседник, который был никто иной как Филипп, — что ты много сделал для нашего успеха. Ты прекрасно играешь свою роль, тебя нельзя не принять за настоящего *сеньора*.

— Экая хитрость! — смеясь возразил Пьерр Легран, — Ведь я из Байонны, но будьте внимательны, братья, шлюпка приближается, в ней верно будут городские власти. Теперь надо не ударить лицом в грязь и не сплеховать.

— Будь спокоен, — смеясь сказал Филипп, — твой успех подстрекнул наше соревнование, мы будем достойны тебя. Какому офицеру поручил ты принять гостей?

— Бискайцу.

— Хорошо, стало быть, все к лучшему. Он по крайней мере такой же кастильянец, как и мы.

Это мнимое испанское судно действительно была шхуна Филиппа. Флибустьеры, с той безумной отвагой, которая отличала их, не колеблясь решились на это сумасбродное предприятие, в убеждении, что если они будут иметь успех, что впрочем было возможно, то они легче и скорее добьются сведений, необходимых для смелой экспедиции, замышляемой ими, и решились также, если им не удастся и они будут узнаны, скорее взорвать себя на воздух, чем сдаться испанцам. Впрочем мы должны сказать, что все меры, требуемые благоразумием, были приняты очень внимательно.

Испанская шхуна, которую Пьерр Легран и Филипп захватили некоторое время тому назад и сделали флибустьерским судном, опять приняла наружность испанского судна, даже свое прежнее название *Мадонна*, которое Филипп сменил было названием *Кокетка*. Оснащение было сделано заново, команда надела костюмы матросов кастильского флота, словом, никогда более сумасбродная экспедиция не была придумана и исполнена благоразумнее.

Эти демоны флибустьеры, не заботясь об опасностях, висевших над головами, хохотали как сумасшедшие над шуткой, которую они играли со своими неумолимыми врагами. Эта шалость была совершенно в их характере и привычках и радовала их невыразимо. Каждый старался всеми силами хорошо разыграть роль, назначенную ему в этой трагикомедии, которая могла с минуты на минуту, вследствие непредвиденной случайности, превратиться в убийство и резню. Но это соображение не входило в расчет флибустьеров. Они хотели позабавиться на счет испанцев и больше ничего, и употребляли все силы, чтобы иметь успех.

Между тем, шлюпка с сильными гребцами быстро приближалась к шхуне. Мишель Бискаец, узнавший по мундиру высшего офицера в шлюпке, поставил несколько матросов возле трапа и когда испанский офицер вошел на шхуну, ему были отданы все почести, должные его званию.

Как только этот офицер, который был не кто иной, как дон Фернандо д'Авила, бывший губернатор Черепахи, ступил на палубу шхуны, он нашел перед собой Мишеля Бискайца. Оба поклонились церемонно друг другу.

— С кем имею честь говорить, кабальеро? — вежливо спросил Мишель.

— Сеньор офицер, — ответил дон Фернандо с такой же вежливостью, — я дон Фернандо д'Авила, губернатор города Маракайбо.

— Добро пожаловать, сеньор губернатор, — сказал Мишель с почтительным поклоном.

— Сеньор, — продолжал губернатор, — я узнал шхуну его величества «Мадонна», которая вошла в Сан-Доминго в тот самый день, когда я выезжал из этого города, чтобы отправиться сюда по приказанию его величества.

— Вы не ошиблись, кабальеро, эта шхуна действительно называется «Мадонна».

— Это мне сказал лоцман, который вел вас и у которого я осведомлялся. Я поспешил приехать, потому что, если не ошибаюсь, у вас на шхуне должен быть сеньор дон Пачеко де л'Аталайя, и я первый хочу приветствовать его.

— Имеем честь считать в числе наших пассажиров графа де л'Аталайя, кабальеро, он сел на нашу шхуну в сан-Доминго.

— Да, мне сообщили, что он должен был воспользоваться вашим судном, чтобы приехать сюда. Угодно вам, сеньор, представить меня его сиятельству?

— Вот наш капитан, сеньор, — сказал Мишель, кланяясь Пьерру Леграну, который в эту минуту показался на палубе, — он будет иметь честь сам представить вас сеньору графу.

Дон-Фернандо д'Авила подошел к Пьерру Леграну, обменялся с ним поклоном и обратился с такой же просьбой как к Мишелю.

— Господин губернатор, — ответил Пьерр Легран, — его сиятельство только что хотел отправиться на берег. Я не сомневаюсь, что он будет очень раз увидеться с вами здесь и будет благодарен вам за ту поспешность, с какой вы явились сюда. Не угодно ли вам следовать за мной?

Пройдя вперед, чтобы показывать дону Фернандо дорогу, Пьерр Легран спустился в каюту. Указав губернатору на стул, Пьерр Легран позвонил. Явился юнга.

— Доложите его сиятельству графу де л'Аталайя, — сказал Пьерр Легран, — что сеньор губернатор ждет его приказаний.

Юнга поклонился и вышел. Через минуту он явился опять и доложил о сеньоре доне Пачеко графе де л'Аталайе.

Вошел Монбар. Дон Фернандо поспешно встал и поклонился ему.

— Кажется, вы капитан дон Фернандо д'Авила, — сказал Монбар, с достоинством отвечая на его поклон, — я много слышал о вас очень лестного и рад познакомиться с вами, сеньор.

— Ваше сиятельство приводит меня в смущение, — ответил губернатор, снова кланяясь, — я не заслуживаю...

— Извините, — с живостью перебил Монбар, — вы честный слуга его величества и в этом отношении вы имеете право на мое уважение. Позвольте мне поблагодарить вас за поспешность, с какой вы захотели представиться мне. Впрочем, я собирался сделать вам визит.

— Я должен был сделать первый шаг, ваше сиятельство, я был обязан явиться за вашими приказаниями и имею честь сообщить вам, что я приготовил для вашего сиятельства и вашей свиты приличное помещение в занимаемом мною дворце.

— Вот этого я не допущу, любезный губернатор. Искренне благодарю вас за это вежливое предложение, я решительно отказываюсь, я не хочу быть вам в тягость, притом, я скажу вам, что для надлежащего выполнения данного мне поручения, я должен пользоваться величайшей свободой. Вы меня понимаете, не так ли?

— Ваше сиятельство...

— Это решено, — перебил Монбар, — возвращайтесь на берег и наймите, мне все равно где бы то ни было, дом очень простой и скромный.

— Однако...

— Молчите, — перебил Монбар, слегка дотронувшись до его руки, — я имею важные причины, которые я скоро вам объясню, чтобы действовать таким образом.

— Если ваше сиятельство требует, буду повиноваться.

— Благодарю. Поверьте, любезный губернатор, что я чрезвычайно ценю вашу любезность.

— Я прошусь с вашим сиятельством, чтобы, как можно скорее, исполнить ваши желания.

— И как только найдете такой дом какой я желаю, пришлите мне сказать.

— Если ваше сиятельство мне позволите, я сам вас отвезу.

— С величайшим удовольствием.

Оба обменялись еще несколькими фразами, потом дон Фернандо уехал, очарованный благосклонным приемом, коротым его удостоил граф де л'Аталайя.

VI

ПОМЕЩЕНИЕ

Когда дон Фернандо д'Авила уехал, начальники флибустьеров, оставшись одни на шхуне, без принуждения придались радости, которую внушал им такой большой и неожиданный успех их смелого обмана. Их отважная хитрость превосходила все, что значилось до сих пор в летописях береговых братьев, летописях однако наполненных достославными подвигами.

Действительно, флибустьеры, несмотря на свою храбрость, вошедшую в пословицу, никогда не покушались на такое смелое предприятие, чтобы узнать тайны своих врагов. Ни Морган, ни Олонец — словом, ни один из героев буканьерства не осмеливался играть такую смелую партию.

Однако, когда прошла первая минута восторга, их начал пугать такой полный и неожиданный успех. Им казалось невозможным долго разыгрывать роли, которые они роздали друг другу, и продолжать эту комедию, не подвергаясь опасности быть узванными. Пылко устремив глаза на город, белые дома которого возвышались перед амфитеатром, они спрашивали себя, не лучше ли, пока еще есть время, воспользоваться наступающей ночью, поднять паруса и выйти из засады, в которую они так безумно бросились. Испанцы так часто имели дело с флибустьерами, что в город с пятью тысячами жителей или в гарнизоне из

восьмисот солдат очень возможно было, что найдется какой-нибудь человек, который узнает одного из начальников или одного из матросов на шхуне.

Размышления эти, конечно несколько поздние, омрачили лица всех. Благоразумие вдруг одержало верх, и эти люди, такие храбрые, однако почувствовали невольной непреодолимый ужас при мысли о страшном возмездии, на которое решатся испанцы, раскрыв обман, жертвами которого они были. Ужас этого сделался скоро так силен, что шхуна чуть было не распустила паруса.

Только два человека остались тверды и непоколебимы в своем намерении поехать на берег и выполнить до конца план, ради которого они приехали в Маракайбо. Эти два человека были Монбар и Филипп. Причины, руководившие ими, были так серьезны, что всякие сомнения должны были изгладиться перед желанным успехом во что бы то ни стало в их предприятии. Холодно подвергнув опасности свою жизнь и жизнь своих товарищей, чтобы пробраться в город, который находился перед ними, и будучи готовы получить награду за свои усилия, они не могли согласиться постыдно удалиться из страха, недостойного их львиных сердец. Монбар энергично восстал против намерений своих товарищей, он доказывал им, как обаяние, окружавшее флибустьеров, охраняло их от предприятий испанцев, даже в том невероятном случае, если они будут узнаны. Самое худшее, что могло с ними случиться, была битва, и ни в бухте, ни в озере не было ни одного испанского судна, следовательно, флибустьеры были властелинами моря и могли без большой опасности выполнить ретираду, доставленную, когда приходится бороться с силами во сто раз многочисленнее. Но в эту минуту ретирада была постыдна, потому что ничто не принуждало их к ней.

Эти возражения, горячо поддерживаемые Филиппом, получили успех, которого ожидал Монбар. Флибустьеры скоро забыли страх, овладевший ими, и поклялись Монбару оставаться ему верными до последнего и умереть скорее, чем бросить его.

Как только Филипп заметил дон Фернандо д'Авила, он тотчас узнал в нем бывшего губернатора Черепахи и опекуна донны Хуаны. Он тотчас решился скорее остаться одному в Маракайбо, чем отказаться от надежды увидеть ту, которую он любил, тем более, что только с этой целью устроил он экспедицию и снарядил шхуну.

Когда волнение, возбужденное рассуждением, пере-

данным нами, утихло и все пришло в порядок, решили, что ночью шхуна приблизится к берегу, чтобы иметь постоянные сношения с городом, что Пьерр Легран и Мишель Бискаец будут измерять глубину и производить рекогносцировку, будучи наготове сняться с якоря при первом сигнале. Кроме того, условились, что ни один человек из экипажа не может съезжать на берег, кроме командира, и они не должны никогда ездить вместе из опасения неожиданного нападения. Юнге Шелковинке было поручено передавать распоряжения Монбара шхуне. Самая строгая дисциплина должна была поддерживаться на шхуне, и, так как малейшее непослушание могло причинить гибель всем, виновному немедленно прострелят голову пистолетом, кроме того, для устранения всяких непредвиденных случайностей, доступ к шхуне будет строго воспрещен городским жителям.

Меры эти были обсуждены на общем совете и приняты флибустьерами, которые торжественно поклялись привести их в исполнение.

Решив этот пункт, занялись поездкой на берег, ехали туда шестеро: Монбар под именем дона Пачеко графа дел'Аталайя, чрезвычайного ревизора, Филипп под именем дона Карденио Фигвероа, его домашнего секретаря, Даник, Питриан и Тихий Ветерок под именами Хозе, Пардо и Пико, слуги графа, и наконец Шелковинка, или Лопец Карденас, его паж.

Монбар собрал пятерых товарищей в каюте и дал им последние инструкции. Роли, которые они должны были играть, были трудны тем, что они не должны были забывать их ни на одну минуту, поэтому Монбар целый час растолковывал им, как важно ежеминутно остерегаться. Когда Монбар удостоверился, что они в совершенстве исполнят его инструкции, он велел спустить на воду две шлюпки.

В первую вошел он с Филиппом и юнгой, три другие флибустьера сели во вторую с поклажей. Потом, бросив вокруг взгляд со странным выражением, Монбар приподнялся в шлюпке, сняв шляпу, улыбаясь поклонился флибустьерам и громким голосом обратился к своим гребцам:

— Гребите, ребята, — сказал он, — и помните, что с этой минуты ни одного французского слова не должно быть произнесено нами.

Шлюпка быстро направилась к пристани, на которой собралась значительная толпа, по-видимому ждавшая с не-

терпением приезда знатной особы, находившейся на шхуне «Мадонна».

Дойдя до этого места в нашем рассказе, мы смиренно признаемся, что не решились бы продолжать его, если бы в наших руках не было подлинных доказательств событий почти фантастических, которые мы взялись рассказать. Действительно, не превосходит ли всякое вероятие смелость этих людей, которые дурачат невероятной комедией целое народонаселение, и легковерие, с каким это народонаселение с властями во главе, позволяет себя обманывать этим ужасным насмешникам, не подозревая, несмотря на многозначительные проделки, жертвою которых они были со стороны флибустьеров, что и на этот раз они сделались их игрушкой? Правда в то время сообщения были труднее, чем ныне, только в определенную эпоху суда приходили из Европы. Испанские колонии оставались почти всегда в полном неведении не только о событиях, совершавшихся в отчизне, но и о том, что происходило в соседних колониях. Это неведение помогало планам флибустьеров, которые, постоянно крейсируя перед самыми важными гаванями на берегу и на островах, знали очень хорошо все события, интересующие их, через корабли, которые они захватывали у испанцев, от пленников, попадавших им в руки, и депешей, находившихся на судах, приезжавших из Европы и возвращавшихся туда. Прибавим еще, что после окончательного устройства флибустьерства, авантюристы содержали в самых богатых пунктах шпионов, предупреждавших их посредством сигналов, установленных вдоль берегов, о том, что им интересно было знать.

Обе шлюпки гребли к пристани и остановились у лестницы. Дон Фернандо д'Авила в парадном мундире полковника испанской армии — чин недавно им полученный — ждал путешественников среди главного штаба гарнизона и главных властей города.

После первых приветствий и обычных представлений дон Фернандо велел привести лошадей для Монбара и Филиппа. Вся свита села на лошадей и, среди громких криков толпы, пушечных выстрелов и звуков военной музыки, направилась шагом к главной площади.

Дом, который дон Фернандо велел приготовить для Монбара, находился на самой площади, недалеко от собора, как раз напротив губернаторского дворца. Почетная стража стояла у дверей. Дон Фернандо сошел на землю, приглашая флибустьеров следовать за ним в дом, располо-

жение которого он очень любезно показал им. Потом губернатор простился, чтобы предоставить графу де л'Аталайя расположиться на свободе, но он ушел не иначе, как заставив его обещать присутствовать в тот же вечер с его секретарем на пиршестве, которое для него давали городские власти.

Как только двери дома закрылись за испанцами, флибустьеры перевели дух. Продолжительное принуждение, которое они должны были наложить на себя, начинало их утомлять, они имели потребность почувствовать себя на свободе.

Прежде всего они пошли осматривать дом. Несмотря на короткое время, губернатор устроил все прекрасно. Дом был велик, комнаты обширны, великолепный сад шел сзади. Флибустьеров особенно восхитило то, что этот дом, настоящий дворец, имел три различных, совершенно отдельных выхода: первый, главный, выходил на площадь, второй, сделанный в тени сада, вел на улицу Бодегон, а третий, из людских, выходил на улицу Платерость. Это обрадовало флибустьеров чрезвычайно, таким образом, они могли входить выходить неприметно и не подвергались опасности быть заключенными в своем доме как в тюрьме. Сверх того, сад, наполненный очень редкими тропическими растениями, где находились тенистые боскеты, с трудом пропускал солнечные лучи и давал возможность принимать посещения и разговаривать, не боясь шпионов.

Из-за того что поезд двигался медленно, поклажа авантюристов прибыла прежде них, так что все было приведено в порядок прежде, чем они вошли в дом. Монбар ушел наконец в свою комнату, чтобы отдохнуть несколько минут, предоставив Филиппу заботу принимать слуг, которые являлись, и размещать их.

Филипп исполнил это щекотливое поручение как умный человек. Прежде всего он отправился к офицеру, начальствовавшему над почетной стражей, поставленной у дверей, горячо поблагодарил его и отпустил вместе с солдатами, отдав от имени его сиятельства кошелек полный золота для раздела между солдатами, которые ушли с радостными криками. Филипп нанял потом повара, дворецкого, шесть лакеев, двух помощников для повара и четырех конюхов. Эти люди не должны были входить в комнаты, где служили только доверенные слуги графа, то есть Данник, Тихий Ветерок и Питриан. Они впрочем оставались в распоряжении Пардо и Питриана, названного упра-

вителем его сиятельства. Устроив таким образом прислугу, Филипп велел привести лошадей, выбрать двенадцать, которых тотчас поставил в конюшню. Молодой человек, думавший обо всем, размыслил, что может быть в данную минуту хорошо иметь под рукою лошадей. Питриан, Тихий Ветерок, Данник и Шелковинка были помещены в комнатах возле комнаты Монбара и Филиппа, для того чтобы могли и днем и ночью, ежечасно иметь сообщение со своими мнимыми господами и поспешить к ним на помощь в случае надобности. Питриан получил приказание никогда не ложиться спать, прежде чем не осмотрит в доме все уголки и закоулки и не запрет на ключ в людских всю испанскую прислугу.

Все это потребовало довольно продолжительного времени и было около пяти часов вечера, когда Филипп сделался наконец свободен и отправился к Монбару, которому отдал отчет в том, что сделал. Монбар одобрил его распоряжения и оба с помощью Данника, переодевшегося камердинером, отправились на пиршество, на которое были приглашены.

— Мы только покажемся на этом пиршестве, — сказал Монбар. — Если бы я не боялся рассердить губернатора, расположение которого важно для нас сохранить, я отказался бы. Но так как мы не можем не присутствовать, нам надо воспользоваться этим случаем, чтобы прямо войти в нашу роль.

— То есть? — спросил Филипп, который не понимал.

— То есть с завтрашнего дня мы вступим в нашу должность, не будем забывать, что мы присланы рассматривать отчеты интендантов. Работа наша продолжительна, потому что мы должны объехать самые важные города каждой колонии, вы понимаете мою мысль, друг мой?

— Вполне. Итак, мы едем в Гибралтар и в Мериду?

— Повсюду, где должно соблюдать строгий контроль, — перебил Монбар улыбаясь.

— Бедные испанцы! — прошептал Филипп.

— Вы сожалеете о них?

— Да, признаюсь, они так хорошо принимают нас.

— Не забудьте однако спрятать кинжал под полукафтан.

— Будьте спокойны. Черт побери! Не знаешь, что может случиться.

— Данник, вели оседлать лошадей. Ты поедешь с нами

в губернаторский дворец. Мне нужно предписывать тебе не зевать, не так ли?

Работник лукаво улыбнулся, поклонился и вышел.

Через несколько минут граф де л'Аталайя со своим секретарем и в сопровождении лакея и пажа ехал верхом по Главной площади к губернаторскому дворцу, где караул отдавал ему честь.

VII

ДУЭНЬЯ

Прошло несколько дней. Флибустьеры играли с редким совершенством, не забывая ни на одну минуту двойную роль, которую они наложили на себя. Притворяясь, будто контролирует с мнимой строгостью отчеты интендантов, Монбар сумел завоевать их уважение по милости некоторых добровольных пропусков. Расквитавшись дешевле, чем предполагали сначала, интенданты превозносили до облаков мудрость, честность, а в особенности высокие способности ревизора.

Флибустьер, под тем предлогом, что хочет видеть все собственными глазами — действительно такова была его цель, хотя не с тем намерением, которое в нем предполагали — не давал себе ни минуты покоя и беспрестанно ездил из Маракаибо в Гибралтар, из Гибралтара в Маракаибо, осматривая берег и собирая сведения, нужные для него в разговоре с губернатором и делая вид, будто не придает этому ни малейшего значения.

Со своей стороны Мишель Бискаец занимался измерениями и гидрографическими расчетами, которые приводили испанцев в восторг, потому что они возлагали на эти работы самые лестные надежды для коммерческой будущности колонии.

Филипп, не признаваясь Монбару в причинах, удерживавших его в Макараибо, просил у него позволения остаться в городе наблюдать за властями, имея возможность при первой туче уведомить своих товарищей. Флибустьер улыбнулся этой просьбе и, не требуя более подробных объ-

яснений, предоставил молодому человеку свободно действовать по его усмотрению, советуя ему соблюдать чрезвычайную осторожность, и заметил, что малейшего фальшивого шага с его стороны будет достаточно при естественном недоверии испанцев, недоверии еще увеличившемся от всех засад, в которых флибустьеры сделали их жертвами, для того, чтобы безвозвратно погубить успех предприятия.

Однако положение молодого человека было чрезвычайно трудно. Дон Фернандо д'Авила правда принимал его очень любезно каждый раз, как он делал ему визит, но достойный губернатор, хотя несколько не подозревал, кто был секретарь графа де л'Аталайя, однако с чутьем, свойственным ревнивцам и опекунам, угадал в нем влюбленного, и обращаясь с ним с самой очаровательной непринужденностью, с самым полным доверием, держал себя до того церемонно, ограничивался таким холодным вниманием и сохранял всегда такую надменную чисто кастильскую спесь, что всякая короткость становилась невозможна, останавливаемая непреодолимым этикетом.

Филипп бесился. Каждый раз, возвращаясь домой после безуспешного визита к губернатору, он предавался припадкам бешеного гнева, которые были бы смешны, если бы молодой человек, действительно влюбленный, не страдал так ужасно.

Дон Фернандо не представлял своей питомицы флибустьерам по приезде в Макараибо. Он держал ее взаперти в ее комнатах, из которых она выезжала только один раз в паланкине, герметически закрытом, и окруженная толпою слуг, занимавших всю ширину улицы и делавших всякое сообщение невозможным. Сверх того, она входила в церковь в особенную дверь и становилась в галерее с решеткой, где была совершенно невидима. Напрасно молодой человек, понимавший испанские обычаи, отправлялся прежде всех в церковь и становился возле чаши со святой водой. Он предлагал святую воду очаровательным женщинам, из которых многие улыбались ему, кокетливо раскрывая мантильи, но улыбки и задорные взгляды были потеряны для него. Та, которую он ждал, не являлась, и он удалялся со смертью в сердце, в сильном отчаянии и, как все влюбленные, обманувшийся в ожидании, составлял в голове самые безумные и наименее удобоисполнимые планы.

Ломая себе голову, молодой человек наконец убедил себя, что донна Хуана не приехала в Маракаибо с доном Фернандо, а что он отвез ее в Сан-Доминго. Эта мысль до

того утвердилась в его голове, что он решился, каковы бы ни были последствия, расспросить губернатора в этот вечер на прогулке в Аламеде, где он думал его встретить.

Было около четырех часов пополудни. На прогулке не могло быть никого до семи часов вечера, следовательно, у Филиппа было три часа, чтобы подготовиться к допросу, с которым он намеревался приступить к дону Фернандо. Но чем более приближался этот час, тем казалось ему труднее привести в исполнение свой план. Действительно, какой употребить способ, чтобы спросить у человека, которого знаешь только четыре дня, о девушке, существование которой по-настоящему не должно быть известно? Каким образом дон Фернандо примет нескромный вопрос Филиппа? По какому праву молодой человек задаст ему эти вопросы? Обстоятельство было важное, до того важное, что молодой человек с унынием опустил на стул, скрестил руки на груди и был принужден признаться в своем бессилии. Пробило семь часов, Филипп вскочил, как будто от электрического потрясения, схватил шляпу и надел ее на голову.

— Я все-таки пойду, — прошептал он, — кто знает, что может случиться!

В эту минуту в дверь той комнаты, где находился молодой человек, постучали два раза.

— Кто там? — спросил он, вздрогнув.

— Я, — Ответил хриплый голос Данника.

— Черт тебя побери! — с досадой вскричал молодой человек. — Я ждал совсем не тебя.

Конечно, Филиппу было трудно ответить, если бы Данник спросил его, кого он ждал, но ему это не пришло в голову.

— Так-то вы меня принимаете! — сказал он смеясь. — Благодарю, вы очень любезны.

— Что тебе нужно от меня?

— Ничего.

— Для чего же ты меня беспокоишь?

— Вас спрашивают.

— Кто?

— Право не знаю, но сквозь мантилью, в которую она закутана, мне показалось, что это старуха.

— Ну ее к черту! — сказал Филипп.

— Должно быть, сегодня вы расположены всех посылать к черту, — заметил Данник.

— Ты мне надоел со своей старухой, я не хочу ее знать.

— Как вам угодно, — сказал Данник, качая головой,

— но может быть напрасно. За старухой в Испании всегда является молодая, а мы ведь на чистой кастильской земле, будьте осторожны.

Эти слова поразили Филиппа.

— Может быть, ты прав, — сказал он. — Твоя старуха безобразна?

— Отвратительна, настоящая ведьма, явившаяся с шабаша.

Молодой человек подумал минуту. Данник украдкой рассматривал его с лукавым видом.

— Ну, — сказал Филипп наконец, — позови ее, надо узнать, что ей нужно, и отвязаться от нее сейчас.

Выражаясь таким образом, Филипп не говорил, что думал, потому что, напротив, его любопытство было сильно возбуждено и он с плохо скрываемым нетерпением, устремив глаза на дверь, ждал старуху, о которой доложил ему Данник.

Наконец она вошла. Филипп вскрикнул от радости и удивления и бросился к ней.

— Нна-Чигала! — вскричал он.

Ничего не отвечая, дуэнья указала на Данника, неподвижно стоявшего в дверях.

— Уйди! — сказал Филипп Даннику.

Тот тотчас ушел, заперев за собой дверь. Дуэнья подошла тогда к Филиппу и внимательно рассматривала его несколько минут.

— Итак, это точно вы? — сказала она.

— Я, — ответил он, — а вы в этом сомневались?

— Как же можно предполагать, что вы здесь, особенно занимая такую должность у графа де л'Аталайя, когда он питает неумолимую ненависть к флибустьерам?

— Это правда, — отвечал Филипп с невольной улыбкой, — однако вы видите, что несмотря на эту ненависть, граф удостоил меня к себе домашним секретарем, но это все равно, главное было успеть пробраться сюда, и я успел. Средства, употребленные мною, касаются только меня. Будем говорить только о донне Хуане.

— О донне Хуане! — прошептала дуэнья со вздохом.

— Уж не случилось ли с ней какого-нибудь несчастья? — вскричал молодой человек.

— Несчастья? Нет, — ответила она, крестясь, — бедная сеньорита!

— Но раз так, для чего вы пугаете меня, заставляя испытывать горесть еще больше той, которую я терплю?

Дуэнья с минуту молчала, бросая вокруг подозрительные взгляды.

— Никто не может нас слышать, нна-Чигала, — возразил молодой человек, заметив ее взгляды, — говорите без опасений. Садитесь пожалуйста, так вам будет удобнее исполнить поручение, которое вам дали ко мне.

— Ах! — сказала Чигала, садясь на стул, который подвинул к ней молодой человек. — Позвольте мне говорить с вами откровенно, сеньор дон Филиппо, мне хотелось бы говорить, но я не смею, потому что боюсь вас раздражить.

— Милая моя, — ответил он, с трудом сдерживая свое нетерпение, — говорите, заклинаю вас, будьте откровенны, я обещаю вам не раздражаться, что бы не сообщили вы мне, а все готов выслушать, и уверяю вас, буду страдать менее, чем в эту минуту. Ваша постоянная сдержанность терзает меня.

— Как нетерпеливы эти молодые люди, Святая Дева! — заворчала старуха.

— Прежде всего ответьте на два вопроса, пожалуйста, а потом говорите, что хотите.

— Послушаем эти два вопроса.

— Здорова ли донна Хуана?

— Слава Богу, она совершенно оправилась от усталости путешествия и теперь здоровье ее превосходно.

— Благодарю. По-прежнему ли она любит меня?

— Если бы нет, была бы я здесь? — заворчала старуха.

— Хорошо! — вскричал он весело. — Если здоровье ее превосходно и она по-прежнему любит меня, мне нечего больше желать. Говорите, любезная нна-Чигала, все что придет вам на ум. Вы дали мне противоядие, которое заставит меня терпеливо выслушать все, что вы мне скажете. Можете начинать, я слушаю вас.

С улыбкой на губах молодой человек опрокинулся на спинку своего кресла, в котором расположился как можно удобнее.

Дуэнья несколько раз печально покачала головой, устремив на молодого человека взгляд с неопределенным выражением, и глубоко вздохнув, как делают те, которые принимают наконец важное намерение, начала опять разговор в следующих выражениях:

— Сеньор кабальеро, вы найдете, без сомнения, очень странным, что я, будучи ничто иное как служанка в ваших глазах, осмеливаюсь вмешиваться в дела, касающиеся

особ, которые по своему происхождению гораздо выше меня.

— Вы ошибаетесь, нна-Чигала, — кротко ответил молодой человек, — я знаю глубокую дружбу донны Хуаны к вам и нахожу, напротив, очень естественным, что вы интересуетесь ее делами.

— Я для донны Хуаны не обыкновенная служанка, сеньор, она только что не родилась при мне. Я кормила ее своим молоком, я никогда с ней не расставалась. Чтобы последовать за ней в Америку, я бросила мужа, детей, родных, я люблю ее как дочь, а может быть и более.

— Я знал уже все, что вы сказали мне, кроме того, что относится к вашему путешествию в Америку. Разве донна Хуана родилась в Испании?

— Кто знает? — пролепетала Чигала, подняв глаза к небу.

— Как, кто знает? Что вы хотите сказать, нна-Чигала?

— Выслушайте меня, кабальеро, — продоолжала она, — я сообщу вам то немногое, что сама знаю об этом.

— Говорите, говорите, нна-Чигала! — с живостью вскричал молодой человек.

— Подумайте, кабальеро, что я вверяюсь вашей дворянской чести и что об этой тайне вы не должны говорить.

— Даю вам слово, кормилица.

— Я была замужем три года. Прошел месяц, как родился мой второй ребенок, я с мужем жила в хижине в нескольких лье от По.

— Как! — вскричал с удивлением молодой человек, — вы испанка?

— Нет, я беарнка.

— Продолжайте, продолжайте, кормилица! — вскричал Филипп с живостью.

— Муж мой охотился на медведя в горах, занимался контрабандою, а в свободное время служил проводником путешественникам, проезжавшим из Франции в Испанию или из Испании во Францию. Несмотря на свое разнообразное ремесло, а, может быть, и по причине этого, муж мой был очень беден, так беден, что часто даже не было хлеба в нашей жалкой лачуге. Хуан приходил в отчаяние. Горе преследовало нас, однако мы были честны. Однажды после продолжительного отсутствия мой муж воротился с каким-то господином. Возвращение мужа несказанно обрадовало меня. Уже пятьдесят часов я ничего не ела. Хуан принес провизию.

«Не теряй мужества, жена, — сказал он мне, — поешь и порадуешься, вот этот достойный господин сжалился над нами». Я стала рассматривать тогда незнакомца, на которого до сих пор не обращала внимания и который остался возле двери, закутавшись в плащ, — этот незнакомец был уже пожилой, его красивые, суровые черты имели надменное выражение, которое против моей воли заставило меня задрожать. Одет он был как дворянин. Я почтительно поклонилась ему, благодаря за добро, которое он хотел нам сделать, он раскрыл свой плащ и подал мне ребенка одного возраста с моим.

«Не благодарите меня, добрая женщина, — сказал он, — это будет между нами взаимной услугой. Вот слабое существо, которому я вас прошу заменить мать». После этого я схватила ребенка, и не думая о еде, хотя была очень голодна, я тотчас дала ему грудь.

— Это была Хуана? — вскричал молодой человек.

— Действительно, кабальеро. Незнакомец как будто с удовольствием смотрел на мои заботы об этом бедном херувиме, потом подошел ко мне и поцеловал в лоб милую малютку, которая заснула улыбаясь.

«Вот это хорошо, — сказал он, — вы будете матерью Хуане, так ее зовут, она сирота. Возьмите этот кошелек, в нем шестьдесят унций золота¹, через год вы получите столько же от банкиров Изагвирра и Зумала из По, это будет продолжаться все время, пока ребенок останется на вашем попечении, вам стоит только показать этот перстень, — сказал он, сняв с мизинца левой руки перстень с одним бледным рубином. — Вы поняли, чего я жду от вас, будьте скромны и вы не пожалуетесь на меня. Теперь, прощайте». Он закутался в плащ, надвинул шляпу на глаза, сделал знак моему мужу следовать за ним и вышел из хижины. Он не возвращался никогда. Однако, хотя видела его только не более одного часа, я уверена, что если бы встретилась с ним, я узнала бы его, до того его лицо поразило меня и черты остались запечатлены в моей памяти.

— Кто мог быть этот человек? — прошептал Филипп.
— Вероятно ее отец.

— Не думаю. Прошло три года. Каждый го я ездила в По, показывала перстень, и, не задавая никаких вопросов, мне отдавали шестьдесят унций золота. В одно утро в

¹ Около шести тысяч франков на французские деньги

дверь нашей хижины постучались, я вздрогнула, мы жили в таком уединении, что у нас никто никогда не бывал, кроме контрабандистов, приятелей моего мужа, которые отворяли дверь без церемоний и входили как к себе домой. Я отворила дверь, показался какой-то незнакомец. Это был один из служащих банка Изагвирра, я видела его, когда ходила за деньгами. Поздоровавшись со мной, он спросил, дома ли мой муж, я отвечала, что его нет дома, но что я его жду каждую минуту.

«Хорошо, — сказал он, — у меня есть время». Он сел на скамью возле огня. Это было весной и в горах было холодно. Через час пришел мой муж. Незнакомец отвел его в сторону и довольно долго говорил с ним. Я не знаю, что он ему говорил, но вдруг Хуан обратился ко мне.

«Жена, — сказал он мне, — оденься, этот господин приехал за Хуаной, поезжай с нею». Я хотела возразить.

«Делайте что вам говорит ваш муж, — сказал незнакомец, — вы останетесь довольны». Я повиновалась со слезами. Через час, сидя в карете возле незнакомца и держа Хуану на коленях, я проехала Пиринеи и направилась к Испании. Мы останавливались только пообедать и переменить мулов. Через четыре дня карета остановилась у дома довольно красивой наружности, выстроенного поодаль от деревни, которая, как я впоследствии узнала, называлась Оканна. Незнакомец сделал мне знак выйти и следовать за ним. Он вошел в дом, дверь которого отворили, когда подъехала карета, перед нами неподвижно стояла служанка. Незнакомец показал мне весь дом, комнаты которого были меблированы довольно хорошо, но не роскошно.

«Вы здесь у себя дома, — сказал он мне, — оставайтесь тут до новых распоряжений, ни в чем не будет у вас недостатка. Каждый месяц вы будете получать сумму, необходимую для ваших потребностей. Я исполнил данное мне поручение, прощайте.

— А мой муж? — спросила я.

— Вот прочтите письмо, которое он мне отдал для вас. Не забудьте, что вы не должны принимать никого, кроме человека, который покажет вам перстень точно такой, как у вас. Прощайте.» Он вышел, я слышала, как карета уехала, я осталась одна с Хуаной, которая, не тревожась ни о чем, бегала смеясь по всем комнатам.

— Какое странное приключение, — сказал молодой человек, — чем все это кончилось?

— Очень просто, сеньор. В письме, отданном мне, муж мой приказывал мне повиноваться, уверяя меня, что все это для нашей пользы. Я покорилась и скоро стала почти счастлива в моем новом доме. Все оставалось в таком положении несколько месяцев. Наконец однажды перед домом остановилась карета, из которой вышел какой-то человек и подал мне перстень. Этот человек был дон Фернандо д'Авила. Он сказал, что он опекун Хуаны и приехал отвезти ее в Мадрид. Он спросил, согласна ли я ехать с ним. Я любила бедного ребенка, которому заменила мать, сердце мое разрывалось при мысли расстаться с ней, я согласилась. Нас поместили в Мадриде в великолепном доме.

Каждый день в тот же час дон Фернандо приезжал за Хуаной и привозил ее ко мне после прогулки, которая иногда продолжалась до заката солнца. Я не выходила, мне это было запрещено, но вооружилась терпением. Муж мой писал мне часто и во всех своих письмах приказывал мне безусловно повиноваться всему, чего потребуют от меня. Дон Фернандо объявил мне однажды, что он уезжает из Испании в Америку, и опять предложил мне ехать с ним. Что мне было делать? Я была одна, вдали от моих друзей, в чужой земле. Кто знает, какие последствия мог иметь для меня отказ?

Я согласилась. Дон Фернандо привез нас в Испаньолу. Там он велел нам жить в маленьком городке, где случай, а может быть и Провидение свело нас с вами. Ничего не нарушало однообразия нашей жизни. Дон Фернандо всегда был добр и почтителен к своей питомице, которую он кажется любит и окружает самыми деликатными попечениями.

— А разве вы ничего не знали о рождении донны Хуаны, кроме того, что мне сказали? — с нетерпением перебил Филипп.

— Ничего. Кто мог бы мне сказать?

— Это правда. Какая странная история!

— Очень печальная, может быть.

— Бедная девушка! — прошептал молодой человек. —

Кстати, — вдруг спросил он, — вы сохранили перстень?

— Да, он спрятан у меня.

— Вы согласитесь показать его мне?

— Когда хотите.

— Кто знает, может быть он наведет нас на путь?

Кормилица покачала головой.

ПРОГУЛКА ПО МОРЮ

Наступило молчание между собеседниками. Филипп заговорил первый:

— Нна-Чигала, начал он, — благодарю вас за ваше доверие ко мне, однако, признаюсь, я отчасти знал эту тайну, донна Хуана уже давно рассказала мне все, что знала. Теперь позвольте мне задать вам один вопрос.

— Говорите, сеньор, — сказала дуэнья, — если смогу, то буду отвечать.

— Это будет для вас легко. Вы вероятно имели цель, рассказывая мне эту печальную историю, не так ли? Эту-то цель я и желаю знать.

— Я и намерена это сделать, кабальеро.

— Если так, то говорите, пожалуйста.

— Донна Хуана вас увидела, каким образом, не знаю. Дело в том, что она вас тотчас узнала. Я ни в чем не могу ей отказать, я так люблю ее, что не могу не исполнить ее просьбы. Она просила меня пойти сказать вам, что она будет вас ждать сегодня вечером в одном месте, куда я должна ее отвезти. Я и пришла. Только дорогою от дома дона Фернандо до вашего я размышляла, и эти-то размышления хочу вам сообщить.

— Хорошо, нна-Чигала, скажите же мне, в чем состояли ваши размышления, я буду вам отвечать, как я думаю, удовлетворительным для вас образом.

— Дай бог, сеньор. Честь донны Хуаны мне дороже своей. Я надеялась, оставляя Испаньолу, что никогда больше не увижусь с вами и что донна Хуана наконец забудет вас. Вы видите, как я откровенна.

— Да, может быть слишком.

— Нет, безнадежная любовь непременно пройдет, это закон природы. Итак, я рассчитывала на отсутствие, чтобы излечить мое бедное дитя от любви к вам, к несчастью ваш неожиданный приезд разрушил мои планы, расстроил все расчеты. Вы молоды, дон Филипп, вы хороши собой, богаты и хорошего происхождения, по крайней мере я предполагаю это. Но умоляю вас именем вашей матери, будьте так откровенны, как была я, отвечайте так, как должен отвечать дворянин. Истинно ли вы любите донну Хуану?

Словом, любите ли вы ее настолько, чтобы жениться на ней, несмотря на неизвестность и тайну, окружающие ее происхождение? Или вы чувствуете к ней только одну из тех мимолетных привязанностей, в которых гордость играет главную роль и которые исчезают, как только бывают удовлетворены? Видите, дон Филипп, я прямо задаю вам вопрос, отвечайте мне так же не колеблясь, как должен ответить дворянин.

— Я и буду так отвечать, нна-Чигала! — вскричал Филипп с жаром. — Я люблю донну Хуану самой истинной и самой глубокой любовью, любовью, чистота которой заставила бы ангелов улыбнуться от радости. Мы поклялись быть супругами, принадлежать только друг другу, эту клятву я со своей стороны сдержу во что бы то ни стало. Мне все равно благородного ли происхождения донна Хуана, она добра, хороша, благоразумна, этого для меня достаточно. Благородство женщины заключается в ее сердце, и в этом отношении донна Хуана хорошо одарена. Я достаточно богат и достаточно благороден и за себя, и за нее. Я уже давно считаю ее своей женой, а она со своей стороны видит во мне своего мужа. Препятствия к нашему союзу я преодолею, каковы бы они ни были. Я пренебрегал опасностями гораздо большими, чтобы увидеться с нею, ничто не может остановить меня ни в настоящем, ни в будущем, моя любовь достаточно сильна для того, чтобы победить врагов, которые вздумали бы похитить ее у меня. Словом, эта любовь — моя жизнь и кончится вместе с нею. Вот мой ответ, нна-Чигала. Я считаю его честным и достойным и меня, и женщины, которую я люблю. Теперь скажите, что вы хотите делать, я в вашем распоряжении.

— Хорошо, дон Филипп, — ответила дуэнья, — я знаю то, что хотела знать. Я теперь на вашей стороне, и как не ничтожно мое влияние, так как я не более чем бедная служанка, я отдаю его вам, я буду способствовать всеми силами, чтобы вам удалось жениться на моей питомице и быть счастливым.

— Да услышит вас Господь, нна-Чигала! У меня не хватает слов, чтобы выразить вам мою признательность.

— В час свидания, дон Филипп, закутайтесь в плащ темного цвета, надвиньте на глаза поля вашей шляпы, наденьте вашу шпагу и следуйте за мной, донна Хуана ждет вас.

Молодой человек повиновался с послушанием ребенка. В одну минуту он был готов.

— Теперь что делать? — спросил он.

— Следовать за мной непринужденно, не удивляться ничему, войти туда, куда войду я.

— Ступайте, я следую за вами.

Они вышли. Настала ночь, но ночь американская, ясная, свежая, благовонная, такая ночь, каких мы не знаем в нашем мрачном скверном климате. Улицы, почти пустые днем по причине удушливой жары, были наполнены гуляющими, которые ходили взад и вперед, весело разговаривая. Перед каждой дверью стояли группы, которые хохотали, плясали и играли на гитаре.

Филипп с напускным равнодушием ловко пробирался между группами, следуя за дуэньей, которую не терял из вида. Они шли таким образом около получаса, все более углубляясь в непроходимый лабиринт узких улиц нижнего города. Наконец они вышли к пристани. В этом месте толпа была не так тесна, немногие пришли подышать морским воздухом. Молодой человек несколько замедлил путь, боясь, чтобы его не заметили. Дуэнья напротив продолжала идти, не смотря ни направо ни налево, как женщина, которая спешит домой. Но дойдя до деревянной пристани, на которую выгружали товары, она смело пошла по ней. Когда дошла до половины пристани, она остановилась, осмотрелась вокруг, потом, наклонившись вперед, кашлянула два раза и спустилась со ступеней, которые вели к морю.

Внизу лестницы ждала лодка с одним гребцом. Дуэнья села в эту лодку, Филипп возле нее, лодочник отчалил, и лодка поплыла. Дуэнья села у руля и правила, а лодочник, наклонившись над веслами, заставлял лететь легкую лодку по волнам.

Не смея заговорить со своей спутницей, молодой человек с любопытством осматривался вокруг, скоро ему показалась вдали черная точка, быстро увеличивающаяся и приближающаяся к лодке. Эта черная точка делалась все виднее и скоро превратилась в лодку, управляемую одним гребцом, а на корме сидела женщина.

Молодой человек вздрогнул, сердце его забилося так, что готово было вырваться из груди. В этой женщине он узнал донну Хуану. Через несколько минут обе лодки стали рядом. По знаку дуэньи Филипп перешел во вторую лодку откуда гребец перешел в первую. Обе лодки разъехались и молодой человек остался один с той, которую любил. Все это произошло так быстро, события сменялись

одно за другим так непредвиденно, что молодой человек, разбитый внутренним волнением, не имел сил произнести ни слова.

— Так-то вы приветствуете меня, дон Филипп, после такого продолжительного отсутствия? — шепнул ему на ухо очаровательный голос насмешливым тоном.

— О! Простите меня, Хуана, — вскричал молодой человек, задрожав от счастья, — сильная радость сводит меня с ума. Ах! Я почти отчаялся увидеться с вами!

— Я только сегодня утром узнала о вашем присутствии в Маракаибо, любезный дон Филипп, я узнала вас случайно в ту минуту, когда вы проходили мимо нашего дома.

— Я не мог добраться до вас, хоть и нахожусь здесь уже десять дней?

— Ах, друг мой, я не так свободна, как в маленьком домике в Сан-Хуане-де-Гоава, — ответила она со вздохом.

— Разве дон Фернандо уже не так к вам добр, как прежде?

— Напротив, друг мой, его расположение ко мне как будто еще увеличилось, однако вот уже несколько дней как он озабочен. Иногда он смотрит на меня с необыкновенной грустью, причина которой мне неизвестна.

— Боже мой! Неужели вам угрожает несчастье?

— Не думаю, друг мой, однако меня невольно мучит какое-то необъяснимое предчувствие, которое предупреждает меня, что скоро в моем положении совершится перемена.

— Вы заставляете меня дрожать, Хуана! — вскричал Филипп бледнея. — Объясните ради Бога, что может внушать вам эту мысль?

— Не знаю, как сказать вам, друг, потому что сама не понимаю. Вот все, что я заметила. Перемена в настроении дона Фернандо началась две недели назад, в это время он получил с кораблем, прибывшим с твердой земли, письмо, содержание которого сильно его озаботило. Он тотчас отдал приказание приготовить великолепный дом в нескольких милях от города в восхитительном месте.

— Близ Мерида, не так ли?

— Да, друг мой.

— Я его видел. Даже осматривал. Он действительно великолепен. Дон Фернандо сказал мне, что он приготовлен для какого-то знатного человека, которого он ждет.

— Он и мне дал тот же ответ, только прибавил шепотом

том эти два слова, которые я скорее угадала, чем услышала: «Бедное дитя!» Несмотря на мои усилия узнать более, дон Фернандо оставался непроницаем и я ничего не могла узнать более, вот и все, друг мой. Но довольно заниматься мною, поговорим о вас. Как вам удалось пробраться сюда, я дрожу при одной мысли об этом. Неужели вы не знаете, что всякий иностранец, захваченный в испанских колониях, немедленно подвергается смерти? Закон положителен на этот счет.

— Знаю, друг мой, но что мне за нужда! Я хотел опять увидеть вас, опять сказать вам, что я вас люблю.

— А я милый Филипп, разве я не люблю вас?

— О! Не столько, сколько я.

— Может быть, но я умираю от страха за вас, что, если вас узнают!

— Успокойтесь, моя возлюбленная, я слышу испанцем, никто не подозревает моей национальности. Я служу у графа де л'Аталайя, очень важного вельможи.

— Это несколько успокаивает меня, но малейшей неосторожности достаточно, чтобы вас погубить.

Филипп лукаво улыбнулся.

— Но каким образом добились вы покровительства графа де л'Аталайя?

— Слишком долго рассказывать, моя возлюбленная, скажите лучше, каким образом вы назначили мне свидание на море?

— За мною строго наблюдают, друг мой. Вот уже несколько дней, я не понимаю почему, за всеми моими поступками следят, и я боялась, чтобы вас не увидели в доме или на прогулке.

— Но матросы, провожающие вас?

— Они мне преданы.

— Гм! — произнес молодой человек, качая головой.

— Но вы знаете их лучше меня и спорить с вами я не стану. Смогу я увидаться с вами опять?

— Это будет очень трудно.

Молодой человек вздохнул.

— Хуана, — сказал он кротким голосом, нежно пожимая руку молодой девушки, — вы доверяете мне?

— Да, друг мой, я доверяю вам, потому что люблю вас и убеждена, что вы также любите меня.

— Уверены ли вы в том, что я делаю все с единственной целью соединиться с вами и сделать вас счастливой?

— Я твердо этому верю, любезный Филипп.

— Хорошо, Хуана, благодарю! Вы хорошо поняли меня. Обратите внимание на мои слова, милая моя Хуана, дело идет о нашем счастье, о моей жизни.

— Говорите, друг мой, я сделаю все, что вы потребуете от меня.

— Без сомнений?

— Да.

— Может быть, через три дня я должен буду уехать отсюда.

— О, Филипп! — вскричала она с горестью.

— Но я дам клятву, что скоро вернусь.

— Ах! Мы опять будем разлучены.

— Это будет последний раз. Мое отсутствие продолжится месяц, может быть два, не более. Я возвращусь с тем, чтобы не расставаться с вами более.

— В самом деле?

— Честное слово! — вскричал он с жаром. — Только, Хуана, во время моего отсутствия будьте мужественны, пусть мое воспоминание служит вам охраною против всего, что станут предпринимать против вас. Словом, сохраните для меня вашу любовь.

— Уезжайте спокойно, друг мой. Что бы ни случилось, вы найдете меня достойной вас, разве я не жена ваша перед Богом? Но как я узнаю о вашем возвращении?

— Постоянно устремляйте на море ваши нежные взоры, когда придут корабли. Тот, на котором приеду я, будет иметь клетчатое знамя, черное с белым.

— Черное с белым, буду помнить, друг мой.

— Теперь, милая Хуана, обратите внимание на то, что несмотря на все, что будут говорить вам обо мне и что будет происходить в городе, закройте глаза и уши и ждите, чтобы я приехал оправдаться.

— Вы меня пугаете, друг мой, что намерены вы делать?

— Сам еще не знаю, моя возлюбленная, но будьте уверены, что мне удастся. В особенности не выходите из ваших комнат, как не уговаривали бы вас, сопротивляйтесь всеми возможными способами. Если роковая судьба удержит меня слишком долго вдали от вас, я пришлю к вам одного или нескольких послов, вы легко узнаете их, правая рука их будет обвязана таким же платком, как мое знамя. Им вы можете доверять и делать все, что они вам скажут. Хорошо ли вы поняли меня, милая Хуана?

— Да, друг мой, вы пугаете меня, какие зловещие планы замышляете вы, ради Бога?

— Я не замышляю никаких планов, кроме одного — навсегда соединиться с вами. От вас зависит, чтобы этот план имел успех.

— О! Если зависит от меня, то он будет иметь успех.

— Но это еще не все. Надо поклясться следовать во всем инструкциям, которые я вам дал.

— Буду им следовать, клянусь вам нашей любовью, друг мой.

— Вы ангел, моя возлюбленная, вы верите мне, я клянусь вам в свою очередь, что вы будете счастливы, или я умру.

— О! Не говорите о смерти, мой возлюбленный, если вы умрете, неужели вы думаете, что я вас переживу?

— Вы мне сейчас сказали, что у вас есть предчувствие, Хуана, и у меня также есть, что скоро наши мучения кончатся.

— Да услышит вас небо, друг мой!

— Молитесь ему, чтобы оно защитило нас, Хуана, потому что, клянусь моей душой, для обладания вами, я сделаю то, на что никогда не решался ни один человек.

— Боже мой! Боже мой! Я дрожу...

— Дитя, лучше надейтесь.

В эту минуту слышался шум весел на недалеком расстоянии, и лодка, в которой сидела дуэнья, выехала из темноты.

— Нам пора расставаться, друг, — сказала молодая девушка.

— Уже? — прошептал он.

— Более продолжительное отсутствие может пробудить подозрения, притом у нас есть надежда скоро увидеться.

— Это правда, друг мой, и тогда мы уже не расстанемся. Помните все, о чем я вас просил.

— Я не забуду ничего.

Обе лодки пристали борт о борт.

— До свидания, Филипп! — шепнула молодая девушка на ухо своему жениху.

— О! Да, — ответил он, — до свидания, моя обожаемая Хуана!

Запечатлев долгий поцелуй на руке, протянутой к нему молодой девушкой, он сделал усилие над собой и спрыгнул

в лодку. Молодые люди переглянулись в последний раз, и лодки разъехались в разные стороны.

Выйдя на берег, молодой человек наклонился к дуэнье и сказал ей на ухо:

— Благодарю, нна-Чигала, я не забуду того, что вы сделали для меня сегодня. А перстень?

— Вы получите его завтра, прощайте, сеньор, — сказала она улыбаясь.

Воротясь домой, Филипп нашел Монбара, который ждал его, расхаживая большими шагами по своей спальне.

— Откуда вы так поздно? — спрашивал он его.

— С прогулки по морю, — ответил Филипп с чисто-сердечным видом.

Монбар до того был поражен этим ответом, что молодой человек громко рассмеялся.

IX

ОТЪЕЗД

Филипп бросил на стул свою шляпу и плащ, отстегнул портупею и придвинул к Монбару кресло.

— Вы меня ждали? — спросил он.

— Да, друг мой, — ответил Монбар, садясь, — уже более часа хожу я взад и вперед по вашей спальне.— Разве Данник вам не сказал?

— Напротив, любезный Филипп, — перебил Монбар, — Данник все мне сообщил. Он сказал мне, что у вас была какая-то дуэнья, что вы вышли вместе с ней, я и заключил из этого, что вы без сомнения отправились на любовное свидание и что, без сомнения, долго не вернетесь, но так как мне нужно было с вами говорить, то я и остался. Вы этим недовольны?

— Вовсе нет, любезный Монбар, дела прежде всего, особенно в нашем положении, когда мы каждую минуту подвергаемся опасности быть узванными и убитыми как собаки, я даже примечаю, что на нас как будто начинают коситься.

— Именно.

— Стало быть, случилось что-нибудь?

— Нет еще, но может случиться с минуты на минуту, не дурно бы принять меры.

— Так что...

— Так что... но я боюсь вас огорчить, особенно после вашей прогулки по морю, — прибавил Монбар с кроткой насмешкой, — мне не хотелось бы нарушать удовольствия, которое, вероятно, пробуждают в вас некоторые дела.

— Все равно, друг мой, — весело сказал Филипп, — говорите.

— Вы хотите?

— Еще бы!

— Я думаю, что мы уже довольно долго оставались в этих местах и что более продолжительное пребывание сделалось бы опасным.

— Я вполне разделяю ваше мнение, — с живостью ответил Филипп.

— Вы в этом уверены? — с удивлением спросил Монбар.

— Конечно.

— Если я отдам приказание сняться с якоря завтра?

— Я всеми силами буду одобрять это намерение.

— Объясните, пожалуйста, — сказал Монбар, все более и более удивляясь, — я совсем ничего не понимаю.

— Почему?

— Я думаю, что вы влюблены.

— Вы не ошиблись, я действительно влюблен до безумия в очаровательную женщину.

— Так как же?

— Уедем как можно скорее.

— Хорошо, хорошо, я начинаю понимать, — сказал Монбар улыбаясь.

— Напротив, вы ничего не понимаете, друг мой, — ответил Филипп лукаво, — я чувствую пылкую, беспредельную любовь, которая кончится только с моей жизнью, к небесному созданию, которому я не успел расцеловать и пальчиков, вы видите, что я далек от пресыщения, как вы предполагаете.

— Что же это? — смеясь спросил флибустьер. — Вы обожаете вашу красавицу и хотите от нее бежать?

— Бежать? Нет! Оставить ее.

— Мне кажется, это все равно.

— Не совсем. Оставляешь с тем, чтобы вернуться, тогда как бежишь навсегда.

— Итак?

— Я готов ехать, когда вы хотите.

— Я не стану более рассуждать с вами, эта поспешность скрывает какие-то планы, которые мне бесполезно знать, поэтому я не настаиваю.

— Благодарю за эту сдержанность, друг мой.

— Вернемся к нашим делам. Наши товарищи кончили наши гидравлические работы. Тихий Ветерок теперь знает бухту так же хорошо, как самые лучшие лоцманы. Планы Маракайбо, Мерида, Гибралтара составлены. Мы знаем силы наших врагов и можем действовать, когда сочтем нужным, с уверенностью в успехе. Более ничего нам не нужно, не правда ли?

— Я думаю.

— С другой стороны дон Фернандо д'Авила ждет с минуты на минуту приезда какого-то знатного лица, с которым нам не следует встречаться. До сих пор случай так благоприятствовал нам, что мы не можем долее злоупотреблять его благосклонностью. Дела наши кончены, уедем.

— С тем, чтобы вскоре появиться?

— Конечно, это моя мысль.

— Не можем же мы, однако, уехать ни с того ни с сего.

— Конечно нет, предлог придуман. Здесь проверка счетов интендантов кончена, я продолжаю мою ревизию в других местах.

— Это правда, — сказал молодой человек, смеясь, — губернатору покажется это в порядке вещей.

— Я уже намекнул ему на это сегодня, и должен признаться, что он очень любезно принял мои слова. Между нами, друг мой, не знаю почему, но мне кажется дон Фернандо д'Авила будет рад нашему отъезду.

— Я сам так думаю, — насмешливо сказал Филипп.

— Что заставляет вас так думать? — спросил Монбар.

— Ничего, но я в этом уверен.

— Опять загадки, черт вас побери совсем! Не хочу удерживать вас долее, вы должно быть нуждаетесь в отдыхе, я уйду. Спокойной ночи, любезный Филипп. Хотите я вам скажу кое-что?

— Скажите.

— Я убежден, что все мы вытаскивали для вас каштаны из огня и что вы лучше всех нас устроили свои дела. Угадал я?

Филипп расхохотался, пожал руку своему товарищу и они расстались.

— Что за беда, если он угадал? — прошептал Филипп, оставшись один. — Разве я не уверен в его дружбе и преданности?

Он лег в постель и предался золотым грезам до утра.

В десять часов граф де л'Аталайя призвал своего секретаря. Когда Данник вошел в комнату Филиппа, тот еще спал с счастливой беззаботностью молодости, для которой существует одно настоящее и которая не заботится ни о прошедшем, ни о будущем. Данник с трудом разбудил молодого человека.

— Черт тебя побери! Надоел! — вскричал Филипп, приподнимаясь на постели и протирая заспанные глаза. — Мне снился такой хороший сон!

— Ба! — философически ответил работник. — Самый лучший сон не стоит действительности.

— Это ты, Данник? Чего ты от меня хочешь?

— Во-первых, отдать вот этот футляр, который сегодня утром вам принесли.

— Подай! — вскричал Филипп, вырвав из рук Данника футляр и спрятав его под изголовье. — Что еще?

— Как вы нетерпеливы! Монбар ждет вас в гостиной, там человек двадцать болтают наперебой, кто кого перещеголяет, кажется, вы там нужны.

— Кто это?

— Наши товарищи, губернатор и с ним еще какие-то в мундирах.

— Ах! Черт побери, я не хочу заставить себя ждать.

— Поспешите же.

— Через пять минут я буду готов. Скажи, что я сейчас выйду.

— Хорошо.

Данник вышел. Молодой человек соскочил с постели и начал одеваться, но вдруг остановился и вынул из-под изголовья футляр, спрятанный там. Он раскрыл его и увидел перстень, очень простой, но с бледным рубином дорогой цены.

— Странно! — прошептал он, внимательно рассматривая перстень, который вертел в руках.

Ему послышался шум, тогда он положил перстень в футляр и опять начал одеваться.

Через десять минут он вошел в гостиную, где собралось многочисленное общество, как сказал Данник.

Монбар в восемь часов утра поехал к губернатору с намерением сообщить ему о своем отъезде и проститься с ним. Дон Фернандо д'Авила прекрасно принял графа де л'Аталайя, любезно сожалел о том, что он так скоро оставляет колонию, и настаивал, правда слабо, чтобы он продолжил свое пребывание в Маракайбо. Потом, когда убедился, что намерение графа непоколебимо, пожелал ему благополучного пути и оба расстались в восторге друг от друга.

Воротившись домой, Монбар послал Данника к Мишелью велеть ему быть наготове сняться с якоря и съехать на берег со всеми офицерами проститься с начальниками колонии.

Мишель и другие флибустьеры, постоянно остававшиеся на шхуне и подчиненные строгой дисциплине с живейшей радостью приняли известие об отъезде, продолжительное пребывание у этих берегов начинало сильно их тяготить, во-первых, оттого, что они должны были примерно себя вести, а потом они боялись каждую минуту быть узванными. Мишель, не теряя ни минуты, запасся водой, купил свежую провизию и отозвал на шхуну шесть матросов, которые, под предлогом охоты, разузнавали окрестности города. Шхуна в несколько минут была готова выйти в открытое море. Мишель надел парадный мундир и в сопровождении своих офицеров съехал на берег, сделал визиты и простился с начальниками колонии.

Губернатора не было дома, он отправился к графу со своими главными чиновниками, чтобы проститься с ним и проводить до шлюпки, которая должна была довезти его до шхуны.

Свидание было самое дружеское. Уверенный, что граф не останется в Маракайбо, дон Фернандо снова стал любезно удерживать его. Чиновники также присоединили свои просьбы к его убеждениям, но, разумеется, все было бесполезно. Монбар любезно поблагодарил этих господ за их вежливость, но отказался, ссылаясь на вверенное ему поручение. В эту-то минуту Филипп и вошел в гостиную, где все столпились около него.

— Сеньор граф, — сказал губернатор, — если, несмотря на наше сильное желание удержать вас еще на несколько дней, вам невозможно оказать нам эту честь, примите искренне выражение наших сожалений, поверьте, что мы долго сохраним воспоминание о коротком посещении, которым вы нас удостоили.

— Эти сожаления, сеньор, наполняют меня радостью и гордостью, будьте уверены, что я их разделяю.

— Вы, вероятно, скоро воротитесь в Европу, сеньор. Вероятно, мы видим вас в последний раз.

— Кто знает? — ответил Монбар с неприметной насмешкой. — Случай занимает большое место в жизни человека, что может быть мы увидимся гораздо скорее, чем вы предполагаете.

— Дай-то Бог! Будьте уверены, что, если это случится, мы будем очень рады, но мы не смеем ожидать такого большого счастья.

— Судьба решит, сеньор.

— Теперь, сеньор граф, позвольте мне задать вам вопрос.

— Я к вашим услугам, сеньор. Неужели я буду иметь счастье оказать вам услугу и отблагодарить таким образом за ваше очаровательное гостеприимство?

— Может быть, сеньор граф, вы имеете намерение побывать в Шагрене, прежде чем отправитесь в Веракрус?

— Могу я узнать, почему вы задаете мне этот вопрос, сеньор?

— О! Конечно, кабальеро. У меня теперь в руках полтора ста тысяч пиастров, которые я давно уже должен был отправить в Панаму, но вы знаете, сеньор граф, мы живем почти в захолустье и до сих пор у меня не было случая отослать эти деньги.

— Стало быть... — сказал Монбар со странным выражением.

— Признаюсь вам откровенно, что, если бы вы могли избавить меня от этой суммы и передать ее, вы оказали бы мне истинную услугу.

— Я в отчаянии, сеньор, — ответил Монбар несколько сухо, — что не могу исполнить вашего желания, но это невозможно.

— Почему же, сеньор граф?

— По очень простой причине, кабальеро, — я не знаю точно буду ли я в Шагрене.

— Итак, вы отказываете мне?

— Против воли, поверьте, сеньор, но я думаю, что этим деньгам лучше остаться в ваших руках, тем более, что через несколько дней к вам, вероятно, придут корабли из Европы и тогда легко будет отослать эти деньги.

— Не будем более говорить об этом, кабальеро, и простите мне эту нескромную просьбу.

— Напротив, я прошу вас принять мои извинения. Я был бы рад угодить вам, если бы мог, но теперь мы должны расстаться, сеньор.

Оседланные лошади ждали во дворе, все вышли из комнаты и сели на лошадей. Парадный конвой стоял под ружьем. Монбар поехал рядом с доном Фернандо и, разговаривая с ним, направлялся к пристани. Улицы, несмотря на ранний час, были наполнены толпой любопытных, которые кричали «ура» и махали шляпами, шарфами, платками. Монбар любезно кланялся направо и налево.

Филипп напрасно старался распознать в толпе восхитительный профиль донны Хуаны, он не видел ее, подавил вздох и сдался опечаленный.

Доехали до пристани, где матросы перевозили на шхуну вещи на баржах, сошли с лошадей и начали прощаться. Испанцы расточительны на приветствия, но Монбар счел благоразумным прекратить все это, и, как только увидел все свои вещи на барже, сделал знак своим офицерам следовать за ним, и сел на свою шлюпку.

— Черт побери! — сказал Мишель, как только шлюпка пристала к шхуне. — Какая странная мысль пришла вам в голову, командир!

— О какой мысли говоришь ты, старый товарищ? — спросил Монбар, улыбаясь.

— Отказаться от денег, которые предлагал вам достойный губернатор.

— Глуп же ты! — ответил Монбар, тихо ударив его по плечу. — Мы не воры, а храбрые флибустьеры.

— Это правда, но полтораста тысяч пиастров!

— Будь спокоен, Мишель. Мы ничего не потеряем, если подождем, мы найдем те деньги, которые я не хотел взять, это я обещаю тебе. Притом, откуда ты знаешь, может быть губернатор расставляет нам ловушку?

— Очень может быть, вы правы.

Через четверть часа шхуна скользила, как чайка, по волнам при восторженных восклицаниях толпы, собравшейся на берегу.

Юнга Шелковинка исчез. Когда об этом сказали Монбару, он начал тихо посмеиваться, как это делал всегда, когда не хотел отвечать.

РОДСТВЕННИКИ

В одно прекрасное утро в конце сентября, в ту минуту как солнце начало подниматься над горизонтом и бросать во все стороны свои блестящие и знойные лучи, два человека выехали из густого леса мастиковых, гуаявовых и померанцевых деревьев, опускавших свои ветви в прозрачную и холодную воду Артибонита в трех лье от города Пор-де-Пэ, одного из страшных убежищ страшных хищных птиц, называемых флибустьерами, которые, насмехаясь над могуществом испанцев и как бы поддразнивая их, смело построили свои гнезда на берегах самой богатой их колонии, изнеженной и сладострастной Испаньолы.

Эти два человека, бросив проницательные взоры и удостоверившись, что никто не подсматривает за ними, спустились с кругого берега реки, отвязали легкую пирогу из древесной коры, спрятанную под тростником, и, вынув из нее весла и мачты, понесли на плечах до откоса, где поставили так, чтобы защитить себя от солнечных лучей и нескромных взоров, укрепили ее кольями, потом легли в тень и начали приготавливать завтрак.

Мы воспользуемся этой минутой, чтобы ознакомить читателя с ними.

На обоих был костюм французских буканьеров: холщовые панталоны, стянутые поясом из крокодиловой кожи, две рубашки, надетые одна на другую и запачканные кровью и грязью, палатка из тонкого полотна, свернутая и перекинута через плечо, и фуражка. Оружие их состояло из трех штыков и ножа в футляре из буйволово́й кожи за поясом, возле пороховницы, и мешочка с дробью, и длинного ружья, которые делались в Диэппе и назывались флибустьерскими ружьями. Вооруженные таким образом, люди эти могли сопротивляться тем, которые на свое несчастье вздумали поссориться с ними, притом, их резкие черты, запечатленные неукротимой энергией, лица загорелые от ветра, солнца и дождя, их широкие члены, необыкновенная толщина рук с мускулами, жесткими как веревки, показывали силу, способную заставить призадуматься самых сильных противников.

Эти люди были еще молоды и, насколько можно су-

дять, видя их опустошенные страстями и оргиями лица, они не дожили еще и до сорока лет.

Однако, несмотря на их грозную наружность, может быть, если мы прислушаемся к разговору этих людей, мы узнаем, что они не таковы, как кажутся, распознаем лисиц в львиных шкурах и будем принуждены сознаться, что они переодеты буканьерами. Правда переодеты они так хорошо, что самый проницательный человек был бы обманут даже после серьезного и подробного осмотра.

Приготовления к завтраку были непродолжительны и наши два незнакомца, голод которых, без сомнения, был возбужден утомительным путешествием в стране, где нет проложенных дорог, начали есть с хорошим аппетитом, разговаривая между собой по-испански тихим и сдержанным голосом, чтоб слова их, уносимые на крыльях утреннего ветерка, не дошли до ушей каких-нибудь притаившихся шпионов.

— На каком расстоянии находимся мы от Пор-де-Пэ? — спросил первый..

— Напрямик, — ответил второй, набив полон рот, — около одного лье, а по дороге по крайней мере три лье.

— Мы, кажется, далеко зашли вперед?

— Слишком может быть. Но если бы мы не пришли сюда, то могли бы не увидеться с тем, кого мы хотели увидеть.

— Не боишься ли ты неприятной встречи так близко к городу?

— Это невероятно, и вот почему: равнина, в которой мы находимся, теперь совершенно оставлена дичью, вы не найдете быка за десять лье в окружности, буканьеры это знают, поэтому они совсем бросили эти места, где за целый месяц им не пришлось бы сделать ни одного выстрела.

— Соглашаюсь со справедливостью таких слов, Бирбомоно, — продолжал первый незнакомец, — но флибустьеры не единственные враги, которых нам следует опасаться.

— Признаюсь вам смиренно, что я не понимаю.

— О ком мне говорить, как не о карайбах, этих страшных мародерах, которые еще свирепее буканьеров, если возможно.

Бирбомоно расхохотался

— Вы забыли, в каком вы костюме, — сказал он, — правда карайбы — непримиримые враги испанцев, но зато верные и преданные друзья береговых братьев, и, если

вдруг эти дикари нападут на наш след, вместо того чтобы повредить нам, они, напротив, будут готовы нам служить.

— Очень может быть, — ответил тот с неубежденным видом, — однако признаюсь, я почти сожалею, что зашел так далеко, хотя мы не одни, и полтораста человек, оставленных мною в лесу, прибегут к нам на помощь по первому сигналу.

— Вы знаете мое мнение о ваших людях, — ответил Бирбомоно с презрением, — мы с вами видели их на деле, я больше полагаюсь на себя, чем на них.

— Однако время проходит, а его все нет, Бирбомоно!

— Придет, имейте терпение.

— Вы в этом уверены?

— Судите сами. Вы знаете, что госпожа моя, оставив домик, в котором скрывалась столько лет, поехала поселиться в Пор-де-Пэ. Там, по моим советам, чтобы не возбуждать подозрений к себе, она открыла гостиницу, где живут самые знаменитые начальники флибустьеров.

— Я знаю все это, но не понимаю, как береговые братья, такие хитрецы, не узнали в ней испанку.

— Флибустьеры не так подозрительны, как вы думаете, притом мы приехали на голландском судне, будто бы из Европы. Мы выдали себя за фламандцев, бумаги наши были в порядке, чего более можно было требовать от нас?

— Действительно ничего, так как на кастильском наречии говорят во всей Фландрии, принадлежащей испанскому королю.

— Притом, какое опасение может внушать женщина, пожилая и сопровождаемая одним только слугой, людям, не боящимся ничего на свете? Нас напротив приняли очень дружелюбно и помогли нам устроиться в гостиницу.

— Да, флибустьеры любят, когда у них поселяются иностранцы.

— Это доставляет им народонаселение оседлое, честное и трудолюбивое, посредством которого они надеются очистить свое общество.

— Продолжай, эти сведения драгоценны для меня.

— Мне нечего прибавить, кроме того, что Франкер, как называется этот человек между береговыми братьями, поселился в нашей гостинице, и я отдам ему письмо, пересланное вами.

— Он ничего не сказал, получив его?

— Он смутился, побледнел, потом сказал мне отрывисто: «Хорошо, я приду».

— Он сдержит слово. Счастлива ли твоя госпожа?

— Насколько может быть бедная женщина. Только вы знаете, что я довольно наблюдателен.

— Ну, что же ты заметил?

— Странное обстоятельство. Донна Клара, такая мрачная и безмолвная обыкновенно, по целым неделям не произносящая ни слова, показывает к этому молодому человеку необыкновенную привязанность.

— Что ты мне говоришь, Бирбомоно?

— Правду, ваше сиятельство. Когда она увидит этого молодого человека, лицо ее проясняется, глаза бросают молнии, когда он заговорит с нею, звук его голоса заставляет ее вздрагивать, если иногда он садится в общей зале, она следует за ним глазами, подстерегает все его движения, а когда он уходит, она вздыхает и с унынием опускает голову на грудь. Она сама убирает его комнату и чинит белье, она никому не хотела предоставить это попечение, она находит удовольствие заботиться о том, чтобы этот молодой человек ни в чем не терпел недостатка. Не находите ли вы, что это очень странно?

— Ты не делал ей замечаний на этот счет?

— Один раз, но она прервала меня с первого слова, приложила палец к губам с ангельской улыбкой и сказала голосом таким кротким, что я готов был раскаяться: «Бирбомоно, мой верный друг, дай мне обманывать свою горесть, я люблю этого молодого человека как мать. Господь свел меня с ним, вероятно, для того чтобы утешить в моей потере». Что мог я сказать? Я замолчал.

— Да, да, тут виден перст Божий, — прошептал первый собеседник, проводя рукой по своему лбу, орошенному потом, — да будет Его воля. А что об этом думает молодой человек?

— Я полагаю, что он не думает ничего, по той причине, что он этого даже не замечает, характер этого человека не имеет ничего общего с характерами его товарищей. Он угрюм, сдержан, не играет и не пьет, у него нет, по-видимому, никакой интриги. Я спрашиваю себя, что такой человек может делать между флибустьерами.

— Он должен, однако, иметь друзей.

— Только двух, Пьерра Леграна и Филиппа д'Ожерона, но они давно в экспедиции, и он живет один.

— Монбар его знает?

— Не думаю. Когда мы приехали в Пор-де-Пэ, Монбара не было уже с месяц и он еще не вернулся.

— Все равно, Бирбомоно, продолжай, как я тебя просил, наблюдать за этим странным молодым человеком. Я имею на это серьезные причины, которые ты со временем узнаешь.

— Для меня достаточно вашего приказа, остальное меня не касается, но я слышу шум, — прибавил Бирбомоно, вставая, — это должно быть он.

— Узнай, мой друг, и, если это он, приведи его сюда.

Майордом скоро исчез в высокой траве. Не сделал он и ста шагов, как очутился лицом -к лицу с человеком, который шел поспешными шагами. Это был флибустьер Франкер.

— Я опоздал, Бирбомоно? — сказал он, вытирая носовым платком пот, струившийся по его лицу.

— Нет, — ответил майордом, — только восемь часов, а свидание назначено, кажется, в половине девятого.

— Это правда. Тем лучше, я не хотел бы заставить себя ждать. Где этот человек, который пригласил меня сюда?

— Пожалуйста за мной, он вас ждет в нескольких шагах отсюда.

— Показывай мне дорогу, мне хочется поскорее увидеть его.

Но, заметив куканьера, молодой человек сделал движение, выражавшее обманутое ожидание, и остановился, говоря Бирбомоно:

— Что это значит? Чего хочет от меня этот человек? Где ж...

— Молчите, — с живостью перебил его буканьер. — Оставь нас одних, друг мой, — обратился он к майордому, — и посмотри, чтобы никто нам не помешал, при первом подозрительном движении в степи предупреди меня.

Бирбомоно взял ружье и ушел, не говоря ни слова. Буканьер следил за ним глазами, потом, когда майордом совсем исчез из вида, обернулся к молодому человеку и сказал, протягивая ему руку:

— Добро пожаловать, я рад видеть вас.

— Как! — с удивлением вскричал Франкер. — Вы...

— Дон Санчо Пеннафлор к вашим услугам.

— Но этот костюм...

— Очень хорошо придуман для настоящих обстоятельств, как вы думаете? Мне кажется, он защитил бы и губернатора Сан-Доминго лучше его генеральского мундира.

— Извините, но вы так хорошо переоделись, что я с трудом вас узнаю и теперь.

Оба обнялись и сели рядом.

— Теперь поговорим о делах, — начал дон Санчо, — мы сошлись здесь для этого.

— Я к вашим услугам. Но как вы узнали, где я?

— Я осведомился. Неужели вы думаете, мой милый, что у нас нет шпионов? У нас много шпионов, и очень искусных, которым, сказать мимоходом, мы платим очень дорого. Но приступим к делу. Помните ли наш последний разговор в Веракруссе?

— Ни слова не забыл.

— И конечно исполнили то, о чем я вам говорил тогда?

— Извините, я не понимаю того, на что вы намекаете.

— Я объясню. Конечно, вы воздержались, как я вас просил, от переписки с герцогом Пеннафлором, моим отцом, и ожидали от меня обещанных мною объяснений.

— Любезный дон Санчо, я буду откровенен с вами, — ответил молодой человек с некоторой нерешимостью в голосе, — потом, когда я все вам расскажу, вы рассудите сами.

— Хорошо, — сказал маркиз, слегка нахмутив брови, — говорите, я вас слушаю.

— Несколько месяцев прошло после нашей разлуки и после опасного поручения, которое мне дал герцог Пеннафлор. С того времени свершилось много событий, а я ничего не слыхал о вас. Несколько раз, но напрасно, старался я увидаться с вами, я должен был предположить, что или вы забыли обещание, данное мне, или передумали. С другой стороны герцог Пеннафлор, неутомимая деятельность которого вам известна, посылал мне письмо за письмом, поощряя следовать смело и без уныния по начертанному им пути и исполнить достославный подвиг, который должен освободить Испанию от самых страшных ее врагов на море. Что мог я делать? Повиноваться. Тем более, что повинуясь полученным приказаниям, я трудился не только для пользы отечества, но и моего мщенья. Притом я дал слово, а вы знаете, дядя, что в нашей фамилии никто не изменил данному слову.

— О! — вскричал дон Санчо, сжав губы от гнева. — Я узнаю адское могущество отца и его неумолимую ненависть! Как всегда, он все предвидел, все рассчитал!

— Что вы хотите сказать? Вы меня пугаете, что значат эти слова?

— Продолжайте, продолжайте, дон Гусман. Может

быть, теперь уже слишком поздно объяснять вам. Кто знает, может быть зло нельзя исправить.

— О! Дон Санчо, вы объясните мне ваши слова, не правда ли? — вскричал молодой человек с трепетом горести.

— Прежде кончите ваш рассказ, а потом, может быть, я смогу исполнить ваше желание.

— Мне остается прибавить только несколько слов. Я исполнил в точности данное мне поручение. Герцог Пеннафлор знал все действия флибустьеров. Еще вчера я послал к нему гонца с уведомлением, что готовится большая экспедиция против одной крепости на твердой земле и что, по всей вероятности, этой экспедицией будет командовать Монбар, которого с минуты на минуту ждут на Черепаше, и главные начальники береговых братьев. Теперь говорите вы, я слушаю вас.

Дон Санчо встал, взглянул на молодого человека с горестным выражением и, положив ему руку на плечо, отвечал кротко:

— Теперь мне нечего вам говорить, вы находитесь в руках человека, который разобьет вам сердце так, что вам невозможно будет защищаться. Вы не мстите за себя, а служите его ненависти, вы бедный юноша, более ничего как оружие в его руках.

— Но, что же делать, ради Бога?

Дон Санчо колебался с минуту.

— Дон Гусман, — сказал он наконец мрачным голосом, — я объяснить не могу. Только поймите меня правильно.

— Как я могу? У меня голова не на месте! — прошептал молодой человек с судорожным трепетом.

— Я вам повторяю слова святого Реми Кловису: «Сожги то, что ты обожал, обожай то, что ты сжег».

— То есть? — с беспокойством спросил дон Гусман.

— То есть, — ответил мрачным голосом маркиз, — герцог Пеннафлор — мой отец, я обязан повиноваться ему и уважать его; словом, обязан молчать, но, как ваш друг и родственник, я вас предупреждаю, теперь я не могу объяснить подробнее. Остерегайтесь дон Гусман, остерегайтесь!

Он сделал шаг, чтобы уйти.

— Одно слово, только одно, которое бросило бы свет в окружающий меня мрак.

— Я не могу сказать более.

— О, я проклят! — вскричал с унынием дон Гусман.

— Может быть, — ответил дон Санчо с состраданием, — но надейтесь и старайтесь угадать ваших настоящих врагов. Прощайте!

— Увижусь ли я с вами?

— Да.

— Когда?

— Не знаю, вероятно, слишком поздно для того, чтобы предупредить ужасную катастрофу, если вы не поняли моих слов. Прощайте еще раз, помните слова святого Реми.

Пожав дону Гусману руку, он ушел.

— Ах, Боже мой! — с унынием вскричал молодой человек. — Кто будет моим руководителем в этом непроходимом лабиринте?

Он услышал шум шагов и с живостью поднял голову, надеясь, что может быть его родственник, тронутый его горестью, вернулся к нему, но он скоро узнал свою ошибку. К нему подошел Бирбомоно.

— Возвращаемся в Пор-де-Пэ, сеньор, — сказал ему майордом.

— Пойдемте! — ответил дон Гусман глухим голосом.

Не прибавляя более ни слова, он отправился в путь. Бирбомоно шел вперед, прокладывая дорогу.

ХІ

ПРИБЫТИЕ

Пока Марсьяль Франкер, или дон Гусман Тудело, как читателю угодно его называть, спешил на свидание, назначенное ему доном Санчо Пеннафлором, необыкновенное волнение господствовало в Пор-де-Пэ. Известие, очень интересное для жителей, распространилось с быстротой молнии, и жители, бросив свои дома, хлынули к гавани с радостными криками, стараясь наперерыв первому прибежать на берег.

Правда для береговых братьев дело было чрезвычайно важно. Часовой, поставленный на мыс Мориго, дал знать

о приближении шхуны, на которой находились самые знаменитые флибустьеры, шхуны, уехавшей уже так давно, что ее считали погибшей или захваченной испанцами и не надеялись уже увидеть ее возвращение, поэтому, повторяем, радость была велика и восторг дошел до крайней степени.

Шхуна при свежем утреннем ветре вошла в гавань с распушенными парусами и уже легко было узнать береговых братьев, собравшихся на палубе и весело махавших шляпами в знак благополучного возвращения.

Наконец бросили якорь, подобрали паруса и граф д'Ожерон, стоявший со своими офицерами на конце пристани и нетерпеливо ожидавший этой минуты, не мог воздерживаться долее, сел в лодку и поехал к шхуне.

Его принял Монбар и протянул ему руку, чтобы помочь войти на шхуну. Губернатор ухватился за фалрены и, несмотря на свою полноту, проворно вскочил на палубу.

— Добро пожаловать, господин д'Ожерон, — сказал ему Монбар с дружелюбным поклоном.

— Добро пожаловать вы сами, — весело ответил губернатор, — черт побери, если я не считал вас всех на дне моря, потому что я не предполагал ни минуты, чтобы вы находились в плену у испанцев, поэтому признаюсь вам, любезный Монбар, что вы освобождаете меня от жестокого беспокойства.

— Я искренно вас благодарю, милостивый государь, я вдвойне счастлив буду видеть вас, потому что мне крайне необходимо поговорить с вами, так что если бы вы приехали ко мне на шхуну, мой первый визит был бы к вам.

— Гм! Гм! — весело сказал д'Ожерон. — Кажется, есть какие-то новости?

— Да.

— Стало быть, вы сделали благополучное путешествие?

— Превосходное.

— Сколько вы привезли?

— Ничего.

— И это вы называете благополучным путешествием?

— Да.

— Если так, я ничего не понимаю.

— Надеюсь, вы объяснитесь.

— И даже сейчас, если в хотите.

— Как же не хотеть? Я приехал нарочно услышать от вас рассказ о вашей экспедиции.

— Стало быть, все к лучшему. Угодно вам сойти в мою каюту?

— Для чего же? Кажется, нам здесь очень хорошо.

— Не, для того чтобы разговаривать о посторонних предметах, но для того, что я имею вам сказать, лучше нам быть одним.

— Черт побери! — сказал д'Ожерон, потирая себе руки. — Вы выражаетесь таинственно, стоит ли это по крайней мере?

— Будете судить сами, если согласитесь сойти в каюту.

— Я ничего лучшего не желаю, но скажите, каким образом, отправившись на бриге, вы возвращаетесь на шхуне?

— А! Вы это заметили, — ответил Монбар смеясь.

— Кажется это не трудно.

— Мой бриг был стар, сделалась течь, он пошел ко дну и я был принужден с некоторыми товарищами искать убежища на твердой земле.

— Как! На твердой земле, среди испанцев? Но вы просто бросились в волчью пасть.

— Это правда, но как вы видите, я оттуда вышел.

— Надо было бы посмотреть, как могло быть иначе.

— Хорошо, — ответил Монбар с оттенком меланхолии, — но когда-нибудь я останусь там.

— Полноте, вы этого не думаете.

— Кто знает, но пока я воротился здоров и невредим.

Теперь, если вы позволите, я поведу вас в мою каюту.

— Сделайте одолжение, если вы находите это необходимым.

Он пошел за Монбаром, который отвел его в свою каюту, где посадил за стол, на котором находились ром, лимоны, вода, сахар и мускатные орехи, привыкнув к гостеприимству флибустьеров д'Ожерон без всяких церемоний приготовил себе грог по-буканьерски, между тем Монбар отвел Филиппа в сторону и приказал ему в двух словах никого не подпускать к каюте. Молодой человек поклонился дяде, обменялся с ним приветствиями и поспешил выйти на палубу, где первой заботой его было поставить часового у спуска в каюту с формальным приказанием не пропускать никого.

Д'Ожерон и Монбар были уверены, что им никто не мешает и что их никто не подслушивает, следовательно они могли говорить без опасений о своих делах.

Монбар начал разговор, омочив губы в стакане.

— Любезный граф, — сказал он, — вы по-прежнему мне доверяете?

— Самое неограниченное доверие, друг мой, — ответил не колеблясь губернатор, — для чего, позвольте спросить, вы задаете мне этот странный вопрос?

— Потому что, хотя уверен в вашем ответе, я чувствовал потребность услышать его.

— Когда так, вы должны быть довольны?

— Совершенно.

— За ваше здоровье!

— За ваше!

Они чокнулись стаканами.

— У меня была еще другая причина, — продолжал Монбар.

— Неужели вы думаете, что я об этом не догадался? Какая же это причина?

— Вот она: я хочу предложить вам невозможное дело.

— Для вас нет ничего невозможного, Монбар.

— Вы думаете?

— Это мое убеждение.

— Благодарю. Тогда дело устроится само собой.

— Однако вы считаете его невозможным?

— Позвольте мне прежде напомнить вам разговор, который мы имели вместе до взятия Черепахи.

— Напомните, у нас есть время.

— Я сказал вам тогда, если вы помните, что ваше общество, основанное на прочном основании, могло заставить дрожать испанское правительство, и, что, если мы захотим, мы будем так сильны, что уменьшим, если не уничтожим совершенно, испанскую торговлю в американских колониях.

— Вы действительно говорили мне это, и я так хорошо понял важность ваших слов, что настоял как можно скорее овладеть Черепахой, превосходным стратегическим пунктом, чтобы держать неприятеля в страхе.

— Именно. Мы и взяли Черепаху.

— Да, и испанцы ее у нас не отнимут, клянусь вам, по крайней мере, пока я буду иметь честь быть вашим губернатором.

— Я в этом убежден. Но теперь, кажется, настала минута нанести сильный удар.

— Посмотрим, — сказал д'Ожерон, попивая грог, — судя по вашим намекам, дело должно быть серьезное.

Монбар расхохотался.

— От вас ничего нельзя скрыть, — сказал он.

— Говорите же и не тревожьтесь.

— Говорить все откровенно?

— Разумеется!

— Вы не обвините меня ни в сумасшествии, ни в грезах наяву?

— Ни в том, ни в другом... Напротив, я считаю вас человеком очень серьезным, который, прежде чем решиться на какую бы то ни было экспедицию, рассчитывает старательно все последствия.

— Хорошо, если так, выслушайте меня.

— Я весь превратился в слух.

— Я вам сказал, что, лишившись моего брига, я укрылся на твердой земле. Знаете ли вы, в каком месте случай заставил меня высадиться?

— Нет, не знаю.

— В двух лье от Маракаибо.

— Я знаю эти берега, кроме испанцев, их посещают дикари. Вам верно мало было трудностей, любезный Монбар?

— Нет. Как только я приехал, я встретился с вашим племянником Филиппом, который спрятал свою шхуну где-то на берегу.

— Что он мог делать там?

— Не знаю и, признаюсь, я даже не спрашивал.

— А я его спрошу.

— Это ваше дело. Тогда мне пришла в голову одна мысль.

— Это не удивляет меня с вашей стороны, — сказал губернатор, весело кланяясь Монбару, — посмотрим вашу мысль, она должно быть очень энергична, или я очень ошибаюсь.

Монбар отвечал поклоном на его поклон.

— О, Боже мой! — сказал Монбар небрежно. — Мысль очень простая: надо просто овладеть Маракаибо.

— Что? — закричал д'Ожерон, подпрыгнув на стуле. — Овладеть Маракаибо?

— Что вы думаете об этом?

— Я ничего не думаю, вы так удивили меня.

— Это вас удивляет?

— Мне нравится ваше хладнокровие, стало быть, вы говорите серьезно?

— Еще бы! Вот я уже целый месяц обдумываю этот план.

— Вы просто сошли с ума! Овладеть Маракаибо!

— Почему бы и нет?

— Вот человек-то! Не сомневается ни в чем!

— Это средство успеть. Притом дело зашло далее, чем вы предполагаете.

Тогда Монбар перешел к подробностям обо всем, что он сделал во время своего пребывания на твердой земле, как он забрался в город, как его приняли и прочее, и прочее.

Губернатор слушал его, разинув рот, он не мог поверить своим ушам, однако д'Ожерон был человек смелый, он несколько лет был также флибустьером, он предъявил доказательства своей храбрости. И какие доказательства! Но в его время никогда не предпринималось такой страшной экспедиции, она превосходила по своей отважности все, что можно было вообразить самого невероятного. Поэтому, как он признавался Монбару, он совершенно стал в тупик и готов был думать, что с ним сделался страшный кошмар.

Монбар улыбаясь и, прихлебывая грог маленькими глотками, хладно продолжал объяснять ему свой план и какие средства намерен он предпринять для успеха этого плана.

Как часто случается, когда два энергичных человека сидят друг против друга, зная один другого давно и ценя друг друга по достоинству, самый твердый, наконец, убедит другого и заставит его принять свой план, с тем чтобы после сделать в этом плане необходимые изменения, д'Ожерон мало-помалу понял мысль Монбара, обдумал его план и окончательно одобрил его.

— Идея грандиозна и достойна вас, — сказал он, — но исполнение трудно.

— Менее чем вы предполагаете. В сущности, о чем идет речь? О неожиданном нападении, а больше ни о чем, — ответил Монбар с жаром. — Заметьте, что этот край лишен всякой помощи, почти предоставлен самому себе. Жителей немного и они рассыпаны по деревням, гарнизоны слабы, укрепления почти ничтожны. Мы нападаем с быстротою молнии на колонию прежде, чем колонисты узнают кто мы, и, прежде чем опомнившись от ужаса, который внушит им наше присутствие, они успеют собраться, так что мы успеем сделать свое дело и уехать, а они не будут знать, кто на них напал.

— Но если вы встретите испанскую эскадру?

— Мы с нею сразимся, черт побери! И притом, кто ничем не рискует, тот не получит ничего, говорит пословица. Мы награбим огромную добычу, вы не можете себе представить, какие сокровища заключаются в этом краю.

— Подозреваю, — сказал смеясь д'Ожерон, — кажется, мы никогда там не были?

— Никогда. Поэтому Маракаибо служит, так сказать, складом других колоний, жители считают себя в безопасности от нападения.

— Бедные испанцы, они не подозревают, что готовит для них будущее!

— Вот вы теперь умиляетесь на счет участи испанцев.

— Увы! Я думаю о страшной резне, которую вы замышляете.

— Никогда я достаточно не убью этих проклятых испанцев, — сказал Монбар со сверкающим гневом взглядом.

— Стало быть, вы очень их ненавидите?

— Мне хотелось бы иметь возможность, как Нерон изобретать пытки для того, чтобы заставить их больше страдать. Но вернемся к нашему делу. Сколько у нас здесь кораблей?

— В Пор-де-Пэ?

— В Пор-де-Пэ, Марго, в Леогане, на Черепaxe, повсюду, наконец.

— Не очень много, кораблей тридцать, из которых не более двенадцати или четырнадцати в состоянии держаться на море.

— Более нам не нужно. Только бы они были скоры на ходу, я покупаю их.

— Стало быть, вы богаты?

— Я владею казной Двенадцати, — ответил он улыбаясь.

— Вот уже несколько раз слышу я об обществе Двенадцати, — сказал д'Ожерон, нахмутив брови.

— Не тревожьтесь, я начальник этого общества, оно не имеет другой цели кроме славы и богатства флибустьерства.

— Хорошо, теперь я не настаиваю, но, если вы согласны, мы после вернемся к этому предмету.

— Когда вам будет угодно. Итак, вы согласны продать корабли, которые мне нужны?

— С этой же минуты передаю их вам.

— Благодарю, теперь надо найти людей.

— О! В людях недостатка нет.

— Извините, я понимаю, что говорю, мне нужны люди решительные, которые не колеблясь последуют за мною в ад, если я потребую.

— Думаю, что вы легко найдете таких людей.

— Bravo! Мне остается только просить вас об этом.

— О чем это?

— Хранить мою тайну. Вы знаете, что испанские шпионы кишат около нас, одно неосторожное слово погубит нас.

— Вы к несчастью правы, любезный Монбар, я не знаю каким это образом, но говорю вам для того, чтобы вы приняли предосторожности: с некоторого времени точно какой-то злой гений преследует нас, ни одно наше решение не остается в тайне, испанцы тотчас о нем узнают, принимают предосторожности, и наши планы не удаются.

— Это очень важно, между нами должно быть изменник.

— Я так и предполагал.

— Что же вы сделали?

— То, что вы сами сделали бы без сомнения. Я созвал самых знаменитых береговых братьев: Граммона, Драка, Франкера и еще нескольких других, сообщил им мои подозрения и просил наблюдать за их товарищами, жителями и работниками.

— И что же?

— Я ничего не узнал.

— Ей-богу, я найду изменника, клянусь вам! — сказал Монбар мрачным голосом. — И тогда горе ему, кто бы он ни был!

— Вот, например, вы ведь недавно приехали в Пор-де-Пэ?

— Только час тому назад, как вам известно.

— Да. Но уже три дня слухи о вашем приезде ходят по городу. Прибавляют даже, что вы приехали с формальным намерением приготовить важную экспедицию. Кто мог это сказать, спрашиваю вас?

— Конечно это странно и невероятно, тем более что только три человека знали мою тайну, остальная команда шхуны подозревает может быть, но смутно, не смея верить их действительности.

— Кто эти трое?

— Ваш племянник Филипп, за скромность которого я ручаюсь головой, вы и я. Но будьте спокойны, я обязуюсь

вести дело так, чтобы изменник, кто бы он ни был, не мог ничего узнать.

— Дай Бог! — сказал д'Ожерон, вставая. — Вы остаетесь на шхуне?

— Нет, я сейчас иду на берег с вами, если вы хотите.

— Очень рад. Есть ли у вас дом, где вы намерены остановиться?

— Для чего вы спрашиваете об этом?

— Для того, что на случай, если вы не выбрали, я предложил бы вам комнату у меня.

— Благодарю, но не могу принять этого любезного предложения. Я сегодня же хочу заняться моим делом, нужна полная свобода действий, притом я должен условиться с моими товарищами.

— По крайней мере вы будете обедать у меня сегодня?

— С удовольствием, если только вы не будете обедать слишком поздно, потому что я хочу быть свободен рано.

— В пять часов, если это для вас удобно.

— Прекрасно.

Они вышли на палубу, где д'Ожерона приняла команда шхуны знаками самого искреннего и почтительного сочувствия.

Мы говорили прежде, что д'Ожерона обожали флибустьеры, которых он по большей части знал лично и которым умел потакать, заставляя однако уважать себя, а иногда и бояться. Перед отъездом губернатор захотел осмотреть все судно, что чрезвычайно было лестно экипажу, потом пригласил обедать своего племянника и главных офицеров на шхуне, он сел в сопровождении Монбара в шлюпку, приготовленную для него по приказанию Филиппа.

Выйдя на берег, д'Ожерон возобновил свое приглашение Монбару, прося его не опоздать, потом оба дружелюбно простились и разошлись в разные стороны. Монбар с чрезвычайным трудом отклонился от авации, приготовленной ему береговыми братьями, которые непременно хотели нести его на руках с триумфом. Наконец ему удалось войти в гостиницу, попавшуюся ему по дороге, и толпа, дожидавшаяся его довольно долго перед дверью, и видя, что он не выходит, наконец разошлась...

ГОСТИНИЦА

Гостиница, в которой Монбар укрылся, чтобы избавиться от овации, которую береговые братья, обрадовавшись его приезду, намеревались ему сделать, была домом скромной наружности и находилась у входа на пристань на углу двух улиц. Почти как все дома в городе, она была построена с плоской крышей в виде террасы, с кругообразным балконом в первом этаже и с перистилем из древесных стволов, поддерживавших широкую галерею над дверью, ветка лимонного дерева была привязана к железному треугольнику, на конце которого качалась большая доска, на которой красовалось огромными буквами желтого цвета: *Для моряков хорошие квартиры.*

Монбар, войдя, запер за собой дверь, так что с минуту находился почти в совершенной темноте, но мало-помалу глаза его привыкли к полусвету и он легко стал различать окружавшие его предметы. Зала, в которую привел его случай, была посредственного размера. Столы, скамьи и стулья составляли мебель, в углу весла, мачты, снасти, сети у стены, прилавок, на котором стояло несколько бутылок с напитками, занимал глубину залы. Флибустьер осмотрелся вокруг, он был один, он сел на скамью и ударил эфесом кинжала по столу, чтобы позвать работника, прислуживавшего посетителям, и, опираясь локтем о стол и опустив голову на руку, предался размышлениям.

Через минуту легкий шум заставил его приподнять голову, перед ним неподвижно стояла женщина, спиной к свету. Черты ее в темноте, господствовавшей в зале, терялись в неопределенных линиях. Она устремила на флибустьера взгляд с таким странным выражением, что он невольно вздрогнул.

— Вы звали, — сказала она тихим и дрожащим голосом, — чего вы желаете?

При металлическом звуке этого голоса флибустьер почувствовал волнение, в котором он не мог дать себе отчета, он задрожал и холодный пот выступил на его висках.

— Да, я звал, — ответил он, — сам не зная, что говорит. — Вы, без сомнения, хозяйка этой гостиницы?

— Да, — отвечала она, потупив голову.

Монбар, все более и более озабоченный, старался, но напрасно, рассмотреть лицо своей собеседницы, та без сомнения, не доверяясь темноте и желая остаться неизвестной, закрыла лицо толстой тканью мантильи.

— Я моряк, — продолжал авантюрист, — и...

— Я вас знаю, — перебила она кротко.

— А! — сказал он. — Вы знаете меня?

— Да, вы неумолимый начальник флибустьеров, которого испанцы прозвали Истребителем.

— Это правда, — сказал он с невыразимой ненавистью, — я никогда не даю пощады испанцам.

Она поклонилась и ничего не ответила.

— Можете вы дать мне комнату в этой гостинице?

— Почему же, если вы желаете, однако у вас есть собственный дом.

— Что вам за дело?

— Это правда, — ответила она кротко, — это меня не касается.

— Есть у вас другие флибустьеры?

— Трое.

— Кто такие?

— Франкер, кавалер де Граммон и капитан Дрэк.

— Хорошо. Можете вы дать мне отдельное помещение?

— Что вы называете отдельным? Я не хорошо понимаю вас, извините меня. Я испанка, французский язык мало мне знаком.

— А! Вы испанка? — сказал Монбар резко.

— То есть, — ответила она с живостью, — я родилась в испанской Фландрии.

— А!... — произнес Монбар, бросая на нее долгий взгляд, потом как бы не приписывая никакой важности этому объяснению, он продолжал. — Я разумею под отдельным помещением комнаты, не имеющие никакого сообщения с другими, где я был бы свободен выходить и входить, не встречаясь с посторонними, и, в случае надобности, будучи никем невидим.

— У меня есть такое помещение, какое вы желаете.

— Я беру его, вот задаток.

Он бросил на стол несколько монет.

— Я никогда не беру вперед, — ответила она, отталкивая деньги с лихорадочным движением.

— Тем хуже, потому что эти деньги пропадут, я никогда не беру назад того, что раз отдал.

Она колебалась с минуту, потом подобрав золотые монеты, сказала:

— По крайней мере, вам надо знать цену этой квартиры.

— Вы знаете, что я богат, для меня цена ничего не значит.

— Хотите посмотреть, по крайней мере?

— К чему? Если квартира такова, как вы говорите, я уверен, что она будет для меня удобна.

— Когда вы желаете переехать?

— Сегодня, сейчас.

Он встал, разговор этот тяготил его, ему было неловко с этой женщиной, хотя он не мог отдать себе отчета в том, что он чувствовал.

— Извините, — сказала она, удерживая его, — еще одно слово.

— Говорите, — ответил он садясь.

— Мне хотелось бы попросить у вас одолжения.

— Одолжения у меня?

— Да, — сказала она смиренно.

— Вы меня знаете, вы испанка, а просите у меня одолжения! — сказал он, пожимая плечами.

— Я знаю, что поступаю нехорошо, но я прошу у вас это одолжение, потому что вы один можете оказать его мне.

— Если так, говорите, я слушаю вас, но не распространяйтесь.

— Я прошу у вас только пять минут.

— Хорошо, пусть будет пять минут.

В эту минуту дверь отворилась и вошли два человека. Она отступила и, сделав флибустьеру знак, чтобы он следовал за ней, сказала:

— Пойдемте, я отведу вас в ваши комнаты.

— Но о чем же вы хотели меня просить?

— После, в другой раз, — ответила она голосом, прерывавшемся от внутреннего волнения.

— Как вам угодно, но этот господин мне знаком, и я желаю с ним поговорить.

— Вы знаете Франкера? — вскричала она, вздрогнув.

— Почему же мне не знать его и с какой стати это касается вас?

— Меня? Это не касается меня нисколько.

— Если так, пожалуйста, оставьте нас.

— Я ухожу. Человек, который пришел с господином

Франкером, мой работник, он останется здесь, чтобы вам служить.

— Хорошо, хорошо! — сказал Монбар с нетерпением. — Странная женщина! — прошептал он, следуя за ней глазами, пока она выходила из залы, — я не знаю, почему она интересуется меня, как загадка. Мне кажется, будто я уже встречался с нею, но где и когда, вот этого уже не могу сказать.

Он подошел к Франкеру, который опустился на стул и казался сильно озабоченным, однако, услышав, что Монбар приближается к нему, он поднял голову и протянул ему руку.

— Добро пожаловать в Пор-де-Пэ, — сказал он.

— Благодарю, — ответил Монбар, отвечая на его пожатие, — но что с вами? Вы больны, расстроены... не случилось ли с вами какого-нибудь серьезного несчастья?

— Нет, ничего, не обращайтесь на это внимания, я сам стыжусь своего расстройства. У меня перемежающаяся лихорадка и больше ничего, очевидно, здешний воздух не хорош для меня.

— Вы смеетесь, здешний климат самый здоровый в целом свете.

— Так это, вероятно, следствие простуды, полученной мною в Леогане.

— Это будет все, что вам угодно, друг мой, — ответил флибустьер, понимая, что молодой человек не хотел по какой-нибудь причине объясниться яснее, — во всяком случае надеюсь, что эта болезнь, какова бы она ни была, не мешает вам участвовать в экспедиции, которую я готовлю.

— Конечно, я очень желаю сопровождать вас.

— Итак, это решено.

— Экспедиция будет серьезная на этот раз?

— Вы сами будете судить об этом, ответил Монбар улыбаясь.

Во время разговора обоих флибустьеров, человек, которого трактирщица назвала своим работником и который был никто иной как Бирбомоно, ходил взад и вперед по зале, переставляя с места на место столы и скамьи.

— Послушайте, мой милый, — сказал ему Монбар, — я сейчас нанял в этом доме квартиру, пожалуйста, покажите мне ее.

— Я к вашим услугам.

— Вы уходите? — спросил Франкер, вставая с живостью.

— Да, на несколько минут, я хочу отдохнуть.

— Жаль, — сказал молодой человек с волнением, — потому что, если случай свел нас, я желал бы объясниться с вами.

— Объясниться со мной? — с удивлением вскричал Монбар.

— Да, впрочем если вы согласны.

— Вы очень торопитесь?

— Очень, клянусь вам.

— Как это странно! Стало быть, дело серьезное?

— Дело идет для меня о жизни и смерти, — сказал Франкер прерывающимся голосом.

Монбар рассматривал его несколько минут с величайшим изумлением.

— Вы чрезвычайно изумляете меня, — сказал он наконец, — мы очень мало знаем друг друга, никогда не жили вместе. Что вы можете сообщить мне такого важного?

— Вы согласны меня выслушать?

— Конечно, если вы хотите.

— Сейчас?

— Я слушаю вас.

— Не здесь, вы один должны слышать то, что я вам скажу.

— Хорошо, пойдемте в мои комнаты, или может быть вы предпочитаете говорить со мною у вас?

— Мне все равно где, только бы мы были одни.

Монбар движением руки приказал Бирбомону проводить их в его квартиру. Все трое вышли из залы.

— О, кабальеро! — шепнул на ухо майордом молодому человеку. — Что хотите вы сделать?

— Хочу кончить так или иначе, — ответил он с расстроенным видом, — мое положение нестерпимо.

Бирбомону опустил голову и не отвечал. Поднявшись на несколько ступеней, майордом отворил дверь и ввел Монбара и Франкера в комнату, меблированную довольно хорошо.

— Вот ваши комнаты, — сказал он Монбару.

— Хорошо, теперь уйдите.

Майордом вышел, затворив за собой дверь.

Первая комната была передняя. Флибустьеры не остались там, а прошли во вторую комнату, которая казалась гостиной. Монбар сел в кресло, знаком прося молодого че-

ловека последовать его примеру, но тот покачал головой в знак отказа и не сел. Наступило довольно продолжительное молчание. Монбар первый прервал его.

— Я жду, — сказал он.

Молодой человек вздрогнул и, с живостью приподняв голову, которую опустил на грудь, сказал медленным и мрачным голосом:

— Милостивый государь, вы пользуетесь репутацией человека беспримерной неустрашимости.

— Что? — произнес Монбар, удивляясь этому странному вступлению

— Да, — продолжал Франкер, — вы слывете человеком свирепой храбрости, словом, таким человеком, которого не только ничто не может заставить затрепетать, но даже удивить.

— Очень может быть, — ответил флибустьер, — но какое отношение может иметь храбрость к объяснению, которое вы желаете иметь со мной?

— Вы это узнаете. Часто вы дрались на дуэли, как говорили мне, а дуэль между флибустьерами почти всегда смертельна.

— Прошу вас, приступите к делу, — перебил Монбар, чувствуя, что им овладевает гнев, и делая напрасные усилия преодолеть его.

— Случай всегда вам благоприятствовал, и вы здоровы и невредимы выходили из этих поединков, правда ли это?

— Уж не хотите ли вы оскорбить меня? — запальчиво вскричал Монбар.

— Нет, — ответил Франкер кротко, почти печально, — я прошу вас только отвечать мне.

— Ну да, Господь постоянно защищал меня, потому что я поддерживал всегда правое дело.

— Вы говорите о Боге? — вскричал Франкер вне себя от удивления.

— Почему же мне не говорить, молодой человек? — ответил Монбар. — Но оставим это и приступим к делу.

— Хорошо, я желаю драться с вами, и, так как я также буду защищать дело святое и справедливое, я надеюсь в свою очередь, что Бог защитит меня и что я вас убью.

Монбар с трепетом отодвинулся.

— Что значит эта комедия? — сказал он надменно. — Вы помешались, милостивый государь?

— Я не помешался и не играю комедии, — ответил Франкер спокойно.

— Так вы действительно вызываете меня на дуэль?

— Действительно.

— Вы хотите меня убить?

— Надеюсь.

— Это ни на что не похоже! — вскричал Монбар, вскочив и расхаживая большими шагами по комнате. — Вы меня не знаете, я никогда не делал вам ни зла, ни вреда.

— Вы так думаете?

— Как! Думаю? Я в этом уверен!

— Вы ошибаетесь, вы сделали мне много зла, вы причинили мне вознаградимый вред.

— Я?

— Да, вы, сеньор!

— Вы уверяете меня в этом?

— Я даю вам честное слово.

Монбар молчал несколько минут, он размышлял.

— Послушайте, — сказал он наконец, — как ни странно ваше предложение, я принимаю его.

— Благодарю вас.

— Подождите. Я принимаю, сказал я, но с условием.

— Какое же это условие?

— Вы мне скажете сначала, кто вы, и потом какие причины руководят вами и какие люди заставляют вас действовать.

— Милостивый государь!

— Не настаивайте, мое решение неизменно.

— Однако...

— Это очень мило, честное слово! Вы ни с того ни с сего вызываете меня на дуэль, говорите, что хотите меня убить, и воображаете, будто я соглашусь. Да вы просто бредите, мой милый! Неужели вы предполагаете, что я так и соглашусь на вызов первого встречного, которому вздумается оскорбить меня ни с того ни с сего? Нет, сделайте одолжение, так не может быть. Не старайтесь принудить меня, бросив мне в лицо одно из тех оскорблений, которые требуют крови. Предупреждаю вас, что при первом слове, при первом движении я прострелю вам голову как бешеной собаке. Теперь вы предупреждены, говорите или не говорите, я умываю руки.

— Хорошо. Если вы требуете, я буду говорить, но, поверьте мне, для вас гораздо будет лучше, если я промолчу, по крайней мере ваша честь не пострадает.

— Я лучше могу судить, милостивый государь, о тех вопросах, где заинтересована моя честь. Говорите же без опасения и без всякой сдержанности.

— Я это и сделаю, но пеняйте на самого себя за последствия, которые могут иметь мои слова.

— Говорю вам в последний раз, что требую откровенного и полного объяснения и, прибавляю, что вовсе не опасюсь последствий.

— Я исполню ваше желание и надеюсь отнять у вас, таким образом, всякий предлог отказать мне в удовлетворении.

— Будьте спокойны на этот счет, я даю вам слово дворянина. Говорите без обиняков, прошу вас, потому что, признаюсь, это начинает мне надоедать.

Молодой человек наклонился и поставив стул напротив того, на котором сидел Монбар, приготовился говорить.

ХШ

ОБЪЯСНЕНИЕ

Несмотря на предыдущую сцену, Монбар не чувствовал никакого враждебного чувства к своему собеседнику. Он сам с удивлением находил себя спокойным и не рассерженным. Облокотившись на свое кресло, подпирая подбородок рукою, он смотрел с грустью и состраданием на этого молодого человека с такими красивыми и благородным чертами, с таким гордым взглядом, к которому с первой минуты, как он увидал его, он почувствовал непреодолимую симпатию и которого, может быть, через несколько часов, по странной и роковой судьбе, он будет принужден убить, если не хочет быть безжалостно убитым им. Целый мир мыслей поднимался у него из сердца к мозгу, и он спрашивал себя, неужели действительно у него достанет печального мужества прекратить эту юную жизнь и не лучше ли ему самому пасть в этой дуэли.

Подумав несколько минут, как бы собирая свои воспоминания, молодой человек заговорил голосом слегка дро-

жавшим, но который сделался тверже мало-помалу и скоро принял под усилением волновавшего его чувства металлический звук страсти.

— Милостивый государь, — сказал он, — судьба непременно хочет сделать нас врагами, между тем как мне, напротив, было бы так приятно быть любимым вами, потому что я должен вам признаться, что, несмотря на все мои усилия, чтобы возненавидеть вас, меня привлекает к вам непреодолимая сила, пускай кто хочет объясняет это чувство, которое я не стараюсь анализировать, но оно существует во мне, преодолевает меня и заставило до этой минуты отдалять объяснение, которое должно кончиться смертью одного из нас.

— Я также чувствую, что я вас полюбил бы, — ответил Монбар кротким голосом, — я уже начинал вас любить и даже в эту минуту не могу вас ненавидеть.

— К несчастью, мы должны подавить в нашем сердце это благородное чувство, — продолжал молодой человек, — и слушаться только голоса долга, голоса неумолимого, который приказывает мне потребовать от вас страшного отчета. Я не француз, милостивый государь, как вы предполагали по той легкости, с какой я говорю на вашем языке, я испанец или, по крайней мере, считаю себя испанцем.

— Вы испанец? — с горестью вскричал Монбар.

— Да, простите меня, если я расскажу вам мою жизнь, но это необходимо, для того, чтобы вы поняли меня. Но я не стану распространяться, а расскажу вам только то, что вам необходимо знать. Я никогда не знал ни отца, ни матери.

— Бедный юноша! — прошептал Монбар.

— Я был воспитан дядей, братом моей матери, — продолжал молодой человек. — Этот родственник имел обо мне величайшее попечение, он внимательно следил за моим воспитанием и отдал меня во флот.

— И вы сделались превосходным моряком, несмотря на вашу молодость. Я могу засвидетельствовать вам это.

— Я имею честь служить офицером во флоте его величества испанского короля.

— Но каким образом?

— Имейте терпение, — перебил Франкер, — ведь я вам сказал, что вы услышите все.

— Это правда, продолжайте же и простите, что я перебил вас так некстати.

— Около шести месяцев тому назад я был в Веракрусе, где отдыхал от продолжительного путешествия в Европу. Однажды дядя призвал меня, говоря, что хочет открыть мне нечто важное. Я явился по его приказанию, присутствовал только его сын. Тогда я услышал страшную историю моей фамилии.

Молодой человек остановился, рыдание вырвалось из груди его, он опустил голову на обе руки и заплакал. Монбар уважил эту горесть, которой сочувствовал может быть более, чем желал.

Наконец после нескольких минут, печальное безмолвие которых нарушалось только подавленными вздохами Франкера, тот вдруг поднял голову и, устремив на флибустьера глаза, горевшие лихорадкой, с выражением смертельной ненависти и гнева, он сказал:

— К чему продолжать эту страшную историю? Разве вы не знаете ее так же хорошо, как и я? Вы обольститель моей матери, умершей от отчаяния, проклиная вас, вы низкий убийца моего отца!!!

При этом страшном обвинении, при этом ужасном обвинении Монбар вдруг вскочил, как будто змея ужалила его в сердце. Лицо его покрылось смертельной бледностью, кровавое облако омрачило глаза, рев, как у хищного зверя, сорвался с его губ, яростно сжатых. Он прыгнул, как тигр, на молодого человека и с силой, увеличивающейся от гнева, опрокинул его на пол и, став коленом на грудь, левой рукой сжал горло своего врага, а правой поднял над головой его кинжал со свирепым хохотом.

— Ты умрешь, злодей! — вскричал он хриплым голосом.

Молодой человек, удивленный этим внезапным нападением, которого он вовсе не ожидал, не старался избавиться от сильной руки, державшей его, он понял, что все его усилия будут бесполезны. С выражением сарказма, которое невозможно передать, он решительно устремил свой взор на сверкающие глаза врага, презрительная улыбка сжала его губы, побледневшие от волнения, и голосом твердым он три раза бросил ему в лицо одно слово:

— Злодей! Злодей! Злодей!

Несчастный молодой человек должен был погибнуть, зловещий блеск стали ослепил его глаза, никакая человеческая помощь не могла бы его спасти, когда вдруг тонкая и

нежная рука, рука женская, схватила руку Монбара и в то же время нежный голос вскричал тоном мольбы и горя:

— Неужели Монбар убьет ребенка, беззащитно лежащего у его ног?

Флибустьер обернулся, не снимая однако своего колена с груди врага. Хозяйка гостиницы стояла возле него, бледная, дрожащая, испуганная, как статуя Горести, прекрасная в своих слезах, как древняя Ниобея, и смотря на него с таким выражением мольбы, нежности и безропотности, которого ни один живописец не сумел бы передать. Флибустьер потупил глаза от взгляда этой женщины — до того в нем было много магической силы.

— О! — прошептал он тихим и прерывающимся голосом.

Как бы подчиняясь неведомой силе, он медленно приподнялся, заткнул кинжал за пояс, отступил на два шага, чтобы дать своему врагу возможность приподняться, и, скрестив руки на своей сильной груди, поднял высоко голову, нахмутив брови, с мрачным взором, потом на лбу, ждал спокойно и с достоинством, как отдыхающий лев.

Почувствовав себя свободным, молодой человек вскочил и в одну секунду очутился на ногах, но, подчиняясь величественному виду этой женщины, он остался неподвижен, дрожа от гнева, но не делая ни малейшего движения, чтобы обнажить свою шпагу или выхватить свой кинжал.

Женщина, так кстати воспротивившаяся убийству, которое без ее неожиданного вмешательства совершилось бы в ее дому, рассматривала с минуту обоих с чрезвычайным вниманием, потом сделала два шага вперед, стала между ними, как бы хотела помешать новой борьбе.

— Милостивый государь, — обратилась она к Монбару, — ваша безумная ярость чуть было не заставила вас совершить ужасное преступление.

— Это правда, — ответил флибустьер с кротостью, которая изумила его врага, — и я вечно сожалел бы от этом, поэтому я благодарю вас за ваше вмешательство.

— После вы будете благодарить меня еще более, — сказала она тихим, едва внятным голосом.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего, — ответила она. — Милостивый государь, — обратилась она к молодому человеку, — оскорбления бесславят гораздо более того, кто их произносит, чем того, к кому они обращаются. Вместо того, чтобы увле-

каться гневом, который вы считаете справедливым, продолжайте холодно, тоном достойным для вас и того, кто вас слушает, рассказ, начатый вами, и может быть эта таинственная история разъяснится, и вы узнаете, что вы не жертва, а орудие для чужой ненависти.

Слова эти, произнесенные очень сдержанно, заставили призадуматься молодого человека, тем более, что в этот самый день его родственник говорил уже ему почти в таких же выражениях, однако гордость его возмущалась от полученного им урока. Он был унижен нравственным принуждением, которое налагали на него, и старался избавиться от подчинения, право которого он не признавал.

— Милостивая государыня, — ответил он с необыкновенной вежливостью, запечатленной неприметным оттенком насмешки, — по милости вашего великодушного вмешательства этот человек не убил меня, следовательно, я обязан вам жизнью. Смирено благодарю вас не потому, что я дорожу жизнью, но потому, что задача, возложенная на меня, не достигнута. Мои мать и отец еще не отомщены, но эта услуга, за которую я сохраню вам вечную признательность, не дает вам права, я полагаю, вмешиваться в дела, которые, позвольте мне заметить вам, касаются меня одного, и в которые вы не имеете никакого права вмешиваться.

Холодная, презрительная улыбка сжала губы трактирщицы.

— Откуда вы знаете? — сказала она. — Взгляните на *этого человека*, как вы его называете, он меня узнал, я в этом убеждена, и право, которое вы у меня оспариваете, он признает во всей его обширности.

— Это правда, хотя много прошло медленных и печальных лет после нашей последней встречи, — ответил Монбар, — я вас узнал и убежден, что ваше вмешательство правильно и законно.

— Пусть так, я не стану оспаривать этого, — холодно ответил молодой человек, — притом, что мне за дело, сохранится или нет эта тайна. По остатку вежливости к этому человеку мне не хотелось бы разглашать его бесчестие, но вы требуете, и я буду говорить

— Да, говорите, и, так как сказала сейчас сеньора, мы может быть узнаем на кого должно пасть бесчестие, о котором вы говорите так громко.

— Когда вам мнимый дядя кончил свой страшный рассказ,— продолжала трактирщица,— что он вам приказал?

— Мнимый, сеньора! — запальчиво вскричал молодой человек.

— Да, мнимый, по крайней мере, до положительных доказательств.

— Но вы каким образом знаете эту историю, когда я никогда не говорил о ней ни слова?

— Сейчас за этой дверью я подслушивала вас.

— О! Такое шпионство...

— Оно спасло вам жизнь.

Он наклонил голову, еще раз он был побежден, он признавал бесполезность бороться долее.

— Я вам уже сказал, что я офицер в испанском флоте,— продолжал Франкер,— по приказанию дяди я подал в отставку и в матросском платье нанялся на флибустьерский корабль.

Монбар вздрогнул.

— С какой целью? — спросил он.

— С целью узнать ваши силы, ваши средства, вашу организацию, обширность вашего могущества, для того чтобы вас победить и уничтожить навсегда ваши разбойничьи вертепы, которые служат поношением человечеству.

— Словом,— сказал Монбар тоном едкой насмешки,— ваш дядя под благовидным предлогом какого-то мщения сделал из вас шпиона,— роль достойная кастильского дворянина.

— Милостивый государь! — вскричал Франкер запальчиво, но тотчас, преодолев себя, он продолжал.— Пусть так, я шпион, но, по крайней мере, цель, которую я задал себе, облагораживала в моих глазах эту роль.

— Софизм — не ответ,— сказал Монбар сухим тоном.— Но цель, о которой вы говорите, была не единственной вашей целью.

— Нет, у меня был цель еще священнее: узнать обольстителя моей матери, убийцу моего отца и отомстить ему.

— Убив его без сомнений? — иронически сказал Монбар.

— Нет, а захватить его и повесить, как вора и убийцу.

— Негодяй! — вскричал Монбар.— Итак, ты признаешься в вероломстве?

— Я признаюсь в том, что я сделал, и горжусь этим.

— Это ты уже несколько месяцев передаешь планы наших экспедиций испанцам?

— Да, я.

— Знаешь ли ты, несчастный, что ожидающие тебя наказания ужасны?

— Знаю,— просто ответил Франкер.

— И ты не дрожишь?

— Зачем мне дрожать? Приняв данное мне поручение, я знал, чему подвергаюсь, если меня узнают, я рассчитал заранее все шансы за и против. Я начал против вас страшную партию, поставив на ставку мою голову, я надеялся, что Господь будет со мной, потому что защищаемое мною дело справедливо. Господь оставил меня, я покоряюсь Его всемогущей воле без ропота и без слабости. Я в ваших руках, делайте со мной что хотите. Я проиграл, я сумею заплатить.

— Да,— возразил Монбар с холодным гневом,— сегодня же вы получите заслуженное вами наказание.

— Молчите! — сказал трактирщица, протянув руку, как бы для того, чтобы остановить Монбара.— Молчите и ждите несколько минут. Этот человек не все еще сказал.

— Как! Не все сказал?

— Нет, потому что он забыл сказать нам свое имя, и мы должны знать действительно ли он дворянин как хвалится, или, напротив, подлый шпион, негодяй низкого сорта на жалованье у наших врагов.

Произнося эти слова, трактирщица обменялась с Монбаром взглядом, имевшим странное выражение, флибустьер сделал знак согласия.

— А! — сказал молодой человек с хохотом торжества.— Я этого ожидал. Ну, ваше ожидание будет обмануто, я умру, но вы не узнаете, кого вы убили.

Монбар сделал движение, выражавшее досаду.

— Вы ошибаетесь,— возразила трактирщица,— если мы не знаем вашего имени, то ничего нет легче узнать.

— Я в этом не сомневаюсь,— иронически ответил Франкер.

— Дитя,— возразила она с кротким состраданием,— ребенок, считающий себя сильным, потому что вы решительны и честны, а, между тем, вы только игрушка окружающих вас.

— Милостивая государыня! — вскричал он.

— Как! — продолжала она, не обращая внимания на его слова,— мой работник Бирбомоно отдал вам письмо, назначающее свидание. Сегодня утром вы отправляетесь

на это свидание. На берегу Аргонито, в трех лье отсюда, человек в костюме буканьера разговаривает с вами больше часа, обнимает вас, называет родственником, а вы предполагаете, будто мы, имеющие такой сильный интерес узнать все происходящее, не знаем этого человека!

— Нет, потому что, если бы вы его знали, он был бы задержан, или, по крайней мере, вы постарались бы его захватить.

— Вы ошибаетесь, мы знаем очень хорошо этого человека, однако он свободен, потому что этот человек, хоть и испанец, не хочет нам зла, а иногда даже оказываем нам услуги.

— Но как его зовут?

— Как его зовут? Если вы хотите, чтобы я вам сказал, извольте: его зовут дон Санчо Пеннафлор, он губернатор острова Испаньола.

— Дон Санчо Пеннафлор! — вскричал Монбар с изумлением.

— О, теперь мне все понятно!

— Может быть, — сказала трактирщица, — начинает показываться свет, подождем, пока он ярче засияет, прежде чем будем радоваться.

Молодой человек смутился.

— Ах, Боже мой! — вскричал он с огорчением.

— Дон Санчо здесь, — сказал Монбар, — вы это знали, Донна Клара?

— Как же мне не знать? — ответила она просто.

— Это правда, — заметил Монбар, — каковы бы ни были для меня последствия, я увижусь с ним.

Донна Клара приблизилась к молодому человеку.

— Вы любите дон Санчо, — сказала она ему, — он также вас любит. Может быть, если бы вы последовали его советам, вы не находились бы теперь в таком положении. Что сделано, то сделано, бесполезно возвращаться к этому, выслушайте меня. Герцог Пеннафлор сказал вам, неправда ли, что Монбар обольстил вашу мать и убил вашего отца?

— Да, — прошептал Франкер, разбитый волнением.

— О, я узнаю этого неумолимого человека! — вскричал Монбар.

— Как ваше имя, молодой человек? — спросил он повелительно.

— Дон Гусман де Тудела,— ответил Франкер, не сопротивляясь более.

— Ну, дон Гусман де Тудела, дайте мне ваше честное слово, что вы не будете стараться бежать.

— Даю,— ответил Франкер откровенно.

— Хорошо. Бирбомоно поедет с вами в Сан-Доминго, у вас должны быть способы безопасно вступить в столицу острова.

— Есть.

— Хорошо, расскажите дону Санчо страшную сцену, происшедшую между нами.

— Расскажу.

— Заклинайте дона Санчо именем всего святого сказать вам виновен ли я в преступлении, в котором его отец герцог Пеннафлор обвинил меня перед вами. Если он ответит вам утвердительно, вы найдете меня здесь готовым дать вам всевозможное удовлетворение, какое вы потребуете от меня.

— Вы это сделаете? — вскричал Франкер с радостным движением.

— Клянусь вам честью,— торжественно ответил Монбар,— но если, напротив, он вам скажет, что я не только невиновен в этих преступлениях, но еще более двадцати лет преследуем неумолимой и несправедливой ненавистью, что сделаете вы? Отвечайте.

— Что я сделаю!

— Да, я спрашиваю вас.

— Я, в свою очередь, даю вам слово, что, если он скажет мне это, я предам себя в ваши руки, чтобы вы располагали мной, как хотите.

— Я принимаю ваше слово, ступайте, друг мой, позвольте мне назвать вас таким образом. Теперь только три часа, отправившись сейчас, вы можете завтра на рассвете быть в Сан-Доминго, этого вы желаете? — обратился он к донне Кларе и в голосе его слышалась невыразимая доброта.

— О, вы великодушны и благородны как всегда! — вскричала она, падая на колени и заливаясь слезами.

Монбар приподнял ее с кроткой улыбкой.

— Надейтесь, бедная женщина, бедная мать,— сказал он кротко.

Через час дон Гусман в сопровождении Бирбомоно скакал галопом по дороге в Сан-Доминго.

ОБЕД У Д'ОЖЕРОНА

После продолжительного разговора с донной Кларой, разговора, предмет которого остался даже тайной для Бирмбомоно, так давно верного наперстника своей госпожи, Монбар вышел из гостиницы и отправился к д'Ожерону, у которого обещал обедать.

Мы сказали, что губернатора очень уважали все береговые братья, они очень любили его и сильно боялись. Его дом считался самым приятным в колонии, обеды у него были великолепны и общество изысканное.

Д'Ожерон, дворянин старого рода, умел принимать прекрасно, умея с необыкновенным тактом собирать за своим столом людей, любивших и уважавших друг друга, а это было нелегко в таком краю, где народонаселение состояло по большей части из людей, выкинутых из европейской цивилизации, мятежные натуры которых неохотно сгибались под самым легким игом.

Притом состояние д'Ожерона было самое странное среди всех этих непокорных людей, которые не совсем охотно покорялись его званию королевского наместника и которые каждую минуту готовы были возмутиться против самой простой его воли. Потребна была вся энергия этого человека и его глубокое знание нравов флибустьеров, с которыми он долго жил и отважную экспедицию которых он разделял, чтобы удержаться в Пор-де Пэ и не компрометировать важных интересов, вверенных ему королем.

Монбар был принят с чрезвычайной вежливостью д'Ожероном и нашел у него главных начальников, которые, все очень желая увидеться с Монбаром, поспешили явиться на зов губернатора.

Несмотря на тайну, строго соблюдаемую, старые флибустьеры, товарищи Монбара, так хорошо знали его высокие способности и закоренелую ненависть к испанцам, что все предполагали, что его продолжительное отсутствие на Черепaxe, должно было скрывать серьезные намерения и что экспедиция, какую только один этот знаменитый начальник умел устраивать, скоро будет организована.

А уже давно экспедиции флибустьеров не были удачны, все их планы не удавались, хотя нельзя было узнать

причины. Они всегда находили настороже врагов, на которых думали напасть врасплох, и они возвращались со своих набегов с испорченными судами и с командой, уничтоженной испанской картечью.

Флибустьеры, привыкшие тратить, деньги не считая, добытые грабежом, начали чувствовать большой недостаток в деньгах. Им нужно было захватить какую-нибудь выгодную добычу, поэтому они приняли Монбара с громкими радостными восклицаниями и все поспешно протягивали ему руки.

Обед прошел очень прилично в дружеских разговорах д Ожерона с гостями, однако против обыкновения губернатор не подстрекал флибустьеров пить. Монбар был очень сдержан, отвечал уклончиво на вопросы, казался озабочен, ел мало и забывал каждую минуту, что перед ним стоит стакан.

Береговые братья заметили это и угадали по этим верным признакам, что какое-то важное намерение занимает мысль их товарища, они внутренне порадовались этому, но нетерпение их послушать его объяснение удвоилось.

Когда десерт поставили на стол, заперев за собой дверь, гости остались одни. Их было девять человек, считая губернатора: Монбар, племянник губернатора Филипп д Ожерон, бывший работник Монбара, который, как тот предсказывал, сделался одним из самых страшных флибустьеров Черепахи, капитан Дрэк, Польшэ и англичанин Морган, недавно приехавший с Ямайки, где он долго оставался.

— Господа, — сказал тогда д Ожерон, — вот ликер, трубки, табак и сигары, прошу вас.

Все протянули руки и взяли трубки и сигары, кто как хотел. Губернатор встал, сделал два-три шага по зале, потом отворил двери и все увидели за десять шагов в коридоре Тихого Ветерка, Данника, Мишеля и Питриана, которые сидели на стульях и курили.

— Вы видите, что нас хорошо караулят, — сказал губернатор, опять сядя за стол, — и на этот раз, по крайней мере, мы можем говорить о наших делах, не боясь, что наши слова дойдут до нескромных ушей.

Флибустьеры одобрили эту предосторожность, которая предсказывала рассуждение серьезное и, следовательно, интересное для них.

— Однако, — продолжал губернатор, — я советую вам

не слишком повышать голос, стены не толсты, а кто знает, сколько шпионов подслушивают нас.

Монбар схватил бутылку, стоявшую перед ним, наполнил стакан до краев, не обращая внимания на пролитую жидкость, которая оказалась ромом, и, поднеся его к губам, сказал:

— Братья, я пью за самую достославную экспедицию, какую когда-либо предпринимали флибустьеры, экспедицию, которую мы сделаем вместе, если вы сочтете меня достойным командовать вами, — словом, я пью за вашу месть испанцам. Отвечайте на мой тост.

Поднеся к губам стакан, он опорожнил его до последней капли.

— За нашу месть испанцам! — закричали флибустьеры, опорожнив, по примеру Монбара, свои стаканы залпом.

— А-а! — весело сказал Пьерр Легран. Кажется что-то есть.

— С Монбаром всегда что-нибудь бывает, — сказал Олонец, потирая руки.

— Кажется, я хорошо сделал, что вернулся, — заметил Морган.

— Господа, — сказал губернатор, — Монбар желает говорить, прошу вас, выслушайте его.

— Тем более, что вероятно дело стоит того, — весело прибавил Польшэ.

— Послушаем! Послушаем! — закричали флибустьеры.

Молчание водворилось как бы по волшебству.

— Братья, — начал Монбар, — прежде позвольте мне поблагодарить вас за знаки сочувствия, с которыми вы встретили меня по возвращении, хотя в первый раз я возвращаюсь без добычи и не имея ни одного испанца, повешенного на мачте. Эта перемена должна была заставить вас призадуматься и предположить, что у меня есть большие планы. Если так, вы не ошиблись, товарищи, у меня есть большие планы, такие большие, что я с трудом осмеливаюсь признаваться в них, хотя уже больше двух месяцев обдумываю их и рассчитал все вероятности и за, и против.

При этом вступлении внимание флибустьеров удвоилось, без труда услышали бы жужжание комара в этой зале, в которой однако находилось девять человек.

— Я хочу, — продолжал Монбар своим чистым, металлическим голосом и мягким тоном, — я хочу, слышите

ли вы, так блистательно отомстить испанцам, чтобы через целое столетие воспоминание еще осталось между ними и чтобы внуки дрожали от страха при одном имени береговых братьев. Много событий произошло во время моего отсутствия, многие наши братья, самые знаменитые, преданные шпионами, забравшимися к нам, попали в засады, где нашли бесславную смерть, потому что испанцы считают нас разбойниками и обращаются с нами как с разбойниками. Клянусь вам, наши братья будут блистательно отомщены, каждая капля их крови будет искуплена бочкой крови наших врагов.

Несмотря на просьбы д Ожерона, неистовые крики перебили оратора. Подстрекая их ненависть против испанцев, он дотронулся до чувствительной струны и приобрел их неограниченное доверие.

Когда тишина несколько восстановилась, Монбар продолжал:

— На этот раз я намерен предпринять не простую экспедицию, а войну, беспощадную войну. Хотите следовать за мной?

— Да! Да! — закричали они с восторгом.

— В ад, если будет нужно! Ей-богу, — прибавил Олонец.

Филипп, один знавший к какой цели стремился Монбар, приложил руку к сердцу, чтобы сдержать его биение, и с трудом успевал скрывать радость, наполнявшую его душу, потому что для него успех экспедиции значил соединение с донной Хуаной, а до остального ему мало было нужды.

— Итак, мы пойдем все, братья, но каждый из нас будет начальствовать над судном.

— Однако, нас восемь человек, — не мог не заметить Пьерр Легран.

— Ошибаетесь, брат, нас будет четырнадцать.

— Тогда мы вооружим целый флот, — небрежно сказал Морган.

— Да, брат, — просто сказал Монбар, — целый флот, в котором, если вы желаете, вы будете вице-адмиралом.

— Еще бы, разумеется желаю! — вскричал Морган.

— Итак, это решено, брат, — сказал Монбар, пожимая ему руку, — только, братья, — продолжал он, — так как измена окружает нас, испанские шпионы бодрствуют, я требую полного доверия с вашей стороны, то есть прошу вас позволения сохранить одному мою тайну до тех пор, пока

настанет час открыть ее вам, и тогда, будьте спокойны, вас ослепит величие предприятия, к которому я вас созываю. Согласны вы?

— Согласны,— ответили все в один голос.

Монбару было лестно это скорое согласие, которое доказывало ему еще раз, как велико влияние, которое он умел приобрести над своими товарищами.

— Я прибавлю,— сказал тогда д Ожерон,— что Монбар объяснил мне свои планы и что я одобряю их до такой степени, что, если бы мое положение не принуждало меня оставаться здесь, я счел бы за величайшую честь лично в них участвовать.

Флибустьерам не нужно было уверений губернатора, чтобы быть убежденными, что дело, предлагаемое им губернатором, было превосходно с двойной точки зрения: мщения и выгоды. Однако это одобрение, данное человеком, которого они все уважали и которого часто видели на деле, еще увеличило, если это возможно, их энтузиазм и еще более утвердило их решимость слепо следовать за знаменитым флибустьером.

— Послушайте меня, братья,— продолжал Монбар,— потому что мы приступаем к материальной части нашей экспедиции.

Внимание удвоилось.

— Граф д Ожерон,— продолжал Монбар,— отдал в мое распоряжение семь кораблей. Корабли эти будут вооружены здесь, командовать ими будет Тихий Ветерок, Мишель Бискаец, Олонец, кавалер де Граммон, Дрэк, Польтэ и Питриан. Семь других, которые будут куплены в Леогане и Марго, будут под начальством Пьерра Леграна, Филиппа д Ожерона, Давида, Пьерра Пикара, Бартелеми и Рока Бразильца, Порган будет вице-адмиралом флота и выкинет свой флаг на самом сильном корабле. Чтобы не тревожить шпионов, суда будут вооружены тайно или в малой Гоаве, или в Леогане, или в большой Гоаве. По мере того, как один корабль будет вооружен, он выйдет в море и станет ждать остальной флот в таком месте, которое я назначу, так как первая мысль об этой экспедиции пришла мне, по справедливости, и начальство должно быть предоставлено мне.

— Это так справедливо,— перебил д Ожерон, который не пропускал случая вставить свою власть,— что я утверждаю именем короля, вашего повелителя и моего, назначение, сделанное вами, Монбар. Я буду иметь честь раздать

вашим офицерам и вам самим патенты, которые мой повелитель дал мне право раздавать.

Флибустьеры горячо поблагодарили губернатора за эту милость, без которой им было бы так легко обойтись и которая несколько не подкрепила их назначения. Но в каком положении ни находились бы люди, они всегда будут одинаковы, и пергамент, выдаваемый от имени государя, имеет большую цену в их глазах.

д Ожерон, внутренне довольный тем, как было принято его предложение, сделал знак Монбару продолжать.

— Особенно, — начал он, — избегайте неосторожности со стороны вашей команды. Для этого, кажется, будет благоразумнее производить вербовку на кораблях. Как только матрос будет нанят, его следует держать на корабле.

— Сколько нам вербовать людей на каждый корабль? — спросил Морган.

— По крайней мере, полтораста и не больше двухсот.

— Черт побери! — сказал Пьерр Легран. — Стало быть, у нас будет целая армия?

— Да, потому что, вероятно, мы высадимся на берег, поэтому, как только мы распустим паруса и удалимся от глаз и ушей шпионов, каждый организует отряд в восемьдесят избранных человек для высадки на берег.

— Э! Э! — сказал Рок Бразилец. — Тысячу сто человек для высадки на берег, стало быть, мы хотим возобновить подвиг Кортеса и завоевать Мексику?

— Может быть, — улыбаясь сказал Монбар.

— Это мне очень нравится, а вам, братья? — спросил Рок.

— Дело выйдет недурное, если удастся, — заметил Польшэ.

— Премилый этот Монбар, — сказал кавалер де Граммон, — с ним приятно производить набеги, у него всегда в резерве какой-нибудь приятный сюрприз.

— Особенно, братья, не забудьте потребовать от ваших матросов, когда станете их вербовать, чтобы их оружие было в порядке и порох хорош.

— Это мое дело, — сказал Морган, — я позабочусь об этом.

— Теперь все сказано, братья, я полагаюсь на вашу рачительность и вашу ловкость. Чем скорее мы отправимся, тем лучше для нас.

— Сколько времени даете вы нам для приготовлений?

— Неделью, больше вам не нужно.

— Через неделю мы будем готовы.

— Мне остается только, братья, сказать вам, что по наружности я остаюсь в стороне и не хочу заниматься этой экспедицией для того, чтобы лучше обмануть шпионов. Только Морган, Филипп и Тихий Ветерок будут видеться со мной время от времени и уведомлять о том, что сделали вы. Теперь прощайте, братья, я ухожу, пора заканчивать заседание, выйдем один за другим и разойдемся в разные стороны.

— Не забудьте ваши патенты, господа,— прибавил губернатор,— послезавтра вы можете их получить.

Монбал вышел, другие флибустьеры последовали его примеру и д Ожерон остался один.

— Что можно было бы сделать с такими людьми, если бы успеть их укротить! — пошептал он. Ей-богу! Как ни тяжела эта обязанность, я предпринимаю ее и с Божьей помощью не отчаиваюсь успеть.

XV

МАРКИЗ ДОН САНЧО ПЕННАФЛОР

Прошло несколько дней. Ни дон Гусман, ни Бирбомонно не показывались в Пор-де-Пэ. Монбар не знал, чему приписать это продолжительное отсутствие. Смутное беспокойство терзало его. Когда он встречался со своей хозяйкой, он отворачивался, чтобы не примечать ее бледного лица и глаз, горевших лихорадкой, которые устремлялись на него с выражением безропотной горести, которое невольно растрогало его. Он мало-помалу чувствовал, как в сердце его ненависть сменялась состраданием. Он опасался, что не сможет долее сдержать страшной клятвы, произнесенной им. Несмотря на свои усилия, чтобы пробудить справедливый гнев, он принужден был сознаться, что тройная броня, которой было вооружено его сердце, не могла поддерживать его более продолжительной борьбы против этой женщины, которую он так любил, что эта любовь, разбивая его жизнь, сделала и ее несчастной. Все говорило за нее в его сердце: ее продолжительное раскаяние, ее бла-

городная самоотверженность, ее безмолвная безропотность, даже ее смирение и боязливая нежность, которая выказывалась каждую минуту в попечениях, которыми она окружала его без его ведома, оставаясь почти невидимой.

Теперь, когда столько лет прошло после проступка бедной женщины, Монбар спрашивал себя, имеет ли он право оставаться неумолимым и не должен ли пробить для нее час прощения.

Но воспоминание о его ужасных страданиях, о недостойной измене, жертвой которой он был, и незаслуженных страданиях, бывших следствием этой измены, вдруг пронзало его сердце, как раскаленное железо, трепет гнева волновал его, и он шептал, удаляясь от донны Клары:

— Нет, искупление еще не кончено, виновный не получил наказания, я не хочу ослабеть, прежде чем мое мщение будет достигнуто.

Тогда его смягчившиеся черты принимали мраморную неподвижность, брови нахмуривались, глаза сверкали зловещим блеском, глубокие морщины выступали на бледном лбу, и он становился опять тем неумолимым человеком, которым поклялся быть.

Но повторяем, он сомневался, его суровость к бедной женщине была только маской, а ненависть, все еще сильная против других врагов, мало-помалу отворачивалась от нее, чтобы смениться скорым прощением.

Несколько дней, которые он провел в Пор-де Пэ в одном доме с донной Кларой, много подвинули дело прощения, которое могло довершить какое-нибудь непредвиденное событие.

В один вечер Монбар, удалившись в свою комнату, разговаривал с Морганом, кавалером де Граммоном и с Филиппом о приготовлениях к экспедиции, которая быстро приближалась. Уже несколько судов, прекрасно вооруженных, вышли в море, другие приготовились выступить вслед за ним на другой день на восходе солнца. Через два дня весь флот должен быть под парусами. Дело было ведено так секретно и так осторожно, что, несмотря на большое число отправившихся на судах флибустьеров, ничто не заставляло предполагать, чтобы испанцы узнали об этом.

Четыре флибустьера решали между собой последние распоряжения, когда в дверь комнаты, в которой они находились, осторожно постучались два раза. Монбар движением руки предписал молчание своим друзьям, встал и отворил.

Перед ним стоял Бирбомоно и еще два человека, закутанные в плащи, стояли несколько поодаль в тени.

— Я приехал,— сказал вполголоса Бирбомоно, почтительно кланяясь Монбару.

— И с хорошими спутниками, как кажется,— отвечал Монбар.

— Могу я говорить?

— О чем-нибудь важном?

— Да, и в особенности тайном.

— Хорошо, останьтесь здесь, я сейчас вернусь.

Монбар запер дверь и вернулся к своим товарищам.

— Братья,— сказал он.— Сейчас ко мне приехал один человек, который хочет сообщить мне какое-то важное известие, потрудитесь на несколько минут пройти в мою спальную.

— Не лучше ли нам предоставить вам полную свободу и совсем уйти, любезный Монбар? — ответил Морган.

— Нет, потому что может быть после разговора, который я буду с ним иметь и который долго продолжаться не может, мне нужно будет видеть вас.

— Ступайте, а мы останемся и пока будем глухи и немые.

— Благодарю.— сказал Монбар улыбаясь. Он ввел их в спальную, запер за ними дверь, взял свечку и отворил дверь другой комнаты, где поставил свечу на стол, и запер дверь.

— Господа,— сказал он,— я к вашим услугам, садитесь и скажите мне причину вашего посещения.

— Мне нечего здесь делать,— сказал Бирбомоно,— если вы позволите, кабальеро, я уйду и подожду на площадке.

— Хорошо,— просто ответил флибустьер.

Майордом поклонился и вышел. Когда дверь затворилась за ним, один из незнакомцев сделал несколько шагов вперед, сбросил свой плащ и вежливо снял шляпу.

— Граф,— сказал он,— позвольте мне прежде всего засвидетельствовать вам мое уважение.

— Маркиз Пеннафлор! — вскричал Монбар вне себя от удивления.

— Тише! — весело ответил дон Санчо.— Черт побери! Мое имя не пользуется здесь почетом, не к чему кричать его так громко.

— Вы! Вы здесь! — сказал Монбар.

— К чему же, граф, не быть мне у вас? Чего я могу опасаться, позвольте вас спросить?

— От меня ничего, и благодарю вас за то, что вы поняли это, но если другие узнают ваше присутствие в этом городе?

— Они не узнают, по крайней мере я надеюсь, пока я не выйду отсюда, а это случится тотчас по окончании нашего свидания.

— Теперь позвольте мне повторить вам мой вопрос: какой причине обязан я вашим посещением и кто приехал с вами?

— Это я,— ответил дон Гусман де Тудела, снимая шляпу.

— Хорошо, что вы вернулись по какой бы то ни было причине.

— Ведь вы взяли с меня слово.

— Это правда, и я полагался на него, верьте мне.

— Благодарю,— ответил молодой человек, поклонившись.— Теперь говорите, обратился он к дону Санчо.

— Граф,— сказал тогда маркиз с благородством,— как ни велика ненависть, разделяющая две наши фамилии, мне приятно думать, что вы удостоили заметить, что я постоянно оставался нейтральным в несогласии, разделяющем их.

— Это правда, я в этом сознаюсь,— ответил Монбар с некоторым дружелюбием.

— Мало того,— продолжал дон Санчо,— не смея позволить себе прямо осуждать поведение моего отца относительно вас, я никогда не чувствовал в себе мужества одобрить его. По моему мнению, несогласия между дворянами решаются честно, лицо к лицу, и с оружием в руках, всякий другой образ действия кажется мне недостойн их.

— Я очень рад слышать от вас это.

— Я исполняю долг, говоря таким образом, граф, и исполняю тем с большим удовольствием, что между нами есть старый счет еще неуплаченный, вам немудрено было его забыть, потому я должник ваш и один должен был помнить. Представился случай расплатиться с вами, я и не колеблясь сделаю это, каковы бы ни были для меня последствия.

— Я не знаю, на что вы намекаете.

— А я знаю, граф, и этого достаточно. Три дня тому назад родственник мой приехал в Сан-Доминго и от вашего имени просил у меня объяснения, так ли это?

— Действительно так.

— Я не отказал ему в этом объяснении, так как необ-

ходимо было сделать его не только ясным, но и неопровержимым, я хотел дать это объяснение в вашем присутствии, убежденный, что не подвергнусь никакой опасности, если приеду к вам. Я должен признаться, что родственник мой старался, без сомнения, в виду моей безопасности, отговорить меня от этой поездки, но я решился, и вот я здесь.

— Клянусь честью, вы дорогой гость для меня,— с жаром вскричал Монбар,— потому что вы благородный дворянин!

— Теперь выслушайте меня, господа,— продолжал дон Санчо, поклонившись.— Вот что я ответил бы на вопросы моего родственника, если бы не предпочел сделать этого при вас. Я беру Бога в свидетели и даю честное слово дворянина, что вы услышите истинную правду. Дон Гусман де Тудела не сын сестры моего отца герцога Пеннафлора. У моего отца была только одна сестра, умершая девятнадцати лет от чахотки в кармелитском монастыре, в Севильи. У отца моего была одна дочь, моя сестра. Дочь эта исчезла вследствие странного и таинственного приключения, в котором был замешан французский дворянин по имени граф де Бармон. Очень может быть, что дон Гусман сын моей сестры, но я не смею этого утверждать.

— Кузен,— вскричал молодой человек в сильном волнении,— что это вы говорите, ради Бога!

— Правду, дон Гусман.

— Как! Дочь герцога?..

— Была законно обвенчана с этим французским дворянином, повторяю вам. Отец мой велел похитить ребенка, прежде, чем мать могла дать ему первый поцелуй. Граф де Бармон, преследуемый несправедливой ненавистью моего отца, видя, что честь его разбита, карьера уничтожена, также исчез.

— О, все это ужасно! — вскричал молодой человек с отчаянием ломая руки.— А я-то, я кто же?

— Вы,— с благородством ответил дон Санчо,— вы человек с благородным сердцем, с избранной душой и успеете, несмотря ни на что, приобрести себе прекрасное место в свете.

— И я помогу ему! — с порывом вскричал флибустьер.

— Боже мой! Боже мой! Что же хотели сделать из меня?

— Я уже вам говорил, орудие ненависти и мщения против невинного человека, который имеет право на ваше

уважение. Монбар не убийца и не обольститель, и, если бы даже он и был виновен, повторяю вам, вы не имели никакого права требовать от него отчета, племянник.

— Не называйте меня таким образом, дон Санчо, я не знаю, принадлежу ли к вашей семье.

— На это я не могу ответить вам ничего другого, кроме того, что я вас люблю, что я знаю вас с детства и всегда считал своим родственником.

— О! — вскричал Монбар. — Неужели ненависть может быть доведена до такой степени?

— Вы это видите, граф, теперь я исполнил священную обязанность. Что бы не должен был думать мой отец о моем поведении, совесть моя спокойна, потому что я облегчил ее от ужасной тяжести, пусть судит меня Господь.

— Ваше поведение именно такое, какое я ожидал от вас, и я искренне вас благодарю, Но, — прибавил он более тихим голосом, — не имеете ли вы сообщить мне еще других сведений?

— Другая особа сделает это, граф, — ответил дон Санчо тем же тоном.

— С этой минуты особа эта для меня священна, маркиз. Господь, могущество которого бесконечно, позволит, без сомнения, чтобы она успела забыть, как забуду я сам.

— В свою очередь благодарю вас, граф, с порывом ответил маркиз, — с этими словами вы опять сделали меня вашим должником.

Эти два человека, столь великие сердцем и умом, горячо пожали друг другу руки.

— А он? — спросил маркиз, указывая на молодого человека, который стоял с унынием опустив голову на обе руки.

— Я беру на себя позаботиться о нем.

— Бедный юноша! — прошептал дон Санчо, и, подойдя к дону Гусману, он сказал ему голосом кротким и симпатичным. — Великая горесть делает людей сильными. Для чего вы опускаете голову? Вы имеете право ходить с поднятой головой, потому что и вы также не виновны.

— О! Если бы я знал...

— Я все знаю, Гусман, роковая судьба преследует вас, вы повиновались не своей воле, а воле, от которой не сме-ли избавиться, не унывайте же таким образом.

— Что делать, Боже мой, куда деваться?

— Два пути открыты вам: следовать за мной, и, клянусь вам, что я буду для вас добрым родственником, или

остаться здесь среди моих новых друзей, я даже думаю, что этот новый путь, самый лучший для вас.

— Осмелюсь ли я после того, что случилось? Ведь я негодяй, изменник, словом, шпион!

Монбар подошел к нему и, положив руку на его плечо, сказал с повелительной кротостью:

— Поднимите вашу голову. Дон Гусман де Тудела умер, а я знаю только Франкера, храброго берегового брата.

— А? Вы меня прощаете, если повторяете эти слова! — вскричал молодой человек с проблеском радости сквозь слезы.

— Прощают только преступников, а Франкер преступником быть не может.

— И никогда не будет! — вскричал молодой человек с увлечением. — С этой минуты я принадлежу вам, делайте что хотите.

— Хорошо, дитя, утрите ваши слезы, вы нашли отца.

Он раскрыл ему объятия, с волнением необыкновенным в таком человеке. Молодой человек бросился к нему на шею и они долго стояли обнявшись.

Послышался легкий шум в дверях, которая тихо отворилась, и показалось бледное и безропотное лицо донны Клары. Монбар прямо подошел к ней и, взяв за руку, привлек в комнату, в которую она вошла и боязливо, и робко, и радостно.

— Франкер, — сказал он молодому человеку, — если вы нашли во мне отца, то вот праведная женщина, которая заменит вам мать. Любите ее, как родную мать, потому что она любит вас безгранично.

— Да, — вскричала донна Клара с неописуемым волнением, — а, вы будете моим сыном!

— Молчите, Клара, — тихо сказал ей Монбар, — если вы ошибаетесь?

— О! — ответила она, бросив на него один из тех взглядов, которые объясняют все. — Разве матери обманываются когда-нибудь?

Она с восторгом прижимала молодого человека к своей трепещущей груди.

— Такая великая радость после такой великой горести! Да будет благословен Господь! — вскричал молодой человек.

— О да! — возразила донна Клара. — Да будет Он благословен, потому что Его правосудие неизменно.

Монбар более владел собой, чем другие действующие лица этой сцены, рассудил, что пора вмешаться, чтобы положить этому конец.

— Извините меня, дон Санчо,— сказал он,— что мы так долго забывали о вас. Это вам мы обязаны этой минутой счастья, и мы продолжаем ее, как эгоисты, не думая о том, как ваше положение ненадежно в этом городе, где кроме нас все вам враги.

— Право, любезный граф,— ответил маркиз с очаровательной веселостью,— я так счастлив вашим счастьем, что забываю обо всем, однако признаюсь вам, что пора, кажется, мне убираться. Я чувствую здесь себя не очень спокойно, и конечно не прочь убраться отсюда как приехал, рискуя быть принятым за труса, и, если мой старый знакомый Бирбомоно хочет опять служить мне проводником, я охотно приму его помощь, чтобы выйти из затруднения.

— Я к вашим услугам, сеньор маркиз,— ответил майордом, который в ту минуту вошел в комнату,— мы поедем когда вам будет угодно.

— Сейчас мне хочется поскорее убраться отсюда.

— Прощайте, дон Санчо,— сказал Монбар,— я жалею, что должен расстаться с вами, потому что я люблю вас, но мы оба находимся в таком странном положении, что, кажется, я ничего лучше не могу пожелать для вас, как то, чтобы более не видеться с вами.

— Мы уже раз расстались с этими словами, произнесенными нами, однако все-таки увиделись.

— Это правда, но кто знает, что может случиться?

— Одно слово, граф.

— Говорите.

— Отец мой?

— Я не стану его отыскивать — вот все, что я могу вам обещать. Дай Бог, чтобы я не встретился с ним на дороге!

— Хорошо, прощайте. Я еду спокойно после этого обещания. Мужайтесь, племянник, не забывайте меня,— и он ласково обнял молодого человека.

— Бирбомоно, поручаю вам маркиза.

— Я отвечаю за него, сеньор.

— Прощайте еще раз, пойдемте; Франкер.

Молодой человек пошел за Монбаром. Они вышли из залы, оставив брата и сестру с майордомом. Как только они вошли в гостиную, Монбар сказал:

— Утрите ваши глаза и будьте мужчиной, Франкер. Я вас представляю людям, которые теперь должны быть вашими братьями.

Монбар отворил дверь, и они вошли в спальную.

Три флибустьера сидели и разговаривали между собой.

— Извините, что я так долго заставил вас ждать, братья,— сказал Монбар.

— Да, вот Франкер,— сказал Граммон,— а я ищу его целую неделю,— куда ты запропастился, товарищ?

Монбар поспешил ответить:

— Я давал ему тайное поручение. Братья,— продолжал Монбар,— Франкер будет у меня капитаном, прошу вас признать его в этом звании.

Флибустьеры, любившие молодого человека, поздравили, что его выбрал Монбар занимать пост, которого многие ждали, но не могли получить, и через несколько минут опять продолжался серьезный разговор прерванный неожиданным приездом Бирбомоно.

XV

ТИГР

Флибустьерский флот два дня уже был под парусами. Один корабль остался на якоре в Пор-де-Пэ, но и тот готов был выступить в открытое море по первому сигналу. Корабль этот был вооружен только четырьмя небольшими пушками и наружность его вовсе не была страшна, его круглые и массивные формы показывали голландское происхождение. Однако это судно Монбар выбрал, чтобы поднять на нем адмиральский флаг. Никак нельзя было уговорить его выбрать другой корабль, более крепкий, более прочный, лучше вооруженный, а в особенности более легкий на ходу. На все замечания он отвечал, что предпочитает хорошие корабли отдавать своим друзьям, что он не заставит себя ждать на назначенном месте, и чтобы не тревожились о нем, что у него есть своя мысль.

Другие флибустьеры и сам д Ожерон, наконец, предоставили ему действовать как он хочет, убежденные, что это

наружное самоотречение знаменитого флибустьера скрывало какой-нибудь смелый план, тем более, что если он был равнодушен к качеству его судна, то не остался равнодушен к составу своей команды, которая состояла из двухсот человек, старательно выбранных между самыми знаменитыми флибустьерами.

В тот день, до которого мы дошли, в восьмом часу утра, Монбар, отдав Франкеру свои последние приказания и отправив его в лодке с донной Кларой и с Бирбомоно, которые пожелали участвовать в экспедиции, чтобы ухаживать за ранеными, что было им дозволено, несмотря на закон, запрещающий впускать женщин на флибустьерские суда, оставил гостиницу и пошел к пристани.

Человек в костюме буканьеров, с трубкой в зубах, заложив руки за спину, прохаживался взад и вперед по пристани, поворачивая иногда голову к легкой бригантине, которая качалась на воде недалеко от пристани и которую он рассматривал с невыразимым удовольствием.

Правда, что эта кокетливая строгая бригантина была настоящей игрушкой, достойной во всех отношениях привлечь взоры любителя. Человек, о котором мы говорим, до такой степени был погружен в свое созерцание, что даже не слышал, как приблизился Монбар, и только, когда тот ударил его по плечу, он заметил его присутствие.

— Эй! Вы спите что лы? — спросил флибустьер.

— Нет, сеньор, — ответил он, с живостью обернувшись и поднеся руку к шляпе, чтобы поклониться, — я смотрю на мою бригантину.

— Подите-ка сюда, — продолжал Монбар, — нам надо покончить счеты.

— О! Торопиться не к чему, кабальеро, — ответил он льстивым голосом.

— Извините, напротив, торопиться надо, потому что вы должны ехать через полчаса.

— Я поеду, когда вам будет угодно, сеньор.

— И чем скорее, тем лучше, не так ли? — сказал Монбар тоном сарказма. — Вам хочется поскорее уехать отсюда?

— Я не боюсь ничего, сеньор, если вы удостоили меня своим покровительством.

— Это правда, но с некоторыми условиями, вы, конечно, помните?

— Да, сеньор, и эти условия я готов выполнить честно.

— Гм! — сказал Монбар. — Ну мы говорили, что в эту минуту вы служите и нашим, и вашим, сеньор Агвир.

— Сеньор! — прошептал тот, бледнея.

— Если испанцы платят вам за шпионство над нами, а я плачу вам за шпионство над испанцами, то для меня это неудобно. Успокойтесь, сеньор Агвир, дело повернется для вас лучше, чем вы предполагаете. Приступим же к вопросу: какие сведения должны вы были сообщить, Франкер?

— Он вам сказал? — вскричал Агвир с удивлением, смешанным с испугом.

— Все, и так поверьте мне, покоритесь добровольно и, повторяю, вам будет хорошо.

— Дело серьезное, сеньор.

— Посмотрим.

— Испанский фрегат с тремя сотнями отборных человек и с сорока шестью пушками получил приказание напасть неожиданно на Черепажу.

— Хорошо, где же стоит на якоре этот фрегат?

— На реке Эффера, на западном берегу Кубы.

— Очень хорошо, я знаю где.

— Приказания губернатора Кубы очень строги. Четыре хорошо вооруженных бригантины должны присоединиться к фрегату, чтобы отнять у разбойников, извините, у флибустьеров, всякую надежду на сопротивление.

— Это очень благоразумно. Где же теперь находятся эти бригантины?

— На якоре в Пуэрто-дель-Принчине на южном берегу Кубы, но они с минуты на минуту должны сняться с якоря, чтобы присоединиться к фрегату, ожидающему их, и сообразоваться с его движениями.

— Это все, сеньор Агвир? Вы ничего не забыли?

— Только одно, сеньор, но не знаю, должен ли это вам говорить.

— Скажите, теперь это не может быть некстати.

— Заметьте, сеньор, — сказал Агвир с легким трепетом в голосе, — что вы сами принуждаете меня говорить.

— Говорите!

— Испанцы до такой степени уверены, что флибустьеры не могут спастись, и так твердо решили не давать им пощады, что, по приказанию губернатора, на фрегат отправлен невольник-негр, чтоб после победы исполнить должность палача.

— Черт побери!!! Испанцы не забывают ничего, — с

иронией сказал Монбар,— они люди предусмотрительные. Все на этот раз?

— Клянусь спасением моей души!

— Хорошо. Притом, если вы обманываете меня, я сумею вас найти, если бы вы даже укрылись в аду.

— Сохрани Бог, сеньор!

— Теперь выслушайте меня. Мексиканский вице-король платит вам за то, чтобы вы шпионили у нас. Это очень хорошо. Отправляйтесь сейчас в Веракрус, слышите?

— Хорошо, сеньор, теперь там вице-король.

— Тем лучше, вот что вы ему скажите, и предсказываю вам, что он даст вам хорошую награду, потому что дело стоит того. Сообщите ему, что значительный флот с двумя тысячами флибустьеров под командой Монбара Истребителя крейсирует перед Золотой Кастильей, от Даоьена до Венецуэлы, с целью высадиться на берег и напасть врасплох на одну из прибрежных гаваней.

— Скажу, сеньор, если вы этого желаете

— Я этого требую, только помните, что вы не должны фальшивить со мной, сеньор Агвир, потому что измена может стоить вам дорого. Притом, известия, которые вы дадите, будут справедливы и вы окажете огромную услугу вашей стране и вице-королю, следовательно вы должны смотреть на это дело с хорошей стороны, сверх того, так как всякий труд заслуживает вознаграждения, возьмите это, а если я останусь доволен тем, как вы исполните ваше поручение, то это будет только задаток.

Он опустил тяжелый золотой кошелек в руку, тревожно протянутую ему Агвиром.

— За этим до свидания,— продолжал Монбар,— и да защитит вас дьявол!

Испанец перекрестился при этом богохульстве. Монбар повернулся к нему спиной, смеясь, и, оставив его, направился к д Ожерону, который шел к нему навстречу. Агвир с минуту оставался поражен странным прощанием флибустьера; но тотчас же опомнился, положил кошелек в карман, сел в лодку, ожидавшую его, и поехал к своей бригаantine, бормоча:

— Конечно, я исполню твое поручение, проклятый разбойник, и желаю тебе наконец получить наказание за твои преступления.

Через несколько минут бригантина, распустив все паруса, выходила в открытое море.

Д Ожерон не хотел отпускать Монбара, не простив-

шись с ним, не пожелав в последний раз успеха его опасному предприятию.

Поговорив несколько минут, оба горячо пожали друг другу руки, потом расстались. Монбар сел в шлюпку, которая отвезла его на корабль, а д Ожерон остался неподвижен на конце плотины, не желая удалиться прежде, чем увидит судно под парусами.

Ожидание его было непродолжительно. Как только Монбар вступил ногой на палубу, все паруса были подняты за один раз, и судно быстро удалилось, уносимое сильным юго-западным ветром.

Несмотря на свою тяжелую и грубую наружность, *Тигр* — так назывался адмиральский корабль — имел довольно серьезные достоинства и был довольно легок на ходу.

Берега Испаньолы скоро смешались вдали с туманом горизонта, и *Тигр* очутился в открытом море. Тогда Монбар отдал приказания своему капитану и сошел в свою каюту, приказав, чтобы его предупредили, если случится что-нибудь. Первой заботой адмирала, когда он бросил равнодушный взор на свое собственное помещение, было осмотреть внутренность корабля. Франкер, которому одному было поручено это устройство, исполнил данное ему поручение как опытный офицер. Монбар не должен был делать никаких изменений, все было в порядке: две каюты были приготовлены недалеко от адмиральской и Франкера для донны Клары и ее верного Бирбомоно. Они заняли уже свою каюту, и им было там очень хорошо.

Вечером на закате солнца Монбар приказал собрать весь экипаж на палубе. Матросы поспешно повиновались с убеждением, что их начальник хотел сообщить им что-то важное.

Они не ошиблись: когда стали на палубе несколько впереди большой мачты, адмирал, бросив довольный взгляд на их энергичные лица, загоревшие от дождя и солнца, заговорил резким голосом, металлический звук которого возвышался без всякого очевидного усилия над шумом моря, разбивавшегося о борта корабля, и свистом ветра в снастях.

— Братья,— сказал Монбар,— я вас собрал для экспедиции, в которой мы пожнем славу и выгоды, потому что я намерен напасть на одну из самых богатых испанских колоний на твердой земле. Эта экспедиция, требующая значительных сил, принудила меня вооружить несколько ко-

раблей и созвать всех береговых братьев с Леоганы и с Гавы. Только жители и некоторые буханьеры остались в Пор-де-пэ и Марго. Как ни храбры эти жители и эти буханьеры, их слишком мало для того, чтобы сопротивляться нападению, направленному против них. В ту минуту, как я ехал на корабль, я узнал, что испанцы хотят воспользоваться нашим удалением, чтобы напасть врасплох на наши колонии. Неужели мы позволим убить наших братьев?

— Нет! Нет! — закричали флибустьеры, махая оружием. — Надо идти на них! На них!

Монбар потребовал молчания движением руки. Флибустьеры замолчали.

— Я знаю, где скрываются в эту минуту испанцы. Один фрегат стоит недалеко отсюда, они не подозревают нашего присутствия в этих местах. Братья, если вы хотите, мы скоро променяем дрянное судно, на котором находимся, на адмиральский корабль.

Говор восторга прервал флибустьера.

— Они так уверены в успехе, что у них на корабле находится палач, взятый нарочно, чтобы казнить наших братьев

— Смерть испанцам! — закричала команда.

— Шападем на них, отомстим за себя и спасем наших братьев, — продолжал Монбар, — последуете ли вы за мной?

— Да, да! Да здравствует Монбар!

— Хорошо, братья, я полагаюсь на вас. Скоро у нас будет прекрасный праздник, обещаю вам.

Крики восторга удвоились. Монбар достиг своей цели, он знал, что может располагать по своей воле всеми этими людьми, которые дадут себя убить по его первому движению.

Еще два дня продолжали плыть, держась довольно далеко от берегов, чтобы не быть примеченными испанскими часовыми. На третий день, в два часа утра, ветер дул небольшой, море было спокойно, флибустьеры находились недалеко от реки Эффера. Две лодки тихо были спущены на воду по приказанию Монбара. В них поместилось полтора человека, потом лодки отчалили от корабля и направились к берегу. Весла были обернуты паклей, лодки

¹ Исторически верно.

продвигались быстро и без шума, оставив корабль лавировать под командой Франкера.

Через два часа лодки достигли берега и тогда разделились, одна поехала к правому берегу, другая к левому. Тихо проскользнули они под густые кусты, обрамляющие эти два берега, и плыли по течению около одного лье.

По сигналу, поданному Монбаром, флибустьеры вышли из лодок без малейшего шума, прилегли позади своих лодок, которые служили им габионами, и, положив палец на курок ружья, чтобы быть наготове на всякий случай, ждали рассвета.

На восходе солнца они заметили недалеко от себя испанский фрегат, который готовился сняться с якоря. Фрегат этот был великолепным кораблем, какие в то время строились в испанском флоте.

Только полгода тому назад вышел он из кадикской верфи и делал свое первое путешествие. Монбар вздрогнул от радости, заметив его. Агвир не ошибался. Адмирал так торопился, что четыре бригантины не успели присоединиться к нему, фрегат был один.

Флибустьеры наблюдали за ним с трепетом нетерпения, наконец он покрылся парусами и приготовился выйти из пролива. Испанцы, не подозревая ничего, сгруппировались на палубе, любуясь зелеными берегами. Вдруг в ту минуту, когда фрегат прошел между двумя рядами притаившихся в засаде, Монбар вскрикнул. В ту же минуту страшный залп раздался почти в упор и каждый выстрел сделал жертву, благодаря необыкновенной ловкости флибустьеров.

Неслыханный беспорядок поднялся на палубе несчастного фрегата. При первом залпе канониры подбежали к своим пушкам и начали осыпать картечью кусты. Но, так как флибустьеры были спрятаны и невидимы, артиллерия фрегата напрасно тратила свои заряды.

Монбар направлял своих людей с редким искусством вдоль берегов, заставляя их ложиться на землю в ту минуту, как раздавались выстрелы испанцев, и безостановочно стрелять.

Таким образом, битва продолжалась пять часов и, по милости распоряжений начальника, флибустьеры не потеряли ни одного человека.

К полудню Монбар заметил, что испанцы стали стрелять медленнее, только несколько солдат виднелось на

палубе, шпигаты изрыгали потоки крови. Монбар понял, что настала минута положить конец.

— На abordаж, братья! — сказал он, первый бросаясь в лодку.

— На abordаж! — заревели флибустьеры, устремляясь вслед за ним.

Все бросились к фрегату и уцепились за него вдруг со всех сторон. Испанцы, несмотря на понесенные ими потери, геройски сопротивлялись. Но скоро подавленные числом, испуганные при виде страшных флибустьеров, которые слыли непобедимыми, они принуждены были оставить палубу и бросились в трюм, где пытались еще поддерживать борьбу, сделавшуюся невозможной.

— Чтобы не было пощады! — кричал Монбар.

— Чтобы не было пощады! — повторили флибустьеры, и началась страшная резня.

В эту минуту негр, полумертвый от страха, бросился к ногам адмирала.

— Кто ты? — спросил его Монбар.

— Палач! — отвечал негр рыдая.

— А! — закричал Монбар громовым голосом. — Братья! Вот палач, которого губернатор Кубы послал казнить вас. Ведь это правда, негодяй?

— Увы! Да, сеньор капитан.

— Ну, ты исполнишь твою должность! Братья, приведите пленных.

Тогда на окровавленной палубе этого фрегата произошла ужасная сцена. Все испанские пленники были приведены к большой мачте, где их принудили стать на колени, флибустьеры окружили их.

— Эти люди осуждены на смерть, — сказал Монбар негру, подавая ему топор, — начинай!

Убийство началось. Палач отрубил головы всем пленникам.

— Постой! — вскричал Монбар, бесстрастным взором следивший за этой страшной резней.

Остался в живых только один пленник.

— Я дарю тебе жизнь, — сказал Монбар, — но с условием, что ты убьешь этого человека, который отрубил голову твоим друзьям.

Пленник бросился как пантера на испуганного палача, вырвал у него топор и сразу отрубил ему голову. Негр повалился на трупы убитых им людей.

— Хорошо, — сказал Монбар, — ты свободен. Ступай, нет погоди.

Вынув свой судовой журнал, он вырвал листок, кровью написал рассказ о случившихся событиях, и, отдав эту странную депешу пленнику, который был ни жив ни мертв, сказал:

— Отнеси эту бумагу губернатору Кубы и Расскажи ему о том, как Монбар-Истребитель поступил с палачом, присланным им. Прощай!

Пленника бросили в лодку, которую флибустьеры отдали ему, и он доехал до берега, обезумев от страха и отчаяния.

Но дело, предпринятое Монбаром, еще не кончилось. Трупы испанцев были брошены в море, палуба вымыта, паруса приведены в порядок, и фрегат наконец вышел из пролива. Но вместо того, чтобы выйти в открытое море, как предполагали флибустьеры, адмирал приказал держаться берега.

К четырем часам вечера фрегат на всех парусах подошел к рейду дель-Принчине. Четыре бригантины стояли там на якоре.

Застигнутые неожиданно, испанцы мало сопротивлялись и менее чем в полчаса бригантины попали во власть флибустьеров. Это были прекрасные суда, хорошо вооруженные и почти новые. К несчастью, у Монбара не было достаточно людей, чтобы увести их, притом надо было торопиться: в городе били в набат, народ бежал к оружию и начинал собираться на берегу.

Монбар приказал забрать что было самого ценного, потом, когда все перенесли на фрегат, бригантины были потоплены с командой, скованной на палубе.

— А! — сказал тогда Монбар с улыбкой злобного удовольствия. — Теперь, когда мы спасли наших братьев, мы можем без опасения заняться нашими делами.

Флибустьеры осыпали картечью собравшихся на берегу и вышли в открытое море, преследуемые криками бессильного отчаяния испуганных врагов.

К семи часам вечера фрегат подъехал к Тигру, лавировавшему недалеко от берега.

Монбар, без сомнения, не желая показываться донне Кларе с руками, еще дымившимися кровью ее несчастных соотечественников, так безжалостно убитых им, предоставил начальство над *Тигром* Франкеру, приказал ему обращаться с его пассажиркой с глубочайшим уважением. Он перевел на *Тигра* пятнадцать человек, чтобы увеличить его

команду, а сам остался на фрегате, на котором поднял адмиральский флаг. По окончании этих распоряжений оба корабля направились вместе к острову Оруб, где Монбар назначил собраться всему флоту, и куда другие суда, по всей видимости, уже прибыли.

Этот подвиг, так смело исполненный страшным флибустьером, оледенил испанцев испугом и имел страшные последствия в будущем.

XVII

СОВЕТ ФЛИБУСТЬЕРОВ

Мы сказали в одной из предыдущих глав, описывая Маракаибо, что недалеко от бухты находилось несколько островов между проливом Оруба и Лас-Монхес.

Эти два острова, прежде покоренные испанцами, были населены индейцами, говорившими по-кастильски, но зависящими от Соединенных Штатов Америки, которые с тех пор, как овладели Кюрассао, поставили губернаторов и гарнизон на этих островах, не потому, чтобы они были богаты или плодородны — они были почти бесплодны и доставляли только необходимый корм для коз и лошадей, которые находятся там в большом количестве — а потому, что служили рынком обширной торговли невольниками, производившейся между испанцами и голландцами.

Через тридцать пять дней после отъезда флибустьеров из Пор-де-Пэ все их корабли без исключения собрались у острова Оруба, где Монбар назначил им свидание.

Первой заботой Моргана по приезде было завладеть островом, потопить лодки жителей, чтобы они не вышли в море, и поставить часовых, на всех доступных пунктах берега. По милости этих предосторожностей, так никто из жителей не мог съехать с острова, чтоб поднять тревогу, безопасность флибустьеров была временно обеспечена и они были уверены, что присутствие их в этих местах не будет открыто до той минуты, пока они сами не вздумают обнаружить его.

Монбар ждал капитанов, которых он созвал на свой

фрегат. Наклонившись над бортом, он глубоко размышлял, следя глазами за лодкой, отделившейся от *Тигра* и направлявшейся к фрегату. В этой лодке сидели трое человек и между ними одна женщина. Приметив ее Монбар неприятно нахмурил брови и досада обнаружилась на его лице, однако он успел скрыть это неприятное впечатление и с улыбкой на губах подошел к штирборду, чтобы принять пассажиров, подъехавших к фрегату. После обычных приветствий Франкер почтительно сказал:

— Адмирал, сеньора выразила мне желание быть у вас на фрегате. Я счел долгом не сопротивляться этому посещению, тем более, что она выразила намерение иметь с вами разговор.

— Вы хорошо сделали, капитан. Я очень рад видеть сеньору, я к ее услугам, сожалея, что она не выбрала для этого разговора более удобной минуты. Мои обязанности помещают мне наслаждаться ее разговором так долго, как я желал бы.

— Я могу подождать, — отвечала она, — пока ваши занятия позволят вам дать мне аудиенцию. С вашего позволения я останусь здесь до тех пор, пока окончится ваш Совет, а потом вернусь на *Тигр* в лодке, которая привезла меня, это замедлит отъезд капитанов только не несколько минут, я очень немногое имею вам сказать.

— Ваши желания — приказание для меня, сеньора, — отвечал Монбар, — впрочем, прибавил он, протянув руку к морю, покрытому на некоторое пространство лодками, направлявшимися к фрегату, вы видите, что мне невозможно, к величайшему моему сожалению, говорить с вами в эту минуту, потому что вот мои офицеры являются сюда по моему приказанию. Сделайте мне честь принять гостеприимство в моей собственной каюте. Как только освобожусь, я тотчас поспешу явиться к вам.

Донна Клара наклонилась в знак согласия на предложение Монбара, поблагодарила Франкера и пошла за юнгой, которому адмирал приказал отвести ее в свою каюту. Лодки начали подъезжать к фрегату и капитаны поднимались один за другим на палубу, где были приняты со всеми почестями, принятыми в военном флоте всех стран для приветствия высших офицеров.

Монбар стоял у трапа и пожимал руку своим товарищам, размениваясь с ними дружескими словами по мере того, как они входили на палубу его фрегата.

Капитаны сошлись в зале Совета, приготовленной для

их приема. Два флибустьера с ружьями караулили дверь, для того чтобы совещание было тайное. Круглый стол, покрытый зеленым сукном, был поставлен среди залы, а вокруг него стулья.

Командиров кораблей было пятнадцать. Это были самые знаменитые начальники флибустьеров. Мы уже прежде называли их по именам. Монбар был представителем Совета вместе с Морганом. Франкер, самый младший, исполнял должность секретаря. Перед тем местом, которое он должен занимать, положили бумагу, перья и чернила. По безмолвному приглашению адмирала, капитаны сели.

По законам флибустьерства, когда какой-нибудь начальник устраивал экспедицию и имел в своем распоряжении только один корабль, он не мог принять никакого решения без согласия своей команды, которая так же как и он имела выгоды в успехе экспедиции и, следовательно, имела право голоса в Совете. Всякий план был принимаем единогласно или отвергаем, и тот, кто предлагал его, не имел права обижаться. Когда дело шло о такой важной экспедиции, как та, которую в эту минуту предпринимали флибустьеры, закон несколько изменялся, то есть, команда передавала власть свою капитанам, которые заседали в Совете вместо нее, но результат всегда был один и тот же: одно единогласие решало вопрос, одного голоса было достаточно, чтобы отменить предлагаемый план.

Этот способ действия, очень хороший в принципе, потому что охранял интересы всех, грешил в том, что часто рассуждения длились бесконечно и не приводили ни к какому результату. Однако, когда главные офицеры были знаменитыми начальниками и известного достоинства, мы должны сознаться, что офицеры, пользовавшиеся не такою известностью, очень редко противоречили им и подавали голос за делаемые предложения, что значительно упрощало вопрос.

До открытия Совета Монбар сделал отчет своим товарищам в том, как он завладел испанским фрегатом и четырьмя бригантинами, и принял поздравления с подвигом, доставившим ему прекрасный корабль, не только самый лучший во флоте и прекрасно вооруженный, но и поставивший, по крайней мере, на время испанцев в материальную невозможность предпринять что-нибудь против Береговых Братьев.

Волнение, возбужденное пылким рассказом Монбара,

утихло, его просили открыть заседание, что он сделал тотчас среди всеобщего волнения и любопытства.

— Братья и друзья,— сказал он,— с удовольствием думаю, что теперь вы достигли того места, где я назначил вам свидание, и находитесь в виду богатого берега, который испанцы называли *Золотой Кастильей*. Цель нашей экспедиции уже для вас не тайна, или, по крайней мере, вы подозреваете эту цель, но чтобы не оставлять сомнения в вашем уме, так как пробил час действовать энергично, я сообщу вам мой план: я хочу завладеть Маракайбо и городами соседними с ним. Что вы думаете об этом намерении, товарищи?

— Адмирал,— ответил Морган от имени всех,— мы думаем, что это намерение достойно вас, и с гордостью присоединяемся к вам.

— Я должен вам признаться, братья,— продолжал Монбар,— что это предприятие задумано не мною, отдадим каждому по заслугам. Первая мысль принадлежит Филиппу д Ожерону, который уже несколько дней осматривал этот берег, когда случайно пришел к нему с несколькими товарищами вследствие бури, во время которой судно мое, слишком старое, чтобы держаться в море во время непогоды, пошло ко дну под парусами. Обратитесь же с похвалами к нашему молодому и храброму товарищу, потому что ему одному принадлежит честь первой мысли в этом деле, а я только развил ее и сделал возможной, старательно изучив ее и собрав необходимые сведения, чтобы привести ее в исполнение с вашим преданным содействием.

Между офицерами, восхищенными скромностью Монбара, послышался говор удовольствия, потому что они были хорошими знатоками в подвигах всякого рода и немногие из них чувствовали себя способными к подобному самоотвержению.

— Теперь, когда вы знаете цель, куда мы стремимся, благоволите, адмирал,— продолжал Монбар, обращаясь к Моргану,— сообщите мне о ваших действиях после вашего отъезда из Пор-де-Пэ.

— Мое донесение будет непродолжительно, адмирал,— сказал он.— У меня постоянно был попутный ветер. В четырех лье от острова я собрал другие суда, и все вместе, как коршуны, налетели мы на Орубу. Хотя вы не дали мне приказаний на этот счет, но, так как я подозревал, что место сблища, назначенное для нас вами, должно быть недалеко от того места, которое вы намсревались атако-

вать, я хотел избежать нескромности, всегда опасной, и поэтому завладел островом. Жители очень бедны и немногочисленны, они вовсе не ожидали подобного нападения с нашей стороны и дали себя обезоружить, не покушаясь на бесполезное сопротивление. Я велел потопить все суда, на случай, чтобы кто-нибудь не вздумал убежать, поставил часовых на всех доступных пунктах острова, а для большей предосторожности опытные люди на лодках поставлены караулить, делая вид, будто занимаются рыбной ловлей. После нашего прибытия сюда, десять каботажных судов пристали к острову. Мне не нужно прибавлять, что ни одно из этих судов не ушло в море, мы взяли их в плен, что немало удивило их,— прибавил Морган смеясь.— Больше мне нечего прибавить, адмирал.

— Примите мои искренние поздравления, любезный Морган,— отвечал Монбар,— нельзя было вести этого дела с большим тактом и с большей ловкостью. Впрочем, поручив вам после себя начальство над флотом, я знал, на что вы способны, и был спокоен. Теперь речь идет о том, чтобы подумать о средствах высадки на берег, если возможно, не приметно от неприятеля. Вопрос серьезен. Город, который мы хотим атаковать, находится в глубине озера, он хорошо защищен, имеет многочисленный гарнизон под начальством опытного офицера, который будет защищаться хорошо, я в этом убежден, потому что я его знаю. Теперь должен говорить Филипп д Ожерон, который очень старательно изучил положение неприятеля и которому, как я уже имел честь вам сообщить, пришла первая мысль об этом предприятии. Говорите же, брат, мы вас слушаем, обратился он к молодому человеку.

Филипп встал, краснея и конфузясь от похвал своего начальника, и внутренне оскорбленный насмешливыми взглядами кавалера де Граммона. Он понимал, что кавалер с двойным зрением ревности угадал его тайную мысль и причину, по которой ему захотелось завладеть Маракайбо, вместо всякого другого пункта, такого же богатого, на всем берегу. Однако он сделал усилие над собой, подавил волнение, смущавшее его, и решительно заговорил.

— Если вы желаете узнать мое мнение, братья,— сказал он,— хотя я самый младший между вами и моя опасность почти ничтожна, однако я не стану отказываться от вашего приглашения и докажу мое повиновение сообщив вам все, что я знаю, в нескольких словах. Как вам сказал адмирал, город защищен хорошо. Кажется, было бы бла-

горазумно, прежде чем предпринять что-нибудь против него, удостовериться, не известно ли наше присутствие на этом берегу. Здесь плавают множество каботажных судов, многие ходят только на веслах и, несмотря на всю нашу бдительность, могли бы пройти неприметно от нас ночью. Если, к несчастью для нас, это случилось, наши суда совсем непохожи ни на испанские, ни на голландские, так что мы непременно были бы узнаны и на всем берегу поднята тревога, таким образом люди, на которых мы хотим напасть врасплох, самих нас завлекут в сети, которые мы хотим расставить им.

— Ваше замечание совершенно справедливо, — ответил Монбар, посоветовавшись глазами с другими капитанами, — какие меры предлагаете вы предпринять, для того чтобы удостовериться в истине?

— Мы видели здесь несколько испанских бригантин, очень легко захватили одну. Мы принудим наших пленников сообщить нам сигналы, известные часовому на берегу. Бригантина войдет в озеро, дойдет до Маракайбо и воротится сделать нам отчет в том, что видела. Если предложение мое будет принято, я прошу начальства над бригантиной.

— А я, брат, прошу позволения ехать с вами, — сказал Граммон с иронией.

Филипп поклонился ему с насмешливой улыбкой и сел на свое место.

— Кто-нибудь из вас, братья, имеет возражение против этого предложения? — спросил Монбар.

Никто не отвечал.

— Когда так, буду говорить я, — сказал Монбар, — замечания Филиппа и Ожерона справедливы, я прибавлю даже, что я считаю их основательными; действительно невозможно, чтобы флот из пятнадцати вооруженных кораблей мог незаметно приблизиться к берегу, следовательно, наше присутствие здесь известно и тревога поднята. Я убежден, что в эту самую минуту, когда я разговариваю с вами, во всех местечках бегут к оружию и повсюду готовят энергичное сопротивление. А по моему мнению, по этой самой причине предложение нашего брата Филиппа не должно быть принято в соображение: во-первых, потому что, если мы его прием, мы потеряем драгоценное время, которым наши враги могут воспользоваться, чтобы укрепиться и скрыть богатства, которые мы ищем, во-вторых, потому что, каковы бы ни были известия, которые привезет нам

бригантина по возвращении, если предположить, что испанцы не откроют хитрости и позволят ей спокойно выполнить свое назначение, эти известия не послужат ни к чему для высадки, которую мы хотим предпринять, потому что, я полагаю, мы не имеем притязания, чтобы такой флот, как наш, вошел в озеро не приметно. И Филипп д'Ожерон, которому так же как и мне известно расположение здешних мест, также знает, что всякий другой путь для нас закрыт и что пытаться высадиться на какое-нибудь место на берегу, чтобы потом сухопутно идти на Маракаибо, значило бы рисковать лишиться всех до последнего из наших людей в стране, перерезанной болотами, рывинами, бесчисленным множеством рек, деревьев, острые листья которых режут как сабли и, сверх того, наполненной племенами неукротимых дикарей и людоедов, против которых нам пришлось бы непрерывно воевать.

— Было бы безумством подвергаться подобным опасностям без всякого возможного результата, — заметил Морган.

— Какое ваше мнение? — спросил Пьерр Легран.

— Я угадываю мнение адмирала, — вскричал Олонец, ударив кулаком по столу, — он хочет храбро идти вперед и прямо предпринять атаку против города! Черт меня возьми! Будь этих демонов испанцев десять против одного, разве мы не сладим с ними? Это случилось бы с нами, кажется, не в первый раз.

— Говорите, адмирал, говорите! — вскричали капитаны.

— Да говорите, Монбар, — продолжал Олонец, — вы один способны руководить нами во всем этом.

— Братья, — ответил Монбар, вставая, — Олонец угадал мое намерение, я думаю не давать времени врагу опомниться и решительно подступить к городу. Я жду вашего решения.

— Бычачье сердце! — вскричал Олонец, это было его любимое выражение. — Они не могут решить против вас, я ручаюсь за это, потому что вы доказали, что всякий другой план неудобноисполним.

— Члены Совета принимают план, предложенный адмиралом, — сказал Морган, посоветовавшись с капитанами, — и просят как можно скорее привести его в исполнение.

— Братья, — сказал Монбар, — флот снимется с якоря через два часа, будьте готовы к высадке. Вернитесь на ва-

ши корабли сделать последние приготовления, Совет кончен. Любезный Морган, я требую еще на несколько минут вашего присутствия на моем корабле, нам нужно хорошенько понять друг друга.

— Я к вашим услугам, брат, — ответил Морган.

Капитаны поклонились и вернулись на свои шлюпки, кроме Моргана, который остался в комнате Совета с Монбаром, и Франкера, который, как обещал, ждал, прохаживаясь по палубе, когда донна Клара поедет с ним.

ХVIII

АГВИР

В то время, как флибустьеры подъезжали к реке Оруба и стали там, чтоб оттуда, по их выражению, налететь как коршуны на Маракаибо, этот несчастный город, не зная ужасной опасности, нависшей над его головой, смеялся, плясал — словом, пировал напропалую.

Во время прибытия судов из Европы, испанский флот вошел в бухту и бросил якорь перед городом.

Колонисты, остающиеся одни восемь месяцев в году, слишком удаленные от таких больших центров, как Веракрус, с трудом могли доставать вещи первой необходимости, которых у них совершенно не было, и потому с живейшим нетерпением ждали появления кораблей, получавших от них продукты земли, как например, табак, какао, строевой лес, золото, серебро, жемчуг, взамен инструментов, муки, материй и разных европейских товаров, привозимых ими.

На этот раз корабли пришли прямо из Кадикса, не останавливаясь ни в какой гавани, так что груз у них был полный, колонистам оставалось только выбрать любое для удовлетворения своих потребностей или прихотей.

В город беспрестанно входили мулы, тяжело навьюченные тюками из ачиенд, весело бренча погремушками, когда проходили по улицам.

По приказанию губернатора, на Главной площади были раскинута палатки, выстроены навесы для временных магазинов, словом, это была ярмарка, которая должна бы-

ла продолжаться месяц и во время которой, по милости прибытия чужестранцев, народонаселение города почти удвоилось.

Вечером улицы освещались как бы по волшебству и на всех площадях танцевали с тем увлечением и с теми веселыми криками, которые составляют самую привлекательную сторону характера южных племен, столь веселых и беззаботных.

У дона Фернандо д'Авила много дел, чтобы поддерживать порядок в этой толпе и наблюдать, чтобы торг шел честно с обеих сторон, потому что европейские купцы, зная, как нужны их товары, и будучи очень жадны, без всякого зазрения совести запрашивали сто пиастров за вещь стоящую десять, от этого происходили споры и ссоры, которые губернатор улаживал с трудом, потому что и колонистов, и испанцев очень трудно было урезонить.

Поэтому дон Фернандо против воли должен был negliжировать своей питомицей, которая почти всегда оставалась одна взаперти в своих комнатах, но молодая девушка не жаловалась на это одиночество, напротив, оно доставляло ей счастье, она могла таким образом, не боясь помехи, думать о том, кого любила. Большую часть дня она проводила, сидя на балконе, спрятавшись за шторой, пристально устремив глаза на озеро и погруженная в бесконечные мечтания. Иногда она приподнимала голову и, обращаясь к нна-Чигале, сидящей возле нее и перебирающей четки, говорила своим льстивым голоском:

— Не правда ли, кормилица, мой возлюбленный вернется скоро?

Старуха с досадой качала головой, по большей части она не отвечала или бормотала какие-то слова, которые молодая девушка расслышать не могла. Правда, она даже не слушала их, она предпочитала улыбаться своим мыслям и опять возвращалась к своим сладостным мечтам.

Два или три раза нна-Чигала старалась дать ей понять, что гораздо лучше было бы, вместо того чтобы вести затворническую жизнь, выходить вместе с ней, объездить город, посетив европейские лавки, наполненные восхитительными безделушками, которые так нравятся женщинам: и знатым дамам, и горничным; и за которые так многие из них отдают свою душу в когти дьявола.

Донна Хуана, на каждую подобную просьбу своей кормилицы, отвечала сухим *нет* или возражала, что ей не

нужны ни кружева, ни вещицы, что ей хорошо дома, и тотчас погружалась в свои прерванные размышления.

В одно утро, при новой просьбе, сделанной несколько настойчивее других, молодая девушка, довольно печальная в этот день сама не понимая почему, так как ничто не оправдывало такого расположения ее духа, с досадой оставила свое место на балконе и направилась к двери, без сомнения с намерением отвязаться от настойчивых просьб старухи, запершись в своей спальне или в будуаре, когда вдруг дверь отворилась и явился дон Фернандо д Авила.

— Милая Хуана, — сказал он без всяких предисловий, — я пришел просить вас ехать со мной в гавань, говорят, что у капитана корабля *Тринидады* есть чудесные кружева и великолепные материи, он желает показать их вам, в уверенности, что ваш вкус будет законом и что товары, выбранные вами, будут иметь огромный сбыт. Он пригласил нас запросто позавтракать на его корабле. Я принял приглашение за себя и за вас. Этот капитан прекраснейший человек и мне не хотелось бы рассердить его. Приготовьтесь же, да поскорее, потому что капитан ждет нас на пристани и сам отвезет на свой корабль.

Молодая девушка закусил губы, сделала гримаску и, поздоровавшись со своим опекуном, которого она еще не видела в это утро, сказала медленно:

— Я нездорова и не могу выезжать, сеньор, я буду очень вам благодарна, если вы избавите меня от этой поездки.

— Ба! Ба! — ответил он улыбаясь. — Напротив, вы никогда не были так здоровы, вы свежи и румяны, как роза. Будьте добры Хуана, не отказывайте мне, вы заставите меня не сдержать моего слова, что будет очень неприятно для меня и очень огорчит доброго капитана, притом, я убежден, что свежий воздух будет вам на пользу.

— Я постоянно повторяю ей это, а она не хочет меня слушать, — заметила старуха, обрадовавшись подоспевшей к ней помощи.

— Молчите, кормилица, — сказала она сердитым тоном, — вы только умеете мучить меня.

— Как дети неблагодарны, Господи Боже мой! — прошептала старуха, сложив руки и подняв глаза к небу.

— Могу я надеяться, что вы поедете со мной, Хуана? — продолжал дон Фернандо.

— Если вы требуете, сеньор.

— Пойдем друг друга, милое дитя. Я не требую ничего, я прошу. Если это вам неприятно, я беру назад мою

просьбу, не будем больше говорить об этом, я постараюсь извиниться перед капитаном. Вы понимаете, что если вы останетесь дома, то мне незачем ехать к нему на корабль.

Он поклонился своей питомице и сделал несколько шагов к двери.

— О! Извините меня, сеньор,— сказала донна Хуана, поспешно подходя к нему и беря его за руку,— простите, если я прогневала вас, я не знаю, что чувствую сегодня, это независимо от моей воли, я никогда не чувствовала себя таким образом.

— Неужели вы действительно больны? — спросил он с отеческой заботой.

— Не могу вам сказать, мне хочется плакать, сердце мое сжато, как будто мне угрожает большое несчастье.

— Вы немножко сумасбродны,— сказал дон Фернандо, смеясь.— Уединение, в котором вы упорно живете с некоторого времени,— единственная причина всего этого.

— О! Не смейтесь, сеньор, умоляю вас. Уверяю вас, что я страдаю,— сказала она со слезами на глазах.

— Если так, милое дитя, вам надо лечь в постель и позвать доктора.

— Нет, нет, я поеду с вами, кажется, вы правы, и свежий воздух рассеет эту непонятную тоску.

— Вы действительно согласны ехать со мной, Хуана? Я вам замечу, что не намерен навязывать вам своей воли.

— Благодарю вас, сеньор, но я сама предпочитаю выехать. Я прошу вас только несколько минут, чтобы взять шарф и накинуть мантилью на плечи.

— Я подожду сколько вам угодно.

— Только две минуты. Пойдемте, кормилица.

И донна Хуана, легкая как птичка, бросилась из комнаты.

— Увы, почему она не моя дочь! — прошептал старый офицер, подавляя вздох.

Молодая девушка появилась почти тотчас.

— Не долго я была? — спросила она улыбаясь.

— Вы всегда кротки и очаровательны, моя обожаемая дочь.

— Пойдемте, пойдемте,— ответила она с лукавым видом,— теперь, когда я исполнила ваше желание, вы опять сделались любезным.

Они вышли. На половине дороги к гавани они встретили капитана корабля *Тринидады*, который, потеряв терпение дожидаться их на пристани, решился идти к ним навстречу.

Капитан этот был еще молод, с умными и энергичными чертами, он прежде служил в военном испанском флоте и слыл образованным и опытным офицером.

Шлюпка была приготовлена для гостей, по знаку капитана она подъехала к лестнице.

В несколько минут доехали до корабля, великолепного трехмачтового судна с десятью бронзовыми пушками, похожего скорее на военный корабль, чем на мирное купеческое судно.

Совершенный порядок царствовал на судне, губернатор и его питомица были приняты с должными почестями. Под палаткой был приготовлен пышный завтрак для четырех особ.

Представив своих офицеров губернатору, капитан пригласил своего лейтенанта, старого моряка, с которым он плавал уже давно, сесть за стол вместе с ним, прежде испросив позволения у дона Фернандо д'Авила, которое тот поспешил дать, потом капитан велел подавать завтрак.

Кушанья были превосходны, вина отборные. Донна Хуана, как бы желая заставить забыть свое дурное расположение духа или невольно увлеченная новизною положения, оживленным видом рейда и красотой пейзажа, как будто совершенно забыла свою тоску, была очаровательна, весела, смеялась и поддразнивала старого лейтенанта, который не понимал ее задорности и представлял из себя пресмешную фигуру, что довершало веселость сумасбродной девушки.

— Ну, Хуана, — спросил ее опекун, — жалеете вы теперь, что поехали со мной?

— Не говорите мне об этом, дон Фернандо, я была глупа, теперь я поумнела. Сеньор капитан, вы можете показать мне очень хорошие вещи?

— Сами будете судить, сеньорита, их никто еще не видел. Прежде чем их распаковать, я ждал, чтобы вы посоветовали мне с вашим несравненным вкусом.

— Предупреждаю вас, что я буду очень строга.

— Я этого желаю, сеньорита, потому что вещи, которые понравятся вам, непременно произведут фурор между другими дамами.

— Не ошибитесь, сеньор капитан, наши дамы тщеславятся своим вкусом.

— Не может быть иначе, сеньорита, только я убежден, что ваш вкус превосходит их.

— Вы льстец, сеньор, — отвечала донна Хуана, сме-

язь,— а когда намерены вы разложить передо мной эти ослепительные вещи?

— Тотчас после завтрака.

— А вы, сеньор лейтенант,— обратилась она к старому морскому волку, который, чтобы не конфузиться, ел и пил безмерно,— вы ничего не привезли?

— Я, сеньорита? — сказал он, чуть не подавившись, так заторопился отвечать, и бросая вокруг себя испуганные взоры,— что я мог привезти, сеньорита?

— Я не знаю, вещицы, кружева, может быть золотые гребни, которые носят гадитенки и севильки.

— Нет, кажется, нет.

— Как, кажется? Разве вы этого не знаете наверно?

— Извините, сеньорита, я наверно знаю, у меня есть только кисея для пологов.

— Это очень хорошо! — вскричала донна Хуана, всплеснув руками.— А ничего другого у вас нет?

— У меня есть только серебряные шпоры.

— Для дам?

— О! Нет, для мужчин, однако если вы удостоите принять, сеньорита, я буду очень рад вам предложить.

— Шпоры или полога?

— И то и другое, сеньорита,— ответил он, почтительно поклонившись ей.

Молодая девушка захохотала таким свежим и серебристым смехом, что старый офицер был буквально им поражен. В эту минуту к капитану подошел юнга и, поклонившись ему, шепнул на ухо несколько слов.

— Сеньор губернатор,— сказал капитан,— с вами желает говорить какой-то человек.

— Пусть подождет,— ответил дон Фернандо,— я не часто пользуюсь часом свободы, чтобы половину и этого свободного времени похищали у меня дела.

— Извините, сеньор, тот человек сказал, что он пришел по очень важному делу и что, когда вы узнаете его имя, вы тотчас примите его.

— А-а! Какое странное требование со стороны этого человека! Какой же это человек?

— Кажется, моряк,— почтительно ответил юнга.

— И он сказал вам имя, которое должно произвести такой немедленный результат?

— Сказал, сеньор губернатор.

— Какое же оно?

— Агвир.

— Как! — вскричал капитан, вскочив и побледнев как смерть. — Агвир, говорите вы?

— Да, Агвир, сеньор губернатор.

— Как это странно! Есть у вас, любезный капитан, какое-нибудь место, где я мог бы без свидетелей поговорить с этим человеком несколько минут?

— В моей каюте, сеньор губернатор.

— Хорошо, покажите мне дорогу и велите отвести туда этого человека. Любезная Хуана, во время моего отсутствия, которое не может быть продолжительно, эти господа покажут вам все свои чудеса.

— Ступайте, ступайте, — ответила донна Хуана, — надеюсь, что эти известия не надолго лишат нас вашего присутствия.

Губернатор пошел за капитаном, который отвел его в каюту и оставил там, прося со всевозможной испанской вежливостью считать себя как у себя дома и действовать сообразно с этим. Через минуту тяжелые шаги раздались на лестнице, и Агвир вошел в сопровождении юнги. Дон Фернандо отпустил мальчика движением руки и обратился к шпиону, который почтительно стоял возле двери.

— Какими чудесами попали вы в эти края, Агвир? — сказал он. — Какой хороший ветер вас принес?

— Ветер нехороший, сеньор, — ответил тот двусмысленным тоном, — я напротив считаю его дурным.

— Но вот уже целый месяц погода великолепна.

— Не всегда с неба раздаются страшные бури.

— Они происходят иногда от людей, не так ли?

Шпион молча поклонился.

— Вы откуда?

— Прямо из Веракруса, на бригантине самого вице-короля.

— Герцога Пеннафлора?

— Да, сеньор.

— Гм! Стало быль дело серьезное?

— Мало того, дело очень важное, сеньор.

— Хорошо, я жду, чтобы вы объяснили мне это.

— У меня есть письмо от вице-короля, которое уведомит вас лучше, чем я, сеньор, — сказал Агвир, вынимая большой запечатанный конверт из своей шляпы и подавая его губернатору.

Дон Фернандо с живостью взял его и распечатал дрожащей рукой. В нем заключалось только несколько строк, но известия были так важны, что, несмотря на свое мужество, губернатор побледнел.

— Итак,— сказал он через минуту, подняв голову,— это верные известия?

— Самые верные, сеньор, я их сообщил вице-королю.

— От кого вы их узнали?

— Я сам все видел и слышал.

— Флибустьеры готовят экспедицию?

— Ужасную.

— Но, может быть, эта экспедиция направлена не против нас?

Шпион улыбнулся с иронией.

— Проезжая сюда, я прошел мимо двенадцати кораблей, направлявшихся к Орубе.

— Кто начальствует над этим флотом?

— Сам Монбар-Истребитель.

Дон Фернандо задрожал при этом страшном имени.

— Вам известно, присоединился ли уже Монбар к своему демонскому флоту?

— Нет еще, потому что он сворачивал с дороги, чтобы захватить фрегат *Жемчужина* и четыре бригантины, вооруженные губернатором для уничтожения флибустьерских поселений на Черепaxe.

— Что же? — с беспокойством спросил дон Фернандо.

— Монбар взял фрегат абордажем на Эффере, потом вошел в рейд дель-Приничине, захватил бригантины и потопил их, команду безжалостно умертвил, и через двое суток Монбар будет в Орубе, где флот ждет только его, чтобы начать свои действия.

— Да сжалится над нами Господь,— вскричал дон Фернандо, падая на стул,— потому что, если не свершится чудо, мы погибли!..

XIX

КАБИЛЬДО

Наступило минутное молчание.

Дон Фернандо, пораженный ужасным известием, которое он узнал так неожиданно, разбитый волнением, принужденный сознаться в слабости оборонительных средств,

которыми он располагал, казался неспособен связать две мысли.

Шпион оставался неподвижен и мрачен перед ним, ожидая, чтобы он начал опять разговор, так неожиданно прерванный.

Но дон Фернандо д Авила был старый солдат неукротимой энергии, смелый до безрассудства. Когда прошло первое волнение от сильного удара, он выпрямился во весь рост, все следы волнения исчезли с его лица и он сделался холоден и спокоен.

В самом деле, что за нужда была до смерти тому, кто видел ее и пренебрегал ею в двадцати сражениях, до смерти солдата от руки врага? Если он дрожал, если его сердце разбито, когда он узнал о готовившемся нападении флибустьеров на колонию, над которой он начальствовал, то не из опасения страшной опасности, угрожавшей ему, но он знал флибустьеров, с которыми вел уже ожесточенную борьбу. Он знал, что их свирепость после победы превосходила даже их отвагу в сражении, что ни лета, ни пол не находили пощады перед этими свирепыми противниками, и что особенно женщины должны опасаться всего с их стороны.

Как ни слабы были средства, которыми он мог располагать, он решился их употребить, не для того чтобы отвести удар, нависший над его головой, но чтобы смягчить его силу, и если он не мог спасти город, то, по крайней мере, хотел попытаться избавить жителей от бедствий, следующих за взятием города приступом.

Могу я положиться на вас? — спросил он, пристально глядя на шпиона.

— Вице-король имеет ко мне полное доверие, — отвечал Агвир.

— Велика ваша бригантина?

— Человек сто могут переехать небольшое расстояние.

— Хорошо, вы поняли меня. Вернитесь на свое судно, приготовьтесь сняться с якоря и ждите моих приказаний.

Шпион сделал движение, чтобы уйти.

— Подождите, — сказал ему дон Фернандо, — под опасением лишиться головы, ни слова об этом никому.

— Клянусь!

— Ступайте.

Агвир вышел, через минуту после него губернатор поднялся на палубу.

— Ну что? — спросила его донна Хуана. — Вы получили важное известие?

— Довольно важное, милое дитя, я даже прошу вас тотчас ехать со мною на берег, а капитан извинит, что я так скоро оставляю корабль, на котором мы получили такое очаровательное гостеприимство.

Капитан поклонился.

— Предвидя, что случится, — сказал он, — я велел приготовить шлюпку, она вас ждет, сеньор.

— Благодарю вас, кабальеро, но визит к вашим товарищам только отложен, надеюсь, что мы скоро его сделаем. Вы едете с нами?

— Если вы позволите.

— Вы сделаете мне удовольствие. Пойдемте, Хуана, моя милочка, мы и то уже оставались слишком долго.

— Но разве эти известия так важны? — спросила она с беспокойством.

— Довольно важны, я вас жду.

Они сошли с корабля и через несколько минут очутились на набережной среди шумной и веселой толпы.

Дон Фернандо нахмурил брови. Эта веселость была неприятна для него, он заметил офицера, кутившего сигару на набережной, сделал ему знак подойти, наклонился к его уху и шепотом отдал ему приказание. Офицер удалился почти бегом. Дон Фернандо взял за руку свою питомицу и в сопровождении капитана корабля *Тринидады* воротился к себе домой такими скорыми шагами, что опасения молодой девушки увеличились. Губернатор простился с донной Хуаной, поцеловал ее в лоб и, проводив ее до ее половины, обернулся к капитану и сказал ему:

— Пойдемте.

— Куда мы идем?

— В кабиљдо.

Капитан сделал движение удивления.

— Что случилось? — спросил он.

— Ужасное известие, — ответил он вполголоса, — но пойдемте, вы скоро узнаете в чем дело.

В Испании и во всех испанских колониях кабиљдо называют ратушу.

Когда дон Фернандо пришел туда с капитаном, офицеры гарнизона и главные жители города уже собрались в зале Совета. Они разговаривали между собой и с любопытством спрашивали друг друга о причинах этого необыкновенного совещания.

Губернатор вошел важной поступью и сел на кресло, приготовленное для него на эстраде в глубине залы.

— Сеньоры и кабальеро,— сказал он,— удостойте меня самым серьезным вниманием. Час тому назад я получил известие, которое обязан вам сообщить.

Офицеры поспешили занять места, назначенные им этикетом. Когда все сели и водворилась тишина, губернатор встал и, развернув письмо, отданное ему Агвиром на *Тринидаде*, сказал:

— Послушайте, сеньоры, это дело должно быть интересно для вас всех.

Тишина и внимание удвоилось. Губернатор обвел глазами собрание и начал читать депешу:

«Сеньору полковнику дону Фернандо д.Авила, губернатору провинции Венецуэла Маракаибо и других мест.

Сеньор полковник, мы узнали из достоверных источников, что французские и английские разбойники, называющиеся флибустьерами, против прав людских и мира, существующего между тремя королевствами, вооружают в эту минуту грозный флот из двенадцати или четырнадцати кораблей и с тремя тысячами разбойников, с целью, в которой они громко признаются, напасть и разграбить города провинции, находящейся под вашим ведомством».

Услышав это известие, присутствующие вскрикнули от гнева и испуга, так что губернатор был принужден прервать на минуту чтение депеши.

— Послушайте, сеньоры,— сказал он спокойным и твердым голосом,— я еще не кончил.

Он продолжал среди тишины и глухого волнения.

«Мне не нужно предписывать вам, сеньор полковник, сделать все необходимое для пользы короля. Я слишком ценю ваше мужество и вашу опытность для того, чтобы предписывать вам, как вы должны поступать в подобных обстоятельствах. Если вы можете несколько дней сопротивляться разбойникам, к вам подоспеет сильная помощь из Веракрысы и поможет вам, я уверен в том, уничтожить орды разбойников, которые собираются напасть на вас. Не отчаивайтесь, сеньор полковник, и как вы делали уже не раз, храбро защищайте кастильскую честь. Да здравствует король!

Прошу Бога, сеньор полковник, сохранить вас под Его святым покровом.

Вице-король Новой Испании
Герцог Пеннафлор, испанский гранд первого разряда
и пр.и пр.»

* * *

В этой депеше находился еще постскриптум, но дон Фернандо счел благоразумным не читать его. Вот в чем заключался этот постскриптум:

«Я должен вас предупредить, сеньор полковник, что разбойниками командуют самые отъявленные злодеи, главные начальники Монбар Истребитель и англичанин Морган, злодеи, известные тем, что никогда не дают пощады побежденным, это должно вас побудить скорее пасть в сражение, чем сдаться».

Дон Фернандо не прочел этого постскриптума, который мог бы совершенно уничтожить мужество их, уже поколебавшееся, до того имя Монбара наполняло их ужасом.

После чтения депеши вице-короля несколько минут раздавались крики и проклятия, среди которых губернатору невозможно было заставить себя слушать. Наконец, мало-помалу шум утих, и дон Фернандо поспешил этим воспользоваться, чтобы заговорить.

— Теперь не время горевать, действовать надо, — сказал он резко, — время не терпит, не приходите в уныние, следуйте моим советам, не теряя ни минуты, и я ручаюсь, если не спасти город, то, по крайней мере, избавить ваши семейства и ваши богатства от жадности разбойника.

— Говорите! Говорите! — закричали все в один голос.

— Слушайте! Вместо того, чтобы испускать смешные крики, — продолжал губернатор, с гневом топнув ногой.

Все замолчали.

— К счастью для нас, испанский флот стоит в нашей гавани и она наполнена судами всех возможных величин, поспешите поместить ваших женщин и детей и все ваши драгоценности на эти корабли, они перевезут все в Гибралтар. Маракаибо не может выдержать осады, лучше бросить его, пусть разбойники спокойно в него войдут. Пока они потеряют здесь время на грабеж того немногого, что мы оставим, мы будем увеличивать укрепления Гибралтара, которые уже и без того страшны. Если разбойники осмелятся преследовать нас там, я надеюсь так наказать их,

что у них пройдет охота предпринять новую экспедицию к этим берегам. Притом, вице-король обещает нам скорую помощь и, вероятно, разбойники не успеют даже атаковать наше убежище. Поспешите же предупредить ваших сограждан и приготовиться к отъезду. Те, которые завтра на рассвете будут еще в Маракаибо, так и останутся там. Вы слышали, ступайте, а вы, сеньоры офицеры, останьтесь.

Горожане с шумом бросились к дверям и в одно мгновение очистили залу. Почти тотчас слышались на улицах их крики, к которым скоро присоединились зловещие звуки набата во всех церквях.

— Кабальеро,— сказал губернатор, когда увидел, что все горожане вышли, а остались одни офицеры,— мы солдаты и робеть не станем, мы исполним свой долг. Следовательно, мне нечего уговаривать вас сражаться храбро для службы короля. Полковник дон Сантьяго Теллец!

— Что прикажете, ваше превосходительство? — отозвался полковник, подходя.

— Возьмите пятьдесят решительных человек и ступайте на пристань. Там вы найдете моряка, по имени Агвир, отправляйтесь с вашими людьми на его бригантине на Вяхиревый островок, гарнизон которого состоит из сорока пяти человек. Продержитесь день против разбойников, это необходимо.

— Ваше превосходительство, я продержусь два дня,— ответил полковник,— я ручаюсь вам за это.

— Благодарю вас, прощайте, полковник.

— Прощайте ваше превосходительство. Вы скоро услышите о моей смерти, но будьте спокойны, я заставлю разбойников дорого заплатить за нее.

Он поклонился и вышел, столь же спокойный по наружности, как если бы отправлялся на прогулку.

— Капитан Ортега,— продолжал губернатор, подавляя вздох,— отправьте пятьдесят верховых солдат во все стороны дать знать по деревням о приближении разбойников. Ступайте.

Капитан Ортега тотчас ушел.

— А вы, полковник дон Хозе Ортец,— продолжал губернатор,— примите начальство над гарнизоном, удалитесь с ним в Гибралтар, оставив здесь только пятьдесят человек из охотников. Понимаете?

— Совершенно понимаю, ваше превосходительство.

— Особенно прошу вас увезти все оружие и все снаряды, нам ни к чему дарить разбойникам наши пушки.

— Решительно ни к чему. Где должны оставаться эти солдаты?

— Здесь, в кабильдо.

— Очень хорошо. А когда мне ехать?

— С последним конвоем жителей. Прощайте, полковник.

— Нет, ваше превосходительство, до свидания.

— Кто знает? — прошептал дон Фернандо.

Полковник вышел в свою очередь. С губернатором находился только один человек — капитан *Тринидада*.

— Как! — сказал он, приметив его. — Вы еще здесь, капитан?

— Да, ваше превосходительство, я предпочел остаться с вами.

— Но позвольте мне заметить вам, капитан, что вы компрометируете ваши интересы, если не поторопитесь.

— Я сделал одно размышление, ваше превосходительство, — сказал капитан, не отвечая на замечания губернатора.

— Какое, капитан?

— С тех пор как мы здесь, вы много занимались другими и вовсе не подумали о себе.

— Не была ли это моя обязанность?

— Да, я вас не осуждаю, напротив.

— Ну так что же

— Мне кажется, что теперь пора настать вашей очереди, вот для чего я и остался. Если приказали ретироваться к Гибралтару, это значит, что вы имеете на это очень серьезные причины.

— Действительно очень серьезные, капитан.

— Вы не можете иметь намерение дать себя убить здесь, с горстью людей, без славы и без прибыли, притом, у вас есть питомица, о которой вы обязаны позаботиться.

— Моя питомица поедет в Гибралтар на вашем корабле.

— Одна?

— С вами.

Капитан покачал головой.

— Нет, — сказал он.

— Как! Вы мне отказываете? — вскричал губернатор с удивлением.

— Не я, а она откажет, ваше превосходительство.

— О! О! Что это вы мне говорите, капитан?

— Спросите у нее, вы увидите, только помните, что

все корабли уйдут нынче ночью в Гибралтар, останется один мой, я поклялся не оставлять вас здесь.

Губернатор размышлял с минуту, потом протянул капитану руку, говоря с некоторым волнением в голосе:

— Хорошо, капитан, я согласен, но предупреждаю вас, что я последний оставлю свой пост, и то когда мне ничего больше не останется делать.

— Я с вами согласен.

— Пойдемте к моей питомице.

Они вышли из кабильдо и направились большими шагами к дому губернатора.

Вид города совершенно изменился за два часа, улицы были наполнены толпой, но уже не слышно было ни смеха, ни пения, не видно было веселых лиц, раздавались горестные восклицания, подавляемые рыдания, виднелись бледные и испуганные лица — словом, повсюду царствовали ужас и отчаяние.

По приказанию губернатора началось переселение, жители бросали свои дома, унося с собой свои богатства, за ними следовали испуганные жены и дети. Это зрелище леденило сердце.

Дурные известия распространяются с непонятной быстротой: донна Хуана уже знала обо всем. Когда дон Фернандо вошел к ней в комнату, он нашел ее лежащую на подушках бледную, но холодную и решительную. Нна-Чигала, сидя в углу комнаты, плакала, закрыв голову руками. дон Фернандо с одного взгляда понял, в чем дело.

— Хуана, милое дитя, я вижу, что вы уже знаете об опасности, угрожающей вам.

— Знаю, — ответила она печально.

— Вы знаете, что мы принуждены ретироваться перед силами значительно превосходящими наших и очистить город?

— Знаю.

— Уложите же самые драгоценные ваши вещи, я пришел за вами.

— Мы едем! — вскричала донна Хуана, с живостью вставая.

— То есть, милое дитя, едете вы, а я должен остаться здесь еще на некоторое время, ведь я должен позаботиться о спасении этого несчастного народонаселения.

Она упала на подушки.

— Хорошо, — сказала она, — я подожду.

— Как вы подождете?

— Неужели вы оскорбили меня предположением, что я соглашусь уехать без вас?

— Будьте рассудительны, Хуана, милое дитя, опасность ужасна, вы знаете, как я вас люблю, я буду спокоен, только когда узнаю, что вы в безопасности. Капитан вас ждет, пойдемте.

— Я благодарю капитана, но уйду только с вами. О! Не качайте головой, я решилась. Если вы меня любите, то и я вас люблю, для меня, бедного брошенного ребенка, без родных и без друзей, вы один составляете всю семью, не настаивайте же, умоляю вас, это будет бесполезно. Я умру или спасусь вместе с вами.

— Прошу вас, Хуана, перемените это намерение, которое приводит меня в отчаяние, согласитесь уехать.

— С вами — да, без вас — нет. Я ваша дочь, если не по крови, то по сердцу, обязанность дочери оставаться, что бы ни случилось, возле своего отца, и я останусь.

Напрасно дон Фернандо настаивал, донна Хуана оставалась тверда и непоколебима, он должен был наконец согласиться на ее желание. Тогда молодая девушка встала с радостью и бросилась к нему на шею, заливаясь слезами и благодаря его от души.

— Вы помните мои утренние предчувствия,— сказала она с печальной и кроткой улыбкой,— вы все еще думаете, что я сумасбродна?

— Нет,— ответил он,— я был слеп, вас предостерегал Господь.

На другой день на рассвете город был пуст. На улицах и площадях бродили только люди слишком бедные для того, чтобы опасаться чего-нибудь от флибустьеров и которые, следовательно, сочли бесполезным выезжать из города.

Дон Фернандо оставался в доме, перед которым поставил пятьдесят человек солдат, которых он взял из восьмисот, составляющих гарнизон.

Донна Хуана и нна-Чигала поместились на *Тринидаде*, капитан поклялся молодой девушке, что она не уедет без дона Фернандо. Все предосторожности были приняты для спасения жителей города. Губернатор, успокоившись на их счет, твердо ждал авантюристов, которые скоро должны были появиться.

ВЯХИРЕВЫЙ ОСТРОВ

Монбар, сделав с Морганом необходимые распоряжения для замышляемой им атаки, простился с ним и проводил его до шлюпки. Обернувшись, он очутился лицом к лицу с Франкером.

— Ах! — сказал он. — Я забыл о донне Кларе.

— Извините, адмирал, — почтительно ответил молодой человек, — я желаю обратиться к вам с просьбой.

— Говорите, друг мой, — дружески сказал он, — и если это зависит от меня...

— Это зависит только от вас, адмирал.

— Если так, то все будет исполнено, теперь стоит только сообщить мне, что вы желаете.

— Адмирал, вы меня назначили вашим капитаном?

— Да, но я сделал это на время, пока у меня была возможность дать вам начальство над королем.

— Извините меня, адмирал, но я предпочитаю остаться у вас.

Монбар бросил на него проницательный взгляд.

— У вас есть на это причина? — спросил он.

— Причина оставаться возле вас во время опасности, адмирал, и надежда быть вам полезным во время сражения.

Лицо молодого человека сияло такой честностью, пока он произносил эти простые слова, что Монбар растрогался.

— Хорошо, — сказал Монбар, протянув ему руку, — вернитесь на *Тигр*, скажите вашему лейтенанту, что вы уступаете ему начальство, и вернитесь сюда, ваше место еще не занято.

— О, благодарю вас, адмирал! — вскричал он с душевным излиянием.

— Кстати, — продолжал Монбар, — возьмите чемоданы и сундуки донны Клары, она так же останется на фрегате, наши товарищи не всегда бывают любезны и я не очень доверяю тому, кто заменит вас, Александру Железной Руке, чтобы оставить ее на его корабле.

Он сделал последний дружеский знак молодому человеку и вошел в свою каюту, где его ожидала донна Клара.

— Извините меня пожалуйста,— сказал он,— если я заставил вас долго ждать, клянусь вам, это зависит не от меня.

Взяв стул, он сел напротив нее.

— Я знаю, притом мне не к чему спешить.

— Тем более,— продолжал Монбар,— что вы более не вернетесь на *Тигр*. Франкер оставил начальство над *Тигром* и опять занял пост, который он занимал прежде у меня.

Мне казалось, что вам удобнее остаться со мной, чем вернуться на корабль, где, не зная никого, вы были бы совершенно одиноки.

— Благодарю вас за это внимание,— ответила она с волнением.

— Это совершенная безделица и не стоит благодарности, если эта каюта для вас удобна, прошу вас с этой минуты считать ее своей, ваш доверенный человек Бирбомоно поместится в двух шагах от вас, так что он будет у вас под рукой, когда вам понадобится.

— Вы осыпаете меня милостями...

— Нет, я исполняю мою обязанность, но оставим это. Будьте так добры, сообщите мне, в чем я могу быть вам полезен.

— Я испанка, вы это знаете,— ответила она дрожащим голосом,— вы ведете войну с моими соотечественниками, я хотела вас просить не быть к ним безжалостным.

Монбар слегка нахмурил брови.

— Я в отчаянии,— сказал он,— но вы просите у меня именно то, что я не могу исполнить.

— О! Неужели вам не надоело страшное имя Монбара Истребителя, которое вам дали ваши враги?

— К несчастью, я здесь не причем. Законы нашей организации положительны, я должен покоряться им наравне с моими братьями, нам запрещено щадить испанцев.

— Но почти все ваши друзья берут пленных.

— Они могут нарушать законы, если хотят, а я этого не могу, по самой простой причине: законы эти составил я и следовательно, более чем всякий другой, я должен повиноваться им.

— Хорошо,— прошептала она, подавив вздох,— я не настаиваю, да исполнится воля Всевышнего, забудьте, что

я вам сказала и простите, что осмелилась говорить с вами таким образом.

Монбар встал, почтительно ей поклонился и вышел из каюты на палубу.

— Боже мой! — прошептала донна Клара, закрыв голову руками и с отчаянием опускаясь на стул, — Боже мой! Недостаточно ли я наказана за преступление, в котором я невиновна?

Боже мой! Какие горести хранишь ты для меня среди этих неумолимых людей?

Она стала на колени перед распятием, висевшим на стене, и стала молиться. Таким образом, прошел для нее целый день. К вечеру Бирбомоно, войдя с огнем, нашел ее без чувств у подножия креста, он поднял ее, положил в постель и оказал ей все попечения, каких требовало ее положение.

Донна Клара раскрыла глаза, но оставалась без сил и почти без мужества, отчаяние разбило ее.

— Бедная женщина! — сказал майордом и сел в нескольких шагах от нее в тени, чтобы, если окажется нужно, услуживать ей.

Всю ночь донна Клара плакала молча, только к утру, побежденная усталостью, она поддалась сну. Тогда Бирбомоно сошел с места, которое он занимал несколько часов, и вышел из каюты на цыпочках, чтобы не разбудить свою госпожу.

Скоро должен был показаться рассвет. Готовились важные события, потому что, если читатели помнят, Монбар решился на рассвете атаковать Вяхиревый островок.

Накануне вечером, на закате солнца, Монбар на легкой шлюпке с десятью гребцами приблизился к берегу настолько, чтобы, оставаясь невидимым в зыби волн, рассмотреть в зрительную трубу, что происходило на земле.

Он приметил несколько больших судов с людьми, направлявшимися к Вяхиревому островку. Эти суда подъехали к берегу и высаживали своих пассажиров. Монбар, несмотря на риск быть узнанным и взятым в плен, и очень растревоженный этой высадкой, приказал своим матросам править к островку.

К счастью для него, солнце закатилось, мрак был глубокий, он мог направить свою рекогносцировку так далеко, как желал. Он увидел тогда, по милости превосходной ночной зрительной трубы, что приехавшие были солдаты и

дейтельно копали землю. Он заключил из этого, что они воздвигали габионы для защиты островка.

Действительно, эти люди были солдатами, посланными доном Фернандо д Авила, под начальством полковника дона Сантьяго Теллеца, чтобы подкрепить гарнизон.

Флибустьер, довольный тем, что он видел, и считал бесполезным оставаться долее, и поспешил повернуть шлюпку и вернуться к своему кораблю, до которого он доехал в полночь. Он тотчас отправил Франкера к командирам других кораблей с приказанием распустить паруса на восходе солнца и подвигаться полукругом к острову, предоставляя его фрегату указывать путь флоту. Адмирал, понимая, что испанцы знали о его прибытии, не хотел дать им время укрепить островок и решился атаковать прямо и захватить во что бы то ни стало Вяхиревый островок, потому что от взятия пункта, возвышавшегося над входом в бухту, зависел для него успех предприятия.

Грандиозное и грозное зрелище представлял для испанцев этот флот в пятнадцать кораблей, направлявшийся к Маракаибской бухте и выскочивший, так сказать, из недр волн при первых лучах восходящего солнца. Но люди, посланные в крепость, были отборные солдаты под начальством опытных офицеров. Они пожертвовали своей жизнью и с чувством радости, смешанной с гневом и с гордостью, видели они приближение к своим стенам ненавистного неприятеля, который заставил их вытерпеть столько поражений и которому они горели нетерпением блистательно отомстить.

Приблизившись к берегу, по сигналу адмиральского корабля, все суда остановились неподвижно. Ракета, пущенная из сторожевой башни, уведомила испанский гарнизон, что флибустьерский флот готовится войти в бухту. Канониры стояли с зажженными фитилями, готовые стрелять в проход, над которым возвышалась крепость.

Прошло довольно продолжительное время, во время которого флибустьеры, по-видимому, не делали никакого движения. Испанцы не понимали этого бездействия, не зная, какой причине приписать его, когда от фрегата отделилась лодка, на носу которой развевался парламентерский флаг. Лодка эта на веслах направлялась к берегу.

— Что это значит? — спросил полковника губернатор острова.

— Это значит,— ответил тот,— что эти люди, вероятно, хотят сделать нам предложение.

— Договариваться с подлыми негодьями! — вскричал губернатор с гневом.— Это было бы стыдно, я прикажу потопить проклятую лодку.

Он сделал движение, чтобы приблизиться к ближайшей батарее.

— Сохрани вас Бог! — с живостью остановил его полковник.— Мне приказано держаться как можно дольше, чтобы выиграть время, это будет полезно для нас.

— Примите же на себя начальство, если так, полковник,— с досадой ответил губернатор,— а я, ей-богу, не вступлю в переговоры с этими разбойниками.

— Хорошо,— сказал полковник,— возьму на себя эту ответственность, дело идет здесь не о чванстве, не о щекотливости, надо спасти город, предоставьте мне действовать.

— Действуйте, полковник, притом, вы выше меня званием и я обязан повиноваться вам.

Полковник велел тотчас выкинуть парламентарский флаг на крепости и спустил на воду лодку. Когда лодка флибустьеров подъехала на ружейный выстрел к крепости, она остановилась на веслах. Полковник сошел в лодку, которую велел спустить на воду. Как только он увидел, что флибустьеры остановились, он велел грести к ним. Обе лодки скоро очутились на пистолетный выстрел друг от друга. На флибустьерской лодке сидел сам Монбар. Он встал и, сняв шляпу, сказал:

— Подъезжайте, сеньор, уверяю вас честью, что вам нечего опасаться ни обмана, ни измены с нашей стороны.

— Кто мне за это ручается? — спросил полковник.— Я губернатор крепости.

— А я адмирал флота,— сказал Монбар,— притом со мною в лодке четыре безоружных человека, а с вами двадцать человек хорошо вооруженных. Стало быть, опасаться должны мы.

— Это правда,— сказал губернатор.— Причаливай,— обратился он к рулевому.

Оде лодки почти тотчас очутились борт о борт. Монбар схватился за край лодки, чтобы она не опрокинулась, и одним рывком очутился возле полковника. У него действительно не было оружия.

— Вы видите, кабальеро,— сказал он,— что я подаю вам пример доверия.

— Вы находитесь под охраной кастильской чести, сеньор,— благородно отвечал полковник.

Монбар вежливо поклонился.

— Вы требовали совещания, сеньор,— продолжал полковник,— я жду, чтобы вы объяснились.

— Объяснение будет продолжительно, кабальеро. Я прошу вас сдать мне крепость.

Полковник засмеялся.

— Это действительно очень просто и коротко,— сказал он,— и вы прямо приступите к цели.

— Такая уже у меня привычка, кабальеро, благоволите же отвечать.

— Я последую вашему примеру, сеньор, и отвечу вам одним словом — нет.

— Я замечу вам, что лачуга, над которою вы начальствуете, не может сопротивляться силам, нападающим на нее.

— Это мое дело, сеньор, эта лачуга, как вы ее называете, поручена мне. Если я не могу спасти ее, по крайней мере, я могу умереть, защищая ее от вас.

— Это будет смерть достославная, конечно, но бесполезная.

— Может быть, сеньор, вы не знаете состояния наших сил.

— Вы ошибаетесь, я знаю так же хорошо, как и вы. Вспомните графа де л Аталайя и посмотрите на меня хорошенько,— прибавил Монбар, снимая шляпу и отбрасывая волосы назад.

— Возможно ли! — вскричал полковник с удивлением.

— Это был я. Это открытие не изменяет ли ваших намерений?

— Нисколько, сеньор, моя решимость непоколебима.

— Послушайте,— продолжал Монбар примирительным тоном,— вы человек храбрый. Для чего из пустой славы вы хотите погубить гарнизон, находящийся под вашим начальством? Честное слово дворянина, я предложу вам хорошие условия.

— Я вам сказал, что моя решимость непоколебима.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее,— холодно ответил полковник.

— Да свершится ваша судьба, если так, и пусть пролитая кровь падет на вашу голову.

— Господь будет меня судить, я верю в его всемогущую доброту.

— Это единственное покровительство, оставшееся вам. Прощайте, сеньор, через час я начну неприязненные действия.

— Мы постараемся хорошенько ответить вам, сеньор.

Оба церемонно поклонились друг другу. Монбар пересел в свою шлюпку, которая немедленно удалилась по направлению к фрегату, между тем как полковник поспешно возвращался в крепость.

— Ну что? — спросил бывший губернатор, когда новый приехал на остров.

— Приготовьтесь сражаться, господа, — сказал полковник, обнажая шпагу, — и вспомните, что вы имеете дело с людьми, которые не дадут вам пощады.

Каждый отправился к своему посту, готовый исполнять свой долг.

Мы должны сказать, что поступок, предпринимаемый Монбаром, поступок, вовсе не согласовавшийся с привычками знаменитого флибустьера, был сделан по милости донны Клары. Правда, что согласившись это сделать, он может быть предчувствовал, что его поступок останется без результата.

Как только адмирал вернулся на свой фрегат, несколько сигналов было дано флоту и почти тотчас показались лодки с вооруженными людьми, направлявшиеся медленно к берегу. Флотилия эта, составленная из двадцати пяти лодок и содержащая около пятисот человек, предпринимала высадку.

Монбар, Морган и главные начальники начальствовали над лодками.

Испанцы подпустили их на ружейный выстрел. Вдруг артиллеристы наклонились над пушками и флотилия была покрыта картечью. Флибустьеры не отвечали, они продолжали продвигаться, распевая гимны, по своему обыкновению, и не занимаясь своими товарищами, в которых попала картечь.

Раздался второй залп, а за ним третий.

— Вперед! — закричал Монбар, махая шпагой и бросааясь в море.

— Вперед! Вперед! — повторили флибустьеры, выскакивая из лодок и устремляясь за Монбаром, и не заботясь о том, довольно ли близко они к берегу, чтобы упереться ногами в землю.

Испанцы усилили огонь. Флибустьеры выскочили на берег и побежали к палисадам, покрытым землей, которые служили аванпостами неприятелю. Порыв их был непреодолим, палисады были разрушены в одни миг, испанцы сбиты, убиты, беглецы преследуемы так близко, что французы и испанцы вместе вошли в крепость. Флибустьеры тотчас бросились на артиллеристов, убили их у пушек, не давая времени

сделать последний залп, обернули жерла пушек против бежавших солдат и осыпали их картечью в упор.

Флибустьеры овладели Вяхиревым островком. Флот, уведомленный об этом результате, тотчас распустил паруса и вошел в озеро, чтобы приблизиться к городу.

Только несколько солдат успели убежать, другие были безжалостно убиты.

Флибустьеры нашли в крепости четырнадцать пушек большого калибра, оружие, порох и значительное количество провизии всякого рода.

Взятие крепости обеспечивало успех экспедиции. Отныне падение городов, лежавших на озере, было неизбежно, это был только вопрос времени.

Полковник, как обещал губернатору Маракаибо, храбро пал во главе своего гарнизона. Но эта смерть, как ни были достославна, осталась почти бесполезна, потому что крепость был взята менее чем в час.

XXI

МАРАКАИБО

После взятия Вяхиревого острова дорога до Маракаибо была открыта перед флибустьерами. Они остались властелинами озера и имели возможность напасть на все прибрежные города с возможностью на победу.

Успех экспедиции был почти обеспечен. Только море оставалось открыто, испанцы могли явиться во множестве, запретить вход в озеро, отрезать флибустьерам отступление и захватить их как в мышеловке. Надо было устранить, насколько возможно, угрожающую случайность, которая могла, если осуществится, уничтожить флибустьеров в их торжестве.

Монбар созвал военный совет, на котором прямо изложил положение дела.

Береговые Братья, упоенные своей победой, предоставили ему свободу принять меры, которые он сочтет необходимыми для общей безопасности.

Знаменитый флибустьер, основываясь на их согласии и руководимый осторожностью, а может быть также под

тайным влиянием планов, которые он составил давно и осуществление которых было ближе к его сердцу, чем богатства, прельщавшие его товарищей, оказался в этом случае достойным вверенного ему поручения.

Боясь компрометировать излишней поспешностью благоприятные шансы предприятия, он прежде всего занялся обеспечением отступления в случае урона. Вследствие этого, прежде чем продолжать действия, он разрушил Вяхиревый островок, крепость которого была скрыта до основания, и забил пушки, которые не имел ни средств, ни времени увезти с собой.

Как ни быстро ведены были эти работы, они потребовали довольно много времени, так что только через три дня после взятия крепости флот мог направиться к Маракаибо.

Велико было удивление флибустьеров, когда они нашли этот город совершенно брошенным. Монбар и его товарищи тотчас высадились и заняли лучше дома. Но адмирал, опасаясь засады, поставил посты у входа на Главную площадь в соборе и даже на улицах, выходящих в город. По принятии этих необходимых предосторожностей, флибустьерам дана была полная свобода предаваться веселью и грабежу.

Адмирал поместился в доме, который он прежде занимал во время своего первого путешествия, и для донны Клары были приготовлены комнаты в этом же самом доме.

С тех пор как флибустьеры овладели Маракаибом, донна Клара ухаживала за ранеными, по ее стараниям кабильдо был превращен в больницу и туда перенесены люди, раненые при взятии Вяхиревого островка. По милости разумных попечений донны Клары, многие скоро выздоровели. Донне Кларе помогали бедные женщины, оставшиеся в городе после отъезда жителей и безопасность которых она таким образом обеспечила.

Большую часть дней и часто ночей донна Клара оставалась в больнице среди больных, за которыми ухаживала и которых утешала кроткими словами, которые умеют придумывать одни женщины, потому что они черпают их из сердца.

Флибустьеры, первое время неприязненно смотревшие на донну Клару, переносившие ее присутствие с глухим ропотом, мало-помалу переменили свое мнение на ее счет. Как все крайние натуры, они резко перешли из ненависти и отвращения к самой глубине любви, к самому величайшему уважению и к самой неограниченной преданности к своей благодетельнице. Хищные звери превратились в ягнят, один знак, один взгляд донны Клары совершал чудеса. Эти люди обожали ее, как святую, горе тому, кто осме-

лился бы оскорбить ее — такая мысль не пришла бы в голову никому — сказать ей хоть какую-нибудь грубость!

Сам Монбар все более и более чувствовал влияние, которое эта кроткая и изящная натура принимала над его характером, и, вместо того чтобы сопротивляться общему увлечению, он подчинялся с тайным удовольствием очарованию, которое донна Клара разливала вокруг себя.

В одном отношении он оставался непроницаем, ни слезы, ни просьбы не могли сделать с ним ничего, когда донна Клара старалась изведать это сердце, глубокое как бездна, насчет его планов мщения; во всех других отношениях улыбка донны Клары тотчас исторгала у него требуемые уступки. Часто он предупреждал желания донны Клары по собственному побуждению, смягчая строгости, жертвой которых были несчастные испанские пленные.

Что касается Франкера, положение его было странное между флибустьерами, он был воспитан в ненависти к ним и, несмотря на свои усилия, не мог считать их своими товарищами. Часто он спрашивал себя, законно ли мщение, замышляемое им против испанцев, и следует ли ему считать всех своих соотечественников виновными в зле, которое сделал ему один человек.

Монбар внимательно следил за разными движениями, волновавшими душу молодого человека и отражавшимися на его лице как в зеркале, но он оставался безмолвен, не подстрекая его, не останавливая, сам не зная, как определить чувство, которое влекло его к Франкеру, и, не зная, несмотря на намеки донна Санчо и донны Клары, должен ли он видеть в нем сына, потерянного так давно, поэтому, несмотря на свое притворное равнодушие, он ждал с беспокойством, чтобы события раскрыли ему эту истину, которую он так желал узнать. Один человек знал эту тайну, от которой зависели в будущем счастье и несчастье Монбара. Человек этот был герцог Пеннафлор. Но как принудить этого неумолимого человека раскрыть эту тайну? Однако флибустьер не отчаивался, он ждал результата некоторых соображений, успех которых казался ему неминуем.

Но несчастнее всех был Филипп д'Ожерон. Между тем как его товарищи предавались радости торжества и забывали прошлые усталости и опасности в самых неистовых оргиях, он один был погружен в мрачное отчаяние.

Первая мысль об этой экспедиции, так быстро организованной, так искусно веденной, принадлежала ему. Это смелое предприятие, сначала заставившее отступить самых храбрых,

пришло ему в голову с единственной целью, для которой он жертвовал всем — соединиться с той, которую он любил, и эта цель, так долго преследуемая, эта надежда, лелеянная с такой страстью, ускользнула от него в ту самую минуту, как он думал, что достиг ее. Напрасно, подъехав к городу, подавал он свой сигнал, искал ее трепещущим сердцем в окнах домов, окаймлявших гавань, сигнал, отвечавший его сигналу; все оставалось холодно, безмолвно и мрачно.

Высадившись на берег, он побежал, обезумев от горя и опасения, к дому донны Хуаны. Дом этот был пуст, молодая девушка исчезла и не оставила никаких следов. Тогда с нетерпением и непоколебимой верой влюбленных, он принялся осматривать весь город, входил во все дома, отворял все двери, не мог поверить своему несчастью и каждую минуту ожидал увидеть внезапное появление той, которую он любил, хотя он знал, что город оставлен всеми жителями, и он должен был понять, что донна Хуана должна была сопутствовать им в побеге.

Потом, когда наконец он должен был поверить очевидности, когда он решительно убедился, что той, которую он любил, в городе нет, он заперся у себя дома и несколько часов оставался в таком полном унынии, что сам кавалер де Граммон, хотя его соперник, сжалился над его горестью и старался его утешить.

Филипп вышел из того уныния только затем, чтобы впасть в страшную ярость. Он пошел к Монбару и доказал ему, что оставленный испанцами город наверно скрывает засаду, и предложил обыскать окрестные леса.

— Общайте, друг мой,— сказал ему Монбар с тонкой улыбкой,— совет хорош, особенно от вас, исполните его сегодня же, и, если между людьми, которых вы, без сомнения, найдете, находятся женщины, которыми вы интересуетесь, я постараюсь причислить их к вашей доле.

— Благодарю,— ответил Филипп,— я запомню ваше обещание и напому его вам.

— Это будет бесполезно, друг мой, ступайте.

Филипп ушел без дальнейших разговоров, он метил начать охоту за человеком, он собрал шестьдесят флибустьеров и отправился вместе с ними.

Вечером он вернулся в Маракайбо. Они привели восемьдесят пленных, более пятидесяти мулов с добычей и деньгами суммой в сто тысяч франков.

— Браво! — сказал Монбар, когда он сделал ему отчет о своей экспедиции, — начинается хорошо, надо продолжать.

— Завтра, — ответил Филипп.

На другой день от отправился снова. Флибустьеры, привлеченные первым успехом, с большой охотой следовали за ним, тем более, что грабеж домов и церквей не произвел ожидаемого, это был понятно, жители имели необходимое время, чтобы увезти с собой свои богатства.

Охота продолжалась, таким образом, несколько дней с различным успехом, но почти всегда удачно. Флибустьеры были в восторге, один Филипп был в отчаянии, его товарищи не понимали его странного поведения, они готовы были считать его сумасшедшим.

— Вы не умеете братья за дело, друг мой, — сказал ему Монбар в один вечер, когда он с плачевным видом привел к нему сто мулов с добычей на двести тысяч франков, — предоставьте мне это дело. Есть у вас пленные.

— Человек сто, — ответил Филипп с вздохом.

— Хорошо, какие же это люди?

— Я на них не смотрел.

— Напрасно, пойдемте к ним со мной.

— Зачем?

— Вы увидите. Пойдемте же, черт побери! Куда заперли их?

— Кажется, в церкви Сан-Франциско.

— Хорошо, пойдемте.

Они вышли. Дорогой Монбар взял нескольких флибустьеров, не занятых и не совсем пьяных

Пленных действительно бросили в церковь Сан-Франциско, вторую в городе, двери караулили флибустьеры, которые пили и играли в карты. Монбар велел отпереть двери и вошел с Филиппом и со своей свитой.

Внутренность церкви представляла раздирающее душу зрелище. До трехсот несчастных мужчин, женщин и детей, были брошены в кучу, некоторые раненые хрипели на земле, другие жалобно стонали, потому что знали жестокость флибустьеров и им было известно, что единственное благодеяние, которое они могли ожидать от них, быстрая и немучительная смерть.

Монбар холодно обвел глазами эту отчаявшуюся толпу, которая невольно задрожала при виде этого человека с мрачным и неумолимым лицом, которого, по-видимому, радовали ее страдания.

— Питриан,— сказал Монбар,— у тебя тонкое чутье, выбери тех, которые, по твоему мнению, в состоянии заплатить хороший выкуп, и приведи ко мне.

Питриан стал прокладывать себе дорогу в толпе и с циничным равнодушием стал смотреть им под нос, иногда останавливаясь, чтобы вытолкнуть пленного из рядов, потом опять принимался за осмотр, свистя и смеясь с лукавым видом под нос своим жертвам.

Через десять минут он выбрал, таким образом, человек пятнадцать и привел их, дрожащих, к Монбару, принудив стать в одну линию.

— Хорошо, мой милый, теперь довольно,— сказал Монбар,— послушай-ка.

Питриан подошел.

— Приготовься,— сказал Монбар, сделав ему знак.

— А-а! — сказал Питриан.— Кажется, мы посмеемся.

— Как сумасшедшие, притом, это касается тебя.

— Очень хорошо, положитесь на меня.

Пленные не знали, зачем их отделили от товарищей и чего от них потребуют, но тайное предчувствие говорило им, что им угрожает ужасная опасность и несчастные дрожали как листья во время бури.

Монбар сделал шаг вперед и сказал пленным суровым голосом:

— Поговорим немного, кабальеро, вы люди значительные в городе, для чего же вы забились в норы, как кролики и лисицы, вместо того чтобы спокойно жить в своих домах, что было бы гораздо выгоднее для всех? Сумасшедшие, неужели вы думаете, что мы не узнаем, где спрятаны ваши товарищи и где они спрятали свои сокровища?

Пленные с ужасом переглянулись. Один решился наконец заговорить от имени всех.

— Наши сокровища,— сказал он.— в ваших руках, вы их захватили.

— Вы лжете, сеньор, но я знаю способ заставить вас говорить. Питриан, это твое дело, мой милый.

Питриан подошел, держа в руке веревку толщиной с мизинец, он два раза обернул ее около висков пленного, который говорил с Монбаром, сделал петлю и посмотрел на Монбара.

— Хотите отвечать на эти два вопроса? — спросил тот.— Где ваши товарищи? Где ваше золото?

— Не знаю,— сухо ответил пленный.

— Начинай, Питриан.

Питриан вынул из-за пояса пистолет, обернул дуло веревкой и начал вертеть пистолетом, так что веревка натянулась до того, что буквально вошла в тело. Боль, которую почувствовал пленный была ужасна. Глаза его как будто выскочили из впадин, лицо посинело, кровавая пена показалась на губах, он страшно закричал.— Отвечайте,— холодно сказал Монбар.

Пленный сделал страшное усилие, глаза его налились кровью, нервная дрожь пробежала по всем членам.

— Я не знаю,— прошептал он глухим голосом.— Господи, Боже мой! Сжался надо мной!

— Жми, Питриан,— сказал Монбар, пожимая плечами.

— Есть ли здравый смысл мучить себя таким образом,— философски сказал Питриан, вертя своим пистолетом.

— Я не знаю! Убейте меня, злодеи! — заревел пленный, лицо которого облилось кровью

Как не велика была твердость пленника, боль была так ужасна, что он признал себя побежденным. Монбар сделал знак, Питриан развязал веревку.

— Во дурак-то, давать отделать себя таким образом! — прошептал он.

Веревка так врезалась в тело, что Питриан был вынужден вынуть ее рукой. На пленнике не было человеческого лица.

— Говорите теперь, если вы, наконец, стали рассудительны,— сказал Монбар с насмешкой.

— Что же вы хотите знать? — спросил пленник, падая почти без чувств на плиты.

Но достойный Питриан sprыснул его водой, говоря:

— Бедняга! Ему трудно! Экая баба!

Оживленный этим странным лекарством, пленник приподнялся на коленях.

— Куда девались губернатор и его питомица? — спросил Монбар бесстрастно.

— Они в Гибралтаре.

— Вы это точно знаете?

— Да.

— А жители?

— Большая часть в лесу с гарнизонными солдатами, пуститесь за ними в погоню; они заставят вас дорого заплатить за ваше гнусное нападение.

— Итак, они решились сопротивляться?

— Они будут сражаться до самой смерти.

— Тем лучше, если эти люди хотят драться, это зна-

чит, что у них есть что защищать,— сказал Монбар, потирая руки.— Где они спрятали свои богатства?

— В Гибралтаре, в Мериде, в лесу.

— Ну и прекрасно! Вот по крайней мере положительные сведения. Прощайте!

— Будьте прокляты! — сказал пленный и покатился наземь

— Что с ним делать, бедняжкой? — с насмешкой спросил Питриан.

— Ба! — ответил Монбар, пожимая плечами.— Что ты хочешь? Он ни на что уже не годится.

Он повернулся спиной и вышел в сопровождении Филиппа.

— Ты знаешь, что хотел знать? — спросил Монбар Филиппа.

— Почти,— ответил тот.

— Чего еще ты хочешь?

— Спросить вас, кто вам сказал, что я люблю донну Хуану.

— Дитя,— сказал Монбар улыбаясь,— разве я не мог угадать?

Дойдя до площади, они услышали пистолетный выстрел и с живостью обернулись. Это Питриан прострелил голову пленнику, чтобы избавить его от нестерпимых страданий. У Питриана было, как видно, нежное сердце, исполненное сострадания к ближнему.

XXII

ГИБРАЛТАР

При выходе из церкви Монбар отпустил сопровождавших его флибустьеров и, взяв под руку молодого человека, направился к своему жилищу.

Оба береговые брата шли таким образом не обмениваясь ни одним словом, каждый размышлял.

Вдруг Монбар остановился и, взглянув прямо в лицо своему спутнику, спросил:

— О чем вы думаете, Филипп?

— Я? — ответил молодой человек, вдруг приподняв голову.— Я думаю, что Гибралтар набит богатством.

Монбар расхохотался.

— Вы совсем не об этом думаете, друг мой,— сказал он.

— Я! — вскричал Филипп.

— Конечно, хотите, я вам скажу, о чем вы думаете или, лучше сказать, о ком вы думаете?

— О! Вот уж об этом я с вами поспорю.

— Мы увидим,— с насмешкой ответил Монбар,— вот, буквально, о чем вы думаете.

— Нет, вы говорите себе, идя рядом и под руку со мной: «Какой странный этот Монбар, честное слово, он теряет время в Маракаибо, из которого жители все увезли, между тем как напротив него по другую сторону озера находится Гибралтар, город тем более богатый, что жители Маракаибо перенесли туда все свои драгоценности, ему стоит только, так сказать, протянуть руку, чтобы захватить все это, а он этого не делает, не считая того, что пользуясь этой экспедицией, я могу похитить женщину, которую я люблю, сокровище гораздо драгоценнее для меня, чем все бочки с золотом, находящиеся в Гибралтаре. Для чего же он теряет время вместо того, чтобы действовать против врагов, побежденных заранее и деморализованных нашими успехами?» Что, брат, угадал я вашу мысль?

— А если действительно такова моя мысль,— сказал Филипп со скрытым раздражением,— что вы мне ответите?

— Многое, друг мой. Во-первых, наши враги остерегаются. Если они укрылись в Гибралтаре, значит, они решились защищаться.

— Что за нужда!

— Для вас так, я это знаю, но для меня это другой вопрос, я не хочу сумасбродно бросаться в такое опасное предприятие, где мы будем иметь дело с людьми, скрывшимися в последнее убежище, которые дадут убить себя до последнего, а не отступят ни на шаг.

— Ну, мы их убьем.

— Я знаю, что мы их убьем, но ценой каких жертв, вот в чем вопрос. Притом, я жду с минуты на минуту положительных сведений, я не хочу ничего предпринимать, прежде чем не узнаю планы испанцев, чтобы составить мои планы, соображаясь с этим.

— Но кто даст вам эти сведения?

— Тот, кого вы хорошо знаете ваш бывший юнга Шелковинка, которого я позаботился забыть здесь, когда мы сю-

да приезжали, чтобы он мог сообщить нам все необходимое.

— Да. Шелковинка исчез, мы здесь уже две недели, а никаких известий о нем не имеем.

— Он найдется, будьте спокойны. Шелковинка слишком ловок, чтобы потеряться.

— Бедняжка! Его верно узнали, он убит.

— Он не так глуп, и доказательством служит то, что вот он здесь.

— Шелковинка? — вскричал Филипп.

— А кто же? Разве вы не видите, что он стоит у дверей вашего дома?

— Это правда! — радостно вскричал молодой человек. — Эй, юнга! — обратился он к мальчику, неподвижно стоявшему у дверей.

Мальчик осмотрелся вокруг и, узнав приближавшихся к нему двух человек, вскрикнул от радости и бросился к ним бегом.

— Откуда ты явился? — спросил Монбар, дружески ударив его по щеке. — Я думал ты умер.

— Умер! — вскричал юнга смеясь. — Это отчего, адмирал?

— Не знаю, — сказал Монбар, — но, так как мы ничего о тебе не слыхали по приезде сюда, мы думали, что ты убит или, по крайней мере, в плену у испанцев.

— Откуда ты? — спросил Филипп.

— Из Гибралтара, на плохонькой лодке, которую мне удалось украсть.

— Я узнаю тебя, ты проворен по-прежнему. Имеешь ты сообщить нам какие-нибудь важные известия?

— Многие, но не здесь, если для вас это не все равно.

— Ты прав, следуй за мной. Честное слово, этот мальчик преумный!

— Благодарю, капитан. Каким комплиментом надо вам отплатить? — сказал Шелковинка, смеясь.

— Не нужно, пойдем с нами, мы поговорим.

Они вошли в дом Филиппа в сопровождении юнги, который щелкал пальцами и строил гримасы, как обезьяна, грызущая орехи.

— Теперь говори, — сказал Монбар, когда они ушли в отдельную комнату, — и в особенности не распространяйся.

— О! Я буду говорить недолго, — ответил юнга, — что вы желаете знать?

— Куда девались жители, и что намерен делать губер-

натор дон Фернандо д'Авила, насколько я мог судить, это храбрый воин, я удивляюсь, как он еще не подал знака жизни после нашего вступления в озеро.

— Это очень просто, он вас ждет.

— Как! Он нас ждет?

— Вы сейчас увидите.

Юнга начал рассказывать, что произошло, каким образом губернатор узнал о прибытии флибустьеров на остров Оруба, и как, рассудив, что Маракаибо не может сопротивляться нападению, отдал приказание очистить город, и как губернатор уехал последний, удостоверившись, что все жители в безопасности на кораблях отправились на Гибралтар или в Мериду.

— Очень хорошо,— сказал Монбар,— я очень рад узнать, что я обязан этим приятным сюрпризом Агвиру, я после сведу с ним счеты.

— Неужели вы думаете, что он остался вас ждать? Как бы не так! Когда он высадил войска, которые ему поручили привезти на Вяхиревый островок, он не вернулся на озеро, а напротив, вышел в открытое море.

— Тем лучше,— сказал Монбар, потирая себе руки,— таким образом, я непременно его встречу. Но вернемся к губернатору, что он сделал?

— Он времени не терял, вы напрасно так долго оставались здесь.

— Господин Шелковинка дает советы,— смеясь сказал Филипп.

— Я повторяю, что слышал, капитан, вот и все.

— К делу, юнга, к делу! — с нетерпением вскричал Монбар.

— Вот и дело: как я уже вам говорил,— начал мальчик с серьезностью офицера, делающего рапорт,— жители Маракаибо укрылись в Гибралтаре и в Мериду, я должен прибавить, что они были приняты самым дружелюбным образом и что им сделали прием, которого заслуживало их несчастье. Когда все жители разместились, дон Фернандо д'Авила, воин старый, который не дремлет, и составил себе знаменитое имя в фландрийских войнах...

— Сократи похвалы,— перебил Монбар, топнув ногой.— Кажется, этот негодяй насмехается надо мной.

Шелковинка взглянул искоса на Монбара и, без сомнения, увидел, что минута неблагоприятна для обычных шуток, и продолжал свой рапорт более серьезным тоном.

— Дон Фернандо д'Авила,— сказал он,— взял с собой четырнадцать солдат, к которым присоединились четыре-

ста гибралтарских жителей, хорошо вооруженных. Этот избранный отряд наскоро построил окопы на берегу моря и сделал непроходимой дорогу к городу, а другую дорогу в лесу проложил, чтобы она служила ему отступлением.

— Вот это хорошо рассказано, мой милый,— весело сказал Монбар,— а можешь ли ты мне объяснить, как выстроены окопы?

— Это очень легко.

— Расскажи же.

— Сначала вырыли ров глубиной в десять футов и шириной в пятнадцать, насыпав земли откосом со стороны города, потом за этим откосом воткнули колья, чтобы поддерживать его, и сделали амбразуры для пушек.

— А пушки поставили?

— Целых двадцать пять.

— Гм! — сказал Монбар, качая головой.— Нам будет трудно овладеть этими окопами.

— Ба! — весело сказал Филипп.— Разве мы не взяли Вяхиревый островок?

— Это правда, но он не был так крепко защищен. Что делают испанцы, малютка?

— Ждут вас. Они уверены, что потопят всех нас.

— Это мы посмотрим.

— Да,— прибавил Филипп смеясь,— тем более, что мы плаваем довольно хорошо. Что вы решили, адмирал?

— Отправляйтесь на ваш корабль, любезный Филипп, вы скоро получите мои распоряжения.

— Итак, мы идем туда?

— Сегодня же, друг мой, вы довольны?

— Я в востроге.

— До скорого свидания, возьмите себе этого молодца.

Филипп вышел вместе с Шелковинкой.

— Теперь мы остались вдвоем,— обратился юнга к Филиппу.

— Как вдвоем?

— Да,— сказал мальчик с добродушной улыбкой,— у меня есть к вам письмо.

— Письмо ко мне? — вскричал молодой человек, вздрогнув.— Точно?

— Вот оно.

Он подал ему запечатанное письмо. Филипп схватил его и прочел с безумной радостью.

— Добрая моя Хуана! — прошептал он, целуя письмо несколько раз.— Итак, ты ее видел, Шелковинка?

— Кого это? — спросил мальчик с лукавым видом.

— Ту даму, которая мне пишет.

— Разумеется, уж как она вас любит, капитан, да какая она прекрасная и добрая! Это она меня прислала.

— Она ничего тебе не сказала?

— Извините, она все говорила о вас, я не кончу никогда, если стану повторять.

— Но ты знаешь, по крайней мере, где она живет?

— Еще бы! Я жил у нее в доме, я без труда отыщу ее.

— Ты останешься со мной, мы будем говорить о ней, ты мне расскажешь все, не правда ли?

— Я очень буду рад, если это доставит вам удовольствие, капитан.

— Я буду о тебе заботиться, ты добрый мальчик.

В тот самый день пушечный выстрел с адмиральского фрегата призвал все команды на корабле. Запаслись провизией, взяли с собой пленных, и флот снялся с якоря, оставив только один корабль перед Маракаибо, чтоб не допустить возвращения испанцев и обеспечить владение городом.

Донна Клара на бригантине, которой командовал Данник, и в сопровождении своего верного Бирбомоно, хотела следовать за экспедицией. Флибустьеры приняли это намерение с криками радости и признательности.

Переезд продолжался три дня, уже город показался флибустьерам с многочисленными загородными домами, опоясывавшими его. Монбар умолчал о сведениях, которые сообщил ему Шелковинка, и приказал Филиппу ничего не говорить, что тот позаботился исполнить. Он понимал важность молчания в экспедиции такой серьезной, затруднительность которой могла привести в уныние его товарищей, как ни были они храбры.

При виде мер, принятых для обороны, наводненных полей, испорченных дорог, палисадов и батарей, устроенных на берегу, береговые братья почувствовали на несколько минут ощущение неизвестное им и были поражены таким сильным паническим страхом, что Монбар понял, что все погибнет, если он не поправит этого самым скорым образом.

Флаг, поднятый на адмиральском фрегате, созвал тотчас военный совет, составленный из начальников флота и самых храбрых флибустьеров в экспедиции.

Когда все собрались в залу Совета, Монбар встал и, прежде чем кто-нибудь успел подать свое мнение, решительно заговорил.

— Братья, — сказал он кротким голосом, — я созвал вас на мой корабль, потому что с такими людьми как вы надо идти прямо к цели и говорить все как есть. Я не хочу от вас скрывать, что многочисленные затруднения угрожают успеху нашей экспедиции. Испанцы, узнав о взятии Маракайбо, успели приготовиться принять нас, они удалились сюда, чтобы блистательно отомстить за прошлые поражения. Солдаты их многочисленны и привыкли к войне, начальники опытни и поклялись умереть, а не сдаться. У них много пушек большого калибра и, конечно, большие магазины с боевыми снарядами. Вы видите, что я не скрываю от вас истины и обнаруживаю ее вам, но береговых братьев напугать нельзя, они не слабеют перед препятствиями. Если испанцы так решительны, это потому что все их богатства спрятаны в Гибралтаре. Надо завоевать эти сокровища, которые нас ждут, или потерять их вместе с жизнью. Если мы останемся победителями — а это будет — посмотрите, какая драгоценная добыча обещана вашему мужеству! Для чего фортуне сделаться неблагоприятной для нас после стольких милостей? Разве я уже не начальник ваш, человек, которого прозвали Истребителем? Следуйте моему примеру. Вспомните то время, когда, менее сильные, чем ныне, мы только тогда считали своих врагов, когда повергали их к нашим ногам. Не будем ниже нашей славы, если опасность велика, победа довольна богата, чтобы вознаградить наши усилия.

Эти слова, произнесенные человеком с твердым голосом и резкими движениями, которому они доверяли больше всех, произвели на флибустьеров необыкновенное действие. В них пробудились те сильные страсти, увлечение которыми решало их успех. Трепет гнева пробежал по их рядам, пыл сражения, надежда на грабеж засверкали в их глазах. Монбар понял, что он выиграл свое дело и что могущество его все тоже над умами его товарищей.

Не желая дать остыть этой восторженности, которой нужно было воспользоваться ради выгоды как можно скорее, он велел немедленно взяться за оружие.

— Вперед, братья! — закричал он громовым голосом — Если я паду во главе вашей, отомстите за мою кровь кровью испанцев. Но, если один из вас поколеблется или отступит, знайте, что трус, недостойный жить между нами, будет умерщвлен моим топором. К оружию, к оружию, братья!

— К оружию! К оружию! — закричали флибустьеры, махая кинжалами.

Эти крики, повторенные всем флотом, довели до неистовства пыл и восторженность флибустьеров.

На восходе солнца пятьсот человек, вооруженных только короткой саблей, парой пистолетов и тридцатью патронами, высадились на берег. Это были люди, старательно выбранные экипажем флота. Ступив на берег, они обнялись как люди, которым не суждено более увидеться, а потом, исполнив эту обязанность, решительно пустились в путь.

Вел их бедный испанец, взятый в Гибралтаре, которого привлекла на сторону флибустьеров надежда на богатую награду. К несчастью, этот человек не знал распоряжений, сделанных губернатором, а с другой стороны сведения, доставленные Шелковинкой, были недостаточны. Монбар скоро заметил это.

Проводник привел флибустьеров к дороге, проложенной в овраге, но они увидели, что по ней идти невозможно. Дорога эта там и сям была прорезана широкими ямами с острыми кольями. Они вынуждены были вернуться и сделать обход через лес, но их остановили другие препятствия, сделанные самой природой. Однако они дошли на ружейный выстрел к испанским окопам, но вдруг земля провалилась под ними и они увязли по колена в вонючей тине. В ту же минуту шесть пушек засыпали их картечью.

Однако ничто не остановило их, они продолжали продвигаться с решимостью, способной испугать самых старых солдат.

— Проходите через нас, мы победили! — кричали флибустьеры, которые падали изувеченные на грязную землю. — Вперед, братья, вперед!

Наконец флибустьерам удалось пройти это болото, в котором они боялись было потонуть, ноги их стали на твердую почву, мужество удвоилось. Они думали, что преодолели самые главные препятствия, когда вдруг из глубины, окружавшей их, раздался страшный залп. Батарея в двадцать пять пушек загремела у них сбоку.

Самые храбрые были опрокинуты, другие колебались и не смели идти вперед. Ужас передался всей команде. Батарея усилила огонь, ветер смерти пронесся над флибустьерами, ряды их сбились и масса нападающих в беспорядке отхлынула к болоту.

Если быстрая помощь не подоспеет к флибустьерам, они погибнут и победа останется за испанцами.

Но Монбар тут. Он видел все. В сопровождении Филиппа, Мишеля Бискайца, Тихого Ветерка, Пьерра Леграна, Питриана, Олонца и сорока человек других, решившихся победить или умереть, он успел пробиться сквозь огонь батареи, не будучи ранен. Прежде чем успели навести на него пушку, он бросился в сторону и добрался до редута.

Но как идти на приступ без лестниц? Он заплатит жизнью за свою смелость. Филипп шепчет ему на ухо, Монбар улыбается. Флибустьеры поворачиваются и бегут с громкими криками. Испанцы, воображая, что имеют дело с испуганными остатками расстроенного отряда, слушаются только своего бешенства, выходят из своих окопов и устремляются со шпагами в руках на своих ненавистных врагов.

Но тогда сцена изменяется. Именно этого ждал Монбар. Флибустьеры оборачиваются и начинается ужасная схватка. Испанцы, столь же храбрые, но не столь искусные, как их противники, в битве грудь с грудью, где сабля и кинжал единственное оружие, хотели вернуться в свои окопы, тем более, что артиллерия не могла действовать в этой смешанной массе иначе, как убивая и друзей, и врагов.

Нечего ждать сострадания, кровь лилась потоками, сражение перешло в бойню

Франкер заметил, что артиллерийский огонь погас, он собрал в кучу береговых братьев, оживил их мужество и привел на помощь Монбару. С этим победа окончательно перешла на сторону флибустьеров, и они вошли в редут по груде мертвых тел.

Шестьсот солдат и жителей Гибралтара нашли смерть в этой битве, остальные сдались и были безжалостно умерщвлены победителями².

Монбар, покровительствуемый непонятным счастьем, не получил ни одной царапины. Но более шестидесяти флибустьеров заплатили жизнью за эту победу; сто двадцать, пронзенные ужасными ранами, скоро также лишились жизни.

Гибралтар вынужден был сдаться:

² Рассказ об этой битве достоверен.

МОНАКО

Дон Фернандо д,Авила, по прибытии в Гибралтар, нанял очаровательный загородный дом на несколько ружейных выстрелов от города, но до такой степени скрытый в лесу, что нельзя было найти его, если не знать, где он находится.

Он снабдил его съестными припасами всякого рода, мебелировал роскошно, потому что, в случае нападения флибустьеров, он хотел, чтобы этот дом служил убежищем его питомице.

Как только показался флибустьерский флот, губернатор поспешил отвести под конвоем преданных слуг, донну Хуану и ее кормилицу в этот дом, где они на время находились в безопасности, потом отправился на место сражения, на пост, выбранный им для себя, который, разумеется, был самым опасным, приказав однако своим доверенным слугам держать наготове своих оседланных лошадей, для того чтобы, в случае поражения, обе женщины могли бежать в Мериду, куда он хотел отвезти их сам, если ему посчастливится выйти из сражения здоровым и невредимым.

Итак, обе женщины остались одни в чрезвычайном беспокойстве, которое увеличивалось от пушечных и ружейных выстрелов, звук которых внятно долетал до них.

Донна Хуана слушала со страхом, смешанным с надеждой, этот шум битвы, не смея желать успеха ни той, ни другой стороны, потому что с одной стороны находился ее опекун, а с другой человек, которого она любила. Не будучи в состоянии оставаться на месте, она беспрестанно переходила из одной комнаты в другую, выходила в сад, на двор, стараясь таким образом обмануть свое беспокойство. Наконец, не имея возможности преодолеть своего ужасного волнения, не рассчитывая последствий своего поступка или, лучше сказать, рассчитав их с тем иезуитством любви, которое оправдывает все, она решилась выставить на верх дома сигнал, о котором просил ее Филипп.

«Если испанцы победители,— говорила она себе,— это не будет иметь никаких последствий, и я не буду иметь недостатка в предлогах, чтобы объяснить тот сигнал, а если флибустьеры явятся сюда и увидят это знамя, оно сделается охраной, потому что это знамя одного из их главных начальников.»

Успокоенная этим рассуждением, донна Хуана взяла

знамя, которое всегда носила с собой в шкатулке, схватила копье, которое нашла вместе с другими копьями у стены в передней, и решительно пошла на крышу дома.

В испанских колониях крыши всегда сделаны террасами, по причине прекрасного климата, они служат по вечерам местом отдыха. Во многих американских городах крыши делают в виде висячих садов и убирают цветами и растениями.

Крыша дома, в котором жила донна Хуана, была сделана таким образом, прибавили даже боскет из померанцевых и лимонных деревьев, в котором молодая девушка иногда искала убежища, чтобы без принуждения предаваться своим мыслям, устремив свои глаза на море, которое ясно виднелось с этого высокого места.

Когда молодая девушка дошла до террасы, она внятно услышала шум ожесточенной битвы, происходившей недалеко в глубине леса. Притом, место, увенчанное облаком дыма, сгущавшимся над деревьями, легко было узнать.

— Боже мой! — прошептала она, набожно сложив руки и падая на колени. — Боже мой! Спаси дону Фернандо, Боже мой! Спаси моего возлюбленного Филиппа!

В эту минуту шум удвоился со страшной силой, молодая девушка приподнялась перекрестилась и решительно пошла к боскету, на вершине которого прикрепила шарф с копьем, которое служило древком знамени.

Потом, бросив боязливый взгляд вокруг себя, чтоб удостовериться, что ее не заметили, она сошла тихими шагами и уединилась в своих комнатах.

Шум битвы мало-помалу утихал и наконец совсем замолк.

Несколько часов прошло в полном спокойствии, во время которого донна Хуана и ее кормилица, ничего не зная о случившемся, находились в ужасном беспокойстве.

Солнце спустилось к горизонту, темнота сменила свет, наконец целая ночь прошла, а сон не смыкал веки донны Хуаны. Беспокойство молодой девушки становилось все сильнее, особенно по неведению, в каком она находилась, о том, что случилось в прошлое утро. Дон Фернандо, оставляя ее, обещал, если не сможет приехать сам, послать к ней гонца, который сообщит ей о результате нападения флибустьеров, прошли сутки, а гонец не являлся.

К восьми часам утра беспокойство донны Хуаны сделалось так сильно, что она не могла устоять и решилась во что бы то ни стало узнать в чем дело. Не слушая возражений кормилицы и почтительных просьб слуг, заклинавших

ее со слезами на глазах подождать еще, она оделась в мужской костюм, заткнула за пояс кинжал и пару пистолетов и приказала приготовить лошадь. Было много готовых оседланных лошадей, донна Хуана этого не знала, дон Фернандо отдал это приказание в ее отсутствие, слуги не хотели сказать это молодой девушке, и чтобы выиграть время, пошли за лошадью в конюшню.

Прошло несколько минут, во время которых донна Хуана ходила большими шагами по двору, прислушиваясь к малейшему шуму и чувствуя, что ее беспокойство увеличивается каждую секунду.

Вдруг она услышала в кустах довольно большой шум и показалось человек десять, среди которых она узнала дону Фернандо д Авила.

Молодая девушка бросилась к калитке и спешила отворить ее. Беглецы — в них легко было узнать беглецов по их беспорядочной и окровавленной одежде, по их бледным лицами — устремились на двор, калитка немедленно затворилась за ними. Дон Фернандо д Авила был ранен, он шел с трудом, опираясь и поддерживаемый одним из его спутников. Приметив донну Хуану, он вскрикнул от радости.

— Я успел вовремя! Благодарю тебя, Господи Боже мой!

Но произнеся эти слова, он без чувств упал на землю. Силы изменили мужеству. Донна Хуана бросилась к нему на помощь.

Дон Фернандо терял кровь из двух страшных ран, невозможно было в эту минуту думать о побеге. Молодая девушка приказал перенести своего опекуна в дом и начала оказывать ему попечения, которых требовало его положение, а спутников его поручила Чигале.

Эти бедные люди страдали не менее своего начальника, все были ранены более или менее, каждый их шаг оставлял на земле кровавые следы. Было чудом, что они успели добраться до дома, так были они слабы и изнурены.

Нечего было сомневаться, один вид этих людей говорил более самого подробного рассказа, это были беглецы, спасшиеся от смерти. Победу флибустьеров можно было прочесть на их чертах, искривленных испугом, и в диких взорах.

По распоряжению Чигалы, их положили на соломе под навесом и перевязали их раны.

Обморок дону Фернандо произошел от слабости, причиненной потерей крови и усталостью поспешного побега по непроходимому лесу, он скоро пришел в себя. Поблагодарив донну Хуану, он старался встать. Молодая девушка не допустила этого.

— Вы слишком слабы,— сказала она кротко,— подождите несколько часов.

— Ни одного часа, ни одной секунды! — вскричал он запальчиво.— Нас преследуют, я уверен в этом, надо ехать, бежать сейчас. Если я слишком слаб, чтобы держаться на лошади, пусть меня привяжут, но повторяю вам, дитя, надо бежать сейчас, каждая минута, потерянная вами, вычеркнута из вашей жизни.

— Хорошо. Если вы требуете, я повинуюсь.

— Да, да, повинуйтесь, где мои спутники?

— Лежат под навесом.

— Хорошо. Велите слугам взять оружие, спешите, спешите!

Вдруг он привстал на диван, на котором лежал, прислушался и вскричал с выражением неопisanного отчаяния:

— Слишком поздно, Боже мой! Слишком поздно! Вот они! Вот они! Заприте двери! Загородите все, или вы погибли!

Несмотря на усилия донны Хуаны удержать его, он бросился на двор, призывая слуг к оружию. Отрывистый лай слышался под листвой и быстро приближался к дому.

Скоро показалась огромная собака с взъерошенной шерстью, с высунутым языком, уткнув нос в землю, она как будто отыскивала след, и несколько раз слышался голос еще невидимого человека, который кричал по-французски:

— Ищи, Монако! Ищи, моя собака!

Добежав до калитки, собака остановилась и залаяла еще сильнее.

— Проклятый зверь! — вскричал дон Фернандо с бешенством.— Это он нашел наш след и выдает нас нашим врагам!

Он выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в собаку, но выстрел, плохо направленный, не попал в нее.

— Что вы сделали? — сказала ему донна Хуана.— Вы погубили нас!

Дон Фернандо с отчаянием опустил голову на грудь.

— Подожди, Монако,— продолжал голос,— держись, моя собака, держись!

Нападения на дом было неизбежно. Испанцы думали только о том, как бы храбро умереть, защищаясь, мысль о сдаче не приходила им даже в голову. Они слишком хорошо знали своих свирепых врагов.

Первою заботою Филиппа по прибытии в Гибралтар было, как и в Маракайбо, бегом отправиться с Шелковинкой, служившим ему проводником, в тот дом, где жила донна Хуана. Но тоже разочарование ожидало его: дом был пуст.

Напрасно молодой человек ходил из комнаты в комнату. Очевидные следы поспешного отъезда виднелись на

каждом шагу, молодой девушки не было. Филипп взял платок, забытый на стуле, платок еще влажный от слез, без сомнения пролитых донной Хуаной перед отъездом. Филипп несколько раз поцеловал этот платок и вышел в отчаянии, не зная, в какую сторону направить шаги.

— Я знаю,— сказал Шелковинка,— что у дона Фернандо есть загородный дом в окрестностях, но где находится этот дом, я не знаю, потому что никогда там не был.

— Что делать? — прошептал Филипп, прижимая платок к губам, как будто надеясь, что это легкая ткань откроет ему убежище его возлюбленной.

— Подождите, не все еще погибло! — вскричал Шелковинка.

— Что ты хочешь сказать? — с беспокойством спросил Филипп.

— Предоставьте мне, может быть, нам останется надежда.

Юнга приметил Данника, который в сопровождении своей собаки Монако гнался за испанцами.

— Эй, Данник! — закричал юнга.

Работник повернул голову.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Мне ничего,— ответил Шелковинка,— капитан д.Ожерон хочет что-то тебе сказать.

— Я здесь,— ответил работник.— Сюда, Монако!

Он подбежал к Филиппу, к которому чувствовал дружеское расположение после одной услуги, которую тот ему оказал.

— Чего вы желаете, капитан?

— Я? — с удивлением спросил молодой человек.

— Капитан хочет знать,— поспешил сказать Шелковинка,— так ли хорошо отыскивает Монако следы, как ты уверяешь?

— Стоит только испытать,— ответил работник, лаская свою собаку,— пусть ему покажут след людской или звериный, он найдет его.

— Это мы увидим, старикашка, пойдем с нами. Если он найдет след, который ему покажут, ты получишь тысячу франков, хочешь?

— Еще бы! Это все равно, что они у меня в кармане.

— Ба! Ты льстишь своей собаке.

— Монако хорошая собака,— серьезно ответил работник,— я ему не лъщу.

— Хорошо, пойдем. Эта собака отыщет нам то, что мы ищем,— сказал Шелковинка Филиппу.

— О! — вскричал молодой человек.— Если бы это было возможно!

— Кто нам мешает попробовать?

— Ты прав, — поспешно сказал Филипп, — попробуем.

— Ступайте за мной, — продолжал юнга.

Они пошли за город, только Филипп, по замечанию Шелковинки, что может быть им придется идти далеко, собрал по дороге человек тридцать флибустьеров, которые очень были рады следовать за ними.

Выйдя за город, они остановились.

— В какую сторону повернуть? — спросил Данник.

— Это зависит от твоей собаки, она должна нас вести, — ответил юнга.

— Дай понюхать это твоей собаке, — сказал Филипп Даннику, — отдавая ему платок.

— Смотри, старик, — прибавил юнга, — дело идет о тысяче франков.

— Будь спокоен, — продолжал работник, — я тебе говорю, что все равно, будто они у меня в кармане.

Он взял собаку за шею, дал ей понюхать платок и приласкал.

— Ищи, Монако, — сказал он, — ищи моя добрая собака, ищи!

Монако несколько раз обнюхал платок, уткнув нос в складки, потом поднял голову и устремил на своего хозяина глаза, в которых сверкал почти человеческий разум. Данник пустил его. Собака тотчас уткнула нос в землю и начала бегать, описывая круги, все суживавшиеся.

Вдруг она остановилась, подняла голову, два или три раза отрывисто залаяла и, взглянув на своего хозяина, помчалась прямо с быстротою стрелы.

— След найден, — сказал Данник.

— В погоню! В погоню! — Вскричал Филипп.

Флибустьеры бросились по следам собаки.

Было около семи часов вечера, когда юнга заметил Данника и когда ему пришла мысль употребить с пользою понятливость Монако. Солнце закатывалось. Несмотря на поздний час, флибустьеры решительно бросились вперед.

К двум часам утра собака, которую, из опасения потерять из вида ночью, вели на длинной веревке, выказала беспокойство и несколько раз возвращалась назад.

— Здесь прекрасный след, — сказал Данник, — мы сделаем хорошо, если остановимся здесь до восхода солнца.

Никто не возражал, этот безумный бег в продолжении нескольких часов по дорогам почти непроходимым ослабил, если не мужество, по крайней мере, их силы, сам Филипп был изнурен усталостью.

Остановились. Поместились кто как мог, чтобы провести ночь, и скоро заснули.

На рассвете флибустьеры проснулись, им достаточно было нескольких часов сна, чтобы возвратить все их силы. Собаку пустили снова, дав ей понюхать носовой платок, через две минуты она нашла след и пустилась так же скоро, как накануне, в сопровождении флибустьеров, во главе которых Данник беспрестанно кричал:

— Ищи, Монако! Ищи, моя добрая собака!

Это вторичный бег продолжался долго, к восьми часам утра собака, которую флибустьеры потеряли из вида на несколько минут, начала бешено лаять.

— Что-нибудь есть,— сказал Данник,— Монако остановился.

— Поспешим! — вскричал Филипп задыхаясь.

Данник опять стал подстрекать свою собаку, вдруг раздался пистолетный выстрел.

— Черт возьми! — закричал Данник, прыгнув как тигр.— Мою собаку убивают, держись Монако, мы здесь, мы здесь!

Собака продолжала бешено лаять, вдруг флибустьеры очутились перед домом, у которого остановился Монако.

— Кажется, мы дошли до конца следа,— сказал Данник.

— Славная собака! — вскричал Шелковинка.— И какая счастливая мысль пришла мне!

— Остановитесь,— сказал Филипп.

Он подошел и осмотрел дом, скоро радостное выражение показалось на его лице, он заметил знамя над боскетом.

— Наконец,— вскричал он с восторгом,— я нашел ее!

Не размышляя о неблагоприятии своего поступка, он пошел прямо к дому.

— Кто идет? — закричал грубый голос.

— Друг,— ответил он тотчас.

— У меня нет друзей между разбойниками, прочь, или я выстрелю.

Флибустьеры, предвидя битву, приготовили оружие. Но, против всеобщего ожидания, после этих грубых слов настало довольно продолжительное молчание, потом вдруг калитка отворилась и показались два человека: Дон Фернандо д'Авила и донна Хуана в мужском костюме. Филипп хотел броситься к ней, молодая девушка удержала его движением руки.

— Что вам нужно? — спросил дон Фернандо мрачным голосом.

— Чтобы вы сдали этот дом, которого не можете защищать,— ответил Филипп.

— Сдаться вам! — сказал губернатор с горькой усмешкой. — Лучше умереть с оружием в руках.

— Ваша жизнь и ваше имущество будут сохранены.

— Да, как и вы сохранили жизнь и имущество жителей Маракайбо и Гибралтара. Какое ручательство дадите вы мне в этом обещании?

— Мое слово, кабальеро, слово Филиппа д.Ожерона.

Наступило минутное молчание. Дон Фернандо с трудом сделал несколько шагов вперед, опираясь на шпагу.

— Выслушайте меня, — сказал он.

Молодой человек подошел.

— Я опекун этой молодой девушки, — продолжал он мрачным голосом. — Она сейчас призналась мне в своей любви к вам, как родилась эта любовь, я не стану расспрашивать теперь, она говорит, что вы честный человек и дворянин, поклянетесь ли вы мне уважать ее и защищать?

— Клянусь.

— Принимаю ваше слово, умирающим не лгут, а я умру.

— Сеньор! — вскричала молодая девушка.

— Молчите, Донна Хуана, время не терпит, дайте мне закончить. Эта молодая девушка была мне поручена ребенком герцогом Пеннафлором. В этом бумажнике находятся доказательства моих слов, возьмите его.

Он вынул из кармана бумажник и подал его молодому человеку.

— Вы клянетесь, что честно сдержите ваше слово?

— Не только относительно донны Хуаны, но и относительно ваших товарищей и вас, клянусь вам.

— О! Я сумею обеспечить себя, — сказал дон Фернандо со зловещей улыбкой. — Бог мне свидетель, что во время моей жизни я старался исполнять обязанности христианина и солдата, как честный человек, я умру, не упрекая себя ни в чем, донна Хуана, отворите дверь.

Молодая девушка поспешила повиноваться.

— Идите все, — сказал дон Фернандо твердым голосом, — бросайте оружие, вы пленники.

— Нет, — с живостью сказал Филипп солдатам, которые стали позади своего начальника, — сохраните ваше оружие, храбрецы, вы свободны, ступайте.

— Ступайте, ребята, — сказал губернатор, делая им рукою прощальный знак, — пользуйтесь позволением, так любезно дарованным вам, и поскорее укройтесь в безопасное место.

Видя, что они колеблются из привязанности к своему начальнику, дон Фернандо прибавил тоном не допускавшим возражения:

— Уходите, я этого хочу.

Бедняги бросились в чашу, среди которой исчезли, а флибустьеры не повернули даже головы.

— Благодарю вас за ваш благородный поступок,— обратился губернатор к Филиппу,— донна Хуана, будьте счастливы, сохраните воспоминание обо мне в вашем сердце, я любил вас как отец.

— О, мы не расстанемся! — вскричала молодая девушка, бросаясь к нему на шею.

Он печально улыбнулся.

— Мы расстанемся скорее, чем вы думаете, бедное дитя,— прошептал он, целуя ее,— я благославляю вас!

Он отстранил ее рукой и обернулся к Филиппу, который неподвижно стоял перед ним.

— Такой старый солдат, как я, пощады не принимает и не отдает своей шпаги никому, даже такому храброму дворянину, как вы,— сказал он,— прощай все, что я любил! Да здравствует Испания!

Прежде чем можно было догадаться о его намерении, он выхватил из-за пояса пистолет и прострелил себе голову.

Донна Хуана вскрикнула с отчаянием и бросилась к нему, Филипп подхватил ее на руки бесчувственную.

— Молчите обо всем, что происходило здесь, товарищи,— сказал молодой человек флибустьерам.

— Клянемся! — ответили она, невольно взволнованные этой трагической и неожиданной сценой.

— Ей-богу, жаль, что он убил себя! — вскричал Даник.— Храбрый был солдат, клянусь моей душой!

XXIV

ДОБЫЧА

Прошел месяц после взятия Гибралтара, флибустьеры вернулись в Маракайбо, куда возвращение их походило скорее на побег, чем на торжество.

Флибустьеры бежали не от людей, а от врага гораздо страшнее и неумолимее: чумы.

Мы в двух словах расскажем причины появления чумы, заставившей победителей так поспешно ретироваться.

Испанские пленные были навалены как попало в церк-

вах, женщины и дети, старики, даже рабы, все находились вместе. Их заперли и забыли о них, они умерли с голода и их страшные крики ни на минуту не отвлекли флибустьеров от грабежа, который они, по своему обыкновению, методически организовывали, принося с честью замечательной в подобных людях, все вещи в общую массу, в ожидании раздела. В первое время трупы испанцев валили на негодные лодки и топили в море, но флибустьерам скоро надоела эта отвратительная работа, так что пленные, умиравшие от голода в церквях, и флибустьеры, погибавшие каждый день от ран в своих домах, не были прикрыты землею и становились добычею насекомых и хищных птиц.

Это возмутительная небрежность принесла плоды, открылась чума, что было неизбежно в таком жарком климате. Много флибустьеров умерло почти скоропостижно, у других раскрылись прежние раны и сделался антонов огонь.

Наконец смертность стала так велика, что флибустьеры поняли, если они останутся долее в Гибралтаре, то ни один не вернется на Черепашу.

Монбар отдал приказание к отъезду, однако, прежде послал двух флибустьеров к беглецам, спрятавшимся в лесу, сказать, что если в два дня они не заплатят десяти тысяч пиастров, то город будет сожжен.

Срок прошел, деньги не появлялись. Монбар, неумолимый как всегда, велел зажечь город. Немногие жители, оставшиеся в городе, бросились к ногам свирепого флибустьера, обещая двойной выкуп, если огонь пощадит остатки их опустошенных домов. Монбар согласился на новую отсрочку, двадцать тысяч пиастр было отсчитано, к несчастью, половина города была уже уничтожена пламенем.

Так простились флибустьеры с несчастным Гибралтаром, где оставили только обломки и трупы.

Жители Маракайбо вернулись в свой город, возвращение флибустьеров снова повергло их в отчаяние. Монбар наложил контрибуцию в тридцать тысяч пиастров, если жители хотели избавиться от нового грабежа. Сопrotивление было невозможно, жители согласились.

Тогда флибустьеры овладели городом, и пока главные жители Маракайбо собирали обещанный выкуп, флибустьеры, под предлогом, что монастыри и церкви не включены в договор, принялись с беспримерным рвением грабить ук-

³ Исторически верно

рашения с алтарей, распятия, священные сосуды и даже колокола, иронически отвечая на робкие представления жителей, что они хотели употребить эти вещи на сооружение капеллы Божьей Матери Победы на острове Черепаха.

Наконец тридцать тысяч пиастров были заплачены флибустьерам, и жители, желая, чтобы они поскорее удалились, дали им сверх того пятьсот быков на прокормление флота.

В первый раз верные своему обещанию, флибустьеры приготовились оставить страну, так страшно опустошенную ими, когда вдруг Монбар узнал от Франкера, которого он посылал на рекогносцировку на бригантине, что многочисленная испанская эскадра крейсирует в виду берегов. Это известие, которого без сомнения ожидал Монбар, причинило ему сильную радость и изменило его намерения относительно отъезда.

Знаменитый начальник знал, что люди, которыми он командовал, мало заботились о славе без барыша, и что, если он не примет предосторожностей, они его бросят, если по выходе из озера он должен будет принять сражение, которое, по всей вероятности, предложит ему испанский адмирал. А Монбар только в надежде на это сражение задумал экспедицию, столь смело проведенную, и результаты которой были так выгодны для флибустьеров.

Он вдруг велел приостановить приготовления к отъезду, объявил о присутствии неприятеля со значительными силами и прибавил, что в ожидании готовящихся событий, вместо того, чтобы делить добычу на Коровьем острове, как было условлено заранее, раздел будет произведен в Маракаибо, чтобы каждый, вступив в обладание своими богатствами, защищал их с большим жаром, если придется вступить в бой с испанцами.

Решение это было благоприятно принято флибустьерами, которые, несмотря на доверие к своим начальникам, очень желали сами распоряжаться своей добычей.

Назначено было сойтись на другой день, в восемь часов утра, в главной церкви Маракаибо, которая была приготовлена для их приема.

В назначенный час флибустьеры вошли в церковь с оружием и молча стали направо и налево, для начальников были поставлены скамьи и они садились по мере прибытия их команд. Посреди церкви лежала огромная груда награбленных вещей, двойная добыча из Маракаибо и Гибралтара.

Флибустьеры слушали обедню в глубоком благоговении, молились усердно и оставались на коленях все время службы.

По окончании обедни адмирал встал со своего места и, протянув руку к Евангелию, поклялся, что он ничего не скрыл из общей массы и имеет притязания только на законную долю назначенную ему уставом.

По окончании этой церемонии сосчитали добычу, которая оказалась, считая вещи и сломанное серебро, оцененное в десять экю за фунт, на огромную сумму шестисот тысяч пиастров, то есть на три миллиона франков на наши деньги, не считая пятидесяти тысяч пиастров, или двухсот тысяч франков наличными деньгами, награбленными матросами, которые, по обычаю, предоставили им.

Отложив долю короля, отдали каждому флибустьеру его долю, сделав однако вычет для раненых и хирургов эскадры, что было им выплачено деньгами и рабами, потом долю умерших отложили для их родных и друзей, когда они представят подлинные доказательства своей личности.

Следует сказать, что раздел закончился без ссоры и к полному удовольствию каждого.

Когда все флибустьеры ушли и в церкви остались одни начальники, кавалер де Граммон остановил их в ту минуту, когда они собирались выйти из церкви.

— Извините, братья, — сказал он, — я имею предложить важное замечание Совету.

— Говорите, — ответил адмирал от имени всех, — мы слушаем вас.

— В нашем договоре сказано, что всякая добыча, считая и невольников, должна быть поровну разделена между нами.

— Это действительно написано в договоре, — ответил Монбар.

Флибустьеры сделались внимательны. Граммон разменялся взглядом вызова с Филиппом и продолжал со злою улыбкой:

— Каким же образом, один из нас, главный офицер флота, словом, человек, который по своему званию и имени обязан подавать пример не только бескорыстия, но и честности, сам взял себе невольницу и скрыл ее от раздела?

— Если кто-нибудь из нас сделал этот дурной поступок, — строго сказал Монбар, — он виновен вдвойне: во-первых, в том, что обманул своих братьев, а потом в том, что изменил договору и клятве, свободно произнесенной над Евангелием при всех, скажите нам имя этого человека и он будет наказан.

— Этот человек... — начал Граммон насмешливым тоном.

Но Филипп положил ему руку на плечо и перебил его.

— На это я должен отвечать, кавалер де Граммон,— сказал он,— потому что вы обвиняете меня, позвольте же мне помешать вам сделать низость

— Низость! — вскричал де Граммон, заревев как тигр.

— Я произнес это слово и стою на нем, я дам вам удовлетворение, когда вам будет угодно.

— Сейчас.

— Кончим прежде первое дело, так некстати начатое вами, другое придет в свою очередь, будьте спокойны.

— Успокойтесь, Граммон, а вы Филипп, говорите. Что вы можете сказать в вашу защиту? — сказал Монбар с холодным спокойствием.

— Женщина, или лучше сказать молодая девушка, о которой идет речь, действительно была взята мною в плен, правда и то, что я не поместил ее с невольниками в общую долю. Я могу сослаться на слова самого Монбара, который в награду за то, что я придумал эту экспедицию, дал мне право сохранить для себя невольника или невольницу, каких я захочу. Я уверен, что Монбар не отопрется от своего слова.

— Конечно нет! — вскричал адмирал.— Капитан Филипп говорит правду, я думал, что власть, дарованная мне братьями, дает мне право предложить это недостаточное вознаграждение человеку, которому мы обязаны такой богатой добычей.

— Вы имели это право, брат,— сказал Пьерр Легран,— говоря таким образом, я кажется передаю чувства наших братьев.

— Да, да! — ответили начальники.

— Граммон неправ,— ответил Тихий Ветерок.

Капитан закусил губы до крови, чтобы не отвечать.

— Стало быть, я совершенно оправдан в ваших глазах, братья,— сказал Филипп.

— Да, да,— закричали они.

— Благодарю вас, но не буду оправдан в моих глазах, если не скажу вам всего.

— Говорите, брат, говорите!

Филипп обернулся к исповедальне, находившейся с правой стороны церкви, в боковой капелле.

— Пожалуйста, сеньора,— сказал он.

Исповедальня отворилась и донна Клара подошла к начальникам. Те почтительно поклонились ей, поклонился ей и Граммон с краской стыда на лбу, потому что он начал понимать всю гнусность своего поступка.

— Господа,— сказала донна Клара,— на другой день после взятия Гибралтара, в шесть часов вечера, капитан Филипп

привел ко мне в дом молодую женщину и старую служанку. Молодая женщина страдала ужасными нервными припадками, я предложила капитану оставить ее у себя и иметь о ней попечение, капитан именно этого и желал, он привел ее ко мне с этой целью. Эта молодая женщина заинтересовала меня, мне удалось ее спасти. Я просила капитана отдать ее мне, он отвечал, что услуги, оказанные мною экспедиции, оправдывают требование с моей стороны, и что с этой минуты я могу располагать участью этой несчастной молодой девушки. Вот как все было, с тех пор бедная пленница оставалась у меня, помогая мне всеми силами в предпринятой мною обязанности.

— Сеньора,— ответил Монбар со сдержанным волнением,— мы все обязаны благодарить капитана Филиппа за его благородное поведение в этом обстоятельстве. Эта молодая девушка принадлежит вам.

Граммон преклони колено перед донной Кларой.

— Сеньора,— сказал он задыхающимся голосом,— я поступил как негодяй, но вы ангел и меня простите.

— Встаньте,— сказала она кротким и печальным голосом,— я вам прощаю и сожалею о вас.

Донна Клара поклонилась флибустьерам, которые почтительно преклонились перед нею и медленными шагами вышла их церкви.

— Теперь, капитан,— обратился Граммон к Филиппу,— я загладил относительно этой дамы сделанную мною ошибку, но вы...

— Остановитесь,— вмешался Монбар,— вы знаете хорошо наши законы. Разве вы не помните, что дуэли невозможны между береговыми братьями во время экспедиции и что вы подвергаетесь смертной казни, предлагая дуэль одному из своих братьев? Возвращайтесь на свой корабль, капитан. Ни слова более вашему противнику, вы будете драться, когда приедите на Черепаху, а до тех пор ни угроз, ни вызова.

— Я буду ждать до Черепахи,— вскричал Граммон с бешенством,— но тогда!..

— Тогда действуйте по-своему. Братья,— прибавил он,— через час мы будем под парусами. Приготовьтесь хорошенько принять испанцев, если они намерены оспаривать у нас проход.

— Пусть-ка попробуют! — вскричал Тихий Ветерок.

Они вышли из церкви и направились к гавани, где их ждали шлюпки.

Несмотря на предосторожности, принятые Монбаром,

чтобы его товарищи, зная о присутствии испанской эскадры в озере, не знали из скольких кораблей состоит она и сколько на ней людей. В ту минуту, как флот снимался с якоря, радостные крики жителей Маракайбо открыли всю истину флибустьерам.

Двенадцать военных кораблей, четыре тысячи шестьсот человек и четыреста пушек большого калибра стояли у входа в озеро и совершенно загораживали путь. Сверх того, Вяхиревой островок, разрушенный флибустьерами, был исправлен, снабжен многочисленной артиллерией и гарнизоном в пятьсот человек. Вице-король лично находился на эскадре.

Это громовое известие оледенило мужество самых неустрашимых авантюристов. Они впали в глубокое оцепенения и не хотели пробивать себе путь.

Действительно, положение флибустьеров было самое критическое: их корабли, плохо вооруженные, не были в состоянии померяться силами с военными кораблями. Сверх того, чума уничтожила около трети их товарищей и, таким образом, число сражающихся, уменьшенное еще ранеными, неспособными принимать участие в сражении, значительно убавилось. Словом, флибустьеры насчитывали не более полуторы тысячи человек, которые были в состоянии сражаться.

Между тем в Маракайбо прибыла бригантина под парламентским флагом. Бригантина эта привезла начальникам экспедиции письмо вице-короля, в котором им предлагали сдаться. Письмо это кончалось страшным параграфом, который оледенил ужасом самых храбрых.

«Если завтра на восходе солнца я не получу двадцать аманатов, в числе которых должны находиться непременно Монбар-Истребитель, Френкер, Филипп д Ожерон, Пьерр Легран, Олонец, Граммон, Морган, Красивая Голова, я сам войду в озеро, возьму вас в Маракайбо и, хотя бы вы превратили этот город в горнило, я сумею вас захватить и поступить с вами как вы заслуживаете.»

Письмо это, надменное и грозное, перешло за цель, которую предположил себе вице-король. Отняв у флибустьеров всякую надежду на успех, оно возвратило им их свирепость и неукротимую отвагу. Они пришли в негодование, что с ними обращаются с таким презрением.

Монбар захотел, чтобы это письмо было прочтено всем береговым братьям.

— Я не узнаю вас, товарищи! — вскричал он. Это вы позволяете оскорблять себя таким образом человеку, который никогда не мерялся с нами? Или вы решились подверг-

нуться постыдному наказанию, которым дерзкий враг хочет заклеить ваше мужество? Хорошо! Покоряйтесь, но я не стану разделять вашего малодушия. Я считал себя начальником неустрашимых корсаров, если я ошибся и вы более ничего, как бабы, дрожащие при звуке голоса испанца, я не хочу вас знать. Вы свободны, ступайте, протягивайте ваши руки цепям и целуйте руку палача!

Эта пылкая речь была принята с глухим ропотом, краска стыда выступила на лбу флибустьеров, гнев возвратил им мужество.

— Веди нас к неприятелю! — закричали они, — пока останется капля крови в наших жилах, иди вперед, Монбар! Даже раненые последуют за тобою ползком.

— Вы решили повиноваться мне? — спросил он.

— Да, да, приказывай, мы твои!

— Ну, — продолжал Монбар, снимая шляпу и прикладывая руку к сердцу, — клянусь вам, товарищи, что этот дерзкий испанец заплатит жизнью за свое хвастовство и что мы выберемся здоровы и невредимы из засады, в которую он слишком рано льстит мыслью нас завлечь!

— Да здравствует Монбар! — с восторгом заревели флибустьеры.

При этих словах всякое опасение исчезло, флибустьеры были уверены в победе.

— А теперь, — продолжал Монбар, — поклянитесь, товарищи, что вы будете драться до последнего вздоха, не требуя пощады.

— Клянемся! — закричали они в один голос, махая оружием над головой.

Монбар обернулся к испанскому офицеру, который присутствовал возле него при этой сцене.

— Воротитесь к вашему начальнику, сеньор, — сказал он ему с презрением, — и перескажите ему, что вы видели и слышали. Пусть он узнает, что береговые братья предписывают условия, но не принимают их никогда. Поезжайте, сеньор, ваше поручение исполнено. Вам нечего больше делать между нами. Прощайте!

Офицер поклонился и вышел в сопровождении Моргана, который довел его до бригантины, чтоб защитить от оскорблений флибустьеров, которых много ходило по улицам и которые, будь парламентар оди́н, зарезали бы его без всякого зазрения совести: так велика была их ненависть к испанцам, особенно в эту минуту.

Морган вежливо простился с парламентаром и вер-

нулся к своим товарищам, собравшимся на совет в ту церковь, где утром происходил раздел .

Очутившись в безопасности на своем корабле, испанский офицер вздохнул с облегчением. Он не надеялся так дешево отделаться от подобных людей. Не теряя времени, он снялся с якоря и через десять минут бригантина на всех парусах направилась к фрегату вице-короля. Но офицер считал себя в совершенной безопасности, только когда флибустьерский флаг совершенно исчез позади него и когда он увидел высокие мачты испанских кораблей.

XXV

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Ненависть — дурная советчица. Герцог Пеннафлор, руководствуясь своею ненавистью к Монбару, сделал большую ошибку.

Ели бы он неожиданно вошел в озеро и напал на флибустьеров, испуганных его внезапным нападением во главе сил в десять раз многочисленнее их собственных, нет никакого сомнения, что он победил бы их и принудил если не положить оружие, то по крайней мере возвратить добычу и невольников и отказаться, может быть надолго, от смелых нападений на испанские колонии.

Но герцог Пеннафлор, ставя свою ненависть выше своей обязанности и поставив флибустьеров между бесславием и смертью возвратил им всю энергию и внушил намерение вести смертельную борьбу и надежду спастись от него посредством отваги.

У Оливье Оксмелена, флибустьера и хирурга флота, написавшего подробный рассказ об этой экспедиции, где он натурально был действующим лицом, заимствуем мы подробности о средствах, употребленных Монбаром, чтобы выпутаться с честью из затруднительного положения, в котором он находился. Знаменитый авантюрист никогда не выказывал большей находчивости, как в этом обстоятельстве. Мы должны сознаться, что и им также руководила ненависть, но эта ненависть не ослепляла его до такой степени, чтобы за-

ставить забыть обязанности начальника. Если он желал отомстить человеку, не умолимая ненависть которого преследовала его столько лет, он хотел прежде всего спасти людей, вверивших себя ему. Он действовал соображаясь с этим, оживив убеждениями упавшее мужество своих товарищей. Он сам подал пример энергии и силы воли, пренебрегающей всеми препятствиями. Хитрость должна была сделаться самым могущественным его оружием для того, чтобы восторжествовать над испанцами. Он хитрость и употребил.

Первым распоряжением его было обеспечить себя против вероятного возмущения пленных, которое поставило бы его в положение почти отчаянное. Пленные испанцы, аманаты, привезенные из Гибралтара, были по его приказанию крепко связаны и отданы под самый строгий караул.

Потом он выбрал между самыми большими кораблями самый старый, наименее способный держаться в море и решился сделать из него брандер. Он велел перенести на этот корабль смолу и серу и то количество пороха, без которого он мог обойтись, потом сделал бомбы из смолы и серы, которые можно было бросать как гранаты, и принял все меры, чтобы обеспечить успех этих ужасных разрушительных машин. Борт брандера был сделан тоньше, чтоб легче мог разорваться, когда наступит минута действовать. По его приказаниям на палубу положили чурбаны, грубо обтесанные и обернутые матросским платьем, в шляпах с широкими полями, с оружием и знаменами, так что издали эти фигуры можно было принять за солдат, ожидавших неподвижно минуты стрелять у упор в неприятеля.

В боках сделаны были амбразуры, в которые поставили бревна, выкрашенные как пушки, подняли французский флаг. Словом, находчивый гений Монбара не забыл ни малейшей хитрости, чтобы придать брандеру вид французского военного судна, хорошо вооруженного.

Эта адская машина была поставлена в авангарде. Другие корабли сгруппировались в небольшом расстоянии позади. В середине флота на одном корабле поместили всех пленных мужчин, женщины и дети, золото и драгоценные вещи — словом, вся добыча была помещена на корабль, которым командовал Тихий Ветерок, которому было приказано взорваться на воздух скорее, чем сдаться.

Окончив эти приготовления, флибустьеры съехали на берег и отправились в церковь. Потом, не делая никаких беспорядков в городе, опять уехали на корабли.

Жители невольно были поражены мрачными и реши-

тельными лицами флибустьеров. Они поняли, что эти люди жертвовали своей жизнью, и внутренне дрожали при мысли о результате страшной борьбы, которая начнется между ними и испанской эскадрой.

Было около четырех часов вечера, когда все флибустьеры вернулись на корабли. Монбар не хотел сниматься с якоря до наступления ночи. Он рассчитывал на темноту безлунной ночи, чтобы незаметно приблизиться к проходу.

Монбар шесть дней делал свои приготовления, несмотря на свой дерзкий вызов, испанцы не входили в озеро, ничто не показывало, чтобы они думали привести в исполнение свою угрозу и пройти за флибустьерами в Маракаибо.

Монбар ушел в свою каюту, удостоверившись в зрительную трубу, что во флоте все готово и что капитаны ждут только его сигнала, чтобы сняться с якоря. Через несколько минут дверь его каюты отворилась и вошли донна Клара и Франкер. Монбар сделал им приветствие рукой и пригласил садиться.

— Извините меня,— сказал он,— что я просил вас прийти сюда, а особенно прийти вместе. Я желаю немедленно говорить с вами обоими.

— Я к вашим услугам, адмирал,— ответил молодой человек поклонившись.

— Я жду, чтобы вы объяснились,— кротко сказала донна Клара.

Монбар молчал несколько минут, потупив голову и нахмутив брови. Однако мало-помалу лицо его прояснилось, он поднял голову и заговорил тихим и сдержанным голосом, в котором слышались последние звуки едва сдерживаемого волнения.

— Я хочу дать вам объяснение,— сказал он,— особенно вам, дон Гусман.

— Адмирал, я уже не называюсь таким образом,— с живостью сказал молодой человек.

Донна Клара положила ему руку на плечо.

— Не прерывайте адмирала,— сказала она.

Молодой человек взглянул на нее с удивлением, но увидел в ее чертах такое выражение доброты и мольбы, что поклонился в знак согласия.

— Великий час, которого я жду столько лет, наконец настал,— продолжал Монбар,— завтра на восходе солнца я увижу лицом к лицу, надеюсь в последний раз, неумолимого врага, ненависть которого преследовала меня всю

жизнь. Господь, суд которого непогрешим, будет судьей между герцогом Пеннафлором и мной.

— Герцогом Пеннафлором! — вскричала донна Клара, с испугом сложив руки.

— Герцогом Пеннафлором! — с изумлением прошептал молодой человек.

— Да, разве вы этого не знали? — продолжал Монбар с горечью, — Герцог Пеннафлор, вице-король Новой Испании, лично находится на неприятельской эскадре. Увлекаемый ненавистью, он захотел присутствовать при гибели своего врага. Но оставим это и перейдем к вам, дон Гусман. Я не хотел против вашей воли увлекать вас в смертельную битву с человеком, который заботился о вашей юности и которого, до доказательств в противном, вы обязаны считать вашим благодетелем. Я не хочу насиловать вашу совесть, — сказал Монбар с выражением жестокой иронии, которое заставило задрожать слушателей, — вы будете свободны оставаться нейтральными в битве, если ваши чувства побуждают вас к этому.

— Ах, милостивый государь! — вскричал Франкер.

— Подождите! — с живостью вскричал Монбар. — Я еще не кончил.

— Боже мой, — прошептала донна Клара, — что вы хотите сказать?

— Все, — ответил Монбар хриплым голосом, — потому что час открытий пробил, истина должна наконец обнаружиться. Этот молодой человек должен быть судьей в своем собственном деле и сделать выбор между своим отцом и благодетелем!

— Моим отцом? — вскричал молодой человек. — Вы произнесли эти два слова: моим отцом!

— Да, дон Гусман, потому что все доказывает мне, что вы мой сын. Бумаги, отданные умирающим доном Фернандо д Авила Филиппу д Ожерону, почти не оставляют мне сомнений на этот счет.

— Простите меня, я схожу с ума, я не понимаю. Вы мой отец?

— Выслушайте меня. У герцога был дочь. Я случайно спас жизнь этой дочери. В то время я был блистательным дворянином, исполненным веры, пылкости и надежды, и служил офицером во флоте французского короля. Герцог поощрял мою любовь к его дочери. Он, так сказать, толкнул ее в мои объятия, а так как Франция и Испания были тогда в войне, он тайно обвенчал нас в Кадиксе. Но через несколько дней после этого брака герцог вдруг увез от меня свою дочь, бе-

жал с нею, и когда я пришел к нему в дом требовать моей жены, он уехал, поручив слуге отдать мне эту записку.

Монбар вынул бумажник из кармана, а из бумажника бумагу, пожелтевшую от времени.

— Вот что заключалось в этом письме, — сказал он, — слушайте.

Он прочел голосом, дрожащим от гнева, а может быть от горести:

«Граф, вы не женились на моей дочери, я обманул вас ложным браком. Вы никогда не увидите ее... она умерла для вас. Уже много лет неумолимая ненависть существует между вашей фамилией и моей. Я вас не отыскивал, сам Господь свел вас со мною. Я понял, что он предписывает мне мщение. Я повиновался Ему. Кажется мне навсегда удалось разбить ваше сердце. Любовь, которую вы питаете к моей дочери, искренна и глубока. Тем лучше, вы будете больше страдать. Прощайте, граф. Послушайте меня, не старайтесь увидаться со мною. На этот раз мое мщение будет еще ужаснее. Моя дочь выходит через месяц за того, кого она любит и кого она любила всегда.

ДОН ЭСТЕВАН СИЛЬА, ГЕРЦОГ ПЕННАФЛОР.»

— О это ужасно! — вскричал молодой человек, закрыв голову обеими руками.

— Это еще не все, — продолжал Монбар, холодно складывая письмо и кладя его в бумажник, — я гонялся за герцогом по Испании и Италии, я въехал вслед за ним во Францию, где нагнал его наконец в жалком местечке в нескольких лье от Парижа. Я потребовал от него моей жены, потому что его дочь принадлежала мне. Его дочь месяц назад родила сына, которого герцог отнял у нее, прежде чем она успела дать первый поцелуй этому невинному созданию.

— Пощадите, пощадите ради Бога! Разве я недостаточно наказана! — вскричала донна Клара, в слезах падая к ногам Монбара.

Он смотрел на нее с минуту со странным выражением, потом наклонился к ней, нежно поцеловал ее в лоб и тихо приподнял.

— Горесть освящает. Вы очень страдали, бедная женщина, — сказал он с волнением, — будьте прощены.

— Моя мать! Это моя мать! О, сердце говорило мне это! — вскричал молодой человек, бросаясь в открытые объятия донны Клары. — У меня есть мать! Боже мой! Боже мой! У меня есть мать!

— Сын мой! Ах, наконец! — вскричала в то же время донна Клара, прижимая его к груди.

Они смешали свои слезы и поцелуи.

— Увы! Вот после многих лет первая секунда радости, дарованная мне небом,— прошептал Монбар, опуская голову на грудь,— могу ли я возвратить счастье этим двум обожаемым существам?

Донна Клара вдруг оттолкнула своего сына и указывая на Монбара, который смотрел на них улыбаясь, сказала:

— А он?

— Отец мой! О, да! Да! Мой отец! О, я его люблю!

Все трое соединились в одном объятии. На несколько минут было все забыто. Счастье неожиданного соединения наполняло их сердца.

Первый Монбар сдержал свое волнение и возвратил хладнокровие.

— Теперь...— сказал он.

— О, ни слова более об этом, отец мой! — с жаром вскричал молодой человек.— Я нашел обожаемую мать, отца, которого я люблю и уважаю, чего более могу я желать? Что еще могу я узнать? Ничего. А герцог Пеннафлор, палач моего отца, тиран моей матери, развратитель моей юности, чудовище, которого я не хочу знать! Он мне не родной.

— Хорошо, сын мой! — радостно вскричал Монбар.

— Сын мой,— сказала донна Клара, положив обе руки на его плечи и смотря на него с мольбою,— это чудовище — мой отец! Если Господь иногда позволяет отцам проклинать своих детей, он приказывает детям благословлять отцов.

— Матушка,— ответил молодой человек прерывающимся голосом, между тем как Монбар устремил на него взгляд со странным выражением.— Господь отвергает чудовище человечества. Вы ангел прощения, а отец мой и я...

— Молчи! Молчи! — вскрикнула она, закрывая ему рот рукой,— не богохульствуй...

Я повинуюсь вам, матушка. Адмирал,— продолжал он тоном угрозы, всю важность которой тот понял, и поклонившись Монбару,— я ваш, капитан. Мое место в сражении возле вас. Я требую этого места, как принадлежащего мне по праву.

— Вы займете его,— ответил Монбар.

— О! — прошептала с горестью донна Клара. Неумолимы оба!

В эту минуту дверь каюты отворилась и вошел Филипп д'Ожерон.

— Извините, что я вошел так неожиданно, адмирал,— сказал он поклонившись.

— Вы всегда для меня дорогой гость, любезный Филипп,— ответил Монбар.— Чего вы желаете?

— Адмирал, кормилица донны Хуаны в первый раз, как я был в Маракайбо, отдала мне перстень довольно дорогой цены. До сих пор я не решался расстаться с этим перстнем, но, так как через несколько часов у нас будет жаркая битва, в которой я могу быть убит, я подумал, что по этому перстню можно будет узнать родителей несчастной молодой девушки, я был обязан отдать его вам, чтобы присоединить к бумагам донна Фернандо д'Авила, относящимся к донне Хуане.

— Где же этот перстень?

— Вот он,— сказал Филипп, снимая его с пальца и подавая Монбару со сдерживаемым вздохом.

— Ваше желание будет исполнено, друг мой,— ответил Монбар, взяв перстень,— и если, сохрани Бог, вы будете убиты в сражении, я даю вам клятву заботиться как отец об участи любимой вами женщины.

— Благодарю вас, адмирал, я ожидал этого от вашей дружбы.

Боясь, что не может более сдерживать своего волнения, молодой человек поспешно поклонился и выбежал из каюты.

— Узнаете вы этот перстень? — спросил Монбар донну Клару.— Единственный подарок, который я сделал вам и который отнял у вас ваш отец во время вашего обморока.

— Как же это? — спросила она с беспокойством.

— Герцог, поручив донну Хуану дону Фернандо, сказал ему, что она дочь ваша и донна Стенио де Бехара.

— О, он лгал! — вскричала она.

— Знаю, но эта ложь казалась ему необходима, чтобы отвлечь подозрения, между тем как ваш единственный сын был воспитан возле него с целью сделать из него убийцу или палача своего отца.

— Ах! — вскричала она с ужасом.

— Это правда,— холодно сказал молодой человек.

— Этот перстень, отданный впоследствии кормилице донны Хуаны, должен был, по мнению герцога, еще затемнить мрак. Понимаете ли вы теперь всю важность этих адских соображений и лжи?

— О, это ужасно! — прошептала она с унынием.— Но эта молодая девушка?

— Я решительно не знаю, кто она. Вероятно, также похищена для гнусных планов мщения против вас и против меня. А теперь вы все еще прощаете вашему отцу?

— Повторяю вам, он мой отец, а Господь в своем неисчерпаемом милосердии сделал из прощения самую сладостную и самую великую добродетель.

Монбар устремил на нее взгляд, запечатленный глубо-

кой нежностью, поцеловал ее в лоб и вышел из каюты, оставив донну Клару одну с сыном.

Разговор матери с сыном продолжался несколько часов, пролетевших для них как молния, только когда солнце исчезло за горизонтом и темнота спустилась на землю, Монбар опять пришел в каюту.

— Вы счастливы? — спросил он донну Клару, улыбаясь.

— Так счастлива, — ответила она, — что опасаюсь будущего.

— Будущее принадлежит Богу.

— Это правда, — сказала донна Клара, опустив голову, потом вдруг приподняв ее и указывая Монбару на сына, она сказала, — поручаю его вам.

— Вооружитесь мужеством. Ручаюсь вам за него, — отвечал он спокойно. — Капитан, — обратился он к молодому человеку, — капитан, велите поднять три зажженных фонаря на фок-мачте, пора сниматься с якоря.

Франкер тотчас вышел исполнить полученное им приказание.

— Вы должны отдохнуть несколько часов, — сказал Монбар, — эти волнения убивают вас.

— Нет, — отвечала донна Клара, указывая на распятие, висевшее на стене, — я буду молиться тому, кто держит нашу участь в своих руках, сжалиться над нами.

Монбар поклонился и вышел, не ответив ничего.

Приказание, отданное адмиралом, было тотчас выполнено. При появлении трех фонарей на фок-мачте корабли все начали поворачивать по предписанному порядку и прошли мимо Маракаибо.

Шли всю ночь. К трем часам утра легли в дрейф на два часа. На восходе солнца заметили испанскую эскадру, расположившуюся на якоре перед Вяхиревым островком, крепость которого, совершенно восстановленная, казалось вооружена очень грозно.

Вице-король, корабль которого находился в центре узкого канала, разделяющего сторожевую скалу от Вяхиревого островка, принял грозного неприятеля, дерзость которого казалась ему безумной.

Брандер был впереди флибустьерского флота. Еще король, приняв его за адмиральский корабль, дал ему приблизиться, удивляясь, что с такой многочисленной командой и на таком коротком расстоянии он не начинает битвы. Он предположил, что флибустьеры, по своему обыкно-

вению, хотят идти на абордаж. В этом убеждении он велел приостановить пальбу с намерением разгромить флибустьеров, когда они подойдут борт к борту. Эта ошибка испанцев принесла огромную пользу Монбару. Действительно, нескольких выстрелов, хорошо направленных, было достаточно, чтобы потопить этот корабль.

К несчастью для себя, испанцы узнали свою ошибку только когда брандер подъехал к ним. Все их усилия остановить его или переменить его направление были бесполезны.

Флибустьеры под командой Франкера отцепили брандер от буксирного судна, бросили энтер-дреки в реи корабля вице-короля и, бросившись в лодку, отъехали далеко от места взрыва.

Дело было проведено так искусно, что, когда вице-король хотел оттолкнуть брандер, было уже слишком поздно. Однако он не потерял хладнокровия и немедленно велел матросам с топорами вскочить на брандер, чтоб обрубить его мачты и прорубить отверстие на дне. Но брандер уже загорелся внутри. Первые удары топором проложили путь огню, который вырвался наружу с клубами дыма.

Пожар, раздуваемый северо-восточным ветром, приобрел в несколько минут такую силу, что корабль вице-короля не мог спастись, как ни велики были усилия матросов избавиться от пожара, гибель была полная. Менее чем в полчаса корабль пошел ко дну. Большая часть команды погибла в волнах; только несколько человек, в числе которых находился вице-король, добрались, полумертвые от испуга, до Вяхиревого отстровка.

Флибустьеры завязали отчаянную битву.

XXVI

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Между тем Монбар внимательно следил за событиями. Он воспользовался тотчас смятением возбужденных этим пагубным событием испанцев и направил своих смелых товарищей атаковать второй корабль, который был взят аборда-

жем в ту самую минуту, когда корабль вице-короля погрузился в волны.

Граммон уцепился за третий корабль и поддерживал ожесточенную битву с испанцами, доведенными до отчаяния.

Борьба была серьезная. Отражаемые несколько раз флибустьеры возвращались с большим бешенством. Испанцы готовы были восторжествовать, когда капитан Граммон упал с разрубленной топором головой. Флибустьеры, испуганные смертью своего начальника, стали колебаться. Испанцы удвоили усилия; битва возобновилась.

Но весь флибустьерский флот шел на испанскую эскадру, каждый корабль бросал энтер-дреки и вступал с неприятелем в битву грудь с грудью.

Битва была сильная, ожесточенная, беспощадная и с той и с другой стороны. Четыре испанских корабля взорвались, а не сдались. Другие, испуганные неудачей, думая только, как бы избежать угрожавшей им опасности, поспешно перерезали канаты и поплыли к Вяхиревому островку, защищенному окопами, наскоро сделанными из развалин крепости. Высадившись на берег, они потопили суда, чтобы не оставлять их во власти флибустьеров. Великолепная испанская эскадра, такая гордая и грозная, была уничтожена.

Битва продолжалась менее часа. Случившееся казалось чудом. Флибустьеры и сам Монбар не понимали, как в такое короткое время, потеряв не более пяти-шести человек, они спаслись от положения почти отчаянного и одержали такую полную победу. Велика была их радость. Они обнимались, поздравляли друг друга с криками ура и возносили до небес имя Монбара, их спасителя.

Но этого торжества недостаточно было адмиралу. Неприятель ускользнул от него, а он хотел поразить одного его. Он решился тотчас взять приступом окопы Вяхиревого островка.

Флибустьеры бросились с неслыханным бешенством на эти окопы. Они жаждали испанской крови и хотели уничтожить до последнего матроса эту эскадру, которая так сильно напугала их.

Вице-король, предвидя нападение, поспешил принять меры, чтобы серьезно сопротивляться.

Натиск был страшен между флибустьерами и испанцами, но вице-король так разумно расставил солдат на самых опасных пунктах, а те, зная, что им нечего ожидать пощады, сражались так энергично, что, несмотря на свое ожесточение, флибустьерам не удалось переступить за окопы.

Монбар, признав невозможность овладеть позициями, ко-

торые неприятель защищал с энергией отчаяния, вынужден был отступить и вернуться на суда, понеся серьезный урон. Этот приступ стоил ему ста двадцати человек убитыми и ранеными.

Несмотря на прежнюю победу и унижение испанской эскадры, положение флибустьеров не улучшилось: они все находились у прохода, через который должны были выйти в открытое море. Испанцы, укрывшись на Вяхиревом островке, могли безнаказанно, по милости своей многочисленной артиллерии, топить их корабли, по мере того, как они станут входить в канал; следовательно, их спасение заключалось в овладении крепостью, но они уже старались захватить ее безуспешно.

Серьезный урон, испытанный ими при нападении на испанцев, когда те еще не совсем укрепились в своей позиции, привел флибустьеров в уныние, пробудил их опасения и заставил сомневаться в успехе предприятия.

Один Монбар не отчаивался. Несмотря на просьбы своих товарищей, которые уговаривали его вступить в переговоры с вице-королем, даже отдать ему добычу, награбленную в Маракаибо и в Гибралтаре, он остался непоколебим в своем намерении овладеть крепостью и насильно пробиться в открытое море. Он напомнил флибустьерам клятву повиноваться ему во всем и сражаться до самой смерти, насмеялся над их малодушием и отвечал на все их возражения, что если они вверили ему свое спасение, то должны исполнять его распоряжения, не тревожась о последствиях, которые касались его одного.

Тут мы опять уступим место Оливье Оксмелену, этому личному свидетелю, у которого мы заимствовали уже не раз.

Будучи вынужден отказаться от возможности проложить себе путь силой, Монбар решился прибегнуть к хитрости. Вот что он придумал.

На другой день после приступа, на рассвете, он велел привезти в лодках сотню флибустьеров на берег вне выстрелов с крепости, в место, покрытое высокой травой и густым хворостом.

По его приказанию эти флибустьеры, посидев несколько часов в хворосте, вернулись один за одним в свои лодки поиндейски ползком, чтобы их не заметил гарнизон в крепости. Добравшись таким образом до лодок, они там легли, и лодки с виду пустые были отведены гребцами на корабли.

Этот странный маневр повторялся целый день на виду испанцев, чтоб убедить их, что команда со всех кораблей высадилась на берег.

Это действительно так и случилось. Обманутые этим

притворством испанцы, в убеждении, что в следующую ночь флибустьеры непременно атакуют крепость с берега, поставили все свои пушки у этого пункта так, что сторона моря осталась почти без защиты.

На это заблуждение и рассчитывал Монбар. Он воспользовался им со своей обычной легкостью. К десяти часам вечера лодки с вооруженными людьми высадились на берегу Вяхиревого островка, флибустьеры бросились к окопам, в то время как корабли беспрепятственно прошли канал и начали бомбардировать крепость.

Испанцы, поняв наконец хитрость неприятеля, спешили привезти назад свои пушки и воспрепятствовать атаке окопов, но было уже слишком поздно: флибустьеры находились уже среди них с ревом вызова, бешено махая оружием.

Борьба грудь с грудью завязалась между врагами, борьба страшная, где по милости ловкости и телесной силы, превосходившей силу испанцев, победа окончательно должна была остаться на стороне флибустьеров.

Однако испанцы, побуждаемые отчаянием и решившись пожертвовать своей жизнью, сопротивлялись храбро и замечательно стойко, отступали только шаг за шагом и падали только мертвые. Каждый дюйм земли, приобретаемый флибустьерами, стоил им потоков крови. Ожесточение было одинаково с обеих сторон. Каждый понимал, что надо победить или умереть.

Лунные лучи, освещая битву, делали ее еще ужаснее, позволяя сражающимся наносить верные удары.

Вице-король, несмотря на свои преклонные лета, совершал чудеса храбрости. Он поспевал всюду, поощряя своих солдат и голосом, и примером.

Битва продолжалась около двух часов, горячая, лихорадочная, ожесточенная, и ни та, ни другая сторона не ослабевала. Никто не мог предвидеть конца этой ужасной резни. Вдруг раздался крик: «Вперед!», произнесенный громким голосом Монбара. Знаменитый флибустьер в сопровождении самых храбрых своих товарищей ворвался в самые густые испанские ряды, опрокидывая, уничтожая или разгоняя всех находившихся на его пути.

Флибустьеры удвоили свои усилия. Испанцы почувствовали себя погибшими. Их поддерживало одно отчаяние. Они сражались не затем уже, чтобы победить, но чтобы пасть с оружием в руках, предпочитая смерть стыду и мукам рабства.

Монбар, вне себя от гнева, искал саблей в неприятель-

ских рядах и хриплым голосом звал герцога Пеннафлора, отыскивая в толпе одного его.

Вице-король ответил на крик своего врага. Он с отчаянием бросился к нему навстречу, хотел поразить его, вдруг его схватили сзади, опрокинули и обезоружили. Когда Монбар подбежал к герцогу, он остановился с ревом бешенства и отчаяния: враг его в плену у Франкера и Филиппа д Ожерона.

Молодые люди бросились вместе на вице-короля и схватили его.

— О! — вскричал Монбар тоном невыразимого упрека. — Вы похитили у меня мое мщение! Вы, мои верные друзья!

— Нет, — ответил Филипп, — мы, напротив, обеспечили его.

Франкер потупил голову.

— Этот человек не должен умереть в сражении, — сказал он.

— Это правда, — продолжал Монбар, — это правда, ей-богу! Умереть таким образом, было бы для него честью! благодарю, дети!

Оба переглянулись, между тем как Монбар бросился опять в битву.

Взятие вице-короля, быстро сделавшееся известным, было сигналом поражения испанцев. Их сопротивление было машинально и скоро, немногие, оставшиеся в живых из этих храбрых солдат, были вынуждены сложить оружие.

Через два часа флибустьерский флот окончательно покинул эти уединенные берега, оставив за собой только развалины и трупы.

* * *

В Пор-де-Пэ было празднество. Флибустьерский флот вернулся с торжеством из своей достославной маракаибской экспедиции и привел свои корабли, нагруженные золотом. Береговые братья, не заботясь как всегда о завтрашнем дне, спешили растратить в страшных оргиях богатства, стоившие им столько крови, опасностей и усталости.

Испанские невольники, за исключением вице-короля, были размещены по временным тюрьмам, пока будут проданы жителям и буканьерам. Герцог Пеннафлор и некоторые офицеры, к несчастью оставшиеся в живых после последней битвы, содержались в доме губернатора в ожидании выкупа. Состоялся большой флибустьерский совет под

председательством д Ожерона. В этом совете Монбар получил поздравления губернатора с успехом экспедиции, которой он блистательно руководил. Адмирал холодно принял эти поздравления, только потребовал, чтобы ему был выдан вице-король. Напрасно д Ожерон противился этой просьбе, но, так как Монбар ссылался на права флибустьерства и так как большая часть флибустьеров приняли сторону адмирала, д Ожерон должен был уступить. Он согласился выдать герцога Монбару, но потребовал отсрочки на неделю. В свою очередь Монбар был вынужден принять это условие и удалился с тайным бешенством.

В эту неделю д Ожерон имел несколько секретных разговоров со своим племянником и его другом Франкером. Губернатор дал молодому человеку тайное поручение. Уже шесть дней никто не видел Франкера в Пор-де-Пэ.

И Монбар сделался невидимкой. Он заперся в своем доме, и дверь его была безжалостно заперта для самых близких друзей. Только для двоих было сделано исключение: Тихого Ветерка и Мишеля Бискайца. Исключение то не удивило никого, все знали, что эти два человека самые старые его товарищи и имели к нему неограниченную преданность.

Наконец неделя, которую потребовал д Ожерон, прошла. Утром на восьмой день губернатор послал сказать Монбару, что он готов отдать ему пленника. Флибустьер нахмурил брови, получив это известие. Он подозревал засаду под этой наружной сговорчивостью губернатора. Однако, не обнаруживая волновавших его чувств, он тотчас вышел из дома и отправился к губернатору в сопровождении Тихого Ветерка и Мишеля Бискайца.

Губернатор ждал Монбара в гостиной. Он принял его чрезвычайно вежливо и самым естественным тоном пригласил следовать за ним в комнату пленника.

Монбар рассматривал с минуту чистосердечную и открытую физиономию губернатора.

— Одно слово,— сказал он.

— Если хотите, друг мой,— ответил д Ожерон.

— Вы называете меня вашим другом? — сказал Монбар с некоторой недоверчивостью.

— Конечно, разве вы не друг мой?

— Это правда. Вам известно, что герцог Пеннафлор мой смертельный враг?

— Знаю.

— Вы знаете также, что я намерен ему отомстить?

— Я в этом убежден, но я знаю также, что мщение будет достойно вас.

— Вы будете сами судить. Итак, мы играем в открытую игру.

— Да, в открытую, друг мой. Вы можете взять пленника, если хотите. Вы, кажется, только этого и желаете?

— Только этого. Пойдемте же.

— Пойдемте.

Монбар, все в сопровождении двух флибустьеров, пошел за губернатором.

Пройдя несколько комнат, д Ожерон отпер последнюю дверь, и Монбар вошел в комнату, в которой находился герцог Пеннафлор. Герцог был не один, с ним находилось несколько лиц.

Это были маркиз дон Санчо, его сын, донна Клара, донна Хуана, Франкер, Филипп д Ожерон, а несколько далее мажордом Бирбомоно.

Приметив Монбара, герцог встал, сделал к нему два шага и церемонно поклонился.

— Я ждал вас с нетерпением,— сказал он, не давая ему времени заговорить первому.

— А! — произнес Монбар задыхающимся голосом, бросая сверкающий взор на окружающих его особ.— Благодарю за добросовестность, с какой вы держите ваши обязательства,— обратился он к д Ожерону с выражением горького презрения.

— Подождите,— хладнокровно ответил губернатор.

— Граф,— сказал герцог,— я знаю, что я ваш пленник и готов следовать за вами, но прежде, чем вы исполните мщение, которое, без сомнения замышляете против меня, я прошу вас дать мне несколько минут. Мне более восьмидесяти лет. Жизнь моя не может продолжаться долго,— сказал он с горестной иронией,— я знаю, что час искупления наконец для меня настал.

— Мне нечего слушать вас,— возразил Монбар мрачным голосом,— человек, который всю жизнь преследовал меня без всяких причин в неумолимой ненависти, человек, погрузивший меня в бездну горести, из которой ничто не может меня извлечь, человек, наконец, побежденный мною и находящийся в моей власти, не может быть малодушным и не может поздним раскаянием растрогать мое сердце и склонить его к состраданию.

Лихорадочная краска покрыла лицо герцога. Он печально переглянулся с сыном, но продолжал кротким голосом:

— Не малодушное и позднее раскаяние предписывает мне мое поведение,— сказал он,— моя ненависть к вам теперь, когда вы держите меня в своей власти также сильна, как двадцать пять лет тому назад. Я вас ненавижу и буду ненавидеть до последнего моего вздоха.

— А! Я теперь вас узнаю! — вскричал Монбар.

— Только,— продолжал герцог, не обращая внимания на этот перерыв,— прежде чем отдам себя в ваши руки, я дам вам объяснение при присутствующих.

— Я не знаю,— с достоинством возразил Монбар,— какое право могут иметь они присутствовать при объяснениях, лично касающихся нас.

— Отец мой не так выразился,— сказал тогда маркиз,— и чтобы прекратить сомнение, которое может лежать на моем здесь присутствии, позвольте мне сказать вам, что мое присутствие не имеет ничего неприязненного для вас и что я не только чувствую себя обязанным вам, но и имею глубокое уважение к вашему характеру.

— Но как же вы оправдаете это присутствие?

— Разве я не сын герцога Пеннафлора? Какого другого оправдания требуете вы от меня?

— И я также вам скажу: это мой отец,— сказал донна Клара, с мольбою сложив руки.

— Он заботился о моем детстве,— прошептал Франкер, на которого Монбар бросил вопросительный взгляд.

Флибустьер не отвечал. Брови его нахмурились, голова опустилась на грудь. Присутствующие ждали с беспокойством. В комнате господствовало печальное молчание.

— Итак,— сказал Монбар через минуту,— женщины, дети, друзья, все соединились, чтобы вырвать добычу у льва, чтоб лишить его мщенья, надежда, которая придавала мне столько лет мужество жить и бороться с горестью, раздиравшей мне грудь! О, горе мне, что я не имел мужества разбить себе сердце, когда дал страшную клятву отомстить! Презренный я человек, позволяя расстрогиваться слезами и просьбами!

— Милостивый государь,— надменно сказал герцог,— я не умоляю и не прошу.

— О, молчите! — вскричал Монбар.— Разве вы не видите, что мне вас жаль и что я вам прощаю?

— Прощаете? — сказал герцог.

— Молчите, говорю вам. Я вам прощаю, потому что окружающие вас добры, и я не хочу возложить на них ответственность за вашу гнусность, потому что простил ва-

шей дочери ее слабость, потому что, несмотря на ваши усилия, вам не удалось сделать негодяя из моего сына. Ступайте, вы свободны. Я даже не возьму с вас выкупа. Маркиз, я возвращаю вам вашего отца.

— О, какое оскорбление! — с бешенством вскричал герцог. — Берегитесь, не все еще кончилось между нами. Я могу заставить вас дорого поплатиться за ваше презрение.

Монбар с пренебрежением пожал плечами.

— Теперь вы ничего не можете сделать, слабый старик, — с иронией сказал он, — все ваши темные проделки обнаружены и уничтожены даже относительно этой несчастной молодой девушки, которую вы хотели выдать за ребенка вашей дочери, между тем как она дочь одного из ваших доверенных слуг. Доказательства ее происхождения находятся в моих руках. Вы побеждены, потому что вы остаетесь один, окруженный презрением всех знающих вас. Какую более горестную муку, какое более ужасное наказание могу я наложить на вас, как не оставить вам эту презренную жизнь, за которую вы еще цепляетесь? Потому что я пренебрегаю мстить вашей слабости и вашему бессилию бороться долее против меня.

— О, ты умрешь, негодяй! — вскричал герцог, бросаясь на Монбара с кинжалом в руке.

Монбар вырвал у него кинжал, отбросил его далеко и презрительно оттолкнул герцога.

— Прочь, убийца! — сказал он.

— О, побежден, опять побежден! — вскричал герцог с яростью.

— Да, побежден! — ответил Монбар. — Потому что, несмотря на мои поступки и преступления, Господь защищает меня против твоего гнева!

Но герцог не слышал его, он изгибался в страшных конвульсиях на руках сына и дочери. Странная перемена произошла в его чертах, свирепая бледность покрыла его лицо, холодный пот выступил на висках. Он долго поводил глазами, налитыми кровью, и все его тело судорожно подергивалось.

— Бог! — прошептал он глухим голосом. — Бог! Он призывает бога!.. О, злодей!..

Вдруг герцог выпрямился, вырвался из рук, удерживавших его, посмотрел на своего врага, бесстрашного и холодного, с выражением безумной ярости, сделал к нему шаг, поднял руку, как бы затем, чтобы ударить его в лицо и закричал три раза хриплым голосом:

— Проклят! Проклят! Проклят!..

Но рука его бессильно опустилась, все тело дрогнуло от последних судорог, и он покатился, как дуб, пораженный громом, к ногам Монбара, который не сделал ни малейшего движения, чтобы уклониться от него и ждал его с высоко поднятой головой и с улыбкой на губах.

К герцогу бросились и подняли его. Он умер. Его черты искривленные предсмертным страданием, неподвижные и широко раскрытые глаза сохраняли еще после смерти выражение неумолимой ненависти, которое придало отпечаток необыкновенного безобразия посиневшему лицу этого трупа...

Через два месяца после рассказанных нами событий люгер *Чайка* входил на всех парусах в диэнскую гавань.

На палубе этого люгера восемь человек приветствовали со сладостным волнением берега отчизны. Это были д Ожерон, возвращавшийся во Францию по призыву короля Людовика XIV, Монбар, донна Клара, Филипп, донна Хуана, дон Гусман де Тудела, донна Чигала и Бирбомоно.

Филипп и донна Хуана, обвенчанные шесть недель тому назад, ехали провести медовый месяц в старый замок графов де Брамон, у Монбара и донны Клары, сердца которых, так давно оцепенелые от страданий, начали пробуждаться при виде чистого и безоблачного счастья молодых людей.

Д Ожерон повез дона Гусмана ко двору, представить тому, кого уже начинали называть великим королем.

Может быть, несмотря на планы уединенной жизни и счастья, мы опять найдем когда-нибудь наших действующих лиц между страшными флибустьерами на Черепaxe, ведущих снова неумолимую войну с испанцами, потому что будущее принадлежит Богу, который в своем высоком могуществе располагает по своей воле человеческой судьбой.

СОДЕРЖАНИЕ

Авантюристы 5
Морские цыгане 259
Золотая Кастилия 405

Э 54 Эмар Гюстав. Авантюристы. Морские цыгане. Золотая Кастилия. Романы./Пер. с франц., оформление М. Лисогорского — М.: Диамант — Печатное дело, 1994 г.— 608 с. (илл.) («Библиотека приключений продолжается...»)

ISBN 5-7356-0024-9

В сборник включены три романа Г. Эмара (1818—1883), составляющие эпопею произведений о пиратах Карибского моря.
ББК 84.4Фр.

Гюстав Эмар

**АВАНТЮРИСТЫ
МОРСКИЕ ЦЫГАНЕ
ЗОЛОТАЯ КАСТИЛИЯ**

Литературно-художественное произведение

Редактор Т. Кудина
Худ. редактор Е. Соколов
Тех. редактор Т. Жихарева
Корректор О. Благова

ПКФ «Диамант» (ЛР № 062749 от 18.06.93)

ПКФ «Печатное дело»

119034, Москва, 2-й Обыденский пер., д. 14

Сдано в набор 15.02.94. Подписано в печать 25.10.94. Усл. печ. л. 31,92. Формат 84 × 108/32. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Тираж 38 000 экз. «С»—024. Заказ № 136

Набрано в МФЦ «Юридическая литература»

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати. 198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

Scan Kreyder - 20.09.2015
STERLITAMAK

Библиотека

Приключений

продолжается...

